

ПРОГРЕСС ЖЕНЩИН МИРА В 2019–2020 ГОДАХ

СЕМЬИ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ
МИРЕ

Доклад опубликован в Интернете по адресу: www.progress.unwomen.org

Мнения, выраженные в настоящей публикации, являются мнениями авторов и не обязательно отражают точку зрения Структуры «ООН-женщины», Организации Объединенных Наций или любых аффилированных с ней организаций.

Границы и названия, указанные на картах в этом докладе, а также используемые обозначения не предполагают их официального утверждения или признания Организацией Объединенных Наций.

Список ошибок и упущений, обнаруженных после печати, приведен на нашем веб-сайте.

ISBN: 978-1-63214-156-9

Дизайн: Blossom — Милан

© ООН-женщины 2019
Сделано в США
Все права защищены

ПРОГРЕСС ЖЕНЩИН МИРА В 2019–2020 ГОДАХ

СЕМЬИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Структура Организации Объединенных Наций
по вопросам гендерного равенства и
расширения прав и возможностей женщин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фумзиле Мламбо-Нгкука

**Заместитель Генерального секретаря ООН
и Директор-исполнитель
Структуры «ООН-женщины»**

Фото: Кеа Тейлор

Ни один социальный институт не имеет такого универсального и личного значения для каждого из нас, как семья. Семья – это то место, где нам дарят любовь и заботу, куда мы идем за помощью и поддержкой, особенно в периоды невзгод и конфликтов, это то место, где мы можем растить и воспитывать детей и заботиться о тех, кто в этом нуждается.

Хотя опыт семейной жизни индивидуален, семьи не могут и не должны принимать единую форму. По всему миру существует множество разнообразных семей: в одних двое родителей заботятся о маленьких детях, в других – более расширенных – вместе проживают бабушки, дедушки и другие родственники, в третьих – женщины воспитывают детей в одиночку. Вместе с тем, есть люди или совместно проживающие пары, принявшие решение не иметь детей вообще. Наше общество просто невозможно представить без института семьи во всем его богатстве и многообразии.

В основе настоящего доклада лежит признание исключительной важности семьи для культур и экономик разных стран, которое соотносится с пониманием того, что слишком часто семьи также становятся местом насилия и дискриминации в отношении женщин и девочек. Шокирующие данные о распространенности насилия со стороны интимного партнера говорят о том, что собственный дом для женщины по статистике является одним из самых опасных мест.

Нам удалось добиться существенного прогресса в деле искоренения дискриминации в отношении женщин на законодательном уровне, однако не случайно, что семейное законодательство поддается изменению хуже остальных, ведь оно регулирует такие вопросы, как право женщины выбирать, с кем и когда вступать в брак,

обеспечивает возможность его расторжения при необходимости и определяет доступ женщин к семейным ресурсам.

Семья влияет на судьбу женщин и девочек как положительно, так и негативно, и поэтому государства несут особую ответственность за охрану их прав не только в общественной, но и семейной жизни.

Для решения этой задачи в докладе представлена всеобъемлющая политическая повестка дня, ориентированная на интересы семьи и направленная на обеспечение равенства и справедливости в семейных отношениях. Она охватывает такие вопросы, как предотвращение случаев насилия и реагирование на них, реформирование семейного законодательства, инвестиции в государственные услуги, особенно услуги репродуктивного здоровья, образование и уход, а также социальную защиту. Мы показываем, что государственные меры в указанных областях являются чрезвычайно важными и эффективными и не требуют существенных затрат.

С помощью этого доклада мы призываем государства, гражданское общество и частный сектор признать разнообразие форм семьи и вместе работать над реализацией предложенной политической повестки дня с целью продвижения прав женщин и обеспечения благополучия каждой семьи.

Фумзиле Мламбо-Нгкука

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Рабочая группа «ООН-женщины» по подготовке доклада

Директор по исследованиям: Шахра Разави
Руководитель рабочей группы по подготовке доклада: Лаура Турке

Главный редактор: Тара Патрисия Куксон
Авторы глав: Сомали Сериз (гл. 6), Тара Патрисия Куксон (гл. 7), Элеонор Кофман (гл. 7), Шахра Разави (гл. 1, 4 и 5), Констанза Таббуш (гл. 2), Лаура Турке (гл. 3 и 8)

Статистика: Жинетт Аскона (руководитель), Антра Бхатт, Джессамин Энкарнасьон, Гийем Фортуну Фильо, Сара Костеки, Габриэль Лэйте

Координаторы подготовки доклада: Андуринья Эспиноса-Вазиль, Мика Мансухани

Поддержка в исследованиях: Эрин Мак-Крири, Луи Уильямс

Программная поддержка: Жакелине Кордильо, Талита Маттос, Хосе Ниса

Стажеры: Дженнифер Брэдшо, Людовика Мартелла

Выпуск доклада и информационно-просветительская работа

Координирование выпуска: Клаудия Ицкович
Литературные редактора: Тина Джонсон, Энди Куан

Руководитель по информационно-просветительской работе: Джипси Гиллен Кайзер

Коммуникации и взаимодействие со СМИ: Мане Григорян, Шардэ Йилма, подразделение «ООН-женщины» по коммуникациям и пропагандистской работе

Дизайн: blossoming.it, Центр информационных искусств (Parsons Center for Data Arts)

Дизайн базы данных: Пиюш Нигам
Печать: AGS

Русская версия доклада

Перевод: Ксения Лоскутова

Редактор и координатор: Гульназ Имамниязова
Верстка: ТОО «Даурен-М», Казахстан

Консультативная группа экспертов

Сильвия Чент, Даэн Элсон, Имрана Джалал, Элизабет Джелин, Дениз Кандийоти, Пэй-Чиа Лан, Селестин Ньяму Мусемби, Рода Рэддок, Андрес Скальола, Фарида Шахид, Марва Шарафелдин, Горан Терборн

Истории перемен

Координация: Энни Келли

Авторы: Энни Келли, Мэй-Лин Мак-Намара, Дом Филлипс, Александра Топпинг

Фотографы: Кристофер Хервиг, Рут МакДауэлл, Лиан Милтон, Аманда Войсард, Эд Врэй

Другие соавторы: Лора Алферс, Доркас Анса, Анис Хидая, Ин-Чао Као, Дженнифер Лу, Мириам Нобре, Хибаак Осман, Ханна Саммерс

Высшее руководство Структуры «ООН-женщины»

Фумзиле Мламбо-Нгкука, Директор-исполнитель и заместитель Генерального секретаря ООН
Оса Регнер, заместитель Директора-исполнителя по межправительственной поддержке и стратегическим партнерствам и помощник Генерального секретаря ООН

Подготовка доклада, занявшая несколько лет, велась благодаря совместным усилиям сотрудников Структуры «ООН-женщины», консультантов и стажеров, которые вносили существенный вклад на каждом этапе.

Сотрудники Структуры «ООН-женщины»

Наргис Азизова, Лопэ Банерджи, Кристин Браутигам, Райан Браун, Элли Чен, Ханни Куэва Бетета, Назнин Дамджи, Дина Делигиоргис, Моэз Дораид, Беатрис Дункан, Алия Эль-Яссир, Андреа Эспиноза-Ким, Надин Гасман, Сильвия Хордош, Исиува Ияхен, Венни Касума, Сабин Макл, Каллиоппи Мингейру, Джеральд Мора, Анджу Пандей, Жульен Пелло, Хункаль Пласаола Кастаньо, Папа Сек, Пурна Сен, Анурадха Сет, Дэниел Сеймур, Шиванги Шривастава, Силки Стааб, Майкл Стюарт-Эванс, Тересиа Тайлин, Элисон Васконес, Инкери фон Хасе, Мио Йокота

Система Организации Объединенных Наций

Лаура Аддати (МОТ), Клаудия Каппа (ЮНИСЕФ), Умберто Каттанео (МОТ), Фабиана Дель Пополо (ЭКЛАК), Ингрид Фитцджеральд (ЮНФПА), Сара Хертог (ДЭСВ ООН), Розина Гаммарано (МОТ), Бэла Хоуви (ДЭСВ ООН), Брук Рональд Джонсон — мл. (ВОЗ), Владимира Канторова (ДЭСВ ООН), Стивен Капсос (МОТ), Стивен М. Кисамбира (ДЭСВ ООН), Пабло Латтес (ДЭСВ ООН), Антонелла Франческа Лавеланет (ВОЗ), Кларе Меноцци (ДЭСВ ООН), Коллин Мюррей (ЮНИСЕФ), Ив Перардель (МОТ), Николь Петровски (ЮНИСЕФ), Каролин Шмид (ДЭСВ ООН), Джон Р. Уилмот (ДЭСВ ООН)

Другие учреждения и организации

Далили Антунес (Asociación Civil Por La Igualdad y la Justicia — ACIJ, Аргентина), Фред Арнольд (ICF International), Филлип Айуб (Occidental College), Флавиа Бироли (Университет Бразилиа), Мэри Боулер (Бюро трудовой статистики США), Ребекка Л. Ченверт (Бюро переписи населения США), Хавьер Корралес (Амхерстский колледж), Клара Мария де Оливейра Араужо (Федеральный университет Рио-де-Жанейро), Элизабет Джей Фридман (Университет Сан-Франциско), Анн Мари Гетц (Нью-Йоркский университет), Хульета Искурдиа (Asociación Civil Por La Igualdad y la Justicia – ACIJ, Аргентина), Ксения Кизилова (Международное обследование ценностей), Каника Махаджан (Университет Ашока, Индия), Дануза Маркес (Университет Бразилиа), София Мора Стейнер (Instituto Nacional de Estadística y Censos, Коста-Рика), Илдете Перейра де Мело Эрмес де Араужо (Федеральный университет Флуминенсе, Бразилия), Том Пуллум (ICF International), Алехандра Рамм (Университет Вальпараисо), Адам М. Смит (Бюро переписи населения США), Джуеун Су (Institute for Women's Policy Research), Клаудия Техос Кандиа (Национальный институт статистики Чили), Суй Ян (Академия общественных наук КНР).

Другие рецензенты

Салли Баден, Анна Бушер, Дебби Будлендер, Альберт Эстев, Кармен Диана Дир, Нэнси Фольбр, Джоан Гарсиа, Дениз Кандийоти, Лиз Келли, Шэннон Ковальски, Агнес Мерака, Аванти Мухерджи, Т.В. Сехер, Лорел Уэлдон, Карин Уайдербург, Никола Йейтс. *Также выражаем благодарность за сотрудничество нескольким анонимным рецензентам.*

Другие авторы и внешние исследователи

Эми Армения, Дебора Атобра, Фареда Банда, Никола Баркер, Мира Бирбаум, Дебора Фахи Брайсесон, Дебби Будлендер, Марсела Черрутти, Шраддха Чигатери, Майкл Кичон, Сабин Дамир-Гейлсдорф, Миньон Даффи, Джон Экелаар, Ана Фариас Антоньини, Бина Фернандес, Майкл Флад, Кейтлин Фурайт, Эмма Фулу, Джайати Гош, Джованна Джиоли, Алан Грейг, Манджу Гурунг, Фрэнсис Хэнсфорд, Джеймс Хайнц, Бенджамин Кванса, Марай Лараси, Питер Ллойд-Шерлок, Амина Махарджан, Дэниел Неринг, Ренсе Ньивенхейс, Ито Пенг, Мария Платт, Фрэнсис Радей, Мартина Сабра, Сесилия М.Б. Сарденберг, Магдалена Сепульведа Кармона, Ариане Утомо, Маргарита Веласко Абад, Лиза Веттен, Халлики Вулма, Сюин Ван, Сью Индл

Финансовая поддержка

Структура «ООН-женщины» благодарит фонд Уильяма и Флоры Хьюлетт, Фонд Форда, фонды «Открытое общество», а также правительство Ирландии за щедрую финансовую помощь в подготовке доклада. Кроме того, свой вклад в финансирование внесли все лица, поддерживающие Структуру «ООН-женщины», так как средства на подготовку данного тома «Прогресса женщин мира» были частично привлечены из основного бюджета, в формировании которого они участвуют.

СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ

LIS	Люксембургское исследование доходов
МИРЕХ	Индекс политики интеграции мигрантов
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
ВВП	валовой внутренний продукт
ВДПЧ	Всеобщая декларация прав человека
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВПЛ	внутренне перемещенное лицо
ВРТ	вспомогательные репродуктивные технологии
ДЭСВ ООН	Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций
ИКТ	информационно-коммуникационные технологии
КЛДЖ	Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин
Комитет КЛДЖ	Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин
КСО	комплексное сексуальное образование
КЭСКП	Комитет по экономическим, социальным и культурным правам
ЛГБТИ	лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры и интерсексуалы
МОТ	Международная организация труда
НПО	неправительственная организация
ООН	Организация Объединенных Наций
ООН-женщины	Структура ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин
ОПР	официальная помощь в целях развития
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ЦУР	Цели в области устойчивого развития
ЭКЛАК	Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна
ЮНЕСКО	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЮНИСЕФ	Детский фонд ООН

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	3
СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ	5
КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ	14

ПОЧЕМУ СЕМЬИ? ПОЧЕМУ СЕЙЧАС? 20

1.1 ВВЕДЕНИЕ	22
Краткое содержание главы	23
1.2 ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД: ПАТРИАРХАТ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	23
Разнообразие патриархальных отношений	24
Конвергенция или разнообразие форм семьи	24
Медленное отступление патриархата: неизменность и перемены	25
Жизнеспособность патриархата: сохраняющиеся правовые анклавы	26
Традиции патриархата: настойчивость и возрождение	27
1.3 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ДОКЛАДА	28
Конфликтное взаимодействие в семейной жизни	28
Вопросы прав человека в контексте семьи	31
1.4 МЕНЯЮЩИЕСЯ СЕМЬИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	35
Разнообразие союзов и сохраняющееся неравенство	35
Устранение связи между сексом и биологическим воспроизводством	36
Исчезновение модели «мужчина-кормилец»: новые роли женщин	36
Превращение домашнего труда в товар и его глобализация	37
Изменение взаимоотношений между поколениями: старение и услуги по долгосрочному уходу имеют женское лицо	38
1.5 ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД: МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ, ПОСТРОЕННЫЕ ВОКРУГ ПРАВ ЖЕНЩИН	38

СЕМЬИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ 40

2.1 ВВЕДЕНИЕ	42
Краткое содержание главы	42
2.2 ЧТО МОГУТ РАССКАЗАТЬ О СЕМЬЯХ ДАННЫЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ?	43
Домохозяйства и семьи: взаимосвязанные, но разные понятия	43
Учет социальных норм и гендерных стереотипов при сборе данных	45
Ограничения в области охвата населения	46
2.3 КОГДА И КАК ЖЕНЩИНЫ ВСТУПАЮТ В БРАК И РАССТОРГАЮТ ЕГО?	50
Повсеместное повышение возраста первого вступления женщин в брак	51
Значительное сокращение детских, ранних и принудительных браков	52
Рост численности женщин, отказывающихся от брака	53
Распространенность сожительства в нескольких регионах	54
Рост и распространенность раздельного проживания и разводов по регионам	55

2.4 РОЖДАЕМОСТЬ И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО	56
Снижение рождаемости по всему миру	56
Неравенство среди молодых женщин: подростковое материнство	58
Препятствия на пути контроля рождаемости в странах Африки к югу от Сахары	59
Низкая рождаемость в развитых странах: сложности совмещения работы и семьи	60
2.5 С КЕМ ЖИВУТ ЖЕНЩИНЫ И ДЕВУШКИ?	61
Уменьшение размеров домохозяйств в мире	61
Глобальные различия в структуре домохозяйств	61
Девочки и девушки: в каких домохозяйствах они живут?	62
Взрослые дети, проживающие со своими родителями	63
Домохозяйства с одним родителем: преобладают одинокие матери	63
Половина одиноких матерей проживает с другими родственниками	65
Положение женщины в расширенных домохозяйствах	66
2.6 СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ НА СЕМЬИ	67
Глобальный рост продолжительности жизни: большинство пожилых людей — женщины	67
Все больше пожилых женщин проживают в одиночестве	68
2.7 ВЫВОДЫ	69

ДОБИВАЯСЬ УСПЕХА / ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕН

Простая схема тихой революции на бразильских семейных фермах	71
--	----

СОЗДАНИЕ СЕМЬИ И СВОБОДА ВЫБОРА ЖЕНЩИН 74

3.1 ВВЕДЕНИЕ	76
Краткое содержание главы	76
3.2 ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, СЕМЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СВОБОДА ВЫБОРА ЖЕНЩИН	77
Партнерские отношения в системе правозащитных норм	77
Семейное законодательство: проблемы реформирования	78
3.3 СВОБОДА ВЫБОРА ПРИ СОЗДАНИИ ОТНОШЕНИЙ	81
Факторы, поддерживающие и ограничивающие свободу выбора женщин в условиях меняющейся модели формирования партнерских отношений	81
Ограничение свободы выбора женщин в тех странах, где брак остается повсеместной практикой	82
Государственные меры поддержки свободы выбора женщин при вступлении в партнерские отношения	84
3.4 ПРАВО ГОЛОСА И РАВЕНСТВО В ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	88
Влияние возраста вступления в брак и возрастной разницы между супругами на свободу выбора женщин	89
Имеет ли значение вид партнерских отношений с точки зрения свободы выбора женщин?	89
Свобода выбора в репродуктивных вопросах	91
3.5 СВОБОДА ВЫБОРА ПРИ ВЫХОДЕ ИЗ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ	98
Социальные нормы, законодательство и возможности выйти из отношений	98
Права женщин при получении опеки над детьми	100
3.6 ВЫВОДЫ	101

ДОБИВАЯСЬ УСПЕХА / ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕН

«Ключевая идея — сочувствие»	103
------------------------------------	-----

СОБСТВЕННЫЙ ДОХОД ЖЕНЩИН 106

4.1 ВВЕДЕНИЕ	108
Краткое содержание главы	108
4.2 ЧЕМ ВАЖЕН КОНТРОЛЬ ЖЕНЩИН НАД РЕСУРСАМИ	109
Выгоды с точки зрения прав женщин и экономической безопасности	109
Расширение контроля женщин над ресурсами также приносит пользу детям	110
4.3 ДОСТУП ЖЕНЩИН К СОБСТВЕННОМУ ДОХОДУ: ЕСТЬ ЛИ РОСТ?	110
Уровень участия в рабочей силе: влияние супружества и рождения детей	114
Высокий уровень участия в рабочей силе: противоположные сценарии	116
Уровень доступа женщин к ресурсам: снижение и стагнация	120
4.4 ПРАВО ЖЕНЩИН ВЛАДЕТЬ И РАСПОРЯЖАТЬСЯ АКТИВАМИ И ИМУЩЕСТВОМ .. 122	
Правила (или законы) игры: семейные активы и режим наследования	123
Гендерный разрыв в доступе к активам	124
Гендерное неравенство в доступе к финансовым активам	125
4.5 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА И ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ	126
Экономические последствия вдовства	127
Семьи матерей-одиночек и риск нищеты	129
4.6 ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕРЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПОДДЕРЖКУ ПРАВ ЖЕНЩИН И ИХ СЕМЕЙ	131
Социальные выплаты для повышения уровня финансовой безопасности женщин	131
Пособие на ребенка для семей матерей-одиночек	133
4.7 ВЫВОДЫ	135

ДОБИВАЯСЬ УСПЕХА / ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕН

Работницы рынка в Аккре открыли доступ к услугам по уходу за детьми	137
---	-----

ЗАБОТЛИВЫЕ СЕМЬИ, ЗАБОТЛИВЫЕ ОБЩЕСТВА... 140

5.1 ВВЕДЕНИЕ	142
Краткое содержание главы	142
5.2 ЗАБОТЛИВЫЕ СЕМЬИ? ИСТОРИЯ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ НЕРАВЕНСТВА	143
Сохраняющееся гендерное неравенство в семьях	143
Неравенство среди женщин: осуществление ухода в разных семьях	148
5.3 ЗАБОТА, ДЕМОГРАФИЯ СЕМЬИ И НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ	150
Общее представление о потребностях в уходе	151
Неудовлетворенная потребность в уходе	153
5.4 УХОД ЗА ДЕТЬМИ В РАЗНЫХ СЕМЬЯХ	155
Роль бабушек и дедушек в заботе о детях	155
Как справляются с заботой о детях матери-одиночки?	157
5.5 КОГДА ПОТРЕБНОСТИ ДЕТЕЙ В УХОДЕ ОСТАЮТСЯ НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫМИ ... 158	

5.6 ПОЛИТИКА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ В СЕМЬЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ	160
Оплачиваемый отпуск по семейным обстоятельствам	160
Услуги по уходу за детьми	160
5.7 ДОЛГОСРОЧНЫЙ УХОД ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ: ПРАВО ЖЕНЩИН НА ЗАБОТУ	162
Почему долгосрочный уход важен для женщин	163
Женщины в роли неоплачиваемых работников по уходу за пожилыми людьми	164
5.8 МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОЛГОСРОЧНОГО УХОДА	165
Государственное страхование и субсидирование	165
Создание интегрированных систем долгосрочного ухода	165
5.9 ИНВЕСТИЦИИ В ПРОГРАММЫ УХОДА: ВЫГОДЫ ДЛЯ СЕМЕЙ, ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ	167
5.10 ВЫВОДЫ	169

ДОБИВАЯСЬ УСПЕХА / ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕН

Историческая победа: реформа законодательства, принуждавшего женщин вступать в брак с насильниками	171
--	-----

КОГДА ДОМ ТАМ, ГДЕ БОЛЬ 174

6.1 ВВЕДЕНИЕ	176
Краткое содержание главы	176
6.2 НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК В СЕМЬЕ: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ И СЕРЬЕЗНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	177
Многообразие форм насилия в отношении женщин и девочек в семье	177
Насилие в отношении женщин и девочек в семье — глобальное явление	177
Серьезные последствия насилия	182
6.3 ПОЧЕМУ В СЕМЬЯХ СОХРАНЯЕТСЯ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН?	184
Почему гендерное неравенство является основной причиной насилия в семье	185
Мужской шовинизм: привилегии, контроль и доминирование мужчин	186
Ожидаемое подчинение и сексуальное повиновение женщин	186
Отсутствие у женщин долговременной экономической безопасности и автономии	187
Семья как сфера частной жизни и идеология семейной гармонии	188
6.4 НАСИЛИЯ МОЖНО ИЗБЕЖАТЬ, СДЕЛАВ СЕМЬИ МЕСТОМ РАВЕНСТВА, ДОСТОИНСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ	188
Принятие всеобъемлющих законов и обеспечение доступа к правосудию	190
Скоординированные и межсекторальные службы, уделяющие приоритетное внимание безопасности и расширению прав и возможностей женщин	192
Предотвращение насилия в отношении женщин и девочек в семье: другой мир возможен	194
6.5 ВЫВОДЫ	197

ДОБИВАЯСЬ УСПЕХА / ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕН

Получение защиты для трудящихся-мигрантов Индонезии и их семей	199
--	-----

СЕМЬИ В МИГРАЦИИ 202

7.1 ВВЕДЕНИЕ	204
Краткое содержание главы	204
7.2 СЕМЬИ В МИГРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ДВИЖУЩИЕ ФАКТОРЫ	206
Меняющаяся география и движущие силы миграции	206
Доля женщин среди мигрантов в мире	210
Почему женщины и семьи мигрируют?	210
7.3 РОЛЬ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВИЛ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОВ	211
Регламенты и политика могут расширять или ограничивать доступ женщин-мигрантов к семейной жизни	211
Политика по защите права женщин-мигрантов на жизнь без насилия	219
7.4 ДОСТИЖЕНИЕ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ПРАВА НА УХОД, РЕСУРСОВ И СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ	219
Обеспечение ухода в условиях миграции	219
Денежные переводы и подарки	224
Изменение представлений и социальных норм, касающихся семейной жизни	224
7.5 УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ С ЦЕЛЬЮ ПОДДЕРЖКИ ЖЕНЩИН И СЕМЕЙ	225
7.6 ВЫВОДЫ	227

СКОЛЬКО ЭТО БУДЕТ СТОИТЬ? ФИНАНСИРОВАНИЕ ПАКЕТА МЕР В РАМКАХ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ ГЕНДЕРНОМУ РАВЕНСТВУ И РАСШИРЕНИЮ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН	228
Социальная защита, услуги здравоохранения и ухода: жизненно важные инвестиции для женщин, семей и общества	229
Подход	229
Пакет мер поддержки семьи доступен для большинства стран	231
Мобилизация ресурсов	231

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РАВЕНСТВА ДОМА 234

РЕКОМЕНДАЦИИ	236
1. Принятие семейного законодательства, признающего разнообразие и поощряющего равенство и недискриминацию	236
2. Обеспечение высококачественных и доступных государственных услуг для поддержки семей и гендерного равенства	236
3. Гарантия доступа женщин к адекватному независимому доходу	237
4. Поддержка семей в обеспечении ухода посредством предоставления времени, денег, услуг	237
5. Предотвращение насилия в отношении женщин в семье и меры реагирования	238
6. Реализация миграционной политики и правил, поддерживающих семьи мигрантов и права женщин	239
7. Инвестиции в гендерно-чувствительные статистические данные о семьях и домохозяйствах	239
8. Обеспечение ресурсов для реализации семейной политики	240
ПРЕТВОРЕНИЕ ПЕРЕМЕН В ЖИЗНЬ	240

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ: РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ	243
Приложения 1-8 доступны на http://progress.unwomen.org	

ПРИЛОЖЕНИЕ 8: ГРУППЫ СТРАН В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ	246
СНОСКИ И БИБЛИОГРАФИЯ	248
СПРАВОЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ	248
ДИСКУССИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ	249
СНОСКИ	250
БИБЛИОГРАФИЯ	262
ВСТАВКИ, РИСУНКИ, ТАБЛИЦЫ	
ВСТАВКИ	
Вставка 1.1. Домохозяйство и семья: пересекающиеся, но разные понятия	23
Вставка 1.2. Модели для достижения договоренностей (коллективные) внутри домохозяйств	29
Вставка 1.3. Социальные нормы как структурные ограничения гендерного равенства	30
Вставка 2.1. Меры по определению «формирующихся» типов семьи в статистике	45
Вставка 2.2. Недостатки использования понятия «глава домохозяйства» как категории анализа домохозяйств	45
Вставка 2.3. Пояснение к данным о тенденциях и межстрановой сопоставимости информации о браках и семейному положению	50
Вставка 3.1. Прогресс в области семейного законодательства в Тунисе	79
Вставка 3.2. Брачные выплаты как причина и следствие подчиненного положения женщин в семье	83
Вставка 3.3. Гарантии прав человека в области защиты сексуального и репродуктивного здоровья и прав женщин	91
Вставка 3.4. Увеличение объема услуг в области планирования семьи и здравоохранения в Руанде	94
Вставка 3.5. Доступ к безопасным абортam и планированию семьи в Непале	96
Вставка 3.6. Деньги за рождение ребенка: суррогатное материнство – на стыке между работой и эксплуатацией	97
Вставка 3.7. Оформление разводов в религиозных судах Индонезии	99
Вставка 4.1. Влияние программ денежных трансфертов на участие женщин в процессах принятия решений в семье	118
Вставка 4.2. «Брошенные жены» или женщины, выбравшие автономию	120
Вставка 4.3. Преодоление социальных норм в отношении оплачиваемой работы женщин в Бангладеш	121
Вставка 4.4. Гендерное неравенство в доступе к активам: сбор данных и стимулирование методологических инноваций	124
Вставка 4.5. Вдовство в Восточной Европе и Центральной Азии: масштабные гендерные различия в показателях смертности и заболеваемости	128
Вставка 4.6. Социальная защита как средство для поддержки семей и достижения гендерного равенства в ЮАР	132
Вставка 5.1. Определение неоплачиваемого труда по уходу и работы по дому	143
Вставка 5.2. Сократился ли в странах с высоким уровнем дохода гендерный разрыв в объеме неоплачиваемой работы по дому и уходу?	147
Вставка 5.3. Что такое доля нуждающихся в уходе?	151
Вставка 5.4. Роль расширенных родственных связей в уходе за детьми одиноких матерей в Найроби, Кения.....	157
Вставка 5.5. Жесткий компромисс: когда нет времени на заботу (даже о себе)	159
Вставка 5.6. Предоставление отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком: Чили и Уругвай.....	161
Вставка 5.7. Расширение и повышение качества услуг по уходу за детьми в общественных центрах в Эквадоре	162
Вставка 5.8. Удовлетворение потребности пожилых представителей ЛГБТИ-сообщества в уходе	166

Вставка 6.1. Гендерно-мотивированные убийства женщин: концептуализация и описание широко распространенной проблемы	181
Вставка 6.2. Взаимосвязь насилия в отношении женщин и насилия в отношении детей	183
Вставка 6.3. Международные и региональные обязательства государств по ликвидации насилия в отношении женщин в семье	189
Вставка 6.4. Роль охранных ордеров в обеспечении безопасности женщин	192
Вставка 6.5. Услуги совета женщин народностей Нганьятъяра, Питянтъяра и Янкуньтъяра по оказанию помощи жертвам бытового и семейного насилия	194
Вставка 6.6. Кампания по мобилизации сообщества. Опыт SASA!	195
Вставка 6.7. Движение Nijera Kori в Бангладеш	196
Вставка 7.1. Вопросы миграции, гендерного равенства и семейной жизни в конвенциях ООН по правам человека	204
Вставка 7.2. Перемещение населения: ключевые понятия и определения	207
Вставка 7.3. Разлучение семей в Сирийском конфликте	218
Вставка 7.4. Использование ИКТ для поддержания чувства единения и сплоченности, когда семья вынуждена жить порознь	220
Вставка 7.5. Услуги здравоохранения для семей мигрантов в Таиланде	223

РИСУНКИ

Рисунок 1.1. Доля стран с правовым равенством в отдельных областях права и без него, 2018 год	26
Рисунок 1.2. Женщины отстаивают свои права в семье	32
Рисунок 2.1. Домохозяйства и семьи: взаимосвязанные, но различающиеся	44
Рисунок 2.2. Типы домохозяйств: среднее значение в мире и в регионах	48
Рисунок 2.3. Расчетный средний возраст вступления в первый брак, около 1990–2010 годов	51
Рисунок 2.4. Доля женщин в возрасте 20–24 лет, которые вступили в брак в возрасте до 15 лет и до 18 лет в разбивке по регионам	52
Рисунок 2.5. Доля никогда не состоявших в браке женщин в возрасте 45–49 лет в разбивке по регионам, около 1990–2010 годов	53
Рисунок 2.6. Доля женщин в возрасте 25–29 лет в сожительстве по отношению к общему числу женщин в брачном союзе (некоторые страны Латинской Америки, 1970–2010 годы)	54
Рисунок 2.7. Доля разведенных или проживающих раздельно лиц в возрасте 45–49 лет (в разбивке по полу и региону, по состоянию около 1980–2010 годов)	55
Рисунок 2.8. Суммарный коэффициент рождаемости, число живорождений на одну женщину в возрасте 15–49 лет, с периода 1970–1975 годов по период 2025–2030 годов	57
Рисунок 2.9. Доля женщин в возрасте 20–24 лет, родивших ребенка до 18-летия, в разбивке по регионам и благосостоянию (в квинтилях), данные за последний доступный год	58
Рисунок 2.10. Доля домохозяйств типа «пара с детьми» по отношению к общему числу домохозяйств в разбивке по возрасту детей и региону, данные за последний доступный год	62
Рисунок 2.11. Домохозяйства с одним родителем в разбивке по возрасту и полу родителя, возрасту ребенка и региону, данные за последний доступный год	64
Рисунок 2.12. Матери-одиночки в разбивке по условиям проживания и регионам, данные за последний доступный год	65
Рисунок 2.13. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в разбивке по полу и региону, с периода 1970–1975 годов по период 2015–2020 годов	68
Рисунок 3.1. Свобода выбора женщин в супружеских и партнерских отношениях	86
Рисунок 3.2. Участие в процессах принятия решений в зависимости от возраста вступления в первый брак среди женщин 15–49 лет, в настоящее время состоящих в браке (данные за последний год) ..	89
Рисунок 3.3. Удовлетворение спроса на планирование семьи с помощью современных методов контрацепции, по регионам, среди замужних женщин в возрасте 15–49 лет, 1970–2030 годы ..	93
Рисунок 4.1. Уровень участия в рабочей силе лиц 25–54 лет в разбивке по полу и региону, 1998–2018 годы	111
Рисунок 4.2. Чем важен контроль женщин над ресурсами	112
Рисунок 4.3. Степень участия в рабочей силе лиц в возрасте 25–54 лет в разбивке по полу и семейному положению (в мире, данные за последний доступный год)	114

Рисунок 4.4. Степень участия в рабочей силе лиц в возрасте 25–54 лет в разбивке по полу, семейному положению и региону, данные за последний доступный год	115
Рисунок 4.5. Влияние наличия детей младше 6 лет в домохозяйстве на участие в рабочей силе, в разбивке по полу и уровню дохода, данные за последний доступный год	116
Рисунок 4.6. Доля лиц в возрасте 15 лет и старше, сообщивших о наличии собственного банковского счета (в разбивке по полу и региону, 2011–2017 годы)	126
Рисунок 4.7. Показатели нищеты среди домохозяйств одиноких матерей и домохозяйств с двумя родителями с детьми в возрасте 0–6 лет (отдельные страны, данные за последний доступный год)	130
Рисунок 4.8. Показатели нищеты среди одиноких родителей до и после получения пособий (отдельные страны, данные за последний доступный год)	134
Рисунок 5.1. Поиск баланса в распределении обязанностей по уходу	144
Рисунок 5.2. Соотношение времени, затрачиваемого женщинами и мужчинами на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому (в разбивке по регионам, данные за последний доступный год) ...	146
Рисунок 5.3. Невзвешенное среднее время, расходуемое на неоплачиваемый домашний труд, в разбивке по полу и квинтилю дохода (некоторые страны Латинской Америки, данные за последний доступный год)	148
Рисунок 5.4. Время, расходуемое на неоплачиваемый домашний труд, в разбивке по наличию детей в домохо-зяйстве (некоторые страны, данные за последний доступный год)	149
Рисунок 5.5. Время, расходуемое на неоплачиваемый труд по уходу за детьми и пожилыми людьми (в разбивке по полу, США, 2017 год)	150
Рисунок 5.6. Доля нуждающихся в уходе, дети 0–5 лет (в разбивке по регионам и группе дохода, 2015 год) ...	152
Рисунок 5.7. Доля нуждающихся в уходе, пожилые люди (в разбивке по регионам и группе дохода, 2015 год)..	153
Рисунок 5.8. Доля нуждающихся в уходе, дети 0–5 лет и пожилые люди (2015 год), а также численность и качество персонала по уходу, данные за последний доступный год	154
Рисунок 5.9. Бабушки и дедушки в возрасте 65 лет и старше, помогающие ухаживать за детьми практически еженедельно или чаще в течение 12 месяцев (некоторые страны европы, 2014 год).....	156
Рисунок 5.10. Доля женщин среди населения в возрасте 60 лет и старше (в разбивке по возрастным группам и странам с тем или иным уровнем дохода, 2015 год)	163
Рисунок 5.11. Распределение неоплачиваемого труда по уходу за пожилыми людьми (в разбивке по полу и типу родственных отношений с получающим уход лицом, Республика Корея, 2010 год)	164
Рисунок 6.1. Насилие в отношении женщин и девочек	178
Рисунок 6.2. Доля женщин и девушек в возрасте 15–49 лет, подвергшихся физическому или сексуальному насилию со стороны нынешнего или предыдущего интимного партнера в последние 12 месяцев (по регионам, данные за последний доступный год)	180
Рисунок 6.3. Доля лиц в возрасте 15–49 лет, считающих избиение жены оправданным (в разбивке по полу и причине, данные за последний доступный год)	187
Рисунок 7.1. Страны происхождения и назначения международных мигрантов	208
Рисунок 7.2. Доля женщин мигрантов от общего числа международных мигрантов (в разбивке по регионам, 1990–2017 годы)	212
Рисунок 7.3. Политика интеграции семей: средний балл по странам (2014 год)	214
Рисунок 7.4. Степень благоприятности политики воссоединения семьи в разбивке по странам (2014 год) ...	215
Рисунок 1 Количество стран в разбивке по доле ВВП, которая необходима для устранения разрывов в уровнях доходов, в сферах здравоохранения и ухода, 2015 год	231

ТАБЛИЦЫ

Таблица 3.1. Признание однополых браков и партнерских отношений	80
Таблица 5.1. Спектр услуг в области долгосрочного ухода за пожилыми людьми	165

КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ

Мир быстро меняется. Семьи, а также роль женщин и девочек в них тоже меняются. Сегодня, как и раньше, не существует «стандартной» формы семьи. Законодательство и политика должны меняться и адаптироваться, чтобы поддерживать семьи и удовлетворять потребности всех их членов. В докладе «Прогресс женщин мира» оцениваются масштабы и характер преобразований семейной жизни, а также их последствия для деятельности в области обеспечения равноправия и расширения прав и возможностей женщин.

Опираясь на лучшие доступные данные, собранные со всего мира, этот доклад представляет всеобъемлющую программу действий для ключевых участников, включая сторонников гендерного равенства, национальных правительств и международных организаций с тем, чтобы сделать права человека реальностью для каждой женщины и девочки, независимо от того, в какой семье они живут.

На сегодняшний день можно привести множество признаков того, что женщины в своих семьях все чаще имеют свободу выбора и право голоса. К таковым относятся: увеличение возраста вступления в брак; более широкое социальное и правовое признание разнообразных форм партнерских отношений; снижение рождаемости из-за расширения репродуктивных прав и возможностей женщин; а также увеличение численности экономически независимых женщин. Эти преобразования являются как причинами, так и следствиями крупномасштабных демографических изменений, значительных сдвигов в вопросах доступа женщин и девочек к образованию и занятости, перемен в идеологии и нормах, а также правовых реформ, которые зачастую стимулируются и вдохновляются женской активностью.

В условиях, когда негативная реакция на достигнутые успехи усиливается с каждым днем, необходимо как никогда ранее проявлять этот активизм и вновь решительно заявлять о ценности в области прав человека. С недавних пор согласованные попытки подорвать успехи многолетней работы по обеспечению гендерного равенства со стороны тех, кто отказывает женщинам в праве принимать собственные решения, стали скрывать за риторикой «семейных ценностей». Однако дело не только в том, что сторонники этих взглядов стремятся подорвать права женщин, — проводимая ими политика разрушает условия, способствующие процветанию семей.

Решающая роль семьи в жизни женщин и девушек

Семьи являются ключевыми элементами обществ, без которых сообщества и экономики не могли

бы функционировать. Именно в рамках семьи люди делят ресурсы, такие как жилье и доход, ухаживают за больными и слабыми, воспроизводят, воспитывают и заботятся о следующих поколениях. Семьи могут быть источниками любви и привязанности и иметь первостепенное значение для ощущения идентичности и принадлежности.

В то же время именно в семьях женщины и девочки слишком часто сталкиваются с насилием и дискриминацией. В течение жизни примерно каждая третья женщина сталкивается с физическим или сексуальным насилием со стороны интимного партнера. В некоторых странах девочки лишены права наследовать имущество, а в других — женщины по закону обязаны повиноваться своим мужьям, у них нет права голоса, а их воля нарушена. В основе этого доклада лежит идея признания семьи зоной противоречий для женщин и девочек.

Неравенство, дискриминация и неблагоприятные условия, с которыми женщины и девочки могут столкнуться в семейной жизни и отношениях, не являются ни естественными, ни неизбежными. В связи с этим, первостепенной задачей для политиков, активистов и представителей всех слоев населения является трансформация института семьи в источник равенства и справедливости, место, где женщины и девочки могут иметь свободу выбора и право голоса и находиться в экономической и физической безопасности.

Ускорить достижение целей в области устойчивого развития

Обеспечение того, чтобы семья была местом равенства, свободным от дискриминации, имеет важнейшее значение для достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Например, достижение ЦУР 5 (Гендерное равенство и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек) требует ликвидации насилия и вредных видов практик, обеспечения доступа женщин к экономическим ресурсам, в том числе посредством прав наследования и равенства в семейном праве, а также поощрения разделения обязанностей по уходу и ведению домашнего хозяйства, которые не оплачиваются и непропорционально ложатся на плечи женщин.

Задачи ЦУР 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» требуют обеспечения женщин правом принимать самостоятельные решения относительно своего репродуктивного здоровья и планирования семьи. Задачи ЦУР 4 «Обеспечение

всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» призывают обеспечить девочек возможностью отсрочить замужество и завершить обучение; а ЦУР 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех» - поддерживать семьи и принимать нормы трудового права, позволяющие женщинам и мужчинам совмещать неоплачиваемую работу по дому с оплачиваемым трудом.

Реализация представленной в этом докладе программы действий по поддержке института семьи может обеспечить синергию и ускорить прогресс для нескольких поколений как в области гендерного равенства, так и в области устойчивого развития в целом. Для того чтобы адаптировать и применить эту программу к национальным и местным условиям, политики должны понимать, как гендерное распределение сил поддерживает или ограничивает права женщины в семье, а также признать разнообразие форм семейных отношений и их меняющийся характер.

ЖЕНЩИНЫ ВЕДУТ ПЕРЕГОВОРЫ И РАЗРЕШАЮТ КОНФЛИКТЫ В СЕМЬЯХ

В данном докладе семья рассматривается как институт, где сосуществуют сотрудничество (солидарность и любовь) и конфликты (неравенство и насилие) (см. рисунок 1.2)¹. Доклад опирается на феминистскую экономику, чтобы объяснить, как на неравенство в семье влияет неравное распределение голосов всех членов семьи в ходе переговоров, к примеру, по вопросам распределения ресурсов или неоплачиваемой работы по дому и уходу, и предлагаются решения.

Помимо описываемой важности трудового заработка, позволяющего женщинам отстаивать свои права в семьях, в докладе также подчеркивается ценный вклад систем социальной поддержки (например, общественных групп или женских правозащитных организаций), государственной поддержки (например, систем социальной защиты и юридических служб) и социальных норм². Если рассматривать семью в таком виде, то как женщина и девочка могут жить в ней?

Больше ресурсов в руках (некоторых) женщин

Свидетельством прогресса является значительное расширение доступа женщин к ресурсам за счет трудового заработка, социальной защиты и владения активами. Это привело к ряду изменений в расстановке сил в доме, что обеспечило женщинам большую экономическую безопасность, а их голосу — вес при принятии решений и помогает им защитить семью от экономических трудностей.

Тем не менее даже в развитых странах, где у женщин более стабильный заработок, на долю тех, кто живет с партнером-мужчиной, по-прежнему, как правило, приходится менее половины дохода семьи, а накапливают они еще меньшую долю имущества³. Продолжает существовать проблема «штрафа за материнство» в виде снижения уровня занятости и разрыва в оплате труда между женщинами с

детьми и женщинами без детей⁴. Кроме того, в мире, где богатство и активы во все большей степени концентрируются в руках определенной части населения и контролируются ею, заработок женщин различается от страны к стране и от одной группы женщин к другой⁵. Например, семьи матерей-одиночек, чей доход не защищен наличием второго кормильца, сталкиваются с гораздо более высоким риском нищеты по сравнению с семьями с двумя родителями (см. рисунок 4.7)⁶.

Но работу по дому по-прежнему в основном выполняют женщины

Несмотря на общее улучшение ситуации с расширением экономических возможностей женщин, распределение неоплачиваемой работы по уходу за членами семьи остается крайне неравномерным. По сравнению с мужчинами женщины выполняют в три раза больше неоплачиваемой работы по дому и уходу за членами семьи, причем это неравенство ярко выражено в развивающихся странах, где более ограничен доступ к инфраструктуре и государственным услугам, позволяющим экономить время⁷.

Во многих регионах наблюдается серьезнейший дефицит услуг по уходу, в условиях которого потребность в первую очередь детей и пожилых людей не удовлетворяется специализированными учреждениями. Когда профессиональный уход недоступен или неприемлем по цене, предполагается, что этот пробел будет восполняться женщинами и девочками, что, в свою очередь, или сократит их время на обучение, оплачиваемую работу и отдых, или приведет к игнорированию потребностей в услугах по уходу. Данная тенденция негативно сказывается на доступе женщин к достойному оплачиваемому труду, а также отражается на их психическом и физическом здоровье.

...даже когда женщины мигрируют

Во все более глобализованном мире, в котором распространяется вынужденное перемещение, многие семьи выживают за счет поддержки тех членов семьи, которые находятся за пределами родины. Семьи, сообщества и государства во все большей степени полагаются на способность и готовность женщин мигрировать и зарабатывать, однако мужчины не всегда берут на себя обязанности по уходу за членами семьи. Действительно, миграция выявляет объем неоплачиваемой работы по дому и уходу, выполняемой женщинами: в отсутствие матери, чтобы ухаживать за иждивенцами ей на замену часто приходят бабушки или старшие дочери.

Когда семьи мигрируют вместе, что не всегда возможно, они имеют неравный доступ к социальной защите и государственным услугам. Такие пробелы особенно актуальны для мигрантов с нелегальным статусом и в условиях гуманитарного кризиса.

Насилие в отношении женщин и девочек сохраняется

Самым тяжелым проявлением конфликта в семье является насилие в отношении женщин и девочек. В результате десятилетий активной борьбы феминистов было признано, что насилие в семье является проблемой, которая носит общественный, а не частный характер. В настоящее время существуют законы, планы действий, службы защиты и поддержки, а также растет число мер по предотвращению насилия.

Но несмотря на эти усилия, уровень насилия в отношении женщин и девочек в семье продолжает оставаться поразительно высоким на протяжении всей их жизни во всех регионах мира. Насилие в семье часто приводит к летальному исходу: по имеющимся оценкам, в 2017 году 58% всех женщин, ставших жертвами умышленных убийств, были убиты членом их собственной семьи, что составляет 137 убийств ежедневно⁸.

СЕМЬИ СЕГОДНЯ: МЕНЯЮЩИЕСЯ И РАЗНООБРАЗНЫЕ

В сегодняшнем мире, как и раньше, семьи не имеют единой, стандартной формы. В данном докладе представлены описания разнообразных форм семьи и семейных отношений, существующих в различных регионах, внутри стран и в динамике, подготовленные на основе последних доступных глобальных данных.

Если принять домохозяйство в качестве единицы анализа, то можно сказать, что чуть более трети домохозяйств во всем мире (38%) состоят из пары с детьми любого возраста (см. рисунок 2.2)⁹. Но даже эти домохозяйства далеко не однородны и отличаются, например, по уровню дохода или разнице в возрасте между детьми. Почти две трети всех домохозяйств имеют иные формы, и из них почти треть (27%) — это расширенные домохозяйства, в составе которых могут быть, например, бабушки и дедушки, тети или дяди.

Во многих регионах мира также распространены семьи с одним родителем, 84% которых в глобальном масштабе составляют семьи матерей-одиночек, а также семьи гетеросексуальных или однополых пар без детей¹⁰. В стареющих обществах все чаще встречаются домохозяйства, состоящие из одного человека.

В чем причина различий в составе семьи по регионам и внутри стран? Различия кроются в государственной политике, социальных нормах, демографических сдвигах и структуре занятости — каждый фактор играет свою роль¹¹.

Изменения в отношениях с интимным партнером

За последние три десятилетия существенно изменился подход к выбору интимного партнера и возрасту созданию партнерских отношений. Женщины и мужчины во всех регионах мира все чаще откладывают время вступления в брак¹². Это позволяет женщинам получить образование, укрепить позиции на рынке труда и стать финансово независимыми¹³.

Все большее распространение находит такая форма отношений, как сожительство, а в некоторых регионах женщины и вовсе отказываются от брака. Такое решение может приниматься как по необходимости, так и добровольно, когда «стоимость» создания семьи для некоторых пар оказывается слишком высокой¹⁴. Кроме того, это может свидетельствовать о растущем нежелании женщин вступать в партнерские отношения, где им отведена подчиненная роль.

С 1980-х годов одним из наиболее заметных изменений в институте семьи большинства регионов является рост числа разводов¹⁵. Либерализация юридических норм о расторжении брака в некоторых развитых странах привела к снижению уровня самоубийств среди женщин, сокращению числа зарегистрированных случаев бытового насилия и сокращению случаев убийств женщины супругом¹⁶.

Однако увеличение числа разводов и случаев раздельного проживания в свою очередь может привести к другим формам уязвимости женщины.

Прекращение отношений обычно влечет за собой гораздо более неблагоприятные экономические последствия для женщин, чем для мужчин¹⁷. Кроме того, зачастую женщины теряют доступ к принадлежащим семье активам, ресурсам или даже к опеке над детьми.

Голос и воля женщин в вопросах репродуктивного здоровья

Деторождение — одна из центральных составляющих семейной жизни, которая так же претерпевает серьезные изменения. Тенденция снижения рождаемости, варьируясь от региона к региону, носит общемировой характер.

С одной стороны, этот сдвиг указывает на то, что женщины в большей степени имеют свободу выбора и право голоса при принятии решений относительно того, иметь ли детей, когда и сколько. В практическом плане содержать семью меньшего размера может быть дешевле, а объем выполняемой

женщинами работы по дому и уходу внутри таких семей может быть меньше.

С другой стороны, снижение рождаемости в некоторых регионах может указывать и на то, что женщины и мужчины намеренно ее контролируют, вопреки своим желаниям. Супружеские пары идут на такой шаг из-за финансового положения, затрудняющего содержание и воспитание детей, или потому что в отсутствие качественных услуг по долгосрочному уходу они вынуждены самостоятельно заботиться о пожилых родителях. Кроме того, женщины контролируют рождаемость, потому что мужчины по-прежнему не разделяют с ними неоплачиваемую работу по дому.

Важной основой для выработки политики является понимание гендерной динамики семей и разнообразия форм, которые они принимают в разных регионах с течением времени и даже в течение жизни женщины и мужчины.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ СДЕЛАНО НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ?

Связь между семьями, экономикой и правительством является неразрывной: все они должны развиваться, чтобы общество было стабильным и процветающим. Для эффективной работы рынков и государств нужны семьи, которые трудятся, приобретают товары и услуги, платят налоги и воспитывают полезных членов общества. И все же вклад, который вносят семьи, не безграничен. Отношение к потенциалу семей как к «бездонному колодезю», из которого беспрестанно черпают ресурсы частный и государственный секторы, может иметь тяжелые последствия для семей и их отдельных членов. Особенно трудно семьям содержать себя в условиях жесткой экономии, стагнации заработной платы, конфликтов и стремительного изменения климата; в этих обстоятельствах поддержка со стороны сообществ, рынков и государств становится совершенно необходимой¹⁸.

Приняв на себя обязательства в области прав человека, государства взяли на себя особую ответственность за поддержку семей. Более 70 лет назад во Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) семья была признана основной ячейкой общества, требующей защиты и помощи¹⁹. В международном праве защита семьи неразрывно связана с принципом равенства и недискриминации, особенно в том, что касается брака²⁰. В Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) четко указано, что семейные отношения должны рассматриваться в свете этого принципа (статья 16). Его применение

к семье подразумевает, что никакие законы, политика и практика, касающиеся семьи, не должны дискриминировать отдельных членов семьи или какую-либо ее форму.

КЛДЖ также оспаривает искусственное разделение общественной и частной жизни и дает четкую формулировку, что государства несут такие же обязательства по обеспечению соблюдения прав человека как в «частном» мире брака и семьи, так и в «общественном» мире рынков и политики²¹.

Другие конвенции, упомянутые в настоящем докладе, обеспечивают правовую основу и служат подробным руководством по соблюдению всеобъемлющего набора социальных, экономических и культурных прав, включая гарантии, что все супружеские пары и отдельные лица имеют право «свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и временем их рождения» (Программа действий МКНР)²²; обязательства искоренять насилие в отношении женщин и девочек во всех его проявлениях, в том числе в семьях (общая рекомендация № 35 КЛДЖ)²³; и обязательства защищать права ребенка (Конвенция о правах ребенка)²⁴.

Несмотря на то, что в данном докладе правительства определены как основные участники, ответственные стороны и поборники гендерного равенства и прав женщин, свою роль также могут сыграть и

другие ключевые инициаторы перемен. К таковым относятся женские и феминистские организации, которые исторически были основными двигателями перемен, часто создавая альянсы с профсоюзами,

религиозными организациями и частным сектором для изменения и реализации законов и политики, способствующих гендерному равенству внутри семьи и за ее пределами.

СЕМЬИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Последующие главы дают предметную оценку прав женщин и семейной жизни в современном меняющемся мире. Они включают результаты эмпирических исследований и статистические данные, которые показывают, как демографические, социальные и экономические преобразования влияют на семейную жизнь и что это означает для гендерного равенства, а также содержат анализ политических мер, который может служить руководством к действию для защитников гендерного равенства в правительственных структурах и в гражданском обществе.

Глава 1 «Почему семьи? Почему сейчас?» содержит подробное описание аналитической базы доклада и его основ в области прав человека, а также дает общее представление об изменениях и преемственности. Глава включает исторический экскурс в патриархальные основы семьи и обзор различий в структуре и развитии семей в зависимости от региона. В ней затрагиваются некоторые преобразования, произошедшие в сфере семейной жизни, в том числе распространение разнообразных форм партнерских отношений, разрыв связи между сексуальными отношениями и деторождением, исчезновение модели, в которой мужчина является единственным кормильцем, появление рынка услуг по уходу и его глобализация, а также изменение отношений между поколениями.

Глава 2 «Семьи: преемственность, изменения и разнообразие» описывает эмпирические основы главной идеи доклада, заключающейся в разнообразии форм семьи. В этой главе на базе собранных воедино наилучших доступных глобальных, региональных и национальных данных представлен авторитетный обзор всего, что известно о семьях в современном мире. В ней рассматриваются фактические данные об изменениях, касающихся рождаемости и деторождения, формирования и прекращения партнерских отношений, а также условий проживания женщин. Кроме того, в главе 2 определены ключевые проблемы и рекомендации по усовершенствованию сбора данных о семьях с учетом гендерных факторов.

Основной темой **главы 3 «Создание семьи и свобода выбора женщин»** является право голоса женщины в отношениях с интимным партнером. В этой главе изучаются факторы, которые укрепляют

или ограничивают возможность женщин вступать в партнерские отношения по собственному выбору, если они этого хотят и когда хотят. Кроме того в главе рассматривается как контроль над принятием решений в области деторождения формирует права, свободу выбора и право голоса женщин в партнерских отношениях, а также условия, при которых женщины могут выйти из неудовлетворительных отношений и при желании вступить в отношения с другим партнером. В главе 3 определены ключевые направления для государственных инициатив, нацеленных на обеспечение для женщин возможности иметь более равноправные отношения с гендерной точки зрения, включая реформы семейного законодательства и инвестиции в планирование семьи и среднее образование.

Важность финансовой независимости женщин, будь то за счет заработка, владения имуществом или прав на социальную защиту, рассматривается в **главе 4 «Собственный доход женщин»**. В этой главе изучаются данные, свидетельствующие о прогрессе в области контроля финансовых ресурсов женщинами и о его неравномерности в зависимости от региона и социальной группы; при этом также показано, что отношения внутри семьи по-прежнему часто бывают сопряжены с гендерным неравенством. Женщины, оставшиеся одни в результате решения о раздельном проживании, развода или смерти супруга, в том числе матери-одиночки, сталкиваются с особенно заметной нехваткой как времени, так и денежных средств, а также более подвержены риску бедности по сравнению с семьями, в которых есть два родителя. В главе 4 описаны политические программы, в том числе всеобъемлющая система социальной защиты, помогающие женщинам и мужчинам содержать свои семьи в условиях усиления неравенства и изменчивости в мире, а также преобразований в демографических и семейных структурах.

Роль семьи в обеспечении заботы и ухода за детьми и пожилыми, здоровыми и слабыми, рассматривается в **главе 5 «Заботливые семьи, заботливые общества»**. В различных контекстах основная обязанность по уходу за детьми и взрослыми возлагается на женщин, зачастую как не подлежащий обсуждению аспект роли матери, жены или дочери. В главе 5 изучаются гендерные и другие виды неравенства в области неоплачиваемой работы по уходу, а также влияние социальных норм, социально-экономических и демографических факторов и

государственной политики на подобные явления. В этой главе также дается обобщенное описание потребностей в уходе и того, как семьи в различных условиях пытаются удовлетворить эти потребности. Существует необходимость в расширении государственных инвестиций в услуги, связанные с уходом, сделав их доступными, недорогими и качественными, способными дополнить усилия членов семьи и друзей, а также обеспечить при этом достойные условия труда для работников в сфере ухода.

Вопрос о том, почему в семьях так распространено насилие в отношении женщин, является центральным в **главе 6 «Когда дом там, где боль»**. В этой главе отмечается пугающее многообразие существующих форм насилия в семье, объектами которого становятся женщины и девочки. Основное внимание уделяется теме насилия со стороны интимного партнера, а также выявлению многочисленных причин его распространенности, включая культурное обесценивание женщин; безнаказанность лиц, виновных в насилии над интимным партнером; восприятие иерархии, в которой главенствует мужчина; и доминирование мужчин над женщинами. В главе 6 рассматриваются разнообразные факторы, заставляющие мужчин «прибегать к физическому воздействию», с целью определения широкого спектра государственных инициатив и программных мер, необходимых в первую очередь для предотвращения подобного насилия и смягчения его последствий в случае, если оно происходит.

Влияние миграции на семейную жизнь и права женщин является темой **главы 7 «Семьи в миграции»**. Для женщин выбор в пользу миграции может быть обусловлен различными причинами — бегством от конфликта, насилия или ограничительных социальных норм, либо попыткой обеспечить лучшее будущее для себя и своих детей. Несмотря на то, что миграция может открыть для женщины новые возможности, в главе 7 показано, что семьи мигрантов зачастую вынуждены искать пути решения в рамках запутанной сети государственных программ и норм, которые, как правило, усиливают уже существующее неравенство с точки зрения пола, социально-экономического класса и формы семьи. Подобные нормы могут также отрицательно влиять на возможность женщин отстаивать свои права в семьях, например, если они ставят женщину, проживающую в стране на правах мигранта, в зависимость от супруга, который является резидентом или гражданином, или ограничивают доступ к государственной поддержке в случаях насилия. С целью решения данных проблем в главе 7 выделены ключевые социально-экономические инициативы, которые могут обеспечить защиту прав человека женщин-мигрантов и их семей независимо от их правового статуса.

Политические соображения из разных глав объединены в **главе 8 «Рекомендации по обеспечению равенства дома»**. Существует два взаимодополняющих подхода, за счет которых государства могут поддержать реализацию прав человека в различных семьях: с одной стороны, это принятие норм и законов, направленных на обеспечение гендерного равенства в семейной жизни, с целью установления единых «правил игры» для всех, а с другой стороны, это предоставление доступа к поддержке, ресурсам и услугам, позволяющим семьям жить в благополучии и обеспечивать заботу и уход для всех своих членов. В соответствии с этими двумя основополагающими подходами было выработано восемь рекомендаций:

1. принятие семейного законодательства, признающего разнообразие и поощряющего равенство и недискриминацию;
2. обеспечение высококачественных и доступных государственных услуг для поддержки семей и гендерного равенства;
3. гарантия доступа женщин к адекватному независимому доходу;
4. поддержка семей в обеспечении ухода посредством предоставления времени, денег, услуг;
5. предотвращение насилия в отношении женщин в семье и меры реагирования;
6. реализация миграционной политики и правил, поддерживающих транснациональные семьи и права женщин;
7. инвестиции в гендерно-чувствительные статистические данные о семьях и домохозяйствах;
8. обеспечение ресурсов для реализации семейной политики.

Как указано в рекомендации 8, реализация этой политической повестки дня потребует политической воли и вложения ресурсов. Доклад содержит краткое изложение специально заказанного анализа затрат, результаты которого показали, что осуществление базового набора ориентированных на семью инициатив является целесообразным и финансово доступным. Такие инвестиции принесут существенные выгоды для женщин и девочек, для семей и общества. Они позволят укрепить человеческий потенциал детей, защитить достоинство и права человека инвалидов и пожилых людей и создать достойные возможности трудоустройства в сфере ухода для женщин и мужчин. Особенно важно то, что подобные инвестиции способны обеспечить некоторые из ключевых основ для реализации видения семьи как места равенства и справедливости — места, где женщины и девочки могут иметь свободу выбора и право голоса и чувствовать себя в экономической и физической безопасности.

ПОЧЕМУ СЕМЬИ? ПОЧЕМУ СЕЙЧАС?

1.1 ВВЕДЕНИЕ	22
1.2 ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД: ПАТРИАРХАТ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	23
1.3 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ДОКЛАДА	28
1.4 МЕНЯЮЩИЕСЯ СЕМЬИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	35
1.5 ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД: МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ, ПОСТРОЕННЫЕ ВОКРУГ ПРАВ ЖЕНЩИН	38

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

01

Семья — это основа нашего изменчивого мира. Для существования мирного и процветающего общества крайне важны меры поддержки семей, которые обеспечивают благополучие и возможности для реализации потенциала каждого человека.

02

Инструменты в области прав человека создают прочную основу для реализации прав женщин и девочек в семьях на основе принципов равноправия и отсутствия дискриминации, права на жизнь, свободную от насилия, и наилучшего обеспечения интересов ребенка.

03

Патриархат прочно закреплен в законодательстве и социальных нормах и, несмотря на достигнутый прогресс, по-прежнему существует во многих странах. Например, одним из проявлений патриархата является отсутствие у женщин равных прав наследования или равных прав предоставления гражданства детям.

04

Семья является неоднозначной средой для женщин. С одной стороны, в семьях женщины находят любовь, поддержку и солидарность; с другой - именно в семье женщины чаще всего сталкиваются с насилием и дискриминацией.

05

Для семейных отношений нередки случаи «конфликтного сотрудничества»: несмотря на определенные выгоды от сотрудничества, индивидуальные интересы женщин могут расходиться с интересами их родственников-мужчин, а ограниченные возможности выбора означают, что женщинам приходится отстаивать справедливое распределение ресурсов и зачастую идти на компромиссы в ущерб собственным правам и благополучию.

06

Семьи не изолированы от других институтов и не могут выступать в роли амортизаторов: когда экономика рухнет или сфера государственных услуг перестает работать, женщины берут на себя дополнительную нагрузку по обеспечению благополучия семей. При этом ресурсы женщин не бесконечны и требуют поддержки.

1.1 ВВЕДЕНИЕ

Во всем мире семья является базовой ячейкой общества, имеющей огромное значение как для отдельного человека, так и для экономики в целом. Именно в рамках семьи люди делят такие ресурсы, как жилье и доход, ухаживают за больными и слабыми, воспроизводят, воспитывают и заботятся о следующих поколениях. Не менее важна и эмоциональная составляющая: семья — это источник любви и привязанности, и как у женщин, так и у мужчин она имеет первостепенное значение для чувства собственной идентичности, принадлежности и предназначения. Это не означает, что семьи автоматически становятся источником блага и равноправия. В то же время семьи не являются изолированными структурами, способными поддерживать своих членов без содействия со стороны общества, рынка и государства¹. Социальные и культурные нормы, законодательство, экономические и социальные условия и государственная политика формируют права и обязанности членов семьи по отношению друг к другу, в особенности в отношении тех, кто состоит в браке или в союзе, а также между поколениями.

Исторически, однако, индивидуальные права предоставлялись мужчинам как «главам» семей, обладающим значительной властью и контролирующим труд и жизнь женщин и детей, в то время как обязанности по уходу за членами семьи и обеспечению их благополучия возлагались на женщин². Гендерное равенство требует более справедливого разделения как прав, так и обязанностей. Для его достижения требуется равноправное распоряжение ресурсами (например, доходом, временем и получаемым уходом), равный вес голосов при принятии семейных решений, а также равное признание и уважение³. Вопрос равенства выходит далеко за рамки формального юридического толкования и рассматривает равенство по существу, чтобы обеспечить женщинам возможность пользоваться теми же правами и свободами, которые есть у мужчин⁴. Принципы прав человека — прежде всего, равенство и отсутствие дискриминации — задают вектор для изменения законодательства, мер поддержки семей и социальных норм, чтобы позволить женщинам в полной мере пользоваться своими правами в семьях. При этом речь идет не только о гражданских и политических правах, но и об экономических, социальных и культурных правах⁵. Эти права неразделимы и взаимозависимы: гражданские и политические права не могут быть обеспечены без гарантии экономических, социальных и культурных прав и наоборот. Например, в тех случаях, когда женщины имеют гарантированные и равные права

на семейное имущество или собственный доход, их голос с большей вероятностью будет иметь вес при принятии решений в семье⁶.

Тем не менее возможности семей (даже признающих ценности равноправия) в отсутствие социально-экономической поддержки и благоприятной нормативно-правовой среды не бесконечны. Неразумно и рискованно предполагать, что члены семьи могут бесконечно ухаживать друг за другом, особенно когда большая часть этой ноши по-прежнему ложится на плечи женщин и девочек⁷. Чтобы иметь возможность обеспечивать уход и поддержку для своих членов, семьям необходимы несколько базовых элементов, в числе которых достойные рабочие места и средства к существованию, а также доступные, недорогие и качественные системы социальной защиты и государственных услуг. Если такие элементы отсутствуют, те, кто находится в привилегированном положении, будут передавать свои привилегии своим детям, тогда как остальные, несмотря на все их усилия, будут сталкиваться с серьезными препятствиями. Для формирования общества, где каждый человек сможет реализовать свои права, необходимы коллективные усилия; при этом не последнюю роль играет ответственное отношение к уплате налогов, которые позволяют создавать и финансировать инклюзивную сферу государственных услуг, инфраструктуру и системы социальной защиты. В отсутствие таких систем, выстроенных на базе принципа солидарности, семьи становятся ключевым звеном в цепочке передачи неравенства из поколения в поколение.

Сегодня семьи находятся в эпицентре множества проблем. Они первыми страдают от затяжных конфликтов, гуманитарных кризисов и миграции населения, а регулирующая миграционная политика и политика приема беженцев все чаще ломает семейную жизнь. Такие потрясения усугубляются продолжающейся глобальной рецессией в сочетании с мерами жесткой экономии, лишая средств к существованию и ограничивая социальную поддержку, которую получают семьи, особенно женщины⁸. Женщины и мужчины из многих стран мира, вместе или по отдельности, вынуждены оставлять своих детей дома, переезжая в поисках средств к существованию внутри страны, мигрируя в соседние страны или еще дальше. Во многих случаях низкий заработок подразумевает долгий рабочий день, минимальное время для отдыха и работы по дому, не говоря о досуге и семейной жизни. Такое положение дел сформировало подход к подготовке данного доклада.

Краткое содержание главы

Для того чтобы полнее раскрыть тематику семьи, в начале главы представлено общее описание различных семейных систем, существующих в мире, и перечислены некоторые важные правовые реформы, которые пусть и не полностью искоренили, но все же ослабили патриархальные устои и традиции. В разделе 1.3 изложены концептуальные и нормативные основы доклада. В данном разделе показана неоднозначность семьи с точки зрения прав женщин, поскольку в семьях существует как сотрудничество (солидарность и любовь), так и конфликты (неравенство и насилие).

Помимо этого, в данной главе обозначены ключевые принципы прав человека, которые могут поддержать и ускорить изменения в законодательстве и политике, отвечающие потребностям женщин в разных семьях, с учетом гендерных аспектов. В разделе 1.4 освещаются некоторые наиболее важные правовые, социально-экономические и демографические изменения, влияющие на достижение гендерного равенства, и приводятся ссылки на последующие главы, где указанные вопросы рассматриваются более подробно. Наконец в этой главе изложены ключевые элементы повестки дня по вопросам поддержки института семьи, основанной на гендерном равенстве.

1.2 ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД: ПАТРИАРХАТ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Семья (см. вставку 1.1 с определениями) является институтом, который исторически был оплотом патриархата и воплощал социальную власть мужчин и их господство над женщинами. В более широком определении патриархат означает «проявление и

институционализация доминирования мужчин над женщинами и детьми в семье и распространение доминирования мужчин над женщинами в обществе в целом»⁹. Патриархат был закреплен в законодательстве и социальных нормах во

ВСТАВКА 1.1 ДОМОХОЗЯЙСТВО И СЕМЬЯ: ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ, НО РАЗНЫЕ ПОНЯТИЯ

Термины «семья» и «домохозяйство» нередко используются как синонимы, однако они имеют разное значение. Семья — это универсальный социальный институт, основанный на человеческих потребностях и действиях, связанных с сексуальной жизнью, воспроизводством и повседневным существованием. Члены семьи связаны социальными отношениями родства, супружества и родительства. Семья представляет собой микромир продуктивных и репродуктивных отношений со своей собственной структурой власти, системой распределения ресурсов, а также сильными идеологическими и эмоциональными компонентами. В рамках семьи имеются общие или коллективные задачи и интересы, при этом у ее членов также есть свои собственные дифференцированные интересы, связанные с их положением в продуктивных и репродуктивных отношениях, а также с их местом в системе гендерных отношений¹². Помимо реальных социальных отношений, семья по сути служит «идеологией родства, которая объясняет, кто должен жить вместе, делиться доходом и выполнять определенные общие задачи»¹³.

Домохозяйство — это хозяйственная единица, состоящая из одного или нескольких лиц, которые проживают вместе и совместно используют ресурсы, связанные с повседневной жизнью, включая жилье и питание, а также некоторые виды социальной деятельности. Очень часто люди, проживающие вместе (в одном домохозяйстве), связаны родственными узами и браком, а следовательно, являются частью семьи. Так, по данным переписей населения и обследований домохозяйств из 86 стран и районов, лишь 2% домохозяйств состоят не из членов семьи, что свидетельствует о важности семейных и родственных отношений при определении условий жизни (см. главу 2)¹⁴. При этом члены семьи могут также проживать в разных домохозяйствах, иногда разделенных большими расстояниями, как это происходит в случае транснациональных семей (см. главу 7). Данные переписей населения и обследований домохозяйств и, как следствие, статистические данные, которые приводятся в большинстве исследований и используются для составления политики, в том числе в настоящем докладе, обычно относятся к домохозяйствам, в то время как качественные исследования, включая этнографические, способны лучше отразить семейные отношения, границы которых не совпадают с границами домохозяйств.

многих частях мира в периоды строительства государств и западной колонизации¹⁰. Право мужчин контролировать собственность и общественную деятельность своих жен, а также выступать в качестве законных опекунов своих детей поддерживалось, в частности, Кодексом Наполеона, мусульманскими законами о личном статусе во всем их многообразии, законами Индийского кодекса и англо-американским общим правом. Женщины были обязаны повиноваться своим мужьям, имели возможность развестись лишь в очень редких случаях и во многих традициях имели меньше прав наследования, чем мужчины¹¹.

Патриарх (*pater familias*), как «глава» семьи, пользовался различными привилегиями как юридически, так и на практике: в принятии решений, контроле за деятельностью, трудом и перемещениями жены и детей, а также значительными сексуальными привилегиями, в том числе в некоторых случаях в форме многоженства, а во многих других случаях - в форме двойных стандартов сексуальной жизни¹⁵.

Патриархат, однако, не является ни статичным, ни монолитным. Как утверждают историки-феминисты, важно проследить «различные формы и способы исторического возникновения патриархата, колебания и изменения в его структуре и функциях, а также его адаптацию к давлению и требованиям женщин»¹⁶.

Разнообразие патриархальных отношений

Патриархальные отношения сохраняются во всем мире, и в развитых, и в развивающихся странах, при этом они разнообразны по форме, охвату и степени проявления¹⁷. Исследователи в развивающихся странах, в частности, обратили внимание на некоторые ключевые различия в структурах патриархальной семьи и родства. Они показали, что каждая семейная система имеет различные принципы, лежащие в основе определения родства, наследования, семейных традиций и организации труда. Совокупность таких правил и традиций очерчивает структурные ограничения, в рамках которых женщины разрабатывают стратегию и проявляют волю¹⁸.

Например, территория от Северной Африки до Бангладеш состоит из регионов с существенными различиями в экономике, истории, культуре и религии. Тем не менее в них наблюдаются и некоторые общие характеристики семей: родственные связи являются преимущественно патрилинейными (т.е. родство и наследование определяется по мужской линии), после заключения

брака пара проживает в доме или общине мужа, а домохозяйства основаны на крепких супружеских связях. Культурные правила предписывают мужчинам заниматься экономическим обеспечением семьи в обмен на домашний труд (и послушание) со стороны женщин. Высоко ценится женское целомудрие, что приводит к ограничению участия женщин в общественной жизни¹⁹. Данные устаревшие нормы претерпели значительные изменения под воздействием юридических, социально-экономических и демографических перемен, а также под влиянием феминистов, отстаивающих права женщин, однако полностью они не исчезли и по-прежнему влияют как на культурные идеалы, так и на реальную жизнь, пусть и не повсеместно²⁰.

Несколько иной и менее жесткий набор гендерных отношений характерен для системы родства в Южной Индии и Юго-Восточной Азии. Здесь домохозяйства также построены на основе супружеских связей, однако женщины пользуются большей свободой передвижения. Это находит выражение в более высоком уровне занятости женщин, будь то в сельском хозяйстве, торговле или производственной сфере, а также в большей ответственности за управление финансами семьи. Модели родства, как правило, носят двусторонний характер: женщины имеют некоторые права наследования, обладают более широкими возможностями при выборе места проживания в браке и продолжают общаться с кровными родственниками после вступления в брак²¹.

Этим двум семейным системам часто противопоставляются такие регионы с более слабой сплоченностью брачного союза, как в странах Африки к югу от Сахары, Карибского бассейна и некоторых частях Южной Америки²². Системы родства в странах Африки к югу от Сахары, в частности, несмотря на значительные различия внутри региона, предоставляют женщинам достаточно высокую степень автономии: как правило, женщины несут ответственность за содержание себя и своих детей при поддержке со стороны мужа, однако степень такой помощи может существенно различаться; они имеют ограниченный доступ к собственным земельным участкам и такую же возможность их контролировать; а там, где распространены полигамные союзы, особенно в Западной Африке, женщины и мужчины часто имеют свои собственные бюджеты домохозяйств²³.

Конвергенция или разнообразие форм семьи

В социологических исследованиях, посвященных семье, также особое внимание уделяется теме их разнообразия. Американский социолог Уильям

Дж. Гуд, изучавший семейные модели в основных регионах мира в 1950-х годах, предсказал, что с индустриализацией семейные модели изменятся, родственные связи ослабнут и произойдет сближение с моделью «западной нуклеарной семьи» (т.е. супружеской пары с детьми). Несмотря на то, что работа Уильяма Гуда не утратила своей значимости, его гипотеза конвергенции, безусловно, оказалась неверной²⁴. Западная нуклеарная семья в стиле 1950-х годов в настоящее время широко признана недолговечной, даже в Европе и Северной Америке²⁵. Уже вскоре данная конкретная модель семьи «начала рушиться»: уровень разводов в 1960-е и 1970-е годы быстро увеличивался, рождаемость резко снизилась, доля детей, рожденных вне брака, выросла, а замужние женщины с детьми стали массово пополнять трудовые ресурсы²⁶. Во всем Западном мире «в середине века брак занимал более доминирующее положение в сфере семейных отношений, чем до или после этого периода»²⁷.

Модели семьи в других регионах мира также не приблизились к единообразию. Как отмечено в главе 2, спустя полвека домохозяйства, состоящие из пары с детьми любого возраста, составляют чуть более трети (38%) всех домохозяйств в мире. Это значительная доля, однако, процент ее распространенности опровергает предположение о том, что форма семьи с двумя родителями и детьми является нормой повсеместно²⁸.

Спустя немногим более трех десятилетий после глобального исследования Гуда, Йоран Терборн в своем не менее энциклопедическом исследовании моделей семьи по всему миру пришел к выводу, что существует мало свидетельств глобальной конвергенции: «Все основные семейные системы мира изменились за последнее столетие, но все они по-прежнему существуют»²⁹.

Медленное отступление патриархата: неизменность и перемены

Несмотря на то, что перехода к единой форме семьи не произошло, семейные системы все же претерпели значительные изменения. На протяжении XX века многие страны пересмотрели свое семейное законодательство, чтобы искоренить дискриминацию в отношении женщин. Правовые реформы иногда продвигались войнами, революциями и антиколониальными движениями, как, например, в Китае, где победа коммунизма «означала полномасштабную атаку на самый древний и вычурный патриархат мира»³⁰. Во многих других регионах деятельность женских правозащитных движений, которые создали альянсы с другими общественными движениями, а также

консолидация международных норм в области прав человека и ликвидация дискриминации в отношении женщин, вынудили ускорить разработку политики по таким вопросам, как гендерное насилие, участие в процессах принятия решений и равенство на рабочем месте³¹.

В то время, когда договорные браки по-прежнему доминировали в значительной части Азии и Африки и преобладали в Восточной Европе, а межрасовые браки были еще запрещены в большей части штатов США, слова Всеобщей декларации прав человека 1948 года прозвучали поистине революционно: «Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать свою семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения... Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон»³². В числе первых международных конвенций о правах женщин, разработанных Комиссией по положению женщин, были Конвенция о гражданстве замужней женщины 1957 года и Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 года. Излишне говорить, что в те времена ни сожительство, ни однополые отношения не подпадали под действие международных конвенций.

На глобальном уровне достижения женских правозащитных движений, закрепленные в исторической Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и других соглашениях, продемонстрировали, что права человека одинаково важны как в «частной» сфере семьи и брака, так и в «публичном» пространстве рынков и политики. При этом КЛДЖ оспаривала искусственное отделение «общественной» сферы от «частной»³³. В свою очередь, Конвенция побудила местные коалиции мобилизовать усилия, направленные на реформу дискриминационных законов о семье и положений в гражданском и уголовном кодексах для признания причиненного женщинам вреда, вне зависимости от личности преступника. Несмотря на имевшие место сомнения и важные правовые и социальные реформы, понимание «изолированности» этих сфер сохраняется и по сей день, ограничивая квалификацию изнасилования в качестве преступления и видов труда, признанных экономически ценными³⁴.

В последнее время все чаще стала оспариваться гетеронормативная (гетеросексуальная как «нормальная» или предпочтительная) основа

семьи, поскольку все большее число людей, особенно молодых, демонстрирует свое согласие на однополое партнерство и браки в ряде стран Европы и Северной Америки, некоторых частях Латинской Америки, Карибского бассейна и Азии. Десятилетия исследований в области социальных наук также показали, что сексуальная ориентация не является важным фактором для качественного воспитания детей, что в некоторых странах проложило путь к возможности совместного усыновления однополыми парами³⁵. Эти правовые, нормативные и социальные перемены являются полезным напоминанием о том, что меняются не только формы и определения семьи, но и представления о браке и сексуальной жизни, что уже давно служит логическим обоснованием указанным переменам. Эти идеи и определения по-прежнему вызывают споры и противоречия.

Жизнеспособность патриархата: сохраняющиеся правовые анклавы

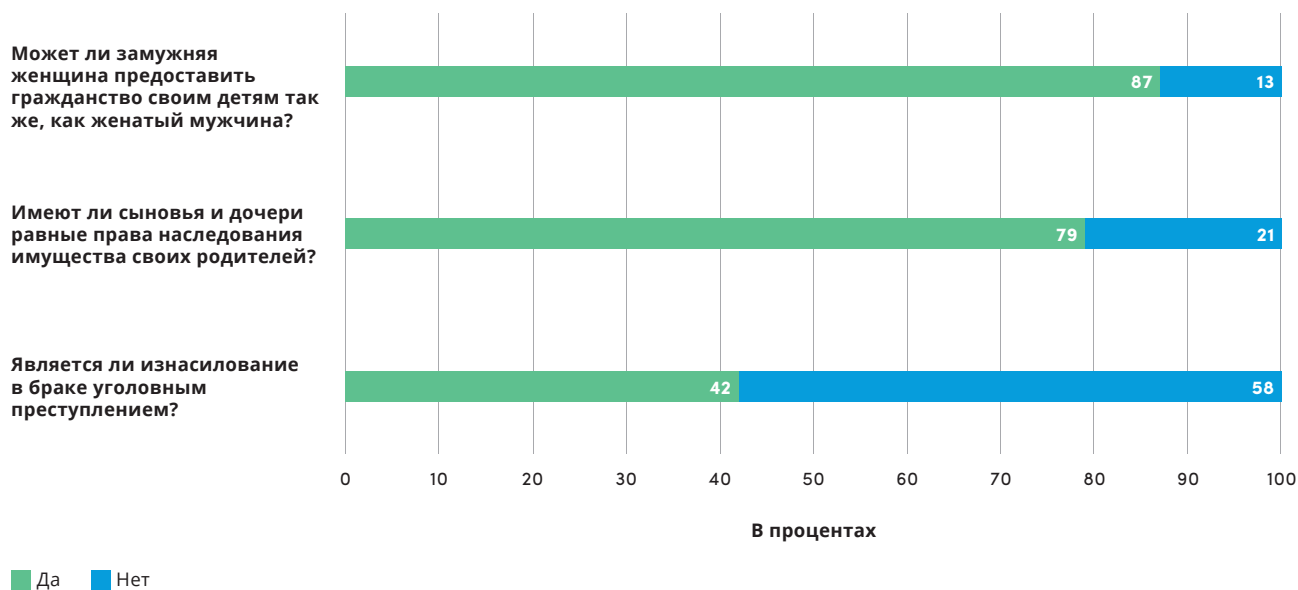
Патриархат, или власть отца/мужа, возможно и стал «самым большим неудачником XX века»³⁶, однако юридическое равноправие между женщинами и мужчинами еще нигде не достигнуто. Это можно четко увидеть, если взглянуть на три важнейшие области права, которые влияют на права женщин: равенство между дочерьми и сыновьями в наследовании семейной собственности, равенство

между женщинами и мужчинами при передаче их гражданства детям и криминализация изнасилования в браке (см. рисунок 1.1). Несмотря на важные изменения, произошедшие в прошлом веке, семейное законодательство последних десяти лет (2009–2017 гг.) в 189 странах по-прежнему представляет собой область, требующую совершенствования и доработки, со все еще наличествующими многочисленными правовыми анклавами патриархата³⁷.

Что касается гендерного равенства в наследовании семейной собственности, которого уже давно добиваются женские движения во многих частях мира, отношения к дочерям и сыновьям по-прежнему неодинаковы более чем в 20% стран, по которым имеются данные. Это особенно часто наблюдается в регионах Северной Африки и Западной Азии, странах Африки к югу от Сахары, а также Центральной и Южной Азии³⁸. С учетом все еще высокой значимости сельского хозяйства во многих регионах мира дискриминационные законы о наследовании ограничивают права женщин на землю и становятся препятствием на пути к благополучию и автономии. Данный вопрос более подробно рассматривается в главе 4.

Вторым примером правового неравенства, показанным на рисунке 1.1, является неспособность

РИСУНОК 1.1 ДОЛЯ СТРАН С ПРАВОВЫМ РАВЕНСТВОМ В ОТДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ ПРАВА И БЕЗ НЕГО, 2018 ГОД

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием данных из World Bank, 2018e.

Примечания: Подгруппа из 185 стран и территорий вместо полной выборки из 189 используется из-за пробелов в данных о равных правах в отношении прав наследования. Данные актуальны по состоянию на 1 июня 2017 года.

женщины передать свое гражданство детям. К 2018 году в 13% стран, по которым имеются данные, замужние женщины не могли передавать свое гражданство детям таким же образом, как женатые мужчины; правовое неравенство особенно укоренилось в регионе Северной Африки и Западной Азии, где более чем в половине стран (54%) не соблюдались стандарты равноправия³⁹. Данное нарушение гендерного равноправия негативно сказывается на благополучии, поскольку в большинстве стран возможность трудоустройства, а также права на получение государственных услуг и социальной защиты обусловлены наличием гражданства. Кроме того, гражданство приобретает особую важность в свете растущей миграции женщин и мужчин, которые создают семьи не в странах своего происхождения.

Во многих обществах существуют глубоко укоренившиеся социальные нормы в отношении сексуальных прав мужчин и предполагаемого согласия женщин на любую сексуальную активность в браке. Несмотря на протесты феминистов в XIX веке, в западной юриспруденции мужчины имели законное право на секс в браке вплоть до 1970-х годов⁴⁰. Как показано на рисунке 1.1, к 2018 году только в 42% стран (77 из 185) имеется законодательство, в явной форме криминализирующее изнасилование в браке. Из оставшихся 108 стран, в 74 предусмотрены положения, позволяющие женщинам подавать уголовные иски об изнасиловании против своих мужей. Таким образом, остается 34 страны (из 185), где изнасилование в браке не признается уголовным преступлением и женщины не могут подать уголовный иск в случае изнасилования мужем. Кроме того, в 12 странах (из 185) по-прежнему сохраняются положения, освобождающие лиц, виновных в изнасиловании, от судебного преследования, если они впоследствии вступают в брак с жертвой. Такая практика представляется крайне дискриминационной и противоречит стандартам в области прав человека. В нескольких странах, в частности в Иордании, Ливане, Государстве Палестина и Тунисе, недавно прошедшие кампании по информированию общественности и пропагандистские усилия женских правозащитных организаций привели к успешной отмене таких законов (см. историю перемен «Историческая победа: реформирование законодательства, вынуждавшего женщин вступать в брак со своими насильниками»).

Традиции патриархата: настойчивость и возрождение

Однако патриархат не является сугубо правовой областью: традиции патриархата поддерживаются повседневным укладом жизни и жизненными реалиями. Даже когда женщины юридически обладают равными правами, на практике их права

могут нарушаться. Если подобное нарушение прав происходит систематически, это свидетельствует о неравном соотношении сил, наличии структурных препятствий и дискриминационных социальных норм. В докладе «Прогресс женщин мира в 2015–2016 годах» основное внимание уделяется концепции фактического равноправия (разработанной Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (Комитет КЛДЖ)), с целью привлечь внимание к более глубокому пониманию гендерного равенства, которое выходит за рамки формального равенства и касается результатов и фактического осуществления прав⁴¹. Даже при наличии законодательно закрепленного равенства женщины и девочки могут столкнуться с дискриминацией и причинением вреда в рамках интимных семейных отношений, которые могут лишить их достоинства, ресурсов и голоса и поставить их жизнь под угрозу.

Эта темная сторона семейной жизни проявляется в распространенности насилия со стороны интимного партнера; данный вопрос рассматривается в главе 6. При том что различия в определениях и методологии затрудняют сравнение данных, касающихся распространенности по странам, имеется достаточно показателей, которые демонстрируют, что насилие в отношении женщин является серьезной проблемой, которая наблюдается повсеместно. Например, 17,8% женщин в возрасте 15–49 лет во всем мире подвергались физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера за последние 12 месяцев⁴². Самое свежее опубликованное глобальное исследование по убийствам показывает, среди жертв убийств в семье/со стороны интимного партнера многократно преобладают женщины, хотя в целом среди жертв убийств женщин намного меньше, чем мужчин: в 2017 году на долю женщин пришлось 82% от общего числа жертв убийств со стороны интимного партнера и 64% всех жертв убийств со стороны интимного партнера/семьи⁴³.

В некоторых частях мира женщины и девочки сталкиваются с дополнительными рисками. В обширных районах Азии, особенно на северо-западе Южной Азии, девочки уже давно сталкиваются с дискриминацией при распределении пищи внутри домохозяйства и при обращении за медицинской помощью, что ставит под угрозу их благополучие и даже их жизнь. В условиях снижения показателей рождаемости (см. главу 2) наличие амниоцентеза и УЗИ позволяет родителям в некоторых странах объединить свое стремление к меньшим семьям с сохраняющимся предпочтением рождения сыновей за счет селективных абортов⁴⁵. К 2017 году странами с аномально высоким количеством мужчин на каждые 100 женщин (более 105 мужчин на

100 женщин) в Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, помимо Китая и Индии, были Афганистан, Бруней-Даруссалам, Бутан, Малайзия, Мальдивские Острова и Пакистан⁴⁶.

Тем не менее переходы к меньшим семьям в обществах, известных предпочтением к рождению сыновей, не сопровождались повсеместным увеличением количества мужчин на каждые 100 женщин при рождении. Например, начиная с середины 1990-х годов в Бангладеш и в Республике Корея предпочтения к рождению сына, вероятно, ослабли, так как высокие показатели рождаемости мальчиков снизились вместе с общим снижением рождаемости⁴⁷. Это стало заслугой как экономических изменений, так и государственной политики по активному привлечению женщин к общественной жизни, которые повлекли за собой изменение социальных норм и привели к «переоценке ценности дочерей»⁴⁸.

В странах, где достигнут значительный прогресс в области правового равенства и где также наблюдается явное сближение гендерных ролей, жизнь женщин изменилась существенно, чем жизнь мужчин. Другими словами, сближение было односторонним. В развитых странах большинство изменений, которые характеризуются как революционные, касаются перехода женщин на должности и виды деятельности, которые ранее были доступны только мужчинам, при этом в противоположном направлении наблюдаются лишь незначительные изменения. Поскольку выполняемая женщинами работа по-прежнему не ценится, у женщин имеются сильные стимулы для того, чтобы занимать мужские позиции, а у

мужчин — мало стимулов для того, чтобы занимать женские⁴⁹. Данная асимметрия также проявляется в разделении неоплачиваемого труда по уходу за членами семьи и сохраняется почти во всех развитых странах (см. главу 5)⁵⁰.

Сегодня наряду с исторически медленным отходом от патриархата происходит возрождение патриархальных настроений. За ним стоит целый ряд сил, в том числе обладающих огромной политической властью, которые прилагают согласованные усилия, чтобы отбросить назад достижения многолетней работы по обеспечению гендерного равенства. Те, кто отказывает женщинам в праве принимать собственные решения, иногда начинают говорить о «семейных ценностях», одновременно принимая меры, разрушающие те самые условия, которые обеспечивают функционирование семей и процветание их членов. Понятие «семья» слишком часто используется для обращения к назидательной риторике, порицающей маргинализированные социальные группы, вместо продвижения мер поддержки семей⁵¹.

В данном контексте решающее значение имеют универсальные нормы и принципы в области прав человека, а также обязательства в области прав человека, добровольно взятые на себя государствами. Они создают прочную основу для законодательства, политики и социальных норм, которые обеспечивают равноправие, отсутствие дискриминации и уважение достоинства человеческой личности, в том числе в сфере семьи, и служат оплотом против наблюдаемого сегодня отката к патриархии.

1.3 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ДОКЛАДА

Каким образом динамика внутрисемейных отношений мешает женщинам пользоваться своими правами? Феминистские социологи описывают семьи как «симбиоз любви и господства», «одновременно поддерживающие и угнетающие», «арена борьбы полов и поколений» и «очаг заботы и конфликтов»⁵². Экономисты все чаще отказываются от основных экономических моделей (также называемых унитарными), в которых говорилось, что семья является сплоченной единицей, в рамках которой ресурсы объединяются и справедливо распределяются «альтруистичным главой семьи»⁵³. За последнее десятилетие был разработан целый ряд переговорных и коллективных моделей, в которых

внимание уделено неравенству и конфликтам внутри семьи. В данном разделе приведены полезные наработки данных моделей, а также их ограничения; затем рассматривается роль принципов прав человека в вопросе содействия и ускорения изменений законодательства и политики по поддержке семьи.

Конфликтное взаимодействие в семейной жизни

По мере того как в 1980-е годы накапливалось все больше эмпирических данных для документирования гендерного неравенства в семьях — в плане распределения продуктов питания,

ВСТАВКА 1.2 МОДЕЛИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ (КОЛЛЕКТИВНЫЕ) ВНУТРИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Подходы к ведению переговоров в контексте экономики описывают взаимодействие внутри домохозяйства как сочетание элементов сотрудничества и конфликта. Члены домохозяйств сотрудничают друг с другом из-за того, что совместные решения более выгодны для каждого из них, или из-за отсутствия реальной альтернативы. Тем не менее с точки зрения того, кто что делает, кто какие товары и услуги получает и как относятся к каждому члену домохозяйства, результаты сотрудничества могут существенно различаться. Некоторые результаты более благоприятны для одной стороны, чем для другой (что хорошо для одного, плохо для другого) — это и становится основой конфликта между взаимодействующими сторонами. То, какой исход возьмет верх, зависит от относительной способности отстаивать свои права у разных членов домохозяйства. В свою очередь, эта способность у каждого человека определяется рядом факторов, в частности весомостью ее/его «резервной позиции» (его положения в случае неудачной попытки отстоять свои интересы). Следовательно, была выдвинута гипотеза, что укрепление резервной позиции человека (например, наличие независимого источника дохода), позволит упрочить его позицию в процессе переговоров. Другими словами, чем выше способность человека выжить вне семьи, тем сильнее его возможности отстаивать свои права⁵⁵.

Исследование по моделированию домохозяйств также дает представление о мерах поддержки семьи. Например, если целью конкретного перевода средств является улучшение благосостояния женщин или детей, унитарная модель прогнозирует, что эффект не зависит от того, кто является получателем. Однако при использовании модели ведения переговоров влияние перевода на благосостояние может быть весьма различным в зависимости от того, кто его получает. Таким образом, модель переговоров оказала влияние на различную политику и меры, направленные на содействие гендерному равенству, в результате чего они были ориентированы на женщин.

Однако более поздние работы экономистов-феминистов, особенно в контексте земельных вопросов, указывают на то, что, хотя модели ведения переговоров лучше моделей, которые не учитывают гендерные аспекты и предполагают, что выгоды от политики и мер поддержки будут поровну распределены в семье, их разработку считают бессмысленной и принижающей общие выгоды. Ориентированность на женщин также может привести к противодействию и негативной реакции со стороны мужчин. В то же время признание того, что домохозяйства имеют общие интересы, и разработка мер по укреплению сотрудничества и совместных действий членов домохозяйств могут открыть новые возможности для политики и мер поддержки⁵⁶.

доступа к медицинской помощи, продолжительности рабочего дня и досуга, доступа к доходам и права голоса при принятии решений — унитарная модель отчасти утратила свою объяснительную силу. Семьи, как в свою очередь утверждали экономисты-феминисты, являются неоднозначной средой с точки зрения благополучия для женщин: в них, конечно, есть сотрудничество и обмен ресурсами, но в них также существуют конфликты и неравенство⁵⁴. Было отмечено, что предположения о добровольном отказе женщин от досуга или еды звучали бы более убедительно, если бы женщины могли требовать своей справедливой доли.

Сопоставление нехватки экономической независимости у женщин и обусловленного ею неравномерного распределения ресурсов домохозяйств придало убедительности альтернативным подходам, известным как модели переговоров или коллективные модели (см. вставку 1.2), что выгодно отличает их от унитарной⁵⁷.

Нобелевский лауреат Амартия Сен ввел термин «конфликты в рамках сотрудничества», чтобы отразить особенности гендерного конфликта в семье. «Конфликт интересов между мужчинами и женщинами, — предположил он, — очень непохож на другие конфликты, в частности, классовые. Рабочий и капиталист обычно не живут вместе под одной крышей, делясь друг с другом проблемами и опытом и действуя совместно. Этот эффект «единения» придает гендерному конфликту определенные отличия»⁵⁸.

При создании формальных моделей эксперты по микроэкономике уделяют основное внимание доходу, рассматривая его в качестве основного определяющего фактора возможности отстаивать свои права. Однако Бина Агарвал, экономист и феминист, обращает внимание на ряд других ключевых определяющих факторов власти, которые не рассматриваются другими экономистами. К таким факторам относятся общественные системы

ВСТАВКА 1.3 СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

В целом социальные нормы представляют собой неформальные «правила» и общие убеждения, которые регулируют поведение в обществе и отдельных группах⁶¹. Социальные нормы различаются в разных обществах и могут меняться со временем.

Некоторые социальные нормы способствуют благополучию в семьях, в частности сюда относятся нормы, предусматривающие совместное использование ресурсов с членами семьи. Другие порождают дискриминацию и неравенство: например, обычаи, которые придают девочкам меньшую ценность, чем мальчикам, или поощряют послушание мужьям. Социальные нормы часто предписывают ожидаемое поведение на основе гендерных и семейных отношений (такие нормы иногда называют гендерными). Они влияют на способность женщин отстаивать свои права в семье, в том числе, закрепляя за ними (неоплачиваемую) обязанность вести домашнее хозяйство и ухаживать за детьми⁶².

Как действуют социальные нормы? Они обусловлены сложным взаимодействием социальных, экономических и политических факторов, подвержены воздействию внешней среды и тесно связаны с законодательством и государственной политикой⁶³. Например, социальная норма, согласно которой мужчина должен быть основным кормильцем, поощряет предпочтение мужчинам при приеме на работу и увольнении, особенно во время экономических кризисов, когда предприятия сокращают численность рабочей силы⁶⁴. Аналогичным образом, в условиях, когда работа женщин вне дома осуждается, женщины зачастую отдают предпочтение работе на дому, а не вне дома, чтобы соответствовать доминирующим нормам, поскольку это повышает их статус⁶⁵.

Социальные нормы поддерживаются с помощью системы поощрений и санкций⁶⁶. Соответствие социальной норме может вознаграждаться доверием, похвалой и уважением в своей группе. Действия против нормы могут спровоцировать чувство вины и стыда у отдельного человека, а также осуждение и порицание со стороны сообщества⁶⁷. Для женщин нарушение социальной нормы может иметь ощутимые материальные последствия, включая насилие. Именно это наблюдалось в Мексике в 1990-е и 2000-е годы, когда рост мирового спроса на низкооплачиваемый труд привел к тому, что женщины вышли в общественную сферу в качестве рабочих на заводах, бросив вызов нормам «мужчина-кормилец» и «женщина-домохозяйка». Масштабы насилия в отношении женщин и убийств рабочих заводов резко возросли, при этом судьи, политики и СМИ не просто не смогли должным образом расследовать случаи, но даже не признали факты насилия⁶⁸.

Тем не менее само по себе существование социальной нормы не означает, что с ней согласны отдельные люди (социальные нормы не равнозначны общественному мнению). Например, женщина, которая вступила в брак ребенком, может хотеть, чтобы ее собственная дочь вышла замуж во взрослом возрасте (или вообще не вступала в брак). Однако она может соблюсти норму и выдать свою дочь замуж в молодом возрасте, поскольку от этого зависит социальное положение ее семьи в обществе. Этот парадокс помогает объяснить «патриархальную сделку»⁶⁹, в соответствии с которой женщины делают вынужденный выбор из ограниченного числа вариантов, что поддерживает гендерное неравенство, обеспечивая индивидуальную выгоду. Более того, просто наличие социальной нормы не означает, что все будут действовать в соответствии с ней. Отец в гетеросексуальном домохозяйстве с двумя родителями, который решает взять на себя основную ответственность за домашнюю работу и уход за детьми, несмотря на критику, которую он может услышать от своих друзей или коллег, выступает против социальной нормы.

поддержки (например, общественные группы или организации по защите прав женщин), государственные программы (например, системы социальной защиты и предоставления юридических услуг) и социальные нормы⁵⁹.

Такие экономические факторы, рассматриваемые в главе 4, как способность женщин зарабатывать, могут иметь важное значение для ведения

переговоров внутри семьи, однако их воздействие не всегда является прямым. Основы гендерного неравенства могут сохраняться еще долгое время после устранения материальных предпосылок его существования. Например, даже когда женщины фактически становятся кормильцами, они все равно могут подчиняться своим партнерам-мужчинам и продолжать передавать им свой заработок.

Статистические данные из развитых стран показывают, что даже когда женщины и мужчины работают полный рабочий день и приносят равный доход, включая случаи, когда женщины зарабатывают больше, чем их мужья, они, как правило, выполняют больше работы по дому, словно «нейтрализуя» свое «отклонение» от традиционной гендерной роли⁶⁰. Социальные ожидания в отношении того, что должны делать и как должны себя вести женщины и мужчины, влияют на способность женщины отстаивать свои права, которую она может укрепить (или ослабить) в результате изменения возможности зарабатывать средства. Социальные нормы, которые, как правило, носят устойчивый характер, определяют влияние экономических факторов на динамику в вопросах гендерного равенства (см. вставку 1.3).

Отстаивание прав и конфликты не всегда происходят в открытой форме. В некоторых случаях женщины не могут открыто заявлять своим интимным партнерам или другим членам семьи (братьям, сестрам, родителям и т. д.) о своем праве на долю земли или другие ресурсы домохозяйства. К неравному положению женщин не всегда приводит именно процесс отстаивания своих интересов, поскольку неравенство между мужчинами и женщинами может быть просто частью культуры или считаться не подлежащим обсуждению. С другой стороны, отсутствие открытых протестов и выражения сомнений в отношении неравенства женщин внутри домохозяйства, как представлено во вставке 1.3, не обязательно отражает признание их легитимности.

Модели для достижения договоренностей также могут подвергаться критике за игнорирование эмоций и привязанностей (если они не являются неотъемлемой частью отстаивания прав), которые являются центральными элементами внутрисемейной солидарности и конфликтов. Более того, при том что концепция может быть справедлива для отношений, которые основаны или должны быть основаны на взаимности, например, между интимными партнерами, она менее актуальна для других семейных взаимоотношений (мать и дети или взрослые дети и их слабые пожилые родители). В этих отношениях не следует ожидать или применять взаимность, а «выход из них», как правило, подвергается сильному порицанию.

Важно отметить, что работа Бины Агарвал также привлекает внимание к взаимосвязи переговоров внутри семьи и за ее пределами. Как показано на рисунке 1.2, семья является частью широкой сети институтов, включающей в себя не только государство и рынок, но и группы, коалиции, социальные движения и социальные нормы. Такая

сеть располагает множеством рычагов, которые женщины могут использовать для проявления власти как в личных и интимных отношениях, так и по отношению к другим субъектам⁷⁰. Работа Бины Агарвал сыграла ключевую роль в том, чтобы сделать более детализированными и комплексными способы, которыми экономисты описывают ведение переговоров внутри домохозяйств с использованием формальных моделей.

Например, данные из Южной Азии свидетельствуют о том, что членство в группах и коллективные действия имеют решающее значение для оспаривания ограничительных социальных норм, которые ущемляют автономию и мобильность женщин. Этнографическое исследование женщин — членов профсоюза сборщиков мусора в городе Пуна, Индия, показало, что членство в группах дало женщинам три различных (но взаимосвязанных) пути к переменам: во-первых, более сильные резервные позиции благодаря улучшению материального положения; во-вторых, изменения в представлениях женщин о себе и своих правах благодаря новым знаниям, к которым они получили доступ, будучи членами профсоюза; и в-третьих, расширение сети отношений, которые выходят за рамки семейных и родственных связей. Преобразования в семье были наиболее заметны в таких областях, как бытовое насилие, распределение обязанностей по дому и финансовая ответственность мужей⁷¹.

Вопросы прав человека в контексте семьи

Механизм сотрудничества в конфликтных ситуациях дает представление о распределении власти в семьях, но не дает нормативного руководства для поддержки и ускорения изменений в законодательстве и политике. Для этого нам нужно обратиться к принципам прав человека.

Некоторые документы по правам человека, в том числе Всеобщая декларация прав человека, рассматривают семью как основную ячейку общества, нуждающуюся в защите и поддержке. Современное понимание семьи должно опираться на современную реальность и учитывать правовые и социальные изменения, происходившие на протяжении продолжительного периода времени⁷². Три принципа прав человека особенно актуальны для семьи: равенство и отсутствие дискриминации, право на жизнь без насилия и наилучшее обеспечение интересов ребенка⁷³.

В международном праве защита семьи неразрывно связана с принципом равенства и отсутствия дискриминации, особенно в вопросах брачных отношений⁷⁴. В КЛДЖ четко указано, что семейные отношения следует рассматривать через призму

РИСУНОК 1.2 ЖЕНЩИНЫ ОТСТАИВАЮТ СВОИ ПРАВА В СЕМЬЕ

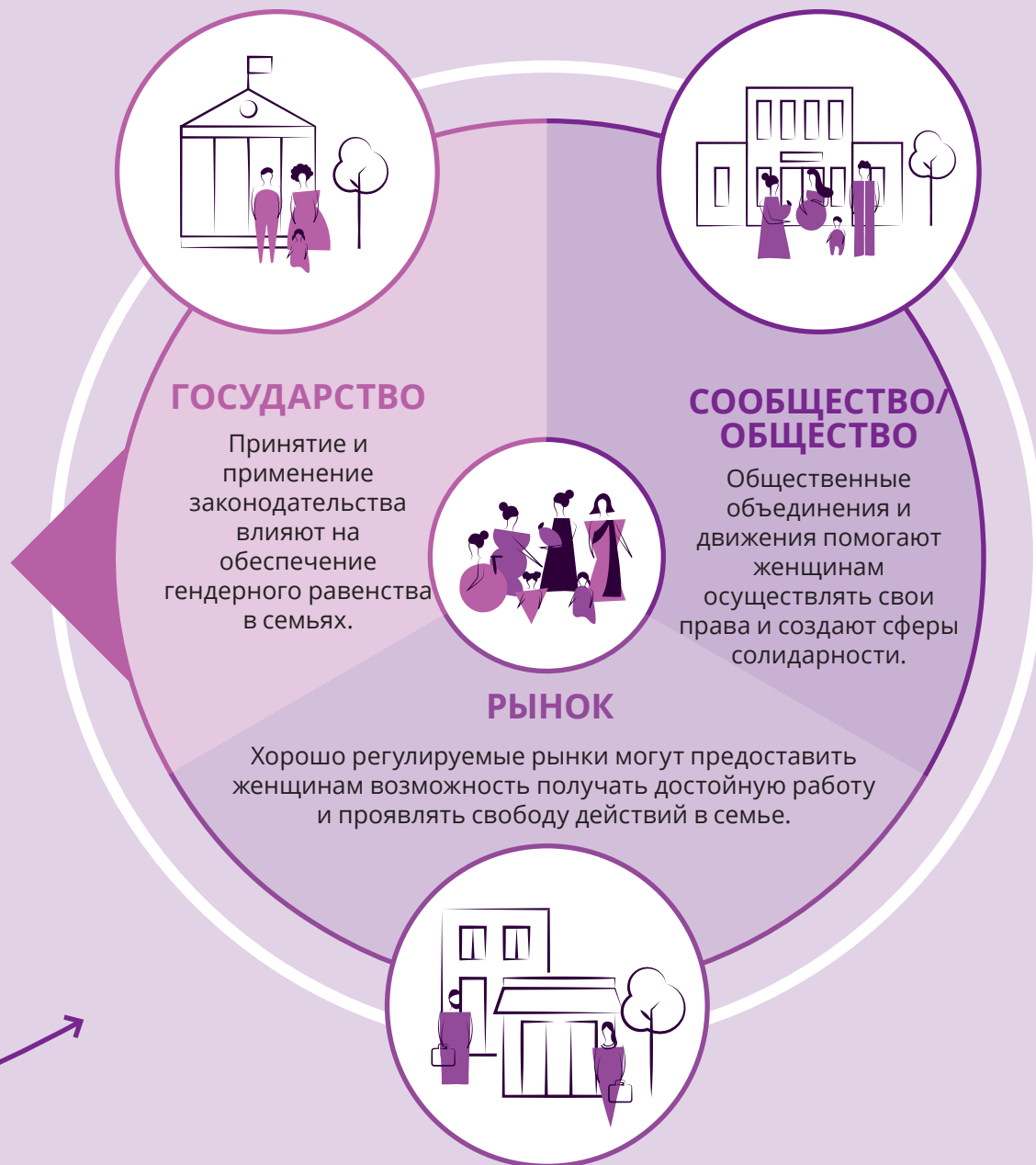
Гендерное неравенство в семейных отношениях означает, что женщинам часто приходится отстаивать право на справедливую долю денег, еды и свободного времени, а также на участие в процессах принятия решений.

В семье осуществляется сотрудничество и происходят конфликты

Источник: По данным Sen 1990a; Agarwal 1997.

Меры государств, сообществ и рынков могут помочь женщинам отстаивать свои права в семьях

Институты влияют на семьи

этого принципа, а его применение в контексте семьи подразумевает, что все законодательство, политика и меры по поддержке семьи должны осуществляться без дискриминации ее отдельных членов или какой-либо формы семьи⁷⁵.

За прошедшие годы сложилось представление о том, какие формы отношений являются приемлемыми с точки зрения равноправия и отсутствия дискриминации, обеспечивая более широкую защиту отдельных лиц. Такая эволюция взглядов отражается, например, в защите детей, рожденных вне официального брака или в семьях с одним родителем. Кроме того, принцип равенства и отсутствия дискриминации не только влечет за собой обязанность государства воздерживаться от дискриминации, но и налагает прямое обязательство признавать различия между людьми и принимать необходимые меры для достижения реального равенства.

Объем и содержание понятия права на жизнь, свободную от насилия, в частности для женщин, детей, людей с инвалидностью и пожилых людей, сформировались на основе согласованных на международном уровне стандартов и с учетом деятельности органов по наблюдению за выполнением договоров в области прав человека. Данные изменения четко демонстрируют, что государства несут прямую ответственность за предотвращение случаев насилия, защиту жертв и наказание виновных, в том числе в случаях, когда насилие происходит в семье. На самом деле государства «могут также нести ответственность за частные действия, если они не могут с должной осмотрительностью предотвратить нарушения прав или проводить расследование и выносить наказание в связи с актами насилия, а также за предоставление компенсации»⁷⁶. В настоящее время общепризнано, что данное обязательство должной осмотрительности означает, что государства обязаны принимать эффективные правовые меры, включая уголовные санкции, гражданско-правовые средства защиты и компенсацию для защиты женщин от всех видов насилия, включая надругательство и сексуальные посяательства в семье.

Наконец, в Конвенции о правах ребенка (КПР) первостепенное значение имеет принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка. Комитет по правам ребенка обращает особое внимание на то, что наилучшим интересам ребенка соответствует динамическая концепция, которая включает в себя аспекты, подверженные постоянным изменениям⁷⁷. Дети не должны разлучаться со своими родителями вопреки своей воле и должны поддерживать с ними личный контакт, если нет доказательств жестокого обращения или пренебрежения ребенком. Из

прецедентного права национальных судов и органов по контролю за соблюдением прав человека становится очевидно, что в делах, касающихся ухода за несовершеннолетними и их опеки, определение наилучших интересов ребенка не может основываться на необоснованных рассуждениях, предположениях либо стереотипах относительно материального или финансового положения родителей или на традиционных представлениях о семье. Оценка должна основываться на конкретном поведении родителей и его влиянии на благополучие ребенка⁷⁸.

Разнообразие форм семьи является широко признанным фактом. Как отмечено в Пекинской платформе действий, «в рамках различных культурных, политических и общественных систем существуют различные формы семьи»⁷⁹, которые могут возникать в официальном и законном браке, так и вне такового. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам подчеркивает, что разнообразие форм семьи является «нормальным элементом постоянно меняющегося общества», при этом люди имеют «одинаковое право на защиту и помощь, даже если они не живут вместе как семья»⁸⁰. Комитет по правам ребенка также подчеркивает, что семья должна пониматься в широком смысле, включая биологических, приемных или патронатных родителей или, где это применимо, членов расширенной семьи либо сообщества в соответствии с местными обычаями⁸¹. Рабочая группа ООН по вопросу о дискриминации в отношении женщин в законодательстве и на практике также утверждает, что семья существует в различных формах⁸². Признание разнообразия означает, что независимо от формы семьи, «отношение к женщине в семье как по закону, так и в частном порядке должно соответствовать принципам равенства и справедливости для всех людей, как того требует статья 2 Конвенции [КЛДЖ]»⁸³.

Права личности, коллективные права и коллективные действия

Очевидно, что права человека связаны с индивидуальными свободами, однако в различных документах признаются права групп или коллективные права⁸⁴. Например, ВДПЧ (статья 23) признает, что каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в них⁸⁵. Согласно Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, права человека должны выходить за рамки отдельного лица, чтобы признать права общины осуществлять контроль над такими ресурсами, как земля, а также поддерживать свой язык и культуру.

Однако признание коллективных прав не отменяет прав отдельных лиц в сообществах.

Такая приверженность правам отдельных лиц особенно важна для женщин, поскольку апелляции к культуре и традициям могут использоваться для того, чтобы узаконить их подчинение и лишить их равных прав⁸⁷. В некоторых регионах консервативные социальные силы изменили законодательство, государственные институты и социальные нормы в обществе во имя культуры и традиций, возвращая и укрепляя дискриминацию в отношении женщин и обусловленное ею нарушение их прав человека⁸⁸. Как уточнил Специальный докладчик в области культурных прав, в реалиях разнообразия во всех сообществах необходимо сделать так, чтобы голоса женщин были услышаны без дискриминации. Это особенно актуально для тех женщин, которые представляют точки зрения, интересы и желания маргинализированных групп⁸⁹. Кроме того, «обеспечение существования и сплоченности конкретного культурного сообщества, национального или субнационального, не должно достигаться в ущерб какой-либо группы внутри этого сообщества, например женщин»⁹⁰.

Реализация прав человека также в решающей степени зависит от уровня развития государства, коллективной ответственности и международного сотрудничества⁹¹. В частности, это включает в себя требование Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах о том, что государства должны в максимальных пределах имеющихся ресурсов принимать меры для реализации экономических и социальных прав, в том числе прав женщин, с соответствующими последствиями для государственных расходов и налоговой политики.

Таким образом, современный подход к семье требует комплексного применения таких важнейших принципов прав человека, как равенство и отказ от дискриминации, отказ от насилия и наилучшее обеспечение интересов ребенка. Это означает необходимость адресовать социальные меры семьям (в законодательстве и социальной политике) в современных условиях и обеспечить равную защиту прав каждого члена семьи.

1.4 МЕНЯЮЩИЕСЯ СЕМЬИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Как отмечалось в предыдущем разделе, не бывает так, чтобы семейные отношения существовали в отрыве от более масштабных структур и процессов. В данном разделе освещается ряд противоречий, характеризующих современную динамику изменений семьи, которые нуждаются в более широком общественном обсуждении и требуют нестандартных решений в социальной политике. В последующих главах данные вопросы и возможная политика будут рассмотрены более подробно.

Разнообразие союзов и сохраняющееся неравенство

Возраст вступления в первый брачный союз увеличивается во всем мире (см. главу 2). Как отмечено в главе 3, с точки зрения прав женщин это позитивное изменение, поскольку возраст, в котором женщина вступает в брак или в союз, влияет на ее способность принимать важные решения, касающиеся ее жизни. Тем не менее множество проблем остается нерешенными: по последним оценкам, около 650 миллионов живущих сегодня девочек и женщин вступили в брак до достижения 18 лет⁹². В главе 3 рассматриваются основные движущие силы, как нормативные, так и структурные, стоящие за детскими браками.

В то же время, во многих странах сегодня наблюдается значительное разнообразие типов союзов как с точки зрения юридического признания,

так и с точки зрения существующей практики. Как отмечено в главе 2, сожителство стало широко распространенным явлением в некоторых регионах и выступает в качестве замены брака или переходного этапа к нему. В последние годы в некоторых регионах на первый план вышли кампании, отстаивающие права лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и интерсексуалов (ЛГБТИ)⁹³ на вступление в брак и официально признаваемые союзы.

На фоне растущего разнообразия признаваемых отношений женщины и мужчины демонстрируют тенденцию вступать в брак или союз с людьми из своего класса или уровня образования (так называемая ассортативность). Другими словами, даже в случае добровольных, а не договорных союзов люди склонны создавать союзы с подобными себе: высокообразованные мужчины все чаще вступают в брак с женщинами с аналогичным уровнем образования. Такие женщины также чаще работают полный рабочий день в отличие от женщин с более низким уровнем образования.

Данные по США и другим странам с высоким уровнем дохода говорят о том, что усилению имущественного неравенства, вероятно, способствует тот факт, что в союзы вступают люди со схожим социально-экономическим положением⁹⁴. Те, кто имеет высшее образование в США, вступают

в брак в более старшем возрасте, но в конечном итоге заключают в брак и объединяют два дохода, в то время как заключение брака среди людей с более низким уровнем образования менее вероятно. Их дети рождаются в краткосрочных неофициальных союзах или у родителей-одиночек⁹⁵. Растущее классовое неравенство не ограничивается США, о чем свидетельствуют данные по Австралии, Новой Зеландии и Латинской Америке.

Брак и создание союзов также могут усилить неравенство с точки зрения других аспектов, в частности, расовой и этнической принадлежности. Если между различными расовыми и этническими группами существует социально-экономическое неравенство, то брак внутри них будет способствовать их усилению. В реальности в нескольких странах сохраняется прочная тенденция вступать в брак в рамках своей расовой или этнической группы. Исследование, проведенное в трех странах — Бразилии, ЮАР и США — показало, что такая практика особенно распространена в последних двух странах. Несмотря на то, что межрасовые или межэтнические браки более распространены в Бразилии, тот факт, что белые по-прежнему склонны вступать в брак друг с другом, означает, что их привилегированное экономическое и социальное положение остается неизменным. «Иными словами, более высокие показатели эндогамных браков среди белого населения в Бразилии помогают одновременно обеспечить более выгодное положение класса и расы»⁹⁷.

Устранение связи между сексом и биологическим воспроизводством

Изменения социальных норм наряду с доступностью современных методов контрацепции и планирования семьи обусловили возможность отделить секс от биологического размножения и позволили женщинам лучше контролировать свою сексуальную жизнь и репродуктивную функцию. Это повлекло за собой далеко идущие последствия для здоровья женщин и их возможность влиять на самые интимные решения, от которых зависит их жизнь. Во всем мире самое большое количество женщин в возрасте 15–49 лет, состоявших в браке или союзе и желавших использовать современные методы контрацепции, смогли сделать это в 2015 году (77,2%). Для сравнения - в 1970 году их количество составило 42,2 % (см. рисунок 3.3).

Тем не менее удовлетворение потребности в современных средствах контрацепции ниже в наименее развитых странах среди женщин, проживающих в сельских районах и относящихся к наименее обеспеченным группам населения. В главе

3 отмечено, что во многих странах осуществление планирования семьи может быть осложнено ограниченными финансовыми ресурсами, удаленностью, низким качеством услуг или по причине предназначенности только для замужних женщин, что ставит под угрозу сексуальное и репродуктивное здоровье и права женщин в целом.

В XXI веке достижения современных технологий сделали женское тело еще более «способным к воспроизводству», поскольку некоторые группы женщин, которым ранее был поставлен диагноз «медицинское бесплодие», теперь могут прибегнуть к вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ) или суррогатному материнству⁹⁸. И все же, как показано в главе 3, сложные вспомогательные репродуктивные технологии и коммерческое суррогатное материнство воспринимаются по-разному и неоднозначно. С одной стороны, ВРТ предлагают новые и более широкие возможности иметь ребенка одиноким людям и однополым парам. С другой стороны, ограниченный доступ к ВРТ может усилить гендерное и социальное неравенство. Контракты, по которым ребенка передают от «суррогатной» матери «усыновляющему(им) родителю(ям)», также могут усиливать социально-экономическое неравенство: международные коммерческие соглашения о суррогатном материнстве заключают женщины из бедных социальных групп в развивающихся странах, чтобы родить ребенка для граждан более богатых стран и групп, которые не могут или не хотят делать это сами.

Исчезновение модели «мужчина-кормилец»: новые роли женщин

Семьи с мужчинами-кормильцами постепенно исчезают там, где они существовали. В главе 4 рассмотрены изменения, произошедшие за последние десятилетия — повышение уровня образования среди женщин, снижение темпов рождаемости, а также изменение устремлений и социальных норм — привели большое количество женщин на рынок оплачиваемого труда. Это совпало с периодом неформальной занятости на рынке труда и сохраняющейся профессиональной сегрегации, в результате чего женщины были преимущественно ограничены рядом секторов и профессий с низким уровнем заработка¹⁰⁰.

Расширение доступа женщин к ресурсам, хотя и далеко не на равном уровне с мужчинами, привело к некоторым важным сдвигам в расстановке сил в семье, в частности, дающим женщинам более весомый голос в процессах совместного принятия решений. Тем не менее такие достижения носят неравномерный характер как между странами,

так и внутри них. Во всех регионах брак, союз или наличие маленького ребенка ощутимо сказываются на показателях участия женщин в рабочей силе. Во многих регионах женщины из бедных домохозяйств реже имеют собственный доход по сравнению с представительницами более состоятельных кругов, особенно при незначительной государственной поддержке занятости женщин в виде недорогих услуг по уходу за ребенком и оплачиваемого отпуска. В то время как женщины, состоящие в браке или в союзе, а также проживающие в расширенных домохозяйствах, извлекают выгоду из объединения доходов с другими членами домохозяйства, семьи с детьми, которые содержатся только женщинами, особенно уязвимы к бедности и имеют меньше времени для неоплачиваемого и домашнего труда. Данный вопрос подробнее рассматривается в главе 4.

Укрепление способности женщин зарабатывать деньги и брать на себя роль кормильца не сопровождалось соразмерным увеличением вклада мужчин в неоплачиваемый домашний труд — данная проблема поднята в главе 5. Исследования показывают, что, когда выход женщин на работу увеличивает общую продолжительность их рабочего дня, они зачастую чувствуют себя хуже несмотря на увеличение рыночного дохода. Следовательно, в то время как модель «мужчина-кормилец/женщина-домохозяйка» находится на грани исчезновения, модель семьи, в которой оплачиваемый и неоплачиваемый домашний труд делятся поровну, все еще не сформировалась¹⁰¹. В то же время растущее число семей, которые женщины содержат в одиночку, указывает на необходимость большей ответственности со стороны отцов за воспитание детей как с точки зрения времени и ухода, так и с финансовой точки зрения. Тем не менее государственная поддержка семей матерей-одиночек также необходима и не должна зависеть от алиментов на содержание детей.

Преобразование домашнего труда в товар и его глобализация

Трансграничное перемещение работников сферы обслуживания сегодня наблюдается в каждом уголке мира. Хотя некоторая доля этих перемещений приходится на страны и регионы с сопоставимым уровнем развития, большая часть таких работников мигрирует между странами с различными уровнями благосостояния и возможностей. Домашние работники переезжают из развивающихся стран в развитые, а также перемещаются внутри регионов из более бедных стран в более богатые: это происходит в условиях растущего неравенства не только внутри стран, но и между ними.

Во многих развивающихся странах женщины вынуждены мигрировать в связи с безработицей и неполной занятостью, а также поскольку там, где они живут, отсутствуют фактические возможности получения дохода¹⁰². Женщины-мигранты из более бедных стран находят работу в качестве домашних работников в быстро растущих городах и в более богатых странах, где пополнение рабочей силы за счет местных матерей в сочетании со старением населения и ограниченной государственной поддержкой привело к растущей потребности в тех, кто бы занимался домашней работой, не являясь при этом членом семьи¹⁰³. В связи с ограниченными возможностями выбора мигранты работают за зарплату ниже установленного минимума. Многие из них в свою очередь делегируют заботу о собственных детях женщинам из числа своих родственников, как правило матерям, или наемным домашним работникам, которые могут быть мигрантами из более бедных сельских районов¹⁰⁴. Более ограниченное исследование мужчин-мигрантов и «оставленных» отцов обрисовывает неоднозначную ситуацию с тем, какое значение они придают роли отца и как ее выполняют¹⁰⁵. О динамике процессов, связанных с уходом за членами семьи в условиях, когда семьи живут отдельно, подробно описано в главе 7.

Проживание членов одной семьи в разных странах не является чем-то новым: например, в 1850-х годах иммигрантами из Ирландии в США были малоимущие женщины, работавшие в качестве домашней прислуги, как и их коллеги в Европе¹⁰⁶. Однако в отличие от женщин-мигрантов в прошлом, которые были в основном молодыми, одинокими и бездетными, современные женщины-мигранты обычно старше, часто замужем и имеют собственных детей. В реальности желание заработать деньги на образование и здравоохранение своих детей является одной из основных причин поиска работы за границей¹⁰⁷.

Ограничение прав женщин на миграцию или выбор места, где они хотят жить и создавать семьи, не станет адекватной реакцией на такую «утечку мозгов» и «утечку рук», от которых страдают многие развивающиеся страны. Вместо этого государственная политика должна обеспечивать другое направление развития, которое создало бы источники средств к существованию и обеспечивало бы право на достаточный уровень жизни, трудовые права и права мигрантов, в том числе право на воссоединение семьи. Такая картина радикально отличается от нынешнего сценария, который выбирают миллионы женщин, чье решение мигрировать, чтобы иметь возможность работать и поддерживать себя и свои семьи, является

исключительно вынужденной мерой. Многим женщинам приходится поступиться семейной жизнью ради права на адекватный уровень жизни, а с таким выбором не должен сталкиваться никто¹⁰⁸.

Изменение взаимоотношений между поколениями: старение и услуги по долгосрочному уходу имеют женское лицо

Обеспечение адекватного и достойного ухода за нуждающимися в нем престарелыми людьми становится актуальной политической проблемой во всех странах мира. Число жителей в возрастной группе 60–79 лет и старше 80 лет уже растет в странах с низким и средним уровнем дохода по сравнению со странами с высоким уровнем дохода¹⁰⁹ и значительно увеличится в последующие десятилетия. Поскольку функциональные возможности человека с возрастом снижаются, старение населения значительно увеличит долю и число людей, нуждающихся в услугах по долгосрочному уходу. И это при том, что среди пожилых людей одного возраста сильно отличается состояние здоровья и функциональные возможности. Подавляющее большинство людей, нуждающихся в услугах по долгосрочному уходу — женщины, отчасти потому что в среднем они живут дольше мужчин. Кроме того, женщины реже имеют супруга или партнера, который мог бы ухаживать за ними, когда им это необходимо, потому что они, как правило, вступают в брак или сожительствуют с мужчинами, которые старше их и имеют более низкие показатели повторного вступления в брак (см. главу 2).

Несмотря на высокие темпы старения населения, государства не спешат признавать важность услуг по долгосрочному уходу. Это особенно заметно

в странах со средним и низким доходом, где большая часть публичных дебатов по проблемам старения была сосредоточена на обеспечении гарантированного дохода для пожилых людей, что является безусловно важным вопросом, однако недостаточным для удовлетворения потребностей в уходе. Низкий приоритет, придаваемый вопросам услуг по долгосрочному уходу, может быть обусловлен распространенным мнением о том, что «семьи» (то есть женщины) лучше всего могут заботиться о старшем поколении. Однако, как показано в главе 5, модели исключительно семейного ухода не являются устойчивыми.

Миграция означает, что поколения с большей вероятностью будут жить отдельно. Услуги по уходу необходимы для эффективного замещения осуществляющих уход членов семьи, особенно для тех, у кого нет детей. В то же время растущая вовлеченность женщин в рабочую силу и сопутствующая зависимость семей от их заработка затрудняют совмещение ими полноценного ухода за стареющими супругами или родителями с сохранением рабочего места. Социальные нормы и ожидания также меняются, и сами пожилые люди иногда выбирают большую самостоятельность, предпочитая не обременять своих детей. В связи с этим существует острая необходимость в создании и разработке нормативно-правовой базы и стандартов для услуг по долгосрочному уходу, чтобы повысить стандарты качества, защитить тех, в отношении кого оказываются услуги, иметь возможность привлекать поставщиков услуг к ответственности и расширять возможности пользователей услуг и сотрудников, большую часть которых составляют женщины-мигранты. Государства несут ответственность за функционирование системы услуг по долгосрочному уходу, даже если они не предоставляют весь спектр услуг и не финансируют их полностью (см. главу 5).

1.5 ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД: МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ, ПОСТРОЕННЫЕ ВОКРУГ ПРАВ ЖЕНЩИН

Государство может занять активную позицию в защите граждан от воздействия неблагоприятных факторов и содействовать равенству в семьях в соответствии со своими обязательствами в области прав человека. Семьи не должны рассматриваться как «бездонный колодец», который частный и государственный сектор используют в качестве рабочей силы, сбора налогов и заботы о полезных и активных гражданах¹¹¹. Чрезвычайно долгие часы плохо оплачиваемой работы, структурная безработица, социально-экономическая

нестабильность, неудовлетворительная и устаревшая инфраструктура, а также потеря надежды и самоуважения не способствуют благополучной семейной жизни¹¹².

Для того чтобы иметь возможность восполнять силы и проявлять заботу, семьям необходима поддержка со стороны как государственного, так и частного секторов, а именно: достойные рабочие места и адекватные средства к существованию, социальная защита, качественные государственные

услуги и устойчивая инфраструктура. Обязанность предоставлять «помощь», в частности, предусмотренную Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, налагает на государства целый ряд обязательств — от принятия соответствующего трудового законодательства до формирования институтов социальной защиты в самых различных ситуациях (включая материнство, отцовство и старость) и наличия доступных и недорогих услуг¹¹³. Вклад государственного сектора (например, государственные услуги, трансферты, физическая инфраструктура) и частного сектора (например, прожиточный минимум, регулируемые часы работы, оплачиваемый отпуск) должны быть достаточными, чтобы позволить семьям выполнять свою роль по воспитанию детей, а также заботиться и поддерживать всех своих членов в условиях равенства и отсутствия дискриминации. Кроме того, эти возможности должны распространяться на всех людей независимо от их миграционного статуса или наличия статуса беженца.

Системы социальной защиты и государственные услуги должны быть дополнены мерами поддержки семьи на предприятиях и в частном секторе¹¹⁴. Регулирование экономики необходимо для обеспечения надлежащего уровня жизни, который не будет вынуждать женщин (и мужчин) мигрировать для поддержки своих семей и позволит тем, кто работает по много часов, избежать бедности.

Для обеспечения отсутствия дискриминации в отношении определенных семей или членов семьи в системе социальной защиты (например, при назначении семейных пособий или пенсий), необходимо обратить пристальное внимание на

порядок их распределения. Например, требование предоставить свидетельство о браке для всех семей, регистрирующихся в программе социальной защиты, может оказаться дискриминационным для лиц, состоящих в сожительстве, или тех, чьи браки не зарегистрированы или не признаются.

Подготовленный для данного доклада (см. «Сколько это будет стоить?») анализ затрат показывает, что финансирование пакета мер социальной политики, ориентированной на семью и способствующей защите прав женщин, на самом деле доступно для большинства стран с точки зрения доли валового внутреннего продукта (ВВП), которую потребовалось бы выделить для его реализации. Для финансирования данных вложений обществу необходимо мобилизовать достаточные ресурсы из различных источников, как внутренних, так и международных, причем осуществляться это должно с учетом гендерных факторов. Для этих целей необходимо наличие благоприятной среды в глобальном масштабе, которая не подрывает национальные усилия по мобилизации ресурсов через незаконные финансовые потоки и лазейки, поощряющие уклонение от уплаты налогов.

Эти актуальные вопросы социальной политики направлены на расширение возможностей детей, защиту достоинства и прав человека применительно к инвалидам и пожилым людям, а также создание достойных возможностей трудоустройства для женщин и мужчин в секторе ухода. Важно отметить, что закрепляется видение семьи как места равенства и справедливости — места, где женщины и девочки могут проявлять волю и голос, места, где они находятся в экономической и физической безопасности.

СЕМЬИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ

2.1 ВВЕДЕНИЕ	42
2.2 ЧТО МОГУТ РАССКАЗАТЬ О СЕМЬЯХ ДАННЫЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ?	43
2.3 КОГДА И КАК ЖЕНЩИНЫ ВСТУПАЮТ В БРАК И РАССТОРГАЮТ ЕГО?	50
2.4 РОЖДАЕМОСТЬ И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО	56
2.5 С КЕМ ЖИВУТ ДЕВОЧКИ И ЖЕНЩИНЫ?	61
2.6 СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ НА СЕМЬИ	67
2.7 ВЫВОДЫ	69

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

01

Семьи отличаются значительным разнообразием и формируются под влиянием демографических тенденций, социальной политики и социальных норм. Для обеспечения эффективности политики по продвижению гендерного равенства и прав женщин необходимо учитывать разнообразие форм семей, в которых живут женщины.

02

Самая распространенная форма семьи — пары, живущие вместе с детьми: они составляют 38% от общего числа домохозяйств. Расширенные семьи (27%), домохозяйства, состоящие из одного лица (13%), и семьи с одним родителем (как правило, женщиной) (8%) также широко представлены в мире.

03

Возраст вступления в первый брак у женщин повсеместно увеличивается, однако в мире каждая пятая женщина в возрасте 20–24 лет вышла замуж в возрасте до 18 лет.

04

Прогресс в области гендерного равенства способствовал коренным изменениям в моделях создания партнерских отношений и рождения ребенка в странах Латинской Америки и Карибского бассейна и развитых странах, что привело к снижению рождаемости, уменьшению числа браков, увеличению числа разводов и повышению распространенности такой формы совместного проживания, как сожительство.

05

В большинстве развивающихся стран модели поведения остаются стабильными: брак остается нормой, а разводы редки и зачастую порицаемы.

06

Показатели рождаемости снижаются, при этом резкий спад наблюдается во всем мире, за исключением стран Африки к югу от Сахары, где изменения происходят не так быстро. В странах с высоким уровнем дохода падение коэффициента рождаемости ниже уровня восстановления численности населения отражает предпочтение женщин иметь меньше детей или вовсе отказаться от материнства, однако в некоторых случаях такая тенденция наблюдается вопреки желаниям женщин.

07

Продолжительность жизни увеличивается. Большую часть пожилых жителей планеты составляют женщины, которые часто проживают одни. Среди людей старше 80 лет 60% — женщины.

08

Существует потребность в более качественной статистической информации, в частности проработанных системах регистрации актов гражданского состояния и ведения статистики естественного движения населения, а также разработке новых методов для учета всего разнообразия семей, которые могут стать основой для политики, отражающей сегодняшние реалии семейной жизни.

2.1 ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, как и раньше, семьи не имеют единой стандартной формы. Семейные отношения и системы зависят от совокупности внешних обстоятельств, в числе которых социально-экономические процессы, государственная политика, демографические тенденции и социокультурные нормы¹. Это приводит к значительному разнообразию семей.

Тем не менее очень часто политика разрабатывается исходя из представления о некой «идеальной семье», независимо от ее фактической распространенности в данном контексте. Существующие стереотипы в отношении семьи, а также ролей мужчин и женщин находят отражение в политике, что приводит (пусть зачастую и непреднамеренно) к гендерным предрассудкам и дискриминации². Так, социальная политика, составленная на основе стереотипа, что мужчина - кормилец, а женщина - домохозяйка, может оказаться неэффективной для миллионов женщин, совмещающих обе роли, и не обеспечивать достаточной поддержки большую их часть, живущую в расширенных семьях или являющуюся единственным родителем³.

В свете этого в данной главе рассказывается об изменениях, преемственности и разнообразии семей и домохозяйств по странам и регионам, что поможет создать твердое эмпирическое обоснование политики, которая способствовала бы гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин вне зависимости от того, в какого типа семьях они живут.

Что означает «разнообразие» применительно к семейной жизни? С одной стороны, это понятие обозначает совокупность условий в различных домохозяйствах и семьях, в которых человек проживает на протяжении жизни, а также его меняющиеся роли, права и обязанности⁴. С другой стороны, разнообразие семейных форм подразумевает различия в организации семей на протяжении времени, а также в разных обществах в какой-либо конкретный период⁵. В данном докладе используется преимущественно второе значение, однако оба они имеют отношение к гендерному равенству.

Почему изменение института семьи и проблемы разнообразия столь важны с точки зрения прав женщин? На этот вопрос призвана дать ответ эта глава: в ней представлен анализ имеющихся данных по четырем аспектам — супружеские

отношения, рождаемость, состав домохозяйства и старение. Как отмечено, данные сферы семейной жизни оказывают на гендерное равенство комплексное воздействие, обусловленное внешними обстоятельствами⁶.

Например, то, в какой степени брак и материнство считаются в конкретном обществе предназначением женщины, может определять права женщины при вступлении в партнерские отношения и выходе из них, а также в вопросе рождения детей. В свою очередь, демографические изменения, относящиеся к рождаемости и старению, сказываются на том, как женщины и мужчины распределяют свое время между оплачиваемой работой и неоплачиваемым домашним трудом. Состав домохозяйства влияет на благополучие женщин и доступ к ресурсам. В частности, домохозяйства с одним родителем как правило беднее тех, где родителей двое, поскольку им часто не хватает дополнительных ресурсов взрослого партнера, проживающего в том же домохозяйстве (см. главу 4)⁷.

В представленном в настоящей главе анализе имеющейся статистической информации, в том числе полученной в ходе переписей населения и национальных обследований домохозяйств, собрана воедино имеющаяся доказательная база и заполнены пробелы в сведениях о жизни женщин и девочек в семьях. По мере возможности в доклад включен передовой опыт в области сбора данных; это сделано для стимуляции разработки инновационных решений по устранению существующих методических ограничений.

Краткое содержание главы

Данная глава имеет следующую структуру: в первом разделе представлено обсуждение методических допущений, ограничений и возможностей, связанных с глобальным анализом моделей семьи, остальные разделы посвящены четырем аспектам семейной жизни, которые оказывают существенное влияние на гендерное равенство. В разделах 2.3 и 2.4 отмечено, как модели формирования партнерских отношений и тенденции рождаемости меняют положение женщин и девочек в современных семьях в разных регионах. В разделе 2.5 анализируются основные возможности и риски, с которыми сталкиваются женщины, проживая в разных домохозяйствах по всему миру в разные моменты своей жизни. Наконец, раздел 2.6 обрисовывает гендерные аспекты старения населения, включая условия жизни пожилых женщин и доступ к надлежащему уходу.

2.2 ЧТО МОГУТ РАССКАЗАТЬ О СЕМЬЯХ ДАННЫЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ?

Реалии семейной жизни постоянно меняются, что затрудняет их отслеживание. Глубокие, лонгитюдные исследования, предполагающие наблюдение за человеком на протяжении всей жизни, максимально полно освещают отношения внутри семьи и ее состав, однако они по-прежнему достаточно редко проводятся в особенности в развивающихся странах, и их зачастую невозможно сопоставить.

Переписи населения и обследования домохозяйств, которые послужили основными источниками данных для настоящей главы, являются ключевыми инструментами для формирования сравнительной картины семейной жизни. При этом они доступны не для всех рассматриваемых аспектов и не по всем регионам, что налагает ограничения на формирование региональных и глобальных агрегированных данных и сужает возможности охвата одинаковых периодов времени. При этом доступные данные все же позволяют отразить общие тенденции в регионах.

При использовании переписей и обследований домохозяйств для изучения семей необходимо кратко рассмотреть три дополнительных вопроса: использование домохозяйства, а не семьи, в качестве единицы анализа; гендерные допущения и практики, искажающие сбор данных; и ограниченный охват некоторых уязвимых групп населения.

Домохозяйства и семьи: взаимосвязанные, но разные понятия

В переписях населения и национальных репрезентативных обследованиях единицей анализа выступают домохозяйства, а не семьи. Учитывая, что члены семьи могут проживать в разных домохозяйствах, данные на уровне домохозяйств являются несовершенными показателями для изучения семей. Тем не менее домохозяйства и семьи часто пересекаются, поскольку люди, живущие вместе в одном домохозяйстве, очень часто связаны друг с другом узлами родства и брака (см. вставку 1.1 в главе 1)⁸.

В статистике термином «домохозяйство» обычно обозначается единица домашнего хозяйства и/или проживания, члены которой не обязательно связаны друг с другом⁹.

Согласно устоявшимся определениям, домохозяйство — это одно лицо или несколько

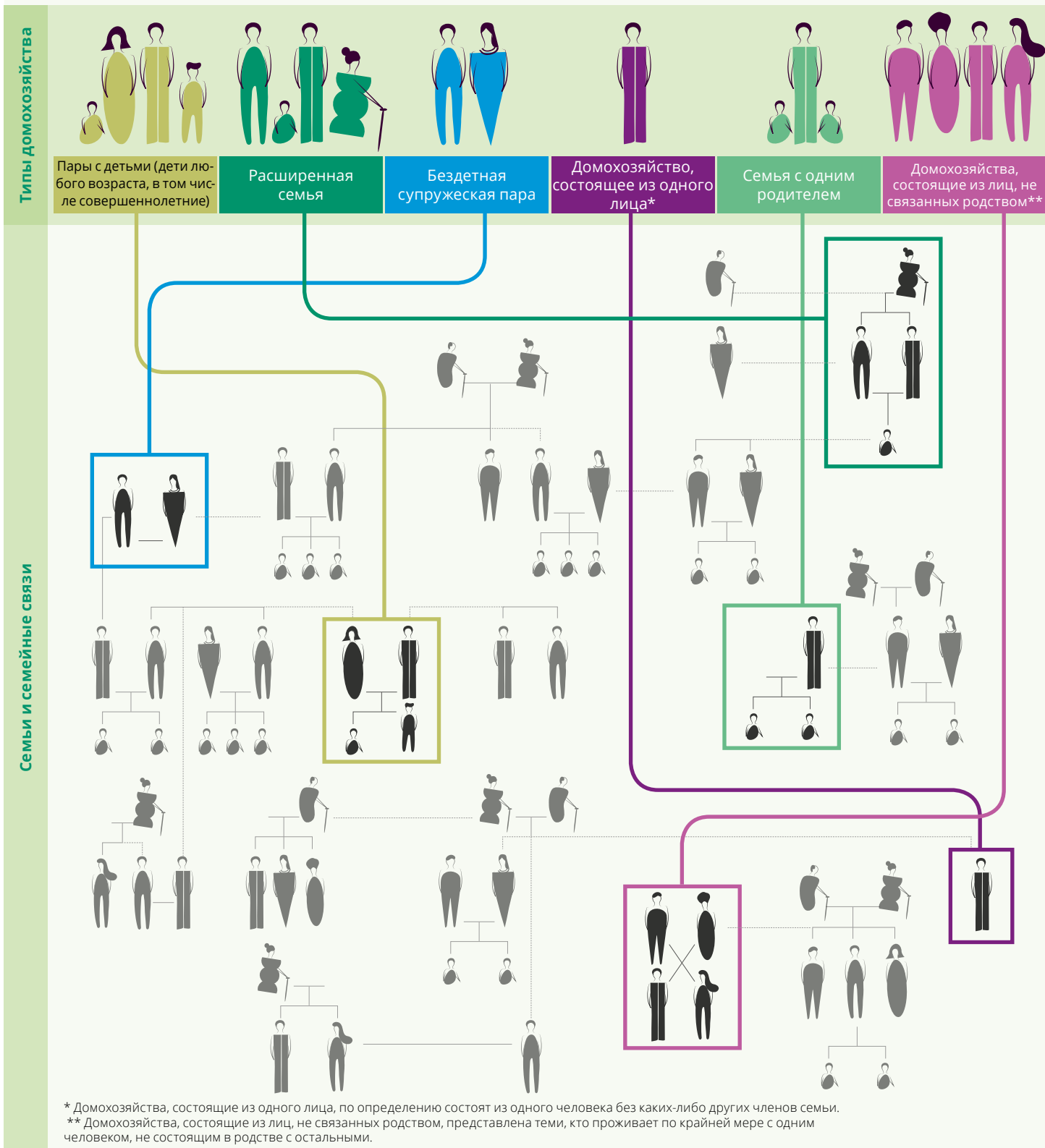
лиц, «имеющих общие средства на еду или другие предметы первой необходимости» и/или «живущие под одной крышей»¹⁰. Тем не менее общепринятое определение не используется повсеместно, и существуют определенные различия между странами и статистическими ведомствами. Это, в свою очередь, влияет на качество социально-демографических показателей, разработанных для определения размера домохозяйств или коэффициента демографической нагрузки¹¹. Необходимо повышать уровень осведомленности пользователей и улучшать процесс сбора данных, особенно в условиях сложной и изменчивой структуры домохозяйств¹².

Домохозяйство может состоять из одного человека. В то же время семья, состоящая из одного человека, невозможна, поскольку само понятие семьи предполагает наличие отношений и, соответственно, как минимум двух участников¹³. С точки зрения домохозяйства, семья обозначает двух и более членов домохозяйства, связанных друг с другом кровным родством, усыновлением/удочерением или браком¹⁴. Таким образом, одно домохозяйство может состоять из нескольких семей, а семья — выходить за рамки одного домохозяйства (см. рисунок 2.1). Такая ситуация возникает в случае миграции членов семьи или при расширении семьи на несколько домохозяйств, как в случае полигамных семейных связей¹⁵. Региональные и национальные мероприятия по исследованию семей, которые не вписываются в стандартные представления о независимом гетеросексуальном нуклеарном домохозяйстве, составляют перспективное направление развития исследований, результаты которых могут оказаться исключительно полезными при разработке политики (см. вставку 2.1).

Несмотря на принципиальное различие между семьей и домохозяйством, статистические данные по 86 странам, охватывающие 78,5% населения Земли, демонстрируют, что большинство домохозяйств состоят из членов семьи. Более того, лишь 14,5% домохозяйств состоят из лиц, живущих в одиночку или по крайней мере с одним человеком, не являющимся родственником¹⁶. По этой причине анализ состава домохозяйств (одиноких лиц, пар с детьми либо без них или расширенных семей) является источником ценных данных о динамично меняющейся и разнообразной жизни семей по всему миру.

ДОМОХОЗЯЙСТВА И СЕМЬИ: ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ, НО РАЗЛИЧАЮЩИЕСЯ

В переписях населения и обследованиях домашних хозяйств рассматриваются домохозяйства, однако семьи выходят за рамки домохозяйств и подразумевают более широкий спектр отношений.

ВСТАВКА 2.1 МЕРЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ФОРМИРУЮЩИХСЯ» ТИПОВ СЕМЬИ В СТАТИСТИКЕ

Специалисты в области статистики стремятся разработать способы охвата «формирующихся» типов семей и домохозяйств. Определения понятия «формирующаяся семья» различаются в зависимости от национальных и региональных условий, поскольку они отражают специфические для конкретных условий модели и проблемы политического рода. Например, в ряде стран Латинской Америки, где юридически признаны сожителство и/или однополые союзы, их документирование вошло в область приоритетов¹⁷. Европейские страны ведут учет большего числа типов семьи. К ним относятся «смешанные семьи», состоящие из супружеской пары или пары сожителей, у которой есть один или несколько детей, а также один или несколько детей от предыдущих союзов одного или обоих партнеров¹⁸. В ряде стран обследования теперь включают отношения «живут вместе порознь» — партнеры состоят в интимных отношениях, однако живут в двух отдельных домохозяйствах¹⁹.

Учет социальных норм и гендерных стереотипов при сборе данных

Гендерные стереотипы и социальные нормы нередко влияют на инструментарий сбора данных, в том числе на переписи и обследования домохозяйств²⁰. В целом влияние социальных норм на сбор данных прослеживается по двум основным направлениям — спектру задаваемых вопросов и их формулировкам, а также предоставленным ответам, которые зачастую отражают то, что, по мнению респондентов, приемлемо для представителей государственной власти²¹. Как следствие, статистика часто непреднамеренно отражает преобладающие нормы о том, как должны выглядеть семьи или домохозяйства и какими должны быть роли женщин и мужчин²².

Давняя проблема терминологии обследований — недооценка женского труда. До 2013 года, несмотря на то что производство на семейных фермах было включено в определение занятости, его охватывали лишь немногие обследования рабочей силы. В Бразилии новаторские феминистские инициативы направлены на то, чтобы измерить общий объем

женского труда на семейных фермах в сельских районах посредством объединения инструментов сбора данных по принципу «снизу вверх» со стратегиями содействия изменению политики на национальном уровне. Феминистская организация *Sempreviva Organização Feminista* призвала сельских женщин на местах вести сельскохозяйственные «журналы», которые помогли бы добиться признания их разнообразного вклада в труд домохозяйства и общины. Благодаря этим записям активистки добились того, чтобы при проведении сельскохозяйственной переписи в Бразилии стал учитываться труд женщин (см. историю перемен «Простая схема тихой революции женщин-фермеров Бразилии»).

Предвзятости, встречающиеся при разработке и проведении обследований и касающиеся положения женщин и веса их голоса при принятии решений внутри семьи, также могут непреднамеренно укрепить патриархальные отношения. Жены обычно определяются как экономические иждивенцы мужчин — «глав» домохозяйств²³, даже когда их доходы выше, чем у супругов²⁴. Учитывая

ВСТАВКА 2.2 НЕДОСТАТКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ГЛАВА ДОМОХОЗЯЙСТВА» КАК КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА ДОМОХОЗЯЙСТВ

Постоянной темой в дискуссиях о разнообразии семей и домохозяйств остается их распространенность и потенциальные последствия главенства женщин в них²⁶. Существует множество вопросов о достоверности и значимости оценок домохозяйств, дифференцированных по признаку «главенства», в связи с неоднозначностью его определения и понимания со стороны как переписчиков, так и респондентов. Кроме того, имеются важные обследования, касающиеся полезности такой категории, как «домохозяйство, возглавляемое женщиной», которая охватывает множество различных подгрупп домохозяйств, которые могут быть несопоставимыми²⁷. Например, наблюдается значительное разнообразие в условиях жизни одиноких матерей, поскольку многие живут в расширенных домохозяйствах. Таким образом, в данном докладе домохозяйства одиноких матерей определяются как домохозяйства, в которых женщина проживает со своими детьми (биологическими, пасынками/падчерицами и усыновленными/приемными) и более ни с кем, а также как домохозяйства, в которых женщина проживает со своими детьми и другими родственниками (см. раздел 2.5).

неоднозначность понятия «глава домохозяйства» (см. вставку 2.2), в данном докладе не используются такие термины, как «домохозяйство, возглавляемое мужчиной» и «домохозяйство, возглавляемое женщиной»²⁵.

До момента официального признания однополые пары во многих странах мира не попадали в официальную статистику (см. главу 3). По правилам проведения переписей, если глава домохозяйства и его/ее супруг(а) были одного пола, они обозначались не как «супруги», а как «прочие виды семейных отношений»²⁸. ЛГБТИ-организации в Аргентине, Бразилии, Уругвае и других странах успешно отстаивали устранение данной практики, в результате чего переписи 2010 года предусматривали улучшенные возможности для учета однополых пар (см. главу 3)²⁹.

Подсчет однополых пар и семей в рамках существующих переписей населения и обследований домохозяйств представляет сложность по ряду причин, среди которых относительно небольшая численность данной группы и необъективность формулировки вопросов: к примеру, в некоторых языках отсутствует гендерно-нейтральное слово для обозначения супруга/супруги³⁰. Сложности в области правового поля, а также существующие предрассудки в отношении ЛГБТИ-сообщества создают дополнительные препятствия для сбора данных³¹. Эти факторы приводят к занижению статистики по числу однополых пар во всех странах³². В частности, согласно переписи населения 2016 года, в Австралии однополые пары составили всего 0,9% от общего числа проживающих совместно пар³³. Усовершенствование сбора информации по однополым парам и семьям исключительно важно для выявления групп, которые сталкиваются с риском дискриминации, и обеспечения наличия политики и государственных услуг, отвечающих потребностям семей с учетом их многообразия³⁴.

В преддверии переписей населения 2020 года в ряде стран уже началось рассмотрение возможности включения вопросов об индивидуальной сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности³⁵. При этом опыт предшествующих обследований и рекомендаций указывает на наличие определенных концептуальных, методических и практических препятствий, которые должны быть устранены для эффективного сбора данных об ЛГБТИ³⁶. В числе таких препятствий можно назвать беспокойство респондентов в отношении защиты частной жизни или боязнь дискриминации, недостаточное понимание переписчиками и респондентами понятий сексуальной ориентации и гендерной идентичности, а также возможный риск поставить под сомнение

данные, предоставляемые ЛГБТИ-сообществом, в случае занижения цифр³⁷.

Для эффективного решения этих вопросов необходим широкий диалог с ЛГБТИ-организациями и экспертами, проведение общественных кампаний, специализированное обучение переписчиков и совершенствование методологии. В то же время проведение специализированных или тематических обследований представляет собой важный первый шаг, который могут предпринять страны для включения такой информации в официальную статистику³⁸.

Ограничения в области охвата населения

Переписи населения и обследования домохозяйств охватывают не всех лиц, проживающих в определенной стране или области³⁹. По полученным недавно оценкам, во всем мире порядка 250 миллионов человек, принадлежащих к уязвимым группам населения, не попадают в обследования домохозяйств и/или переписи населения, что может быть вызвано как структурой исследования, так и практическими обстоятельствами; это особенно характерно для развивающихся стран⁴⁰. В их числе бездомные; лица, содержащиеся в казенных учреждениях; мобильное и кочевое население; скотоводы; а также лица, проживающие в районах, где регулярные обследования не проводятся из-за угрозы безопасности.

Сама по себе имеющаяся количественная информация может неадекватно отражать изменения в семьях некоторых сильно маргинализированных групп женщин. Например, в различных регионах домашняя прислуга, нередко представленная мигрантами, зачастую не включается в результаты переписи в случае проживания в домохозяйствах с более высоким уровнем дохода, несмотря на общую с работодателем еду и другие ресурсы⁴¹. Кроме того, нередко в перепись и обследования домохозяйств не входят женщины и мужчины, находящиеся в местах заключения. Как следствие, эффект, оказываемый заключением более 714 000 отбывающих наказание женщин и девушек, на семьи по всему миру (с 2000 года это число выросло, более чем на 50%), остается невидимым для авторов социальной политики, отчасти из-за их отсутствия в обследованиях⁴².

Помимо совершенствования переписей и обследований домохозяйств, решающее значение для преодоления существующих ограничений статистики по семьям имеет развитие систем регистрации актов гражданского состояния и статистики естественного движения населения, благодаря которым ведется сбор универсальной

информации о жизни, ее ключевых событиях, таких как рождение, брак и смерть, и их характеристиках⁴³. Являясь государственными административными системами, они представляют собой не имеющий аналогов источник достоверной информации в разбивке по полу, географическому положению и другим релевантным индивидуальным характеристикам. Если исследования являются достаточно всеобъемлющими и в них содержится оперативная информация, то они могут играть стратегическую роль при разработке семейной политики и упростить доступ к услугам и льготам, описанным в следующих главах⁴⁴. Однако в настоящее время более чем в 110 странах с низким и средним уровнем дохода отсутствуют эффективно функционирующие системы регистрации и, как следствие, отмечается недостаточное документирование жизненно важных событий среди определенных групп населения⁴⁵. Помимо мероприятий по устранению необъективности и гендерных разрывов в охвате, данные системы нуждаются в финансировании и совершенствовании, в особенности в развивающихся странах⁴⁶.

Тем не менее, несмотря на указанные ограничения, данные переписей и обследований домохозяйств при должной интерпретации и в сочетании с качественными исследованиями можно использовать в качестве незаменимого источника информации, на основании которой возможно генерировать сравнительные данные о жизни женщин в домохозяйствах и семьях.

Самые свежие данные, полученные в 86 странах и охватывающие 78,5% населения мира, служат подтверждением многообразия домохозяйств, в которых живут женщины и девочки, и отражают четкие региональные закономерности (см. рисунок 2.2)⁴⁷. Более подробно эти закономерности рассматриваются в разделе 2.6.

Домохозяйства, состоящие из пар с детьми, как маленькими, так и не состоящими в браке совершеннолетними, составляют 38,4% домохозяйств по всему миру⁴⁸. Однако сам по себе данный тип домохозяйств достаточно неоднороден. В частности, в него входят пары, состоящие в браке и в сожительстве, начавшие совместную жизнь впервые или после расставания. Также в него входят домохозяйства на разных этапах

формирования семьи: молодые пары с маленькими детьми, которые только недавно создали семью; пары среднего возраста со взрослыми детьми, в силу различных причин проживающие вместе с родителями; смешанные семьи, живущие вместе с детьми от предыдущих союзов своих родителей; а также пожилые пары, чьи дети переехали, а затем вернулись, чтобы жить с ними⁴⁹.

С точки зрения политики, среди данной неоднородной группы важно выделить те домохозяйства, которые особенно остро нуждаются в оказании услуг по уходу и финансовой поддержке.

Второе место по распространенности (26,6%) занимает расширенное домохозяйство, в состав которого входит как минимум один взрослый, другие родственники и, возможно, дети⁵⁰. В развивающихся странах, где преобладает именно этот тип домохозяйств, в него, помимо родителей и детей, могут входить бабушки, дедушки, дяди, тети и другие родственники (см. рисунок 2.2).

В глобальном масштабе число домохозяйств с одним родителем меньше, чем пар с детьми или расширенных семей, однако оно остается значительным (7,5%)⁵¹. В большинстве случаев глава семьи — женщина, которая зачастую совмещает оплачиваемую работу, воспитание детей и, возможно, также заботится о других иждивенцах⁵². Жизнь без партнера может быть переходным этапом перед новым союзом или повторным браком⁵³ — структурной характеристикой определенных семейных систем⁵⁴ или жизненным выбором конкретной женщины. Домохозяйства с одинокими матерями особенно уязвимы с точки зрения нищеты, а в некоторых случаях подвергаются стигматизации и дискриминации (см. раздел 2.5).

Что касается других соответствующих типов домохозяйств, отмеченных на рисунке 2.2, то домохозяйства, состоящие из одного человека, особенно широко распространены в регионе Европы и Северной Америки с высоким уровнем дохода (27,1%), что более чем вдвое превышает среднемировой показатель (12,5%)⁵⁵. Эти домохозяйства состоят из представителей разных социально-демографических групп, в том числе более молодых поколений, создающих свой собственный дом, при этом растет доля пожилых людей, которые живут одни.

ТИПЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ: СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В МИРЕ И В РЕГИОНАХ

Менее четырех из десяти домохозяйств в мире представляет собой пару, проживающую с детьми (любого возраста).

Типы домохозяйств

Доля домохозяйств по типу в мире

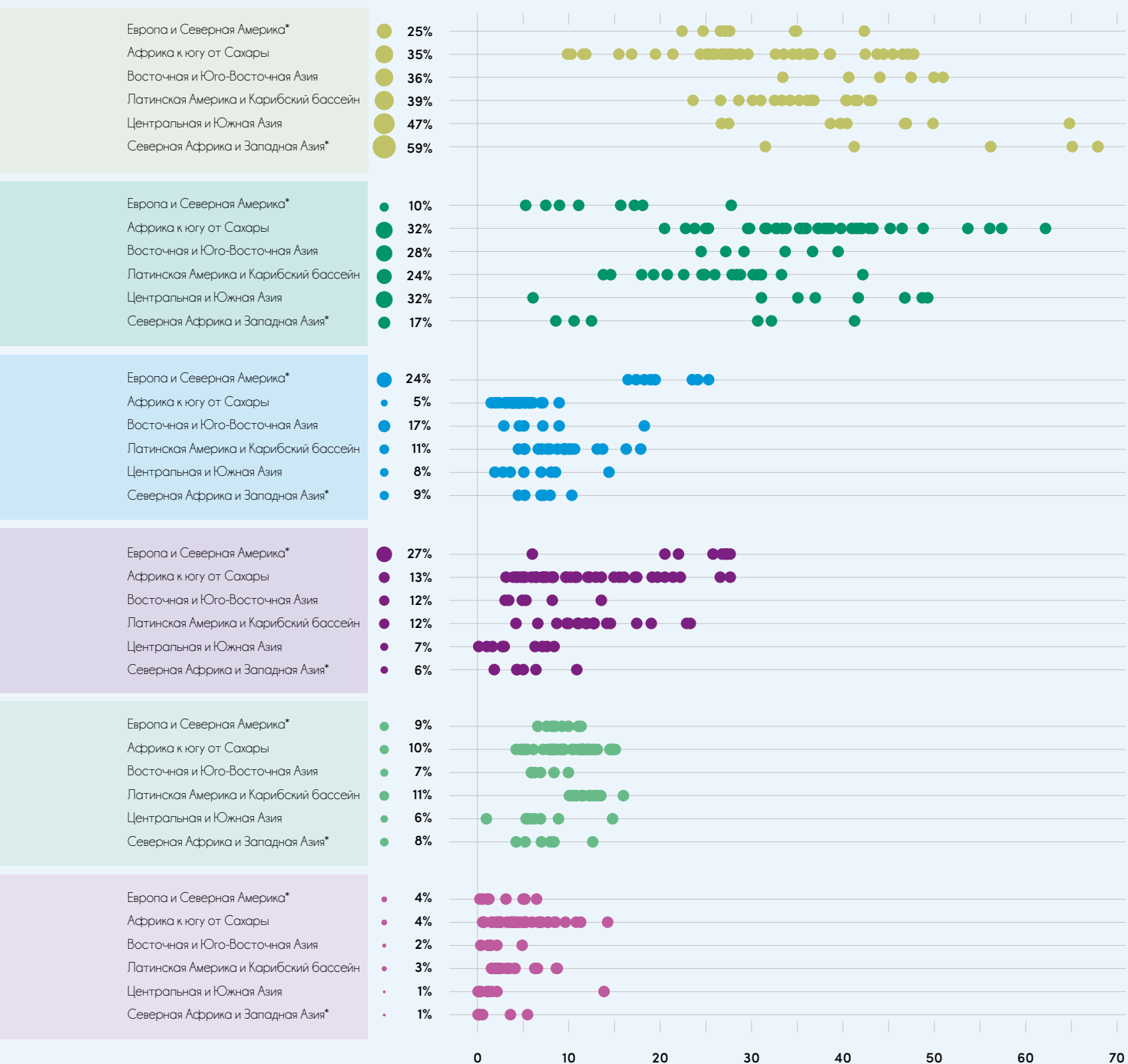
Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA, 2018а. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng, 2015.

Примечание: Региональные оценки, помеченные звездочкой (*), основаны на данных по менее чем двум третям населения соответствующего региона, и к ним следует относиться с осторожностью: Европа и Северная Америка — 41,0% населения, Северная Африка и Западная Азия — 36,1% населения. Суммарное значение распределения домохозяйств по типам в мире и в регионах может не составлять 100 из-за округления. Охват населения в Океании был недостаточным, и поэтому не показан.

Разнообразие является нормой в составе домохозяйств: в странах Африки к югу от Сахары и в Центральной и Южной Азии почти треть всех домохозяйств являются расширенными; в некоторых регионах каждое десятое домохозяйство - с одним родителем.

Доля домохозяйств по типу, региональное распределение

Доля домохозяйств по типу, распределение на уровне страны

2.3 КОГДА И КАК ЖЕНЩИНЫ ВСТУПАЮТ В БРАК И РАССТОРГАЮТ ЕГО?

Решения о вступлении в брак, а также о том, когда и с кем создавать союз, являются одними из наиболее важных решений в жизни⁵⁶. Доказательная база, представленная в данном разделе, демонстрирует, что, несмотря на значительные различия между регионами и внутри них, за последние десятилетия (с 1980 по 2010 год) возраст вступления женщин в первый брак увеличился. Кроме того, возросла распространенность случаев совместного проживания, разводов или раздельного проживания, а также отказ от брака⁵⁷.

В целом преобладание родительской воли над свободным выбором супруга — краеугольный камень патриархата — несколько снизилось за последние десятилетия и дало женщинам больше свободы в выборе спутника жизни и типа союза. Эту тенденцию подтверждает и повышение возраста вступления женщин в первый брак и неуклонное снижение количества детей, а также числа ранних и принудительных браков в большинстве регионов. Подтверждение большей автономии при выборе супруга отмечается и там, где брак продолжает оставаться для женщин основной формой союза⁵⁸. Например, практически все страны Юго-Восточной Азии во второй половине XX века отошли от практики договорных браков⁵⁹. В Северной Америке, в некоторых странах Европы, Австралии и Новой Зеландии, странах Латинской Америки и Карибского бассейна разнообразие возможных типов союзов для женщин постоянно расширяется⁶⁰. В дополнение к набирающему все большую популярность отказу от брака, в разных слоях общества распространяется практика совместного проживания как альтернатива браку или переход к нему⁶¹. За последние два десятилетия в некоторых странах официальные союзы также стали доступны для однополых пар (см. главу 3)⁶².

В некоторых частях мира уходит в прошлое традиция браков на всю жизнь⁶³. Даже несмотря на то, что число официальных разводов остается на прежнем уровне или снижается в странах, ранее занимавших ведущие позиции по данному показателю, распространенность совместного проживания означает, что общее число распада союзов и вступления в новые отношения остается высоким и может даже расти⁶⁴. Как следствие, в ряде регионов вероятен рост числа смешанных семей⁶⁵. При этом отсутствие межнациональных данных по повторным бракам и разводам ограничивает возможности директивных органов, законодателей и поставщиков различных услуг принимать во внимание неоднородность типов семей⁶⁶.

Несмотря на такие трансформации интимных партнерских отношений, статистические данные также указывают на сохранение важных тенденций⁶⁷. К примеру, во многих регионах, в частности в странах Центральной и Южной Азии, Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной Африки и Западной Азии, по-прежнему повсеместно распространены долгосрочные гетеросексуальные браки⁶⁸. Остаются актуальными и давние проблемы в области соблюдения прав женщин: по данным на 2017 год, каждая пятая женщина в возрасте 20–24 лет вступила в брак до своего совершеннолетия⁶⁹.

При том что в общемировом масштабе доступность данных по бракам находится на достаточно хорошем уровне, анализ межнациональных данных затрудняется различиями в том, как правительства и статистические ведомства разных стран ведут учет браков и других форм союзов (см. вставку 2.3).

ВСТАВКА 2.3

ПОЯСНЕНИЕ К ДАННЫМ О ТЕНДЕНЦИЯХ И МЕЖСТРАНОВОЙ СОПОСТАВИМОСТИ ИНФОРМАЦИИ О БРАКАХ И СЕМЕЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Семейное положение является одним из показателей, который все страны должны регистрировать в ходе переписей населения. Принципы и рекомендации ООН в отношении переписей населения и жилого фонда (3-е пересмотренное издание) предполагают использование по крайней мере пяти категорий для описания семейного положения: а) одинокие лица (никогда не состоявшие в браке); б) лица, состоящие в браке; в) супруги, живущие раздельно (юридически или фактически); г) вдовы и вдовцы, не вступившие в повторный брак; и е) разведенные лица, не вступившие в повторный брак.

Принципами ООН также признается необходимость учитывать брачные союзы, основанные на обычном праве, такие как зарегистрированные партнерские отношения и консенсуальные союзы, которые признаются законными и имеющими юридическую силу. В странах, где создано правовое поле для зарегистрированного или имеющего законную силу союза, или в тех случаях, когда однополые пары

могут вступать в законный брак, рекомендации предусматривают включение двух дополнительных подкатегорий: b.i) гетеросексуальный брак/союз и b.ii) однополый брак/союз. С учетом разнообразия в определении брака в разных странах, когда в некоторых случаях данное определение включает союзы согласно обычному праву, к любым сравнениям следует относиться с осторожностью.

Что касается социальной политики, то такой форме совместного проживания, как сожительство, только недавно стало уделяться должное внимание. Как следствие, данные о сожительстве в переписях имеются только у ограниченного числа стран и преимущественно охватывают последние годы. Следовательно, осуществление достоверных межстрановых сравнений и анализ тенденций представляют существенные трудности⁷⁰. Хорошей иллюстрацией сложности при сравнительном анализе могут служить данные лонгитюдных исследований в Бразилии, где состоящие в сожительстве женщины относились к группе одиноких в переписях 1940 и 1950 годов и к группе состоящих в браке в переписях 1960 и 1970 годов⁷¹.

Записи актов гражданского состояния предоставляют альтернативный источник данных о браке и разводе. Их потенциально слабое место в том, что в них не всегда признаются или регистрируются все виды союзов. Подобная ситуация возникает, например, когда понятие брака не включает некоторые формы гетеросексуальных союзов. В частности, вопрос о том, как относиться к полигамным бракам, может также возникнуть в странах, где полигамия не признана официально и, такие союзы регистрируются в переписях и записях актов гражданского состояния неточно.

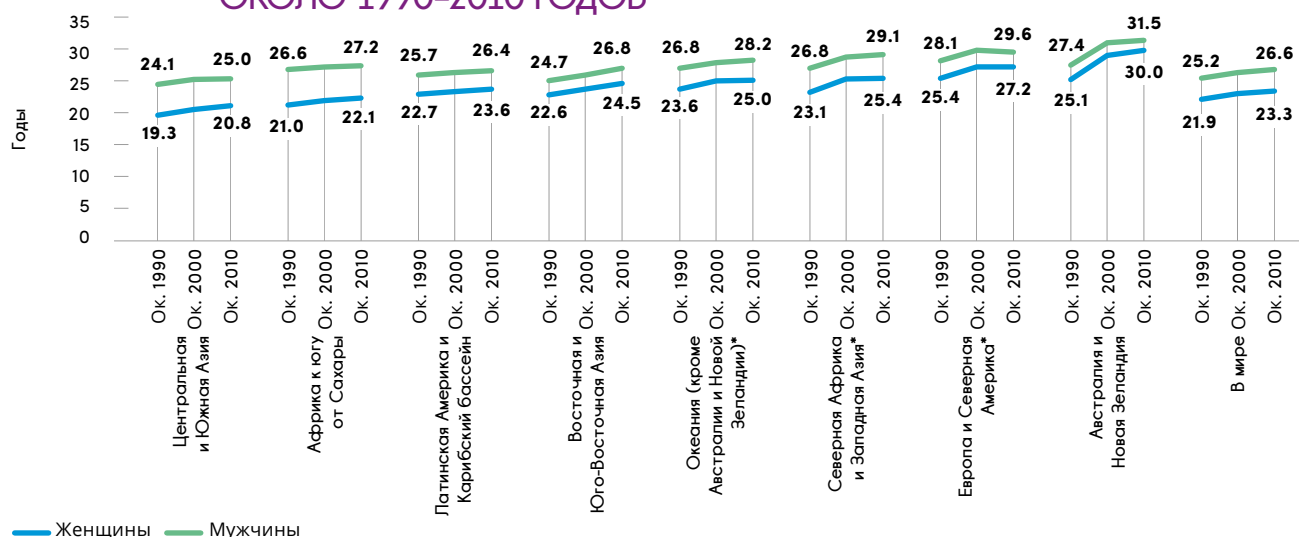
Повсеместное повышение возраста первого вступления женщин в брак

Во всем мире женщины и мужчины откладывают вступление в брак, при этом женщины по-прежнему вступают в брак в более раннем

возрасте⁷². Начиная с 1990-х годов, расчетный средний возраст вступления в брак, в данном докладе учитывающий первый опыт заключения брака, увеличился с 21,9 года в 1990 году до 23,3 лет в 2010 году (см. рисунок 2.3).

РИСУНОК 2.3

РАСЧЕТНЫЙ СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ ВСТУПЛЕНИЯ В ПЕРВЫЙ БРАК, ОКОЛО 1990–2010 ГОДОВ

Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.

Примечание: ок. — около. Анализ охватывает 109 стран, на которые приходится 79,2% мирового женского населения репродуктивного возраста (15–49 лет). Ок. 1990: 1986–1995 годы. Ок. 2000: 1996–2005 годы. Ок. 2010: 2006–2015 годы. Глобальные и региональные средние значения рассчитываются путем взвешивания последних данных по расчетному среднему возрасту вступления в первый брак у женщин и у мужчин в течение каждого десятилетнего периода по численности женщин и мужчин репродуктивного возраста (15–49 лет) в конце десятилетнего периода. Например, последние доступные данные по этому показателю для женщин и мужчин по состоянию около 1990 года были взвешены по населению мужчин и женщин соответственно на 1 июля 1995 года. Предельный возраст, как правило, устанавливается на отметке 50 лет. Данный показатель означает среднее число лет, проведенных в статусе «не состоит в браке» или «никогда не состоял в браке» гипотетической группой лиц, для которых пропорции тех, кто не состоял в браке в любом возрасте, совпадают с пропорциями, наблюдаемыми в данный момент для данной группы населения. В странах, где ведется учет данных о консенсуальных союзах/сожительствах или других типах союзов, основанных на обычном праве, женщины и мужчины в таких союзах не считаются не состоящими или никогда не состоявшими в браке; они считаются состоящими в браке в настоящее время, что позволяет проводить сравнение со странами, где ведется учет состоящих в браке в настоящее время вместе с состоящими в консенсуальных союзах/сожительствах или других видах союзов, основанных на обычном праве. Для Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии) данные доступны только по 6 странам, в которых проживает 12,2% населения; в Северной Африке и Западной Азии данные доступны для 11 стран, в которых проживает 54,6% населения; в Европе и Северной Америке данные доступны по 24 странам, охватывающим 39,4% населения. Региональные и глобальные оценки, помеченные звездочкой (*), основаны на менее чем двух третях соответствующего населения региона и должны рассматриваться с осторожностью. Во всех других регионах значения агрегированных показателей основаны на данных, охватывающих две трети населения или более.

Существуют значительные различия между регионами, а также между социальными группами внутри стран в возрасте вступления женщин в первый брак⁷³. Например, женщины, проживающие в сельской местности, вступают в брак в более раннем возрасте, чем в среднем по стране⁷⁴. Самый ранний возраст вступления в брак среди женщин отмечается в странах Центральной и Южной Азии (20,8 года), Африки к югу от Сахары (22,1 года), а также в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (23,6 года). В Восточной и Юго-Восточной Азии, Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии), Северной Африке и Западной Азии женщины выходят замуж позже, в среднем в возрасте около 25 лет. В настоящее время позже всего женщины вступают в брак в Европе и Северной Америке (27,2 года), Австралии и Новой Зеландии (30 лет)⁷⁵.

Более поздний брак является следствием социальных, культурных и экономических факторов (см. главу 3)⁷⁶. Несмотря на то, что более поздний возраст вступления в первый брак или в союз положительно соотносится с увеличением количества лет, посвященных получению среднего и высшего образования⁷⁷, он также может быть обусловлен не выбором, а необходимостью⁷⁸. Образование женщин и поиск возможностей трудоустройства является одним из факторов, стоящих за значительным увеличением возраста

вступления в первый брак в Северной Африке и Западной Азии⁷⁹: по росту данного показателя за два десятилетия (2,3 года) этот регион уступает только Австралии и Новой Зеландии (4,9 года) (см. рисунок 2.4). Особенно выделяется Алжир, где за тот же период этот показатель среди женщин увеличился более чем на пять лет, с 23,7 года до 29,1 года. Тем не менее, хотя женщины в Северной Африке и Западной Азии⁷⁹ сегодня вступают в брак позже, чем в прошлые десятилетия, брак по-прежнему является важным обрядом для (почти) всех женщин в регионе, что означает, что большая их часть в конечном итоге вступит в брак (см. рисунок 2.3).

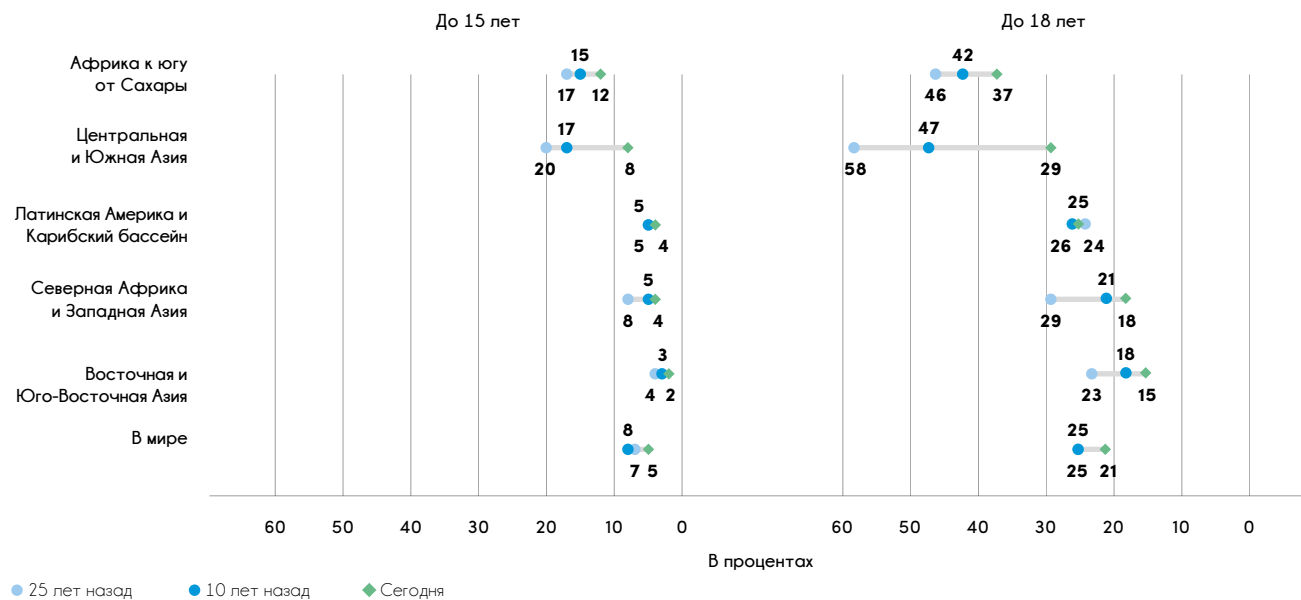
Значительное сокращение детских, ранних и принудительных браков

Сокращение числа детских, ранних и принудительных браков в большинстве регионов вселяет надежду, однако для устранения данной традиции предстоит сделать еще многое. За последние 25 лет коэффициент вступления в брак девочек в возрасте до 18 лет снизился во всем мире с 25% до 20,8%, а в возрасте до 15 лет — с 7,1% до 5% (см. рисунок 2.4).

Вступление в брак или в союз в молодом возрасте может иметь ряд отрицательных последствий, в частности может негативно влиять на сексуальное и репродуктивное здоровье женщин, их доступ к образованию, возможности достижения

РИСУНОК 2.4

ДОЛЯ ЖЕНЩИН В ВОЗРАСТЕ 20–24 ЛЕТ, КОТОРЫЕ ВСТУПИЛИ В БРАК В ВОЗРАСТЕ ДО 15 ЛЕТ И ДО 18 ЛЕТ В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ

Источник: Глобальные базы данных ЮНИСЕФ (UNICEF, 2019b) на основе обследований по многим показателям с применением гнездовой выборки, медико-демографических обследований и других репрезентативных национальных источников за период 2011–2018 годов.

Примечания: Анализ охватывает 105 стран, на которые приходится 77% мирового женского населения в возрасте 20–24 лет. Охват населения был недостаточным для расчета региональных агрегированных показателей для Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии), Австралии и Новой Зеландии, Европы и Северной Америки. Во всех остальных регионах агрегированные показатели основаны на данных, охватывающих две трети или более женского населения в возрасте 20–24 лет.

договоренностей в семье и жизнь без насилия⁸⁰. Вопрос уменьшения числа детских браков, требующий конкретных политических решений, охватывает два различных типа союзов⁸¹ — между подростками близкого возраста и между девочками и мужчинами более старшего возраста, в которых воля или голос девушек еще более ограничены⁸².

Распространенность детских, ранних и принудительных браков по-прежнему особенно высока в странах Африки к югу от Сахары, где более трети женщин в возрасте 20–24 лет состояли в браке или в союзе до своего 18-летия (37,2%), далее следует Центральная и Южная Азия (29,4%). Как и в Северной Африке и Западной Азии (17,8%), в данных регионах брак также носит повсеместный характер. Детские браки и раннее вступление в союз (до 18 лет) распространены и в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (24,7%); это единственный регион, где такая практика стала более распространенной за последние 25 лет (с 23,5% до 24,7%).

В то же время внутри регионов наблюдаются и существенные различия. Когортный анализ, в котором сравниваются показатели вступления в брак в детском возрасте со слов женщин в возрасте 20–24 лет и 45–49 лет в 62 странах показывает, что, например, в 6 из 34 стран Африки к югу от Сахары (Ангола, Буркина-Фасо, Мадагаскар, Мали, Мозамбик и Зимбабве) число ранних внебрачных союзов увеличилось, а не уменьшилось⁸³.

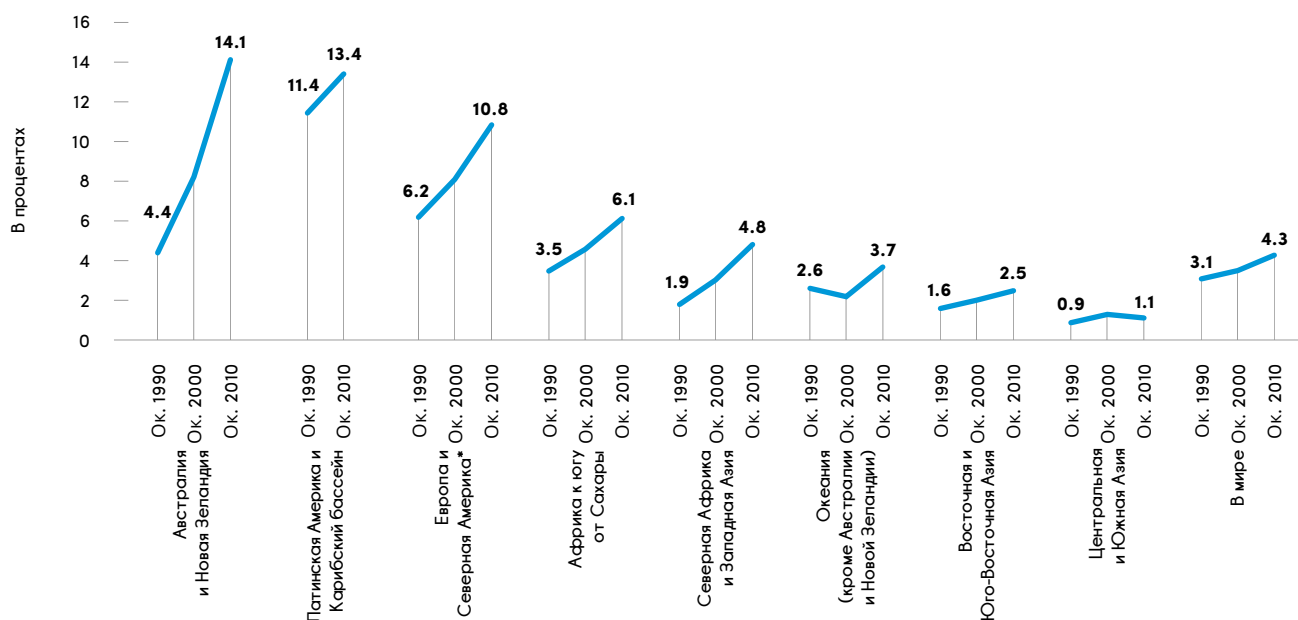
Рост численности женщин, отказывающихся от брака

Поскольку с 1980-х годов число браков во всем мире уменьшилось⁸⁴, доля не состоящих в браке женщин в возрасте 45–49 лет возросла с 3,1% (1990 г.) до 4,3% (2010 год) (см. рисунок 2.5). Это подтверждает, что женщины, по крайней мере в некоторых регионах и странах, постепенно отказываются от брака и других формальных союзов, а не просто откладывают их.

По данным за 2010 год, значительная доля женщин в возрасте старше 40 лет никогда не была замужем: 14,1% в Австралии и Новой Зеландии,

РИСУНОК 2.5

ДОЛЯ НИКОГДА НЕ СОСТОЯВШИХ В БРАКЕ ЖЕНЩИН В ВОЗРАСТЕ 45–49 ЛЕТ В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ, ОКОЛО 1990–2010 ГОДОВ

Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.

Примечание: ок. — около. Ок. 1990: 1986–1995 годы. Ок. 2000: 1996–2005 годы. Ок. 2010: 2006–2015 годы. Региональные средние значения рассчитываются путем взвешивания последних данных по доле никогда не состоящих в браке женщин в возрасте 45–49 лет в течение каждого десятилетнего периода по численности женщин в возрасте 45–49 лет в конце десятилетнего периода. Например, последние доступные данные по доле никогда не состоящих в браке женщин в возрасте 45–49 лет по состоянию около 1990 года были взвешены по женскому населению в возрасте 45–49 лет на 1 июля 1995 года. Анализ охватывает 134 страны и территории с населением 90 000 жителей или более на 2017 год, что составляло 87,6% женского населения мира в возрасте 45–49 лет. По Европе и Северной Америке данные приведены для 25 стран и охватывали 42,2% населения. Оценочные данные по Латинской Америке и странам Карибского бассейна по состоянию около 2000 года были удалены из-за опасений возможного разрыва в рядах доступных данных. Региональные и глобальные оценки, помеченные звездочкой (*), основаны на менее чем двух третях населения региона и должны рассматриваться с осторожностью. Во всех других регионах значения агрегированных показателей основаны на данных, охватывающих две трети населения или более. В странах, где ведется учет данных о регистрируемых партнерских отношениях, консенсуальных союзах/ сожительстве или других типах союзов, основанных на обычном праве, женщины и мужчины в таких союзах не считаются не состоящими или никогда не состоявшими в браке; они считаются состоящими в браке в настоящее время, что позволяет проводить сравнение со странами, где ведется учет состоящих в браке в настоящее время вместе с состоящими в консенсуальных союзах/ сожительстве или других видах союзов, основанных на обычном праве.

13,4% в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, 10,8% в Европе и Северной Америке и 6,1% в странах Африки к югу от Сахары. В последнем регионе в ряде стран обращает на себя внимание статистика по доле женщин в возрасте старше 40 лет никогда не состоявших в браке: в числе таких стран Ботсвана (32,3%), Намибия (31,1%) и ЮАР (26,4%), где показатели значительно выше средних по региону⁸⁵.

Брак по-прежнему распространен практически повсеместно в Центральной и Южной Азии, а также в Восточной и Юго-Восточной Азии, где к 2010 году никогда не состояли в браке только 1,1% и 2,5% женщин в возрасте 45–49 лет соответственно (см. рисунок 2.5). Отказ от вступления в брак остается крайне редким явлением в Китае и Индии⁸⁶, где менее 1% всех женщин в возрасте 45–49 лет никогда не состояли в браке⁸⁷. Однако в некоторых восточноазиатских странах с высоким уровнем дохода наблюдается резкое увеличение числа не состоящих в браке женщин⁸⁸. Согласно данным 2010 года, доля не состоящих в браке женщин в возрасте более 40 лет была самой высокой в Японии (16,1%) и Сингапуре (12,8%)⁸⁹. В главе 3 рассматриваются некоторые причины, по которым женщины в этих странах вообще отказываются от брака.

Распространенность сожительства в нескольких регионах

Сожительство может предшествовать браку или служить его альтернативой, при этом в таком союзе женщины могут иметь разные права в плане социальной защиты, наследования, опеки и выплаты алиментов⁹⁰. Совместное проживание с партнером становится все более распространенным в Европе и

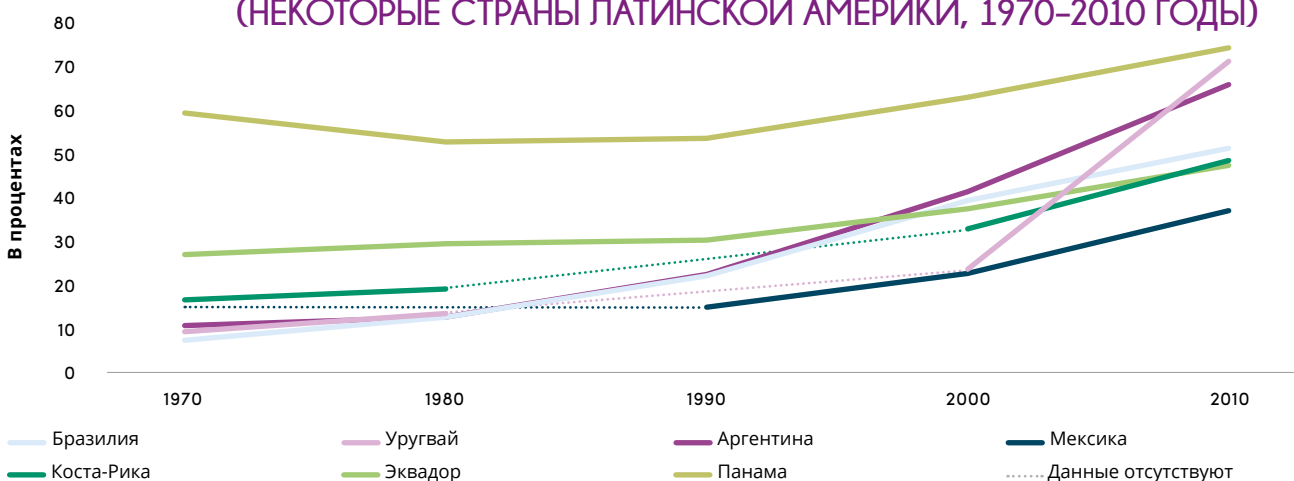
Северной Америке, а также в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, являясь переходным этапом к официальному браку или его заменой⁹¹.

Данные выборки по 30 странам Европы и Северной Америки демонстрируют значительный разброс в доле сожительства. В странах Северной и Западной Европы большинство женщин в возрасте 25–29 лет предпочитают браку сожительство: в частности, в Эстонии сожительствуют 60,6% от общего числа состоящих в союзе, в Дании - 59,4%, в Исландии 57,3% и во Франции 57,2%⁹². В то же время сожительство наименее распространено в странах Восточной Европы, таких как Беларусь и Польша, где менее 1 из 10 женщин в возрасте 25–29 лет состоят в таком союзе (9,0% и 7,7% соответственно).

За последние четыре десятилетия распространенность сожительства росла в геометрической прогрессии в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (см. рисунок 2.6), что привело к одному из самых высоких показателей, зарегистрированных с 1970-х годов⁹³. Исторически сожительство в регионе было распространено среди менее образованных женщин, которые вступают в подобный союз в подростковом или молодом возрасте, а также с большей вероятностью рано становятся матерями⁹⁴. В последнее время в регионе наблюдается рост популярности сожительства среди более образованных женщин разных возрастных групп. С упрощением процедуры разводов и изменением социальных норм практика сожительства стала более популярной, и сегодня этот вид совместного проживания — переходный этап перед браком, образ жизни после развода и выбор на всю жизнь.

РИСУНОК 2.6

ДОЛЯ ЖЕНЩИН В ВОЗРАСТЕ 25–29 ЛЕТ В СОЖИТЕЛЬСТВЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩЕМУ ЧИСЛУ ЖЕНЩИН В БРАЧНОМ СОЮЗЕ (НЕКОТОРЫЕ СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ, 1970–2010 ГОДЫ)

Источник: Esteve et al. 2016.

Примечание: Данные охватывают пять переписей с 1970 по 2010 год. Недоступны оценочные данные по Мексике за 1980 год и по Коста-Рике и Уругваю за 1990 год. Понятие «брачный союз» применяется ко всем, кто в настоящее время состоит в браке или сожительствует.

Рост и распространенность раздельного проживания и разводов по регионам

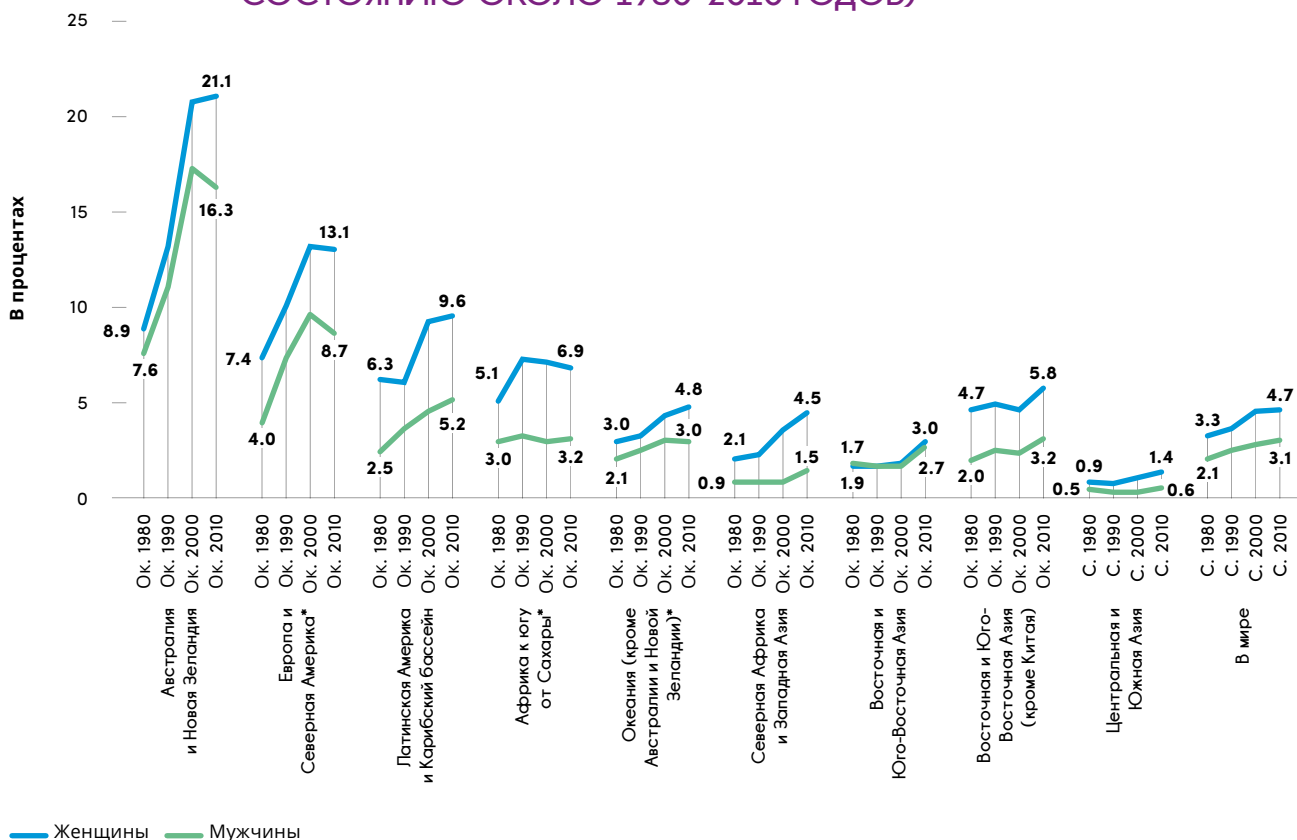
Рост числа разводов и раздельного проживания является одним из наиболее заметных изменений в жизни семей в большинстве регионов⁹⁶. С 1980-х годов доля разведенных или раздельно проживающих женщин в возрасте 45–49 лет неуклонно росла: с 3,3% в приблизительно 1980 году до 4,7% в 2010 году (см. рисунок 2.7). В мире и в регионах женщины чаще, чем мужчины имеют статус разведенных или проживающих раздельно — это может объясняться более высокими показателями повторного вступления в брак мужчин, которые часто женятся на молодых женщинах⁹⁷.

Более высокие показатели разводов в некоторых случаях могут свидетельствовать о том, что женщины способны материально обеспечивать себя за счет оплачиваемого труда независимо от брака. Однако рост числа разведенных и проживающих раздельно женщин может также означать и большую их уязвимость⁹⁸. В реальности прекращение отношений влечет за собой гораздо более неблагоприятные экономические последствия для женщин, чем для мужчин. Слишком часто женщины теряют доступ к семейным активам, ресурсам или даже к опеке над детьми (см. главы 3 и 4)⁹⁹.

По данным около 2010 года, доля разведенных и проживающих раздельно женщин в возрасте более

РИСУНОК 2.7

ДОЛЯ РАЗВЕДЕННЫХ ИЛИ ПРОЖИВАЮЩИХ РАЗДЕЛЬНО ЛИЦ В ВОЗРАСТЕ 45–49 ЛЕТ (В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И РЕГИОНУ, ПО СОСТОЯНИЮ ОКОЛО 1980–2010 ГОДОВ)

Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.

Примечание: ок. — около. Ок. 1980: 1976–1985 годы. Ок. 1990: 1986–1995 годы. Ок. 2000: 1996–2005 годы. Ок. 2010: 2006–2015 годы. Региональные средние значения рассчитываются путем взвешивания последних данных по доле разведенных или проживающих раздельно женщин в возрасте 45–49 лет в течение каждого десятилетнего периода по численности женщин в возрасте 45–49 лет в конце десятилетнего периода. Например, последние доступные данные по доле разведенных или проживающих раздельно женщин в возрасте 45–49 лет по состоянию около 1990 года были взвешены по женскому населению в возрасте 45–49 лет на 1 июля 1995 года. Анализ охватывает 95 стран и территорий с населением 90 000 жителей или более на 2017 год, что составляло 78,0% женского населения мира в возрасте 45–49 лет. По Европе и Северной Америке данные доступны только по 23 странам и охватывают 50,4% населения. Данные по странам Африки к югу от Сахары доступны по 17 странам и охватывают 44,4% населения, а в случае Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии) — по 6 странам и 12% населения. Региональные и глобальные оценки, помеченные звездочкой (*), основаны на менее чем двух третях населения региона и должны рассматриваться с осторожностью. Во всех других регионах значения агрегированных показателей основаны на данных, охватывающих две трети населения или более.

40 лет была выше в странах с высоким доходом, таких как Австралия и Новая Зеландия (21,1%), и в странах Европы и Северной Америки (13,1%). За регионами с высоким уровнем дохода следуют страны Латинской Америки и Карибского бассейна (9,6%), где доля разведенных и проживающих отдельно женщин в возрасте более 40 лет в два раза превышает среднемировой показатель. Показатели в странах Африки к югу от Сахары находятся в центре глобального распределения (6,9%). И наоборот, развод и раздельное проживание по-прежнему редки в Восточной и Юго-Восточной Азии (3,0%), включая Китай и Центральную и Южную Азию (1,4%). В Индии, где число разведенных за последние два десятилетия увеличилось вдвое, разведенные женщины составляют лишь 1,1%¹⁰⁰,

причем большая их часть приходится на жительниц городов¹⁰¹.

На рисунке 2.7 также отмечено, что в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, за исключением Китая, значение показателя разводов намного выше и превышает средние показатели в мире (см. главу 3). Отмечается значительное увеличение числа разводов в Северной Африке и Западной Азии, где ранее этот показатель был очень низким: за указанный период их число выросло практически вдвое¹⁰². Это может отражать некоторый рост приемлемости разводов или раздельного проживания в этих странах или большую готовность женщин сообщать о том, что они разведены либо проживают раздельно¹⁰³.

2.4 РОЖДАЕМОСТЬ И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО

Глобальное снижение рождаемости является одной из наиболее заметных демографических тенденций последних десятилетий¹⁰⁴. Возможность женщин свободно и ответственно определять количество детей, которое они хотят иметь, и интервал между их рождением, имеет позитивные последствия для их благополучия и возможностей, а также осуществления ими прав человека¹⁰⁵.

Прогресс в области гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин — повышение уровня образования девочек, участие женщин в рабочей силе и доступ к медицинскому обслуживанию, а также снижение младенческой и детской смертности — вот основные причины наблюдаемого во всем мире снижения рождаемости¹⁰⁶. В свою очередь эти более масштабные социальные успехи связаны с изменениями на микроуровне в формировании семьи и в предпочтениях отдельных лиц и пар, включая создание союзов и рождение ребенка в более позднем возрасте и стремление иметь семью меньшего размера¹⁰⁷.

Однако мировая тенденция снижения рождаемости весьма неравномерно прослеживается по регионам и социальным группам, что указывает на три проблемы. Во-первых, показатели подросткового материнства, которое наиболее распространено в странах Африки к югу от Сахары, а также в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, намного выше среди молодых женщин в более бедных

группах населения, чем среди более обеспеченных женщин. Во-вторых, в то время как пары все чаще стремятся к меньшим семьям, во многих частях Африки к югу от Сахары из-за давления со стороны членов расширенной семьи в сочетании с неудовлетворенной потребностью женщин в планировании семьи коэффициент рождаемости по-прежнему высок¹⁰⁸. В-третьих, низкие показатели рождаемости в Европе и Северной Америке, а также в некоторых странах Восточной Азии с высоким уровнем дохода свидетельствуют о трудном выборе, который должны делать женщины (и их партнеры) при совмещении родительских обязанностей и оплачиваемого труда, причем часто в условиях экономической неопределенности¹⁰⁹. Проблема выбора особенно остро стоит перед женщинами, поскольку, даже когда они имеют постоянную занятость, от них по-прежнему ожидается выполнение львиной доли неоплачиваемой работы по уходу за членами семьи и по ведению домашнего хозяйства¹¹⁰.

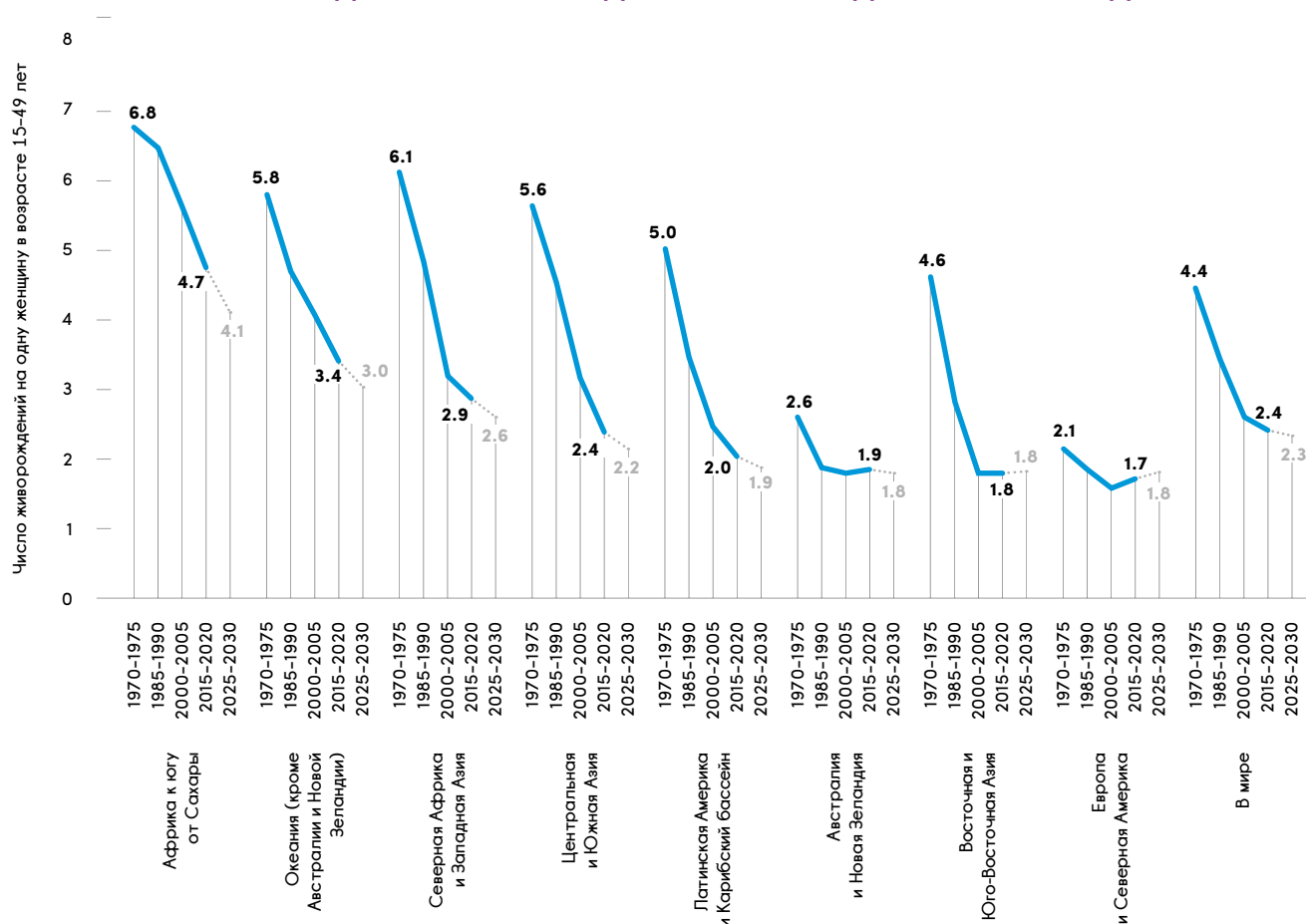
Снижение рождаемости по всему миру

По оценкам, текущий глобальный суммарный коэффициент рождаемости составляет 2,4 живорождения на одну женщину, что почти вдвое ниже уровня, наблюдавшегося в период 1970–1975 годов (4,4 живорождения) (см. рисунок 2.8). На основании этой тенденции прогнозируется дальнейшее снижение живорождений до показателя, равного 2,3 в период 2025–2030 годов.

Всего пять десятилетий назад высокая рождаемость, условно определяемая как более пяти живорождений на одну женщину, была общей характерной чертой большинства развивающихся регионов¹¹¹. В то же время, согласно прогнозам, уровень рождаемости в период 2015–2020 годов в Центральной и Южной Азии, Северной Африке и Западной Азии, Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии) и странах Африки к югу от Сахары составит менее пяти живорождений на одну женщину¹¹². По

сравнению с другими развивающимися регионами снижение рождаемости в странах Африки к югу от Сахары было умеренным: средний показатель по региону (4,7) почти вдвое превышает глобальный (2,4)¹¹³. Показатели рождаемости ниже уровня воспроизводства населения, то есть менее 2,1 живорождений на одну женщину, наблюдаются в Европе и Северной Америке, Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Новой Зеландии, а также в Латинской Америке и странах Карибского бассейна.

РИСУНОК 2.8 СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ, ЧИСЛО ЖИВОРОЖДЕНИЙ НА ОДНУ ЖЕНЩИНУ В ВОЗРАСТЕ 15–49 ЛЕТ, С ПЕРИОДА 1970–1975 ГОДОВ ПО ПЕРИОДУ 2025–2030 ГОДОВ

Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m.

Примечания: Анализ охватывает 201 страну и территорию с населением 90 000 жителей или более на 2017 год. Региональные средние значения рассчитываются путем взвешивания суммарных коэффициентов рождаемости за пятилетний период среди женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в начале этого пятилетнего периода. Суммарный коэффициент рождаемости и численность женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) за периоды 2015–2020 и 2025–2030 годов основаны на средних (стандартных) вариантных прогнозах.

Неравенство среди молодых женщин: подростковое материнство

Согласно недавним оценкам, большинство матерей-подростков живут в развивающихся регионах¹¹⁴. Ранняя беременность происходит в основном в рамках союза, но часто является незапланированной¹¹⁵. В некоторых случаях детская или подростковая беременность может быть результатом изнасилования, инцеста или других форм сексуального насилия¹¹⁶.

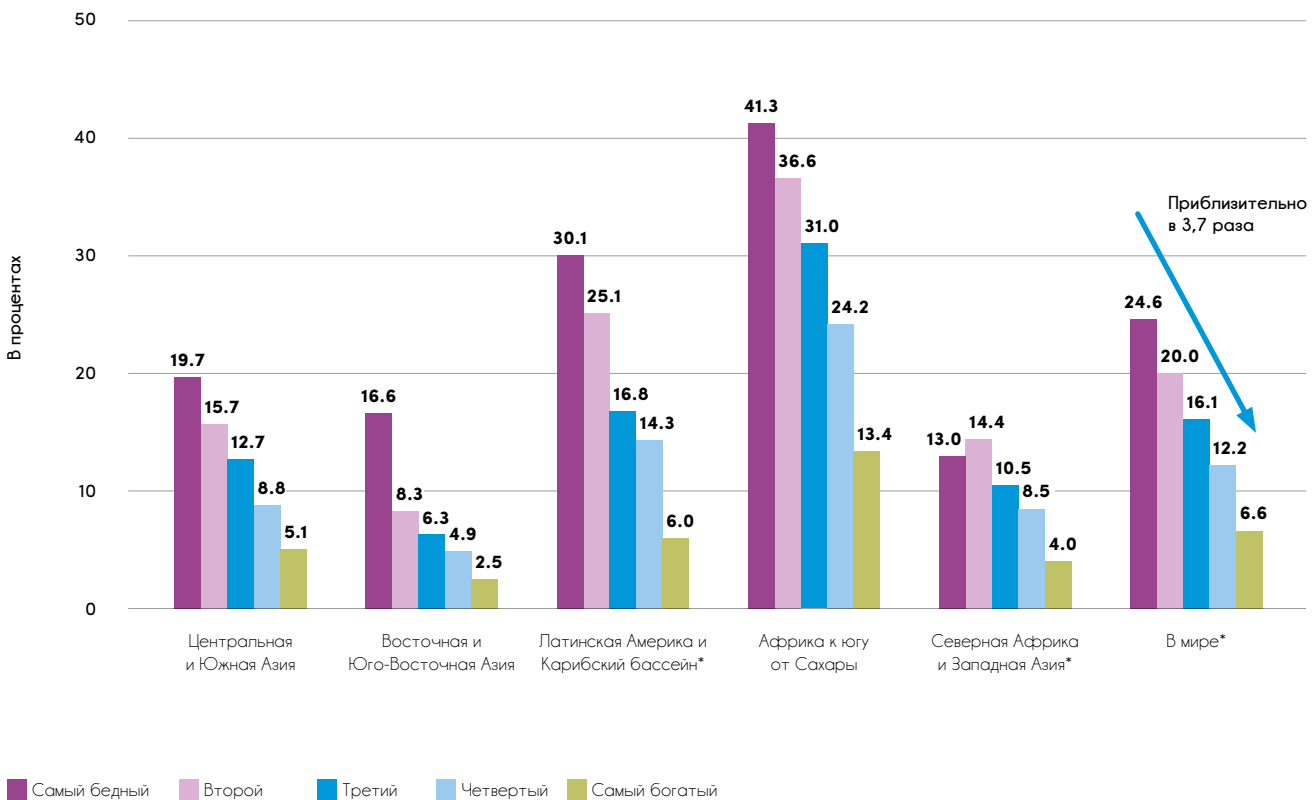
Ранняя беременность оказывает чрезмерное воздействие на женщин из экономически неблагополучных групп и может стать ловушкой

для нескольких поколений, обрекая семью на жизнь в нищете и неблагоприятных условиях¹¹⁷. Во всем мире женщины в возрасте 20–24 лет в нижнем квинтиле благосостояния в 3,7 раза чаще рожают ребенка до своего 18-летия, чем женщины в верхнем квинтиле благосостояния (см. рисунок 2.9). Раннее материнство приводит ко многим неблагоприятным последствиям для девочек-подростков, включая ограничение уровня образования и последующих профессиональных перспектив, а также повышение риска материнской и младенческой смертности¹¹⁸.

Как отмечено на рисунке 2.9, ранняя беременность по-прежнему наиболее распространена в двух

РИСУНОК 2.9

ДОЛЯ ЖЕНЩИН В ВОЗРАСТЕ 20–24 ЛЕТ, РОДИВШИХ РЕБЕНКА ДО 18-ЛЕТИЯ, В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ И БЛАГОСОСТОЯНИЮ (В КВИНТИЛЯХ), ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе ICF International, 2007–2017. Медико-демографические обследования и данные ЮНИСЕФ (разные годы). Обследования по многим показателям с применением гнездовой выборки.

Примечания: Женщина считается родившей ребенка до ее 18-летия, если ее первый ребенок родился живым до ее совершеннолетия. Точный показатель рассчитывается с использованием метода, представленного в Rutstein and Rojas, 2006. Этот же метод воспроизведен для обследований. В случае стран, где были доступны такие обследования, а также медико-демографические, использовалось последнее доступное.

Оценки были взвешены с использованием числа женщин в возрасте 20–24 лет с использованием UN DESA 2017m. Анализ охватывает 92 страны, на которые приходится 58,9% мирового женского населения в возрасте 20–24 лет. Для Латинской Америки и стран Карибского бассейна данные охватывают 53,5% населения региона, а в Северной Африке и Западной Азии данные охватывают 57,4% населения региона. Региональные и глобальные оценки, помеченные звездочкой (*), основаны на менее чем двух третях населения региона и должны рассматриваться с осторожностью. Во всех других регионах значения агрегированных показателей основаны на данных, охватывающих две трети населения или более. Охват населения был недостаточным для расчета региональных агрегированных показателей для Австралии и Новой Зеландии, Европы и Северной Америки и Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии).

развивающихся регионах — в странах Африки к югу от Сахары и в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Самый высокий уровень рождаемости среди девушек-подростков наблюдается в последнем регионе, где 27,8% женщин в возрасте 20–24 лет родили ребенка в возрасте до 18 лет, причем эта цифра увеличивается до 41,3% среди женщин в квинтиле с самым низким доходом. Далее следуют страны Латинской Америки и Карибского бассейна (18,2% женщин в возрасте 20–24 лет рожают до 18 лет, см. рисунок 2.9), где различия в уровне благосостояния особенно заметны. Здесь женщины в возрасте 20–24 лет в квинтиле с самым низким уровнем благосостояния рожают до достижения 18 лет в пять раз чаще, чем женщины в группе с самым высоким уровнем благосостояния¹¹⁹. Внутри стран наблюдаются серьезные различия по уровню рождаемости среди подростков в зависимости от уровня образования, места проживания, этнической и расовой принадлежности. Во всех регионах чаще всего до достижения 18 лет рожают не только бедные, но и менее образованные девочки, а также те, кто проживает в сельской местности¹²⁰.

При всех социально-экономических последствиях материнства в раннем возрасте современные средства контрацепции, в том числе экстренной, зачастую оказываются недоступными для подростков, которые нуждаются в них больше всего¹²¹. Среди распространенных препятствий можно назвать общественное осуждение, требования о согласии третьих лиц, недостаточную защиту конфиденциальности и высокую стоимость¹²².

Препятствия на пути контроля рождаемости в странах Африки к югу от Сахары

По прогнозам, с периода 1970–1975 годов по период 2015–2020 годов рождаемость в странах Африки к югу от Сахары снизится с 6,8 до 4,7 живорождения на одну женщину (см. рисунок 2.8). По оценкам, снижение уровня рождаемости с середины 1980-х годов в регионе почти наполовину связано с повышением уровня образования¹²³. Образованность девочек не только снижает вероятность вступления в брак в детском возрасте, но и отсрочивает деторождение, повышает вероятность более здорового исхода родов, а также влияет на взаимопонимание супружеских пар по вопросам планирования семьи и использования современных средств контрацепции¹²⁴. Тем не менее, прогнозируемое относительное снижение рождаемости в этот период является наименьшим среди развивающихся регионов (30%), хотя ожидается, что высокие показатели рождаемости (более 5 живорождений на одну женщину)

сохранятся в 2015–2020 годах в 12 странах, многие из которых недавно пережили военный конфликт или кризис¹²⁵.

При объяснении высокого уровня рождаемости в странах Африки к югу от Сахары акцент смещается с ограниченности темпов экономического развития и социально-экономических и культурных традиций, поощряющих рождаемость, на изменение предпочтений в пользу небольших семей¹²⁶. Рождаемость остается особенно высокой в Западной и Центральной Африке, где медленные изменения в предпочтениях пар дополняются низким уровнем использования современных средств контрацепции¹²⁷. Противоположная тенденция наблюдается в странах Восточной и Южной Африки, где более популярно стремление ограничить численность семьи, а использование контрацептивов увеличилось более чем на 15% за период с 1990 по 2010 год¹²⁸. Однако подобные изменения во взглядах и ожиданиях незначительно отразились на репродуктивном поведении пар. Поэтому во многих странах с высоким уровнем рождаемости у женщин по-прежнему больше детей, чем им хотелось бы иметь. Такое несоответствие может иметь по крайней мере два объяснения¹²⁹.

Во-первых, многие молодые пары в странах Африки к югу от Сахары сталкиваются с противоречивым давлением — одновременно иметь большую семью и ограничить рождаемость. Исторически тенденция к высокой рождаемости в регионе была связана главным образом с важностью детей как рабочей силы в аграрной экономике, в значительной степени зависящей от семейного труда, а также высоким уровнем младенческой смертности¹³⁰. Согласно недавним лонгитюдным исследованиям в странах Западной Африки, в которых произошла структурная трансформация экономики, в частности в Нигерии, родители придают большое значение формальному образованию детей и хотят ограничить размеры семьи. Однако несмотря на предпочтения родителей, многочисленная родня нередко призывает пару иметь больше детей¹³¹.

Во-вторых, на неизменно высокий уровень рождаемости влияет ограниченный доступ и использование эффективных средств контрацепции¹³². В Западной и Центральной Африке каждая четвертая женщина, состоящая в браке или в союзе, хотела бы отсрочить рождение ребенка или ограничить число детей (26,1% и 25,4% соответственно), однако не имеет доступа к современным средствам контрацепции¹³³. Столь высокая степень неудовлетворения потребностей в планировании семьи сохраняется на протяжении последних 30 лет в обоих субрегионах и контрастирует с тенденциями, наблюдаемыми в других частях Африки и во всем мире¹³⁴.

Ограниченная доступность средств контрацепции в странах Африки к югу от Сахары обусловливается социальными нормами, осуждающими применение контрацептивов, боязнью побочных эффектов, а также отсутствием подходящих методов (см. главу 3)¹³⁵. Кроме того, небольшая, но существенная доля женщин (10–15%) в Бенине, Буркина-Фасо и Конго называют экономическую стоимость основным препятствием для использования контрацептивов¹³⁶. Даже в странах с хорошо организованными программами планирования семьи, например в Гане и Кении, такие программы в значительной мере зависят от спонсорского финансирования, что делает их уязвимыми к нехватке ресурсов и создает риск внезапной приостановки их работы в случае изменения обязательств или приоритетов финансирующей организации¹³⁷.

Низкая рождаемость в развитых странах: сложности совмещения работы и семьи

Очень низкий уровень рождаемости также может свидетельствовать о гендерном неравенстве. За последние 25 лет переход от низкой рождаемости к уровню ниже уровня простого воспроизводства в некоторых странах Европы, Северной Америки, Восточной и Юго-Восточной Азии стал следствием изменений в социокультурных и экономических процессах¹³⁸. В некоторых обществах высокий уровень образования женщин и их участия в рабочей силе не подкреплен государственной поддержкой по уходу за ребенком, вследствие чего женщины стали принимать решение в пользу меньшего числа детей или вовсе отказа от материнства. На сегодняшний день чуть менее половины населения Земли (46%) живут в странах с уровнем рождаемости ниже уровня воспроизводства населения, составляющего 2,1 живорождения¹⁴⁰.

В странах Южной и Центральной Европы — Австрии, Германии, Португалии и Испании — женщины продолжают откладывать вступление в брак и рождение детей или ориентируются на меньшее число детей. Как следствие, прогнозируемый суммарный коэффициент рождаемости в период 2015–2020 годов составит от 1,2 до 1,5 живорождения на одну женщину¹⁴¹. Подобный крайне низкий уровень рождаемости обусловлен тремя факторами. Во-первых, это ожидания общества, согласно которым женщина полностью посвящает себя воспитанию детей нередко на протяжении нескольких лет. На это с трудом соглашаются высоко образованные женщины с

карьерными амбициями. Другой фактор — низкая вовлеченность мужчин в уход за детьми и работу по дому, что затрудняет совмещение женщинами материнства и оплачиваемой занятости. И наконец, растущая экономическая незащищенность и безработица также вносят свой вклад в желание женщин, особенно имеющих высшее образование, повременить с рождением первого ребенка и уменьшить общее число планируемого потомства¹⁴². В результате сочетание данных факторов приводит к тому, что у женщин меньше детей, чем им хотелось бы иметь¹⁴³.

Подобная картина наблюдается и в странах Восточной Азии, ориентированных на низкий уровень рождаемости, таких как Япония и Республика Корея. Однако здесь предпочтения женщин относительно контроля рождаемости ниже уровня воспроизводства¹⁴⁴. Например, в Республике Корея, несмотря на действующую с 2005 года политику поддержки семей с детьми, студентки университетов намерены либо вообще не иметь детей, либо не более одного¹⁴⁵. Низкая рождаемость также поддерживается сочетанием других факторов: неблагоприятными условиями труда для женщин с детьми, включая чрезмерную распространенность временной занятости без выплат по беременности и родам, уходу за ребенком и пособия по безработице; устойчивые представления о семейных обязанностях женщины, а также нежелание мужчин брать на себя долю неоплачиваемого труда по уходу за членами семьи и работы по дому¹⁴⁶.

Важно подчеркнуть, что участие женщин в рабочей силе само по себе не приводит к низкой рождаемости. Хорошие условия труда у родителей и наличие социальной политики, предусматривающей как материнские, так и отцовские выплаты с финансируемыми государством услугами по уходу за детьми, играют важную роль в поддержке пар в создании семьи желаемого размера¹⁴⁷. Сочетание этих факторов, а также постепенное увеличение времени, которое мужчины посвящают домашнему труду, способствуют повышению рождаемости в некоторых странах Северной Европы, где исторически наблюдался низкий уровень рождаемости, росту числа браков и других стабильных отношений¹⁴⁸. Например, в Швеции увеличение числа живорождений на одну женщину за последние два десятилетия (с 1,6 живорождения в период 1995–2000 годов до 1,9 в период 2015–2020 годов)¹⁴⁹ привело к повышению рождаемости практически до уровня предпочтений самих женщин¹⁵⁰.

2.5 С КЕМ ЖИВУТ ЖЕНЩИНЫ И ДЕВУШКИ?

Женщины и девушки проживают в домохозяйствах различного типа в разных странах и регионах¹⁵¹. Организация жизни зависит от демографических факторов, социальных норм, различий в государственной политике и практике трудоустройства¹⁵². Возможность женщин пользоваться правами зависит не столько от собственно типа домохозяйства, в котором они живут, сколько от более широкого спектра политических мер и социальных норм, которые формируют практику семейной жизни¹⁵³. Например, наличие маленьких детей, нуждающихся в интенсивном уходе, не обязательно усиливает гендерное неравенство при распределении времени. Инвестиции в сферу всеобщей социальной защиты и недорогих услуг по уходу в сочетании с разделением неоплачиваемых обязанностей между женщинами и мужчинами могут привести к значительным результатам в снижении «штрафа за материнство», от которого зачастую страдают женщины (см. главу 4). Для создания эффективной политики, которая сможет охватить все семьи и всех членов семьи, необходимо принять во внимание все разнообразие условий жизни.

Уменьшение размеров домохозяйств в мире

Выявляемые тенденции демонстрируют, что размер домохозяйств постепенно уменьшается по всему миру¹⁵⁴. Эта практика отражает снижение уровня рождаемости и главным образом обуславливается уменьшением количества детей в одном домохозяйстве¹⁵⁵. Тем не менее по странам и регионам наблюдаются значительные различия, связанные, помимо прочего, с относительным числом рождений, средней продолжительностью жизни и распространенностью расширенных домохозяйств. В 2017 году размер домохозяйства при среднемировом значении в 3,7 человека варьировался в среднем от 2,2 человека в Нидерландах и Норвегии до 8,3 человека в Сенегале¹⁵⁶.

Происходящие с течением времени изменения в размере домохозяйств внутри стран также обусловлены социально-экономическими условиями¹⁵⁷. Например, в странах Латинской Америки и Карибского бассейна уменьшение размера домохозяйств наблюдалось преимущественно в социальных группах с высоким уровнем дохода. Домохозяйства с низким доходом оставались значительно большими благодаря более высокой рождаемости, а также стратегии объединения ресурсов и рабочей силы¹⁵⁸.

В целом семьи меньшего размера с меньшим количеством детей могут подразумевать сокращение выполняемой женщинами работы по дому. При этом нет прямой зависимости между количеством детей и объемом неоплачиваемого домашнего труда женщины, например, если ожидается, что она будет обеспечивать более интенсивный уход (см. главу 5).

Глобальные различия в структуре домохозяйств

Во многих частях мира жизнь людей характеризуется разнообразием¹⁵⁹. Как отмечено на рисунке 2.2, супружеские пары, проживающие с детьми любого возраста, включая совершеннолетних, составляют 38,4% всех домохозяйств в мире, что делает данный тип домохозяйств наиболее распространенным в большинстве регионов. Если ограничить выборку супружескими парами по крайней мере с одним ребенком в возрасте до 18 лет, эта цифра снижается до 33% (см. рисунок 2.10)¹⁶⁰. Таким образом, этот тип домохозяйств, являясь наиболее распространенным, по-прежнему составляет лишь около трети всех домохозяйств.

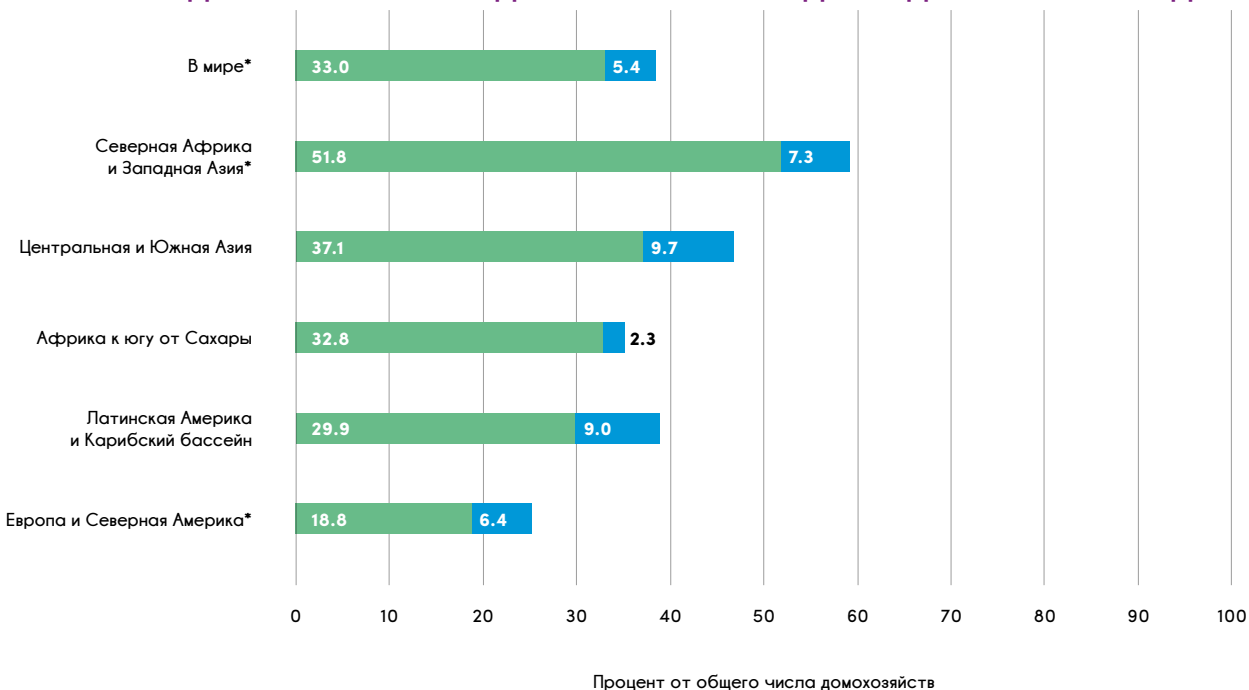
Следующим наиболее распространенным вариантом проживания в регионах являются расширенные домохозяйства, которые могут состоять из пары с детьми и других родственников. Расширенные домохозяйства составляют почти треть от общего числа домохозяйств (26,6%)¹⁶¹ и особенно распространены в развивающихся странах¹⁶².

Домохозяйства, состоящие из пары без детей (12,9%) и из одного человека (12,5%), почти одинаково распространены во всем мире¹⁶³. Самый высокий процент пар без детей (23,6%) и домохозяйств, состоящих из одного человека (27,1%), наблюдается в Европе и Северной Америке¹⁶⁴. В данном контексте распространенность домохозяйств, состоящих из одного человека, вероятно, отражает финансовые возможности пожилых людей проживать отдельно¹⁶⁵, способствующих этому социальных норм, а также прогрессу в области здорового старения и самостоятельного проживания (см. главу 5)¹⁶⁶.

Домохозяйства с одним родителем — один родитель, проживающий по крайней мере с одним ребенком любого возраста, — составляют 7,5% всех домохозяйств и в основном состоят из матерей, живущих с маленькими детьми¹⁶⁷.

РИСУНОК 2.10

ДОЛЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ ТИПА «ПАРА С ДЕТЬМИ» ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩЕМУ ЧИСЛУ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РАЗБИВКЕ ПО ВОЗРАСТУ ДЕТЕЙ И РЕГИОНУ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД

■ Домохозяйства типа «пара с детьми» по крайней мере с одним ребенком в возрасте до 18 лет

■ Домохозяйства типа «пара с детьми» со всеми детьми старше 18 лет

Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины», с использованием оценок на страновом уровне из DESA 2017m, UN DESA 2018a, UN DESA and UN Women 2019.

Примечания: Анализ охватывает 88 стран и территорий, на которых проживает 61,3% населения мира, на основе последних доступных данных, начиная с 2007 года. Региональные и глобальные средние значения взвешены по общему количеству домохозяйств в 2017 году. Для Европы и Северной Америки, а также Северной Африки и Западной Азии охвачены только 42,9% и 36,1% населения регионов соответственно. Региональные оценки, помеченные звездочкой (*), включая глобальные средние оценки, основаны на данных по менее чем двум третям населения соответствующего региона, и к ним следует относиться с осторожностью. Охват страны и/или населения был недостаточен для расчета региональных агрегированных значений для Восточной и Юго-Восточной Азии и Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии), и поэтому не показан. Во всех других регионах значения агрегированных показателей основаны на данных, охватывающих две трети населения или более.

Девочки и девушки: в каких домохозяйствах они живут?

Между странами и регионами, как и внутри них, наблюдается значительное разнообразие в условиях жизни несовершеннолетних детей, что связано с различными структурными факторами и особенностями воспитания¹⁶⁸. Как следствие, в некоторых регионах более вероятно рождение детей вне брака, а в других дети чаще перемещаются между домами родителей¹⁶⁹.

Подавляющее большинство детей в возрасте до 15 лет, составляющих четверть населения мира, проживают с двумя родителями¹⁷⁰. Согласно данным по 88 странам, этот вариант проживания широко распространен в Северной Африке и Западной Азии, где на его долю приходится 70,3% детей в возрасте до 15 лет¹⁷¹. В то же время в странах Африки к югу от Сахары с двумя родителями

проживает самая низкая доля детей в возрасте до 15 лет (45,4%)¹⁷². В целом дети, живущие с обоими родителями, проживают в основном в домохозяйствах типа «пара с детьми» (53,4%) и расширенных домохозяйствах (36,8%)¹⁷³.

Небольшое, но в то же время значительное число детей (0–14 лет) и подростков (15–17 лет) проживает только с одним родителем (7,1% и 9,5% соответственно), причем как правило это матери-одиночки¹⁷⁴. В зависимости от национальных особенностей и сложившейся семейной системы, проживание только с матерью может предполагать большую вероятность жизни в бедности (см. главу 4). Однако это также может свидетельствовать и о повышении личной безопасности детей: так происходит в случае, когда мать вместе с детьми покидает домохозяйство, в котором имело место жестокое обращение или насилие (см. главу 6)¹⁷⁵.

Наконец очень малая доля детей живет без обоих родителей. Страны Африки к югу от Сахары выделяются по доле детей, живущих с бабушками, что отражает масштабы миграции мужчин и сиротства, связанного со СПИДом¹⁷⁶.

Взрослые дети, проживающие со своими родителями

Переход во взрослую жизнь становится все более сложным. Во многих случаях молодые люди все реже идут по «стандартному» жизненному пути, предусматривающему определенную модель проживания, трудоустройства и отношений с партнерами¹⁷⁷. Как следствие, небольшой, но существенный процент взрослых детей проживает со своими родителями в различные периоды жизни.

Отчасти это отражается в численности семей с двумя совершеннолетними детьми (5,4% всех домохозяйств в мире) (см. рисунок 2.10)¹⁷⁸. Ситуация, когда совершеннолетние дети проживают совместно со своими родителями наиболее характерна для стран, где недостаточно эффективная жилищная политика или высокая стоимость аренды жилья накладываются на высокий уровень безработицы и неполную занятость среди молодежи¹⁷⁹. В связи с этим можно выделить две различные модели проживания.

В странах Южной Европы модель «детей-возвращенцев» или «детей-бумерангов» относится к растущему числу молодых людей, которые возвращаются жить к своим родителям после самостоятельного проживания из-за безработицы или неспособности платить за аренду. Например, в Греции затянувшийся экономический кризис ограничил возможности молодых людей обрести экономическую независимость от своих родителей¹⁸⁰.

Вторая модель отражает барьеры, с которыми сталкиваются одинокие женщины и мужчины, вступающие в брак в условиях высокого уровня безработицы среди молодежи и жестких гендерных норм. В этих условиях ожидается, что потенциальные мужья смогут собрать необходимые экономические ресурсы для проведения свадебной церемонии и создать условия для отдельного проживания¹⁸¹. В Армении, отчасти из-за крупных расходов, связанных с бракосочетанием, значительная доля взрослых детей продолжает жить с родителями (16,1%)¹⁸².

Домохозяйства с одним родителем: преобладают одинокие матери

Подавляющее большинство (84,3%) домохозяйств с одним родителем составляют одинокие матери¹⁸³, то есть женщины несут основную ответственность

за воспитание детей и обеспечение экономического выживания семьи. Матери-одиночки создают собственные семьи под воздействием целого ряда причин, в числе которых миграция мужчин, насилие со стороны интимного партнера, оставление супругом/партнером, стремление к независимости, а также социальные нормы или законы, которые мешают женщинам вступить в новый брак или союз. Кроме того, матери-одиночки могут быть не состоящими в браке, разведенными, проживающими отдельно или овдовевшими; они могут проживать только со своими детьми или быть частью расширенного домохозяйства¹⁸⁴. В некоторых странах незамужние матери могут подвергаться серьезной социальной изоляции и осуждению¹⁸⁵.

Меньшее число семей с отцом-одиночкой во всех регионах (в среднем по миру их доля составляет 15,7%)¹⁸⁶ свидетельствует о том, что в большинстве сообществ матери считаются «естественными» опекунами детей. Следовательно, мужчины чаще вступают в повторный брак, оставляя детей на попечение матерей или других родственниц.

С точки зрения возрастного состава, домохозяйства «мать и ребенок» во всем мире чаще всего представлены взрослыми женщинами в возрасте 25–34 и 35–59 лет, живущими с одним или несколькими детьми в возрасте до 18 лет (17,5% и 35,5% соответственно)¹⁸⁷. Доля молодых матерей-одиночек (младше 25 лет), возглавляющих домохозяйства с одним родителем, составляет 3,4% (см. рисунок 2.11). При этом в этот относительно небольшой процент по-прежнему входит около 3,8 млн крайне уязвимых молодых женщин, многие из которых не достигли 17 лет и проживают только с детьми¹⁸⁸.

Латинская Америка и страны Карибского бассейна — это регион, где домохозяйства с матерями-одиночками наиболее распространены и число их постоянно растет¹⁸⁹; второе место занимают страны Африки к югу от Сахары (9,5% и 8,8% соответственно)¹⁹⁰. Трудовая миграция мужчин в странах Африки к югу от Сахары и Центральной Америки объясняет число отсутствующих дома отцов, которые переехали из сельской местности¹⁹¹. В странах Европы и Северной Америки (7,8%), а также Северной Африки и Западной Азии (6,9%) доля домохозяйств с одним родителем равна среднемировому значению (6,9%) либо незначительно превышает его. В то же время доля домохозяйств с матерями-одиночками в Центральной и Южной Азии, а также в Восточной и Юго-Восточной Азии ниже, чем в среднем в мире (4,9% и 5,0% от общего числа домохозяйств соответственно)¹⁹². Меньшая численность матерей-одиночек в данных регионах частично

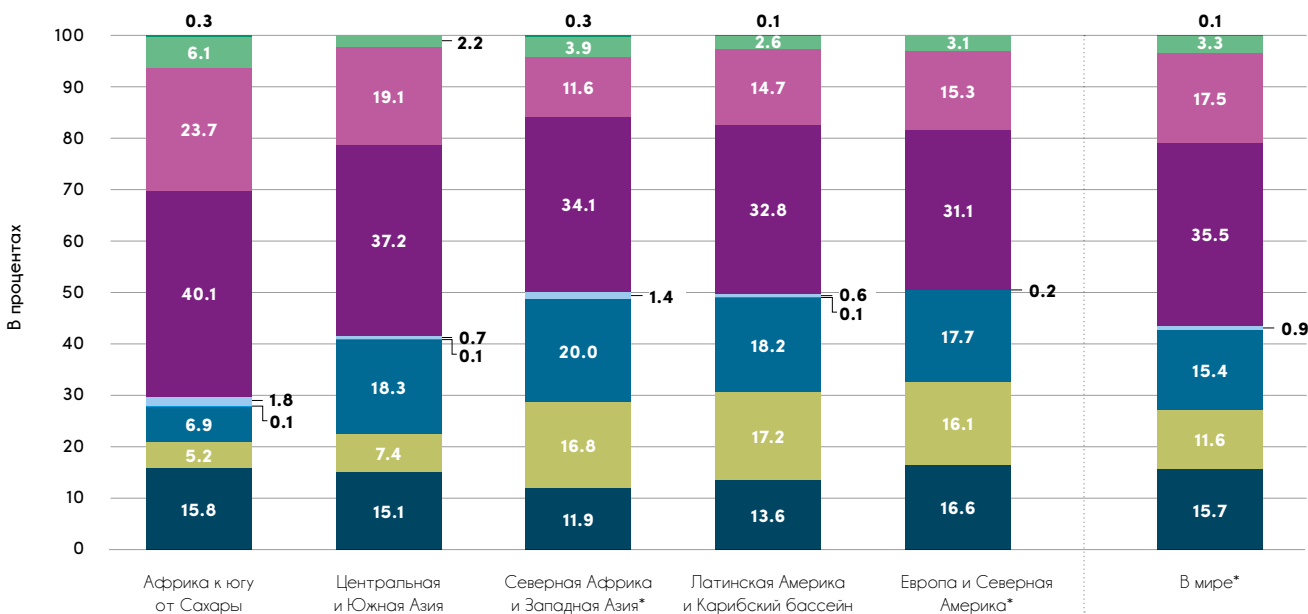
объясняется экономическими барьерами, культурными особенностями проживания и общественным порицанием рождения ребенка вне брака¹⁹³.

Семьи, состоящие из матери и детей, почти повсеместно подвергаются значительно более высокому риску бедности¹⁹⁴. Это связано с меньшим числом работающих членов семьи и более низкими заработками женщин по сравнению с мужчинами (см. главу 4). Тем не менее, даже несмотря на непропорционально высокий риск бедности, которому подвергаются домохозяйства с матерями-одиночками, данные по Коста-Рике и Мексике

демонстрируют положительные перспективы, а именно большую степень автономии и благополучия при отсутствии потенциально неверного, склонного к насилию или контролю мужчины¹⁹⁵. Таким образом, домохозяйства с одним родителем при определенных обстоятельствах могут являться воплощением новых устремлений женщин и побуждать подрастающее поколение подвергать сомнению вредные или ограничительные социальные нормы. Например, имеются некоторые свидетельства того, что среди сыновей и дочерей матерей-одиночек наблюдается более высокая гендерная осведомленность и чувствительность¹⁹⁶.

РИСУНОК 2.11

ДОМОХОЗЯЙСТВА С ОДИНМ РОДИТЕЛЕМ В РАЗБИВКЕ ПО ВОЗРАСТУ И ПОЛУ РОДИТЕЛЯ, ВОЗРАСТУ РЕБЕНКА И РЕГИОНУ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД

- Мать-одиночка в возрасте до 17 лет, имеющая хотя бы одного ребенка до 18 лет
- Мать-одиночка в возрасте 18–24 лет, имеющая хотя бы одного ребенка до 18 лет
- Мать-одиночка в возрасте 25–34 лет, имеющая хотя бы одного ребенка до 18 лет
- Мать-одиночка в возрасте 35–59 лет, имеющая хотя бы одного ребенка до 18 лет
- Мать-одиночка старше 60 лет, имеющая хотя бы одного ребенка до 18 лет
- Мать-одиночка в возрасте 25–34 лет, имеющая детей в возрасте 18 лет и старше
- Мать-одиночка в возрасте 35–59 лет, имеющая детей в возрасте 18 лет и старше
- Мать-одиночка старше 60 лет, имеющая детей в возрасте 18 лет и старше
- Отец-одиночка (все возрастные группы)

Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины», с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017m; UN DESA 2018a; UN DESA and UN Women 2019.

Примечания: Анализ охватывает 88 стран и территорий, на которых проживает 61,3% населения мира, на основе последних доступных данных, начиная с 2007 года. Региональные и глобальные средние значения взвешены по общему количеству домохозяйств с одним родителем в 2017 году. Региональные и глобальные оценки, помеченные звездочкой (*), основаны на данных по менее чем двум третям населения соответствующего региона, и к ним следует относиться с осторожностью. Для Европы и/или Северной Америки, а также Северной Африки и Западной Азии охвачены только 42,9% и 36,1% населения региона соответственно. Охват страны/населения был недостаточен для Восточной и Юго-Восточной Азии и Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии), и поэтому не показан. Домохозяйства с одним родителем — это домохозяйства, в которых проживают только родители-одиночки и их дети (любого возраста). В целях наглядности были исключены группы, составляющие 0% одиноких матерей: одинокие матери в возрасте до 17 лет и 18–24 лет с детьми старше 18 лет. Биологически несостоятельные категории, такие как одинокие матери в возрасте до 24 лет с детьми старше 18 лет, также исключены. См. Приложение 3.2 для данных на страновом уровне.

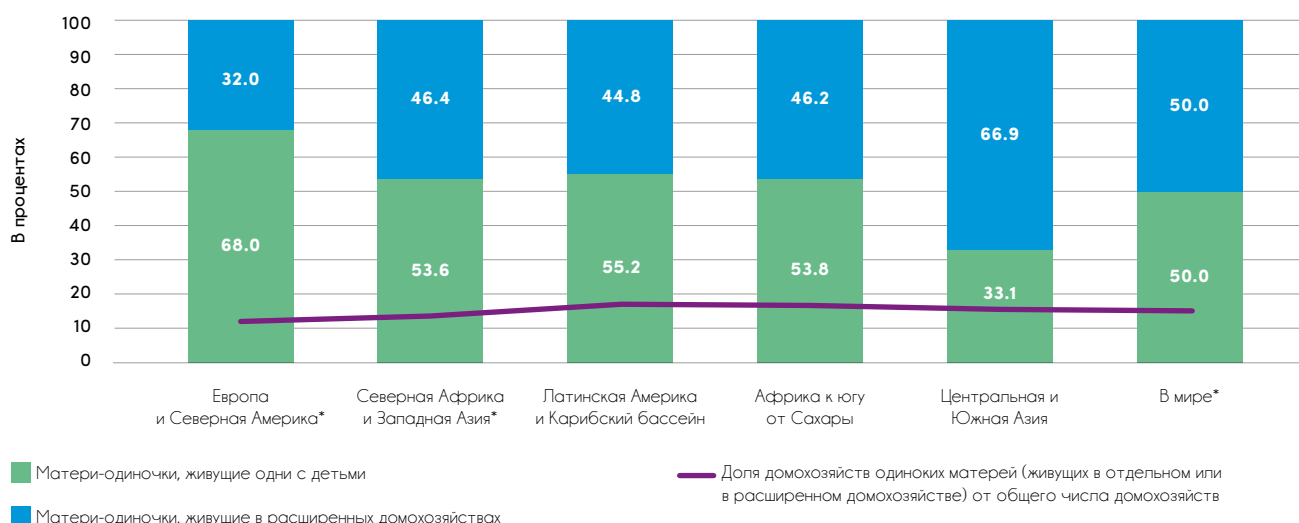
Половина одиноких матерей проживает с другими родственниками

Во всем мире половина матерей-одиночек проживает в расширенных домохозяйствах (50%). Совместное проживание и объединение ресурсов позволяют сэкономить деньги на стоимости жилья, а также помогают избежать бедности¹⁹⁷. Уровень бедности матерей-одиночек, по-видимому, был бы еще выше, если бы не возможность совместного проживания. Другая причина совместного проживания с другими родными связана с помощью

по уходу за детьми. Родители, особенно матери, а также братья и сестры играют важную роль в поддержке одиноких матерей с точки зрения ухода за ребенком. Эти два фактора — ресурсы и забота — частично объясняют важность этой схемы проживания в условиях развивающихся государств даже при значительных различиях между регионами (см. рисунок 2.12). В действительности термин «мать-одиночка» относится только к половине семей «мать и ребенок»; другая половина матерей-одиночек проживает по крайней мере с одним взрослым родственником.

РИСУНОК 2.12

МАТЕРИ-ОДИНОЧКИ В РАЗБИВКЕ ПО УСЛОВИЯМ ПРОЖИВАНИЯ И РЕГИОНАМ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД

Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины», с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017m; UN DESA 2018a; UN DESA and UN Women 2019.

Примечания: Анализ охватывает 85 стран и территорий, на которых проживает 59,7% населения мира, на основе последних доступных данных начиная с 2007 года. Региональные и глобальные средние значения взвешены по общему количеству домохозяйств с одинокими матерями (живущих в отдельном или в расширенном домохозяйстве) в 2017 году. Региональные и глобальные оценки, помеченные звездочкой (*), основаны на данных по менее чем двум третям населения соответствующего региона, и к ним следует относиться с осторожностью. Для Европы и/или Северной Америки, а также Северной Африки и Западной Азии охвачены только 41,0% и 36,1% населения региона соответственно. Охват страны/населения был недостаточен для расчета региональных агрегированных значений для Восточной и Юго-Восточной Азии и Океании, и поэтому не показан. Во всех других регионах значения агрегированных показателей основаны на данных, охватывающих две трети населения или более. К группе матерей-одиночек, живущих отдельно с детьми, относятся домохозяйства, в которых проживают только одинокие матери и их дети (любого возраста). Сбор информации о группе матерей-одиночек, живущих в расширенных домохозяйствах, представляет затруднения, поскольку информация о членах домохозяйства предоставляется только в том случае, если она касается его главы. На приведенном выше рисунке представлены только одинокие матери, которые считают себя главой семьи; в случае если они не заявляют о себе как о главе семьи, информация о них не собрана. Таким образом, оценки одиноких матерей в расширенных домохозяйствах могут быть занижены.

Доля матерей-одиночек, проживающих в расширенных домохозяйствах, зависит от целого ряда таких факторов, как уровень доходов домохозяйств, наличие доступного жилья и государственной поддержки для обретения собственного, значимость расширенных домохозяйств в качестве типов домохозяйств в разных обстоятельствах, а также степень социального принятия матерей-одиночек, живущих отдельно. Как следствие, доля матерей-одиночек, проживающих в расширенной семье, варьируется в зависимости от региона. В Центральной и Южной Азии, регионе с наибольшей долей таких семей, в подавляющем большинстве

случаев матери-одиночки проживают в расширенной семье (66,9%) (см. рисунок 2.12). Ограниченная государственная поддержка матерей-одиночек в плане доходов и услуг, а также историческая распространенность патриархальных расширенных домохозяйств в этом регионе могут быть основными причинами, стоящими за такими данными¹⁹⁸.

В странах Африки к югу от Сахары, где широко распространены расширенные домохозяйства, практически половина всех матерей-одиночек проживает с другими родственниками (см. рисунок 2.12). В Сьерра-Леоне подавляющее

большинство матерей-одиночек (82,4%) проживают в расширенных домохозяйствах¹⁹⁹. Статистические данные из ЮАР подтверждают влияние уровня доходов домохозяйств на решение о проживании: матери-одиночки из самых бедных квинтилей с большей вероятностью будут жить в расширенных домохозяйствах, чем матери-одиночки из групп с более высоким доходом²⁰⁰.

В то же время в Латинской Америке и странах Карибского бассейна менее половины матерей-одиночек проживают вместе с другими родственниками (44,8%)²⁰¹. В этом регионе распространенность проживания с родственниками распределяется иначе и зависит от уровня образования, являющегося показателем принадлежности к социально-экономическому классу. Так, родители или родственники помогают женщинам с более высоким уровнем образования, в то время как менее образованные одинокие матери реже получают от своих родителей или родственников поддержку в виде совместного проживания²⁰².

Положение женщины в расширенных домохозяйствах

Расширенные домохозяйства наиболее распространены в странах Африки к югу от Сахары, а также в Центральной и Южной Азии — 32,0% в обоих регионах, что значительно выше среднемирового показателя, составляющего 26,6%. Далее следуют страны Восточной и Юго-Восточной Азии (27,5%), Латинская Америка и страны Карибского бассейна (23,6%)²⁰³. Расширенные домохозяйства поддерживают отдельных лиц (включая матерей-одиночек) в периоды экономической нестабильности и перемен, в том числе в ситуации миграции (см. главу 7), поскольку члены семьи могут взять на себя обязанности по уходу за другими членами семьи, заботу об их здоровье и образовании²⁰⁴. Данный формат проживания значительно менее распространен в Европе и Северной Америке (10,3%), а также в Северной Африке и Западной Азии (17,4%)²⁰⁵.

Условия жизни в расширенном домохозяйстве в значительной степени зависят от региона и будут различаться в городской и сельской местности, социальных классах и семейных системах. В городах домохозяйства с низким доходом часто объединяют близких родственников для сокращения расходов на жилье²⁰⁶. Имеются некоторые свидетельства того, что в 1980-е и 1990-е годы распространенность расширенных домохозяйств в Бразилии и Колумбии увеличилась в результате обнищания и неполной занятости в городах²⁰⁷.

Важную роль в домохозяйствах, представленных расширенными семьями, играют бабушки. Возможно, это и неудивительно, учитывая высокую долю (53,3%) пожилых женщин (в возрасте 60 лет и старше), проживающих вместе с членами расширенной семьи во всем мире²⁰⁸. Вместо того чтобы быть экономическими иждивенцами, бабушки часто выполняют работу по дому и уходу и, когда могут, делятся своими активами и пенсиями. Например, недавние исследования в Чили показали, что стабильная доля расширенных домохозяйств за последние 30 лет поддерживала матерей на ранних этапах формирования семьи, чтобы они могли продолжать заниматься оплачиваемым трудом, оставляя своих детей под присмотром бабушек²⁰⁹.

Одновременно жизнь в расширенной семье поддерживает благополучие старших поколений в условиях ограниченной государственной помощи и отсутствия гарантированного дохода для пожилых людей. Например, согласно имеющимся фактам, проживание с родственниками является видом поддержки для незамужних пожилых женщин (в основном вдов) и дает им возможность оплачивать расходы по дому в городских условиях и избегать одиночества (см. главу 5)²¹⁰.

Несмотря на то, что проживание в расширенной семье может быть удобной возможностью для преодоления финансовых трудностей на разных этапах формирования семьи, оно также может сопровождаться различными конфликтами между поколениями. В некоторых регионах молодые женщины занимают подчиненное положение в расширенных домохозяйствах и могут столкнуться с контролем и эксплуатацией в семье, которая препятствует реализации ими своих прав и возможностей. Например, девочки в расширенных домохозяйствах с большим числом членов, нуждающихся в уходе, могут в конечном итоге бросить школу, чтобы взять на себя дополнительные домашние обязанности, например, приготовление пищи, сбор воды и уборку или уход за младшими родными или двоюродными братьями и сестрами или старшими родственниками²¹¹.

В условиях патрилокальных семейных систем, в которых недавно вступившие в брак женщины переезжают жить в семью своего мужа, иерархические властные отношения могут также ограничивать перемещение молодых жен и осуществление ими выбора при одновременной эксплуатации их труда под строгим присмотром свекровей²¹². Например, исследование 2012 года показало, что в Таджикистане проживающие в семье супруга женщины на 25% чаще подвергались

психологическому насилию с его стороны²¹³. Исследование, проведенное в Непале, где патрилокальные семьи довольно распространены, также показало, что свекрови контролируют своих невесток во всем — от доступа к медицинским услугам и выбора одежды до принятия решений по поводу деторождения или заключения детских браков²¹⁴.

Кроме того, совместное использование ресурсов и труда, характерное для расширенных семей, имеет свои пределы²¹⁵. Этнографическое

исследование в Никарагуа показало, что в течение десятилетия каждый новый риск и кризис, которому подвергались семьи, делал их менее настроенными на сотрудничество и более ориентированными на конкуренцию за скудные доступные экономические и личные ресурсы²¹⁶. Урок, извлеченный из исследования, очевиден: возможности совместного использования ресурсов и семейной поддержки не бесконечны. Распределение ресурсов внутри семьи не может заменить универсальные системы социальной защиты, качественные государственные услуги и возможности достойной занятости.

2.6 СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ НА СЕМЬИ

Как и рождаемость, старение населения является одной из наиболее значительных глобальных демографических тенденций, формирующих семейные системы сегодня. Это связано с тем, что растущее число пожилых людей оказывает существенное влияние на организацию гендерных и межпоколенческих отношений, строящихся на уходе за членами семьи.

Старение населения во всем мире обусловлено более низкими показателями рождаемости, а также увеличением ожидаемой продолжительности жизни благодаря повышению уровня благосостояния и улучшению доступа к медицинским услугам²¹⁷. В 2017 году лица в возрасте 60 лет и старше составляли более одной восьмой (13%) от общей численности населения мира²¹⁸. Темпы увеличения их числа варьируются в зависимости от региона²¹⁹. По прогнозам, к 2020 году пожилые люди — лица в возрасте 60 лет и старше — будут составлять относительно большой процент населения в четырех регионах мира: Европе и Северной Америке (24,9%), Австралии и Новой Зеландии (21,9%), Восточной и Юго-Восточной Азии (16,6%), а также Латинской Америке и странах Карибского бассейна (12,8%)²²⁰.

Глобальный рост продолжительности жизни: большинство пожилых людей — женщины

По прогнозам, с периода 1970–1975 годов по период 2015–2020 годов ожидаемая продолжительность жизни при рождении возрастет во всем мире на 14,2 года для женщин и на 13,5 лет для мужчин (см. рисунок 2.13). Несмотря на то, что продолжительность жизни увеличивается во всех регионах, ожидается, что наиболее значительный прогресс будет отмечен в тех

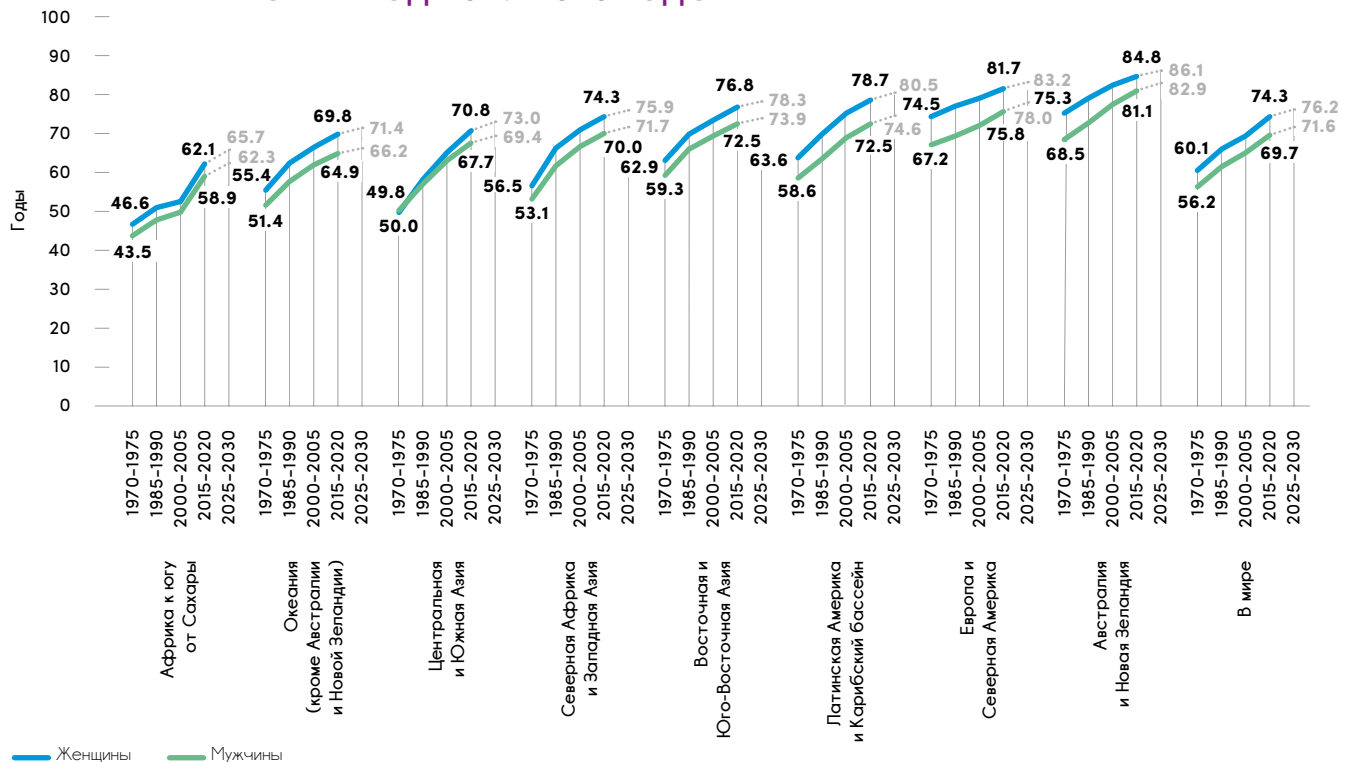
регионах, где наблюдались самые низкие показатели продолжительности жизни четыре десятилетия назад, в частности в странах Африки к югу от Сахары, а также в Центральной и Южной Азии. С другой стороны, прогнозируемое увеличение продолжительности жизни в регионах, где к периоду 1970–1975 годов была достигнута высокая ожидаемая продолжительность жизни, будет ниже.

Женщины в среднем живут дольше мужчин во всех регионах и странах. На глобальном уровне ожидаемая продолжительность жизни мужчин, по прогнозам, будет ниже, чем у женщин, на 4,6 года в период 2015–2020 годов (69,7 против 74,3). На региональном уровне гендерная разница, согласно прогнозам, будет наиболее значительной в Латинской Америке и странах Карибского бассейна (6,2 года; 72,5 против 78,7), а также в Европе и Северной Америке (5,9 года; 75,8 против 81,7). Наименьшая разница ожидается в странах Африки к югу от Сахары (3,2 года; 58,9 против 62,1) и в Центральной и Южной Азии (3,1 года; 67,7 против 70,8).

С учетом увеличения продолжительности жизни, во всех странах среди пожилых людей насчитывается больше женщин, особенно в более старших возрастных группах. В 2017 году во всем мире женщины составили 54% людей в возрасте старше 60 лет, из которых более 60% были старше 80 лет²²¹. В течение своей жизни женщины часто выполнение семейных обязанностей ставят выше официальной оплачиваемой занятости, что неблагоприятно отражается на гарантированном доходе и доступе к медицинскому обслуживанию в пожилом возрасте²²². Как следствие, женщины оказываются более уязвимыми перед социальными, медицинскими и экономическими проблемами, связанными со старостью (см. главу 5)²²³.

РИСУНОК 2.13

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ ПРИ РОЖДЕНИИ В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И РЕГИОНУ, С ПЕРИОДА 1970–1975 ГОДОВ ПО ПЕРИОД 2015–2020 ГОДОВ

Источник: Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины», с использованием оценок из UN DESA, 2018b и UN DESA, 2018c.

Примечания: Анализ охватывает 201 страну и территорию с населением 90 000 жителей или более по данным на 2017 год. Региональные средние значения рассчитываются путем взвешивания ожидаемой продолжительности жизни за пятилетний период в начале этого пятилетнего периода. Ожидаемая продолжительность жизни за периоды 2015–2020 и 2025–2030 годов основана на средних (стандартных) вариантных прогнозах.

Продолжительность жизни мужчин также увеличивается. Это отчасти обуславливает уменьшение числа вдов среди женщин в возрасте 45–49 лет во всех регионах за последние четыре десятилетия; их число приблизительно в 2010 году составило 6,4%²²⁴. Доля овдовевших женщин, тем не менее, остается непропорционально высокой в Центральной и Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары, где за последние четыре десятилетия она уменьшилась лишь незначительно и по-прежнему затрагивала каждую десятую женщину в возрасте 45–49 лет около 2010 года (11,7% и 11,6% соответственно)²²⁵. Вдовство для женщин часто влечет за собой неблагоприятные экономические последствия в плане потери доходов и активов (см. главу 4).

Несмотря на преобладание женщин среди населения, потенциально нуждающегося в долгосрочном уходе, они также составляют подавляющую долю лиц, занимающихся его осуществлением, причем как на платной, так и на бесплатной основе²²⁶. При этом открытым

остается вопрос устойчивости межпоколенческих систем поддержки, которые предполагают, что долгосрочный уход осуществляют преимущественно члены семьи. Этот вопрос встает особенно остро в свете уменьшения размеров домохозяйств и большей вовлеченности женщин в состав рабочей силы. Эта тема дополнительно рассматривается в главе 5.

Все больше пожилых женщин проживают в одиночестве

Большинство пожилых людей проживают со своими взрослыми детьми или в расширенных семьях, однако многие из них живут одни. При этом женщины в возрасте старше 60 лет (15,8%) живут одни чаще, чем мужчины (7,7%)²²⁷. Это отчасти объясняется гендерными различиями в продолжительности жизни и вступлением женщин в брак или в союз с мужчинами, которые старше их. Эта тенденция, однако, не включает пожилых людей, которые были помещены в больницы или дома престарелых, и она наиболее заметна в странах с более высоким уровнем дохода.

К 2010 году доля женщин в возрасте старше 80 лет, проживавших в одиночку, составляла 32% во всем мире, тогда как доля одиноких мужчин составляла 15%²²⁸. Наибольшая доля этой категории женщин (55,7%) отмечается в Европе, где достигнут значительный прогресс в пропаганде здоровой, активной и независимой жизни среди пожилых людей²²⁹. В азиатских странах наблюдается обратная картина. Так, в Китае число одиноких женщин уменьшается с возрастом, и к 80 годам только 17% женщин живут в одиночестве, в то время как среди женщин в возрасте 60–79 лет их число составляет 32%²³⁰. Эту тенденцию, вероятно, объясняют строгие семейные нормы, возлагающие

на невесток обязанность заботиться о старших родственниках.

Несмотря на то, что в некоторых случаях одиночество может сопровождаться экономическим неблагополучием и социальной изоляцией, это происходит не всегда. Согласно данным из Филиппин, Таиланда и Вьетнама, многие пожилые женщины, которые проживают отдельно, поддерживают тесную связь со своими потомками²³¹. Во многих случаях взрослые дети или родственники живут рядом или в соседних домах и, таким образом, заботятся о них. Такая форма заботы часто не попадает в статистику²³².

2.7 ВЫВОДЫ

Семьи во всех частях мира постоянно видоизменяются, отражая демографические изменения, модели занятости, меняющиеся социальные нормы и адаптацию к ним. За последние десятилетия во всех регионах произошли глубокие изменения на уровне семей, в числе которых снижение рождаемости и старение населения, увеличение возраста вступления в первый брак, увеличение процента разведенных, проживающих раздельно и в сожительстве женщин, а также сокращение размера домохозяйств — все эти тенденции имеют разные, противоречивые последствия для гендерного равенства.

Однако отмечается и значительное постоянство семейных моделей и гендерных отношений. Преобразования семейной жизни в одних регионах более заметны, чем в других, а исторически сложившиеся практики адаптируются к современной жизни. Как следствие, данные изменения, несмотря на широкую распространенность, не одинаковы в разных регионах, странах или социальных группах. Несмотря на описанные выше глобальные перемены, в одних регионах по-прежнему брак носит универсальный характер, а в других - сохраняется высокая рождаемость.

Для того чтобы все женщины и девочки могли пользоваться государственной поддержкой, важно отразить в статистике разнообразие семейных форм и учитывать их при разработке соответствующей политики. Представленные в этой главе данные идут вразрез с некоторыми допущениями в современных представлениях о семье, сценариях вступления в брак, воспитании детей и условиях проживания. Например, разнообразие типов домохозяйств в разных регионах не соответствует ожиданию того,

что с экономическим развитием домохозяйства будут стремиться к модели семьи, состоящей из мужа, жены и маленьких детей. Несмотря на то, что на такую форму семьи приходится более трети всех домохозяйств в мире, в большинстве случаев условия проживания являются более сложными. Более точная картина семейной жизни сегодня включает расширенные домохозяйства, родителей-одиночек, однополые пары, родителей, живущих со своими взрослыми детьми, и детей, проживающих с бабушкой и дедушкой. Эти данные дают возможность выстраивать политику и законодательство на основе более точного понимания условий жизни женщин и девочек и семейных отношений.

Ограниченность данных препятствует разработке и адаптации государственной политики, учитывающей современные структуры семей и домохозяйств. Значительное число стран не предоставляют информацию по некоторым стандартным показателям, используемым в настоящей главе, а некоторые ключевые факторы для оценки положения женщин в семьях не измеряются систематически. Для лучшего учета разнообразия структуры домохозяйств и индивидуальных данных требуются методические изменения, касающиеся доступных статистических данных. Такие изменения должны включать в себя инновационные методы сбора данных, а также методы проведения гендерно-чувствительных и качественных исследований. Более надежное и точное описание семейной жизни, добиться которого помогут такие меры, имеет решающее значение для того, чтобы женщины и девочки могли пользоваться правами человека вне зависимости от того, к какой семье они принадлежат.

Простая схема тихой революции на бразильских семейных фермах

Детальный учет продукции и устранение предвзятого отношения к женщинам при проведении переписей населения помогает повысить авторитет женщин, чья роль имеет важнейшее значение для производства на фермах страны.

Все началось с простой и незатейливой идеи: предложить женщинам в Бразилии, занятым в сельском хозяйстве на семейных фермах, вести журнал из четырех колонок и записывать результаты своего труда: какое количество произведенной продукции было продано, отдано, обменено или употреблено в пищу. В результате эти журналы оказали масштабное положительное влияние на жизнь сотен сельских женщин, изменили то, как они и их партнеры оценивают осуществляемое ими производство, и даже помогли получить государственную поддержку для семейных фермерских хозяйств.

«Мы научились видеть то, что мы производим, и это очень помогло нам», — говорит Жанете Данташ. Она ведет учет молока, яиц, курятины, фруктов и овощей, произведенных на ферме, которую она и ее мать содержат в муниципалитете Итаока, штат Сан-Паулу, и смотрит, насколько это увеличивает доход семьи. «Когда в конце месяца мы ведем подсчеты, становится ясно, насколько велик наш вклад».

Жанете Данташ (в центре) со своей матерью Марией Нилдой (справа) и сестрой Майлой (слева) на семейной ферме.

Фото: Лианне Милтон

Журналы — это часть тихой революции, продвигаемой феминистскими группами в сельском хозяйстве; эта революция уже повлияла на данные государственной переписи населения. Благодаря этому давлению, в сельскохозяйственной переписи 2017 года в Бразилии был сохранен вопрос про пол фермера-сельхозпроизводителя. Данные переписи свидетельствуют о том, что число хозяйств, которыми управляют женщины, выросло и достигло 18,6%, а число занятых на них женщин составило почти один миллион (примерно 11 лет назад этот показатель составлял 12,7%)¹.

Сельское хозяйство — это основа бразильской экономики, и на него приходится почти четверть валового внутреннего продукта страны, при этом сельскохозяйственные культуры, такие как соевые бобы и кофе, производимые на индустриализированных фермах, где работают преимущественно мужчины, входят в число наиболее важных экспортных товаров страны². Однако помимо них в Бразилии насчитываются миллионы фермеров, занятых в семейных

«Работа женщин в сельской местности незаметна и недооценивается».

фермерских хозяйствах с общим годовым оборотом 55,2 млрд долларов США³. В таких хозяйствах важнейшую роль играют женщины.

«Мы многое узнаем о возможностях женщин в производстве сельскохозяйственной продукции», — рассказывает Бет Кардозу, координатор Центра альтернативных технологий в лесной зоне в штате Минас-Жерайс. «Работа женщин в сельской местности незаметна и недооценивается». При поддержке Центра Бет Кардозу помогла осуществить более ранний запуск проекта с журналами в 2011 году. Два года спустя он был преобразован в постоянный проект «Агрэкологический блокнот» (Cadernetas Agroecológicas). С тех пор проект распространился по всей Бразилии, и в настоящее время в нем участвуют сотни женщин⁴.

Привлечением внимания к роли женщин в сельском хозяйстве Бразилии занимается организация Sempreviva Organização Feminista в Сан-Паулу, также принимавшая участие в проекте журналов⁵.

По словам агронома организации Мириам Нобре, в большинстве сельских районов Бразилии женщины занимаются огородом, продают или обменивают продукцию и обеспечивают еду для своих семей. Однако ценность их работы остается незамеченной, особенно если их партнер - не фермер.

Простой журнал, подобный этому, в котором женщины-фермеры ведут учет своей работы, повысил осведомленность об их вкладе в экономику Бразилии.

Фото: Лианне Милтон

Жанете Данташ (вторая справа) со своей матерью Марией Нилдой (в центре) и сестрами Майлой (слева) и Лени (справа) чистят маниок.

Фото: Лианне Милтон

Для Жанете Данташ и ее матери ситуация изменилась после того, как они на протяжении 18 месяцев вели журналы и делились опытом с другими женщинами. Жанете работает до трех часов в день на собственном подсобном хозяйстве, которое она и ее муж, водитель, ведут вместе с ее родителями. Ее мать, 68-летняя Мария, работает по шесть часов в день. До участия в проекте они никогда не подсчитывали стоимость своей работы и то, сколько еды они кладут на семейный стол. «Мы видим, сколько мы съедаем... и сколько стоит то, что мы производим», — говорит Жанете. «Мы можем придать этому большую ценность».

Подобные проекты заставляют правительство признать важность роли женщин в сельском хозяйстве Бразилии, что Мириам Нобре рассматривает шире — как борьбу за права сельских жительниц в странах Латинской Америки. «Я рассматриваю это как часть борьбы за признание труда женщин, — говорит она, — и того, как сельские женщины обеспечивают средства к существованию в своих общинах».

Женщины также использовали эти журналы, чтобы получить свидетельство о праве участия в Национальной программе по укреплению

семейного фермерства (Declaração de Aptidão ao Pronaf, DAP) и иметь право на финансирование для семейных фермерских хозяйств; кроме того, этой правительственной программой предусматривается, что закупка 30% продуктов для школьного питания производится у таких малых фермерских хозяйств⁶.

Журналы помогли женщинам в сельской местности иначе посмотреть на себя и заставили мужчин в большей степени ценить их труд. Это важные перемены для страны, где прогресс в области прав женщин идет медленно. «Расширение прав и возможностей женщин и увеличение их автономии можно наблюдать с того момента, как они начинают видеть результаты своего труда», — говорит Бет Кардозу. «Это кажется простым, но это — важнейшее условие для выхода из подчинения».

«Когда в конце месяца мы ведем подсчеты, становится ясно, насколько велик наш вклад».

История: Дом Филлипс

СОЗДАНИЕ СЕМЬИ И СВОБОДА ВЫБОРА ЖЕНЩИН

3.1 ВВЕДЕНИЕ	76
3.2 ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, СЕМЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ВЫБОР ЖЕНЩИН	77
3.3 СВОБОДА ВЫБОРА ПРИ СОЗДАНИИ ОТНОШЕНИЙ	81
3.4 ПРАВО ГОЛОСА И РАВЕНСТВО В ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	88
3.5 СВОБОДА ВЫБОРА ПРИ ВЫХОДЕ ИЗ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ	98
3.6 ВЫВОДЫ	101

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

01

Создание интимных партнерских отношений и рождение детей являются двумя центральными элементами семейной жизни. Оба эти процесса играют решающую роль в формировании жизненного пути женщин, влияя на их благополучие, возможности и осуществление прав человека.

02

Однако слишком часто женщины не имеют полноценного контроля в вопросах создания партнерских отношений и рождения детей. При взаимодействии с партнером и более широким кругом родственников они сталкиваются с неравным соотношением сил с точки зрения пола и возраста.

03

Дискриминационные законы и социальные нормы, а также недостаточный доступ к экономическим ресурсам ограничивают свободу выбора женщин в создании партнерских отношений, ущемляют их право голоса в рамках семейного взаимодействия и не дают им возможности уйти от интимного партнера в случае необходимости.

04

Семейное законодательство, регламентирующее порядок заключения брака и его расторжения, опеку и попечительство над детьми, усыновление/удочерение и наследование, во многих странах мира содержит дискриминационные положения. На глобальном уровне наблюдается тенденция к укреплению равенства, однако существует острая потребность в дальнейшем прогрессе.

05

Некоторые страны приняли меры с целью юридического признания разнообразных форм партнерских отношений, включая совместное проживание, что обеспечивает защиту прав женщин, состоящих в подобных отношениях. Сорок две страны и территории узаконили однополые партнерские отношения и/или браки.

06

Доступ к качественному образованию, в том числе к комплексному сексуальному образованию, дает женщинам возможность принимать осознанные решения в вопросах отношений с партнером и рождения детей. Образовательные учреждения не должны препятствовать обучению беременных девушек и молодых родителей.

07

Для принятия взвешенных решений в области деторождения женщинам необходим доступ к высококачественным услугам в области репродуктивного здоровья. Осуществляемые политические меры должны обеспечивать возможность выбора методов контрацепции, гарантировать доступ для девочек-подростков, а также противодействовать социальным нормам и убеждениям членов семей, которые ограничивают свободу выбора женщин в репродуктивных вопросах.

3.1 ВВЕДЕНИЕ

Создание интимных партнерских отношений и рождение детей являются двумя центральными элементами семейной жизни. Эти процессы играют решающую роль в формировании жизненного пути женщин, в том числе влияют на их благополучие и возможности, а также на реализацию ими всего спектра прав человека.

Женщины вступают в партнерские отношения по различным причинам, включая любовь, близость, финансовую безопасность и желание иметь детей. Однако, несмотря на то что равноправные союзы могут быть основаны на взаимной поддержке и заботе, зачастую женщины не имеют полного контроля в вопросах создания партнерских отношений и рождения детей. При взаимодействии с партнерами, а также с более широким кругом родственников они сталкиваются с неравным соотношением сил с точки зрения пола и возраста. По этой причине партнерские отношения и деторождение уже долгое время находятся в зоне повышенного внимания феминистского сообщества.

Независимо от того, в какой союз вступают женщины — краткосрочный или долгосрочный, заключенный официально или в соответствии с нормами обычного права, предусматривающий совместное или раздельное проживание, гетеросексуальный или однополый, — они могут чувствовать себя благополучными только в том случае, если в отношениях с интимным партнером у них есть свобода выбора и право голоса. Это означает, что у женщин есть возможность осуществлять стратегический контроль за собственной жизнью (выбор), в том числе определять цели и принимать меры для их достижения, а также отстаивать свои права в отношениях с другими людьми (голос)¹.

При неравном соотношении сил возможность женщин проявлять свободу выбора и право голоса в партнерских отношениях зависит от их переговорного потенциала², который формируется на основе доступа к ресурсам, системам социальной поддержки (включая родственные связи и женские правозащитные организации), государственной поддержке (например, системам социальной защиты или юридическим службам), а также на основе социальных норм и убеждений, согласно которым женщины и мужчины имеют различные способности, возможности и права³.

Данные о тенденциях, наблюдающихся в частности в развитых странах, показывают, что по мере укрепления гендерного равенства и расширения возможностей женщин в сферах права, образования,

трудоустройства и доступа к планированию семьи, женщины все чаще предпочитают вступать в брак и рожать детей в более позднем возрасте и создают другие формы гражданских союзов. В то же время, трансформация семьи является неполной. Некоторые женщины отказываются вступать в партнерские отношения, если мужчины не проявляют гибкости во взглядах и сохраняют предубеждения, а также если в существующих экономических условиях рождение детей связано со слишком высокими затратами.

В тех регионах, где брак является общей практикой, свобода выбора женщин по-прежнему очень сильно ограничивается. Решение о создании партнерских отношений во многих случаях определяется широкой сетью родственных связей и зачастую учитывает экономические факторы, которые ограничивают право голоса женщины после вступления в брак. Несмотря на то, что количество детских браков сократилось, в том числе благодаря положительным изменениям в нормах, касающихся образования девочек, такая практика до сих пор широко распространена во многих странах, в особенности там, где широко распространены нищета, конфликты и кризисные ситуации.

Тенденции и проблемы различаются от региона к региону, однако практически в каждой стране требуется принятие мер с целью обеспечения равенства женщин при создании, выстраивании и прекращении отношений. Государственные инициативы необходимы в двух масштабных областях: во-первых, в сфере внедрения справедливого и инклюзивного семейного законодательства и политических стратегий, и, во-вторых, в области государственных услуг, учитывающих интересы семьи, в частности в сферах образования и здравоохранения.

Краткое содержание главы

В данной главе изучается вопрос о том, насколько свобода выбора и право голоса женщин в интимных партнерских отношениях и в области деторождения определяются законодательством, социальными нормами, а также экономической и социальной политикой. В начале главы рассматриваются нормативные акты в области прав человека и положения семейного законодательства, регламентирующие среди прочего порядок заключения брака и союзов, процедуру развода и опеку над детьми. Семейное законодательство не всегда отражает принципы равенства, закрепленные в своде норм в области защиты прав человека, хотя в данной области наблюдается прогресс. В

разделе 3.3 подробно рассказывается об основных социальных и экономических факторах, которые способствуют или ограничивают свободу выбора женщин при вступлении в партнерские отношения. Рассматривается ситуация в тех регионах, где принципы создания партнерских отношений меняются за счет расширения практик совместного проживания и более позднего вступления в брак, а также в тех регионах, где брак по-прежнему предписывается социальными нормами и практикуются детские браки. В разделе 3.4 изучаются вопросы свободы выбора и права голоса женщин, сначала в рамках различных видов партнерских отношений, а затем в контексте деторождения. При этом особое внимание уделяется роли

социальной политики и социальных услуг. Помимо прочего, обсуждается влияние законодательства и социальной стигматизации на формирование возможности женщин выходить из партнерских отношений, в том числе при наличии детей.

Ключевой вопрос, который поднимается в данной главе с точки зрения политики и государственной инициативы, заключается в том, как улучшить позиции отступления для женщин, с тем чтобы укрепить их возможность отстаивать свои права и выстраивать семейную жизнь, а также добиться того, чтобы их семейные отношения способствовали реализации их прав человека.

3.2 ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, СЕМЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СВОБОДА ВЫБОРА ЖЕНЩИН

Государства, сообщества и религиозные организации определяют принципы создания партнерских отношений и вопросы семейной жизни с помощью законодательства и политик. Термин «семейное законодательство» относится к конкретному набору нормативных актов, регламентирующих порядок заключения брака и его расторжения, опеку и попечительство над детьми, усыновление/удочерение и наследование. При этом на права женщин в семье влияют и другие законы. Они касаются целого ряда вопросов, включая право владения имуществом в браке и право состоящих в браке женщин на передачу своего гражданства супругу и детям. В совокупности эти законы имеют колоссальное значение для гендерного равенства, в силу чего они представляют собой важнейшую область для защиты прав женщин и нашли отражение во многих конвенциях по правам человека.

Партнерские отношения в системе правозащитных норм

Права женщин в браке были определены в ряде самых ранних конвенций ООН по правам человека и с тех пор непрерывно развивались и укреплялись. Так, согласно Всеобщей декларации прав человека 1948 года, «мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать свою семью». Более того, брак заключается только «при свободном и полном согласии» обеих вступающих в него сторон, которые имеют равные права в случае расторжения брака⁴. Право женщин и мужчин с ограниченными возможностями на создание семьи

и семейную жизнь было подтверждено в Конвенции о правах инвалидов 2006 года⁵.

Вслед за Конвенцией о гражданстве замужней женщины 1957 года и Конвенцией о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 года⁶ была принята Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года (КЛДЖ), статья 16 которой посвящена защите прав женщин во всех вопросах, связанных с супружескими и семейными отношениями⁷. В общей рекомендации № 21 Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин дополнительно указывает, что объем защиты, оговоренный в данной статье, охватывает женщин, состоящих в неофициальном браке (включая браки, заключенные в соответствии с нормами обычного, религиозного и общего права) и в гражданском союзе (совместное проживание). В рекомендации говорится о том, что женщины в подобных ситуациях должны иметь равные с мужчинами права и обязанности, а имущественные законы, дискриминирующие женщин, состоящих в таких союзах, или в случае их расторжения, должны быть отменены⁸.

В Конвенции также содержится требование к государствам-участникам определить минимальный возраст вступления в брак, одинаковый для женщин и мужчин, а также указывается, что «обручение и брак ребенка не имеют юридической силы»⁹. В соответствии с Конвенцией о правах ребенка, ребенком является каждое человеческое существо до достижения восемнадцатилетнего возраста. Подавляющее большинство детских браков, как

официальных, так и неофициальных, заключаются с девочками, хотя иногда их супруги также оказываются младше 18 лет. Детский брак считается формой принудительного брака, поскольку одна или обе стороны не выражают полного, свободного и осознанного согласия¹⁰. Риски, которые детские браки несут в себе с точки зрения экономики, эмоционального состояния и здоровья, анализируются в рамках многочисленных договоров и резолюций в области прав человека, в том числе в совместной общей рекомендации № 31 Комитета КЛДЖ и Комитета по правам ребенка по вредной практике, включая детские браки (2014 год)¹¹.

Не менее 25 государств - участников КЛДЖ подписали оговорку к статье 16, при этом в качестве причины большинство из них назвали ее несовместимость с положениями религиозного или обычного права¹². А в некоторых странах даже при отсутствии оговорок дискриминационные нормы продолжают гарантировать верховенство религиозного или обычного права несмотря на то, что гендерное равенство закреплено в их конституциях¹³.

Полигамия, то есть практика, предусматривающая наличие у одного человека нескольких супругов, является спорным элементом семейного законодательства. Несмотря на то, что в некоторых обществах существует полиандрия (несколько мужей у одной женщины), под полигамией обычно подразумевается гораздо более частое явление полигинии (несколько жен у одного мужчины). В общей рекомендации №21 Комитета КЛДЖ говорится о том, что необходимо препятствовать полигамным бракам и запрещать их, поскольку они заведомо нарушают право женщины на равенство с мужчинами¹⁴. Протокол к Африканской хартии прав человека и народов, касающийся прав женщин в Африке (Мапутский протокол), предусматривает более прагматичный подход с учетом того, что полигамия по-прежнему широко распространена в некоторых частях Африки. Протокол предписывает государствам-участникам принять надлежащие национальные законодательные меры с целью гарантировать, «что моногамия поощряется как предпочтительная форма брака, и при этом обеспечить поощрение и защиту прав женщины в брачных и семейных отношениях, включая полигамные»¹⁵.

Международное право прав человека запрещает дискриминацию по какому бы то ни было признаку и, таким образом, обязывает государства защищать права человека представителей ЛГБТИ-сообщества¹⁶. Договорные органы и специальные процедуры неоднократно подтверждали, что законодательство, предусматривающее уголовную ответственность

за интимные отношения между однополыми партнерами, нарушает международные нормы в области прав человека и должно быть отменено¹⁷. Объем защиты прав представителей ЛГБТИ-сообщества в рамках международно-правовых стандартов в области прав человека является предметом Джокьякартских принципов применения международных норм о правах человека к вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Согласно данным принципам, все люди независимо от их сексуальной ориентации или гендерной идентичности имеют право на «создание семьи»¹⁸. В ноябре 2017 года Межамериканский суд по правам человека постановил, что однополые браки должны признаваться, и потребовал от всех государств - участников Американской конвенции о правах человека выполнения данного решения¹⁹.

Семейное законодательство: проблемы реформирования

Несмотря на широкий спектр норм в области прав человека, во многих странах мира семейное законодательство содержит дискриминационные положения, являющиеся причиной существенного юридического неравенства женщин²⁰. В некоторых случаях минимальный возраст вступления в брак для девочек по-прежнему устанавливается ниже, чем для мальчиков²¹. Существуют законы, ограничивающие права женщин после заключения брака (см. рисунок 3.1). Другие законы ущемляют возможность женщин, к примеру, выбирать место жительства, получать заграничный паспорт или выезжать из страны. В тех случаях, когда семейное законодательство не признает законность определенных союзов, таких как совместное проживание или однополые партнерские отношения, участникам таких союзов может быть отказано в реализации прав, которые предоставлены партнерам в традиционных брачных союзах, например права на социальную защиту.

Семейное законодательство, по сути, формирует свободу выбора женщин в отношении вступления в партнерские отношения и выхода из них, рождения детей и полномочий по принятию решений внутри семьи. Последствия применения законодательства, ограничивающего права женщин, могут оказаться губительными. Так, отсутствие законного права на развод или получение опеки над своими детьми способно удерживать женщину в условиях насильственных взаимоотношений, представляющих угрозу для ее жизни.

Изменение семейного законодательства остается сложной задачей, особенно если религиозная власть в государстве прочно закреплена на институциональном уровне²². Семейное законодательство представляет собой ту область права, которая наиболее часто оказывается

ВСТАВКА 3.1 ПРОГРЕСС В ОБЛАСТИ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ТУНИСЕ

Тунис давно занимает ведущее положение в арабском мире по количеству справедливых с гендерной точки зрения законов. Еще в 1956 году Кодекс о личном статусе ввел положения о браке по взаимному согласию и равенстве женщин в бракоразводном процессе²⁵. В 2018 году были приняты меры, в результате которых Тунис стал первой страной региона, закрепившей равные права наследования на законодательном уровне²⁶.

В 2014 году правительство сняло все оговорки к КЛДЖ и приняло новую Конституцию, которая предоставила женщинам новые права в различных сферах²⁷. Женские организации гражданского общества сумели объединить представителей различных партий и преодолеть исторические разногласия мусульманских и светских женских правозащитных групп, чтобы создать Национальный диалог для женщин, который стал площадкой, позволившей объединить их требования к новой Конституции²⁸. Стремясь сделать этот процесс более доступным и прозрачным, женские организации переводили заседания учредительного собрания и транслировали их через социальные сети, что также позволило им выступить против принятия проекта положения, в котором женщины позиционировались как «дополняющие» мужчин²⁹. Благодаря деятельности активисток в проект были внесены изменения, согласно которым «все граждане, мужчины и женщины, имеют равные права и обязанности и равны перед законом без какой-либо дискриминации» (статья 21)³⁰.

Новая Конституция заложила прочную основу для значительных законодательных изменений 2017 года, включая принятие Закона о ликвидации насилия в отношении женщин, отмену положения Уголовного кодекса, позволявшего насильнику избежать наказания, если он женится на своей жертве, и внесение изменений в законы, которые запрещали мусульманским женщинам вступать в брак с немусульманами³¹.

Комиссия по индивидуальным свободам и равенству (COLIBE), состоящая из ученых, юристов и феминисток, предоставила дополнительные рекомендации по приведению законодательства в соответствие с Конституцией, включая законопроект 2018 года о внесении изменений в законы, предписывающие женщинам долю наследства наполовину меньше, чем доля мужчин³². Исламские феминистки в этом регионе считают, что законы о наследовании требуют реформ не только с точки зрения равенства и справедливости, но и в связи с необходимостью идти в ногу с изменениями в структуре и динамике семейной жизни. Ограничение прав наследования женщин исторически оправдывалось тем, что мужчины рассматривались как единственные кормильцы и должны были полностью обеспечивать своих жен и семьи. Теперь же, когда в некоторых странах региона женщины самостоятельно ведут значительную долю домашних хозяйств³³, исламские феминистки утверждают, что аргументы в пользу срочных изменений стали неоспоримы и безотлагательны³⁴.

подвержена правовому плюрализму. В подобных системах законы и нормы, основанные на различной религиозной (христианство, ислам и др.) и этнической принадлежности, сосуществуют друг с другом, иногда дополняя гражданский кодекс. На практике это означает, что разные группы женщин, живущие в одной стране, могут попадать под действие разного набора норм. Положения обычного права зачастую представляются как основанные на традициях, в то время как религиозные законы формулируются на основе конкретных толкований священных текстов. Женщины могут предпочитать обычный или религиозный брак по той причине, что он является более приемлемым в обществе или составляет важный элемент их культурной самобытности. В отдельных случаях гражданское право ассоциируется с колониальным господством и поэтому расценивается как менее легитимное²³.

Попытки внедрить единый гражданский кодекс и тем самым ликвидировать положения религиозного или обычного права в некоторых случаях приводят к существенным разногласиям, поскольку расцениваются как инициативы, направленные на ущемление групп меньшинств, при этом некоторые считают, что их принуждают выбирать между их правами в качестве женщин и их культурными правами²⁴. Тем не менее дискриминационное семейное законодательство может меняться. Как показывает пример Туниса (см. вставку 3.1), такие изменения зачастую являются результатом проведения целенаправленных кампаний и пропаганды со стороны женских правозащитных и феминистских организаций.

В последние годы также наблюдается рост признания однополых партнерских отношений в рамках семейного законодательства, хотя

ТАБЛИЦА 3.1 ПРИЗНАНИЕ ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ И ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Регион	Однополые браки	Законодательное признание партнерских отношений для однополых пар	И то, и другое
Европа и Северная Америка	Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Ирландия, Люксембург, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, США (12)	Андорра, Хорватия, Кипр, Чехия, Эстония, Греция, Венгрия, Италия, Лихтенштейн, Сан-Марино, Словения, Швейцария (12)	Австрия, Франция, Германия, Мальта, Нидерланды, Соединенное Королевство (6)
Австралия и Новая Зеландия	(0)	(0)	Австралия, Новая Зеландия (2)
Латинская Америка и Карибский бассейн	Аргентина, Мексика (2)	Чили, Эквадор (2)	Бразилия, Колумбия, Уругвай (3)
Африка к югу от Сахары	(0)	(0)	ЮАР (1)
Восточная и Юго-Восточная Азия	(0)	(0)	Китайская провинция Тайвань (1)
Центральная и Южная Азия	(0)	(0)	(0)
Северная Африка и Западная Азия	(0)	Израиль (1)	(0)
Океания (кроме Австралии и Новой Зеландии)	(0)	(0)	(0)

Источник: Mendos, L.R. 2019.

Примечание: Основано на обзоре 193 стран и территорий. В колонке «Однополые браки» указаны государства, которые узаконили браки для однополых пар, но не признают каких-либо иных форм официальных партнерских отношений. В колонке «Законодательное признание партнерских отношений для однополых пар» указаны государства, признающие законность каких-либо иных форм союза для однополых пар, которые не являются браком как таковым, но могут предоставлять аналогичные права: например, «гражданский союз», «зарегистрированный союз» или «гражданское партнерство». Набор прав, предусматриваемый формами партнерских отношений, которые официально признаны в данных странах, может быть различным: некоторые из них подразумевают права, аналогичные правам в браке, например, право на усыновление/удочерение и родительские права, налоговые и социальные льготы, пенсии, наследование и доступ к услугам здравоохранения, в то время как другие предоставляют более ограниченный набор семейных прав. К примеру, некоторые официально признанные формы однополых партнерских отношений не гарантируют возможности усыновления/удочерения и родительских прав для однополых пар. В колонке «И то, и другое» перечислены государства, в которых однополые пары могут как заключить брак, так и вступить в иные официальные формы партнерских отношений. Данные актуальны по состоянию на май 2019 года. Цифры в скобках обозначают число стран, в которых существуют соответствующие нормативные положения.

прогресс в данном направлении носит сложный и неравномерный характер. Начав с Нидерландов в 2001 году, сегодня однополые пары могут вступить в брак или иную разрешенную законом форму партнерских отношений в 42 странах и территориях по всему миру (см. таблицу 3.1). При этом в 68 странах существуют законы, явным образом определяющие сексуальные отношения между партнерами одного пола как уголовное преступление, а в 11 из них такие отношения караются смертной казнью³⁵. Некоторые законы препятствуют трансгендерам создавать семьи по собственному выбору. Так, в 21 стране Европы состоящие в браке трансгендеры обязаны развестись перед операцией по смене пола³⁶.

Наибольших успехов удалось добиться в странах Европы, Северной Америки, Латинской Америки и Карибского бассейна, а также в Австралии и Новой

Зеландии. Кроме того, в последнее время прогресс заметен и в Азии. В мае 2017 года Конституционный суд китайской провинции Тайвань постановил, что содержащееся в гражданском кодексе определение брака как союза между мужчиной и женщиной противоречит конституции, так как является дискриминирующим в отношении однополых пар. В мае 2019 года был принят закон, впервые разрешивший заключение однополых браков³⁷. Помимо этого, в сентябре 2018 года Верховный суд Индии отменил статью 377 Уголовного кодекса, которая существовала со времен колониального правления и определяла однополые отношения как уголовное преступление³⁸.

Легализация однополых браков зачастую является переходным этапом на пути к более широкому признанию прав представителей ЛГБТИ-сообщества. Так, в 2010 году Аргентина стала первой страной

Латинской Америки и Карибского бассейна, законодательно закрепившей однополые браки, что стимулировало дальнейший прогресс, включая предоставление однополым парам прав на доступ к репродуктивным медицинским технологиям и прав на усыновление/удочерение³⁹.

Законодательство играет ключевую роль в формировании нормативных стандартов, однако одной законодательной реформы зачастую недостаточно, чтобы добиться изменений в обществе. Даже если закон меняется, преобразования в практическом поле, как правило, занимают больше

времени, а женщины часто не имеют доступа к правосудию из-за связанных с ним высоких затрат, существенных расстояний и стигматизации. Более того, представители системы правосудия, нередко и сами подвержены гендерным стереотипам и предрассудкам, существующим в обществе в целом⁴⁰.

С учетом вышесказанного в следующем разделе рассматриваются социально-экономические изменения, которые также необходимы для укрепления свободы выбора и права голоса женщин в отношениях с интимным партнером, прежде всего при создании таких отношений.

3.3 СВОБОДА ВЫБОРА ПРИ СОЗДАНИИ ОТНОШЕНИЙ

Женщины и мужчины должны иметь равные права на вступление в добровольные партнерские отношения в любой момент по своему выбору. Они также должны иметь равные права на принятие решения не вступать в партнерские отношения. Тем не менее на практике степень свободы выбора женщины при создании отношений различается в зависимости от региона, а также классовой и расовой/этнической принадлежности.

В глобальных масштабах возраст вступления в брак повышается (см. главу 2, рисунок 2.3), а в некоторых регионах и странах женщины и вовсе отказываются от вступления в брак. Эти тенденции говорят о том, что женщины имеют большую свободу воли и выбора в принятии решений касательно партнерских отношений. В целом, вступая в брак в более позднем возрасте, женщина обладает более выгодной переговорной позицией, что отчасти обусловлено возможностью получить дополнительное образование или опыт работы за прошедшие годы⁴¹. В то же время, как поясняется ниже, данные тенденции могут также указывать на медленный характер преобразований в области социальных норм, касающихся брака, и на сокращение экономических возможностей мужчин. Однако, невзирая на эти изменения, большинство женщин до сих пор живет в странах, где брак является общепринятой нормой, а первый брачный союз, как правило, заключается в молодом возрасте.

Какие факторы поддерживают и ограничивают свободу женщин в выборе интимного партнера? Используя в качестве основы тенденции, описанные в главе 2, далее будут рассмотрены ключевые социально-экономические динамические факторы как в регионах, где создание партнерских отношений претерпевает изменения, так и там, где брак остается повсеместной практикой. В конце

раздела определяются направления для принятия государственных мер, которые могли бы расширить свободу выбора женщин в данной области.

Факторы, поддерживающие и ограничивающие свободу выбора женщин в условиях меняющейся модели формирования партнерских отношений

В развитых странах изменение моделей создания партнерских отношений, включая повышение возраста вступления в брак, более позднее рождение детей и растущую популярность совместного проживания, происходит под воздействием взаимосвязанных идеологических, правовых и материальных перемен⁴². На фоне повышения уровня образования и участия женщин в рабочей силе (см. главу 4) феминизм второй волны поднял вопрос о патриархальных основах гетеросексуальных браков и подверг критике традиционные роли женщины в семье⁴³. Либерализация бракоразводного законодательства и признание имущественных прав женщин закрепили данные нормативные изменения. Кроме того, благодаря сексуальной революции средства контрацепции стали общедоступными, что позволило женщинам иметь сексуальные отношения вне связи с деторождением. В целом указанные модели отражают положительные результаты расширения прав и возможностей женщин: брак и рождение детей более не являются для них обязательными, а представляют собой лишь одну из доступных альтернатив.

Однако взгляды и ожидания мужчин в отношении брака в некоторых случаях меняются менее быстрыми темпами. Расширение тенденции отказа от брака может также отражать растущее нежелание

женщин вступать в партнерские отношения, в которых им отводятся подчиненные гендерные роли. Например, в восточноазиатских странах и территориях с высоким доходом (Япония, Республика Корея и китайская провинция Тайвань) совместное проживание и деторождение вне брака по-прежнему встречаются относительно редко, и, несмотря на некоторые изменения, социальные нормы до сих пор предписывают женщинам выходить замуж за мужчин равного с ними или более высокого положения с точки зрения образования и социального статуса (гипергамия)⁴⁴. В тех странах, где женщины превосходят мужчин в плане образования, а экономическая стагнация в особенности повлияла на заработок мужчин, достижения женщин, как это ни парадоксально, могли снизить их привлекательность в качестве партнеров для брака⁴⁵. Во всех регионах основная обязанность по выполнению неоплачиваемого домашнего труда ложится на женщин, даже если они трудоустроены (см. главу 5). В тех обществах, где распространено почтительное отношение младшего поколения к старшему, подобная работа часто включает также уход за родителями мужа при несущественной поддержке государства⁴⁶.

Сочетание этих социальных норм, то есть гипергамии, гендерного разделения труда и почтительного отношения к старшему поколению, приводит к тому, что некоторые женщины принимают решение вообще не вступать в брак, что ведет к существенному снижению коэффициента рождаемости в указанных странах⁴⁷. В данном случае материальные и идеологические перемены происходят с разной скоростью, результатом чего становится неполная трансформация супружеской и семейной жизни⁴⁸.

В странах Латинской Америки и Карибского бассейна происходит так называемый «бум сожительства», который обусловлен двумя тенденциями. С одной стороны, сожительство в данном регионе исторически являлось стратегией выживания, распространенной среди бедных женщин, которые, как правило, начинают сожительствовать и становятся матерями в подростковом или молодом возрасте⁴⁹. С другой стороны, в последнее время здесь наблюдается рост популярности совместного проживания и среди более состоятельных женщин из разных возрастных групп. После упрощения процедуры развода и изменения социальных норм совместное проживание получило более широкое распространение в качестве прелюдии к браку, образа жизни после развода и постоянного образа жизни⁵⁰.

В других регионах более поздний брак или отказ от брака свидетельствуют не столько о расширении прав и возможностей женщин, сколько о недостатке экономических ресурсов у мужчин. Во многих

странах Европы данная тенденция, судя по всему, не зависит от социального положения, тогда как в США рост популярности сожительства связан с расовым и экономическим неравенством⁵¹. Результаты исследований, в которых уровень образования был взят как приблизительный показатель социально-экономического статуса, говорят о том, что, несмотря на распространение практики совместного проживания во всех группах⁵², для белых женщин с высоким уровнем образования сожительство зачастую представляет собой короткий период, предшествующий браку, в то время как афроамериканские женщины, в особенности те, чей уровень образования ниже, реже совершают такой переход⁵³. В 2012 году 87,9% высокообразованных белых женщин вступили в брак к 40–44 годам, в то время как среди афроамериканских женщин с тем же уровнем образования этот показатель составил 70,9%. К этому возрасту в брак вступило примерно такое же количество белых женщин с более низким уровнем образования (87,1%), но среди афроамериканских женщин с тем же уровнем образования данный показатель достиг только 55,8%⁵⁴. С 1980-х годов количество браков снизилось во всех группах, однако среди афроамериканских женщин и мужчин, в особенности среди наименее образованных, этот показатель сократился гораздо более существенно, чем в какой-либо другой этнической группе⁵⁵.

Подобное углубляющееся классовое и расовое расслоение объясняется совокупностью нескольких факторов. Начавшееся еще в 1970-х годах сокращение рабочих мест в сфере производства привело к существенному снижению доходов и росту безработицы, что повлияло на способность менее образованных групп населения поддерживать стабильную семейную жизнь⁵⁶. В то же время, несмотря на активный рост уровня образования среди афроамериканских женщин, высокие показатели безработицы и лишения свободы среди афроамериканских мужчин, которые оказываются в тюрьме в пять раз чаще, чем белые мужчины⁵⁷, усугубляют «дефицит мужчин брачного возраста» в регионе, где межрасовые браки остаются относительно редким явлением⁵⁸.

Ограничение свободы выбора женщин в тех странах, где брак остается повсеместной практикой

Брак остается практически повсеместной и обязательной с точки зрения общества практикой на большей части территории Южной и Восточной Азии, Африки к югу от Сахары, Северной Африки и Западной Азии. В данных регионах свобода выбора женщин при создании партнерских отношений существенным образом ограничивается сочетанием различных социальных норм и экономических факторов.

Во многих странах решение о выборе партнера принимается не индивидуально, а при участии широкого круга заинтересованных лиц из числа родственников или общества. Например, в Индии по-прежнему повсеместно распространены договорные браки. При устройстве брака родителями женщины зачастую не имеют права голоса и свободы выбора партнера и впервые встречаются со своим будущим супругом только в день свадьбы⁵⁹. Тем не менее эта практика со временем эволюционировала и частично уступила место полудоговорным бракам, особенно в городских районах⁶⁰. Семьи участвуют в организации таких браков путем подбора возможных кандидатов, однако женщины сами решают, вступать ли им в брак и кого выбрать в качестве партнера.

В полудоговорных и самоорганизованных браках женщины в три раза чаще проявляют свободу

выбора при принятии ключевых решений по таким вопросам, как расходы, время рождения (и количество) детей, контрацепция, и в два раза чаще имеют возможность посещать друзей и родственников без сопровождения, по сравнению с женщинами, брак которых был устроен родителями. Кроме того, женщины в полудоговорных браках реже сталкиваются с бытовым насилием, чем женщины в традиционных браках, заключенных по договоренности семей⁶¹.

Несмотря на эти изменения, во многих регионах брак в значительной мере остается экономической сделкой между семьями. В тех странах, где практикуются выкуп невесты или выплата приданого, подчиненное положение женщины в семье может усиливаться в течение всей ее жизни (см. вставку 3.2).

ВСТАВКА 3.2 БРАЧНЫЕ ВЫПЛАТЫ КАК ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ ПОДЧИНЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В СЕМЬЕ

Выплата приданого представляет собой практику, в соответствии с которой родители невесты производят денежный платеж семье жениха. В прошлом она была распространена в Западной Азии, Европе, Восточной Азии и некоторых районах Северной и Южной Америки⁶⁸ и до сих пор широко применяется в Южной Азии, несмотря на многолетние феминистские кампании и принятие запрещающих законов, например, в Бангладеш и Индии⁶⁹. В Индии экономическая либерализация и коммерциализация способствовали распространению практики выплаты приданого от высших к средним и низшим кастам, а также среди христиан, мусульман и в племенных группах⁷⁰. Свадьба как публичная демонстрация благосостояния является отражением статуса и экономического положения семьи. Дарение подарков, которое изначально считалось добровольным и/или символическим, стало обязательным, а стоимость самих подарков резко возросла. Смысл приданого изменился: из брачного символа оно превратилось в ключевое условие, дающее дочери право на удачное замужество⁷¹.

Практика выплаты приданого может провоцировать насилие в отношении женщин в том случае, если, к примеру, семья невесты неспособна выплатить сумму полностью или если подарки оказываются неудовлетворительными. Виновником в большинстве случаев является супруг, зачастую при соучастии свекрови⁷². Женщины штата Керала на юге Индии выражают противоречивые мнения по поводу выплаты приданого: отмечая принципиальное значение солидного приданого для обеспечения возможности достойного брака, они также называют его «основной проблемой женщин». Подобные оценки акцентируют сложности, с которыми сталкиваются защитники прав женщин в рамках кампаний за искоренение данной практики⁷³.

Выкуп невесты является видом брачной выплаты, распространенным в некоторых странах Африки к югу от Сахары, Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии), а также в Китае. Жених передает средства семье невесты, чтобы компенсировать расходы на воспитание дочери и убыток, который понесет семья, потеряв возможность использовать ее сельскохозяйственный и репродуктивный труд⁷⁴. В странах Африки к югу от Сахары данная практика широко применяется христианскими и мусульманскими сообществами как в городских, так и в сельских районах⁷⁵. Традиционно выкуп состоял из домашнего скота, одежды, бус и предметов домашнего обихода, однако в наши дни семьи чаще предпочитают платить деньгами, причем сумма выкупа постоянно возрастает, и порой очень существенно⁷⁶. Несмотря на то, что некоторые женщины считают выкуп престижной практикой, имеющиеся данные говорят о том, что он ущемляет их сексуальную и репродуктивную независимость, в том числе влияет на их возможность давать или не давать согласие на вступление в сексуальные отношения⁷⁷. Выкуп способствует усилению контроля над женами, а также может содействовать домашнему насилию и ограничивать возможности женщин выйти из отношений, основанных на насилии, так как это потребует возврата выкупа⁷⁸. В результате долгосрочной кампании, проведенной женской организацией Mifumi, Конституционный суд Уганды в 2015 году признал возврат выкупа неконституционной практикой, которая «унижает человеческое достоинство женщин»⁷⁹.

Недостаток экономических ресурсов способствует развитию конкурирующих тенденций. В некоторых случаях высокий уровень безработицы объясняет низкое количество браков, как в странах Южной Африки⁶². К примеру, в Ботсване и Намибии браки из общепринятого ритуала перехода на новый жизненный этап превратились в эксклюзивную практику для людей, обладающих экономическими ресурсами и амбициями представителей среднего класса⁶³. В странах Северной Африки и Западной Азии от мужчины традиционно ждут, что он оплатит все расходы на заключение брака, а впоследствии возьмет на себя роль единственного кормильца в семье⁶⁴. В Египте около 70% свадебных расходов (например, расходы на организацию торжества, покупку жилья, мебели и одежды) несут жених и его семья, а оставшуюся треть оплачивает семья невесты⁶⁵. Одно из исследований показало, что свадебные расходы в 11 раз превышают средний уровень годовых затрат домашнего хозяйства, вследствие чего отцам и женихам из числа наемных работников из наименее обеспеченных групп населения придется откладывать весь свой заработок в течение семи лет и более, чтобы накопить достаточно средств для организации свадьбы⁶⁶. В результате, в Египте, как и в некоторых других странах региона, люди в возрасте от двадцати до тридцати лет вынуждены откладывать крайне важный этап вступления во взрослую жизнь и продлевать так называемый «период ожидания», что часто идет вразрез с их собственными желаниями⁶⁷.

В то же время, в тех случаях, когда экономический дефицит сочетается с дискриминационными социальными нормами, определяющими замужество и деторождение как предназначение женщины, девочки могут быть принуждены к вступлению в брак. В тех регионах, где практикуется выплата приданого, семьи могут выдавать дочерей замуж в юном возрасте, чтобы не пришлось выплачивать слишком большую сумму. Там же, где распространен выкуп невесты, семьи могут рассчитывать на средства, вырученные от брака дочери, для содержания младших детей⁸⁰. При этом брак может восприниматься как способ защитить невинность и чистоту девочки, от которых зависят ее репутация и социальное положение. Исследования, проведенные в таких разных странах, как Бразилия и Тимор-Лешти, показывают, что брак рассматривается как способ «смыть позор» рождения детей вне брака среди подростков⁸¹.

Данные факторы дополнительно усугубляют ситуацию: каждая пятая женщина в мире вступает в брак или союз, не достигнув 18 лет. Несмотря на то, что с 2002 года общая распространенность детских браков снизилась на четверть, в наибольшей степени это сокращение затронуло девочек младше

15 лет (см. главу 2, рисунок 2.4). Учитывая, что в структуре населения развивающихся регионов велика доля молодежи, фактически число девушек, вступающих в брак в молодом возрасте, повышается. По последним подсчетам, каждый год около 12 млн девочек заключают браки в детском возрасте⁸².

Конфликты и кризисы также могут повлечь за собой рост количества детских и принудительных браков. В тех странах, где девочки и молодые женщины рискуют подвергнуться изнасилованию и посягательствам сексуального характера, семьи могут выдавать дочерей замуж с целью защитить их от бесчестия, ассоциируемого с ролью жертвы или с беременностью, возникшей в результате подобного преступления⁸³.

В лагерях беженцев в Иордании и Ливане девочки из городских районов Сирии, где до начала конфликта детские браки не были распространены, все чаще вступают в брак в раннем возрасте⁸⁴. Согласно результатам последнего проведенного в Сирии обследования домохозяйств (2006 год), 13% сирийских женщин вышли замуж, не достигнув 18 лет⁸⁵. Однако в 2016 году уже 40,5% сирийских женщин, проживающих в Ливане, состояли в браке в возрасте до 18 лет (по сравнению с 6% ливанских женщин)⁸⁶.

Государственные меры поддержки свободы выбора женщин при вступлении в партнерские отношения

Существует ряд факторов, которые могут укрепить свободу выбора женщин при вступлении в партнерские отношения. Важное значение имеют законы об установлении минимального брачного возраста, а также инвестиции в образование, включающее комплексное сексуальное образование (КСО), и возможности для участия женщин на рынке труда.

Законодательные положения о минимальном возрасте вступления в брак

Законы, запрещающие вступать в брак девочкам и мальчикам, не достигшим 18 лет, создают важный нормативный стандарт. Во всех странах и территориях мира, за исключением четырех, законный возраст вступления в брак для девочек установлен на уровне 18 лет⁸⁷. Несмотря на это, почти две трети стран и территорий позволяют девочкам заключать браки в более раннем возрасте при согласии родителей или с разрешения суда⁸⁸. Тем не менее, отмечаются признаки положительных изменений: в период с 2015 по 2017 год 9 из 112 стран в выборке усовершенствовали свои законы о минимальном брачном возрасте, в большинстве случаев путем устранения подобных исключений⁸⁹.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что в тех странах Африки к югу от Сахары, где разрешенный брачный возраст стабильно удерживается на уровне 18 лет, заключается меньшее количество детских браков⁹⁰. Тем не менее, с учетом сложности социально-экономических факторов, на которые опирается данная практика, ее искоренение требует более широкомасштабных государственных мер⁹¹.

Инвестиции в качественное образование для девочек

Данные по 78 развивающимся странам показывают, что повышение уровня образования имеет прямое отношение к увеличению брачного возраста: случаи вступления в брак до 18 лет среди женщин в возрасте 20–24 лет, имеющих среднее образование, встречаются гораздо реже, чем среди женщин, имеющих только начальное образование или не имеющих образования⁹². Зависимость между этими двумя показателями двунаправленная: чем дольше девочки остаются в учебных заведениях, тем они менее доступны для брака, при этом ранний брак, как правило, ограничивает возможности девочек посещать школу⁹³.

Достижения в сфере образования также ассоциируются со снижением количества беременностей среди подростков в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, однако тот факт, что ранние союзы и ранняя беременность все еще широко распространены среди самой бедной части населения, говорит о необходимости дополнительных инвестиций (см. главу 2, рисунок 2.9)⁹⁴. Как девочкам, так и мальчикам необходимо обеспечить доступ к комплексному сексуальному образованию, предусматривающему предоставление информации о половом акте, средствах контрацепции, здоровых и добровольных отношениях, а также к комплексному планированию семьи и услугам в области репродуктивного здоровья.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) широко определяет КСО как «процесс преподавания и изучения когнитивных, эмоциональных, физических и социальных аспектов сексуальности, основанный на специально разработанной учебной программе. Оно призвано сформировать у детей и молодежи подтвержденные фактами и наукой знания, умения и ценностные установки, которые помогут им ответственно относиться к своему здоровью, благополучию и личному достоинству; строить уважительные межличностные и сексуальные взаимоотношения; понимать, как их решения влияют на благополучие их самих и окружающих; а также осознавать и защищать свои права на протяжении всей жизни»⁹⁵. Принимая во внимание многообразие идентичности молодых

людей, КСО должно учитывать неравенство не только по признаку пола, но и социально-экономического класса, этнической и расовой принадлежности, иммиграционного статуса, инвалидности, сексуальной ориентации и гендерной идентичности⁹⁶.

Реализация программ КСО может быть сопряжена с трудностями, особенно в условиях слабой инфраструктуры образовательных учреждений, ограниченных человеческих ресурсов и культурных барьеров, препятствующих преподаванию всего спектра учебного материала. Тем не менее и в сложных условиях удается достичь прогресса, что позволяет извлечь важные уроки для дальнейшей реализации⁹⁷. Всеобъемлющий глобальный обзор программ просвещения по вопросам сексуального поведения и ВИЧ показал, что из всех учебных курсов более значительные положительные результаты дают те, в ходе которых рассматриваются темы гендера и власти. В частности, среди слушателей данных образовательных программ наблюдалось сокращение случаев беременности и заражения инфекциями, передаваемыми половым путем. Наиболее эффективные программы используют интерактивные и личностно-ориентированные методы обучения, способствуют развитию критического мышления, подробно изучают тему гендера и власти, поощряют личные размышления о том, как данные концепции влияют на жизнь и отношения самого ученика, а также помогают каждому участнику оценить собственный потенциал как личности и как агента перемен⁹⁸.

Девочкам, забеременевшим во время обучения в школе, должна оказываться поддержка, включая обеспечение доступа к детским дошкольным учреждениям, с тем чтобы они могли продолжить образование. В странах Африки к югу от Сахары матерям-подросткам предоставляются специальные условия, включая перерывы для кормления ребенка в Кабо-Верде и Сенегале и расположение центров по уходу за детьми в непосредственной близости к школам в Габоне. Однако в ряде стран, включая Экваториальную Гвинею, Сьерра-Леоне и Объединенную Республику Танзания, беременные девочки могут быть исключены из школы, а во многих других государствах не предусмотрены политические инициативы, поощряющие возвращение девочек к учебе после рождения ребенка⁹⁹.

Возможности трудоустройства

Наличие перспектив трудоустройства также может помочь семьям увидеть ценность в образовании своих дочерей и дать девочкам возможность стремиться к будущему, в котором их перспективы не ограничены ранним вступлением в брак и деторождением¹⁰⁰.

СВОБОДА ВЫБОРА ЖЕНЩИН В СУПРУЖЕСКИХ И ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Законодательство, социальные нормы и доступ к экономическим ресурсам определяют свободу выбора женщин в супружеских и партнерских отношениях.

Свобода выбора женщин при вступлении в брак

Женщины должны иметь возможность свободно принимать решение о том, вступать ли в партнерские отношения, а также в какой момент и с кем их создавать. Дети по определению не могут давать согласия на вступление в брак.

Каждая пятая женщина в возрасте 20–24 лет вышла замуж в детском возрасте
42 страны и территории узаконили однополые союзы или браки

Однако в **68 странах** сексуальные отношения по согласию между лицами одного и того же пола считаются противозаконными.

Свобода выбора женщин в супружеских отношениях

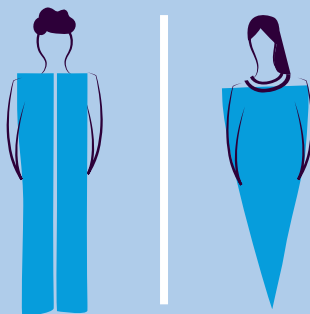
В супружеских отношениях права женщин часто ограничиваются дискриминационными законами.

Несмотря на прогресс, во многих странах женщина после вступления в брак лишается прав на свободу передвижения, работу и принятие самостоятельных решений.

Свобода выбора женщин при расторжении брака

Даже в тех регионах, где женщины имеют право инициировать развод, недостаток экономических ресурсов может препятствовать им в прекращении брака.

В некоторых странах женщины не имеют равного с мужчинами права инициировать расторжение брака или могут потерять опеку над детьми, если потребуют развода, что делает их заложницами несчастливых или основанных на насилии супружеских отношений.

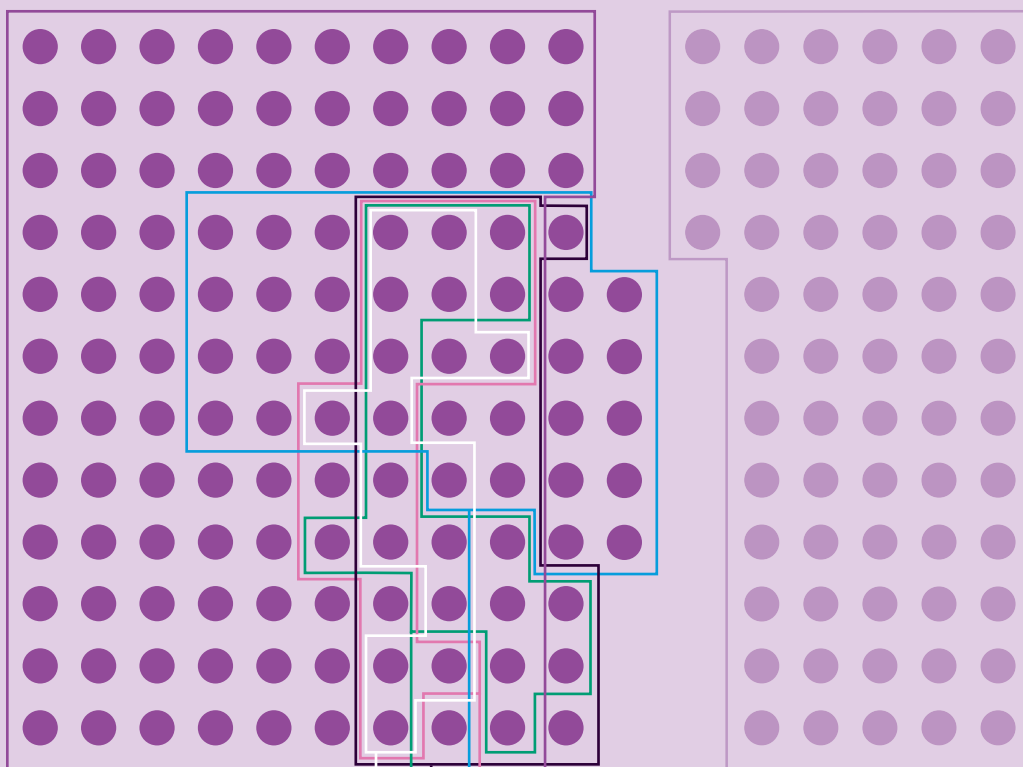
Законы, влияющие на свободу выбора женщин в супружеских отношениях.

1. По сравнению с женатыми мужчинами пользуются ли замужние женщины таким же правом:

- выходить из дома,
- устраиваться на работу, заниматься ремеслом или получить профессию,
- выбирать место жительства,
- ходатайствовать о получении паспорта?

2. Предусмотрена ли законодательством уголовная ответственность за изнасилование в браке?

3. Обязывает ли закон замужних женщин подчиняться своим мужьям?

НЕТ

В 17 странах существуют ограничения на перемещение женщин вне собственного дома

В 19 странах замужние женщины не имеют равных с состоящими в браке мужчинами прав на трудоустройство, занятие ремеслом или получение профессии

В 31 стране вступившие в брак женщины теряют право выбирать место жительства

В 37 странах состоящие в браке женщины не могут ходатайствовать о получении паспорта

В законодательстве 111 стран не предусмотрена уголовная ответственность за изнасилование в браке

В 19 странах закон требует от замужних женщин подчинения своим супругам

ДА

В 64 странах изнасилование в браке четко квалифицируется как уголовное преступление, а закон не требует от состоящих в браке женщин подчинения своим супругам. Замужние женщины имеют равные с состоящими в браке мужчинами права на перемещение вне собственного дома, трудоустройство, выбор места жительства и получение паспорта

Существенное снижение количества детских браков и ранних беременностей в Бангладеш частично является следствием занятости женщин в швейной промышленности, которая обеспечивает рабочими местами примерно 15% всех женщин в возрасте от 16 до 30 лет¹⁰¹. По результатам одного из исследований, в среднем за год девочки из деревень, расположенных рядом со швейными фабриками, на 4,4 п.п. чаще посещают школу, на 28% реже вступают в брак и на 29% реже рожают ребенка, чем девочки из других местностей. Наиболее существенное

снижение количества ранних браков пришлось на долю девочек в возрасте 12–14 лет, что, скорее всего, связано с их решением продолжить учебу в ожидании трудоустройства на предприятии швейной промышленности¹⁰². Несмотря на то, что эти рабочие места, как правило, не отличаются высоким качеством, они дают молодым бангладешским женщинам некоторую степень свободы от родного дома и перспективы раннего вступления в брак и рождения детей¹⁰³.

3.4. ПРАВО ГОЛОСА И РАВЕНСТВО В ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Исторически брачные контракты предусматривали лишение женщин индивидуальных прав, и в некоторых странах такая ситуация сохраняется до сих пор. В 19 странах и территориях (из 189, по которым есть данные) закон прямо обязывает женщин подчиняться своим мужьям. Некоторые законы ограничивают свободу передвижения женщин, состоящих в браке: в 17 странах и территориях замужним женщинам не разрешается выходить из дома в отличие от женатых мужчин, а в 37 странах и территориях женщины, состоящие в браке, не имеют права на получение паспорта (см. рисунок 3.1)¹⁰⁴.

Системы родственных связей оказывают существенное влияние на право голоса и свободу выбора женщин в отношениях с интимным партнером. Результаты исследования качественных показателей, в ходе которого сравнивалась свобода выбора замужних женщин в патрилокальном сообществе Лесото и в матрилокальном сообществе на юге Малави, говорят о том, что в рамках этих систем степень доступа женщин к экономическим и эмоциональным ресурсам существенно различается. Патрилокальная система (при которой новобрачная переезжает в семью супруга) разрушает сети социальных контактов молодых женщин и ограничивает их источники средств к существованию. По словам женщин, они чувствуют себя бесправными не только из-за своего пола, но и в силу возраста, они практически не могут претендовать на ресурсы домохозяйства, их заставляют заниматься изнурительным сельскохозяйственным трудом и лишают возможности получить образование или найти другую работу. В то же время в матрилокальной системе (при которой мужчина переезжает в семью супруги) влияние неравноправной расстановки сил оказывается ниже. Здесь женщины выражают

опасения, что супруг может их оставить, так как это способно повлечь за собой необходимость возврата выкупа, однако при этом они также утверждают, что счастливы в браке¹⁰⁵.

Какие еще механизмы поощряют и ограничивают свободу выбора и право голоса женщин в интимных партнерских отношениях? В начале данного раздела рассматриваются два фактора, влияющие на положение женщин: во-первых, возраст вступления в первый брак, а во-вторых, вид партнерских отношений и степень их правового признания. Глубоко изучаются явления полигинного брака и сожительства. Таким образом, в разделе 3 обсуждается тот факт, что супружеские отношения зачастую встроены в более широкую сеть семейных связей и влияние на свободу выбора женщин оказывают не только отношения с супругом, но и распределение сил между женщиной, семьей мужа и ее собственными родственниками, что в особенности характерно для тех стран и регионов, где повсеместной практикой являются расширенные домохозяйства.

Далее в данном разделе рассматривается центральная составляющая семейной жизни — деторождение. Женщины и их партнеры принимают решения относительно рождения детей в расширенном контексте экономической и социальной политики, включая возможность получения отпуска по уходу за ребенком для матери и отца, а также доступность детских дошкольных учреждений, о чем пойдет речь в главе 5. При этом в партнерских отношениях существенное влияние на свободу выбора женщин относительно деторождения оказывает наличие доступа к услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья, а также социальные нормы, касающиеся рождения детей.

Влияние возраста вступления в брак и возрастной разницы между супругами на свободу выбора женщин

Как правило, женщины и девушки заключают браки с мужчинами значительно старше них. Анализ данных по 57 странам показывает, что средняя разница в возрасте с супругом среди состоящих в браке или в союзе женщин 20–24 лет составляет 6,8 лет и 7,5 лет среди женщин, заключивших брак или союз до 18 лет. Согласно результатам когортного анализа, в ходе которого сравнивались данные по женщинам в возрасте 20–24 лет и в возрасте 45–49 лет, с течением времени ситуация не претерпела существенных изменений. Это говорит о том, что, несмотря на уменьшение количества детских браков, большая разница в возрасте между супругами остается нормой¹⁰⁶.

Ранний брак, зачастую с мужчиной старшего возраста, оказывает сильное влияние на участие женщин в процессах принятия решений на уровне домашних хозяйств. Представленные на рисунке 3.2 результаты анализа данных по тем же 57 странам демонстрируют, что в сравнении с женщинами,

заключившими первый брак после достижения 25 лет, среди женщин, вступивших в брак до 18 лет, более высока доля тех, чей партнер несет основную ответственность за принятие решений по нескольким аспектам их жизни, включая распределение их собственных доходов (10,8% по сравнению с 7,8%), охрану их здоровья (32,9% по сравнению с 27,2%) и крупные семейные покупки (34,3% по сравнению с 27,8%).

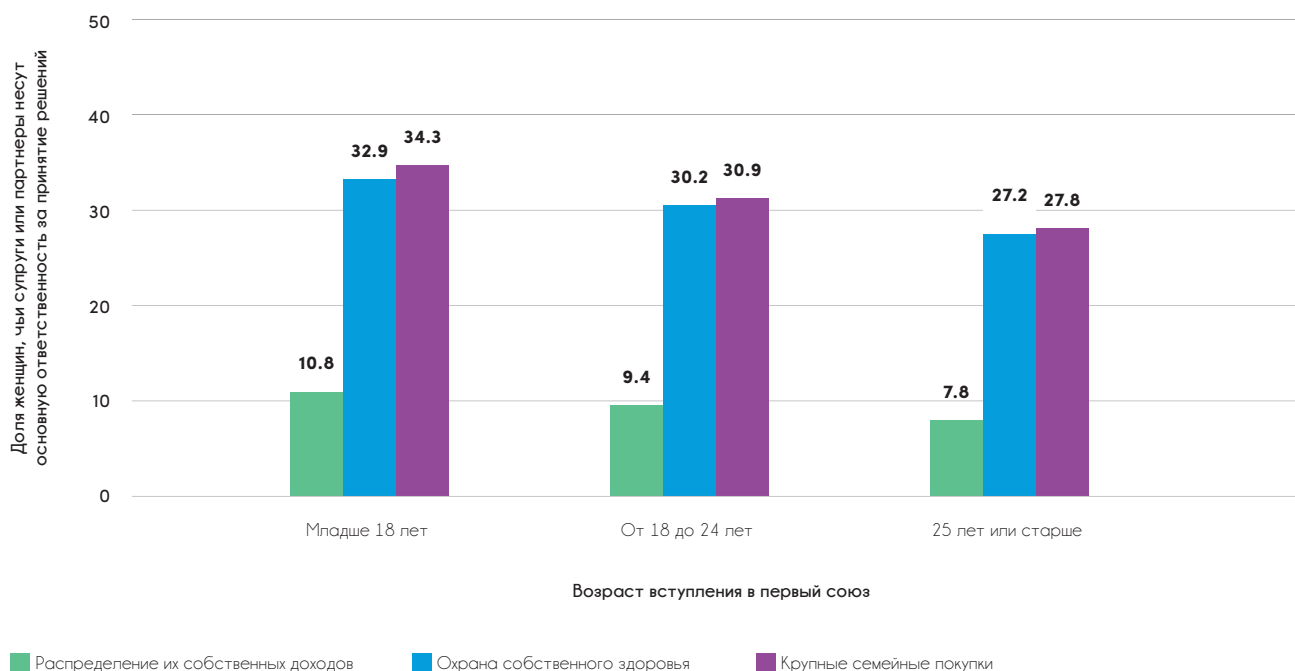
Заключение брака или вступление в партнерские отношения с мужчинами старшего возраста также ассоциируется с более высокой вероятностью насилия в отношении женщин, их меньшей возможностью настаивать на использовании презерватива и более частым заражением ВИЧ¹⁰⁷.

Имеет ли значение вид партнерских отношений с точки зрения свободы выбора женщин?

Вид партнерских отношений (официальный брак, гражданский союз, полигинный брак или совместное проживание), в которых состоит женщина, влияет на степень ее свободы выбора и права голоса. В данном вопросе важную роль играет степень законности и правовой защиты различных форм партнерских

РИСУНОК 3.2

УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА ВСТУПЛЕНИЯ В ПЕРВЫЙ БРАК СРЕДИ ЖЕНЩИН 15–49 ЛЕТ, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ (ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД)

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе медико-демографических обследований (ICF International 2007–2017).

Примечания: На основании выборки из 57 стран. Медико-демографические обследования за 2007 год или последующие годы доступны по 62 странам. Однако по Армении, Гватемале, Руанде, Сан-Томе и Принсипи, а также по Украине часть переменных недоступна, например, возраст текущего партнера. Кроме того, в некоторых других случаях размер выборки оказался недостаточным.

отношений. Юридическое признание гражданских союзов и сожительства способствует поощрению прав женщин, однако законодательный запрет полигинии является более спорным вопросом.

Права женщин в полигинных партнерских отношениях

По оценкам, четверть женщин, проживающих в странах Африки к югу от Сахары, состоит в полигинных браках¹⁰⁸. Полигиния преобладает в сельскохозяйственных обществах, где она изначально практиковалась с целью поддержания высокой рождаемости и, соответственно, выживаемости¹⁰⁹. В последние годы наблюдается сокращение детской смертности, которое коррелирует со снижением популярности данной практики¹¹⁰. Тем не менее, согласно последним данным, доля женщин в возрасте 15–49 лет, на текущий момент состоящих в полигинном браке или союзе, составляет более одной трети по крайней мере в пяти странах Африки к югу от Сахары, включая Нигер (36,1%), Чад (37,9%), Гамбию (38,7%), Буркина-Фасо (42,2%) и Гвинею (47,8%)¹¹¹.

Полигиния основана на патриархальных социальных нормах, в соответствии с которыми мужчины имеют власть над стратегическими ресурсами, включая женщин и детей. При этом результаты антропологических исследований свидетельствуют о существенном разнообразии полигинных отношений с точки зрения способа выбора супругов, разделения ресурсов, организации проживания и развода, причем каждый из перечисленных элементов оказывает воздействие на права и свободу выбора женщин в подобных браках¹¹². Некоторые женщины в полигинных отношениях пользуются большей независимостью и получают выгоду от объединения ресурсов и совместного домашнего и сельскохозяйственного труда, практикующихся в таких семьях. Тем не менее зачастую им приходится налаживать и поддерживать сложные отношения с другими женами, а также конкурировать за (иногда) ограниченные ресурсы¹¹³. Полигиния часто ассоциируется с принудительными и детскими браками¹¹⁴.

Согласно рамочным документам по правам человека, полигинию необходимо искоренить, поскольку она ущемляет права и унижает достоинство женщин (см. раздел 3.2)¹¹⁵. Таким образом, задача политики заключается в том, как добиться этого результата, учитывая, что введение законодательного запрета само по себе почти не оказывает влияния на распространенность данного явления¹¹⁶. Более того, запрет может дополнительно ограничивать возможности женщин в полигинных браках, поскольку их положение не признается законом или им отказывают в доступе к услугам¹¹⁷.

Такие страны Африки к югу от Сахары, как Кения и ЮАР, приняли законодательство, соответствующее прагматичному подходу Мапутского протокола¹¹⁸. Кенийский Закон о браке 2014 года определяет брак как «добровольный союз мужчины и женщины вне зависимости от того, является ли он моногамным или полигамным», и устанавливает минимальный возраст вступления в брак на уровне 18 лет. Несмотря на то, что некоторые источники критикуют подобные законодательные меры как узаконивающие полигинию, в результате их принятия полигинные отношения и состоящие в них женщины попадают под действие всеобъемлющих норм в области прав человека (КЛДЖ, Мапутский протокол), что в частности гарантирует им равные имущественные права, равные права на развод, а также равные права и обязанности по отношению к детям¹¹⁹.

Права женщин в условиях сожительства

Распространение совместного проживания в некоторых регионах тесно связано с растущим экономическим и социальным равенством женщин, но означает ли это, что партнерские отношения становятся более равноправными? Данный вопрос рассматривался в рамках нескольких исследований, и ответ таков: не всегда. Роль здесь играют как социальное положение, так и отношение общества к сожительству.

Недавнее исследование, проведенное в Чили среди женщин с низким доходом, показало, что рост популярности сожительства стал следствием ослабления родительского контроля за решениями дочерей в области партнерских отношений, что говорит об укреплении независимости женщин. Однако это не означает, что отношения сами по себе стали более справедливыми с точки зрения гендерного равенства¹²⁰. Результаты исследования свидетельствуют о том, что пары придерживаются традиционного распределения гендерных ролей, при котором мужчины являются кормильцами, а женщины обязаны выполнять основную часть неоплачиваемого домашнего труда. Более высокий уровень гендерного равенства наблюдается среди более состоятельных совместно проживающих пар, в которых оба партнера обычно занимаются оплачиваемым трудом и разделяют затраты и работу по дому, хотя такое положение дел сохраняется только до тех пор, пока пара остается бездетной. Если и когда у пары появляются дети, женщины в отношениях сожительства начинают брать на себя более традиционные гендерные роли и, как правило, получают большую поддержку в вопросах ухода за детьми и работы по дому от своих матерей, чем от своих партнеров¹²¹.

В некоторых странах Европы гендерное разделение оплачиваемого и неоплачиваемого труда зачастую более неравномерно в супружеских отношениях,

чем при совместном проживании. В Италии, где сожительство встречается относительно редко и не признается законом, совместно проживающие партнеры распределяют труд более равномерно, чем супруги в браке¹²². Возможно, это говорит о том, что женщины и мужчины, выбирающие данную форму отношений, более склонны к пересмотру традиционных гендерных ролей. А во Франции, где сожительство получило очень широкое распространение и наиболее сходно с браком, гендерное разделение труда в этих двух формах отношений практически одинаково¹²³.

Это подчеркивает тот факт, что независимо от формы отношений, в которых состоят женщины, дискриминационные социальные нормы нелегко изменить. В связи с этим дополнительный вес приобретает необходимость обеспечить защиту прав женщин на социальные льготы, опеку над детьми и наследование в условиях совместного проживания с партнером. На сегодняшний день сожительствующим парам в разных странах предоставляются очень разные права. Во Франции и Нидерландах женщины, состоящие в сожительстве, получают права, сравнимые с правами замужних женщин, если они регистрируют свои отношения¹²⁴. В то же время в Австралии и гетеросексуальные, и однополые сожительствующие пары имеют такие же законные права, как и пары, состоящие в браке, без необходимости регистрировать отношения, что может являться примером для других государств¹²⁵.

Прогресс в области юридического признания сожительства в странах Южной Америки был постепенным и неоднородным, зачастую начинаясь с реформ по обеспечению равного статуса детей, рожденных вне брака, как это произошло, например, в Колумбии (1968 год)¹²⁶, Аргентине (1985 год), Чили (1998 год) и Уругвае (2004 год)¹²⁷. В 1990-е и 2000-е годы эти четыре страны приняли дальнейшие меры для признания неофициальных союзов¹²⁸. Совместно проживающие пары в Колумбии имеют сходные с супружескими парами права в области здравоохранения, пенсий, гражданства, а также пособий и алиментов на детей. Данные права предоставляются по истечении по крайней мере двух лет с начала моногамных отношений при совместном проживании, и регистрации для их получения не требуется¹²⁹. С 2007 года такие права действуют как для гетеросексуальных, так и для однополых сожительствующих пар¹³⁰.

Свобода выбора в репродуктивных вопросах

Международные нормы в области прав человека устанавливают важные стандарты в отношении репродуктивных прав женщин как в супружеских, так и в других видах интимных партнерских отношений (см. вставку 3.3). Это связано с тем, что свобода выбора женщин в репродуктивных вопросах имеет критическое значение в широком контексте условий

ВСТАВКА 3.3 ГАРАНТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ СЕКСУАЛЬНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ И ПРАВ ЖЕНЩИН

Сексуальное и репродуктивное здоровье и права женщин гарантированы комплексным и широким набором разрабатываемых с 1960-х годов конвенций и политических инструментов в области прав человека. Сюда входят права женщин контролировать вопросы, связанные с сексуальной жизнью; решать, рожать ли детей, когда и в каком количестве; получать информацию об услугах в области планирования семьи и иметь к ним доступ; иметь возможность пользоваться медицинскими услугами в сфере репродуктивного здоровья и материнства, а также иметь доступ к услуге безопасного аборта при определенных обстоятельствах.

Право на сексуальное и репродуктивное здоровье является неотъемлемой частью права на здоровье, закрепленного в статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП, 1966 год)¹³². Статья 16 КЛДЖ 1979 года гарантирует женщинам равные права «свободно и ответственно решать вопрос о числе детей и промежутках между их рождениями и иметь доступ к информации, образованию, а также средствам, которые позволяют им осуществлять это право»¹³³.

Программа действий, принятая в 1994 году на Международной конференции по народонаселению и развитию, дала первое всеобъемлющее определение репродуктивных прав, в основе которых лежит «признание основного права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами и праве на достижение максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья»¹³⁴. Программа действий содержит требование о том, чтобы все люди имели «доступ к безопасным, эффективным, доступным и приемлемым методам планирования семьи по их выбору», а также к медицинским услугам, необходимым для обеспечения здорового протекания беременности и безопасных родов¹³⁵.

Программа действий также указывает на то, что «в случаях, в которых аборт не противоречит закону, его следует производить в адекватных условиях»¹³⁶.

Данные обязательства были дополнительно подкреплены Пекинской платформой действий 1995 года, которая констатирует, что «права человека женщины включают в себя ее право осуществлять контроль над вопросами, касающимися ее сексуального поведения, включая сексуальное и репродуктивное здоровье, и свободно и ответственно принимать по ним решения без какого бы то ни было принуждения, дискриминации и насилия»¹³⁷.

Ряд договорных органов по правам человека детально разъяснили обязанности государств по обеспечению осуществления женщинами данных прав на практике. Так, в 2016 году Комитет по правам ребенка призвал государства «принять всеобъемлющие стратегии в области сексуального и репродуктивного здоровья подростков с учетом гендерного и сексуального аспектов, обращая при этом внимание на то, что неравный доступ подростков к такой информации, товарам и услугам равнозначен дискриминации»¹³⁸.

Комитет КЛДЖ и Комитет по правам инвалидов подчеркнули необходимость гарантировать сексуальное и репродуктивное здоровье и права женщин с ограниченными возможностями, в частности, «уважение права женщин, включая женщин с ограниченными возможностями, на независимое принятие решений», а также обеспечение «защиты женщин с ограниченными возможностями от принудительного аборта, контрацепции или стерилизации против их воли или в отсутствие их осознанного согласия»¹³⁹.

Правовая практика договорных органов подтверждает, что отказ женщинам в доступе к абортам в случае угрозы их жизни или здоровью, а также в случае если беременность стала результатом изнасилования или инцеста, нарушает права на здоровье¹⁴⁰, на неприкосновенность частной жизни¹⁴¹ и в ряде случаев на свободу от жестокого, бесчеловечного или унижительного обращения¹⁴². Не так давно, в 2018 году, Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 36 заявил, что «государства-участники должны обеспечить безопасный, легальный и эффективный доступ к абортam, если жизнь и здоровье беременной женщины или девушки находится под угрозой или если вынашивание ребенка до положенного срока причинит беременной женщине или девушке сильную боль или страдания, в особенности если беременность стала результатом изнасилования либо инцеста, или плод нежизнеспособен». В документе также признается, что введение уголовной ответственности для женщин, делающих аборт, или поставщиков услуг по прерыванию беременности «заставляет женщин и девушек прибегать к небезопасным абортam»¹⁴³.

их жизни, включая их физическое и эмоциональное благополучие, экономические возможности и время, которое они тратят на неоплачиваемый домашний труд (см. главу 5). Таким образом, возможность женщины принимать решения о том, рожать ли детей, когда и в каком количестве, является ключевым показателем степени ее свободы выбора и права голоса в отношениях с интимным партнером.

Дискриминационные социальные нормы и неудовлетворительное качество услуг в области репродуктивного здоровья создают серьезные препятствия для женщин с точки зрения их способности отстаивать свои права в отношениях. Убеденность в том, что сексуальное влечение девушек необходимо контролировать, в различных семьях и сообществах служит источником таких вредоносных практик, как калечащие операции на женских половых органах (см. главу 6), а также детские, ранние и принудительные браки. В

супружеских отношениях социальный статус и ценность женщин в глазах других людей слишком часто оказываются связаны с их способностью к деторождению (в некоторых случаях именно сыновей)¹³¹. Ограничение доступа к безопасным и предпочтительным методам контрацепции существенным образом сокращает независимость женщин. В случае однополых партнерских отношений или позднего материнства, с одной стороны, свободе выбора в репродуктивных вопросах способствуют новые технологии, а с другой стороны, его ограничивает зачастую чрезмерно высокая стоимость таких технологий. Принимая во внимание такие факторы, как дискриминационные социальные нормы и экономическая стратификация, в данном разделе основное внимание уделяется двум компонентам свободы выбора женщин в репродуктивных вопросах: во-первых, их доступу к современным методам контрацепции и безопасным абортam, и, во-вторых, их доступу к вспомогательным репродуктивным технологиям.

Социальные нормы как препятствие в планировании семьи

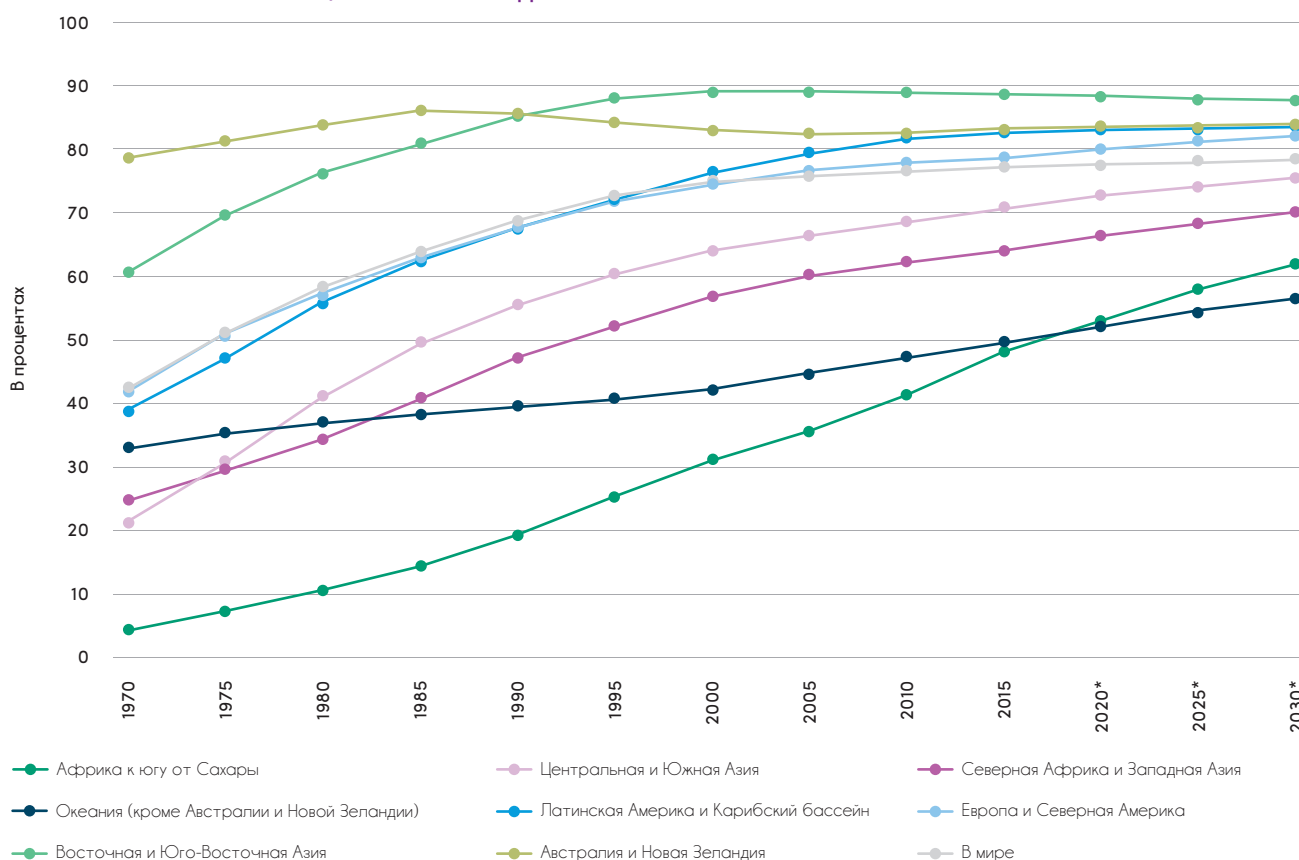
Рисунок 3.3 показывает, что в 1970 году лишь около 42,2% женщин в мире в возрасте 15–49 лет, состоящих в браке или союзе, пользовались современными средствами контрацепции по своему желанию; к 2015 году данный показатель достиг 77,2%. Начав с крайне малых значений, страны Африки к югу от Сахары, Центральной и Южной Азии, Северной Африки и Западной Азии добились значительного прогресса. Тем не менее показатель удовлетворенного спроса на современные средства контрацепции ниже в наименее развитых странах среди женщин, проживающих в сельских районах и представляющих беднейшие квинтили населения. Так, в 33 из наименее развитых стран только 34% состоящих в браке или в союзе женщин из нижнего квинтиля могут удовлетворить свою потребность в планировании семьи с помощью современных

средств контрацепции, в то время как среди женщин из верхнего квинтиля этот показатель составил 51%. Подобным образом только 39% женщин, проживающих в сельских районах, имеют возможность удовлетворить свою потребность в планировании семьи с помощью современных средств контрацепции по сравнению с 50% женщин, проживающих в городских районах¹⁴⁴.

Существует ряд факторов, которые препятствуют доступу женщин к современным средствам контрацепции. Доступность и качество услуг играют важную роль, однако до сих пор женщины сталкиваются с такими широко распространенными барьерами в этой области, как высокая стоимость, большие расстояния, ощущение (или реальный факт) того, что услугами планирования семьи могут пользоваться только женщины, состоящие в браке, а также дискриминационное отношение

РИСУНОК 3.3

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ СПРОСА НА ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ С ПОМОЩЬЮ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ КОНТРАЦЕПЦИИ, ПО РЕГИОНАМ, СРЕДИ ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН В ВОЗРАСТЕ 15–49 ЛЕТ, 1970–2030 ГОДЫ

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе UN DESA 2018b и UN DESA 2018c.

Примечания: Включено 185 стран и территорий с населением 90 000 жителей или более, на основе данных, доступных на февраль 2018 года. Медианные (скорректированные) оценки по странам в процентах преобразованы в расчетное значение по количеству женщин путем умножения каждой расчетной процентной доли на количество состоящих в браке или в союзе женщин в возрасте 15–49 лет в стране за отчетный год. Значения процентных показателей в регионах и в мире получены путем деления количества женщин, использующих современные методы контрацепции, на количество состоящих в браке или в союзе женщин в возрасте 15–49 лет, которые выразили потребность в планировании семьи, в регионе за отчетный год. Данные за 2020, 2025 и 2030 годы, отмеченные звездочкой (*), основаны на прогнозах.

со стороны поставщиков услуг¹⁴⁵. Руанда является примером страны, в которой доступ к планированию семьи существенно расширился благодаря государственной политике, направленной на

укрепление систем здравоохранения, подготовку медицинского персонала и распространение общинных программ медицинского страхования (см. вставку 3.4).

ВСТАВКА 3.4

УВЕЛИЧЕНИЕ ОБЪЕМА УСЛУГ В ОБЛАСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РУАНДЕ

В регионе со слабыми системами здравоохранения и высоким уровнем рождаемости Руанда добилась огромных успехов в быстром расширении доступа к услугам в области планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья, тем самым, обеспечив осязаемые преимущества для женщин, семей и общества в целом.

В 1970 году в Руанде современная контрацепция удовлетворяла только 0,2% спроса на услуги в области планирования семьи. По прогнозам, к 2030 году этот показатель достигнет 78,2%, что значительно превысит средний показатель по странам Африки к югу от Сахары (62,0%)¹⁴⁶. За последние четыре десятилетия общий коэффициент рождаемости в Руанде сократился более чем вдвое — с 8,3 до 3,8 живорождений на одну женщину¹⁴⁷, а коэффициент материнской смертности снизился с 1 300 смертей на 100 000 живорождений в 1990 году до 290 — в 2015 году¹⁴⁸.

Такой значительный прогресс, особенно в течение десятилетия с 2005 по 2015 год, является результатом действий правительства, которое включило укрепление системы здравоохранения в число приоритетных задач¹⁴⁹. После геноцида 1994 года в Руанде было создано пять школ сестринского дела и акушерства для увеличения штата подготовленных медсестер, акушерок и врачей общего профиля. Министерство здравоохранения также содействовало привлечению традиционных повивальных специалистов в качестве общинных активистов в области материнского и детского здоровья при сотрудничестве с медицинскими центрами¹⁵⁰. В настоящее время работники общинной службы здравоохранения также играют важную роль в оказании услуг, распространении презервативов и противозачаточных средств¹⁵¹. В 1999 году правительство Руанды внедрило общинное медицинское страхование, которое изначально предназначалось для наиболее бедного и уязвимого населения. Начиная с 2006 года медицинское страхование стало доступно для всех граждан страны, и к 2010 году уровень охвата населения Руанды достиг 78%¹⁵², результатом чего стало существенное расширение использования медицинских услуг и заметное сокращение количества ситуаций, в которых пациенты несут катастрофические затраты на медицинское обслуживание за счет собственных средств¹⁵³.

Всего этого удалось добиться за счет эффективной мобилизации внутренних и внешних ресурсов. В Руанде действует строгий механизм управления донорским финансированием, согласно которому вся донорская поддержка направляется на существующие приоритетные задачи правительства¹⁵⁴. Расходы на здравоохранение увеличились с 7,91 доллара США на душу населения в 2002 году до 48,08 доллара США в 2016 году, превысив рекомендуемый минимум Всемирной организации здравоохранения в размере 44 долларов США¹⁵⁵.

Однако существует и ряд проблем. В некоторых ситуациях по-прежнему сильны дискриминационные взгляды и убеждения. Многие женщины сообщают, что не могут получить доступ к противозачаточным средствам без согласия супруга¹⁵⁶. Доступ незамужних девочек-подростков к услугам в области планирования семьи часто ограничен, в том числе из-за неодобрительного отношения некоторых работников общинной службы здравоохранения¹⁵⁷. «Уголки молодежи» в медицинских центрах, а также автономные молодежные центры помогают предоставлять услуги и сохранять конфиденциальность для молодых женщин, однако они еще не получили широкого распространения¹⁵⁸.

Анализ данных по 52 странам показывает, что одной из наиболее частых причин отказа женщин от использования средств контрацепции являются опасения по поводу побочных эффектов и рисков для здоровья¹⁵⁹. В тех районах, по которым доступны динамические данные, такие опасения либо стали

более распространенными, либо остались на том же уровне, что и в 2000 году¹⁶⁰. Согласно обзору исследований качественных показателей по Мали, Нигерии, ЮАР, Объединенной Республике Танзания и Вьетнаму, женщины боятся, что использование противозачаточных средств может привести к

бесплодию¹⁶¹. Подобные страхи имеют особую значимость в тех регионах, где социальный статус женщины привязан к ее способности забеременеть. Например, по словам одной девятнадцатилетней жительницы Мали, если женщину считают бесплодной, «ее не будут любить, особенно если ее свекровь хочет внуков. А если у ее мужа есть и другие жены, они при каждой возможности будут хвастаться тем, что у них, в отличие от нее, есть дети»¹⁶². В рамках подходов к планированию семьи, основанных на соблюдении прав человека, женщинам предоставляется информация, которая устранил их необоснованные опасения, а также возможность выбора методов контрацепции, особенно если они страдают от побочных реакций¹⁶³.

Исследования, проведенные в Кот-д'Ивуаре, Индии и Иордании, также свидетельствуют о существовании давления со стороны партнеров и других членов семьи в вопросах, связанных с сексуальным и репродуктивным здоровьем женщин¹⁶⁴. К примеру, в Иордании 11% женщин, пользующихся услугами центров планирования семьи, сообщают о том, что их супруги отказываются или запрещают им самим применять методы контрацепции, а 13% женщин упоминают о давлении в данном вопросе со стороны членов семьи (включая их собственных матерей, а также свекровей и золовок)¹⁶⁵. В то же время в Уганде девушки невольно оказались в самом центре незавершенного процесса изменения представлений, свойственных определенному поколению: в то время как сами они хотят продолжать образование и иметь меньше детей, сохраняющее свое влияние старшее поколение по-прежнему предпочитает большие семьи¹⁶⁶.

Обзор программ в 12 развивающихся странах выявил способы вовлечения мужчин в процесс планирования семьи, включая создание «зоны комфорта», где мужчины могли бы обсудить вопросы, касающиеся планирования и сексуального и репродуктивного здоровья; поощрение общей ответственности за планирование семьи, в том числе путем противодействия неравноправным гендерным нормам и улучшения коммуникации между партнерами, а также демонстрацию положительных моделей мужского поведения¹⁶⁷.

Неравный доступ к безопасным абортам

В период с 2010 по 2014 год ежегодно в мире совершалось примерно 55,7 млн аборт, при этом около половины из них (25,1 млн) были небезопасными. Из общего числа небезопасных аборт 97% пришлось на долю развивающихся стран¹⁶⁸.

Практика показывает, что законодательный запрет аборт не снижает их количество. Напротив, в

тех странах, где аборт запрещены или жестко ограничены, показатели, как правило, выше, чем в тех странах, где услуга аборт доступна на широких основаниях или по запросу¹⁶⁹. В случае запрета женщины прибегают к незаконным аборт, что может иметь серьезные последствия для их здоровья. Смертельные случаи в результате небезопасных аборт с трудом поддаются количественной оценке, однако, согласно имеющимся данным, на их долю приходится от 8% до 11% общего показателя материнской смертности в мире¹⁷⁰, то есть 22 800–31 000 предотвратимых смертей в год¹⁷¹. Помимо этого, многие женщины страдают от долговременного расстройства здоровья или становятся инвалидами в результате небезопасных аборт, которые являются серьезной проблемой для общественного здравоохранения¹⁷².

По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2017 году в 89% из 122 стран в выборке аборт допускались в случае их необходимости для спасения жизни женщины, а в 34% из этих стран прерывание беременности было разрешено по запросу¹⁷³. Законы, предусматривающие сложный комплекс требований, таких как прохождение психологической консультации или получение разрешения врача, могут вытолкнуть аборт за границы правового поля¹⁷⁴. Возможность женщины прибегнуть к безопасному аборт также зависит от ее доступа к качественным медицинским услугам и инфраструктуре, включая последующий уход, а также от социальных норм и взглядов среди поставщиков услуг, семей и общества¹⁷⁵.

Женщины, проживающие в сельской местности, где слабо развита инфраструктура, а также менее обеспеченные женщины, которые не могут позволить себе заплатить за аборт, находятся в особенно неблагоприятном положении и иногда вынуждены прибегать к опасным методам самостоятельного прерывания беременности или к процедурам, проводимым людьми без должной медицинской подготовки. Обзор результатов опросов, проведенных среди поставщиков медицинских услуг в 14 странах с высоким уровнем небезопасных аборт, показывает, что среди малоимущих сельских женщин осложнения встречаются чаще (49%), чем среди более обеспеченных женщин, проживающих в городе (29%). В случае осложнений, медицинскую помощь получают 80% более зажиточных городских женщин и чуть более половины малоимущих женщин в сельских районах¹⁷⁶. В тех странах, где аборт жестко ограничены, доступ к медикаментозным аборт позволил снизить смертность в результате небезопасных практик¹⁷⁷. Непал и Ирландия являются примерами стран, принявших меры по

ВСТАВКА 3.5 ДОСТУП К БЕЗОПАСНЫМ АБОРТАМ И ПЛАНИРОВАНИЮ СЕМЬИ В НЕПАЛЕ

Непал представляет собой пример страны, которая добилась существенного прогресса в расширении доступа женщин к услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья, включая доступ к безопасным и законным абортam. Это одно из тех немногих государств, которые за последнее время проделали путь от полного запрета абортam до их разрешения по запросу¹⁷⁸.

Законодательная реформа, проведенная в 2002 году, стала первым из множества шагов¹⁷⁹. Впоследствии правительство создало целевую группу по разработке и реализации планов в области предоставления услуг по проведению безопасных абортam, включая внедрение соответствующих курсов в учебные планы высших и средних медицинских учебных заведений, введение упрощенной процедуры сертификации клиник, разрешение на проведение абортam подготовленным персоналом среднего звена, укрепление связей между всеми службами репродуктивного здоровья по направлению пациентов к врачам-специалистам, а также организацию просветительских кампаний с целью информирования населения о законодательной реформе и ослабления стигматизации¹⁸⁰. В 2009 году были разрешены медикаментозные абортam в первом триместре, что, в частности, улучшило доступ к этой услуге для женщин, проживающих в сельских районах. В 2015 году более половины абортam были проведены с использованием данного метода¹⁸¹.

Принятые меры оказали существенное положительное влияние в сферах общественного здравоохранения и здоровья женщин. Коэффициент материнской смертности снизился с 548 смертей на 100 000 живорождений в 2000 году до 258 — в 2015 году¹⁸². Результаты исследования, проведенного в 2013 году среди больниц, демонстрируют ярко выраженную тенденцию к сокращению числа случаев тяжелых осложнений, инфекций и травм¹⁸³. Была повышена эффективность постаборточной консультирования и реабилитации, в результате чего доля женщин, прибегающих к контрацепции после проведения абортam в 2008–2011 годах, составила 80–85%¹⁸⁴.

Однако наряду с этим сохраняются и серьезные проблемы. В 2014 году более половины абортam по-прежнему проводились неавторизованными поставщиками услуг в потенциально небезопасных условиях¹⁸⁵. В преимущественно сельскохозяйственной стране доступ к безопасным услугам для женщин в отдаленных районах остается ограниченным, а уровень общей осведомленности женщин о возможности проведения законного абортam до сих пор невысок¹⁸⁶. Тем не менее опыт Непала показывает, чего можно добиться за относительно короткий период благодаря сочетанию уверенного государственного руководства, масштабной донорской поддержки и активного участия групп, пропагандирующих охрану женского здоровья¹⁸⁷.

легализации и расширению доступа к безопасным абортam (см. вставку 3.5 и историю перемен «Ключевая идея — сочувствие»).

Расширение доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям

Возможность делать собственный выбор не сводится к ограничению рождаемости. Примерно каждая десятая пара в мире сталкивается с бесплодием и большинство из них проживает в развивающихся странах¹⁸⁸. В частности, вынужденная бездетность особенно широко распространена в центральной Африке (каждая третья пара), что отчасти связано с инфекциями половых путей. При этом данный субрегион также имеет один из наиболее высоких в мире показателей рождаемости, что создает парадокс «бесплодности среди плодородия»¹⁸⁹. Помимо стимулирования социальной стигматизации и остракизма, бесплодие может приводить к нищете в тех случаях, когда семьи полагаются на детей в качестве источника оплачиваемого и неоплачиваемого труда. Пары, не имеющие детей, также могут сталкиваться с трудностями при получении ухода в пожилом возрасте¹⁹⁰. При этом политические меры и услуги, направленные на обеспечение соответствующей паллиативной

помощи и решение проблемы бездетности, очень немногочисленны¹⁹¹.

Показатели бесплодия растут в развитых странах, где женщины откладывают рождение детей, чтобы получить высшее образование и построить карьеру в условиях отсутствия необходимой социальной поддержки (отпуск по уходу за ребенком, детские дошкольные учреждения) и незначительного сдвига в готовности мужчин взять на себя справедливую долю неоплачиваемого труда по уходу за детьми¹⁹². Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) становятся все более доступными некоторым женщинам и парам, включая однополые пары, которые не могут зачать детей другим способом. Репродуктивные центры зачастую являются коммерческими, их услуги не покрываются медицинской страховкой и, соответственно, очень дороги. Кроме того, деятельность таких центров не всегда регулируется, в связи с чем женщины могут не получать надлежащей информации о потенциальных рисках для здоровья, связанных с медико-биологическим вмешательством¹⁹³.

С учетом высокой стоимости доступ к ВРТ чрезвычайно стратифицирован. К примеру, в

США, несмотря на то, что латиноамериканки и афроамериканки более подвержены бесплодию по сравнению с белыми женщинами, они реже имеют медицинскую страховку, которая позволила бы им получить доступ к ВРТ¹⁹⁴. Большинство европейских государств предоставляют населению некоторую поддержку в данной области, однако только 6 из 22 стран обеспечивают полное покрытие в рамках национальной системы медицинского страхования, 10 стран разрешают доступ к данной услуге для одиноких людей, а 7 — для лесбиянок¹⁹⁵. Для трансгендерных людей хирургическая коррекция пола зачастую заканчивается бесплодием, но технологии сохранения фертильности редко им доступны¹⁹⁶.

В результате неравномерного регулирования, высоких цен и ограниченного доступа к ВРТ

возникло новое социально-медицинское явление — «трансграничная репродуктивная помощь»¹⁹⁷. Например, стоимость курса экстракорпорального оплодотворения в 2011 году оценивалась примерно в 2000 долларов в Индии и 20 000 долларов в США¹⁹⁸. Малообеспеченные женщины, проживающие в развивающихся странах, все чаще привлекаются к участию в транснациональных договорах по предоставлению яйцеклеток или услуг суррогатного материнства за малую часть той суммы, которую требуют суррогатные матери в более богатых странах¹⁹⁹. Глобальная торговля услугами суррогатного материнства поднимает сложные вопросы о правах женщин, а также об этических и нормативных аспектах в связи с попытками найти баланс между интересами бесплодных пар и правами суррогатных матерей, к услугам которых они прибегают (см. вставку 3.6).

ВСТАВКА 3.6 ДЕНЬГИ ЗА РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА: СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО — НА СТЫКЕ МЕЖДУ РАБОТОЙ И ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ

Для людей, сталкивающихся с проблемами фертильности, выходом может стать экстракорпоральное оплодотворение с использованием донорских гамет или суррогатное материнство. В то время как одни имеют возможность воспользоваться бескорыстными услугами донора яйцеклетки или суррогатной матери, с которыми их обычно связывают родственные или дружеские отношения, другие заключают все большее количество коммерческих сделок, подразумевающих оплату услуг донора или суррогатной матери. Это положило начало новому транснациональному бизнесу, в который вовлечены специализированные агентства, брокеры и другие поставщики услуг, например, доктора и юристы²⁰⁰.

Стоимость коммерческой услуги суррогатного материнства существенным образом варьируется в зависимости от страны. Для женщин из стран с низким уровнем доходов сумма оплаты их услуг в качестве суррогатной матери может в несколько раз превышать их среднегодовой заработок. При этом поступает информация о негуманных условиях такого труда, включая сомнительные методы найма и серьезные нарушения при получении информированного согласия (например, составление договоров на неродном для женщины языке); имплантацию слишком большого количества эмбрионов; отказ предоставить своевременный доступ к аборту, который может сохранить здоровье (и даже жизнь) женщины; насильственные аборты в случае, если потенциальные родители передумали, а также регулярное применение кесарева сечения при родах, даже когда в нем нет медицинской необходимости, с целью удовлетворения потребностей потенциальных родителей. С учетом перечисленных проблем, некоторые страны, включая Камбоджу, Индию, Непал и Таиланд, ввели законы, запрещающие или ограничивающие коммерческое суррогатное материнство²⁰¹.

Мнения феминисток относительно поднятых вопросов, представляющих сложность с правовой и этической точек зрения, разделились. Некоторые убеждены в том, что коммерческое суррогатное материнство является заведомо эксплуатационной практикой — «технологической колонизацией женского тела»²⁰². Другие считают, что женщины, решающие стать суррогатными матерями, таким образом проявляют свободу выбора, пусть зачастую и в очень затрудненных условиях. По их мнению, суррогатное материнство необходимо признать видом труда, а акцент должен быть сделан на его регулировании и защите. Тем не менее, в зависимости от национального законодательства, имеющие юридическую силу договоры могут дать потенциальным родителям возможность добиваться от суррогатных матерей «осуствления» беременности и родов на их условиях, а также повысить риск давления на женщин со стороны их собственных родственников и других людей, рассматривающих их репродуктивный труд как хороший источник дохода²⁰³.

В 2018 году Специальный докладчик по вопросу о торговле детьми и их сексуальной эксплуатации четко определил, что коммерческое суррогатное материнство, которое подразумевает передачу ребенка за вознаграждение на основании имеющего юридическую силу договора, нарушает международные законы в области прав человека, запрещающие торговлю детьми, и представил рекомендации касательно возможного решения данной проблемы²⁰⁴. Ввиду продолжающихся споров, рынок коммерческого суррогатного материнства по-прежнему подвержен влиянию многочисленных противоречивых национальных норм и изобилует возможностями для противоправного обращения с вовлеченными в него женщинами.

3.5 СВОБОДА ВЫБОРА ПРИ ВЫХОДЕ ИЗ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Позиции отступления женщины в партнерских отношениях зависят от ее возможности выйти из них. Прекращение отношений путем развода или организации раздельного проживания не всегда является одномоментным и обособленным событием и может превратиться в запутанный и долгий процесс, элементами которого становятся отчужденность, отдаление, стресс, конфликты и даже насилие²⁰⁵. Особые затруднения с точки зрения развода и раздельного проживания создает наличие детей.

Возможность женщины выйти из партнерских отношений формируют три фактора: правовой режим, регулирующий вопросы развода и опеки над детьми, включая доступ женщины к правосудию; степень социальной стигматизации в случае развода и раздельного проживания, а также доступ женщины к ресурсам (см. главу 4). По большому счету, наличие или отсутствие данных факторов объясняет различия между странами с точки зрения исторического и текущего количества разводов. К примеру, в 1950-е годы в Индонезии и Малайзии наблюдались самые высокие в мире показатели расторжения брака. Получить развод было нетрудно, особенно для мужчины, а преимущественно двусторонняя система родственных связей позволяла женщине вернуться в родной дом в случае решения о раздельном проживании²⁰⁶. Во второй половине XX века в этих странах снизилось количество договорных браков и, соответственно, количество разводов, которые больше не были востребованы как способ избавиться от неудовлетворительных партнерских отношений, созданных по решению других людей. Однако за последние двадцать лет количество разводов в Юго-Восточной Азии снова начало увеличиваться в соответствии с глобальной тенденцией, вероятно, обусловленной растущей экономической независимостью женщин²⁰⁷. Экономические, социальные и правовые факторы также объясняют, почему в странах с более высоким доходом разводы случаются чаще, чем в странах с более низким доходом (см. главу 2, рисунок 2.7).

В данном разделе подробно рассматриваются, во-первых, роль социальных норм и семейного законодательства в определении возможности женщины выйти из партнерских отношений, а во-вторых, права женщин с точки зрения опеки над детьми.

Социальные нормы, законодательство и возможности выйти из отношений

Законное право женщин инициировать развод на равных с мужчинами условиях создает важную основу для обеспечения их возможности выйти из отношений, даже если этого не всегда достаточно для преодоления социальной стигмы. Официальный развод представляет собой относительно новое явление. Вплоть до конца XX века он был запрещен в странах, большую часть населения которых составляли католики, например, в Италии (до 1970 года), Испании (до 1981 года), Аргентине (до 1987 года), Ирландии (до 1996 года) и Чили (до 2004 года)²⁰⁸. На сегодняшний день в мире остается только одна страна, где развод запрещен на законодательном уровне, — Филиппины, хотя законопроект по легализации разводов уже находится на рассмотрении²⁰⁹. Тем не менее во многих странах условия, при которых женщина может инициировать процедуру расторжения брака, отличаются от условий для мужчин²¹⁰.

В странах со смешанными правовыми системами свобода выбора женщины при расторжении брака зависит от того, каким образом она в него вступила. Например, в Гане около 80% пар заключают браки согласно нормам обычного права²¹¹. В данной ситуации участвующие семьи часто договариваются о разводе, а женщины, как правило, получают очень небольшую часть имущества. Согласно Закону о бракоразводных процессах Зимбабве, при расторжении зарегистрированного брака, заключенного по нормам обычного права, суд должен равномерно разделить совместно нажитое имущество. Однако, поскольку многие зимбабвийские женщины живут в незарегистрированных обычных браках, они не могут воспользоваться этой возможностью²¹². Как по иудейскому, так и по исламскому праву, право на инициирование развода имеют только мужчины. Женщины при этом зачастую могут лишь расторгнуть брачный договор с согласия супруга или путем обращения в суд²¹³. В подобных ситуациях крайне важно обеспечить женщинам доступ к правосудию и семейным судам (см. вставку 3.7).

Первой страной, которая ввела процедуру расторжения брака по взаимному согласию без признания чьей-либо вины, в 1917 году стал

ВСТАВКА 3.7 ОФОРМЛЕНИЕ РАЗВОДОВ В РЕЛИГИОЗНЫХ СУДАХ ИНДОНЕЗИИ

Религиозные суды Индонезии занимаются всеми аспектами семейного права и представляют собой единственный институт, который может официально оформить развод и урегулировать требования по опеке над детьми и выплате алиментов. Такие суды решают 97% бракоразводных споров, большая часть которых инициируется женщинами²¹⁴. В тех районах, где наблюдается высокий уровень насилия со стороны интимного партнера, женщины прибегают к разводу как к способу выхода из супружеских отношений, основанных на насилии, в связи с чем доступность семейных судов приобретает первостепенное значение.

Религиозные суды также легализуют неофициальные браки, что важно не только для женщин, но и для детей, так как позволяет им получить свидетельство о рождении с указанием имен и отца, и матери, что обеспечивает доступ к образованию. Обязательная регистрация брака и широкая доступность свидетельств о рождении также способствуют контролю за соблюдением законов о минимальном возрасте вступления в брак²¹⁵.

Тем не менее женщины сталкиваются с рядом препятствий при получении доступа к судам, включая высокую стоимость, большие расстояния, сложности в понимании языка и механизма судебного процесса. За последнее десятилетие правительство приняло ряд мер по решению этих проблем. Неправительственные организации, включая Программу по расширению прав и возможностей женщин-глав домохозяйств, сыграли ключевую роль в этой деятельности.

В результате активной информационно-пропагандистской деятельности Программы, судебные издержки, которые ранее достигали примерно 122% от ежемесячного дохода индонезийца, живущего у черты бедности, теперь могут быть списаны²¹⁶. Кроме того, государство предоставляет бесплатные юридические консультации в судах по всей стране, а Программа обеспечивает подготовку специалистов, которые уже помогли более 125 000 человек урегулировать вопросы, связанные с семейным правом, получить удостоверяющие личность документы и принять участие в программах социальной поддержки²¹⁷. Программа по расширению прав и возможностей женщин-глав домохозяйств также помогает координировать деятельность мобильных судов. В период с 2008 по 2018 год количество дел, рассматриваемых судьями, выезжающими в деревни и проводящими слушания в формате выездных сессий, увеличилось в 18 раз, тем самым обеспечивая правосудие для женщин²¹⁸.

Благодаря указанным мерам доступ женщин к семейным судам за период с 2007 по 2016 год увеличился на 132% по сравнению с 19% за период с 1999 по 2006 год. Из примерно 500 000 человек, подавших заявления в семейные суды в 2016 году, 57% смогли списать свои расходы, получили доступ к выездной сессии суда или воспользовались юридической консультацией²¹⁹.

СССР²²⁰. Однако только в 1970-е годы возможности развода по взаимному согласию были расширены, и «непоправимый распад» семьи получил широкое распространение в качестве основания для расторжения брака. Хотя во многих странах для развода требуется согласие обоих партнеров, некоторые отказались от этого условия и ввели опцию одностороннего развода без признания чьей-либо вины (например, Австралия, Новая Зеландия, Фиджи и большинство стран Европы и штатов США)²²¹. Отдельные государства, например, Соединенное Королевство, все еще требуют от супругов периода раздельного проживания, что может препятствовать выходу женщины из несчастливых отношений, если ее партнер не желает пойти ей навстречу²²². Результаты исследований говорят о том, что либерализация законов о расторжении брака, в особенности отказ от разводов с признанием вины в некоторых развитых странах, способствовали снижению количества самоубийств

среди женщин, а также случаев домашнего насилия и убийств женщин их супругами²²³. Развод по взаимному согласию без вины сторон делает расторжение брака менее затруднительным, менее затратным и менее конфликтным, что важно, если в семье имеются дети²²⁴.

Когда речь идет о распаде сожительствующих пар, зачастую оказывается, что в данной сфере существует серьезный пробел с точки зрения законодательства, политики и институтов (см. раздел 3.4). В результате в такой ситуации сложнее обеспечить равное разделение ресурсов между партнерами и надлежащее урегулирование вопроса опеки над детьми²²⁵. В Намибии Центр юридической помощи предложил провести законодательные реформы с целью защиты сожительствующих пар, включая установление «взаимной обязанности по поддержке» с возможностью потребовать выплаты алиментов в случае разрыва отношений, а также

обеспечение прав на равный раздел имущества с учетом как оплаченного, так и неоплаченного вклада в собственность пары. Кроме того, Центр предлагает ввести «дополнительную регистрацию отношений», которая даст парам возможность регистрировать и другие договоренности, например, о совместной опеке над детьми в течение периода совместного проживания²²⁶.

Даже при наличии юридического признания, обеспечить соблюдение мужчинами своих обязательств по отношению к партнерам и детям в случае разрыва отношений, зачастую очень непросто. Это дополнительно подчеркивает необходимость государственной поддержки для женщин в подобных ситуациях (см. главу 4).

Права женщин при получении опеки над детьми

Для многих женщин опека над детьми является важнейшим фактором в принятии решения о прекращении или сохранении партнерских отношений. Традиционно прерогатива мужчин в отношении попечительства и законной опеки давала отцам исключительное право контролировать личные дела ребенка, в том числе имущественные права, перемещение, образование и брак. Однако в конце XIX века во многих системах светского права было введено понятие «нежного возраста», то есть того периода жизни ребенка, в течение которого право физической опеки над ним имела мать²²⁷.

Подобные положения о «нежном возрасте» по-прежнему распространены в тех странах, где действует исламский закон. При этом в таких системах, даже если мать получает физическую опеку над своими детьми, право попечительства обычно принадлежит отцу, в том числе в случае развода и раздельного проживания. На практике это существенным образом ограничивает свободу выбора женщины, включая ее возможность принимать решения по уходу за детьми, выбирать место жительства и контролировать свои собственные финансовые дела. Во многих случаях в соответствии с исламским правом женщины теряют опеку над своими детьми в случае повторного брака²²⁸.

В Австралии, Канаде, Израиле, США, а также в большинстве стран Европы и нескольких странах Латинской Америки и Карибского бассейна положения о «нежном возрасте» с тех пор были заменены на гендерно-нейтральные законы об опеке и попечительстве, в соответствии с которыми мужчины и женщины получили равные права на опеку, а ранее существовавшие нормы и практики, согласно которым приоритет отдавался матерям,

были отменены²²⁹. При гендерно-нейтральном подходе каждый родитель имеет право получить единоличное опекунство над детьми либо, что более вероятно, родителям присуждается совместная опека. Вторым вариантом зачастую пользуется мощной поддержкой со стороны групп по защите прав отцов и активистов в области защиты прав детей, которые, ссылаясь на Конвенцию о правах ребенка, подчеркивают, что детям важно поддерживать тесный контакт с обоими родителями. Однако, несмотря на то что новые законы были направлены на укрепление гендерного равенства, они иногда приводят к неоднозначным последствиям для женщин и детей²³⁰.

Добровольные соглашения о совместной опеке могут быть применимы в тех случаях, если пары и до разрыва отношений разделяли родительские обязанности и практически не нуждаются в юридической помощи, чтобы договориться между собой. Однако в ситуациях, сопряженных с конфликтом и неспособностью родителей прийти к соглашению, применяется принудительная совместная опека, которая представляет собой наиболее травмирующий для ребенка способ организации проживания²³¹. В случаях домашнего насилия, которое не может быть доказано или игнорируется судом, совместная опека заставляет женщину поддерживать контакт с агрессором.

Кроме того, несмотря на то что гендерно-нейтральная политика направлена на более равномерное распределение обязанностей по уходу за ребенком между матерью и отцом, она не учитывает тот факт, что в реальной жизни женщины выполняют большую часть неоплачиваемого труда по уходу за детьми. В некоторых случаях мужчины подают прошения о совместной опеке с целью сократить свои финансовые обязательства по выплате алиментов²³².

В период с 2006 по 2008 год правительство Австралии открыло 65 центров семейных отношений, предлагающих бесплатные или недорогие посреднические услуги парам (состоящим в браке или сожительстве), которые намереваются расстаться²³³. Ожидалось, что такие центры изменят социальные нормы в отношении ухода за детьми, поощряя отцов становиться и опекунами, и кормильцами, а также помогут обоим родителям формировать более четкие и справедливые ожидания касательно ролей друг друга²³⁴. Последующие оценки показали, что за пять лет центры помогли на треть снизить количество обращений в семейный суд, а также сократить объем использования адвокатских услуг в спорах между родителями²³⁵. Тем не менее сохраняются некоторая обеспокоенность

относительно подготовки посредников и их способности эффективно решать вопросы, связанные с гендерным неравенством возможностей, и предоставлять услуги представителям коренных народов с учетом культурной специфики²³⁶.

Политические споры по данному вопросу все еще продолжаются. Но очевидно, что, хотя разделение

обязанностей по уходу за детьми и является конечной целью, положения о совместной опеке могут не иметь желаемого эффекта в условиях крайне неравного соотношения сил между женщинами и мужчинами, в связи с чем политикам, представителям правосудия и посредникам необходимо очень тщательно подходить к определению семейных законов, стратегий и услуг²³⁷.

3.6. ВЫВОДЫ

Тенденции во многих странах мира указывают на то, что женщины все чаще пользуются (хотя и неравномерно) свободой выбора и правом голоса в рамках отношений, отчасти благодаря усилиям активисток и сотрудничеству между правительствами и женскими организациями, которые направлены на предоставление женщинам возможности в полной мере реализовать свои права. Так, один из основных выводов данной главы заключается в том, что государство должно играть ключевую роль в защите и продвижении прав женщин при заключении и расторжении брака и партнерских отношений как в правовом поле, так и путем проведения соответствующей политики.

Между тем, предстоит еще многое сделать как на уровне государства, так и на уровне семьи. Тенденции, свидетельствующие о расширении свободы выбора и права голоса женщин, такие как повышение возраста вступления в брак и деторождения, доказывают, что женщины принимают решения, пусть иногда и в стесненных обстоятельствах. Решение не вступать в брак или иметь меньшее количество детей (или не иметь детей вообще) может быть ответом на нежелание мужчин брать на себя справедливую часть неоплачиваемого домашнего труда или стратегией выживания в условиях, когда стесненные экономические обстоятельства создают сложности для создания семьи.

Таким образом, главу можно подытожить двумя рекомендациями, касающимися семейного законодательства и государственных служб поддержки. Во-первых, семейное законодательство оказывает существенное влияние на равноправие женщин в браке и на прочность их путей отступления, однако оно остается областью права, которая с большей

степенью вероятности дискриминирует женщин. Несмотря на то, что нормативное соглашение об отмене дискриминационных законов существует на протяжении нескольких десятилетий, необходимы дальнейшие меры, которые обеспечат реформирование законов о браке (в том числе о минимальном возрасте вступления в брак), разводе, опеке и наследовании в соответствии с нормами в области прав человека, гарантирующими равные права для женщин и мужчин. Кроме того, необходимы семейное законодательство нового поколения, которое официально признает различные формы партнерских отношений, включая совместное проживание и однополые союзы. Для обеспечения эффективной реализации и всеобщей доступности этих законов требуются значительные инвестиции в системы семейных судов и другие институты с целью содействия семьям в разрешении правовых вопросов.

Еще одной областью для принятия государственных мер являются инвестиции в гендерно-ориентированные государственные услуги, которые могли бы расширить возможность женщин договариваться о создании интимных партнерских отношений на более равных условиях. К ним относятся улучшение доступа девочек к высококачественному среднему образованию, обеспечение учета гендерной проблематики в учебных планах и работе учителей, расширение всестороннего полового воспитания и обеспечение доступа к образованию для родителей-подростков. Наконец, необходимы инвестиции в услуги по охране сексуального и репродуктивного здоровья и расширение доступа к безопасным абортam и вспомогательным репродуктивным технологиям для тех, кто в них нуждается, чтобы обеспечить женщинам возможность принимать осознанные решения в вопросах рождения детей.

ДОБИВАЯСЬ УСПЕХА / ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕН

«Ключевая идея — СОЧУВСТВИЕ»

В мае 2018 года Ирландия проголосовала за отмену практически полного запрета аборт, что знаменовало долгожданную победу активистов, борющихся за права женщин.

25 мая 2018 года Энни Хоуи вошла в дублинскую штаб-квартиру движения Together For Yes («Вместе "ЗА"») за несколько минут до появления данных экзитпола по итогам ирландского референдума об отмене запрета на аборт. Когда она услышала результаты, ей даже пришлось на какое-то время присесть. «Все смеялись, кричали, плакали, поздравляли друг друга», — вспоминает Хоуи, бывший председатель Союза студентов Ирландии и одна из ключевых участниц кампании Together For Yes.

Граждане Ирландии подавляющим большинством проголосовали за отмену восьмой поправки, предусматривающей запрет на проведение аборт. При явке в 64,5% «за» высказались 66,4%, а «против» — 33,6%¹.

«Чрезвычайно важным было то, что кампания не проводилась какой-либо одной группой и не была направлена на какую-либо одну группу, — говорит Хоуи. — Мы слышали душераздирающие истории о влиянии восьмой поправки на жизни людей из всех слоев общества».

Запуская кампанию Together For Yes, молодые активисты объединили усилия с ветеранами, которые в свое время боролись против печально известного референдума 1983 года, по итогам которого в Ирландии был закреплен практически полный запрет аборт². В то время некоторые активисты, включая Алву Смит, сопредседателя движения Together For Yes, подверглись публичному осуждению за свою позицию³.

Проголосовавшие «за» радуются после объявления результатов ирландского референдума об отмене восьмой поправки, касающейся законодательства страны в области аборт, в Дублинском замке 26 мая 2018 года. Дублин, Ирландия.

Фото: Getty Images / Чарльз МакКиллан

Тем не менее за прошедшие десятилетия политический и социальный климат Ирландии изменился, а ее ограничительные законы об абортах оказались под растущим международным давлением как в связи с решением Международного суда по правам человека 2010 года, так и в результате критики со стороны Комитета КЛДЖ⁴.

Затем, в 2012 году в возрасте 31 года в больнице Голуэя скончалась стоматолог Савита Халаппанавар после того, как врачи отказали ей в проведении аборта при выкидыше⁵. «Внезапно страну накрыло волной печали и гнева», — вспоминает Смит.

После этой трагедии ключевая стратегия активистов, выступающих за отмену ограничивающих законов Ирландии в сфере аборт, заключалась в том, чтобы прервать молчание и дать людям возможность рассказать свои истории.

«Самый мощный и действенный способ помочь людям осознать необходимость этих изменений — это позволить женщине сказать: вот что случилось со мной», — отмечает А. Смит.

По всей стране были запущены проекты, такие как In Her Shoes («На ее месте»), в рамках которых женщины рассказывали свои истории⁶. «Одной из ключевых идей было сочувствие, — объясняет Смит. — Вопрос был не в том, будете ли вы лично

делать аборт, и не в том, одобряете ли вы аборты в принципе, а в том, встанете ли вы на пути женщины, которой этот аборт необходим».

Ирландский политик Клэр Дэйли, представитель партии Independents 4 Change («Независимые за изменения»), отмечает, что тон кампании также был чрезвычайно важен. Учитывая, что 78,3% населения страны считают себя католиками, особое значение имела задача помочь людям найти баланс между своей религией и желанием иметь права в области репродуктивного здоровья⁷. «Смысл был в том, чтобы держаться вместе и сохранять оптимизм. Если противная сторона кричит, необходимо вести себя рационально и проявлять сочувствие. Говорить о реальных женщинах», — отмечает Дэйли.

«Самый мощный и действенный способ помочь людям осознать необходимость этих изменений — это позволить женщине сказать: вот что случилось со мной».

Две женщины смотрят на сообщения, оставленные на стене памяти Савиты Халаппанавар. Савита Халаппанавар, ставшая символом кампании Together For Yes, умерла в возрасте 31 года из-за осложнений, связанных с заражением после выкидыша, в 2012 году в Голуэе.

Фото: Getty Images / Чарльз МакКиллан

«Смысл был в том, чтобы держаться вместе и сохранять оптимизм. Если противная сторона кричит, необходимо вести себя рационально и проявлять сочувствие».

По словам Джона О'Брайана, председателя группы Catholics for Choice («Католики за выбор»),

результаты голосования в Ирландии стали глотком надежды для других католических стран, борющихся за те же права, например, для Аргентины. «То, что эта католическая страна, этот венец католицизма, смогла проголосовать с сочувствием в сердце, дает надежду как католическим, так и некатолическим странам».

По мнению Энни Хоуи, успех движения Together For Yes теперь должен стать отправной точкой для дальнейшей агитации.

«Женщины-мигранты, трансгендеры, люди из сельской местности — мы должны обеспечить доступ к абортам для всех, кто в них нуждается, — говорит Хоуи. — Как в Ирландии, так и по всему миру».

Протестующие в Лондоне держат плакаты с надписью «Мое тело, мой выбор» (My Body, My Choice) перед зданием Парламента в ходе кампании за репродуктивный выбор через некоторое время после ирландского референдума.

Фото: Getty Images / Чарльз МакКиллан

Текст: Александра Топпинг

СОБСТВЕННЫЙ ДОХОД ЖЕНЩИН

4.1 ВВЕДЕНИЕ	108
4.2 ЧЕМ ВАЖЕН КОНТРОЛЬ ЖЕНЩИН НАД РЕСУРСАМИ	109
4.3 ДОСТУП ЖЕНЩИН К СОБСТВЕННОМУ ДОХОДУ: ЕСТЬ ЛИ РОСТ?	110
4.4 ПРАВО ЖЕНЩИН ВЛАДЕТЬ И РАСПОРЯЖАТЬСЯ АКТИВАМИ И ИМУЩЕСТВОМ	122
4.5 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА И ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ	126
4.6 ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕРЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПОДДЕРЖКУ ПРАВ ЖЕНЩИН И ИХ СЕМЕЙ	131
4.7 ВЫВОДЫ	135

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

01

Процветание семьи требует адекватного дохода. Тем не менее сложившаяся экономическая обстановка и растущее неравенство создают проблемы для многих семей, поскольку уровень участия женщин в рабочей силе не меняется, качество доступных рабочих мест остается низким, а заработок не обеспечивает достойного уровня жизни.

02

Независимый доступ к доходам — за счет занятости, активов или социальной защиты — важен для равенства женщин в интимных отношениях, укрепления их переговорной позиции и создания условий для выхода из партнерских отношений в случае необходимости.

03

Предоставление экономических ресурсов женщинам, в том числе матерям и бабушкам, также может иметь важные преимущества для благополучия, здоровья и образования детей.

04

Уровень доступа к независимому доходу у женщин значительно ниже, чем у мужчин. Несмотря на то что все большее число женщин выходят на рынок труда, брак и деторождение часто ограничивают их доступ к оплачиваемой работе.

05

В случае разрыва отношений или смерти партнера, женщины, особенно с маленькими детьми, наиболее подвержены бедности.

06

Одиноким родителям, большинство из которых женщины, в большей степени подвержены риску нищеты, чем семьи с двумя родителями, поскольку зачастую живут на доход одного члена семьи и не имеют социальной защиты и поддержки по уходу за детьми.

07

Необходимы правовые и политические меры, которые обеспечат женщинам гарантированный доступ к активам и земле посредством справедливых режимов, регулирующих имущественные права супругов, и законов, гарантирующих равные права наследования.

08

Системы социальной защиты, учитывающие гендерные аспекты, в том числе универсальные семейные пособия и пенсии, являются наилучшим способом обеспечения охвата всех женщин.

4.1 ВВЕДЕНИЕ

Именно внутри семьи люди совместно используют ресурсы, такие как жилье, и тем самым защищают от нищеты тех, кто не имеет собственного дохода. Однако во многих случаях одного дохода (часто низкого) недостаточно, для того чтобы полностью выволить домохозяйство из нищеты. Кроме того, в мире, который во все большей степени монетизируется и характеризуется изменением социальных рисков и форм семьи, усиление роли женщин в управлении экономическими ресурсами имеет огромное значение.

Собственный доход может содействовать росту благосостояния женщин и укреплению их прав, а также повышению их роли в семье и за ее пределами¹. Расширение доступа женщин к ресурсам в последние десятилетия вызвало некоторые сдвиги в соотношении сил в семье за счет укрепления социально-экономической безопасности женщин и значимости их мнения при принятии решений, а также улучшения их способности защитить свои семьи от экономических лишений. Однако расширение доступа женщин к доходам и благосостоянию происходит неравномерно в разных странах и разных социально-экономических группах в контексте растущего неравенства².

Рост участия женщин в рабочей силе совпал с неблагоприятными условиями на рынке труда и повсеместно распространенной практикой профессиональной сегрегации, при этом женщины по-прежнему выполняют непропорционально большую долю неоплачиваемого домашнего труда³. Даже в развитых странах, где социально-экономические достижения женщин были более масштабными и устойчивыми, на долю тех, кто живет с партнером-мужчиной, как правило, приходится менее половины дохода семьи, и они накапливают еще меньшую долю активов⁴.

Несмотря на то что с середины 1990-х годов сфера охвата системой социальной защиты расширяется, во многом благодаря деятельности Организации Объединенных Наций в области обеспечения минимального уровня социальной защиты, в последние годы прогресс замедлился в результате принятия мер жесткой экономии⁵. В глобальном масштабе комплексные системы социального обеспечения охватывают менее трети населения мира, причем среди тех, кто по-прежнему не имеет к ним доступа, число женщин чрезвычайно велико⁶. Тот факт, что в большинстве стран социальная защита, как и прежде более доступна тем, кто работает непрерывно, официально и полный рабочий день, свидетельствует о неравном доступе женщин к этим системам.

В разных региональных условиях прекращение брачного союза в результате раздельного проживания, развода или вдовства имеет более неблагоприятные экономические последствия для женщин, чем для мужчин. Неполные семьи, имеющие одного кормильца, чаще всего мать, и не обладающие достаточной покупательной способностью за счет доходов второго кормильца, сталкиваются со значительным дефицитом как с точки зрения времени, так и дохода, а также с более высоким риском нищеты по сравнению с семьями с двумя родителями⁷.

Краткое содержание главы

Как должна выглядеть политическая повестка дня, имеющая в своей основе гендерное равенство и обеспечивающая гарантированный доход и стабильные средства к существованию для разных семей? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала необходимо объяснить, почему для женщины важно иметь собственные ресурсы — будь то заработок на рынке труда, активы или права на получение пособий в системе социальной защиты — вне зависимости от структуры семьи, в которой она живет (см. рисунок 4.2). Далее в главе рассматривается выгода женщин от управления ресурсами в условиях разных регионов и, в частности, уделяется особое внимание заработкам на рынке труда и производственным активам. Также демонстрируется неравномерный характер прогресса между странами и внутри них, и обсуждаются некоторые препятствия на пути женщин. В следующем разделе главы рассматриваются режимы, регулирующие имущественные и наследственные права супругов, а также гендерный разрыв в плане владения активами. Затем следует обсуждение вопросов расторжения партнерских отношений, которое приобретает все большую актуальность во многих регионах и влечет за собой экономические потери для женщин. В заключительной части главы предлагаются механизмы политической поддержки, которые позволят женщинам и мужчинам поддерживать свои семьи в условиях все более неравного и нестабильного мира, а также меняющихся демографических структур и типов семьи.

В настоящей главе термины «семья» и «домохозяйство» используются взаимозаменяемо. Как обсуждалось в главах 1 и 2, семья — это универсальный социальный институт, члены которого делят социальную сферу, определяемую отношениями родства, супружества и родительства, тогда как домохозяйство — это хозяйственная единица, состоящая из одного или нескольких лиц,

которые проживают вместе и совместно пользуются некоторыми базовыми удобствами, такими как жилье и еда. В связи с ограниченной доступностью сопоставимых данных о ресурсах в семьях эта

глава опирается главным образом на данные по домохозяйствам, при этом использование термина «семья» сохраняется, особенно применительно к интимным социальным отношениям.

4.2 ЧЕМ ВАЖЕН КОНТРОЛЬ ЖЕНЩИН НАД РЕСУРСАМИ?

Степень, в которой женщины контролируют доходы и активы, оказывает существенное влияние на их положение в семье и на благополучие их иждивенцев, особенно детей. В этом разделе подробно рассматриваются оба эти аспекта.

Выгоды с точки зрения прав женщин и экономической безопасности

Как отмечено в главе 1, в условиях конфликтного сотрудничества доступ женщин к собственным материальным ресурсам может повысить их экономическую безопасность, одновременно укрепляя значимость их мнения при принятии решений внутри семьи⁸. Это происходит потому, что наличие возможностей вне семьи дает женщинам определенную степень безопасности в случае распада семьи. В то же время исследования показывают, что простого факта зарабатывания денег недостаточно для того, чтобы добиться перемен в вопросах контроля женщин над ресурсами. Более широкий спектр факторов, в том числе характер оплачиваемой работы и гендерные нормы, определяющие «правила совместного использования» для распределения ресурсов в домохозяйстве⁹, формируют способность женщин «преобразовывать доход в право голоса и свободу выбора в семье»¹⁰.

Анализ данных из 60 развивающихся стран дает представление о динамике изменений внутри домохозяйств с точки зрения влияния доходов женщин. Результаты показывают, что мнение замужних женщин, получающих собственный денежный доход, имеет гораздо больший вес, чем мнение замужних женщин без такого заработка, при совершении крупных семейных покупок как единолично, так и совместно со своим партнером¹¹. Тем не менее, несмотря на позитивную и заметную связь между собственным заработком и более весомым голосом, около 10% женщин, имеющих собственный доход, не принимают независимых или совместных решений о его использовании¹². Это подчеркивает тот факт, что наличие дохода как такового не гарантирует право голоса в семье. Дополнительная информация о динамике представлена в углубленном исследовании небольшого числа стран (см. ниже).

Анализ данных, полученных в результате серии обследований, которые проводились в Бангладеш на протяжении более десяти лет (1999–2011 годы) показывает, что трудовая занятость позитивно сказывается на участии женщин в процессах принятия решений по целому ряду семейных вопросов, таких как охрана собственного здоровья, совершение крупных покупок, посещение родственников и здоровье детей¹³. Расширение возможностей получения независимого дохода происходит наряду с другими переменными, способствующими укреплению переговорной позиции женщин при достижении договоренностей в семье, включая снижение уровня рождаемости, стремительный рост уровня образования женщин, более свободное получение информации, а также изменения социальных норм¹⁴.

Согласно другому исследованию, в основу которого легли данные опросов и качественных интервью, «к переменам в гендерных отношениях может привести характер оплачиваемой работы женщин, а не простой факт зарабатывания денег»¹⁵. Виды официальной или полуофициальной занятости, которые предлагают женщинам относительно независимый источник регулярного дохода и некоторые связанные с трудовой деятельностью социальные льготы, обладают наибольшим потенциалом с точки зрения того, «как женщины воспринимают себя и как их воспринимают другие, а также относительно степени их свободы выбора и права голоса»¹⁶ в семье. Следует подчеркнуть, что общей характеристикой для разных видов деятельности, подпадающих под категорию официальной или полуофициальной занятости, является регулярность заработка¹⁷. Исследования, посвященные изучению потенциала оплачиваемого труда с точки зрения расширения прав и возможностей женщин в Бангладеш, Египте и Гане, показывают, что экономическая деятельность в рамках семейных отношений, в особенности неоплачиваемая работа на семейных фермах и предприятиях, имеет самый низкий потенциал для изменения жизни женщин, в том числе их свободы выбора и права голоса при принятии решений на уровне домохозяйства¹⁸.

В небольшом количестве исследований анализируется взаимосвязь между правом собственности женщин на производственные активы (в случае домохозяйств, возглавляемых двумя лицами) и принятием решений в домохозяйствах. Так, исследование по Эквадору, где совместное владение основными активами является распространенным явлением среди пар, показало, что доля женщины в имуществе пары имеет значительное положительное влияние на вероятность принятия решений, учитывающих интересы всех сторон (о том, следует ли работать и как тратить доход). Что интересно, когда уровни заработной платы и занятости примерно равны, это также выражается в более равноправном принятии решений о том, как расходовать заработанные средства¹⁹. Данные по Эквадору, Гане и Индии позволяют сделать вывод о том, что, помимо принятия решений финансового характера, женщины, владеющие такими активами, как земля и жилье, как правило, пользуются большей степенью защиты от насилия со стороны интимного партнера и имеют возможность выхода из ситуаций, связанных с жестоким обращением (см. главу 6)²⁰.

Наличие собственного дохода или активов также имеет решающее значение для женщин в случае прекращения отношений (развода, раздельного проживания и вдовства). В целом ряде стран семьи с одним родителем, возглавляемые в большинстве случаев матерями-одиночками, сталкиваются со значительно более высоким риском нищеты по сравнению с семьями с двумя родителями и детьми, как показано в разделе 4.5 ниже²¹. Заметные различия в бедственном положении матерей-одиночек в разных странах могут быть частично обусловлены разным уровнем доступа женщин к ресурсам, включая долю занятости матерей, схемы

отпусков по уходу за ребенком, модели и размер выплат семейных пособий, а также особенности режимов, регулирующих имущественные права супругов (см. раздел 4.4). В пожилом возрасте наличие собственного дохода или активов имеет решающее значение для обеспечения адекватного уровня жизни женщин, в первую очередь тех, кто живет в одиночестве (см. главу 2)²².

Расширение контроля женщин над ресурсами также приносит пользу детям

Гендерные нормы, которые возлагают ответственность за заботу о детях на женщин, также сказываются на том, как они тратят свой доход. Таким образом, помимо благоприятного влияния на собственное благополучие, достоинство и права женщин, их контроль над ресурсами также положительно сказывается на детях²³. Исследования, проведенные в Бангладеш, Кот-д'Ивуаре, Эфиопии, Гане, Непале и Нигере, демонстрируют положительную связь между трудовым доходом женщин или владением активами и расходами на еду и образование детей²⁴. Пожилые женщины также могут «тратить свои пенсии лучше» по сравнению с пожилыми мужчинами, с выгодами для других членов семьи, особенно внуков²⁵.

С точки зрения государственной политики, данные о положительном влиянии контроля над ресурсами со стороны женщин настолько убедительны, что матери стали основными бенефициарами выплат в рамках новых, ориентированных на детей программ по борьбе с нищетой (схемы условных и безусловных денежных пособий) в развивающихся странах (см. вставку 4.1 и раздел 4.6 для критической оценки последствий для женщин).

4.3 ДОСТУП ЖЕНЩИН К СОБСТВЕННОМУ ДОХОДУ: ЕСТЬ ЛИ РОСТ?

В связи с тем, что обеспечение равного доступа к ресурсам и контроля над ними имеет потенциальные положительные результаты, обнадеживает тот факт, что в некоторых регионах все большее число женщин выходит на рынок труда, что является одним из важных способов получения дохода. Однако прогресс носит неравномерный характер, а результаты для женщин неоднозначны. Они зависят от нескольких факторов, описанных ниже, и, в частности, от выбора вида занятости и от степени, в которой мужчины берут на себя ответственность за неоплачиваемый уход и домашнюю работу. Эта тема более подробно обсуждается в главе 5.

Во-первых, участие женщин в рабочей силе отнюдь не означает, что у них есть свой доход: они могут быть заняты поисками работы (и в настоящее время являться безработными), или они могут выступать в качестве неоплачиваемых работников семейных ферм и предприятий.

Во-вторых, даже если они получают непосредственное вознаграждение за свой труд, их заработки могут не обеспечивать адекватного уровня жизни для них самих и их иждивенцев. В развивающихся странах и странах с формирующейся экономикой каждый четвертый работающий человек

(женщина и мужчина) живет за чертой умеренной бедности (3,10 доллара США в день с учетом паритета покупательной способности), в результате чего они попадают в категорию работающих бедных²⁶. В-третьих, в контексте экономических бедствий и потрясений, таких как безработица или финансовые кризисы, женщины могут быть вынуждены использовать любую возможность заработка, вместо того чтобы свободно выбирать источники дохода²⁷.

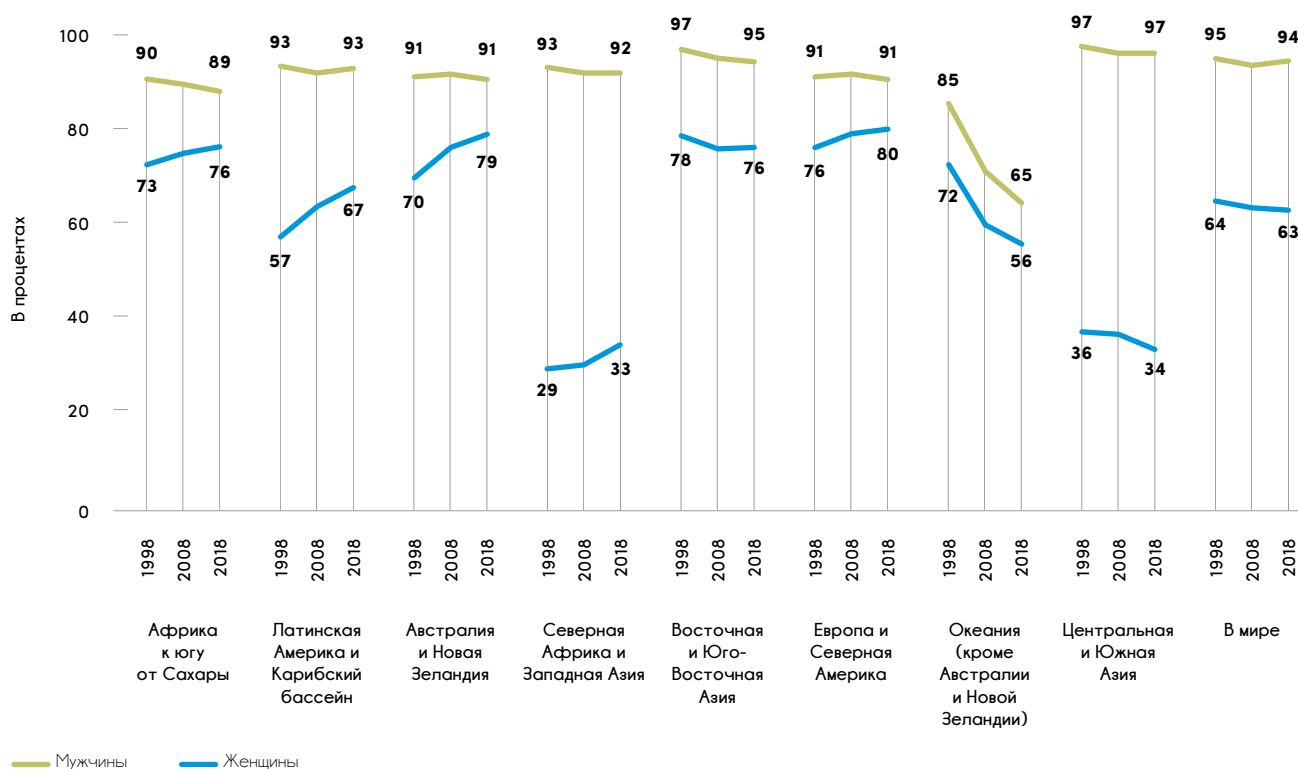
Аналогичным образом, в социальном контексте, где действуют практики затворничества женщин, существует тесная связь между нищетой домохозяйств и активностью женщин на рынке труда; например, в Индии женщины из низших каст и племенных групп всегда имели более высокий уровень участия в рабочей силе²⁸. Наконец, в условиях недостаточно равного разделения ответственности женщин и мужчин за неоплачиваемый уход и домашний труд или слабо развитой инфраструктуры, которая позволяла бы облегчить тяжесть этой работы, участие в рабочей силе может повлечь за собой увеличение продолжительности рабочего дня женщин, что

приведет к ухудшению их здоровья и состояния, несмотря на увеличение рыночного дохода²⁹.

С учетом этих условий на рисунке 4.1 представлен общий обзор уровня участия в рабочей силе в различных регионах за последние два десятилетия. Данные по совокупности оплачиваемой работы женщин могут быть занижены, поскольку зачастую обследования не позволяют в полной мере отразить работу на условиях неполного рабочего дня, натурального хозяйства, сезонную или надомную работу, которую обычно выполняют женщины. В развивающихся странах наиболее значительные изменения произошли в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, где показатель занятости среди женщин вырос на 10 п.п. (с 57% до 67%). Уровень участия женщин в рабочей силе также высок в странах Африки к югу от Сахары и немного увеличился за этот период. Напротив, в регионе Центральной и Южной Азии отмечается снижение на 2 п.п. с уже низкой базы (с 36% до 34%). Несмотря на небольшое увеличение, самый низкий показатель занятости (33%) зарегистрирован в 2018 году в регионе Северной Африки и Западной Азии.

РИСУНОК 4.1

УРОВЕНЬ УЧАСТИЯ В РАБОЧЕЙ СИЛЕ ЛИЦ 25–54 ЛЕТ В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И РЕГИОНУ, 1998–2018 ГОДЫ

Источник: Средневзвешенные значения, рассчитанные Структурой «ООН-женщины», с использованием данных из ILO, 2018с и UN DESA, 2017m.

Примечания: Использовались последние доступные данные в отчетном периоде для 188 стран. Выборка из 188 стран охватывает большую часть населения мира в возрасте 25–54 лет в 2018 году.

ЧЕМ ВАЖЕН КОНТРОЛЬ ЖЕНЩИН НАД РЕСУРСАМИ

Наличие собственного дохода укрепляет переговорную позицию женщин в семье. При этом в каждом регионе доступ женщин к независимому доходу значительно уступает доступу мужчин.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДОХОДА

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

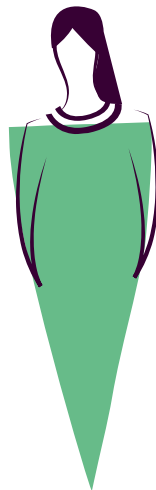
Сочетание накопительных и ненакопительных систем социальной защиты может снизить риск нищеты для женщин и их семей

ЗАРАБОТОК

Доступ к достойной оплачиваемой работе является ключевым условием гендерного равенства

АКТИВЫ

Такие активы, как земля и жилье, могут приносить доход и гарантировать обеспечение в старости

ПРАВА ДОСТОИНСТВО РАВЕНСТВО

БАРЬЕРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ДОСТУПУ К ДОХОДУ

С середины 1990-х годов охват сферы социальной защиты расширился, но в последние годы этот процесс существенно замедлился из-за мер жесткой экономии

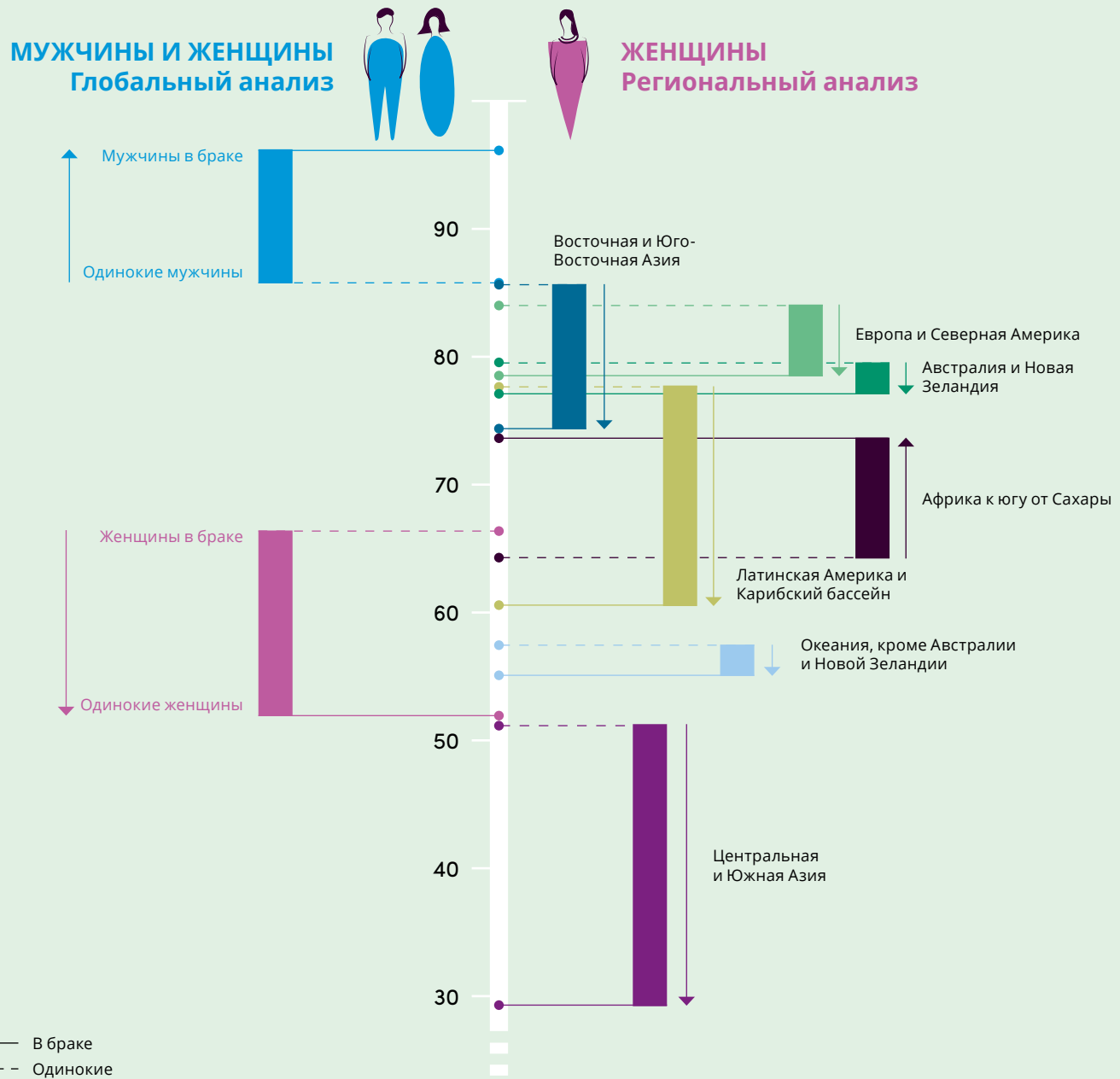
Женщины чаще прерывают трудовую деятельность при вступлении в брак и рождении ребенка

Во многих странах женщины и мужчины не имеют равных прав владения и наследования таких активов, как земля и другое имущество

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных MOT, 2018b; LIS (разные годы) и ABS, 2016b.

Примечания: Использовались данные за последний доступный год для каждой страны за период с 2007 по 2018 год и для выборки из 93 и 109 стран для глобального и регионального анализа соответственно. Данные для региона Австралии и Новой Зеландии содержат информацию только по Австралии. Указанные агрегированные данные по регионам представляют собой средневзвешенные значения, основанные на демографических данных о лицах в возрасте 25–54 лет (мужчинах и женщинах соответственно), полученные из UN DESA, 2017m.

Во всем мире брак имеет тенденцию увеличивать долю мужчин в рабочей силе, но оказывает противоположный эффект на женщин.

Уровень участия в рабочей силе лиц в возрасте 25–54 лет в разбивке по полу, семейному положению и региону, за последний доступный год

Уровень участия в рабочей силе: влияние супружества и рождения детей

Брак и деторождение оказывают существенное гендерно-дифференцированное влияние на участие в рынке труда. Сегодня возможности женщин гораздо шире, чем до Второй мировой войны, когда во многих развитых странах действовал «брачный ценз» и существовала прямая дискриминация, ограничивающая занятость замужних женщин и одновременно поощряющая модель «мужчина – кормилец семьи»³⁰. Однако и по сей день занятость женщин, в отличие от мужчин, продолжает формироваться под влиянием домашнего труда и обязанностей по уходу.

В целом на глобальном уровне создается впечатление, что брак сокращает участие женщин в рабочей силе и оказывает противоположное влияние на мужчин. Данные выборки из 93 стран показывают, что среди женщин в возрасте 25–54 лет, состоящих в браке или в союзе, работают только 52,1%; при этом среди одиноких/никогда не состоявших в браке женщин работают 65,6%, а среди разведенных/проживающих отдельно — 72,6% (см. рисунок 4.3). Уровень участия мужчин в рабочей силе в значительно меньшей степени зависит от семейного положения, при этом среди состоящих в браке или в союзе мужчин отмечается наивысший показатель занятости, который составляет 96,1%. Таким образом, гендерные различия в уровне занятости наиболее велики для тех, кто состоит в браке или в союзе, в то время как между одинокими или никогда не состоявшими в браке, разведенными или проживающими отдельно и овдовевшими

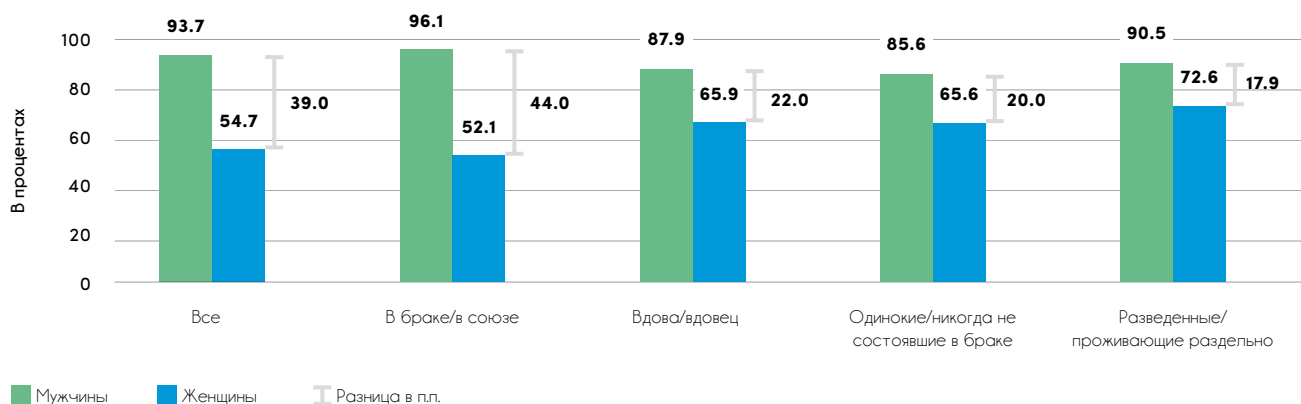
женщинами, и мужчинами существуют более узкие (но все еще довольно большие) различия (см. рисунок 4.3). Следовательно, брак, по-видимому, усиливает традиционные гендерные роли, в то время как одиночество, раздельное проживание, развод или вдовство обычно в некоторой степени нивелируют дифференциацию половых ролей³¹.

Уровень участия в рабочей силе женщин, состоящих в браке или в союзе, особенно низок в регионе Центральной и Южной Азии (29,1%) по сравнению с гораздо более высокими показателями в странах Африки к югу от Сахары (73,8%), Европы и Северной Америки (78,2%), а также Латинской Америки и Карибского бассейна (60,3%) (см. рисунки 4.2 и 4.4).

Африка к югу от Сахары — единственный регион, где женщины, состоящие в браке или в союзе, имеют более высокий уровень участия в рабочей силе, чем одинокие/никогда не состоявшие в браке женщины. Исследования по этой теме ограничены, однако более высокий показатель занятости женщин, состоящих в браке или в союзе, может быть объяснен сочетанием нескольких факторов, таких как присутствие детей в семье и наличие культурных норм, согласно которым ответственность за их содержание несет мать; возможность передачи ухода за детьми другим членам семьи в условиях более крупного домохозяйства, а также возможность брать с собой детей на неофициальную работу, например на семейную ферму. В общей сложности одинокие/никогда не состоявшие в браке женщины в возрасте 25–54 лет в этом регионе также представляют собой меньшую и более молодую часть женщин в выборке, с гораздо более высоким

РИСУНОК 4.3

СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ В РАБОЧЕЙ СИЛЕ ЛИЦ В ВОЗРАСТЕ 25–54 ЛЕТ В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И СЕМЕЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ (В МИРЕ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД)

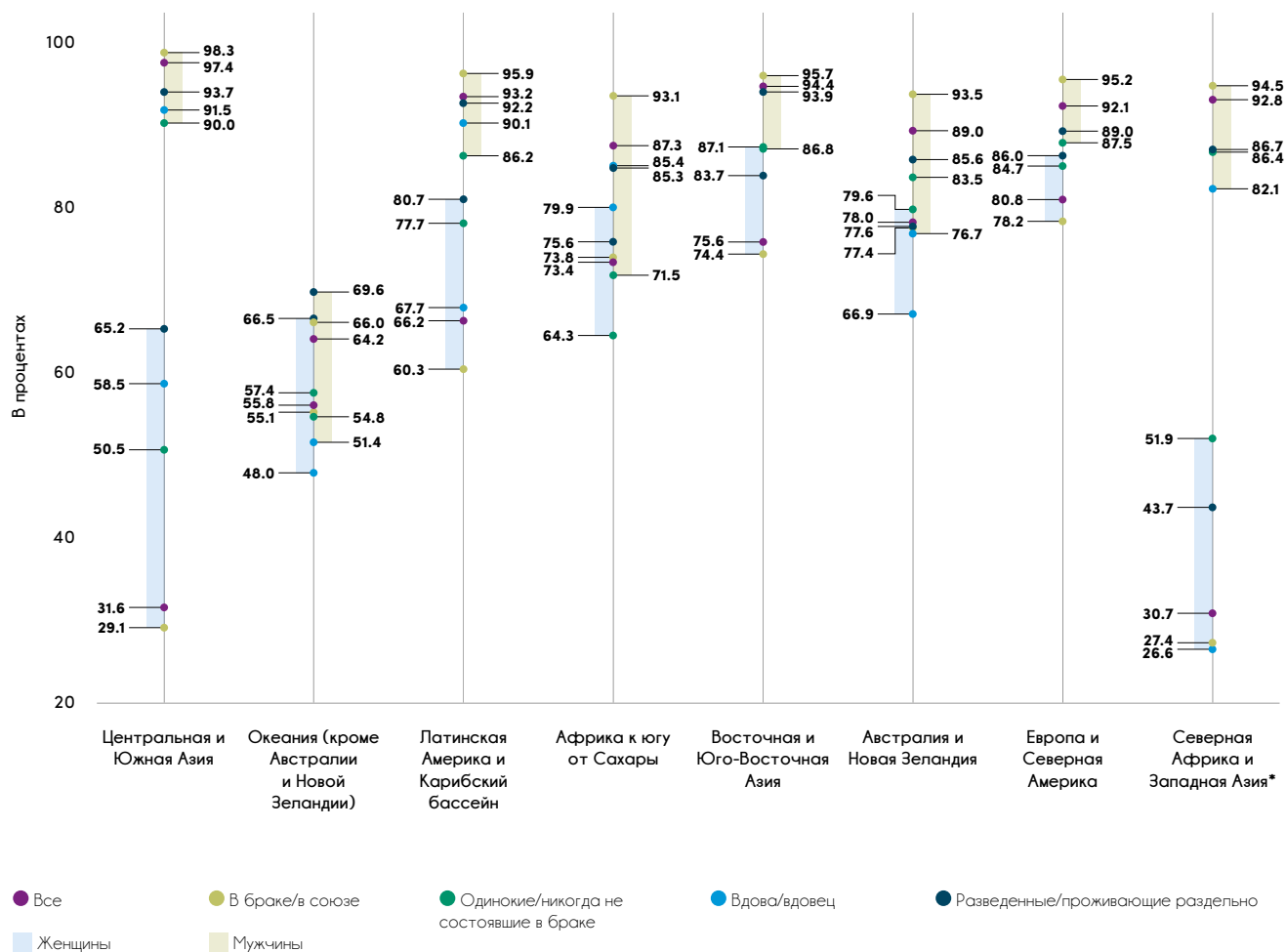

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных MOT 2018b; LIS (разные годы) и ABS 2016b.

Примечания: Использовались данные за последний доступный год для каждой страны за период с 2007 по 2018 год и для выборки из 93 стран. Указанные выше агрегированные данные представляют собой средневзвешенные значения, основанные на демографических данных о лицах в возрасте 25–54 лет, полученные из UN DESA, 2017m.

РИСУНОК 4.4

СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ В РАБОЧЕЙ СИЛЕ ЛИЦ В ВОЗРАСТЕ 25–54 ЛЕТ В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ, СЕМЕЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ И РЕГИОНУ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных MOT, 2018b; LIS (разные годы) и ABS, 2016b.

Примечания: Использовались данные за последний доступный год для каждой страны за период с 2007 по 2018 год и для выборки из 109 стран. Данные для региона Австралии и Новой Зеландии содержат информацию только по Австралии. Выборка по вдовам и вдовцам в Восточной и Юго-Восточной Азии, Европе и Северной Америке была исключена из-за ее ограниченности. Оценки по Северной Африке и Западной Азии основаны на данных только по 53,7% населения, и к ним следует относиться с осторожностью. Региональные оценки, помеченные звездочкой (*), основаны на данных по менее чем двум третям населения соответствующего региона, и к ним следует относиться с осторожностью. Во всех других регионах совокупные показатели основаны на данных, охватывающих не менее двух третей населения региона. Указанные выше агрегированные данные по регионам представляют собой средневзвешенные значения, основанные на демографических данных о лицах в возрасте 25–54 лет (мужчинах и женщинах соответственно), полученные из UN DESA, 2017m.

уровнем образования, чем замужние женщины, поскольку отсутствие семейных обязанностей по уходу за детьми позволяет им посвятить больше времени образованию и задерживает их выход на рынок труда.

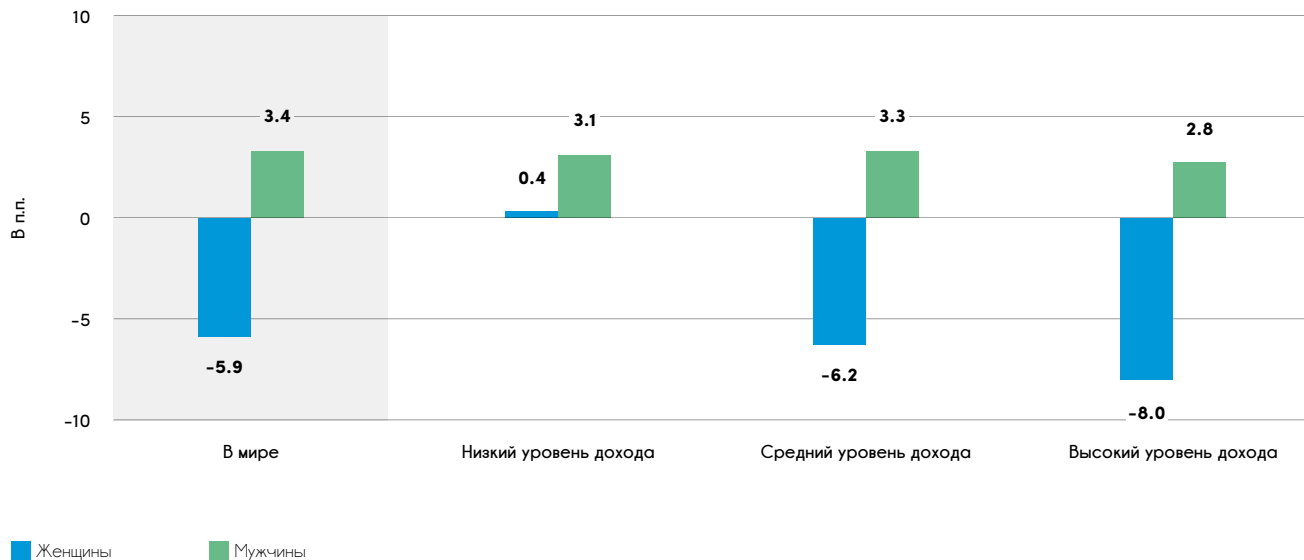
На глобальном уровне наличие детей младшего возраста (до 6 лет) в домохозяйстве также влияет на показатель занятости женщин, сокращая его на 5,9 п.п. (см. рисунок 4.5, столбцы 1 и 2). Для мужчин в семьях с детьми младше 6 лет наблюдается обратная тенденция — уровень участия мужчин в рабочей силе увеличивается на 3,4 п.п.. Этот разрыв свидетельствует о наличии в сфере трудоустройства

серьезнейшего «штрафа за материнство»³². Подобное неравенство объясняется наличием строгих гендерных норм, согласно которым уход за детьми и домашняя работа (например, приготовление пищи и уборка) — это обязанность матери, а зарабатывание средств к существованию — обязанность отца.

Вместе с тем уровень доходов страны также имеет важное значение. В странах со средним и высоким уровнем дохода наличие детей младшего возраста ограничивает участие женщин в рабочей силе и увеличивает этот показатель для мужчин. В то же время в странах с низким уровнем дохода наличие

РИСУНОК 4.5

ВЛИЯНИЕ НАЛИЧИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕ 6 ЛЕТ В ДОМОХОЗЯЙСТВЕ НА УЧАСТИЕ В РАБОЧЕЙ СИЛЕ, В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И УРОВНЮ ДОХОДА, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД

Источник: ILO, 2018а.

Примечания: В данные по странам со средним и низким уровнем дохода вошли женщины и мужчины в возрасте 18–54 лет. В данные по странам с высоким уровнем дохода вошли женщины и мужчины в возрасте 25–54 лет, поскольку большее число людей находятся в процессе получения высшего образования. Оценка производилась при помощи регрессионного анализа по методу наименьших квадратов для женщин и мужчин в мире и в каждой группе доходов. Расчетные значения коэффициентов являются статистически значимыми за исключением коэффициента для женщин в странах с низким уровнем дохода.

детей не снижает показатель занятости женщин, что указывает на то, что в бедных странах нищета может вынудить женщин выйти на рынок труда или остаться на нем даже при наличии маленьких детей, чтобы содержать семьи (см. рисунок 4.5).

Но всегда ли женщина, которая участвует в рабочей силе, имеет собственный доход? В следующих двух разделах этот вопрос исследуется сначала для регионов, где показатель занятости относительно высок и растет, а затем для регионов, где этот показатель не меняется или снижается.

Высокий уровень участия в рабочей силе: противоположные сценарии

Собственный доход может быть получен за счет заработка на рынке труда, социальной защиты, денежных пособий или прибыли по активам. База данных исследовательского центра «Люксембургское исследование доходов» (Luxembourg Income Study, LIS) содержит гармонизированные микроданные о собственных доходах женщин и мужчин по почти 50 странам с высоким и средним уровнем дохода. Определение источников дохода ограничено заработком на рынке труда, компенсацией заработной платы (пособия по болезни и выплаты при производственной травме, пособия по уходу за ребенком, пособия по безработице) и всеми

пенсионными выплатами (государственными и частными)³³. К сожалению, по многим развивающимся странам сопоставимые данные такого рода недоступны.

Страны с высоким уровнем дохода: все еще далеки от равенства

В странах с высоким уровнем дохода связь между занятостью женщины и собственным доходом очень сильна, учитывая относительно небольшую долю сельского хозяйства, практику заключения официальных трудовых соглашений и широкую распространенность систем социальной защиты, а также тот факт, что очень немногие люди получают выплаты в натуральной форме. Во всех странах с высоким уровнем дохода, по которым имеются данные, за исключением Финляндии (см. ссылку 35), мужчины в возрасте 25–54 лет имеют собственный доход чаще, чем женщины той же возрастной группы³⁴. Поскольку доля мужчин с независимым доходом во всех странах практически одинакова, вариации гендерного разрыва в основном объясняются различиями в уровне участия женщин в рабочей силе.

Наиболее высокая доля женщин с независимым доходом (более 90%) отмечается в скандинавских странах с их давней традицией поддержки занятости

женщин и системами универсальных социальных выплат, а также в странах континентальной Европы (83–89%). В Австралии, Канаде, Ирландии, Соединенном Королевстве и США, где имеются рыночные решения для сочетания трудовых и семейных обязанностей, а также в странах Центральной и Восточной Европы доля женщин, имеющих собственный доход, ниже (73–84% и 68–90% соответственно), тогда как в странах Южной Европы собственным доходом обладает значительно меньшее число женщин (57–77%)³⁵.

Анализ уровня дохода женщин в сравнении с уровнем дохода их партнеров (мужчин) помогает глубже понять ситуацию. Для женщин в возрасте 25–54 лет во всех странах их вклад в общий доход всегда составляет меньше половины, а в большинстве стран он значительно ниже 40%. Наиболее существенный вклад женщин в доход семьи отмечается в странах Северной Европы, в то время как в странах Южной Европы (за исключением Испании) он значительно ниже³⁶. Интересно отметить, что примерно в половине стран вклад женщин в семейный доход, как правило, выше в возрастной группе старше 55 лет (по сравнению с основным трудоспособным возрастом 25–54 года). Это может объясняться снижением дохода мужчин после достижения пенсионного возраста и/или увеличением дохода женщин из-за меньшего объема выполняемого труда по уходу за членами семьи.

Дифференциация домохозяйств по квинтилям дохода показывает, что в малообеспеченных домохозяйствах женщины чаще не имеют собственного дохода. Разница между квинтилями дохода особенно заметна в странах, где в целом меньшее количество женщин имеет собственный доход, например в таких странах Южной Европы, как Греция, Португалия и Испания³⁷. Различия между домохозяйствами, принадлежащими к разным квинтилям дохода, могут интерпретироваться двумя способами: во-первых, для того, чтобы домохозяйства могли перейти в высокодоходные квинтили, требуется два дохода; во-вторых, для женщин из низкодоходных групп получение дохода в значительной мере затруднено, особенно в странах, где государственная поддержка их занятости, например в виде недорогих услуг по уходу за детьми, ограничена³⁸.

Как показали исследования, неравенство в доходе женщины и мужчины, состоящих в партнерских отношениях, отражает ряд структурных факторов. К ним относятся большая склонность женщин работать неполный рабочий день; более высокая вероятность нестандартного режима занятости и/или меньшее количество часов оплачиваемой работы; сохраняющийся гендерный разрыв в оплате

труда, профессиональная гендерная сегрегация на рынках труда и «штрафы за материнство». Все это проявляется в снижении уровня занятости и разрыве в оплате труда женщин с детьми и без детей («зарплатный штраф за материнство»)³⁹. Женщины в домохозяйствах с низким доходом сталкиваются с особыми трудностями, особенно в случае ограниченности государственной поддержки.

Латинская Америка и страны Карибского бассейна: некоторый прогресс в доступе женщин к независимому доходу

По сравнению с развитыми странами на рынке труда стран Латинской Америки и Карибского бассейна отмечается гораздо более высокий уровень неформальной занятости, а наличие работы не всегда приравнивается к наличию собственного дохода, особенно среди работников сельского хозяйства⁴⁰. Сохраняются укоренившиеся гендерные роли, в соответствии с которыми женщины обеспечивают уход за членами семьи, а мужчины являются кормильцами⁴¹. Несмотря на эти нормы, за последние два десятилетия в данном регионе наблюдался наибольший рост активности женщин на рынке труда (см. рисунок 4.1). Наряду с быстрым экономическим ростом также имеет место постоянное расширение программ социальной защиты, в рамках которых ресурсы направляются непосредственно в руки женщин⁴².

Таким образом, в целом ряде стран региона доля имеющих собственный доход женщин в возрасте 15 лет и старше резко возросла с 58% в 2002 году до 71% в 2014 году; в тот же период этот показатель для мужчин увеличился лишь незначительно — на 4 п.п.⁴³. Среди женщин основного детородного возраста (25–34 года) доля не имеющих собственного дохода снизилась почти на 14 п.п.⁴⁴. Это могло быть отчасти обусловлено распространением схем условных денежных переводов, предназначенных для матерей в семьях с низким доходом. Распространение ненакопительных социальных пенсий также способствовало значительному улучшению доступа к личным доходам для женщин в возрасте 60 лет и старше, среди которых доля не имеющих собственного дохода сократилась с 32% до 18% в период с 2002 по 2014 год⁴⁵. Однако уровень пособий, как правило, остается низким, а влияние социальных выплат, предназначенных для женщин, на динамику внутри домохозяйств не всегда было однозначным, что может привести к непредвиденным последствиям (см. вставку 4.1).

Женщины из наиболее низкодоходных квинтилей по-прежнему гораздо реже имеют собственный доход по сравнению с женщинами в группах с самым высоким уровнем доходов, несмотря на распространенность моделей социальной помощи (как денежных

пособий на ребенка, так и социальных пенсий). К тому же сочетание сильного экономического роста и новшеств в социальной политике оказалось недостаточным для преодоления многочисленных проявлений глубокого неравенства, характерного для региона. Несмотря на то, что в период с 2002 по 2014 год уровень нищеты сократился почти на 16 п.п., женщины выиграли от этого меньше, чем мужчины. На самом деле количество проживающих в бедных домохозяйствах женщин в возрасте 20–59 лет увеличилось по сравнению с количеством мужчин того же возраста⁴⁶.

Однозначных объяснений этому нет, однако частично это явление может быть обусловлено неизменно более низкими показателями занятости среди женщин из малообеспеченных домохозяйств по сравнению с мужчинами, относительно скромным размером социальных пособий для

бедных женщин и, что наиболее важно, глубокими изменениями в динамике семьи. По сравнению с другими регионами семьи одиноких матерей в странах Латинской Америки и Карибского бассейна составляют значительную часть всех домохозяйств (см. главу 2). Важно отметить, что в период с 2002 по 2014 год доля домохозяйств матерей-одиночек в беднейшем квинтиле (квинтиль 1) росла более высокими темпами, чем доля таких домохозяйств в самом богатом квинтиле (квинтиль 5). За этот период значительно увеличился и без того повышенный риск нищеты для семей матерей-одиночек по сравнению с другими типами домохозяйств. Совокупность этих явлений может отчасти объяснить тот факт, что домохозяйства, в которых проживают женщины, в меньшей степени ощутили положительное воздействие тенденции к сокращению нищеты, чем домохозяйства, в которых проживают мужчины⁴⁷.

ВСТАВКА 4.1

ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММ ДЕНЕЖНЫХ ТРАНСФЕРТОВ НА УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПРОЦЕССАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СЕМЬЕ

Программы целевых денежных выплат имеют неоднозначные последствия для переговорной позиции женщин в домохозяйствах. Программы могут расширять права и возможности женщин, усиливая их влияние на решения о расходах домохозяйств и возможность отстаивать свои права и позиции в межличностных отношениях⁴⁸. Например, исследование в Уругвае показало, что женщины в семьях с двумя родителями значительно чаще принимают решения о расходах на питание после получения права на участие в программе⁴⁹. Анализ программы детских пособий в Замбии показал умеренное расширение возможностей женщин принимать решения в пяти областях: школьное образование детей, собственный доход, доход партнера, детская одежда и посещение родственников⁵⁰.

В то же время, согласно другим исследованиям, применение условий санкционного и/или патерналистского характера к денежному пособию может ограничивать участие женщин в процессе принятия решений. Так, лишение льгот при несоблюдении женщинами условий и «рекомендаций» (которые можно рассматривать как дополнительные требования), выдвигаемых на практикумах по программе, может ограничивать возможность женщин расходовать средства так, как они считают нужным⁵¹. Скрытое давление в отношении структуры расходов называют созданием «мягких условий»⁵².

Более того, для изменения баланса сил в семье одних только денежных пособий может быть недостаточно. Например, проведенное в Мексике исследование показало, что около 40% мужчин - партнеров женщин, получающих пособия, признались, что делятся меньшими деньгами со своими женами после их зачисления в программу. Таким образом, схема была подвергнута критике за усиление гендерного неравенства в домохозяйствах за счет высвобождения времени и денег мужей при одновременном увеличении объема домашних обязанностей женщин в результате необходимости соблюдения условий программы⁵³. Исследование, проведенное в сельских районах Непала, показало, что влияние денежных средств на расширение прав и возможностей женщин было ограничено соотношением сил между поколениями: некоторые невестки, получавшие денежные пособия, обвинялись в «сокрытии» денег, или же свекрови, как «хранительницы финансов» домохозяйства, отнимали у них наличные⁵⁴.

Таким образом, практика денежных выплат должна сопровождаться значительной социальной поддержкой, чтобы положительно влиять на положение женщин в домохозяйствах⁵⁵. Кроме того, влияние практики денежных трансфертов на участие женщин в процессах принятия решений может быть наиболее значительным в более долгосрочной перспективе: в исследовании по ЮАР было выдвинуто предположение о том, что усиление переговорной позиции женщин — это процесс, который требует изменения глубоко укоренившихся гендерных ролей и занимает много времени⁵⁶.

Замедление экономического роста после 2014 года привело к возникновению дополнительных проблем, включая относительно высокий уровень безработицы⁵⁷. Между тем принятые некоторыми правительствами бюджетные меры оказывают несоразмерное и негативное влияние на женщин⁵⁸. Так, в Бразилии конституционной поправкой 2016 года были введены радикальные меры долгосрочной жесткой экономии, предусматривающие возможность сокращения социальных расходов с 19,8% валового внутреннего продукта в 2017 году до 12,4% в 2037 году, что ставит под угрозу социальные достижения предыдущих десятилетий, особенно в сфере здравоохранения, образования и социального обеспечения⁵⁹. Скорее всего, это решение сильно отразится на женщинах, особенно на бразильянках африканского происхождения, с учетом их обширных семейных обязанностей и менее стабильных условий труда⁶⁰. Аналогичным образом, в Аргентине в проекте бюджета на 2019 год предусмотрено сокращение расходов по целому ряду статей, имеющих особое значение для женщин, включая сокращение на 83% (по сравнению с 2018 годом) бюджетных ассигнований на некоторые услуги по уходу за детьми в возрасте до четырех лет, в том числе на программы в области питания и здравоохранения⁶¹.

Страны Африки к югу от Сахары: высокий уровень участия женщин в рабочей силе и неоплачиваемый труд

В странах Африки к югу от Сахары показатель участия женщин в рабочей силе также относительно высок и в 2018 году достиг 76% (см. рисунок 4.1), что отражает сохраняющуюся значимость сельского хозяйства в регионе и роль женщин в ведении фермерского хозяйства, особенно в Кении, Малави, Руанде, Уганде, Объединенной Республике Танзания и Замбии⁶². Однако, как и в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, женщины в нижних квинтилях обладают меньшим доступом к наличным доходам по сравнению с женщинами в самых богатых квинтилях. Это согласуется с большей вовлеченностью женщин из беднейших квинтилей в неоплачиваемую работу на семейных фермах и предприятиях. Действительно, в странах Африки к югу от Сахары около 70% всех неоплачиваемых работников семейных ферм и предприятий составляют женщины, что означает, что они не получают прямой оплаты или вознаграждения за свою работу⁶³.

Хотя все большее количество женщин вовлекаются в занятость вне фермерского хозяйства, зачастую

это происходит под давлением. Поскольку во многих странах доходы мужчин от товарных сельскохозяйственных культур сократились из-за неустойчивой инфраструктуры, растущих затрат на сырье и изменения климата, активизировался поиск альтернативных источников дохода⁶⁴. В связи с этим, помимо домашних обязанностей и работы на фермах, женщины занимаются разными видами индивидуальной трудовой деятельности — от пивоварения до пошива одежды и мелкорозничной торговли, — которая требует небольших капиталовложений и имеет низкую доходность⁶⁵. С ростом числа женщин, ищущих денежный доход, были нарушены гендерные и поколенческие иерархии⁶⁶. Исследования в Кении и Объединенной Республике Танзания показали, что заработок женщин от несельскохозяйственной деятельности оспаривается под их контролем. В некоторых случаях это приводит к конфликтам между супругами и даже домашнему насилию, поскольку вопреки социальным нормам мужчины теряют свою роль единственного кормильца⁶⁷.

Тем не менее, несмотря на попытки женщин найти источники средств к существованию вне фермерского хозяйства, с точки зрения трудовых ресурсов в широком ряде стран сельское хозяйство остается феминизированным⁶⁸. В некоторых случаях мужчины мигрируют, чтобы найти работу в городских районах, в результате чего на семейных фермах работают женщины. Однако оставшиеся дома женщины имеют большую свободу выбора, чем принято считать (см. вставку 4.2).

Несмотря на важность сельского хозяйства с точки зрения обеспечения средств к существованию женщин, в Объединенной Республике Танзания женщины часто лишаются права пользования землей в случае развода, вдовства или в случае, когда мужа продают семейную землю иностранным и местным инвесторам, например крупным фермерам, охотничьим хозяйствам и туристическим отелям, не вовлекая жен в процесс принятия решения или не делясь выручкой⁶⁹. Исследование в Малави также показывает, что после смерти мужчины оставленные им активы могут быть «захвачены» и/или права на их использование могут быть оспорены другими членами его семьи, в результате чего вдова и ее дети могут остаться без какой-либо собственности и будут вынуждены покинуть деревню и семейный дом⁷⁰. Отсутствие у женщин равных прав пользования землей, которое лежит в основе гендерного неравенства в этом регионе, подробно рассматривается в разделе 4.4.

ВСТАВКА 4.2 «БРОШЕННЫЕ ЖЕНЫ» ИЛИ ЖЕНЩИНЫ, ВЫБРАВШИЕ АВТОНОМИЮ

Остающихся в сельских районах женщин, чьи мужья мигрируют в города в поисках работы, принято считать «брошенными». Однако мнение о том, что у женщин нет иного выбора, кроме как остаться на ферме, оспаривается К. Аршамбо, которая провела опрос женщин в основном в возрасте старше 50 лет, живущих в горах Паре – обильно орошаемой горной местности на северо-востоке Объединенной Республики Танзания, где женщины часто делают выбор в пользу того, чтобы оставаться в своих домах вместе с детьми⁷¹. Аршамбо обнаружила, что женщины, которые остались в сельской местности после миграции мужей в города, рассматривали эту ситуацию как «часть более широкой стратегии, позволяющей прожить полноценную и продуктивную семейную жизнь, одновременно выполняя культурные обязательства»; это позволило некоторым женщинам чувствовать себя более самодостаточными и независимыми, чем если бы они переехали в город за мужем⁷².

По мнению некоторых женщин, проживание в сельской местности дает им больше возможностей для экономической автономии и принятия финансовых решений, включая доступ к земле и контроль над производственными ресурсами, чем жизнь в городе с мужем. Дальнейшее проживание в сельских районах также позволяет женщинам поддерживать тесную связь с собственными семьями и друзьями и одновременно усиливает в них чувство принадлежности к месту, которое они считают домом. Многие женщины также отметили, что жизнь в своем сельском доме обеспечивает им постоянный доступ к инфраструктуре и ресурсам (таким как продукты питания, вода, здравоохранение и образование). Поэтому, как утверждает Аршамбо, допущение, что этих женщин попросту бросили, «маскирует степень, в которой проживание [на своих фермах] может быть частью стратегии расширения прав и возможностей, благодаря чему женщины-фермеры получают определенную степень экономической автономии и социального благополучия, которую они, возможно, не нашли бы в другом месте»⁷³.

Уровень доступа женщин к ресурсам: снижение и стагнация

Иногда из-за неблагоприятных условий на рынке труда или значительного сокращения мер по гармоничному сочетанию трудовых и семейных обязанностей отмечается стагнация или даже уменьшение возможности женщин получать собственный доход. Несмотря на очень разные социально-экономические условия, как в Китае, так и в Индии наблюдается снижение показателя занятости женщин, при том, что темпы экономического роста ошеломляют.

Восточная и Южная Азия: высокие темпы роста оставляют женщин позади

Исторически сложилось так, что уровень участия китайских женщин в рабочей силе был одним из самых высоких в мире, в то время как гендерный разрыв в оплате труда по международным стандартам был очень небольшим⁷⁴. Однако в последнее время в Китае наблюдается резкое ухудшение показателей рынка рабочей силы для женщин. В течение 20 лет в период с 1990 по 2010 год, гендерный разрыв в уровне занятости увеличился с 13,7 до 20,3 п.п.⁷⁵. Гендерный разрыв в доходах также вырос, несмотря на тенденцию роста заработной платы в абсолютном выражении как для женщин, так и для мужчин⁷⁶. Государственная практика ликвидации услуг в области социального обеспечения на предприятиях

(даньвэй) усугубила бремя домашнего труда и обязанностей по уходу за членами семьи, которые женщина должна совмещать с работой. В то же время возрождение патриархальных социальных норм наложило дополнительные ограничения на возможности трудоустройства женщин во время реструктуризации государственных предприятий, что привело к массовым увольнениям⁷⁷. У городских женщин из домохозяйств с низким доходом, которые понесли максимальные убытки в 1990-х и начале 2000-х годов, дела идут лучше; с 2003 года их уровень участия в рабочей силе снова растет⁷⁸.

В Индии снижение показателя занятости женщин (в возрасте 25–54 лет) было одним из самых серьезных в мире (6,9 п.п.) в период с 1997 по 2018 год⁷⁹. Этот процесс имеет четкие географические особенности: показатель занятости женщин из городских районов оставался неизменным с конца 1980-х годов⁸⁰ и значительно снизился для молодых (25–40 лет) замужних женщин в сельских районах.

Одна из причин этого явления заключается в стабилизации доходов семьи в связи с переходом мужчин от непостоянной работы к регулярным заработкам, что способствовало отказу женщин от оплачиваемой работы⁸¹. Учитывая низкое качество доступной женщинам оплачиваемой работы в дополнение к долгим часам тяжелого

неоплачиваемого домашнего труда, вполне вероятно, что некоторое повышение уровня доходов домохозяйств ослабило давление, вынуждающее женщин искать работу вне дома⁸². Кроме того, замужние сельские женщины в возрасте 25–40 лет скорее всего имеют детей школьного возраста; в связи с тем, что все большее число девочек посещают среднюю школу, матери реже получают помощь дочерей в выполнении неоплачиваемых домашних обязанностей, вследствие чего, сами чаще отказываются от оплачиваемой работы⁸³.

Беспокойство вызывает тот факт, что лишь небольшая часть женщин в возрасте 15–49 лет в Индии получает собственную заработную плату или доход — 26% по данным медико-демографического обследования и 17% по данным национального выборочного обследования⁸⁴. На практике это приводит к тому, что подавляющее большинство

женщин финансово зависит от своих супругов, отцов, родственников мужа и других членов семьи⁸⁵. Состоящие в браке/союзе женщины из бедных квинтилей в 1,7 раза чаще сообщают о получении наличных доходов, чем женщины из верхних квинтилей, что говорит о вынужденной продаже рабочей силы в стране⁸⁶. Малообеспеченные женщины, зачастую проживающие в безземельных домохозяйствах, бывают вынуждены работать на низкооплачиваемой работе, чтобы содержать семью. Напротив, женщины из квинтилей с более высоким доходом сталкиваются с культурными нормами, которые препятствуют их участию в рабочей силе. Однако, как показывают качественные исследования из соседнего Бангладеш, такие нормы не являются абсолютными и могут обсуждаться в домохозяйствах, когда появляются возможности трудоустройства (см. вставку 4.3).

ВСТАВКА 4.3 ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ОТНОШЕНИИ ОПЛАЧИВАЕМОЙ РАБОТЫ ЖЕНЩИН В БАНГЛАДЕШ

Попытки женщин получить оплачиваемую работу, особенно вне дома, в некоторых регионах мира вызывают значительное сопротивление супруга и могут спровоцировать насилие с его стороны. Как же замужним женщинам в Бангладеш удалось устроиться на оплачиваемую работу на ориентированных на экспорт швейных фабриках в условиях жестких социальных норм?

Опросы первой волны женщин, пришедших на эти фабрики в 1980-е годы, когда подобная занятость встречалась еще очень редко, показали, что, хотя некоторые женщины занимались такой работой вопреки желанию мужей, чаще всего это происходило, когда мужья оказывались ненадежными кормильцами. Тем не менее большинству женщин пришлось прибегнуть к дискурсивным и практическим стратегиям, чтобы преодолеть сопротивление мужей. В силу глубокого личного характера семейных отношений эти женщины понимали природу страхов и тревог, лежащих в основе сопротивления мужа, и эффективно использовали это знание, отстаивая свои права.

Во-первых, женщины оправдывали свое желание работать общей обеспокоенностью по поводу благосостояния семьи и, в особенности, обеспечения лучшего будущего для детей. Мужчинам как отцам и хранителям семейного благополучия было трудно возражать против таких аргументов, особенно когда они могли видеть достаточную их обоснованность.

Во-вторых, женщины старались смягчить негативные социальные последствия своего присутствия в общественном месте, заверяя мужей, что не нарушают нормы пурды и их поведение вне дома безупречно: они никогда не «слоняются» с другими после работы и сразу возвращаются домой, соблюдая правила благопристойного поведения по дороге — опустив глаза и не оглядываясь по сторонам.

Кроме того, многие из этих женщин позаботились о том, чтобы их занятость не повлияла на их домашние обязанности (и комфорт мужчин в доме). Некоторые передавали обязанности такого рода другим женщинам семьи, а другие выполняли их до или после работы и в выходные дни.

Иными словами, основной целью всех этих стратегий было убедить мужа, что работа женщины на фабрике никак не повлияет на семейные отношения. На самом же деле изменения, безусловно, происходили. Женщины не «перестали подчиняться», как опасались их мужья, при этом обе стороны признали ценность финансового вклада женщин. Помимо прочего, имели место и определенные, хоть зачастую и неосознанные, изменения в соотношении сил в семье⁸⁸.

По-прежнему низкий уровень участия в рабочей силе в Северной Африке и Западной Азии

Несмотря на впечатляющий рост уровня образования женщин, а также быстрое снижение рождаемости, уровень участия женщин в рабочей силе в Северной Африке и Западной Азии практически не изменился с 1990 года, что создает парадокс⁸⁷.

Отсутствие изменений показателя занятости отчасти можно объяснить снижением потребности в рабочей силе. Уровень занятости в государственном секторе — основной сфере трудоустройства образованных женщин в регионе — снизился без соответствующего увеличения имеющихся рабочих мест в частном секторе, особенно в привлекательной для женщин сфере услуг⁸⁹. Поскольку для образованных женщин неофициальная работа и самозанятость не являются экономически приемлемым решением, выбор делается в пользу отказа от работы и неучастия в рабочей силе.

Согласно другому объяснению, низкий уровень участия женщин в рабочей силе связан с консервативными гендерными нормами, особенно в контексте брака и ухода за членами семьи. Например, женщины, которые собираются вступить в брак, чаще всего уходят с оплачиваемой работы; такая вероятность наиболее высока в год свадьбы в Тунисе и за год до свадьбы — в Египте и Иордании. В то же время безработные замужние женщины, участвующие в рабочей силе, гораздо реже возвращаются к работе, чем одинокие⁹⁰. Выполнение женщинами неоплачиваемой работы по уходу за членами семьи и дефицит доступных и недорогих услуг в сфере ухода также способствуют низкому уровню участия

женщин в рабочей силе. Например, в 2012–2013 годах в Алжире 72% женщин имели среднее или высшее образование⁹¹. Тем не менее показатель занятости женщин в том же году оставался одним из самых низких в мире (18,2%)⁹². Отчасти это связано с тем, что основная ответственность за осуществление ухода за членами семьи в условиях недостаточной социальной поддержки возложена на женщин. Действительно, по последним доступным данным (2012 год), женщины в Алжире тратят на домашний труд в среднем в шесть раз больше времени, чем мужчины⁹³.

В целом, хотя семьи остаются ключевой точкой объединения и распределения доходов, наличие собственного заработка может иметь решающее значение для благополучия женщины и ее участия в процессах принятия решений в семье. Степень, в которой женщины смогли закрепиться на рынке труда, существенно различается в разных странах и даже в пределах одной страны. Общим знаменателем, определяющим присутствие (или отсутствие) женщин на рынке труда, является социальная модель ухода и домашней работы как основной обязанности женщин, особенно когда они состоят в браке/союзе и когда у них есть маленькие дети, а также степень государственной поддержки в распределении этой работы. Наличие собственного дохода как за счет оплачиваемой работы, так и программ социальной защиты само по себе не обеспечивает расширение прав и возможностей; многое зависит от характера работы или денежных пособий, особенно от их регулярности и надежности, от динамики внутри домохозяйств и от гибкости социальных норм, регулирующих права и обязанности женщин и мужчин в семьях.

4.4 ПРАВО ЖЕНЩИН ВЛАДЕТЬ И РАСПОРЯЖАТЬСЯ АКТИВАМИ И ИМУЩЕСТВОМ

Потоки доходов женщин (и мужчин) в любой момент времени могут дать представление о низком (или высоком) уровне благосостояния и том воздействии, которое они могут оказывать на отношения внутри семьи. Такая информация мало что может сказать о переменах, которые происходят в жизни женщин с течением времени, и о степени их защищенности в ситуации внезапного потрясения (потеря работы, болезнь и т. д.). Поэтому все большее число исследователей и проводников политики рассматривают активы как набор финансовых, людских, природных или социальных ресурсов, отражающий более долгосрочный рост экономического неравенства между женщинами и мужчинами⁹⁴.

Право женщин распоряжаться активами имеет особое значение для данной главы, поскольку именно оно определяет степень свободы выбора женщин в семейных отношениях, особенно в браке или в союзе, и силу их переговорной позиции в ситуации достижения договоренностей как внутри, так и вне домохозяйства⁹⁵. Возможность женщин управлять активами также имеет важное значение для их благополучия в случае расторжения брака или союза в результате раздельного проживания, развода или смерти супруга⁹⁶. Изучая право собственности женщин на активы необходимо коснуться темы имущественных прав в целом и влияния на них брака или совместного проживания, что исторически имело большое значение и продолжает оставаться актуальным.

Правила (или законы) игры: семейные активы и режим наследования

Способность женщин приумножать состояние главным образом зависит от режима имущественных отношений между супругами — особых правил, регулирующих право собственности и управления активами в браке (или в консенсуальном союзе) и после его прекращения. Несомненно, важное значение имеет и применяемый порядок наследования — правила, касающиеся распоряжений на случай смерти и действий в условиях отсутствия завещания⁹⁷. Юридические права на семейное имущество и наследование существенно отличаются в разных странах; в общих чертах эти различия отражают разные правовые режимы, возникшие, в частности, на основе традиций римского, исламского и общего права⁹⁸. Как обсуждалось в главе 3, реальная практика сопряжена с еще большими трудностями, поскольку во многих регионах мира государство — не единственный источник права. Во многих частях Африки и Азии обычное и гражданское право пересекаются. Кроме того, правовые системы могут отличаться в разных религиозных и этнических группах, а в федеративных государствах могут существовать значительные различия на уровне субъектов федерации⁹⁹.

Режимы, регулирующие имущественные права супругов, можно разделить на три группы: полная совместная, частичная совместная и раздельная собственность¹⁰⁰. Они различаются тем, что происходит с доходами и активами, которые были приобретены до брака и в браке. Режим полной совместной собственности предусматривает объединение всех активов вне зависимости от того, были ли они приобретены до или во время брака. При режиме частичной совместной собственности каждый из супругов сохраняет активы, с которыми вступает в брак, однако имущество, приобретенное в браке (вне зависимости от того, за счет чьих доходов), объединяется. Напротив, в рамках режима раздельной собственности все активы находятся в индивидуальном владении, вследствие чего имущество, которое подлежало бы разделу в случае прекращения брака в результате развода или смерти, отсутствует.

Важным шагом в укреплении прав собственности замужних женщин стало вступление в силу Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в 1981 году. В ней подчеркивается, что женщины должны иметь «равные права при заключении договоров и управлении имуществом» (статья 15), а также предусматриваются одинаковые права супругов «в отношении владения, приобретения, управления,

пользования и распоряжения имуществом» (статья 16). Во всем мире Конвенция оказывает серьезное влияние на раздел имущества в случае раздельного проживания и развода. В частности, в Латинской Америке большинство стран внесли изменения в гражданский и семейный кодексы, с тем чтобы партнеры несли равную ответственность за управление совместным имуществом пары, хотя зачастую наблюдается несоответствие между юридическим равенством и фактическим накоплением и управлением активами¹⁰¹. Многие страны Африки также приняли законодательство, защищающее имущественные права женщин, однако, как уже отмечалось, статутное право часто сосуществует с многочисленными и изменчивыми обычно-правовыми системами и практиками, которые могут использоваться для ущемления прав женщин¹⁰².

В 2017 году режимы совместной и раздельной собственности супругов были двумя стандартными и наиболее распространенными в мире режимами имущественных отношений в браке: чуть более чем в половине стран мира (51,3%) действует режим совместной собственности (включая полную, частичную, частично общую, а также систему отложенной собственности), тогда как режим раздельной собственности применяется в 4 из каждых 10 стран (39,7%). В небольшом количестве стран действуют другие режимы имущества супругов (6,4%), в том числе регулируемые неписаными обычаями; либо отсутствует обязательный режим имущественных отношений супругов (2,7%) — по закону они должны выбирать режим имущества (из имеющихся законных альтернатив) до вступления в брак или на момент его заключения¹⁰³. Режим совместной собственности является наиболее распространенным стандартным режимом имущественных отношений супругов в Европе и Северной Америке (88,4% стран), Латинской Америке и Карибском бассейне (60,6%), Восточной и Юго-Восточной Азии (47,1%) и в странах Африки к югу от Сахары (44,7%). Напротив, режим раздельной собственности супругов наиболее распространен в Северной Африке и Западной Азии (79,2%) и Центральной и Южной Азии (61,5%)¹⁰⁴.

Признавая вклад женщин в накопление и приобретение активов за счет выполнения неоплачиваемого домашнего труда, режимы полной и частичной совместной собственности супругов могут в некоторой степени возместить экономические санкции, связанные с неоплачиваемым трудом. В режимах раздельной собственности, напротив, супруг, не получающий дохода, а следовательно, не имеющий возможности приобретать имущество и накапливать свои индивидуальные активы, может оказаться в проигрыше.

Однако также важно учитывать положения, касающиеся назначения лиц, ответственных за управление активами супругов. В некоторых странах, где по умолчанию действует режим совместной собственности супругов, мужчины могут иметь права на управление всем имуществом; и наоборот, в большинстве стран, где по умолчанию действует режим раздельной супружеской собственности, исходный владелец сохраняет право управлять активами, которые она или он имели до вступления в брак/союз либо приобрели во время брака/союза¹⁰⁵. Это говорит о том, что важно учитывать не только действующий стандартный режим имущественных отношений супругов, но и нормы, касающиеся назначения лица (лиц), несущих юридическую ответственность за управление активами супругов. Не менее важными при формировании параметров контроля и управления активами со стороны женщин являются социальные и общественные нормы и практики, касающиеся накопления, распределения и передачи активов, особенно в регионах, где в вопросах брака и наследования по-прежнему преобладают нормы обычного права¹⁰⁶.

Гендерное равенство в наследовании семейной собственности (земли, жилья, финансовых активов и др.) с давних пор является требованием движений в защиту прав женщин. Существуют убедительные доказательства того, что право наследования серьезно влияет на способность женщин накапливать активы, учитывая трудности, с которыми они сталкиваются при накоплении дохода (в результате оплачиваемой работы) с целью приобретения земли или других активов на рынке¹⁰⁷. Несмотря на значимость этого факта, дочери и сыновья по-прежнему имеют неравное положение в законодательстве, регулирующем право наследования, более чем в пятой части стран (см. рисунок 1.1)¹⁰⁸. Аналогичным образом,

в 37 из 183 стран, по которым имеются данные, женщины и мужчины не имеют равных прав на наследование активов своего супруга. Степень влияния законодательства на усиление гендерного неравенства особенно очевидна в регионах Северной Африки и Западной Азии, Африки к югу от Сахары, а также Центральной и Южной Азии.

Гендерный разрыв в доступе к активам

Вопросу влияния разных режимов имущественных отношений супругов на фактическое накопление активов женщинами посвящено незначительное количество исследований¹¹¹. Действительно, имеются в целом скудные данные о контроле женщин над активами. Исследователи использовали существующие обследования, чтобы определить масштабы гендерного разрыва в доступе к активам для отдельных регионов и стран, поскольку в вопросниках обследований домохозяйств иногда запрашивается информация о владении и/или управлении хотя бы одним активом на индивидуальном уровне¹¹².

Однако новые, сопоставимые и репрезентативные на национальном уровне глобальные данные о правах женщин и мужчин на владение, контроль или управление земельными ресурсами практически отсутствуют¹¹³. Это затрудняет предоставление систематических глобальных данных индивидуального уровня, позволяющих осуществлять точное отслеживание и мониторинг доли женщин, владеющих или распоряжающихся землей, согласно Целям в области устойчивого развития¹¹⁴, или гендерных различий в области имущественных прав супружеских или сожительствующих пар. Предпринимаются усилия по устранению этих важнейших пробелов в данных (см. вставку 4.4).

ВСТАВКА 4.4

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ДОСТУПЕ К АКТИВАМ: СБОР ДАННЫХ И СТИМУЛИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Проект Gender Assets Gap («Гендерный разрыв в доступе к активам») был создан в 2009 году, чтобы продемонстрировать важность и целесообразность сбора данных индивидуального уровня о доступе женщин и мужчин к активам и праве собственности на них. В рамках проекта были проведены репрезентативные обследования на национальном уровне для Эквадора и Ганы, а также на уровне штата для Карнатаки, штата в Индии. Одним из направлений исследования было влияние режимов имущественных отношений супругов на гендерный разрыв в доступе к активам.

В Эквадоре по умолчанию действует режим частичной совместной собственности, тогда как в Гане и Индии преобладает режим раздельной собственности. Как в Эквадоре, так и на большей части территории Индии с 2005 года дети любого пола имеют одинаковые права наследования в случае отсутствия завещания умершего; в Гане данная ситуация законодательно не предусмотрена.

В целом данные показывают гораздо более справедливое распределение богатства в Эквадоре, чем в Гане и штате Карнатака: женщины владеют 52% валовой стоимости материальных активов домохозяйств в Эквадоре (что соразмерно их проценту населения), тогда как в Гане и Карнатаке им принадлежит значительно меньше активов — 30% и 19% соответственно. Вместе с тем доля активов женщин в браке или в консенсуальном союзе во всех трех случаях намного ниже, по сравнению с совокупной долей активов женщин: 44% в Эквадоре, 19% в Гане и 9% в Карнатаке.

В Эквадоре доля имущества супругов, принадлежащая замужним женщинам, гораздо больше по сравнению с Ганой и Карнатакой, что в значительной степени объясняется тем, что большая часть активов — жилье, земля и другая недвижимость — принадлежат паре, а не женщинам и мужчинам по отдельности, что обусловлено разными режимами имущества супругов. Более того, как в Гане, так и в Карнатаке на практике в законах о наследовании имущества наблюдается значительный перекося в пользу прав мужчин, что еще более усугубляет положение женщин, тогда как в Эквадоре действует гораздо более гендерно-справедливый режим наследования¹⁰⁹.

Наряду с получением столь необходимых фактических данных о контроле женщин над активами, этот исследовательский проект послужил источником вдохновения для инициативы Статистического отдела ООН и Структуры «ООН-женщины» по разработке глобальной методологии совершенствования методов обследования для сбора данных индивидуального уровня о владении активами в рамках программы «Цифры и факты для гендерного равенства» (Evidence and Data for Gender Equality). Методологические наработки в настоящее время используются Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) для содействия национальным статистическим управлениям в сборе данных об индивидуальной собственности и управлении сельскохозяйственными активами, такими как земля и домашний скот, со стороны женщин (и мужчин). Впервые в руководящие принципы Всемирной сельскохозяйственной переписи ФАО 2020 года включена новая тема «Внутрисемейное распределение управленческих решений и права собственности в отношении хозяйства»¹¹⁰. Сбор данных по большому числу стран должен способствовать более всестороннему анализу воздействия правовых режимов на фактическое гендерное неравенство в вопросах землевладения и управления земельными активами.

Гендерное неравенство в доступе к финансовым активам

В условиях, когда финансовые активы становятся все более важным способом хранения сбережений и источником инвестиций, данные о том, кто в домохозяйстве владеет банковскими счетами, могут сформировать представление о доступе женщин и мужчин к таким активам. Безусловно, действующий банковский счет может использоваться лишь для получения зарплаты или пенсии, а поступающие на такой счет денежные средства могут расходоваться на базовые домашние нужды, без возможности накопления сбережений. Тем не менее, важно отметить, что об отсутствии личного банковского счета сообщает больше женщин, чем мужчин.

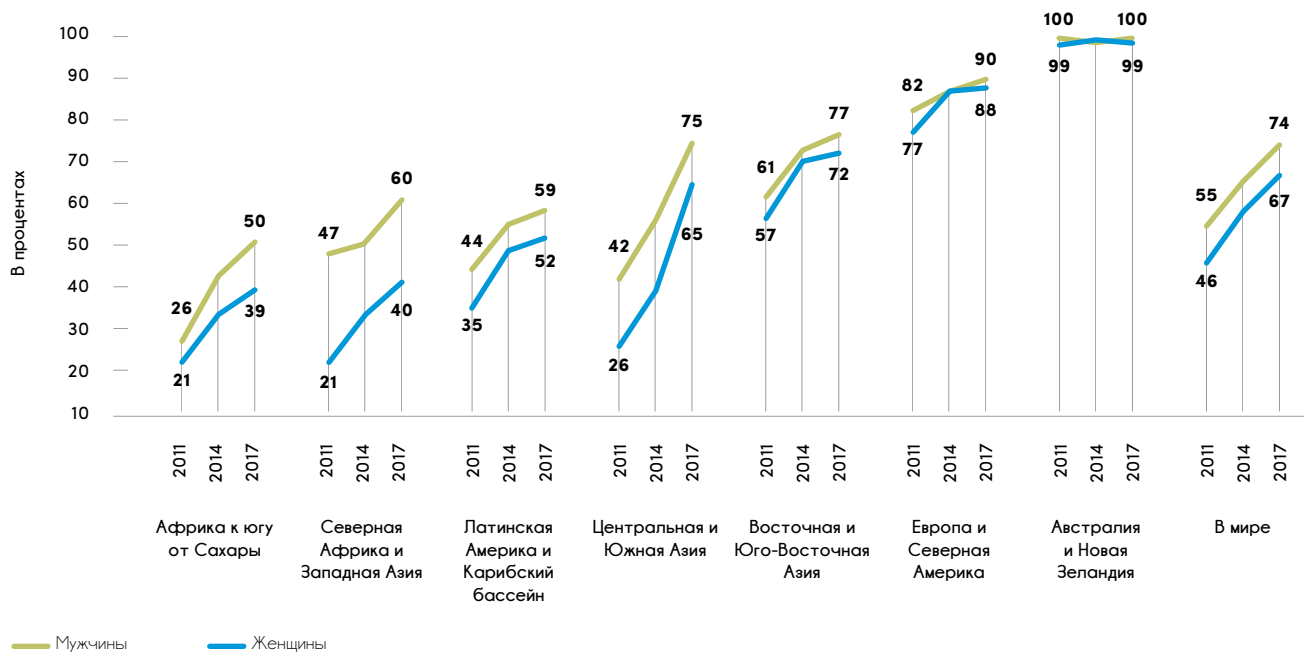
Как показано на рисунке 4.6, гендерные различия среди тех, кто сообщает о наличии банковского счета, в большинстве развивающихся регионов достаточно велики. Гендерный разрыв особенно велик в Северной Африке и Западной Азии, а также в странах Африки к югу от Сахары. Это может частично отражать гендерные различия в уровне распространения оплачиваемой работы по найму, поскольку все чаще оплата вносится непосредственно на банковский счет¹¹⁵. Другие

требования, которые могут ограничивать возможности женщин по открытию банковских счетов, включают наличие национального удостоверения личности и/или поручителя. При этом, в течение относительно короткого периода времени (с 2011 по 2017 год) отмечалось заметное увеличение доли женщин, сообщающих о наличии счета в банке, особенно в Центральной и Южной Азии, что может отражать рост участия женщин в схемах микрофинансирования.

В странах с высоким уровнем дохода (Европа и Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия) гендерный разрыв в процентной доле лиц, имеющих банковский счет, незначителен (см. рисунок 4.6). Однако в этих странах, а также во многих странах со средним уровнем дохода все более важным источником дохода становятся пенсии, которые также служат средством накопления капитала. По результатам всех проведенных исследований, вне зависимости от страны мужчины накапливают больше активов в виде пенсий, чем женщины¹¹⁶. Причины этого разрыва в значительной степени связаны с преобладанием мужчин на официальном рынке труда, где вероятность выплаты пенсий более высока, а также с их более высокими заработками

РИСУНОК 4.6

ДОЛЯ ЛИЦ В ВОЗРАСТЕ 15 ЛЕТ И СТАРШЕ, СООБЩИВШИХ О НАЛИЧИИ СОБСТВЕННОГО БАНКОВСКОГО СЧЕТА (В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И РЕГИОНУ, 2011–2017 ГОДЫ)

Источник: World Bank, 2018b.

Примечания: Включен процент респондентов, сообщивших о наличии счета (собственного или совместного) в банке или другом финансовом учреждении. Выборка включает 125 стран. Данные по Океании (кроме Австралии и Новой Зеландии) недоступны. Агрегированные показатели по регионам и в мире рассчитывались как среднее взвешенное для женского и мужского населения в возрасте 15 лет и старше в 2017 году с использованием средних (стандартных) вариантных прогнозов из UN DESA, 2017m.

и более низкой вероятностью покинуть рынок труда в связи с необходимостью ухода за членами семьи¹¹⁷. Подобное гендерное неравенство часто пересекается с классовым, этническим и расовым неравенством. Например, в Соединенном Королевстве неравенство в пенсионном обеспечении носит не только гендерный характер; важную роль играет этническое происхождение

женщины. Бангладешцы, пакистанцы и чернокожие респонденты относятся к крайне бедным социальным группам с очень низким уровнем благосостояния и, следовательно, небольшими, если вообще имеющимися, резервами, с помощью которых они могли бы обеспечить финансовую безопасность для себя и своих иждивенцев в настоящее время или в будущем¹¹⁸.

4.5 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА И ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В патриархальном обществе развод, раздельное проживание и вдовство являются одними из ключевых факторов, способных ухудшить экономическое положение женщин, особенно если у них есть дети, о которых нужно заботиться. Как однажды заметила американская феминистка Глория Стайнем, «расстояние между большинством женщин с маленькими детьми и социальным благополучием измеряется одним мужчиной»¹¹⁹. Это особенно актуально, когда женщины уделяют много времени домашним обязанностям и уходу за детьми, часто за

счет личной экономической выгоды и карьерного роста, и в результате возникает то, что называют «ущербом от отношений»¹²⁰.

Вместе с тем прекращение партнерских отношений имеет разные формы и определяется разными правовыми традициями, социальными нормами и конфигурациями семей (см. главу 3), что приводит к различным результатам для женщин с точки зрения экономического статуса и личной автономии.

Развод и раздельное проживание: гендерные различия в последствиях

Результаты, которых женщины могут ожидать в случае расторжения брака или прекращения отношений, могут служить фактором, сдерживающим (или стимулирующим) разрыв¹²¹. Это вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку трудности при расторжении несчастливой или тягостной браки могут поймать женщин в западню насильственных отношений, что ставит под угрозу их физическую и психологическую безопасность и благополучие (см. главу 6). Существующие правовые системы, рынки труда и меры социальной защиты, а также обеспечение своевременной и справедливой выплаты алиментов (в случае наличия таковых) и пособий на содержание детей определяют финансовую жизнеспособность женщин после прекращения отношений¹²².

В недавнем исследовании, проведенном в США, отмечалось, что начиная с 1980-х годов экономическое положение женщин после развода улучшилось благодаря росту заработка замужних женщин и получению ими пособий на ребенка, а также доходам за счет личных связей¹²³. В том же исследовании установлено, что умеренные в 1980-е годы экономические последствия прекращения сожительства со временем ухудшились и мало чем отличаются от последствий для женщин после развода.

Тем не менее исследование 2015 года на базе лонгитюдных данных по шести странам ОЭСР — Австралии, Германии, Республике Корея, Швейцарии, Соединенному Королевству и США — показало, что развод оказывает существенное негативное влияние на доходы женщин, которое в значительной степени превосходит любое подобное влияние на мужчин. Хотя система социального обеспечения и такие меры, как алименты на детей, влияют на экономические последствия развода для женщин во всех шести странах, различия между странами лучше всего объясняются доходами женщин на рынке труда и частотой повторного вступления в партнерские отношения¹²⁴.

В странах с низким доходом на душу населения распад союзов усугубляет условия нищеты и нестабильности, приводя к разделу (впрочем, неравному) имеющихся активов¹²⁵. В связи с тем, что собственность женщин на активы в меньшей степени защищена законом, для них последствия распада союзов зачастую оказываются несоразмерными. Согласно исследованиям, проведенным в 91 стране с низким и средним уровнем дохода, уровень крайней нищеты среди разведенных/проживающих раздельно женщин (8,0%) в два раза выше, чем среди разведенных/проживающих раздельно мужчин (3,9%)¹²⁶.

Так, в Индии уровень разводов, как правило, низок, по умолчанию действует режим раздельного владения имуществом, а право на получение алиментов редко защищено. Детальное исследование положения 405 проживающих раздельно/брошенных и разведенных женщин преимущественно из городских районов в разных частях страны показало, что после расставания подавляющее большинство из них зависит от родной семьи, прежде всего от родителей и братьев, как с точки зрения финансовой поддержки, так и организации быта. Даже если у них был некоторый доход, его было недостаточно, чтобы жить автономно или независимо со своими детьми. Коэффициент повторных браков также крайне низок¹²⁷.

Однако существует мало углубленных и лонгитюдных исследований экономических последствий развода и раздельного проживания в странах со средним и низким уровнем дохода. Лонгитюдные данные дают возможность отслеживать изменения в жизни людей до и после развода/раздельного проживания и экономические последствия прекращения партнерских отношений¹²⁸. Данные поперечного анализа менее точны, поскольку выбор и «эндогенность» распространяются на всю жизнь женщин: например, более высокий уровень нищеты среди разведенных или проживающих раздельно женщин по сравнению с замужними женщинами может отражать больший риск распада брака среди бедных слоев населения, а не тот факт, что нищета является следствием развода как такового. По мере роста доступности все большего объема панельных данных по развивающимся странам, исследователи получают возможность их изучать.

Экономические последствия вдовства

Вдовство подвергает многих женщин широкому спектру социально-экономических проблем и наносит ущерб здоровью и качеству жизни. При том что во многих обществах экономическая нестабильность в пожилом возрасте может быть обычным явлением для малоимущих, вдовство может усугубить такие трудности, особенно в случае дискриминационных систем родства и режимов имущественных отношений супругов¹²⁹.

Как показано в главе 2, женское вдовство в возрасте 45–49 лет наиболее распространено в странах Африки к югу от Сахары, а также в Центральной и Южной Азии, где, по данным около 2010 года, вдовствует более 10% женщин¹³⁰. Уровень вдовства среди женщин в возрасте 45–49 лет был особенно высоким в Лесото (25,3%), Руанде (23,9%) и Зимбабве (22,1%). Столь высокие показатели объясняются последствиями геноцида 1994 года в Руанде и эпидемией ВИЧ в двух других странах¹³¹.

Высокий уровень вдовства среди женщин также может быть обусловлен значительными гендерными различиями в уровне смертности, как в случае некоторых стран Восточной Европы и Центральной Азии. Результаты более детальных

исследований среди относительно большого числа вдовствующих женщин в возрасте 55–59 лет в этих регионах свидетельствуют о повышенном риске многоаспектной нищеты, одиночества и изоляции (см. вставку 4.5).

ВСТАВКА 4.5 ВДОВСТВО В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МАСШТАБНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОКАЗАТЕЛЯХ СМЕРТНОСТИ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ

Согласно последним данным за 2010 год, в мире 14,6% женщин в возрасте 55–59 лет являются вдовами. В восточноевропейских и центральноазиатских странах наиболее высокий процент зафиксирован в Кыргызстане (26,8%), Казахстане (23,3%), Таджикистане (22,4%), Российской Федерации (20,3%) и Беларуси (19,6%)¹³⁵. Такая высокая распространенность вдовства обусловлена значительными гендерными различиями в показателях смертности, заболеваемости и повторных браков. Системы социального обеспечения в этих странах были разрушены после распада СССР, что свело на нет прежнее повышение уровня жизни и привело к стагнации или снижению ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин при рождении. Несмотря на то, что с начала XXI века уровень ожидаемой продолжительности жизни постепенно возвращается на прежний уровень, предполагается, что женщины переживут мужчин почти на десять лет в Республике Молдова (8,5 года), Казахстане (9,6 года), Беларуси (11,1 года) и Российской Федерации (11,3 года)¹³⁶.

Исследования в Южном Казахстане выявили более высокий уровень многоаспектной нищеты среди вдов по сравнению с замужними женщинами (74,6% по сравнению с 61,7%)¹³⁷. Исследование, проведенное в Российской Федерации, показало, что вдовы в возрасте 50 лет и старше в 2,8 раза чаще относятся к беднейшему квинтилю, в 4,1 раза чаще чувствуют себя одиночками и в 2,6 раза чаще сообщают об умеренном или тяжелом конфликте с другими людьми, чем замужние или состоящие в сожительстве женщины того же возраста¹³⁸. Жизнь в одиночестве, вероятно, является основной причиной неблагоприятного воздействия на психическое здоровье вдов¹³⁹; при этом исследование, проведенное в Российской Федерации, показало, что более половины всех вдов в возрасте 50 лет и старше проживают в одиночестве (54,3%)¹⁴⁰.

Правительства предпринимают усилия на уровне политики по поддержанию гарантированного дохода и содействию экономической жизни тех, кто наиболее уязвим и подвержен повышенному риску нищеты, в том числе вдов. В Российской Федерации вдовы в возрасте 55 лет и старше получают право на пенсию по потере кормильца, выплачиваемую вне зависимости от трудового стажа и продолжительности страхового стажа умершего мужа¹⁴¹. В Казахстане для вдов предусмотрено три вида пособий по потере кормильца: пособие на основе существующего обязательного индивидуального счета супруга; социальные выплаты в рамках системы социального страхования, и государственное социальное пособие (оба с 58 лет)¹⁴². В 2014 году в стране было также введено субсидирование обязательных пенсионных взносов для работающих женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, поскольку реализация мер на ранних этапах жизни может уменьшить повышенный риск нищеты для женщин в пожилом возрасте¹⁴³.

Нормы, регулирующие раздел имущества супругов и права вдов, очень важны для их экономической безопасности. Помимо негативного воздействия дискриминационных законов о наследовании, о чем уже говорилось в разделе 4.4, женщины также могут сталкиваться с выселением и захватом собственности даже в тех случаях, когда их права признаются статутным правом.

Например, согласно Семейному кодексу Сенегала, жены должны наследовать долю, равную доле их детей; однако нормы наследования в соответствии с исламским и обычным правом предусматривают

выделение вдовам лишь одной восьмой части всего наследуемого имущества, и в случае полигамных браков эта доля должна быть разделена между всеми женами¹³². На практике жены после смерти мужа, как правило, вовсе не получают наследства, особенно если имущество не является ликвидным (например, земельный участок или дом)¹³³. При этом даже повторный брак, по-видимому, не смягчает неблагоприятных экономических последствий вдовства. Причин тому две: во-первых, малообеспеченные женщины чаще сталкиваются с риском вдовства (из-за большей разницы в возрасте между супругами в бедных домохозяйствах и

меньшей продолжительности жизни малоимущих мужчин); во-вторых, более уязвимыми среди вдов являются те, на кого распространяется обычай левирата (когда женщина должна выйти замуж за брата умершего мужа)¹³⁴.

Как отмечалось в разделе 4.4, в странах с высоким и средним уровнем дохода экономическая безопасность женщин сильно зависит от пенсионных прав. Однако пенсионные системы различаются по своей структуре. В целом, чем теснее связь между размером пенсионного пособия и историей трудоустройства (и данными о взносах), тем больше социально-экономических трудностей испытывают женщины по сравнению с мужчинами; это объясняется тем, что заработок и трудовой стаж женщин, как правило, меньше по сравнению с мужчинами. Следовательно, переход от систем социального страхования к индивидуальным накопительным счетам (так называемая приватизация пенсий) отрицательно сказывается на экономической безопасности женщин в пожилом возрасте¹⁴⁴.

Пособия по потере кормильца, которые предлагаются в большинстве накопительных и ненакопительных пенсионных систем, особенно важны для одиноких пожилых женщин; эти пособия, как правило, ниже, чем пенсии по возрасту и составляют примерно 50–80% пенсии покойного¹⁴⁵. Некоторые страны (например, Дания и Швеция), отошедшие от модели мужчины-кормильца семьи, выбрали «несемейный» подход, в рамках которого вместо пособия по потере кормильца обеспечивается всеобщий доступ к минимальной пенсии¹⁴⁶. Однако пока трудовой стаж женщин будет отличаться от стажа мужчин вследствие необходимости ухода за членами семьи, будут иметь место неравные и дискриминационные результаты, если не будут приняты адекватные меры по выплате компенсаций тем, кто на протяжении всей жизни находился в неблагоприятном положении, например, путем предоставления социальных выплат, чтобы компенсировать время трудового стажа, отданное на уход за любимым человеком¹⁴⁷.

Семьи матерей-одиночек и риск нищеты

Во всем мире доля семей матерей-одиночек намного выше, чем семей отцов-одиночек (см. главу 2). Некоторые отцы участвуют в жизни своих детей даже в условиях раздельного проживания, предоставляя им время, уход и/или финансовые ресурсы.

Этнографические исследования в странах с высоким уровнем дохода показывают, что даже безработные или не имеющие постоянной работы отцы иногда участвуют в жизни детей и предоставляют поддержку

в натуральной форме, хотя и не могут оказывать финансовую помощь¹⁴⁸. Согласно результатам качественных исследований, проведенных в ЮАР, в условиях очень высокой структурной безработицы шахтеры, живущие вдали от своих семей, считают экономическую поддержку своих детей основой позитивного отцовства¹⁴⁹. Однако существует необходимость более системной оценки участия отцов в обеспечении детей: отправляют ли они денежные переводы и каков их размер относительно расходов на содержание детей?

Даже в случае отсутствия отцов, одинокие матери, особенно в развивающихся странах, не всегда живут самостоятельно и часто полагаются на собственные родственные связи с точки зрения ухода за детьми и других форм поддержки (см. главы 2 и 5)¹⁵⁰. Тем не менее риск нищеты для одиноких матерей намного выше среднего показателя во многих странах (см. рисунок 4.7). По данным выборки из 40 стран с использованием согласованных данных, во всех странах для домохозяйств одиноких матерей с детьми младшего возраста характерен более высокий уровень нищеты по сравнению с домохозяйствами из двух родителей с маленькими детьми. Степень и величина данного различия существенно варьируются между странами. Наибольшая разница (в процентных пунктах) в уровне нищеты между семьями матерей-одиночек и семьями из двух родителей зафиксирована в Люксембурге, за которым следуют Чехия, Канада и США.

Низкий уровень дохода матерей-одиночек нельзя объяснить тем, что они избегают оплачиваемой работы. На самом деле, значительная доля одиноких родителей в странах с высоким уровнем дохода, обычно около 80% или выше, активно занимаются тем или иным видом оплачиваемого труда¹⁵¹. То есть одинокие матери сталкиваются с высокими рисками нищеты, несмотря на высокий уровень занятости. США являются примером этого парадокса: по сравнению с 16 другими странами с высоким уровнем дохода уровень занятости одиноких родителей, как и их уровень нищеты выше среднего. Данный парадокс объясняется высокими показателями низкооплачиваемой занятости в сочетании с нехваткой материальной помощи¹⁵².

Причины нищеты одиноких матерей в целом связаны с конкретными проблемами, с которыми они сталкиваются с точки зрения ресурсов, рынка труда и социальной политики. Во-первых, семьям с одним родителем часто не хватает дополнительных и регулярных ресурсов партнера, который жил бы в том же домохозяйстве¹⁵³. Одинокие матери также сталкиваются и с другими негативными факторами — гендерным разрывом в оплате труда и «штрафом за материнство»¹⁵⁴. Даже в странах с высоким

уровнем дохода повышение уровня нищеты среди имеющих работу людей означает, что заработка одного человека зачастую недостаточно для того, чтобы защитить семью от обнищания¹⁵⁵.

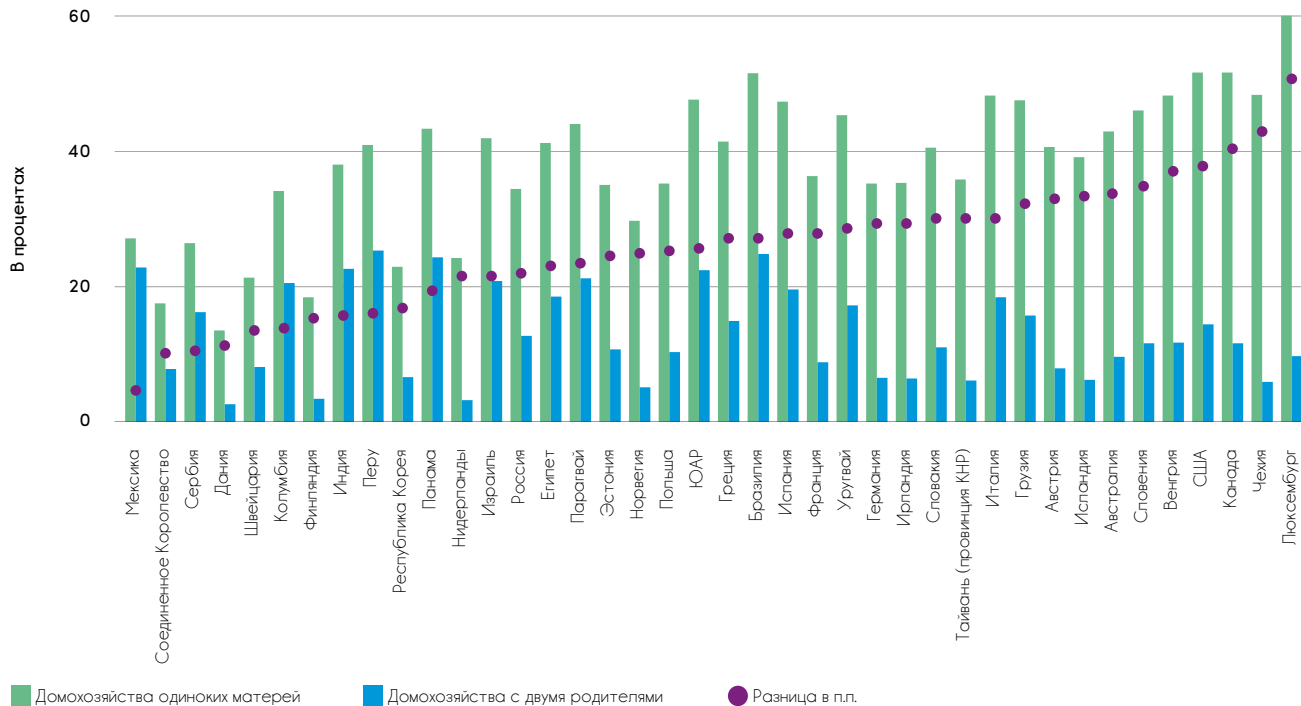
Во-вторых, в большинстве стран матери-одиночки не обладают достаточной степенью финансовой защиты в связи с неадекватным уровнем выплачиваемых отцами алиментов на ребенка, их частой задержкой или неуплатой¹⁵⁶. Например, в Малайзии, где уровень разводов исторически высок, большая часть мужчин нарушает постановления суда о выплате компенсации (мута) и алиментов на ребенка после расторжения брака¹⁵⁷. В Колумбии, где отмечается один из наиболее высоких показателей одинокого материнства в Латинской Америке, в 2008 году только 28% матерей-одиночек получали алименты на ребенка, которые оказывали заметное влияние на уровень нищеты¹⁵⁸. Аналогичный уровень выплаты алиментов отмечается в таких странах, как Канада, Соединенное Королевство и США, в то время как в странах Северной Европы этот показатель намного выше.

Наконец, иметь единственный источник дохода не только опасно, но и особенно рискованно, когда женщина вынуждена совмещать оплачиваемую работу со многими другими (неоплачиваемыми) обязанностями. В ситуации, когда в домохозяйстве нет другого человека, к которому можно было бы обратиться за помощью, пусть и небольшой, конфликт между семьей и работой может приобрести крайне острый характер¹⁶⁰. В отсутствие механизмов поддержки, таких как доступное жилье, услуги по уходу за детьми, пособия на ребенка либо на семью и/или оплачиваемый отпуск, указанные риски могут превратиться в капкан глубокой нищеты. Применение подобных мер социальной политики в значительной степени объясняет различия в показателях нищеты одиноких матерей в разных странах¹⁶¹.

Нищета, безработица и социально-экономические потрясения также могут привести к большей нестабильности в интимных партнерских отношениях. Например, в южной части Африки высокое и растущее число семей матерей-

РИСУНОК 4.7

ПОКАЗАТЕЛИ НИЩЕТЫ СРЕДИ ДОМОХОЗЯЙСТВ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ И ДОМОХОЗЯЙСТВ С ДВУМЯ РОДИТЕЛЯМИ С ДЕТЬМИ В ВОЗРАСТЕ 0–6 ЛЕТ (ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД)

Источник: Nieuwenhuis et al. 2018.

Примечания: На основе последних наборов данных LIS, доступных по 40 странам. Данные получены около 2013 года (волна 9) по 35 странам и около 2010 года (волна 8) по 5 странам. Домохозяйства ограничены возглавляемыми одинокими матерями и с двумя родителями без других взрослых старше 18 лет. В анализ домохозяйств с двумя родителями были включены только разнополые пары. Анализ также ограничен домохозяйствами с детьми в возрасте до 6 лет (например, любые домохозяйства с детьми в возрасте 7–17 лет исключены из исследования). Домохозяйства могут включать или не включать собственных детей. Нищета определяется применительно к домохозяйствам. Бедными называют такие домохозяйства, в которых располагаемый доход составляет менее 50% от медианного располагаемого дохода домохозяйств.

одинок в сельских районах, характеризующееся ослаблением связи между браком и деторождением, обусловлено очень высокими показателями структурной безработицы и эмиграции мужского населения в соседние страны. В этом контексте многие женщины и мужчины, по-видимому, не склонны вступать в брак и создавать общие домохозяйства не из-за отсутствия желания, а в результате отсутствия возможностей для этого¹⁶². Подобным образом в США неблагоприятные экономические условия, лежащие в основе распределения доходов, похоже, способствуют так называемому «эффекту отчаявшегося отца» — росту числа отцов, не желающих вступать в брак¹⁶³.

Исследования в странах с высоким уровнем дохода указывают на некоторые неблагоприятные факторы, с которыми сталкиваются одинокие родители и их дети, включая плохие жилищные условия, слабое здоровье матерей-одиночек и более низкая успеваемость детей в школе. Однако тщательный анализ этих данных показывает, что причина кроется не в одиноком родителе как таковом; низкая успеваемость детей объясняется, скорее, различиями в интенсивности работы, продолжительностью периода бедности по уровню доходов, ухудшением материальных условий жизни и низким качеством школ¹⁶⁴.

4.6 ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕРЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПОДДЕРЖКУ ПРАВ ЖЕНЩИН И ИХ СЕМЕЙ

Как показано в докладе «Прогресс женщин мира в 2015–2016 годах», экономическая политика, учитывающая гендерные аспекты, в том числе макроэкономическая политика, имеет важное значение для создания инклюзивных экономик, обеспечивающих работу и средства к существованию для всех женщин и мужчин¹⁶⁵. Достойная работа, которая дает женщинам достаточный собственный доход должна быть доступна не только в сельскохозяйственном и производственном секторах, но и в сфере услуг, где, по-видимому, будет наблюдаться значительный рост занятости¹⁶⁶. Как отмечено в главе 5, качественные рабочие места в сфере ухода будут отвечать не только растущим потребностям семей в услугах по уходу, особенно в странах со средним и низким уровнем дохода, где таких услуг очень мало, но и сделают сектор мощным двигателем для создания рабочих мест¹⁶⁷.

Социальные выплаты для повышения уровня финансовой безопасности женщин

Наличие оплачиваемой работы все же не всегда гарантирует выход из нищеты. Это особенно верно, когда человек не может заниматься оплачиваемым трудом из-за болезни, возрастной слабости или некоторых форм инвалидности. Помимо прочего, в жизни людей бывают периоды, когда они выполняют обязанности по интенсивному уходу за членами семьи и нуждаются в замене источника дохода. Для того чтобы реагировать на риски и нестабильность, с которыми женщины и мужчины сталкиваются в течение жизни в результате социально-экономических потрясений или отдельных чрезвычайных обстоятельств, таких как заболевание

или старость, рынки труда должны работать в тандеме с универсальными системами социальной защиты.

Система оплачиваемых отпусков по беременности и родам и уходу за ребенком является критически важной для семей, поскольку содействует занятости женщин и повышает уровень их финансовой безопасности, что позволяет женщинам и мужчинам уделять время уходу за маленькими детьми (и женщинам восстановиться после родов). Существует серьезная причина для беспокойства в отношении недостаточной распространенности соответствующих систем в странах с низким уровнем дохода (см. главу 5). Так, в странах Африки к югу от Сахары пособие по беременности и родам получают менее 16% всех матерей с новорожденными (вне зависимости от статуса занятости)¹⁶⁸. В отсутствие права на оплачиваемый отпуск по беременности и родам, – фермеры, ведущие натуральное хозяйство, или домашние работники – часто продолжают работать слишком долго во время беременности или выходят на работу слишком рано после родов¹⁶⁹.

За последние десятилетия программы пособий и выплат на детей и семью, реализуемые в разных странах, приобрели особую популярность фактически во всех развивающихся регионах. Их целью является возмещение части расходов на воспитание ребенка, обеспечение базового дохода и инвестирование в возможности детей путем улучшения питания, услуг здравоохранения и возможности посещения школ. Большинство этих программ ориентированы на матерей, поскольку женщины с большей вероятностью, чем мужчины,

уделяют первостепенное внимание расходам на детей. Ввиду повышенного риска нищеты для женщин (по сравнению с мужчинами) в период репродуктивного возраста (от 20 до 34 лет)¹⁷⁰, такие схемы денежных выплат могут иметь критически важное значение. Действительно, с ними связан целый ряд положительных результатов, касающихся посещаемости школ детьми, использования медицинских услуг и снижения уровня детского труда (см. вставку 4.6)¹⁷¹.

Между тем существуют опасения по поводу некоторых специфических особенностей этих схем, таких как проверка материального положения для

целевых социальных выплат и маленький размер пособий, требования к участникам большинства программ и, что наиболее важно, ограниченный учет интересов самих женщин (см. вставку 4.1)¹⁷².

Несмотря на то что денежные пособия могут привести к позитивным изменениям в жизни женщин и девочек, их потенциал не реализуется в полной мере в условиях небольшого размера пособий и ограниченной сферы охвата данных мер на основании процедуры проверки нуждаемости. Сравнение ситуации в ряде развивающихся стран показывает, что чем уже сфера охвата целевой программы, тем выше численность бедного

ВСТАВКА 4.6

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ И ДОСТИЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ЮАР

Пособие на содержание ребенка было введено в ЮАР в 1998 году на основе рекомендаций Комитета в Лунде по реформированию системы поддержки детей и семьи. Цель пособия состоит в том, чтобы сократить количество беднейших африканских женщин и детей, не охваченных предыдущей программой государственных пособий, с учетом разнообразия форм семьи в ЮАР¹⁷⁵. Свой отпечаток на семейных структурах оставил и апартеид, в том числе система трудовой миграции, в рамках которой мужчины оставляли семью и уходили работать в шахтах на 11 месяцев в году. Одним из результатов этой долгосрочной практики разрушения семей является то, что только 35% детей живут в полных семьях, а более трети детей воспитываются только матерями¹⁷⁶. Пособие на содержание ребенка — это фиксированная денежная сумма, выплачиваемая основному опекуну (родителю, бабушке или дедушке, либо другому родственнику или иным лицам) на ребенка в возрасте до 18 лет в зависимости от дохода основного опекуна (и супруга в соответствующем случае). В 2016 году пособием было охвачено 11,6 млн детей (60%)¹⁷⁷. Несмотря на гендерно-нейтральные квалификационные требования, в 2014 году 98% бенефициаров составляли женщины¹⁷⁸. Согласно оценкам, пособие выступило «небольшим, но полезным дополнением к бюджету домохозяйств»¹⁷⁹, которое благотворно сказалось на снижении детской и подростковой бедности, улучшении здоровья, питания и образования, а также привело к снижению уровня злоупотребления психоактивными веществами и отсрочке начала половой жизни¹⁸⁰. В соответствии с национальным бюджетом на 2018–2019 годы, размер пособия составляет 405 южноафриканских рэндов на одного ребенка в месяц¹⁸¹.

В ЮАР ненакопительное пособие по старости было впервые введено в 1928 году и в последующие десятилетия сфера его действия была распространена на все население республики¹⁸². Однако до 1993 года размер ежемесячного пособия различался: ежемесячные выплаты для белых людей были выше, чем для представителей других рас¹⁸². Помимо этого, они получали пособие раз в два месяца, тогда как остальные получали его ежемесячно. Сегодня такое пособие доступно гражданам, постоянным резидентам и лицам с правовым статусом беженца, женщинам и мужчинам в возрасте 60 лет и старше вне зависимости от расы или этнического происхождения, но на условии прохождения процедуры проверки нуждаемости (на основе доходов и активов). В октябре 2018 года размер пособия составлял 1700 южноафриканских рэндов в месяц. В 2011 году пособие получали более 85% пожилых южноафриканцев¹⁸³. Исследования показывают, что, помимо улучшения здоровья и повышения самооценки получателей, пособие поддерживает пожилых женщин в обеспечении ухода за членами семьи, чтобы дать молодым матерям возможность найти работу вне дома или в том случае, когда внуки потеряли одного или обоих родителей в результате ВИЧ. В этих случаях получение пособия влияет на улучшение состояния здоровья внуков и посещаемости школы¹⁸⁴.

Как пособие на содержание ребенка, так и пособие по старости способствовали сокращению хронической нищеты и масштабов бедности для женщин и домохозяйств матерей-одиночек, хотя полностью победить ярко выраженную феминизацию бедности в стране не удалось¹⁸⁵.

населения, исключенного из нее¹⁷³. Согласно одному из последних исследований, в среднем около трех четвертей женщин с недостаточным весом и детей, страдающих от недоедания, не относятся к беднейшему квинтилю, на который обычно ориентированы программы поддержки¹⁷⁴. Это означает, что, помимо непрозрачных методов и значительных административных расходов, узконаправленные программы социальной защиты также могут достичь большинства возможных бенефициаров, поскольку многие из этих женщин и детей «спрятаны» в домохозяйствах, которые не относятся к категории беднейших.

Не все целевые социальные пособия предусматривают выполнение определенных условий. Программы, которые содержат подобные требования (такие как регулярное посещение медосмотров детьми или посещение матерями занятий по гигиене и питанию), вызывают вопросы¹⁸⁶. На сегодняшний день нет убедительных доказательств того, что положительные результаты с точки зрения здоровья и питания детей дает выполнение определенных условий для получения выплат, а не вливание денег в домохозяйство¹⁸⁷. Кроме того, ожидание, что эти требования должны выполняться матерями, укрепляет гендерные стереотипы о воспитании детей как материнской обязанности и увеличивают затраты времени женщин часто за счет их оплачиваемой работы, образования или обучения¹⁸⁸. Несоблюдение требований программы может быть связано не столько с халатностью, сколько с отсутствием доступных услуг, их низким качеством или, как в случае коренного населения, с языковым барьером¹⁸⁹. В этой связи для достижения желаемых результатов денежные выплаты должны дополняться инвестициями в здравоохранение, образование и услуги по уходу за детьми, а также в доступную инфраструктуру (например, недорогой и безопасный транспорт)¹⁹⁰.

Ненакопительные пенсии по старости также имеют важнейшее значение для обеспечения гарантированного дохода женщин. Как уже отмечалось в разделе 4.4, по сравнению с мужчинами женщины реже получают трудовые пенсии в рамках системы социального страхования (накопительные), учитывая более высокую вероятность их неформальной, периодической или неоплачиваемой занятости. Напротив, финансируемые за счет сбора налогов системы социального пенсионного обеспечения, которые в настоящее время доступны с различными структурными особенностями в 114 странах, гораздо более выгодны для женщин, хотя в некоторых случаях низкий уровень пособий вызывает озабоченность¹⁹¹. Вследствие этого

сочетание накопительных и ненакопительных пенсионных схем, может наилучшим образом гарантировать всеобщее пенсионное обеспечение при использовании таких гендерно-чувствительных механизмов, как внедрение социальных выплат в накопительные системы¹⁹². Подобные реформы должны дополняться политическими мерами, направленными на поддержку занятости женщин, такими как доступные услуги по уходу за детьми, отпуск по уходу за ребенком и меры по обеспечению равного распределения неоплачиваемого ухода и домашнего труда в семьях.

От размера выплат в рамках программ социальной защиты и условий их предоставления может значительно зависеть их эффективность с точки зрения сокращения масштабов нищеты. На рисунке 4.8 показано, что, хотя социальные выплаты необходимы для сокращения нищеты среди одиноких родителей во всех странах, их воздействие варьируется, например, в зависимости от размера пособий. Учтенные выплаты в большинстве случаев не предназначены специально для одиноких родителей. Тем не менее в некоторых странах — Дании, Финляндии, Ирландии и Соединенном Королевстве — риск нищеты среди одиноких родителей значительно снижается в результате подобных выплат, тогда как в других — Панаме, Парагвае, Перу и Республике Корея — их влияние ниже (и вообще отсутствует, как в случае Гватемалы).

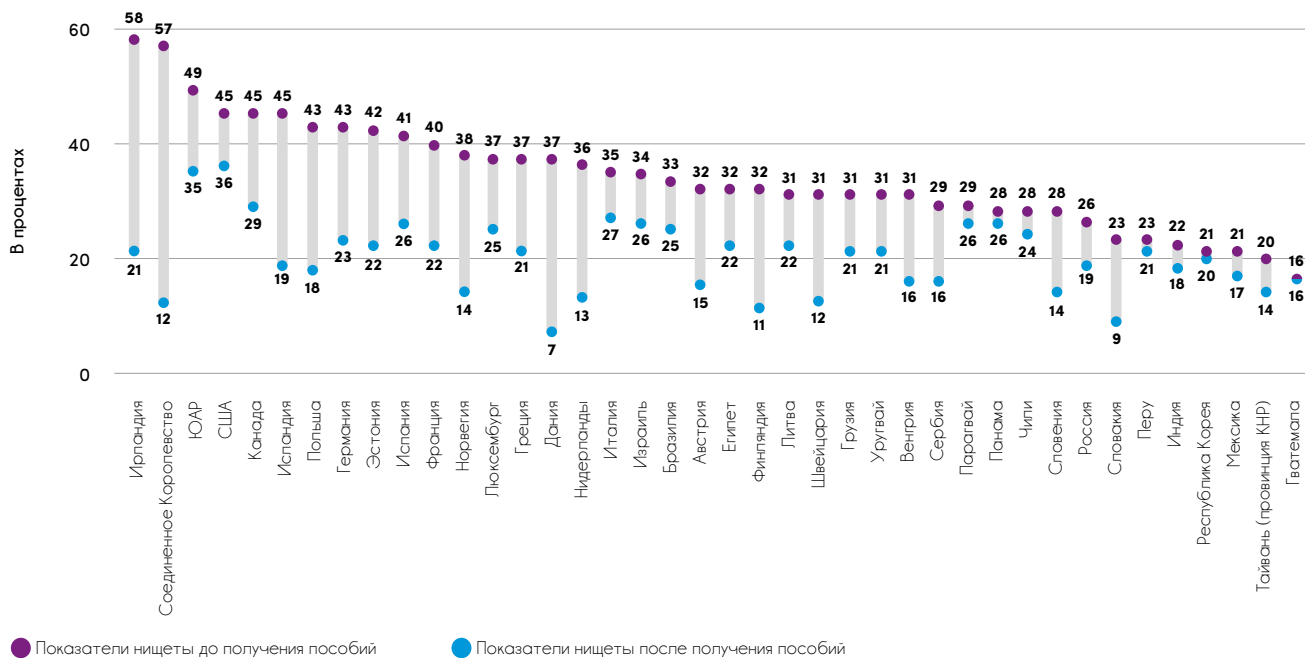
Пособие на ребенка для семей матерей-одиночек

Отцы, которые не живут со своими детьми, в большинстве стран юридически обязаны принимать финансовое участие в их содержании посредством частных переводов, обычно называемых алиментами или выплатами на содержание ребенка. Однако на практике получение средств от отдельно проживающего родителя может быть затруднено. Некоторые страны предпринимают попытки усилить механизмы обеспечения принудительного выполнения обязанностей по содержанию ребенка при помощи таких мер, как осуществление вычетов из заработной платы, приостановка действия водительских прав и даже заключение под стражу¹⁹³. Несмотря на то что такие меры основаны на важном принципе, согласно которому родительские обязанности сохраняются в условиях развода или раздельного проживания, они также связаны с усилиями по сокращению государственных социальных расходов¹⁹⁴, — например, так называемая схема «возмещения издержек» в США¹⁹⁵.

В скандинавских странах и в некоторых государствах Центральной Европы действует система «гарантированного содержания», в соответствии с

РИСУНОК 4.8

ПОКАЗАТЕЛИ НИЩЕТЫ СРЕДИ ОДИНОКИХ РОДИТЕЛЕЙ ДО И ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПОСОБИЙ, ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием данных LIS (разные годы).

Примечания: На основе последних наборов данных LIS, доступных по 40 странам. Данные получены около 2016 года (волна 10) по 9 странам, около 2013 года (волна 9) по 27 странам и около 2010 года (волна 8) по 4 странам. Домохозяйства с одним родителем включают все типы домохозяйств с одним родителем, в том числе домохозяйства, где проживают другие взрослые родственники и не связанные родством люди. Домохозяйства могут включать или не включать собственных детей. Показатели нищеты до получения пособия рассчитываются до вычета налогов и до получения пособия. После получения пособия бедными считаются домохозяйства, где располагаемый доход домохозяйства составляет менее 50% от медианного располагаемого дохода домохозяйств.

которой, если отдельно проживающий родитель не может или не хочет платить алименты на ребенка, выплаты производит государство¹⁹⁶. В основе этой системы лежит принцип, согласно которому каждый ребенок имеет право на должное содержание и что это право должно быть гарантировано государством¹⁹⁷. Такие гарантии, однако, не исключают попыток государства заставить отцов платить свою законную долю.

Последние данные свидетельствуют о неэффективности карательных мер. Заключение в тюрьму отдельно проживающих родителей в США, чаще всего отцов-афроамериканцев и латиноамериканцев с низким доходом, которые сами живут в нищете, исключает их из формального сектора экономики, уменьшает их экономические возможности после освобождения, а также «загоняет в подполье и отдаляет от семей»¹⁹⁸. В то же время, наиболее эффективной политикой для улучшения экономического благосостояния матерей-опекунов и их детей является выплата государственных пособий¹⁹⁹. В странах с высоким уровнем дохода, где

государство гарантирует содержание детей, уровень детской нищеты ниже²⁰⁰.

Для того чтобы претендовать на государственную помощь, одиноким матерям в некоторых случаях, вероятно, придется доказать невозможность получения алиментов от проживающего отдельно родителя/отца. Это условие представляет потенциальный риск для матерей-опекунов. Так, исследование среди одиноких матерей в странах Карибского бассейна выявило ряд причин, по которым женщины не хотят обращаться в суд для получения пособия на ребенка от своего бывшего партнера, включая время, энергию и другие ресурсы, необходимые для подачи заявления; неловкость; возможность преследования или насилия со стороны бывшего партнера; нерегулярность выплаты любых присужденных сумм и вероятность того, что размер присужденных алиментов на ребенка будет меньше, чем возможная государственная помощь²⁰¹.

Случай ЮАР показывает, что можно разработать системы социального обеспечения, которые

поддерживали бы матерей и детей в семьях с одним родителем. Во время реформ после апартеида одним из ключевых нововведений Комитета в Лунде, который осуществлял надзор за процессом пересмотра политики осуществления выплат на ребенка, была отмена требования о том, что женщины, обратившиеся за государственной поддержкой от имени своих детей, должны доказать факт обращения за частной поддержкой. В условиях, когда большое количество женщин воспитывают детей в одиночку, а многие мужчины не имеют работы или мало зарабатывают, было отмечено, что вместо того, чтобы «выбивать» деньги из очень бедных мужчин, лучше тратить ресурсы

на поддержку родителей-опекунов и детей²⁰². В конечном итоге правительство решило, что получение частных выплат на ребенка не лишает заявителя права на получение государственного пособия (см. вставку 4.6). Однако в этом случае сумма частной поддержки включается в доход заявителя при проверке нуждаемости для установления права на получение субсидии.

Несмотря на то, что государственная поддержка явно необходима для удовлетворения потребности семей матерей-одиночек в ресурсах, она, тем не менее, оставляет проблему уклонения отцов от выполнения семейных обязанностей нерешенной.

4.7 ВЫВОДЫ

Политическая повестка дня, основанная на принципе гендерного равенства и направленная на обеспечение гарантированного дохода для разных семей, осуществима. Такая повестка дня содействовала бы независимому доступу женщин к доходам, тем самым укрепляя их право голоса и свободу выбора на протяжении жизни.

Эффективный контроль женщин над ресурсами имеет значение с точки зрения их достоинства и прав, а также баланса сил в интимных и семейных отношениях. Тем не менее его эффективность в мобилизации изменений баланса сил в семье зависит от ряда факторов, в том числе от характера оплачиваемой работы, регулярности дохода и правил распределения ресурсов в домохозяйстве.

Несмотря на то что в некоторых регионах все больше женщин получают собственный доход, подобные результаты зависят от категории доходов и семейного статуса и положения женщины. Во многих случаях вступление в брак или союз, а также наличие детей младшего возраста уменьшают вероятность того, что женщины найдут свое место на рынке труда, а неизменный гендерный разрыв в оплате труда и «штраф за материнство» продолжают снижать их доходы. В случае, когда достижения женщин совпадают с ухудшающимися экономическими перспективами мужчин, гендерная динамика становится особенно сложной, обостряя риск разрыва отношений и усугубляя неспособность мужчин оказывать финансовую или иную поддержку детям.

Гарантированный доступ к активам и контроль над ними имеют крайне важное значение, особенно в качестве своеобразной «подушки безопасности» в случае прекращения отношений. Совместные права и режимы совместного имущества супругов имеют определенный потенциал для того, чтобы сделать процесс принятия решений в семье более равноправным и частично компенсировать женщинам время, которое они тратят на неоплачиваемый труд по уходу за членами семьи. Так или иначе, социальные нормы и практики меняются медленно даже при наличии политической воли к изменению действующее законодательство.

Риск нищеты среди женщин особенно повышается в период репродуктивного возраста, когда они пытаются совместить получение дохода и труд по уходу за детьми, особенно в ситуации прекращения отношений, лишаящей их активов и какой бы то ни было поддержки от партнеров. Полезным дополнением к заработку и активам женщин являются социальные пособия, равно как и столь необходимое реформирование норм, касающихся выплаты алиментов на ребенка.

В следующей главе особое внимание уделяется вопросу создания баланса между работой и семьей посредством оплачиваемого отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком и доступных услуг по уходу за детьми и пожилыми людьми, которые необходимы для повышения занятости женщин и обеспечения их экономической безопасности, а также для дополнения помощи членов семьи и друзей в выполнении неоплачиваемой работы по уходу.

Работницы рынка в Аккре открыли доступ к услугам по уходу за детьми

Дошкольный образовательный центр при крупнейшем рынке Ганы, пережив сложные экономические проблемы, предоставляет необходимую поддержку детям и женщинам.

Каждое утро тысячи женщин отправляются на рынок Макола, один из крупнейших торговых центров под открытым небом в Африке, расположенный посреди Аккры, столицы Ганы. Женщины не только приносят с собой товары; многие также приводят детей или приносят на спинах младенцев.

«Жизнь многих женщин по всей стране зависит от таких рынков», — рассказывает тетушка Мерси, возглавляющая Ассоциацию работников торговли Ганы (GATA), одну из крупнейших в стране организаций рыночных торговцев и предпринимателей. — «С точки зрения безопасности и чистоты, для маленьких детей условия на рынке не самые лучшие, но у матерей часто нет другого выбора, и они так или иначе вынуждены приводить детей, а это вызывает стресс и беспокойство».

Нихира и ее мать в детском саду при рынке Макола в Аккре.

Фото: ООН-женщины / Рут МакДауэлл

Во всем мире женщины выполняют в три раза больше неоплачиваемого домашнего труда, чем мужчины, в том числе большую часть труда по уходу за детьми¹. Качественные и доступные услуги по уходу за детьми для работающих родителей, особенно тех, кто работает неофициально, должны быть частью систем социальной защиты²: они позволяют женщинам увеличивать свой доход и стимулируют обеспечение гендерного равенства³.

«Детский сад работал без учета потребностей и мнения женщин рынка, и поэтому мы решили взять вопрос в свои руки».

Тем не менее в Гане, как и во многих других странах мира, такие услуги по поддержке работающих женщин просто отсутствуют, и поэтому многие женщины вынуждены полагаться на родственников и друзей или брать детей с собой на работу.

Пример женщин, работающих на рынке Макола, доказывает, что ситуацию можно изменить, если сами работницы организуют предоставление услуг по уходу за детьми.

Каждое утро перед тем, как начать работу, родители приводят 140 детей в детский сад при рынке Макола.

«Наша цель заключается в том, чтобы женщины могли сосредоточиться на своем бизнесе, зная, что забота об образовании, благополучии и здоровье их детей находится в надежных руках», — делится тетюшка Мерси, которая также является дипломированным учителем и руководителем детского сада.

Завуч Шелли Кворти в классе.

Фото: ООН-женщины / Рут МакДауэлл

Детский сад был открыт в 1983 году при поддержке первой леди Наны Конаду Аджиман Ролингс и первое время работал в качестве государственного учреждения под управлением канцелярии первой леди при взаимодействии с ассоциациями рыночных торговцев.

После смены правительства в 2001 году управление детским учреждением взяло на себя Городское собрание Аккры — орган государственной и исполнительной власти города. В этот период, по словам торговцев, организация деятельности сада, а также качество и доступность услуг по уходу за детьми резко ухудшились.

«Детский сад работал без учета потребностей и мнения женщин рынка, и поэтому мы решили взять вопрос в свои руки», — говорит тетя Мерси.

После этого детский сад перешел под управление ассоциации родителей и учителей, а представителей GATA в Совет управляющих родители выбирают путем голосования. Еду дети ежедневно приносят из дома.

Сад открывается в 6 часов утра и закрывается после того, как заберут последнего ребенка. Существует гибкая система оплаты с субсидиями и бесплатными местами для детей, чьи родители не могут позволить себе ежемесячный сбор.

Детский сад все еще сталкивается с серьезными проблемами, особенно в отношении заработной платы учителей. Раньше эти расходы покрывались за счет средств городского бюджета, теперь же все текущие расходы должны оплачивать родители. Стремление государства сократить государственные фонды заработной платы на 40%⁴ значительно осложняет подачу заявок на выплату заработной платы из бюджета Министерства образования.

«Мы хотели бы видеть такие общественные детские сады на каждом рынке по всей стране».

«Поскольку женщины, работающие на рынке Макола, доказали свою способность успешно управлять детским садом при рынке в условиях сложной экономической обстановки, это детское учреждение стало центральным звеном кампании по расширению доступа к услугам по уходу за детьми младшего возраста в Гане», — рассказывает Доркас Анса, координатор инициативы Focal Cities («Ключевые города») в Аккре, реализуемой организацией WIEGO, которая выступает в защиту прав женщин, работающих в неформальном секторе⁵.

Кампанию по обеспечению поддержки со стороны муниципалитета продолжают вести не только такие организации, как WIEGO, но и родители из детского сада при рынке Макола; в частности, они настаивают на том, чтобы планы по модернизации рынка включали ремонт детского сада.

«Мы хотели бы видеть такие общественные детские сады на каждом рынке по всей стране», — добавляет Анса. — «Женщины рынка Макола доказали, что это реально».

Каждое утро перед тем, как начать работу, родители могут привести своих детей в детский сад при рынке Макола.

Фото: ООН-женщины / Рут МакДауэлл

ЗАБОТЛИВЫЕ СЕМЬИ, ЗАБОТЛИВЫЕ ОБЩЕСТВА

5.1	ВВЕДЕНИЕ	142
5.2	ЗАБОТЛИВЫЕ СЕМЬИ? ИСТОРИЯ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ НЕРАВЕНСТВА	143
5.3	ЗАБОТА, ДЕМОГРАФИЯ СЕМЬИ И НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ	150
5.4	УХОД ЗА ДЕТЬМИ В РАЗНЫХ СЕМЬЯХ	155
5.5	КОГДА ПОТРЕБНОСТИ ДЕТЕЙ В УХОДЕ ОСТАЮТСЯ НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫМИ	158
5.6	ПОЛИТИКА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ В СЕМЬЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ	160
5.7	ДОЛГОСРОЧНЫЙ УХОД ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ: ПРАВО ЖЕНЩИН НА ЗАБОТУ	162
5.8	МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОЛГОСРОЧНОГО УХОДА	165
5.9	ИНВЕСТИЦИИ В ПРОГРАММЫ УХОДА: ВЫГОДЫ ДЛЯ СЕМЕЙ, ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ	167
5.10	ВЫВОДЫ	169

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

01

Семья традиционно считается одним из главных источников заботы и поддержки для своих членов. Однако в рамках семьи большая часть работы по уходу приходится на долю женщин.

02

По сравнению с мужчинами женщины во всем мире выполняют в три раза больше неоплачиваемой работы по дому и уходу за членами семьи. Проживание в сельской местности или в бедном домохозяйстве, наличие супруга и детей младшего возраста увеличивают нагрузку женщин.

03

Забота о членах семьи может приносить удовлетворение, если она основана на согласии и равноправии. Однако она может становиться инструментом давления и эксплуатации, создающим препятствия для реализации возможностей и прав тех, кто выполняет эту работу.

04

В странах с самыми высокими показателями рождаемости и зачастую самыми низкими доходами наблюдается наибольшая потребность в услугах по уходу за детьми, однако именно там наименее развиты сектора профессионального ухода и инфраструктура, которые позволили бы облегчить тяжелый домашний труд.

05

Потребности пожилых людей в уходе в странах с высоким уровнем дохода, где сконцентрирована основная масса стареющего населения, удовлетворяются лучше, хотя по-прежнему со значительными недочетами. В ближайшие десятилетия уход за пожилыми людьми станет наивысшим приоритетом и для стран с низким и средним уровнем дохода.

06

Являясь «общественным благом», работа по уходу должна иметь поддержку в виде денежных средств, времени и государственных услуг. Социальные пособия и оплачиваемые отпуска позволяют родителям посвящать время уходу за ребенком. Необходимы значительные государственные инвестиции в дошкольное образование и услуги по уходу за детьми младшего возраста, в организацию долгосрочного ухода за пожилыми людьми и лицами с ограниченными возможностями, а также в базовую инфраструктуру, облегчающую работу по уходу.

07

Такие инвестиции могут принести значительную выгоду, способствуя развитию человеческого потенциала детей, защите достоинства и прав пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями, а также созданию достойных рабочих мест в секторе ухода, где широко представлены женщины.

5.1 ВВЕДЕНИЕ

Семья — одна из важнейших сфер жизни, где люди получают и дарят заботу; она также служит источником любви и привязанности, благодаря которым люди получают воспитание и развивают чувство сопричастности. Именно в семьях молодые и старые, здоровые и больные, развивают те человеческие качества, которые лежат в основе динамичной экономики и инклюзивного общества.

Анализ, проведенный среди лиц, ответственных за осуществление ухода за членами семьи, выявил очевидную закономерность. В самых разных условиях основная ответственность за заботу о детях и взрослых по обыкновению возлагается на женщин, и это занятие считается типично женским. Зачастую эта часть жизни матери, жены или дочери даже не обсуждается. Назначение женщин на эту роль прочно укоренилось в обществе и сформировало социальные ожидания и конкретные практики, которые обычно трудно пересмотреть и изменить. Тот факт, что забота способствует формированию сильной эмоциональной привязанности, ставит тех, кто ее проявляет, в более слабое положение при достижении договоренностей с другими членами семьи о равной доле времени или ресурсов, поскольку обсуждение подобных вопросов подвергает риску тех, о ком они заботятся¹.

Забота о членах семьи может приносить удовлетворение, если она основана на согласии и равноправии. Однако она может становиться инструментом давления и эксплуатации, создающим препятствия для реализации возможностей и прав тех, кто выполняет эту работу. Как отмечает экономист Дайан Элсон, отстаивающая права женщин, тот факт, что большая часть неоплачиваемой работы по дому «делается из любви к членам семьи, не означает, что мы *всегда* рады ее делать»². Огромное значение имеют обстоятельства и условия, в которых люди заботятся друг о друге, а также поддержка, на которую они могут при этом рассчитывать.

В то время как семьи берут на себя центральную роль в обеспечении ухода, рынки, государственный сектор и некоммерческие организации также финансируют и/или предоставляют такие услуги, образуя связку из взаимозависимых мест обеспечения ухода (см. рисунок 5.1)³. Например, если происходит сокращение государственных служб здравоохранения или они начинают взимать плату с потребителей, необходимость в уходе не исчезает. Более обеспеченные семьи могут позволить себе рыночные услуги, однако те, кто не может платить из собственного кармана, оказываются вынуждены самостоятельно справляться с ситуацией, перенося

уход в домашние условия. Несмотря на то, что государство не может полностью взять на себя финансирование и предоставление всех форм поддержки, оно обязано обеспечить ее наличие, доступность и надлежащее качество для всех.

Часто предполагается, что семьи (и женщины в них) будут оказывать помощь своим членам независимо от социально-экономических условий и демографических изменений, которые делают уход в той или иной степени обременительным. При этом время женщин не бесконечно, а выбранные стратегии адаптации могут привести к непредвиденным результатам⁴. В случае острых проблем со здоровьем девочки могут пропускать школу из-за необходимости ходить за водой и ухаживать за прикованными к постели членами семьи. При уходе за пожилыми родственниками женщинам приходится сокращать свою доходную деятельность или отказываться от карьерного продвижения и обучения. И даже несмотря на это, люди, остро нуждающиеся в уходе, все равно могут не получить его в достаточном объеме.

Краткое содержание главы

В этой главе основное внимание уделяется семье как источнику заботы и ухода, а также рассматривается комплементарная роль других организаций в поддержке семей. В главе представлена структура и сложности ухода на базе семьи, а также его влияние на осуществление женщинами своих прав, в том числе права предоставлять и получать уход⁵. В первой части главы рассматриваются гендерные и другие виды неравенства в неоплачиваемой работе по дому и уходу за членами семьи, а также влияние глубоко укоренившихся социальных норм, социально-экономических и демографических факторов и государственной политики на ее организацию. В следующей части главы представлена ориентировочная информация о потребностях в уходе, при этом особое внимание уделяется семьям с детьми и уходу за пожилыми людьми. В разделе показано, как разные модели семей в разных условиях стремятся удовлетворить эти потребности (или не справляются с этой задачей) путем передачи функций осуществления заботы внутри семьи и между поколениями.

Наконец, признавая работу по уходу общественным благом, в главе приводятся аргументы в пользу увеличения государственных инвестиций в доступные, недорогие и качественные услуги и инфраструктуру, связанные с предоставлением ухода. В заключительном разделе утверждается, что такие инвестиции не только являются необходимым дополнением к услугам по уходу, которые оказывают

друг другу семьи и друзья, но также могут создать миллионы достойных рабочих мест в секторе ухода. Перераспределение труда по уходу в семьях и побуждение мужчин уделять первоочередное внимание уходу представляет собой непростую задачу даже в условиях социального обеспечения

с высоким уровнем дохода и развитой политикой поддержки сектора ухода. При этом перераспределение труда по уходу в семьях остается необходимым условием обеспечения существенного гендерного равенства и полного осуществления женщинами своих прав⁶.

5.2 ЗАБОТЛИВЫЕ СЕМЬИ? ИСТОРИЯ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ НЕРАВЕНСТВА

Понятие заботы включает в себя все виды деятельности, которые способствуют развитию внутреннего потенциала человека (то есть физического и психического здоровья, а также физических, когнитивных и эмоциональных навыков) посредством взаимодействия с проявляющим заботу лицом⁷. Помимо личного взаимодействия, также называемого непосредственным уходом, другие виды вспомогательной деятельности, такие как приготовление пищи или прочие формы неоплачиваемой работы по дому⁸, также отнимают значительное количество времени (см. вставку 5.1)⁹. Неоплачиваемая работа по дому и уходу осуществляется не только в отношении совместно проживающих членов семьи, но и в отношении

родственников и друзей, живущих в отдельных домохозяйствах.

Сохраняющееся гендерное неравенство в семьях

Часто считается, что женщины выполняют неоплачиваемую работу по дому и ухаживают за членами семьи в обмен на материальное обеспечение со стороны мужчин. В условиях, когда функция кормильца больше не является (а возможно, никогда и не была) исключительно мужской (см. главу 4), произошли ли в семьях соразмерные сдвиги в распределении между женщинами и мужчинами неоплачиваемых обязанностей, связанных с уходом за членами семьи и работой по дому?

ВСТАВКА 5.1 ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕОПЛАЧИВАЕМОГО ТРУДА ПО УХОДУ И РАБОТЫ ПО ДОМУ

Непосредственный уход предполагает личный и часто эмоциональный контакт, как в случае кормления ребенка или купания немощного пожилого человека. С другой стороны, домашняя работа (или работа по дому), например уборка и стирка, иногда называемая косвенным уходом, может практически не включать личное участие. Эти действия по обеспечению ухода могут отнимать значительное количество времени, особенно в странах с низким доходом и в сообществах, где требуется вручную доставлять воду и бытовое топливо. Работа по производству товаров домашнего потребления, в частности продуктов питания с огорода, дров или воды, хотя и не оплачивается, не является элементом неоплачиваемого труда по уходу; согласно Системе национальных счетов, такая работа относится к сфере производства, хотя редко измеряется или оценивается с высокой точностью (за исключением обследований использования времени). При этом неоплачиваемый труд по уходу и работа по дому прямо исключены из этой системы, вследствие чего, как правило, не попадают в экономический анализ¹⁰.

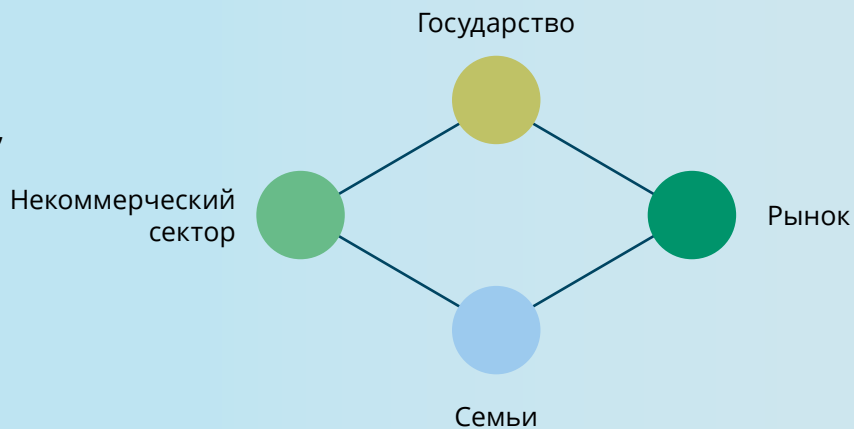
Обследования использования времени являются важным инструментом для измерения временных затрат на уход за детьми, а также взрослыми, которые нуждаются в помощи из-за старения или инвалидности (долгосрочный уход). Во многих обследованиях респонденты сообщают, сколько минут рабочего дня (или дней) они потратили на неоплачиваемый уход и работу по дому, а также с кем и где они находились при оказании непосредственного ухода. Тем не менее обследования использования времени часто не охватывают обязанности по присмотру или дежурство по вызову, то есть то время, когда осуществляющий уход человек отвечает за своего подопечного, но не осуществляет в отношении него каких-либо действий. Фактически анализ обследований использования времени, которые охватывают такие обязанности по присмотру, показывает, что они занимают достаточно много времени, особенно для женщин¹¹. Так, в США то время, которое женщины уделяют присмотру за детьми, в 2–5 раз превышает время, затрачиваемое на непосредственный уход¹². Авторы исследований в области долгосрочного ухода также отмечают тот факт, что члены семьи склонны недооценивать время, уделяемое присмотру¹³.

ПОИСК БАЛАНСА В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО УХОДУ

ИДЕАЛ

В идеале предоставление ухода распределено между различными учреждениями, даже если основную роль в обеспечении ухода играет семья.

В рамках домохозяйства мужчины и женщины разделяют обязанности по уходу.

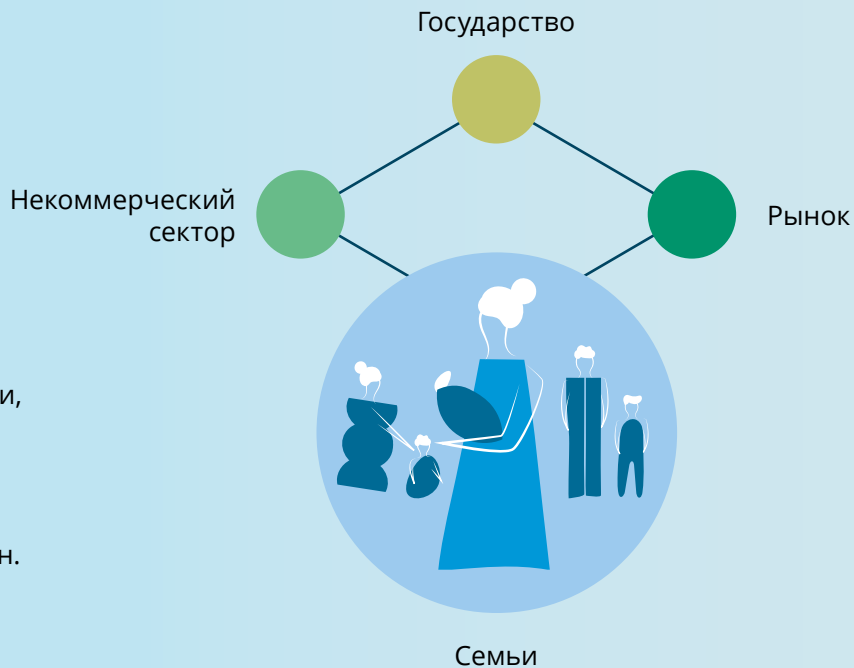

РЕАЛЬНОСТЬ

В реальности предоставление услуг по уходу не распределено между четырьмя поставщиками.

Семьи, особенно бедные, компенсируют нехватку помощи, принимая на себя основную часть работы по уходу.

В рамках семьи львиная доля нагрузки приходится на женщин.

Источник: Razavi 2007; Duffy and Armenia (готовится к публикации).

*Исключением среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна является Уругвай, где на 1000 жителей приходится почти 40 работников по уходу.

ПРОБЛЕМА

В большинстве развивающихся стран численность работников сектора ухода (в государственных, коммерческих и некоммерческих учреждениях) слишком мала и не соответствует растущим потребностям в уходе.

Число работников по уходу на 1000 жителей

РЕШЕНИЕ

Что можно сделать на государственном уровне для более равномерного распределения обязанностей по уходу между женщинами и мужчинами, а также между семьями и обществом?

Предоставление универсальных отпусков по уходу за ребенком для матерей и отцов

Инвестиции в сектор услуг по уходу за детьми, пожилыми людьми и лицами с ограниченными возможностями

Поощрение равного распределения неоплачиваемой работы по уходу, например, с помощью «отцовских квот»

Приоритизация инвестиций в инфраструктуру для облегчения бремени неоплачиваемой работы по дому и уходу за членами семьи

Включение в статистику неоплачиваемой работы по дому и труда по уходу за членами семьи и использование полученных данных при разработке политики

Обеспечение достойных условий труда для работников по уходу

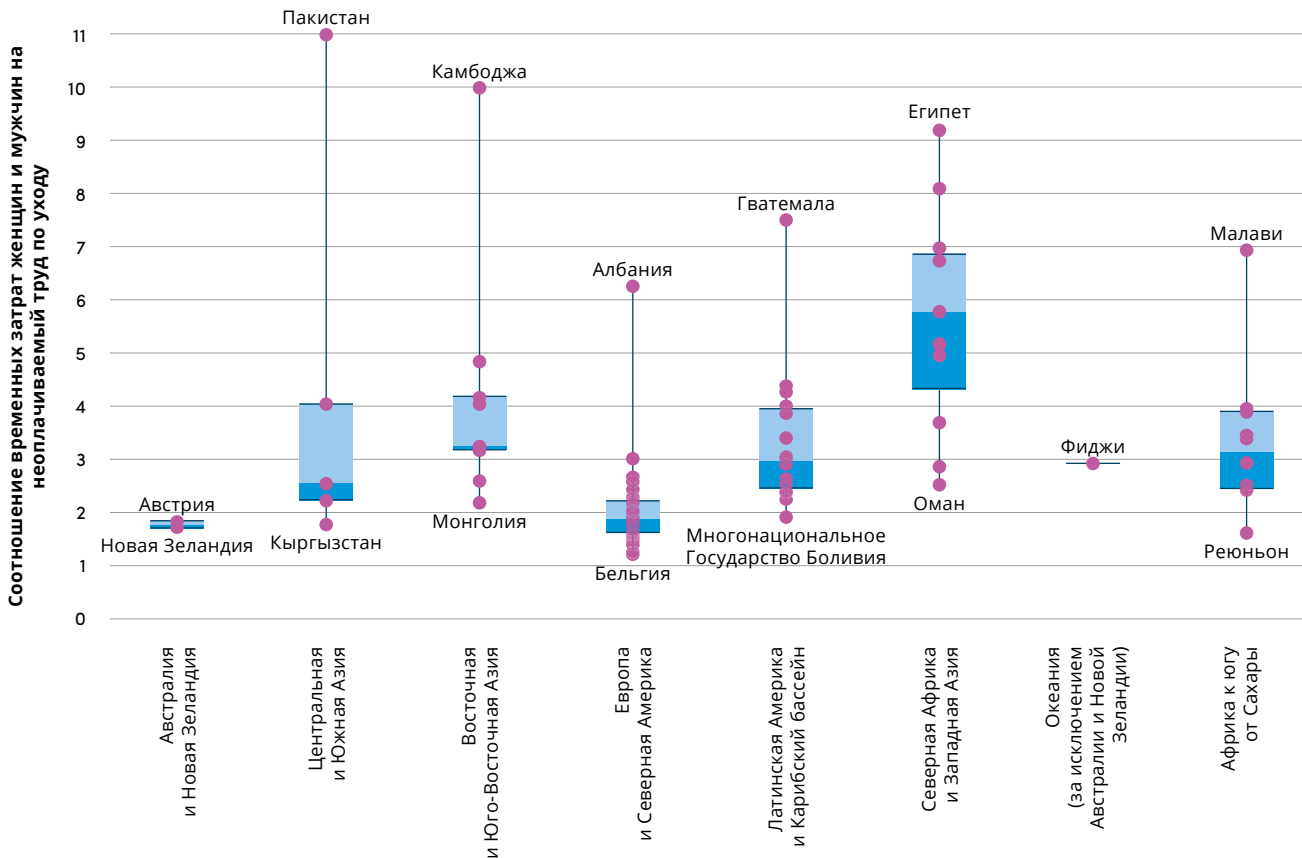
В любой точке мира обследования использования времени показывают, что при совмещении оплачиваемого и неоплачиваемого труда женщины работают в целом дольше мужчин¹⁴. Во всем мире женщины выполняют в три раза больше неоплачиваемой работы по дому и уходу за членами семьи, чем мужчины, при этом степень гендерного неравенства различается между странами и особенно заметна в развивающихся странах¹⁵. Гендерный разрыв в неоплачиваемой работе по дому и уходу за членами семьи наиболее велик в регионе Северной Африки и Западной Азии, где соотношение между медианным показателем времени, затрачиваемого на такую работу женщинами и мужчинами, практически равно 6 (см. рисунок 5.2). Гендерное неравенство

не исчезает в странах с высоким уровнем дохода, однако там оно выражено не столь ярко¹⁶. Чем объясняется относительно меньший гендерный разрыв в неоплачиваемой работе по дому и уходу за членами семьи в странах с высоким уровнем дохода? Вставка 5.2 отвечает на этот вопрос: объем рутинной домашней работы уменьшается, однако гендерное разделение работы по уходу с трудом поддается пересмотру¹⁷.

Интересным представляется вопрос, является ли разделение неоплачиваемого труда по уходу и работы по дому среди однополых пар более равным, чем среди разнополых пар с учетом того, что у них в отличие от гетеросексуальных пар нет устоявшегося «гендерного сценария».

РИСУНОК 5.2

СООТНОШЕНИЕ ВРЕМЕНИ, ЗАТРАЧИВАЕМОГО ЖЕНЩИНАМИ И МУЖЧИНАМИ НА НЕОПЛАЧИВАЕМЫЙ ТРУД ПО УХОДУ И РАБОТУ ПО ДОМУ, В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ (ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД)

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных UNSD 2018.

Примечания: Используются последние доступные данные для 88 стран и территорий (за период с 2001 по 2017 год). Возрастная группа 15 лет и старше, если имеются такие данные (18 лет и старше в Гане). В ряде случаев данные относятся к лицам в возрасте 10 лет и старше или 12 лет и старше. В случае Таиланда (2015 год) данные представлены по лицам в возрасте 6 лет и старше, а в случае Объединенной Республики Танзания (2014 год) — по лицам в возрасте 5 лет и старше. Данные по Болгарии, Дании, Латвии, Нидерландам, Словении и Испании отражают время, затрачиваемое на неоплачиваемый труд по уходу только лицами в возрасте от 20 до 74 лет. В квадрате представлены средние 50% стран с точки зрения соотношения времени, затраченного на неоплачиваемый уход и работу по дому женщинами и мужчинами. Линия под квадратом обозначает диапазон нижних 25% стран с указанием страны с наименьшим показателем. Линия над квадратом обозначает диапазон верхних 25% стран с указанием страны с наибольшим показателем. Синие и голубые участки на рисунке отражают диапазон средних 50% стран, разделенных на два квартили (второй и третий соответственно). В случае Катара в анализе рассматриваются только городские районы. К различиям между странами следует относиться с осторожностью, учитывая разницу в определениях, методологии и охвате выборки по обследованиям/странам. Более подробная информация о страновых данных доступна в UNSD 2018.

Данных систематических обследований в целом недостаточно, чтобы обеспечить проведение надлежащего исследования, однако некоторые страны, в частности Австралия, приступают к его осуществлению. В 2016 году в Австралии отмечалось более справедливое распределение объема неоплачиваемой работы по дому,

включая приготовление пищи, стирку и садовые работы, среди однополых пар по сравнению с разнополыми парами: 57% женских пар и 56% мужских пар выполняли примерно равный объем неоплачиваемой домашней работы. При этом в гетеросексуальных парах такой труд делился поровну значительно реже, в 39% пар¹⁸.

ВСТАВКА 5.2 СОКРАТИЛСЯ ЛИ В СТРАНАХ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ДОХОДА ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ В ОБЪЕМЕ НЕОПЛАЧИВАЕМОЙ РАБОТЫ ПО ДОМУ И УХОДУ?

Наряду с ростом участия женщин в рабочей силе (и небольшим сокращением экономической активности мужчин) в странах с высоким уровнем дохода сократился гендерный разрыв в объеме неоплачиваемого труда по уходу и работы по дому. Однако чем же объясняются эти относительно небольшие гендерные различия? Анализ данных о тенденциях, наблюдавшихся в последние 40 лет, дает почву для ряда интересных заключений.

Во-первых, нельзя сказать, что мужчины выполняют справедливую долю работы. Несмотря на то, что участие мужчин в неоплачиваемом труде постепенно растет, они по-прежнему тратят сравнительно мало времени на рутинную работу по дому, посвящая уходу за детьми гораздо меньше времени, чем женщины (хотя уделяемое мужчинами время увеличивается) и в контексте неоплачиваемой работы по дому концентрируются на менее рутинных делах, таких как покупки и ремонт¹⁹. Сохраняющаяся гендерная сегрегация в сфере неоплачиваемой работы по дому и уходу указывает на трудности изменения основополагающих социальных норм, связанных с гендерными ролями (работа по гендерной проблематике)²⁰.

Второй вывод, который имеет отношение и к странам с низким уровнем дохода, заключается в том, что сокращение выполняемой женщинами неоплачиваемой работы по дому и уходу обусловлено главным образом уменьшением объема повседневной работы по дому, что стало возможным благодаря использованию современной бытовой техники и/или передаче такой работы оплачиваемому домашнему персоналу. Важно отметить, что время, выделяемое на уход за детьми, колебалось на протяжении последних четырех десятилетий и в некоторой степени увеличивалось, особенно в части интерактивного взаимодействия (например, игра с детьми или чтение ребенку)²¹. Судя по всему, несмотря на рост участия женщин в рабочей силе с 1960-х годов, сегодня родители уделяют больше времени уходу за ребенком, чем 40 лет назад; они делают это, сохраняя количество времени, проводимого с детьми, и сокращая время, затрачиваемое на досуг, личные дела и сон²². Исследования также указывают на положительную зависимость между образованием родителей и доходом, с одной стороны, и временем, затрачиваемым на уход за детьми, с другой²³. Однако существует вероятность, что растущее беспокойство по поводу количества проводимого с детьми времени заставляет матерей, особенно с более высоким уровнем образования и дохода, подробнее рассказывать о своей деятельности по уходу за детьми²⁴.

В-третьих, оплачиваемая работа женщин влияет на распределение неоплачиваемого домашнего труда между женщинами и мужчинами не так однозначно, как предполагают модели достижения договоренностей в рамках домохозяйств (см. главу 1). Данные по Австралии и США показывают, что женщины сокращают объем работы по дому по мере роста заработка, что соответствует прогнозам, сделанным на основе этих моделей²⁵. Однако, хотя женщины и используют собственный доход для укрепления своей переговорной позиции и сокращения объема неоплачиваемого труда, они либо не могут, либо «не пытаются использовать этот аргумент для увеличения объема домашней работы, выполняемой мужьями»²⁶. Вместо этого они либо высвобождают себе время за счет оплаченных услуг, отдавая часть работы по дому другим женщинам, либо оставляют ее невыполненной. Даже когда женщины и мужчины заняты полный рабочий день и вносят одинаковый вклад в семейный доход, женщины по-прежнему выполняют большую долю неоплачиваемой работы по дому и уходу, чем мужчины. Сила социальных норм особенно бросается в глаза, когда потенциальный доход женщины превышает доход ее супруга: имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в подобных случаях женщины по-прежнему склонны выполнять больше работы по дому, чем их мужья, словно пытаясь «компенсировать» свою финансовую независимость от мужей²⁷.

Неравенство среди женщин: осуществление ухода в разных семьях

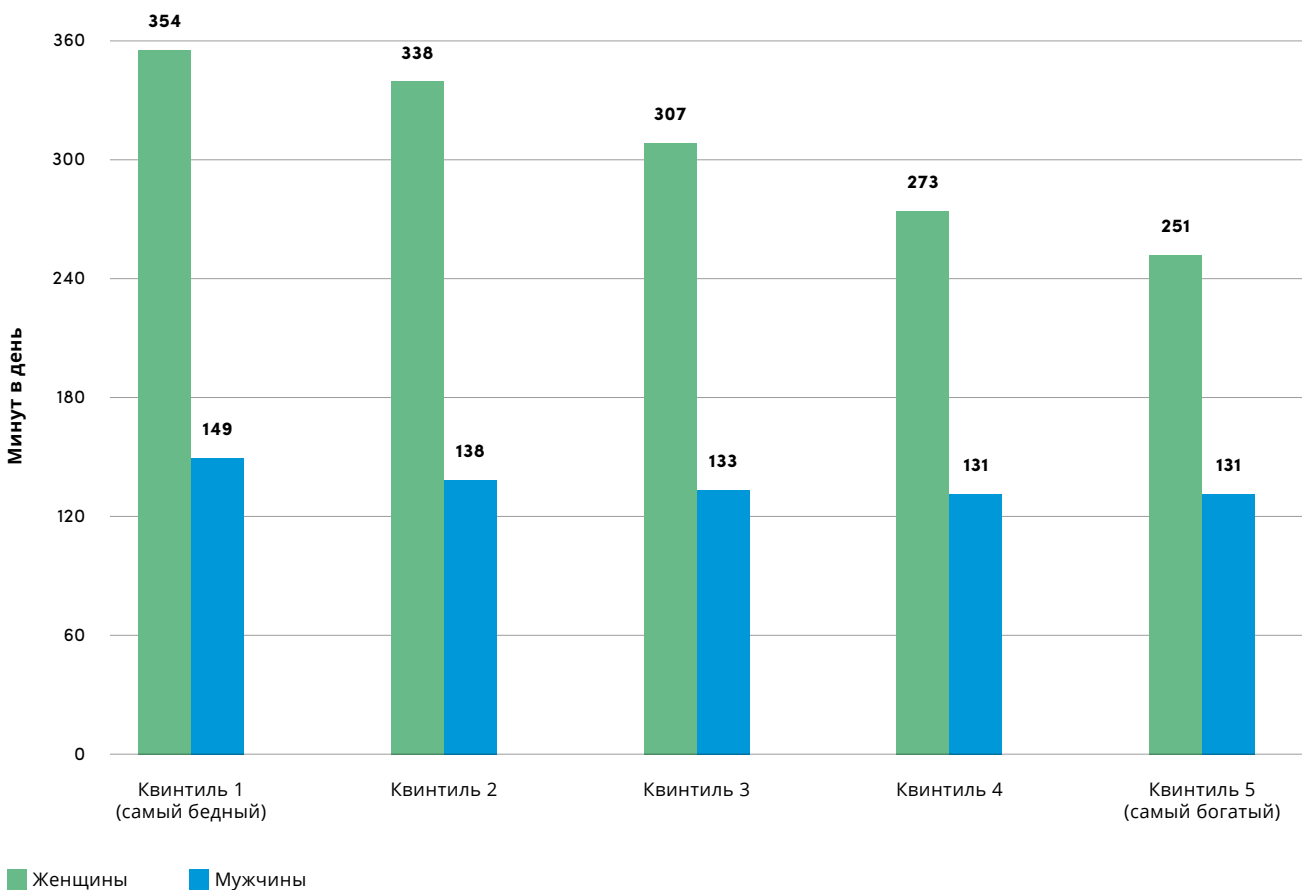
Усредненные значения, описанные в предыдущем разделе, маскируют неравенство среди женщин (и мужчин). Например, проживание в сельской местности, как правило, увеличивает время, которое женщины тратят на неоплачиваемую домашнюю работу²⁸. Это неудивительно, учитывая в целом более низкую доступность базовой инфраструктуры, такой как водопроводная вода и трудосберегающие технологии, хотя инфраструктура и отсутствие услуг в перенаселенных городских трущобах могут быть не менее пугающими²⁹. Так, по оценкам, лишь 71% населения мира имеет свободный доступ к безопасной питьевой воде³⁰. Данные обследований в 61 стране демонстрируют, что в 80% домохозяйств, где нет водопровода, обязанность по сбору воды лежит на женщинах и девочках³¹.

Благосостояние или уровень дохода домохозяйств также могут иметь значение, поскольку более бедные женщины (но не мужчины) компенсируют услуги, которые не могут себе позволить, увеличивая неоплачиваемые затраты собственного времени. В странах Латинской Америки, где экономическое неравенство по мировым меркам относительно велико, женщины из группы с самым низким доходом (квintиль 1) тратят значительно больше времени на неоплачиваемый домашний труд, чем женщины из верхнего квintиля (квintиль 5), как показано на рисунке 5.3. Кроме того, поражает и неизменно низкое участие мужчин в неоплачиваемой работе по дому вне зависимости от уровня дохода их домохозяйств.

Аналогичная картина неравенства преобладает и в странах с высоким уровнем дохода, хотя уровень гендерного неравенства в группах по уровню дохода и классового неравенства среди женщин намного

РИСУНОК 5.3

НЕВЗВЕШЕННОЕ СРЕДНЕЕ ВРЕМЯ, РАСХОДУЕМОЕ НА НЕОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОМАШНИЙ ТРУД, В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И КВИНТИЛЮ ДОХОДА (НЕКОТОРЫЕ СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД)

Источник: CEPAL 2018.

Примечание: Невзвешенное среднее значение основано на последних доступных данных для выборки из 11 стран при одинаковом относительном значении для каждой страны: Аргентина (2013), Бразилия (2012), Чили (2015), Колумбия (2012), Эквадор (2012), Сальвадор (2010), Гватемала (2011), Гондурас (2009), Мексика (2014), Перу (2010) и Уругвай (2013).

ниже, чем в странах Латинской Америки. Анализ данных по пяти странам показал, что женщины в беднейшем квинтиле в среднем тратят 263 минуты в день на неоплачиваемый домашний труд, в то время как женщины в самом богатом квинтиле уделяют такой работе 231 минуту³².

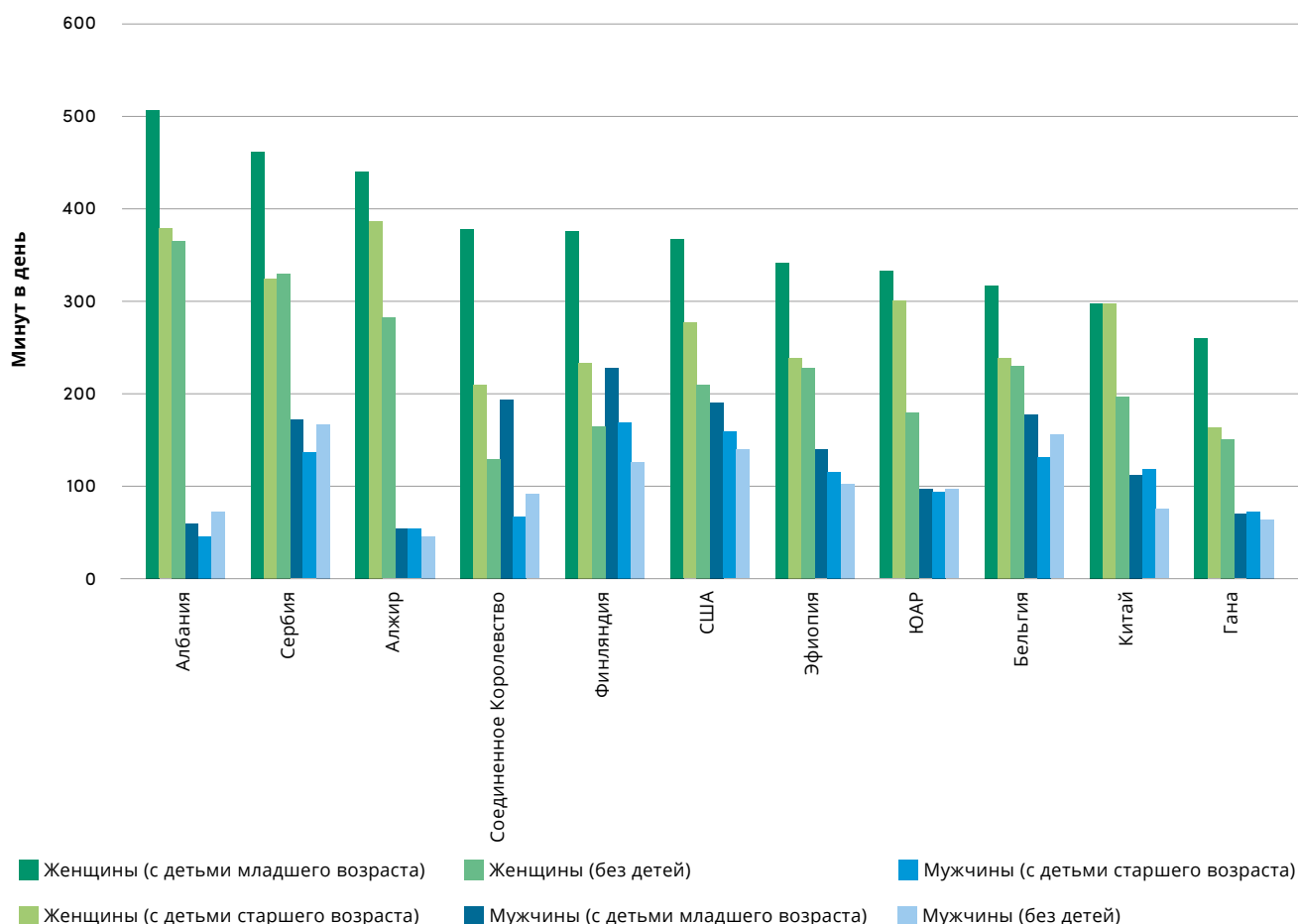
Семейное положение и наличие в домохозяйстве детей младшего возраста являются важными факторами, влияющими на время, которое женщины уделяют неоплачиваемому труду по уходу за членами семьи и работе по дому³³. Например, в Алжире и Тунисе замужние женщины выполняют в два раза больше такой работы, чем одинокие женщины, а в Турции — почти в три раза больше³⁴. Что же касается наличия детей младшего возраста, исследование использования времени в семи странах — Аргентине (Буэнос-Айрес), Индии, Японии, Никарагуа, Республике Корея, ЮАР и

Объединенной Республике Танзания — выявило, что неоплачиваемый труд женщин по уходу за членами семьи был более интенсивным в домохозяйствах с маленькими детьми, при этом объем работы уменьшался по мере роста младшего ребенка³⁵. Аналогичная тенденция прослеживается во многих других странах, что иллюстрирует рисунок 5.4. Опять же, присутствие детей младшего возраста в большей степени сказывается на распределении времени женщин (в сравнении с мужчинами).

Женщины являются основными поставщиками услуг по обеспечению долгосрочного ухода за стареющими супругами и партнерами, а также за собственными родителями и родителями супруги/а, которые могут проживать отдельно (см. раздел 5.7). Исследования показывают, что в Европе мужчины берут на себя сравнительно более значительную часть неоплачиваемого труда по уходу за пожилыми

РИСУНОК 5.4

ВРЕМЯ, РАСХОДУЕМОЕ НА НЕОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОМАШНИЙ ТРУД, В РАЗБИВКЕ ПО НАЛИЧИЮ ДЕТЕЙ В ДОМОХОЗЯЙСТВЕ (НЕКОТОРЫЕ СТРАНЫ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД)

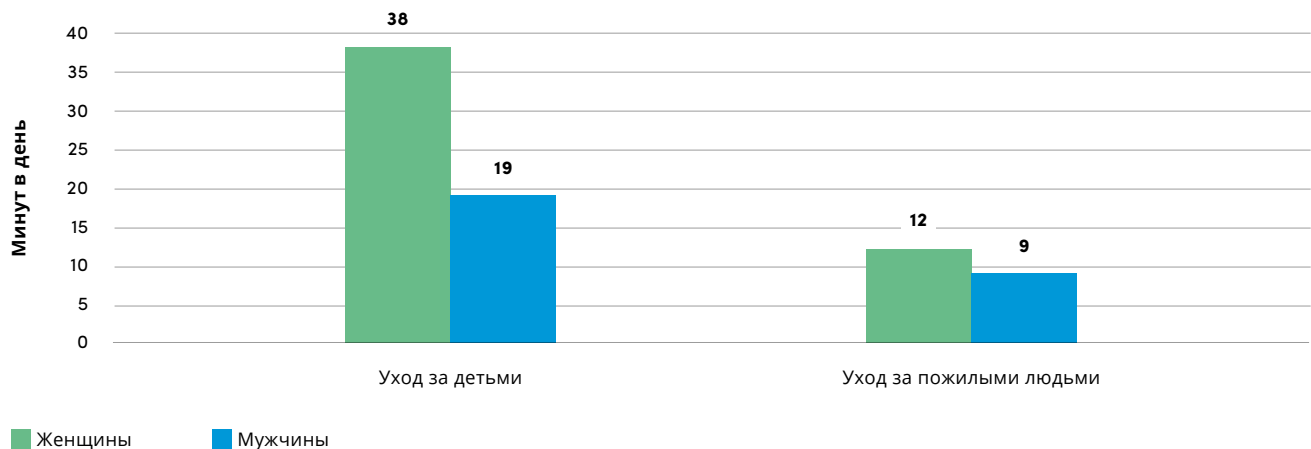

Источник: ILO 2018a.

Примечания: Использовались данные по 11 странам, где обследования использования времени проводились в период с 2008 по 2016 год: Албания (2010–2011), Алжир (2012), Бельгия (2013), Китай (2008), Эфиопия (2013), Гана (2009), Финляндия (2009), Сербия (2010–2011), ЮАР (2010), Соединенное Королевство (2015) и США (2016). Возрастная группа: 15 лет и старше. Обозначение «дети младшего возраста» относится к наличию в домохозяйстве детей в возрасте 0–4 лет, а «дети старшего возраста» относится к наличию детей в возрасте 11–17 лет.

РИСУНОК 5.5

ВРЕМЯ, РАСХОДУЕМОЕ НА НЕОПЛАЧИВАЕМЫЙ ТРУД ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ И ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ (В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ, США, 2017 ГОД)

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных Bureau of Labor Statistics 2017.

Примечания: Выборка ограничена лицами в возрасте 18 лет и старше. Оценки взвешены с использованием весов, установленных для целей обследования в соответствии с данными, предоставленными Статистическим управлением Министерства труда США. Неоплачиваемый труд по уходу за ребенком определяется как совокупность следующих действий: уход за проживающими в домохозяйстве и за его пределами детьми и помощь им, а также поездки, связанные с осуществлением ухода за детьми. Неоплачиваемый труд по уходу за пожилыми людьми определяется как совокупность времени, затраченного на действия по уходу за проживающими в домохозяйстве и за его пределами пожилыми людьми и помощь им, а также поездки, предпринятые с целью помощи пожилым людям.

членами семьи (или друзьями), чем по уходу за детьми, хотя большая часть работы по-прежнему ложится на плечи женщин³⁶. Схожая ситуация наблюдается в США: при том что по сравнению с мужчинами женщины посвящают больше времени уходу за детьми и за пожилыми людьми, гендерное разделение труда по уходу за пожилыми людьми представляется более равным, чем по уходу за детьми (см. рисунок 5.5).

Менее значительные проявления гендерного неравенства при распределении труда по уходу за пожилыми людьми в США отражает тот факт, что здесь такой труд часто подразумевает большую долю косвенного ухода (например, финансовую помощь

или ремонт по дому), в то время как нуждающиеся в непосредственном уходе пожилые люди с серьезными или хроническими заболеваниями, как правило, проживают в больницах или домах престарелых, при этом большая часть ухода за ними переходит от семьи к компаниям государственного, частного и некоммерческого секторов. Кроме того, анализ видов деятельности в рамках обследования использования времени в США побуждает респондентов к более широкому осмыслению поддержки пожилых людей, не проживающих с ними в одном домохозяйстве, в первую очередь с точки зрения управленческих аспектов (деятельность, которая часто выполняется мужчинами и привычна им), а не только непосредственного ухода³⁷.

5.3 ЗАБОТА, ДЕМОГРАФИЯ СЕМЬИ И НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

В последние годы по мере снижения рождаемости (см. главу 2) страхи перед демографическим взрывом и его последствиями в виде мирового голода, по-видимому, сменились апокалиптическими взглядами на кризис старения и его предполагаемую связь с экономическим спадом³⁸. Помимо того, что подобные представления основаны на сомнительных причинно-следственных связях, они зачастую не учитывают очень серьезные последствия демографической динамики для сферы ухода. Как молодое, так и стареющее население поднимает

важные вопросы о существующих платных и бесплатных системах ухода, особенно актуальных для тех, чьи скудные доходы, сбережения и пенсии не позволяют получить доступ к рыночным услугам по уходу. На основе показателя доли нуждающихся в уходе (см. вставку 5.3) в настоящем разделе показано, что в странах с низким доходом и среди семей с низким доходом потребность в уходе значительно превышает предложение подобных услуг, что создает непропорциональную нагрузку на неоплачиваемых поставщиков услуг по уходу из числа членов семьи.

ВСТАВКА 5.3 ЧТО ТАКОЕ ДОЛЯ НУЖДАЮЩИХСЯ В УХОДЕ?

Доля нуждающихся в уходе представляет собой соотношение числа людей, которым с наибольшей вероятностью потребуется уход, и числа потенциальных работников по уходу (без учета оплачиваемого персонала по уходу)³⁹. Как и стандартные коэффициенты демографической нагрузки, этот показатель рассчитывается по возрастным группам и тем самым является отражением возрастной структуры населения. Таким образом, в странах с низким уровнем дохода и очень высоким общим уровнем рождаемости данный показатель, как правило, достаточно высокий из-за большого числа детей, нуждающихся в уходе, но даже в странах с высоким уровнем дохода и гораздо более низким общим уровнем рождаемости доля нуждающихся в уходе может быть высокой в результате старения населения. Используемый в настоящем докладе агрегированный показатель включает два отдельных компонента: уход за детьми младшего возраста (0–5 лет) и уход за пожилыми людьми. Однако в отличие от стандартных коэффициентов демографической нагрузки возраст пожилых людей, нуждающихся в уходе, а следовательно, и возраст потенциальных поставщиков услуг не являются фиксированными для всех стран. Чтобы учесть неоднородность ожидаемой продолжительности жизни в разных странах, в расчетах используется показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни в возрасте 60 лет в конкретной стране (более подробная информация представлена в Статистическом примечании). Разделенный на компоненты и выраженный в процентах показатель доли нуждающихся в уходе отражает количество нуждающихся в уходе лиц на каждые 100 потенциальных взрослых поставщиков услуг по уходу.

Общее представление о потребностях в уходе

На рисунке 5.6 представлена доля детей младшего возраста (0–5 лет), нуждающихся в уходе, в разбивке по регионам и уровню дохода страны (низкий, средний и высокий). Демографический вес детей младшего возраста ниже всего в высокодоходных странах Европы и Северной Америки (9,2%), чего и следовало ожидать исходя из показателя рождаемости в этих странах (см. главу 2)⁴⁰. В странах Восточной и Юго-Восточной Азии (11,0%), Австралии и Новой Зеландии (10,6%) наблюдается схожая демографическая ситуация: один ребенок 0–5 лет на каждые 10 потенциальных поставщиков услуг по уходу.

При этом тройку регионов с самым высоким средним уровнем рождаемости и, следовательно, с самой высокой долей нуждающихся в уходе, составляют страны Африки к югу от Сахары (35,7%), Океания (за исключением Австралии и Новой Зеландии) (24,9%), а также Северная Африка и Западная Азия (20,7%). Далее следует Центральная и Южная Азия (17,7%), а также страны Латинской Америки и Карибского бассейна (14,5%), где уровень рождаемости примерно равен уровню воспроизводства.

В разбивке по уровню дохода стран показатель доли нуждающихся в уходе детей 0–5 лет колеблется от 6,6% в странах с высоким уровнем дохода (Республика Корея) до 50,3% (Республика Нигер) в странах с низким уровнем дохода. Наивысшая степень неоднородности наблюдается в низкодоходных странах, где отмечается наиболее широкий разброс значений (см. рисунок 5.6). Снижение рождаемости, наблюдаемое во многих развивающихся регионах, скорее всего, приведет к

снижению демографического веса детей в возрасте 0–5 лет в последующие годы. В данных условиях прогнозируется сокращение глобальной доли нуждающихся в уходе для детей в возрасте 0–5 лет с 15,9% в 2015 году до 13,6% к 2030 году.

Однако меньшее число детей вряд ли приведет к пропорциональному снижению объемов неоплачиваемой домашней работы для женщин. Например, в сфере ухода действуют принципы экономии за счет масштабов, в силу чего уменьшение количества детей может привести к некоторому сокращению неоплачиваемого труда по уходу, но не даст соразмерных результатов. Ежедневные дела, такие как купание, кормление и присмотр за детьми, сохраняются вне зависимости от количества детей в доме. Более того, дети старшего возраста часто помогают выполнять неоплачиваемую работу по дому, занимаются с младшими и развлекают их, что также свидетельствует о том, что сокращение объема неоплачиваемого труда по уходу вряд ли будет пропорциональным.

Внутри стран нагрузка по уходу за детьми наиболее велика в малоимущих домохозяйствах, поскольку у более бедных женщин обычно больше детей, чем у более состоятельных. Например, в 35 странах Африки к югу от Сахары женщины репродуктивного возраста (15–49 лет) из наиболее бедного квинтиля имеют в среднем на 1,0 (ЮАР) и 4,5 (Ангола) больше детей, чем женщины из наиболее богатого квинтиля⁴¹. Аналогичная картина наблюдается и в других странах, по которым имеются данные. Мало того, что в наиболее богатых домохозяйствах число детей по отношению к числу поставщиков услуг

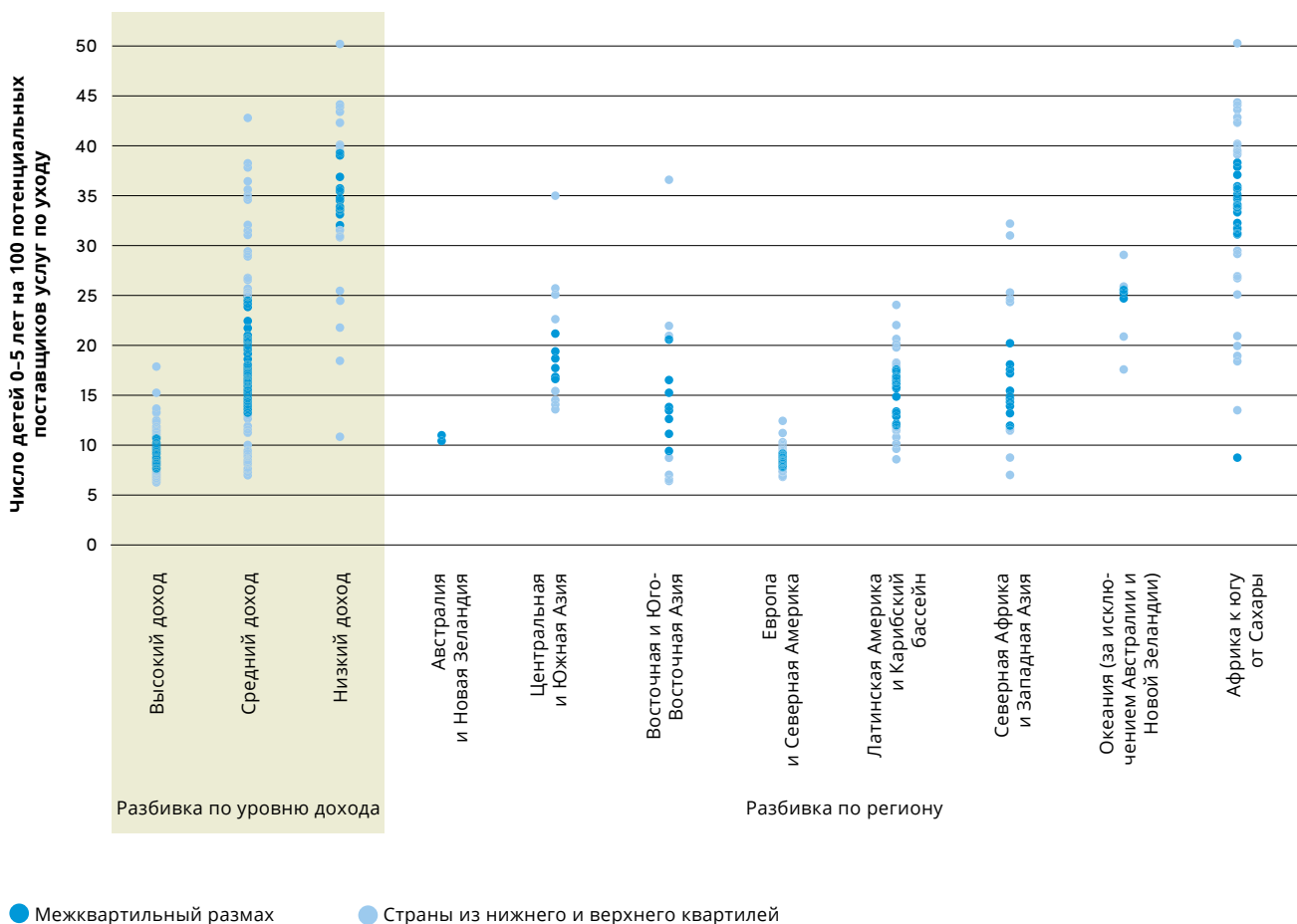
по уходу обычно меньше, такие домохозяйства чаще имеют лучший доступ к инфраструктуре, позволяющей экономить время. Так, в Многонациональном Государстве Боливия только в 38% наиболее бедных домохозяйств есть вода в доме (водопровод), в то время как среди наиболее богатых эта цифра достигает 99%⁴².

Потребности пожилых людей в уходе

Потребности в уходе у детей и у людей старшего возраста существенно различаются: потребности детей в уходе высоки, но достаточно предсказуемы, тогда как потребности пожилых людей в среднем ниже, но намного более разнообразны и непредсказуемы, что может стать причиной дополнительных трудностей для обеспечивающих неоплачиваемый уход лиц. Итак, какова востребованность ухода за пожилыми людьми в разных регионах и группах доходов?

При анализе доли нуждающихся в уходе пожилых людей, которая в большинстве стран значительно ниже показателя для детей младшего возраста в большинстве стран, выявляется точный обратный порядок регионов. В 2015 году во всем мире на каждые 100 потенциальных поставщиков услуг по уходу приходилось 4 пожилых человека (4,2%)⁴³. По прогнозам, это соотношение незначительно вырастет до 4,9% к 2030 году. Самая высокая доля пожилых людей, нуждающихся в уходе, отмечается в Европе и Северной Америке (7,8%), Австралии и Новой Зеландии (5,3%) и Восточной и Юго-Восточной Азии (4,0%), где высока доля долгосрочного ухода (см. рисунок 5.7). Далее следуют Латинская Америка и Карибский бассейн (3,6%), Центральная и Южная Азия (3,4%) и Северная Африка и Западная Азия (3,0%) — регионы, где в нескольких странах наблюдается увеличение темпов старения населения. Между тем, наиболее

РИСУНОК 5.6 ДОЛЯ НУЖДАЮЩИХСЯ В УХОДЕ, ДЕТИ 0-5 ЛЕТ (В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ И ГРУППЕ ДОХОДА, 2015 ГОД)

Источник: ILO 2018a. Таблица A.2.3.

Примечания: На основании выборки из 183 стран. В левой части рисунка использована классификация Всемирного банка по странам с низким, средним и высоким уровнями доходов. Более подробная информация об использованной методологии представлена в Статистическом примечании, а страновые данные представлены в Приложении I.

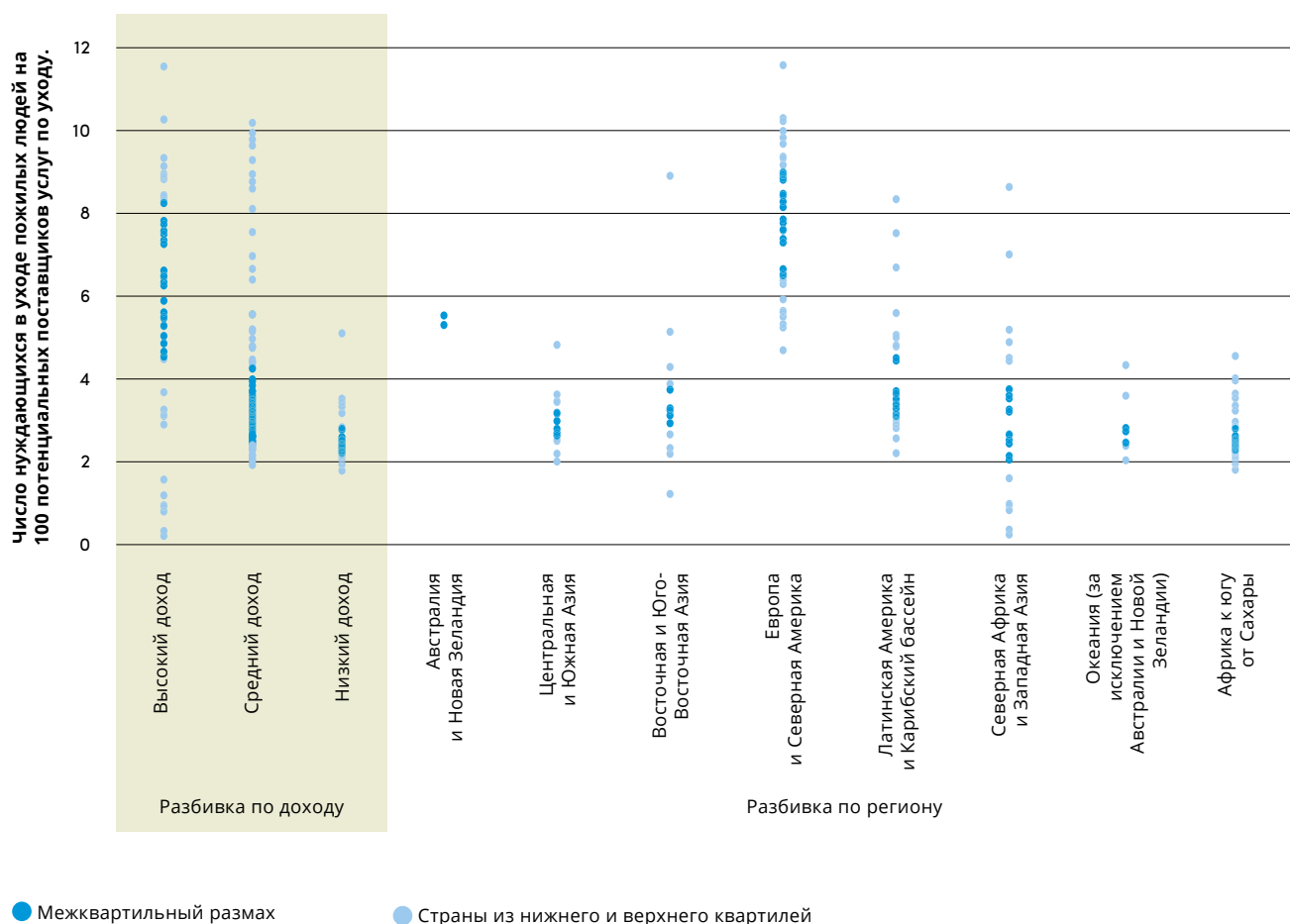
низкая доля нуждающихся в уходе пожилых людей отмечена в Океании (за исключением Австралии и Новой Зеландии) (2,8%) и в странах Африки к югу от Сахары (2,5%) — регионах с самой молодой возрастной структурой населения.

Среди стран с высоким уровнем дохода показатель доли пожилых людей, нуждающихся в уходе, колеблется от 0,2% в ОАЭ до 11,6% в Литве, а медианное соотношение в 2,6 раза выше, чем в странах с низким уровнем дохода (см. рисунок 5.7). Задача состоит не в том, чтобы упростить организацию долгосрочного ухода за пожилыми людьми в странах с низким и средним уровнем дохода, а в том, чтобы понять, почему этот вопрос еще не попал в поле зрения политиков и даже не поднимается в рамках общественной дискуссии.

Неудовлетворенная потребность в уходе

Инвестируют ли страны в широкий спектр услуг, необходимых для решения проблемы ухода за детьми и пожилыми людьми, и, следовательно, помогают ли сократить то время, которое члены семьи тратят на неоплачиваемый труд по уходу? На рисунке 5.8 показана доля нуждающихся в уходе детей в возрасте 0–5 лет и пожилых людей, а также численность персонала по уходу. В широком понимании персонал по уходу включает лиц, занятых в секторах оказания услуг по уходу (образование, здравоохранение и социальная работа), а также таких специалистов в других секторах и домашних работников. Качественные дескрипторы используются для иллюстрации численности и характеристик персонала по уходу,

РИСУНОК 5.7 ДОЛЯ НУЖДАЮЩИХСЯ В УХОДЕ, ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ (В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ И ГРУППЕ ДОХОДА, 2015 ГОД)

Источник: ILO 2018a. Таблица A.2.3.

Примечания: На основании выборки из 183 стран. В левой части рисунка использована классификация Всемирного банка по странам с низким, средним и высоким уровнями доходов. Более подробная информация об использованной методологии представлена в Статистическом примечании, а страновые данные представлены в Приложении I.

который в некоторых случаях многочислен и разнообразен, а в других в значительной степени состоит из домашних работников.

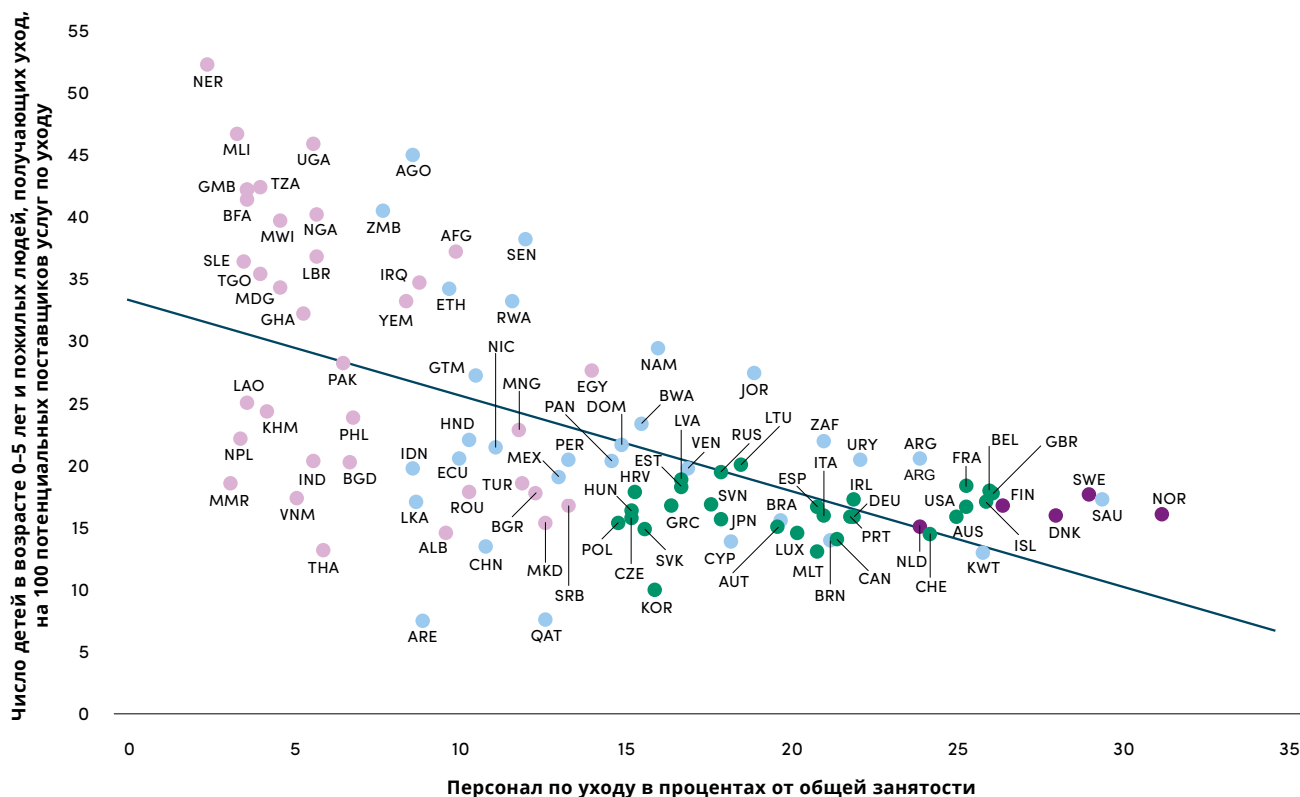
Анализ, объединяющий данные по 98 странам, подтверждает, что в странах с более высокими показателями доли нуждающихся в уходе для детей младшего возраста (0–5 лет) (обычно это наиболее бедные страны) число работников по уходу также одно из самых низких. В некоторых наиболее бедных странах, таких как Мали и Республика Нигер, высокие показатели рождаемости в сочетании с ограниченной доступностью ухода в условиях специализированных учреждений создают значительные пробелы в предоставлении

соответствующих услуг⁴⁴. Примечательно, что такая схема сохраняется даже в том случае, если отдельно рассматривать два компонента услуг по уходу, которые наилучшим образом отражают потребности детей в уходе — дошкольное обучение и воспитание⁴⁵.

В ряде стран, включая Саудовскую Аравию, ЮАР и Уругвай, отмечается умеренная доля нуждающихся в уходе, и среднее или большое число работников по уходу; однако эти страны отличаются популярностью услуг домашних работников. С другой стороны, в Дании, Финляндии, Нидерландах, Норвегии и Швеции, где поддержка со стороны государства наиболее значительна,

РИСУНОК 5.8

ДОЛЯ НУЖДАЮЩИХСЯ В УХОДЕ, ДЕТИ 0-5 ЛЕТ И ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ (2015 ГОД), А ТАКЖЕ ЧИСЛЕННОСТЬ И КАЧЕСТВО ПЕРСОНАЛА ПО УХОДУ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД

Численность и качество персонала по уходу

- Очень высокая (23,9–31,2%) численность и очень высокая зависимость от домашних работников
- Высокая, средневысокая (14,8–26,1%) численность и низкая зависимость от домашних работников
- Различная (7,7–29,4%) численность и очень высокая зависимость от домашних работников
- Средне-низкая (2,4–14%) численность и низкая зависимость от домашних работников

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из ILO 2018a. Таблицы A.2.3, A.4.2 и Приложение A.4.3.

Примечания: Анализ охватывает 98 стран. Доля нуждающихся в уходе определяется как число лиц в возрасте 0–5 лет, а также в возрасте 60 лет и старше (получающих уход), разделенное на число лиц в возрасте 15–54 лет (потенциальные поставщики услуг), умноженное на 100. В категорию персонала по уходу входят лица, занятые в секторах оказания услуг по уходу (образование, здравоохранение и социальная работа), а также работники по уходу в других секторах и домашние работники. В их число также входят сотрудники, не предоставляющие услуги по уходу, однако занятые в этом секторе, поскольку они поддерживают оказание услуг по уходу. Оценки численности персонала по уходу основаны на последних доступных данных за период с 2008 по 2016 год. Информация о численности персонала по уходу (числе работников сферы ухода в процентах от общей занятости) и их качестве (низкой зависимости от домашних работников) используется для разбивки стран на четыре отдельные группы. Использованный для анализа метод агломеративной иерархической кластеризации был разработан MOT (см. ILO 2018a).

использование услуг домашних работников очень невелико. Жители этих стран обычно полагаются на многочисленный и высокопрофессиональный персонал по уходу.

В отличие от доли нуждающихся в уходе детей, доля нуждающихся в уходе пожилых людей непосредственно связана с размером сектора платного ухода. Другими словами, в странах, где люди старшего возраста составляют относительно большую группу, также имеется сравнительно более обширный сектор ухода. В данном случае

определить направление причинно-следственной связи представляется затруднительным, поскольку рост числа пожилых жителей (в странах с высоким уровнем дохода) может быть следствием более развитой сферы здравоохранения с большим количеством специализированных медицинских учреждений, что приводит к увеличению продолжительности жизни. Очевидно, что высокая численность пожилого населения связана с обширным сектором платного ухода, тогда как в отношении детей аналогичная тенденция не прослеживается⁴⁶.

5.4 УХОД ЗА ДЕТЬМИ В РАЗНЫХ СЕМЬЯХ

Поскольку наличие детей оказывает значительное влияние на время, которое женщины тратят на неоплачиваемый труд по уходу, неудивительно, что в глобальном масштабе всегда и во всех регионах женщины платят «штраф за материнство»⁴⁷. Самые низкие показатели занятости отмечаются у женщин с детьми 0–5 лет (47,6%); они уступают не только отцам малолетних детей (87,9%), но и бездетным мужчинам (78,2%) и женщинам (54,4%)⁴⁸.

Исследования в странах с высоким уровнем дохода показывают, что матери несут существенные потери с точки зрения заработной платы, в то время как для большинства мужчин отцовство дает «бонусы» к заработной плате⁴⁹. Как это ни парадоксально, самый большой по отношению к доходу «штраф за материнство» ложится на женщин с низкими заработками, которым как раз сложнее всего с ним справиться, в то время как «прибавку за отцовство» в основном получают мужчины, находящиеся на вершине пирамиды распределения доходов (более подробно «штраф за материнство» рассматривается в главе 4)⁵⁰.

Забота о детях может быть поделена между многими людьми помимо биологических родителей, в том числе между бабушками и дедушками, тетями, друзьями, соседями или опекунами, например в виде попечительства над детьми, что широко практикуется в Западной Африке⁵¹. Однако несмотря на то, что родственники оказывают некоторую поддержку тем, кто осуществляет уход за маленькими детьми как в развивающихся, так и в развитых странах, в условиях нищеты существуют серьезные ограничения их возможностей. Это особенно заметно, когда семьи разлучены в результате миграции, а члены расширенной семьи вынуждены работать или сами нуждаются в уходе (см. главу 7)⁵².

Роль бабушек и дедушек в заботе о детях

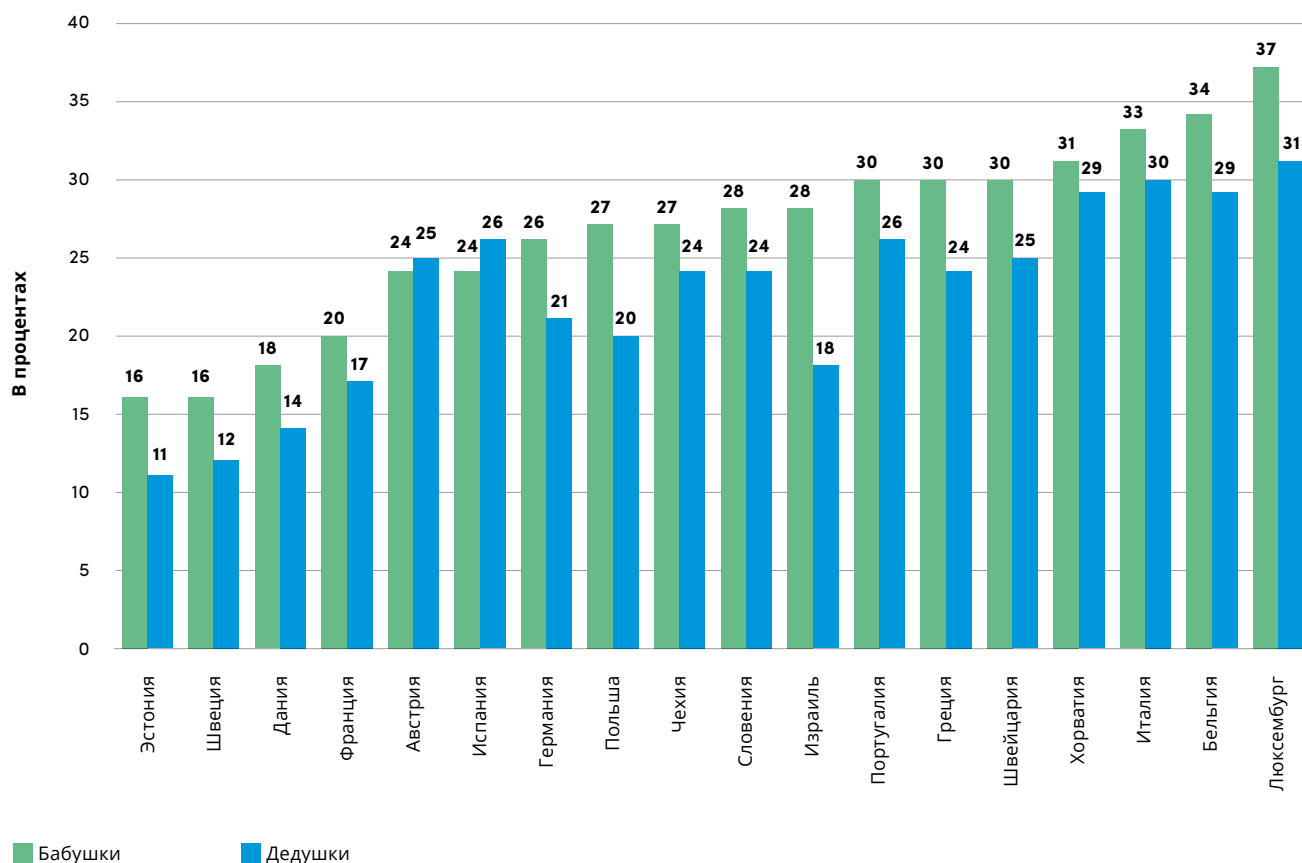
Когда родители, особенно матери, заняты на оплачиваемой работе, забота о детях может быть передана старшим членам семьи, в частности бабушкам, которые и сами могут быть в наиболее трудоспособном возрасте. Передача заботы о детях дедушкам и особенно бабушкам не ограничивается теми из них, кто живет в расширенных домохозяйствах, хотя географическая близость значительно облегчает задачу⁵³.

Регулярность и объем помощи со стороны бабушек и дедушек варьируется в зависимости от внешних обстоятельств: от менее значительной поддержки в экстренных ситуациях в странах, где услуги по уходу за детьми широко доступны, до более регулярной и активной поддержки, которая эффективно заменяет услуги по уходу за детьми⁵⁴. Например, в скандинавских странах, где государственные услуги по уходу общедоступны, доля бабушек и дедушек, регулярно помогающих присматривать за ребенком (почти еженедельно или чаще), значительно ниже, чем в странах Южной Европы, где объем государственных услуг не настолько щедрый (см. рисунок 5.9)⁵⁵. На рисунке отмечено, что в разных странах бабушки занимают важнейшие места в осуществлении ухода; дедушки тоже участвуют, хотя и не столь активно в большинстве стран.

В отсутствие среднего поколения на плечи бабушек и дедушек может лечь непосильный груз ухода за детьми, будь то по причине миграции (см. главу 7), болезни, зависимости, тюремного заключения или смерти. В странах Африки к югу от Сахары пандемия ВИЧ и СПИДа привела к серьезным изменениям в семьях, поскольку в сложных условиях старшее поколение взяло на себя интенсивный и продолжительный труд по уходу как за собственными большими взрослыми детьми, так и за выжившими внуками⁵⁶. В Таиланде, где миграция из сельской

РИСУНОК 5.9

БАБУШКИ И ДЕДУШКИ В ВОЗРАСТЕ 65 ЛЕТ И СТАРШЕ, ПОМОГАЮЩИЕ УХАЖИВАТЬ ЗА ДЕТЬМИ ПРАКТИЧЕСКИ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ИЛИ ЧАЩЕ В ТЕЧЕНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ (НЕКОТОРЫЕ СТРАНЫ ЕВРОПЫ, 2014 ГОД)

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе USC Program on Global Aging, Health & Policy 2014.

местности в города стала стратегией выживания для многих домохозяйств, около 21% детей живут без родителей в семьях с пропущенным поколением⁵⁷. Аналогичным образом в Китае в результате масштабной миграции после эпохи реформ и ограничений доступа мигрантов из сельских районов к городским социальным пособиям и услугам, доля детей дошкольного возраста, оставленных обоими родителями на полное попечение бабушек и дедушек, резко возросла с 3,6% в 1991–1993 годах до 26,6% в 2009–2011 годах⁵⁸. Данные по Китаю и ЮАР дают основания предположить, что наличие пенсии повышает вероятность того, что дедушки и особенно бабушки, будут заботиться о внуках, что позволит матери заниматься оплачиваемой работой⁵⁹.

Забота о младших поколениях со стороны старшего поколения является важной особенностью многих любящих и основанных на сотрудничестве семей. Однако условия, в которых бабушки и дедушки становятся основными опекунами, степень свободы выбора или участия в процессе принятия решений,

а также наличие у них доступа к дополнительным ресурсам определяют, насколько обременительной может быть такая забота⁶⁰. Исследование, проведенное среди бабушек коренного народа ходеносауни в Канаде, демонстрирует, что оказываемая ими помощь в виде временного ухода мотивирована многими положительными факторами, в частности их собственным желанием подарить «здоровье и благополучие своим семьям и общинам», однако в случае более неблагоприятных обстоятельств они могут быть вынуждены принять на себя полное опеку⁶¹. Такие структурные факторы риска включают нищету, отсутствие адекватного жилья и злоупотребление их взрослыми детьми наркотическими веществами. Эти женщины также сообщали об опасениях, что государственные органы могут отнять у них внуков, и указывали на необходимость реформирования политики социального обеспечения детей, с тем чтобы она учитывала культурные особенности и историческое наследие расизма и жестокого обращения по отношению к коренному населению.

В южной части Африки в некоторых странах, наиболее пострадавших от пандемии ВИЧ и СПИДа, таких как Ботсвана и ЮАР, существовали государственные социальные пенсии, которые играли ключевую роль в поддержке бабушек и дедушек, выступавших в качестве опекунов своих внуков, однако такие выплаты не распространяются на молодых бабушек и дедушек (в возрасте до 50 лет)⁶². Во многих других ситуациях, когда пожилые опекуны не располагают материальными ресурсами и получают лишь минимальную поддержку в рамках программ социальной помощи, они могут испытывать еще больший стресс, что со временем может привести к ухудшению психического и физического здоровья⁶³.

Как справляются с заботой о детях матери-одиночки?

Во всех странах, по которым имеются данные, дети из семей с одним родителем в подавляющем большинстве случаев проживают с матерью (см. главу 2). Хотя режимы опеки и выплаты алиментов на детей в случае развода и раздельного проживания существенно различаются между странами, в большинстве случаев опекуном ребенка назначается мать. Матери-одиночки недостаточно защищены в финансовом отношении и, как следствие, подвержены более высокому риску нищеты (см. главу 4)⁶⁴.

Несмотря на то, что доля детей, проживающих только с матерью, в Дании, Соединенном Королевстве и США может быть сопоставима с долей таких детей в Гане, Уганде и Зимбабве, в развивающихся странах

меньшее число одиноких матерей действительно живет в одиночестве. Как показано в главе 2, это обусловлено тем, что значительная доля одиноких родителей в странах с низким и средним уровнем дохода проживает в расширенных домохозяйствах, то есть с другими взрослыми родственниками. Так, в Центральной и Южной Азии около 70% матерей-одиночек живут в расширенных домохозяйствах, что отчасти может быть обусловлено финансовым аспектом: совместное проживание и объединение ресурсов позволяет меньше платить за жилье, а также обеспечивает защиту в условиях нестабильных обстоятельств⁶⁵. Если бы не совместное проживание, уровень нищеты одиноких матерей, вероятно, был бы еще выше. Другой причиной совместного проживания может быть та помощь по уходу за ребенком, которую оказывают одинокой матери ее родители, особенно бабушки, а также братья и сестры.

При этом объем поддержки со стороны родственников, на которую может рассчитывать мать-одиночка, значительно различается и зависит в том числе от дохода семьи, наличия доступного жилья, относительной специфики условий жизни в расширенном домохозяйстве в каждом регионе и социальной приемлемости самостоятельной жизни одиноких матерей. Вставка 5.4 иллюстрирует, что у матерей-одиночек, живущих в городских трущобах Кении, зачастую не так много родственников, на чью поддержку в воспитании детей они могут рассчитывать, что также указывает на необходимость разработки соответствующих вариантов ухода за детьми.

ВСТАВКА 5.4

РОЛЬ РАСШИРЕННЫХ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В УХОДЕ ЗА ДЕТЬМИ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ В НАЙРОБИ, КЕНИЯ

Во всем мире бабушкам и дедушкам, а также другим родственникам нередко приходится заботиться о своих внуках и оказывать им финансовую помощь. Однако в условиях слабой государственной поддержки, когда положение одиноких матерей особенно шатко, поддержка со стороны родственников может иметь решающее значение⁶⁶.

Одинокие матери, живущие в районах трущоб, могут столкнуться с особенно значительными трудностями в воспитании детей, в том числе вследствие высокого уровня безработицы, ограниченного доступа к полноценному питанию, жилью и другим предметам первой необходимости, а также в результате рисков, связанных с насилием, несчастными случаями и неудовлетворительными санитарными условиями. Большая часть женщин в городских неформальных поселениях являются внутренними мигрантами и находятся вдали от родственников, что ограничивает их возможности по оказанию помощи. Даже когда родственники находятся рядом, высокий уровень нищеты не позволяет им оказывать финансовую поддержку.

Исследование, проведенное среди примерно 500 матерей-одиночек, живущих в трущобах Найроби в Кении, показало, что, вопреки распространенным стереотипам о семьях в странах Африки к югу от Сахары, довольно часто у этих женщин оказывалось сравнительно мало родственников, на чью помощь в воспитании детей они могли рассчитывать, при этом объем такой помощи значительно варьировался.

В то время как половина женщин получала финансовую поддержку и помощь в уходе за ребенком по крайней мере от одного человека, большинству женщин помогали не более одного или двух родственников. В действительности, почти каждая пятая мать не получала от родственников ни финансовой помощи, ни помощи в уходе за детьми.

Некоторые родственники играли особенно важные роли. Треть бабушек обеспечивали как финансовую поддержку, так и уход за детьми, и около 45% матерей в вопросах ухода в наибольшей степени полагались на бабушку ребенка по материнской линии. Однако еще большая часть одиноких матерей (63%) в наибольшей степени полагалась на старших сестер ребенка в помощи по уходу за ним. В число основных помощников также вошли старшие братья и тети по материнской линии. В то же время свою помощь по уходу за ребенком предлагали лишь 5% отцов и практически никто из родственников по отцовской линии. Помощь родных выражалась как в финансовой поддержке, так и в непосредственном уходе за ребенком, включая присмотр, кормление, купание, игры или чтение.

Учитывая ограниченность поддержки, оказываемой членами расширенной семьи — часто по не зависящим от них обстоятельствам, таким как нестабильная жизненная ситуация или нищета, — на первый план выходит потребность в недорогих и безопасных решениях в области ухода за детьми, а также программах создания рабочих мест, подходящих для матерей-одиночек. В частности, значительный объем ухода за детьми, выполняемый старшими сестрами, может негативно сказаться на их возможности посещать школу или посвящать время досугу⁶⁷. Для решения этой проблемы необходимы услуги, предоставляемые государством.

5.5 КОГДА ПОТРЕБНОСТИ ДЕТЕЙ В УХОДЕ ОСТАЮТСЯ НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫМИ

В то время как наличие маленького ребенка оказывает негативное влияние на занятость женщин во всем мире, в странах с низким уровнем дохода этот эффект заметен в меньшей степени. Фактически в этих странах занятость матерей с детьми младшего возраста (0–5 лет) несколько выше (72,0%) по сравнению с бездетными женщинами (68,4%)⁶⁸. Другими словами, в некоторых странах женщины специально выходят на оплачиваемую работу, чтобы заработать на хлеб своим детям⁶⁹.

Бедственное финансовое положение семьи вполне может подтолкнуть женщин к трудоустройству — это явление иногда называют «вынужденной продажей рабочей силы»⁷⁰. Такая необходимость ущемляет их право на время для ухода за членами семьи. В случаях, когда женщины работают неофициально и/или в сельскохозяйственном секторе, как это часто бывает во многих регионах с низким уровнем дохода, они могут брать детей с собой на ферму или рынок или оставлять их с другими членами семьи, в том числе с собственными дочерьми. Однако стратегии выживания, к которым прибегают малоимущие женщины, могут иметь неблагоприятные последствия как для самих женщин, так и для их детей.

Полевые исследования в общинах с низким доходом в Индии, Непале, Руанде и Объединенной Республике Танзания показали, что женщин

особенно тревожит объем и качество ухода, который они могут предоставить своим детям из-за продолжительного рабочего дня⁷¹. В ходе тематических групповых дискуссий, проведенных организацией WIEGO («Женщины в неформальном секторе: глобализация и организация»), женщины из ЮАР, занятые в неорганизованном секторе, выразили обеспокоенность в связи с вынужденным пренебрежением интересами своих детей: «у нас фактически нет времени на детей. Наши дети не получают от нас того внимания, которого они заслуживают», в то время как женщины из Бразилии и Ганы обеспокоены негативным влиянием, которое это может оказать на образование, здоровье и общее развитие детей⁷².

В отсутствие гарантированного базового дохода женщины, которые не имеют права на оплачиваемый отпуск по беременности и родам, вне зависимости от того, являются ли они фермерами, ведущими натуральное хозяйство, или домашними работниками, часто продолжают работать вплоть до поздних сроков беременности или возвращаются на работу слишком рано после родов⁷³. В сочетании с опасными и физически напряженными условиями труда на многих рабочих местах подобный подход несет значительные риски для здоровья женщин и их детей. Исследования в сельских районах Южной Азии демонстрируют взаимосвязь между занятостью женщин на интенсивной сельскохозяйственной

работе и недостаточным питанием самих женщин и их детей даже с поправкой на социально-экономическое положение домохозяйства. Это объясняется суровой необходимостью, вынуждающей женщин искать компромисс между временем, расходуемым на сельскохозяйственный труд, и временем, которое можно потратить на уход за собой и детьми, в том числе на приготовление питательной пищи (см. вставку 5.5).

Дети являются важными поставщиками неоплачиваемого домашнего труда, особенно в Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе. По

оценкам Международной организации труда (МОТ), около 800 млн детей в возрасте 5–17 лет выполняют неоплачиваемую работу по уходу за членами семьи и по дому. В любой возрастной группе девочки гораздо чаще занимаются домашним трудом, чем мальчики⁷⁴. При этом продолжительность трудового дня у девочек зачастую намного больше. 54 млн детей в возрасте 5–14 лет тратят не менее 21 часа в неделю на выполнение неоплачиваемой работы по дому и уходу за членами семьи, причем две трети из них — девочки. Такой объем работы негативно влияет на возможность посещать школу и эффективно учиться⁷⁵.

ВСТАВКА 5.5 ЖЕСТКИЙ КОМПРОМИСС: КОГДА НЕТ ВРЕМЕНИ НА ЗАБОТУ (ДАЖЕ О СЕБЕ)

Для удовлетворения потребностей, таких как питание и забота о здоровье, необходимы доход и время. Как женщины распределяют время между конкурирующими потребностями и чего им это стоит?

В Южной Азии значительная доля участия женщин в рабочей силе приходится на сельское хозяйство. Основная часть работы, которую они выполняют в этом секторе, не учитывается и не оплачивается; в то же время сельское хозяйство является одним из крупнейших источников оплачиваемой работы для сельских женщин. Недавние исследования взаимосвязи между сельскохозяйственным трудом и состоянием здоровья женщин и их детей позволили сделать ряд тревожных выводов⁷⁶.

Исследование, проведенное в провинции Синд в Пакистане и направленное на изучение оплачиваемой и неоплачиваемой работы, показало, что число работающих женщин в три раза превысило цифру, зафиксированную в официальных источниках данных. Кроме того, две из трех сельских матерей сообщили, что во время беременности они выполняли какую-либо сельскохозяйственную работу, а более трети занимались тяжелым физическим трудом, в частности собирали хлопок⁷⁷. По собственному признанию, многие сборщицы хлопка пошли на эту работу, чтобы прокормить семью, при этом сами женщины недоедали (их индекс массы тела был ниже, чем у других женщин), а их дети значительно чаще отставали в росте, чем дети матерей, которые не выполняли эту работу, даже с поправкой на социально-экономический статус домохозяйства⁷⁸. Низкооплачиваемая работа вела к истощению, приносила недостаточный доход и оставляла мало сил и времени на обеспечение хорошего питания для себя и детей.

Соответствующее исследование в двух сельских округах Индии (Корапут и Вардха) показало, что работа по уходу не освобождала женщин от сельскохозяйственного труда, их дни просто становятся более напряженными⁷⁹. В разгар полевых работ дел становилось все больше, а времени для ухода за собой и детьми все меньше. Занятые в сельском хозяйстве женщины и так недоедали, а в разгар работ теряли в весе больше, чем мужчины.

В Южной Азии взаимосвязь между сельскохозяйственным трудом женщин и расширением их прав и возможностей определяется классом, социальной принадлежностью и условиями местного аграрного сектора⁸⁰. В большинстве стран региона ни работа женщин в сельском хозяйстве, ни их работа по уходу за членами семьи не ценится и не получает должного признания. За такое пренебрежение работающие женщины и их дети частично расплачиваются своим здоровьем и питанием.

5.6 ПОЛИТИКА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ В СЕМЬЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Какие меры поддержки семьи необходимы, чтобы избежать тех жертв, на которые часто приходится идти малоимущим женщинам и мужчинам, вынужденным делать выбор между получением дохода для поддержки своих семей и временем для ухода за детьми и собой?

Оплачиваемый отпуск по семейным обстоятельствам

Оплачиваемый отпуск по семейным обстоятельствам позволяет женщинам и мужчинам временно оставить работу, чтобы ухаживать за иждивенцами без ущерба для финансовой безопасности или собственного здоровья. Отпуск по беременности и родам позволяет матерям восстанавливаться после родов и обеспечивать уход за грудными детьми, в то время как отпуск по отцовству позволяет отцам активнее участвовать в жизни семьи, особенно если отпуск имеет достаточную продолжительность⁸¹. Отпуск по уходу за ребенком может предоставляться родителю любого пола для ухода за маленькими детьми после окончания отпуска по беременности и родам. Предоставление оплачиваемых отпусков позволяет женщинам и мужчинам реализовать право на уход за членами семьи и уменьшает экономические потери от перерыва в трудовой деятельности для обеспечения ухода за ребенком.

Политика семейных отпусков также может способствовать обеспечению гендерного равенства в сфере ухода, побуждая мужчин чаще брать отпуск по уходу за ребенком. Многие развитые страны, где пособия по беременности и родам доступны большинству женщин (за исключением США), ввели родительский отпуск по уходу за ребенком, а также приняли конкретные меры по активному вовлечению отцов. Хотя в большинстве стран матери по-прежнему берут основную часть отпуска по уходу за ребенком, возрастает и участие отцов, особенно в тех странах, где действуют специальные меры, такие как «отцовские квоты» — закрепленная за отцами часть отпуска, основанная на принципе «используй или потеряешь»⁸². Как показывают исследования, когда отцы находятся дома в самом начале родительского пути, это дает им возможность развить чувство ответственности, которое позволяет им занимать активную позицию в воспитании ребенка независимо от существующих мер социальной поддержки⁸³.

Однако в большинстве развивающихся стран даже отпуск по беременности и родам часто бывает доступен лишь небольшой группе

работниц официального сектора (или отпуск может предоставляться, но не обязательно будет оплачен). Во всем мире только 41,1% матерей с новорожденными получают пособия по беременности и родам, при этом их доля значительно варьируется по регионам: в Африке такие пособия доступны менее чем 16% женщин детородного возраста⁸⁴. Своими корнями эта проблема уходит в высокий уровень неформальной занятости на рынке труда.

Для обеспечения всеобщего охвата всех работающих женщин пособиями по беременности и родам, потребуется сочетание накопительных и ненакопительных систем⁹⁰. Один из вариантов, используемых в ряде стран, в частности в Чили, Коста-Рике и ЮАР, заключается во включении женщин, занятых в неформальном секторе, в существующие схемы социального страхования (включая выплату пособий по беременности и родам). Однако, при том что такие схемы могут распространяться на наемных работников без официального трудоустройства, таких как домашние работники и сезонные сельскохозяйственные работники, они менее эффективны в отношении тех, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью (например, фермеры в семейных хозяйствах, уличные торговцы)⁹¹. Таким образом, введение ненакопительных пособий по материнству и отцовству, таких как денежные выплаты, финансируемые из регулярного государственного бюджета, являются еще одним способом поддержать самозанятых в неформальном секторе родителей (см. вставку 5.6).

Услуги по уходу за детьми

Даже при наличии системы отпусков по беременности и родам и по уходу за ребенком, дети младшего возраста нуждаются в уходе и после истечения срока отпуска, причитающегося большинству родителей. Доступные, недорогие и качественные услуги в области дошкольного обучения и воспитания (ДОВ) могут помочь женщинам сократить время, которое они тратят на неоплачиваемую работу по уходу, благодаря возможности делегировать часть своих обязанностей за пределы семьи. Такие услуги способствуют когнитивному развитию детей, их дальнейшим успехам в области образования и улучшению показателей состояния здоровья, особенно среди детей из неблагополучных семей⁹². Универсальные качественные услуги по уходу за детьми являются одним из наиболее эффективных

ВСТАВКА 5.6 ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ОТПУСКА ПО БЕРЕМЕННОСТИ И РОДАМ И ПО УХОДУ ЗА РЕБЕНКОМ: ЧИЛИ И УРУГВАЙ

Чили и Уругвай выгодно отличаются от остальных государств Южной Америки, поскольку являются единственными странами в регионе, достигшими прогресса не только в отношении отпуска по отцовству, но и в вопросе внедрения совместных родительских отпусков по уходу за ребенком⁸⁵. В обеих странах также были приняты меры по предоставлению отпуска женщинам, работающим в неформальном секторе, — самозанятым, индивидуальным предпринимателям и сезонным работникам. В 2011 году в Чили отпуск по беременности и родам (при выплате 100% заработной платы) был продлен до шести месяцев. В то же время продолжительность отпуска по отцовству была увеличена с четырех до пяти дней, а матерям была предоставлена возможность передать шесть недель своего отпуска отцам⁸⁶. В 2011 году Уругвай продлил отпуск по отцовству с 3 до 10 дней, а отпуск по беременности и родам — с 12 до 14 недель (минимальный стандарт, требуемый Международной организацией труда (МОТ)). Кроме того, реформа позволяет и матерям, и отцам работать неполный рабочий день до достижения ребенком шести месяцев.

Однако эффективное использование этих норм отцами по-прежнему ограничено. В 2017 году в Чили из более чем 97 000 пособий по уходу за ребенком, только 193 были выплачены отцам⁸⁷. В Уругвае в период с 2013 по 2014 год только 2,6% пособий по уходу за ребенком было выплачено мужчинам⁸⁸. Европейский опыт показывает, что эффективное использование мужчинами отпуска по уходу за ребенком можно обеспечить за счет не подлежащих передаче квот, то есть части отпуска по уходу за ребенком, зарезервированной за отцом на условии сгорания неиспользованного отпуска для пары⁸⁹.

инструментов поддержки экономической активности женщин с детьми младшего возраста, в том числе в странах с низким и средним уровнем дохода (см. историю перемен «Работницы рынка в Аккре открыли доступ к услугам по уходу за детьми»)⁹³.

Для реализации своего потенциала услуги ДОВ должны финансироваться, регулироваться и предоставляться надлежащим образом: они должны быть доступны детям из неблагополучных семей, обеспечивать высокое качество услуг для всех пользователей, отвечать потребностям работающих родителей, у которых может быть длительный и ненормированный рабочий день, а также предусматривать достойные условия труда для оплачиваемых воспитателей и специалистов по дошкольному обучению. К сожалению, соответствующие таким стандартам услуги встречаются достаточно редко.

Дошкольное образование, которое в большинстве стран начинается с трехлетнего возраста, в развивающихся странах имеет довольно низкий показатель охвата, который в 2014 году составил в среднем 39% по сравнению с 87% в развитых странах⁹⁴. В целом ряде развивающихся стран дети в возрасте 3–5 лет из самых богатых домохозяйств почти в шесть раз чаще посещали дошкольные образовательные программы, чем дети из той же возрастной группы из самых бедных домохозяйств⁹⁵. Развитые страны также не защищены от неравенства, обусловленного социально-экономическим, этническим или миграционным статусом⁹⁶.

Что можно сделать, чтобы обеспечить качественный уход для каждого ребенка? Некоторым странам удается решить эту задачу лучше других и дать возможность извлечь полезные уроки из своего опыта⁹⁷. Особенно очевидными становятся три вывода.

Во-первых, следует избегать высокой стоимости, поскольку это, как правило, кардинально ограничивает доступ к таким услугам для детей из неблагополучных семей, которые только выиграют от переноса части ухода за детьми за рамки семьи. В Эфиопии, Сьерра-Леоне и во многих странах региона Северной Африки и Западной Азии услуги ДОВ предоставляются исключительно частным сектором и обычно отличаются низкой степенью охвата за счет смещения в сторону более обеспеченных городских семей, что исключает тех детей и родителей, которые могут получить наибольшую выгоду от доступа к качественным услугам⁹⁸.

Во-вторых, частный сектор может играть полезную роль в расширении услуг ДОВ, однако эта область нуждается в регулировании. В Норвегии, например, коммерческие поставщики услуг в области дошкольного обучения и воспитания играют важную и в значительной степени положительную роль, однако они действуют в соответствии с жесткими правилами, которые обеспечивают стандарты качества и ограничивают размер платы, которую они могут взимать с родителей⁹⁹. При отсутствии таких нормативных требований или неудовлетворительном их соблюдении, качество и доступность услуг для уязвимых групп населения может оказаться под угрозой.

ВСТАВКА 5.7**РАСШИРЕНИЕ И ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УСЛУГ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕНТРАХ В ЭКВАДОРЕ**

В Эквадоре 3800 центров развития ребенка (*Centros de Desarrollo Infantil*, ранее *Centros Infantiles del Buen Vivir*) предоставляют услуги по уходу для более чем 138 000 детей работающих родителей¹⁰³. Услуги координируются централизованно, но преимущественно предоставляются на основе соглашений между местными органами власти и организациями гражданского общества. И если в 2000 году охват услугами детей в возрасте до 5 лет составлял менее 3%, то уже в 2015 году этот показатель превысил 22%.

Помимо увеличения доступности, правительство добилось значительных успехов в рамках более масштабной стратегии повышения качества услуг. К примеру, были наняты специалисты в области дошкольного обучения и воспитания для координации предоставления услуг на базе центров. Если до 2013 года уход осуществлялся волонтерами за небольшое вознаграждение, теперь эта работа стала приобретать официальный и профессиональный характер. Такие работники, которых теперь называют «промоутерами детского образования», проходят трехлетнее обучение без отрыва от трудовой деятельности, по окончании которого им вручается диплом о среднем профессиональном образовании и предоставляется минимальная заработная плата и социальные выплаты в полном объеме¹⁰⁴.

Несмотря на эти достижения, необходимы дополнительные усилия для расширения охвата услугами ДОВ. В условиях экономического спада в период с 2013 по 2015 год создание новых центров замедлилось. Также необходимо продолжать улучшать качество услуг и подготовку специалистов в данной области.

В-третьих, данные из стран с высоким и средним уровнем дохода показывают, что бесплатные универсальные услуги с большей вероятностью достигнут обездоленных групп населения, чем узконаправленные программы, которые могут быть дешевле для государства¹⁰⁰. В некоторых странах, например в Чили, за последнее десятилетие достигнут значительный прогресс в увеличении охвата бесплатными услугами ДОВ¹⁰¹. Эквадор — еще один удачный пример расширения охвата бесплатными услугами ДОВ на базе общественных центров (см. вставку 5.7).

Обеспечение универсальных высококачественных услуг ДОВ требует больших затрат, но должно рассматриваться как инвестиция. Непосредственные затраты могут с лихвой окупиться значительными выгодами в среднесрочной и долгосрочной перспективе за счет расширения возможностей детей, сокращения объема неоплачиваемого труда по уходу за членами семьи, расширения возможностей трудоустройства женщин, а также создания рабочих мест в секторе ухода (см. раздел 5.9)¹⁰².

5.7 ДОЛГОСРОЧНЫЙ УХОД ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ: ПРАВО ЖЕНЩИН НА ЗАБОТУ

Проблема старения населения приобретает все большую актуальность как в развивающихся, так и в развитых странах, хотя и по разным причинам. С возрастом функциональные возможности организма снижаются, в силу чего стареющее население резко увеличивает долю и количество людей, нуждающихся в долгосрочном уходе.

Состояние здоровья и функциональные возможности пожилых людей одного возраста существенно различаются вследствие кумулятивного воздействия неблагоприятных факторов на протяжении всей жизни и, как следствие, различаются и их потребности в уходе¹⁰⁵. Например, у жителей стран Африки к югу от Сахары старше 65 лет потребности в уходе намного

выше, чем у людей того же возраста, живущих в странах с высоким уровнем дохода. В Гане более 50% людей в возрасте 65–75 лет нуждаются в некоторой помощи в повседневных делах, в то время как среди лиц старше 75 лет этот показатель увеличивается до 65% или выше. В Швейцарии, напротив, доля нуждающихся в помощи лиц среди этих возрастных групп составляет менее 5% и 20% соответственно¹⁰⁶. Еще больше подчеркивая настоятельную необходимость в соответствующих мерах политики, потребность в долгосрочном уходе растет в странах, где зачастую отсутствуют жизненно важные условия для ухода и здорового старения, такие как надежные системы первичной медицинской помощи и всеобщий доступ к воде, санитарии и электричеству.

Модели ухода за людьми старшего возраста, основанные исключительно на участии членов семьи, становятся все более неустойчивыми. Внутренняя и транснациональная миграция может привести к тому, что различные поколения одной семьи будут жить вдали друг от друга и взрослые дети при всем желании не смогут заботиться о своих немощных пожилых родителях (см. главу 7).

Более того, быстрые темпы снижения рождаемости во многих странах подразумевают сокращение числа или отсутствие взрослых детей, которые могут ухаживать за родителями. В то же время растущая занятость женщин и сопутствующая зависимость семей от их заработка не позволяют им осуществлять постоянный уход за престарелыми супругами или родителями и совмещать его с работой.

Почему долгосрочный уход важен для женщин

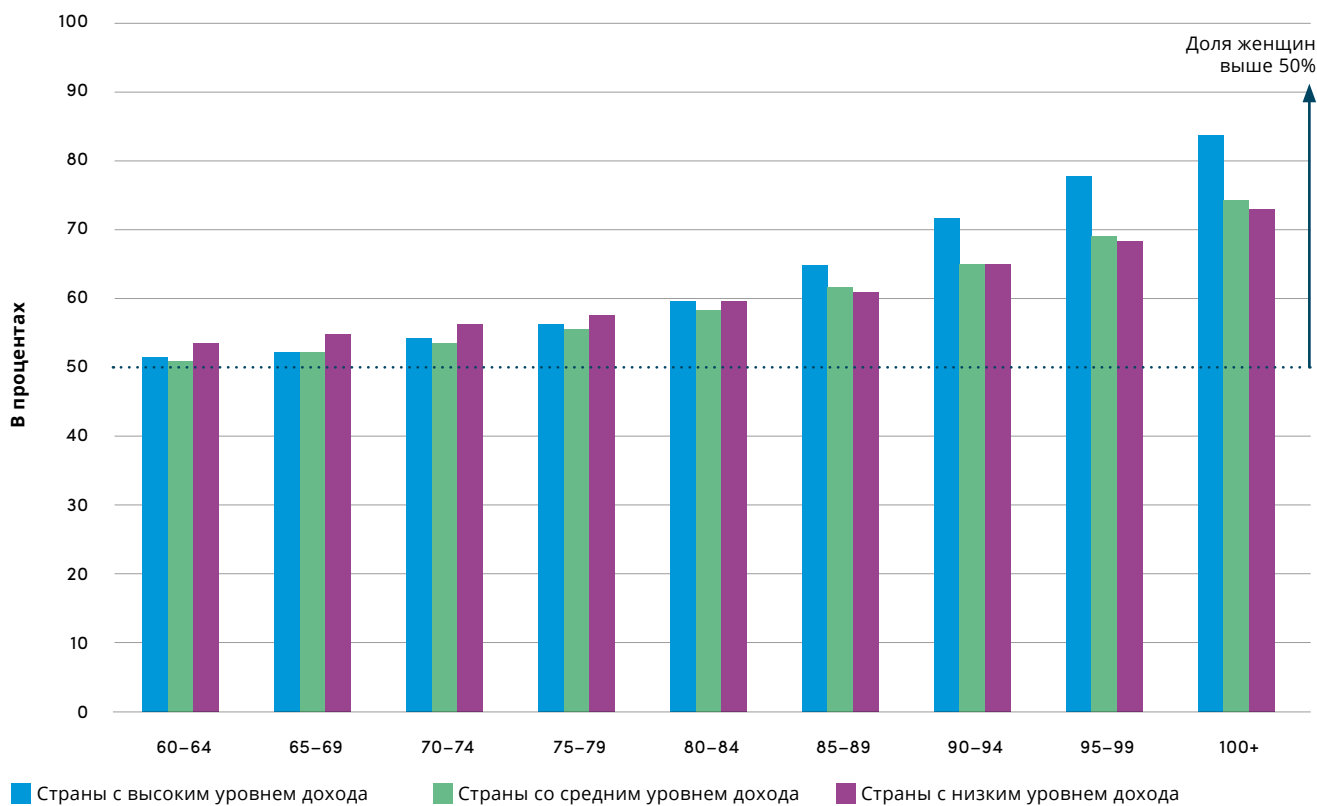
Как подробно описано в главе 2, доля женщин среди пожилого населения в странах с любым уровнем дохода превышает долю мужчин, и этот разрыв увеличивается по мере старения (см. рисунок 5.10). Ожидается, что в связи с увеличением

продолжительности жизни число людей старше 60 лет будет расти. Кроме того, женщины чаще чем мужчины сообщают об ограничении дееспособности и трудностях с самообслуживанием, вызванных большей продолжительностью жизни и резкой потерей трудоспособности после 70–75 лет.

Тот факт, что женщины часто вступают в брак или совместно проживают с мужчинами старше них, в сочетании с большей продолжительностью жизни женщин и более низкой вероятностью повторного вступления в брак означает, что женщины скорее всего будут ухаживать за супругом и будут иметь меньше шансов на уход со стороны супруга, когда они сами станут старыми и немощными. Это объясняет, почему женщины зачастую составляют большинство в домах престарелых и, таким образом, особенно уязвимы перед низкими стандартами качества и возможным жестоким обращением со стороны поставщиков услуг по обеспечению долгосрочного ухода¹⁰⁷. В странах с низким уровнем дохода поиск альтернативы семейному уходу осложняется скудностью вариантов, их дороговизной и ненадлежащим качеством, что ставит под угрозу качество жизни тех, кто больше всего нуждается в таких услугах¹⁰⁸.

РИСУНОК 5.10

ДОЛЯ ЖЕНЩИН СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ 60 ЛЕТ И СТАРШЕ (В РАЗБИВКЕ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ И СТРАНАМ С ТЕМ ИЛИ ИНЫМ УРОВНЕМ ДОХОДА, 2015 ГОД)

Источник: UN DESA 2017m.

Примечания: На основании выборки из 201 страны и территории. В анализе использована классификация Всемирного банка по странам с низким, средним и высоким уровнем дохода вместо стандартной классификации по географическому признаку.

Женщины в роли неоплачиваемых работников по уходу за пожилыми людьми

Во всем мире наибольшая часть ухода за пожилыми людьми осуществляется членами семьи на безвозмездной основе. Большую часть работы выполняют женщины — супруги, дочери или невестки, которые составляют невидимую основу всех систем долгосрочного ухода. Детальная статистика по Республике Корея (см. рисунок 5.11) содержит более подробную информацию о семейных отношениях, на базе которых в этой стране осуществляется уход за пожилыми людьми.

В случае пожилых мужчин в Республике Корея, как и ожидалось, основную часть неоплачиваемой работы по уходу выполняют супруги (76%), в то время как дополнительную поддержку оказывают родственницы (7%), родственники (3%) и не являющиеся родственниками лица (14%). Однако в случае пожилых женщин большую часть неоплачиваемого труда по уходу выполняют родственницы (43%), скорее всего дочери и невестки, тогда как остальную часть работы берут на себя не являющиеся родственниками лица (28%), супруги (18%) и родственники (12%).

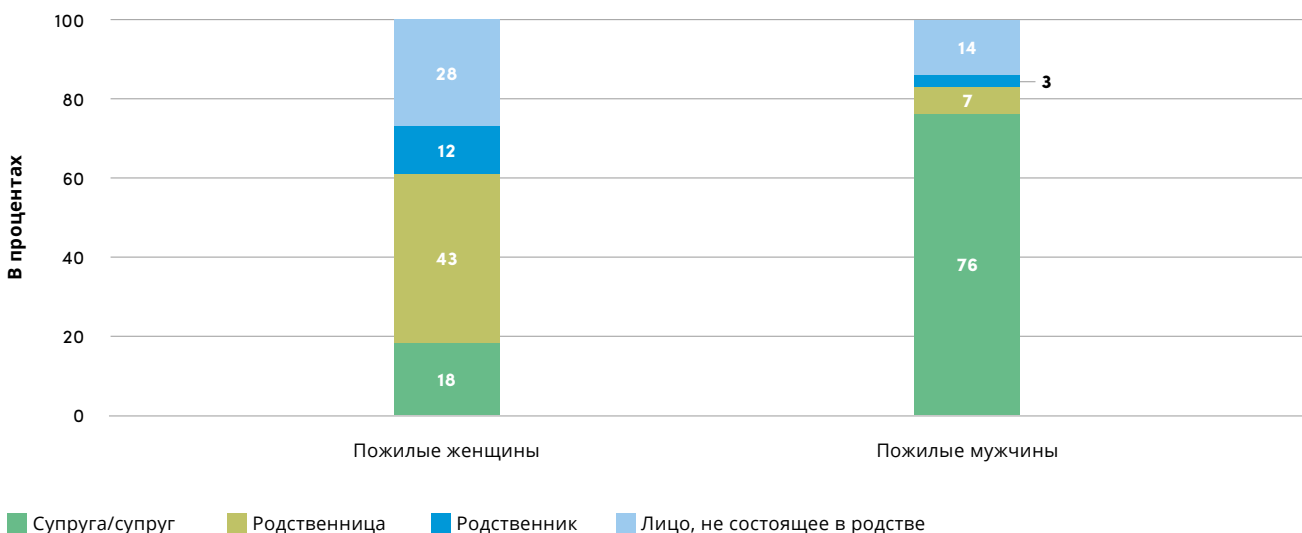
Осуществляющие уход родственники могут и сами ощутить ухудшение психического и физического здоровья, особенно если они немолоды и немощны.

Проведенные в Мексике и Перу исследования показывают, что повседневные обязанности по уходу также могут быть возложены на более молодых и менее влиятельных членов семьи, таких как невестки и внуки¹⁰⁹. Зачастую помощники из числа членов семьи не имеют специальных знаний и навыков ухода, которые отвечали бы потребностям пожилых людей, что может вести к серьезным последствиям, поскольку неправильный уход может препятствовать сохранению функциональных способностей пожилого человека или привести к депрессии и смерти¹¹⁰.

После смерти родственника, осуществлявшие уход лица теряют не только члена семьи, но и то небольшое финансовое подспорье в виде доступа к доходам или активам этого человека. Несмотря на их роль в осуществлении ухода, они могут быть не в праве претендовать на пенсию пожилого человека или на пособие по потере кормильца. Они также могут столкнуться с трудностями, касающимися наследования семейного имущества, что особенно характерно для развивающихся стран, где многие не оставляют завещания, а практика наследования может лишить определенных лиц, в частности вдов, права на собственность, к которой они имели доступ при жизни мужей (см. главу 4)¹¹¹. Такое положение дел может усугубить финансовые затруднения, уже вызванные отсутствием оплачиваемой работы.

РИСУНОК 5.11

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕОПЛАЧИВАЕМОГО ТРУДА ПО УХОДУ ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ (В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И ТИПУ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С ПОЛУЧАЮЩИМ УХОД ЛИЦОМ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ, 2010 ГОД)

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из Yoop 2014.

Примечание: Суммарное значение может превышать 100 из-за округления.

5.8 МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОЛГОСРОЧНОГО УХОДА

Во всем мире большая часть услуг в области долгосрочного ухода оплачивается за счет собственных средств потребителя, что могут себе позволить только более состоятельные люди¹¹². Семьи, которые не имеют возможности оплачивать такого рода услуги, вынуждены оказывать их сами, что влечет за собой значительные альтернативные издержки в виде сокращения времени на оплачиваемую работу и отдых или низкого качества оказываемых услуг по уходу. Таким образом, наиболее острая стратегическая задача заключается в том, чтобы справедливо распределить затраты на долгосрочный уход между семьями и государственными учреждениями, между женщинами и мужчинами, а также между поколениями.

Государственное страхование и субсидирование

Полезные уроки, касающиеся мер по обеспечению долгосрочного ухода, можно извлечь из опыта Японии и Республики Корея. В 2000 году в Японии была принята субсидируемая государством политика обязательного социального страхования, в рамках которой финансируется ряд услуг в области долгосрочного ухода¹¹³. Импульсом для разработки такой политики стало признание того огромного бремени, которое ложится на семьи в связи с уходом за пожилыми людьми, а также обеспокоенность по поводу расходов на ненужную госпитализацию в медицинские учреждения в отсутствие других механизмов поддержки¹¹⁴. В Республике Корея аналогичная политика была разработана в 2008 году. Несмотря на то, что значительная доля людей в возрасте 65 лет и старше продолжает жить со

своими детьми (40,6% в Японии в 2014 году и 27,3% в Республике Корея в 2011 году¹¹⁵), такая политика позволила сократить затраты пожилых людей на услуги по уходу, которые они оплачивали из собственных средств, а также уменьшить объем неоплачиваемого ухода, осуществляемого членами семьи (преимущественно женщинами)¹¹⁶. В случае Республики Корея (но не Японии) сокращение неоплачиваемого труда по уходу может быть связано с тем, что государственные меры по обеспечению долгосрочного ухода предусматривают осуществление выплат семьям за некоторое количество часов работы по уходу после прохождения обучения¹¹⁷. Что же касается профессиональных поставщиков услуг, важно подчеркнуть, что меры поддержки услуг в области долгосрочного ухода за пожилыми людьми усилили феминизацию этой области, поскольку женщины составляют большую часть низкооплачиваемых работников, предоставляющих услуги по долгосрочному уходу¹¹⁸. Таким образом, неизменными остаются культурологические основы труда по уходу, согласно которым это занятие рассматривается как типично женское.

Создание интегрированных систем долгосрочного ухода

Системы долгосрочного ухода должны учитывать права лиц, осуществляющих уход, и тех, кто пользуется их услугами. Не все немощные пожилые люди нуждаются в интенсивном уходе в специализированных медицинских учреждениях. Существуют различные варианты мер по уходу (см. таблицу 5.1), однако они зачастую реализуются фрагментарно и разрозненно¹¹⁹. Комплексные и

ТАБЛИЦА 5.1 СПЕКТР УСЛУГ В ОБЛАСТИ ДОЛГОСРОЧНОГО УХОДА ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Интенсивный уход в специализированных учреждениях	Долгосрочная госпитализация Дома престарелых с медицинским обслуживанием
Менее интенсивный уход в специализированных учреждениях	Дома престарелых Краткосрочное пребывание или временный уход Дом для престарелых гостиничного типа
Услуги по месту жительства	Центры дневного пребывания Визиты медсестры и профессионального сотрудника по уходу
Услуги на дому	Помощь по дому Денежные пособия для осуществляющих уход лиц Группы поддержки для осуществляющих уход лиц

Источник: На основе Lloyd-Sherlock 2017.

гендерно-ориентированные системы долгосрочного ухода должны преследовать ряд ключевых задач, таких как содействие благополучию, защита достоинства и поощрение прав нуждающихся в уходе пожилых людей; облегчение тяжелых обязанностей, ложащихся на плечи членов семьи; снижение стоимости, повышение доступности и качества услуг по долгосрочному уходу (государственных, частных и некоммерческих); а также уважение прав оплачиваемых работников по уходу. Это сложная задача, особенно для стран, которые только начинают развивать сферу долгосрочного ухода. Для достижения этих целей необходимо соблюсти три ключевых условия.

Во-первых, необходимо поддерживать членов семьи, которые хотят заниматься уходом за своими близкими, но отчаянно нуждаются в помощи и передышке. Как следует из данных по целому ряду стран, информация о заболеваниях, которым подвержены пожилые люди, и базовое обучение навыкам ухода оказали положительное воздействие на лиц, осуществляющих уход за членами семьи¹²⁰.

Не менее важно укреплять их связь с местными работниками здравоохранения¹²¹. Крайне важное значение имеют и меры по повышению осведомленности работодателей о необходимости гибкого графика работы, который позволит их сотрудникам заботиться о пожилых членах семьи. Как и в Республике Корея, в странах с высоким уровнем дохода предоставляются выплаты лицам, выполняющим неоплачиваемый труд по уходу, в целях оказания им материальной поддержки путем частичной компенсации потенциально недополученного дохода¹²².

Во-вторых, необходимо создание альтернатив неоплачиваемому семейному уходу. Например, услуги по уходу необходимы, когда взрослых детей нет (см. вставку 5.8) или они живут далеко. Однако в развивающихся странах, как правило, есть очень небольшое количество государственных домов престарелых, которые часто ориентированы на беднейших жителей и иногда не принимают пожилых людей со сложными заболеваниями, например деменцией.

ВСТАВКА 5.8

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ ПОЖИЛЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛГБТИ-СООБЩЕСТВА В УХОДЕ

Пожилые представители ЛГБТИ-сообщества (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры и интерсексуалы) могут столкнуться с определенными трудностями при доступе к услугам по уходу. Во-первых, по сравнению с цисгендерными гетеросексуальными людьми они чаще живут в одиночестве, не состоят в отношениях, не имеют детей и не общаются со своими биологическими семьями. Например, в Соединенном Королевстве чуть более четверти мужчин-геев и бисексуалов старше 55 лет и половина лесбиянок и женщин-бисексуалов старше 55 лет имеют детей, по сравнению с гетеросексуалами, среди которых дети есть практически у 9 из 10 человек. Это означает, что потребности пожилых представителей ЛГБТИ-сообщества в уходе, который могли бы осуществлять дети, партнеры или другие родственники, часто не удовлетворяются¹²³.

В условиях меньшей поддержки со стороны семьи многие пожилые члены ЛГБТИ-сообщества обращаются в сторонние государственные, частные или некоммерческие службы для удовлетворения своих потребностей в уходе по мере старения, а также к друзьям и членам сообщества, которые могут стать «семьей по выбору»¹²⁴.

Необходимость обращения к сторонним поставщикам услуг по уходу может вызывать особую тревогу у пожилых членов ЛГБТИ-сообщества. Они могут бояться осуждения или дискриминации со стороны поставщиков услуг или беспокоиться о том, что их однополый партнер или «семья по выбору» не будут считаться ближайшими родственниками для принятия медицинских решений¹²⁵. Они могут также опасаться, что их ЛГБТИ-идентичность может быть «обесценена» в условиях оказания услуг по уходу¹²⁶. Например, лица, осуществляющие уход, могут упускать из виду медицинские проблемы трансгендеров, обусловленные их полом при рождении, такие как остеопороз или рак простаты, либо могут помешать пожилым трансгендерам поддерживать конфиденциальность процедур по уходу за телом, например бриться, ношения парика или определенного типа одежды¹²⁷.

Государства, которые возлагают на семьи задачу по удовлетворению потребностей в долгосрочном уходе, недостаточно удовлетворяют потребности членов ЛГБТИ-сообщества. В связи с этим приоритетное внимание должно уделяться предоставлению финансируемых государством универсальных услуг, отвечающих потребностям этой группы населения.

Наконец, предоставление частных услуг в области долгосрочного ухода требует гораздо более эффективного регулирования. В развивающихся странах первой реакцией на неудовлетворенные потребности в услугах по долгосрочному уходу стало стремительное, хотя и крайне неравномерное, появление множества частных коммерческих и некоммерческих поставщиков услуг, обслуживающих различные социальные группы.

Среди них можно найти как более «престижные», официально зарегистрированные учреждения для групп с более высоким доходом, так и более простые, не имеющие официальной регистрации учреждения по уходу, в которых предоставляются услуги более бедным социальным группам по более низким ценам.

Многие другие учреждения находятся в ведении неправительственных организаций (НПО) или религиозных организаций, при этом некоторые из них получают государственные субсидии. В целом такие услуги слабо регламентированы или не регламентированы вовсе, что вызывает

обеспокоенность по поводу качества ухода и возможного насилия по отношению к пожилым людям¹²⁸.

Услуги по долгосрочному уходу все чаще предоставляются коммерческими организациями и в развитых странах, причем происходит это скорее намеренно, чем случайно. Создание экономической конкуренции в области, которая ранее относилась к государственному сектору, рассматривается как более целесообразный и менее затратный способ предоставления услуг в области долгосрочного ухода, позволяющий одновременно расширить выбор для потребителей услуг. Однако более низкая стоимость ухода неизбежно достигается за чей-то счет. Во всех странах долгосрочный уход в специализированных учреждениях практически полностью обеспечивается женщинами, при этом доля иностранных сотрудников, осуществляющих долгосрочных уход, составляет от 20% (Швеция) до 70% (Италия)¹²⁹. Условия их работы вызывают обеспокоенность и нуждаются в более пристальном внимании, как и реализация их собственного права на семейную жизнь. Этот вопрос рассматривается в главе 7.

5.9 ИНВЕСТИЦИИ В ПРОГРАММЫ УХОДА: ВЫГОДЫ ДЛЯ СЕМЕЙ, ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ

Забота является «общественным благом», а это означает, что ее выгоды выходят за рамки непосредственных получателей. Например, дети вырастают, становятся членами общества и выходят на работу, а уплачиваемые ими налоги пополняют фонд социального обеспечения, из которого выплачиваются пособия¹³⁰. Аналогичным образом, безопасность и здоровье в старости являются общественными благами: люди работают лучше и открыты сотрудничеству, когда знают, что при выходе на пенсию они могут рассчитывать на разумную финансовую безопасность¹³¹. Поддержка семей в стремлении обеспечить наилучший уход для каждого их члена имеет решающее значение для создания равных возможностей, сокращения неравенства, а также преодоления порочного круга нищеты, затрагивающего многие поколения.

Однако, как уже было отмечено, наиболее острая потребность в услугах наблюдается в странах с наименее развитым сектором ухода. По данным МОТ, на сегодняшний день общая численность персонала по уходу составляет 381 млн человек или 11,5% от общей численности трудящегося населения в мире¹³². Из них две трети (или 249 млн сотрудников) — женщины, что составляет 19,3% от общей занятости женщин на мировом рынке¹³³. Таким образом, почти каждая пятая женщина работает в секторе ухода.

В большинстве стран с высоким уровнем дохода на 1000 жителей приходится от 35 до 70 работников здравоохранения, причем в Дании, лидирующей в этом списке, на 1000 человек приходится 90 медицинских работников. Напротив, в большинстве стран Африки к югу от Сахары на 1000 жителей приходится менее 5 работников здравоохранения. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна (за исключением Уругвая) и в ограниченном числе стран Азии и Северной Африке, по которым имеются данные, доступ населения к услугам здравоохранения также во многом ограничен, а на 1000 жителей приходится от 5 до 20 медицинских работников¹³⁴.

Почти все страны сталкиваются с трудностями при найме и удержании достаточного числа квалифицированных работников здравоохранения¹³⁵. Высокие показатели текучести кадров и сокращения штата объясняются неудовлетворенностью условиями труда, в том числе низкой заработной платой, долгим рабочим днем, перегруженностью работой и плохими перспективами карьерного роста. Неблагоприятные условия труда создают почву для миграции младшего и среднего медицинского персонала в странах с низким и средним уровнем дохода, что негативно сказывается на качестве медицинского обслуживания и показателях здоровья, если нет стран на более низких уровнях цепочки

поставок рабочей силы, откуда можно нанимать кадры для сектора здравоохранения¹³⁶. Кроме того, низкая заработная плата медицинских работников и плохие условия труда отрицательно сказываются на качестве предоставляемого ими медицинского обслуживания¹³⁷.

Качество рабочих мест и уровень оплаты труда в секторе ухода крайне неравномерны, при этом к наиболее уязвимым группам относятся домашние работники, помощники по обеспечению долгосрочного ухода и работники по уходу на дому¹³⁸. Таким образом, важнейшим вопросом является увеличение численности сотрудников сектора для удовлетворения растущих потребностей в уходе (особенно для пожилых людей) и обеспечение достойных рабочих мест (с точки зрения заработной платы, условий труда и социальной защиты), которые смогли бы привлечь как женщин, так и мужчин.

Данные из разных стран указывают на важную роль государства в инвестировании средств в сферу услуг по уходу с целью обеспечения их доступности для всех социальных групп и поддержки удовлетворительных условий труда работников, осуществляющих уход¹³⁹. Однако для инвестиций в услуги по уходу, отвечающие стандартам качества, необходимы бюджетно-финансовые возможности, что предусматривает отказ от менталитета жесткой экономии, который в настоящее время доминирует в процессе формирования макроэкономической политики, а также смену приоритетов при распределении государственных инвестиций в «кадровую инфраструктуру».

В частности, в развивающихся странах удовлетворение потребностей в уходе является сложной задачей с точки зрения создания систем ухода, обучения персонала, а также финансирования инфраструктуры и текущих затрат на оплату труда. Однако масштаб неудовлетворенных потребностей также открывает невероятные возможности для инвестиций в человеческий потенциал, снятия нагрузки с лиц, выполняющих неоплачиваемую работу по уходу за членами семьи, и создания рабочих мест. Устранение значительных пробелов в степени охвата населения услугами дошкольного обучения и воспитания и долгосрочного ухода само по себе может повлечь значительный рост занятости в сфере ухода¹⁴⁰.

Если сделать акцент на секторе ДОВ, то, согласно расчетам Структуры «ООН-женщины» по ЮАР и Уругваю, в зависимости от различных параметров и уровня амбициозности валовые годовые инвестиции в услуги ДОВ в размере 2,8–3,2% ВВП могут обеспечить всеобщий охват детей в возрасте 0–5 лет. Такие меры также создали бы достаточное количество рабочих мест в секторе ДОВ и за его пределами, что позволило бы повысить уровень

занятости женщин ориентировочно в диапазоне от 3,2 (менее амбициозный сценарий в Уругвае) до 10,1 (более амбициозный сценарий в ЮАР) процентного пункта. Бюджетные расходы на инвестиции в сектор ДОВ могут быть частично возмещены (на 36% в ЮАР и 52% в Уругвае) за счет налогов дополнительных работников и взносов на социальное обеспечение¹⁴¹.

По данным МОТ, при сохранении текущего показателя охвата, а также соотношения числа работников по уходу и получателей их услуг общее число занятых в сфере ухода и сопутствующих услуг может достигнуть 358 млн в 2030 году (в 2015 году их число составляло 250 млн). Однако реализация более амбициозного сценария, отвечающего Целям в области устойчивого развития, может создать в общей сложности 475 млн рабочих мест¹⁴².

Признание очевидного неравенства, проявляющегося как в обеспечении ухода, так и в доступе к качественным услугам по уходу, породило идею создания интегрированной национальной системы осуществления ухода. В Уругвае совместные действия женских правозащитных организаций, женщин-законодателей и ученых-феминисток сыграли основную роль в привлечении внимания общества к сфере ухода. Они внедрили новаторский подход к организации ухода в течение всей жизни, разработав комплексную национальную систему, которая охватывает услуги по уходу за детьми, пожилыми людьми и инвалидами (El Sistema Nacional de Cuidados, SNIC)¹⁴³. Вдохновившись этим примером, Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна и другие международные организации помогли распространить опыт Уругвая по всему региону и за его пределами. В частности, в Кабо-Верде, одной из стран Африки к югу от Сахары, началось создание основ собственной национальной системы ухода¹⁴⁴.

Инвестиции в базовую инфраструктуру требуются и для сокращения объемов неоплачиваемой работы, которая ложится на женщин¹⁴⁵. Последствия кризисов в сфере здравоохранения сокрушительны для лиц, осуществляющих уход за членами семьи, особенно в условиях плачевного состояния базовой инфраструктуры, необходимой для ухода за прикованным к постели человеком. Со всей очевидностью это проявилось в ЮАР, где членам многих малоимущих и сельских домохозяйств приходилось ухаживать за больными ВИЧ и СПИДом родственниками в отсутствие водопровода, санитарных объектов в доме или электричества¹⁴⁶. Хотя доступ к антиретровирусной терапии, возможно, и уменьшил бремя ухода в условиях пандемии, наличие неизменно слабой системы здравоохранения продолжает оказывать негативное воздействие на обеспечивающих уход женщин.

Устойчивые государственные инвестиции в социальную инфраструктуру могут во многом способствовать тому, чтобы женщины и девочки имели возможность отказаться от утомительного труда в пользу более разнообразной и полезной деятельности, которая может быть как оплачиваемой, так и неоплачиваемой¹⁴⁷. Выбор государственной политики в отношении мобилизации ресурсов (например, посредством налогообложения или

дефицитного финансирования), а также направления инвестиций (системы здравоохранения, военные расходы) играют роль в формировании доступной социальной инфраструктуры. Государство должно играть ключевую роль в обеспечении всеобщего доступа к качественным услугам по уходу, даже если в их финансирование и/или предоставление вовлечены другие стороны (коммерческие или некоммерческие организации).

5.10 ВЫВОДЫ

Семьи служат опорой для систем ухода, обеспечивая поддержку для членов семьи, способствуя развитию их внутреннего потенциала и участвуя в воспроизводстве активной рабочей силы. Несмотря на значительные различия в системах обеспечения ухода в семьях, основная часть этой работы и сопутствующих расходов приходится на женщин и девочек. По сравнению с мужчинами женщины выполняют в три раза больше неоплачиваемой работы по дому и уходу за членами семьи. В то время как все большее число женщин берет на себя роль кормильца семьи, изменения отношения мужчин к работе по уходу на удивление незначительны.

При этом региональные и национальные средние показатели маскируют значительное неравенство, наблюдаемое среди женщин в разных социальных группах. Например, благосостояние домохозяйств оказывает существенное влияние на организацию ухода и использование времени женщин: семьи с более высоким доходом могут удовлетворить свои потребности в уходе, наняв работников для выполнения этой работы, в то время как домохозяйства с низким доходом часто полагаются на не получающие достаточного финансирования государственные услуги и чрезмерно загруженных работой родственников. Наличие в домохозяйстве детей младшего возраста практически повсеместно увеличивает объем неоплачиваемой работы женщин по уходу, однако мало влияет на использование времени мужчинами. При этом наличие маленьких детей часто влечет за собой необходимость выбирать между временем, затрачиваемым на получение дохода, и временем, которое можно потратить на уход за собой и детьми, что особенно характерно для женщин из бедных семей. В условиях крайне ограниченного доступа к оплачиваемому отпуску и услугам по уходу за детьми забота о ребенке часто делегируется старшей сестре, тете или бабушке, которая также может работать или сама нуждается в уходе.

На организацию ухода влияют изменения демографической структуры и состава семьи, а также миграция (см. главу 7). Высокий уровень рождаемости в беднейших странах и, как следствие, большое число нуждающихся в уходе детей сочетается с отсутствием инфраструктуры ухода в специализированных учреждениях. Обеспечение универсальных, качественных услуг дошкольного обучения и воспитания является инвестицией, которая принесет значительные результаты в среднесрочной и долгосрочной перспективе благодаря развитию и обучению детей, уменьшению нехватки времени у женщин и созданию рабочих мест.

Несоответствие между потребностями в уходе и существующей инфраструктурой может быть не таким значительным в странах со средним и высоким уровнем дохода, где отмечается высокий уровень старения населения. Однако и там модели долгосрочного ухода, предполагающие участие исключительно членов семьи, становятся все более неустойчивыми. В условиях внутренней и международной миграции члены семьи могут жить отдельно, а необходимость иметь как минимум два дохода для содержания семьи не позволяет им обеспечивать постоянный уход. Это указывает на необходимость создания интегрированных и регулируемых систем долгосрочного ухода, которые отвечали бы разнообразным потребностям пожилых людей и обеспечивали бы соблюдение прав оплачиваемых работников, предоставляющих услуги по долгосрочному уходу.

Семьи играют ключевую роль в предоставлении и получении ухода, но при этом огромную важность имеют виды поддержки, на которые могут рассчитывать обеспечивающие уход лица. Уход в семье должен дополняться уходом со стороны общества, а также инвестициями в универсальные, гендерно-ориентированные и устойчивые системы ухода.

ДОБИВАЯСЬ УСПЕХА / ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕН

Историческая победа: реформа законодательства, принуждавшего женщин вступать в брак с НАСИЛЬНИКАМИ

Годы целенаправленных совместных усилий женских правозащитных групп, выработки стратегий и инновационных подходов увенчались отменой архаичных законов в странах Северной Африки и Западной Азии.

Лето 2017 года стало знаковым для женских правозащитных организаций Северной Африки и Западной Азии. После нескольких лет неустанной борьбы они наконец добились изменения законов, которые десятилетиями принуждали женщин выходить замуж за насильника.

В течение одного месяца правительства Туниса, затем Иордании и, наконец, Ливана отменили или реформировали положения уголовных кодексов своих стран, которые позволяли преступникам избегать судебного преследования в случае женитьбы на своей жертве и позволяли семьям жертв принуждать их к вступлению в брак с насильниками, чтобы избежать позора и общественного порицания за добрачные половые связи¹.

В Ливане активисты вывешивали порванные свадебные платья возле административных зданий, чтобы привлечь внимание к законам, принуждающим женщин вступать в брак с насильником.

Фото: Патрик Баз для ABAAD / AFP

«Семейная жизнь не может быть основана на безнаказанности и преступлении».

Этот успех стал историческим триумфом женского движения в регионе, победой, которая стала возможна благодаря мобилизации совместных усилий, разработке стратегий, налаживанию партнерских отношений и применению инновационных подходов.

«События, свидетелями которых мы стали тем летом, стали результатом упорства и настойчивости женщин всего региона», — рассказывает Хибаак Осман, основательница и председатель движения *Karata*, объединяющего сети активистов и группы гражданского общества, работающие на территории всего арабского мира. — «Главный вывод, который мы сделали для себя, заключался в том, что изменения должны начинаться внутри страны; при этом мы также становимся сильнее, когда работаем вместе, невзирая на границы, для достижения одной общей цели».

В Иордании участники кампании воспользовались возможностью внести поправки в законодательство, когда в октябре 2016 года король Абдалла II издал указ о реформе Уголовного кодекса 1960 года. Кодекс содержал статью, которая предусматривала приостановление уголовного преследования насильников в случае женитьбы на своих жертвах. По данным Министерства юстиции страны в период с 2010 по 2013 год эту статью использовали 159 насильников, чтобы избежать наказания².

«Мы поняли, что это отличная возможность принять участие в формировании программы реформы уголовного кодекса; нам было необходимо, чтобы наш голос и наши требования были услышаны», — вспоминает Асма Хадер, исполнительный директор организации *Sisterhood Is Global Institute* («Всемирный институт союза сестер», SIGI). По ее словам, импульсом для кампании послужила успешная отмена подобных законов в Египте в 1999 году и в Марокко в 2014 году.

Активистки собрали доказательную базу, позволившую опровергнуть аргументы, что статья

Асма Хадер, исполнительный директор *Sisterhood Is Global Institute* (SIGI) в Иордании.

Фото: ООН-женщины / Кристофер Хервиг

удерживает семьи вместе и защищает женщин от позора внебрачного секса.

«На примере Марокко мы поняли, что нам нужно построить кампанию на историях реальных женщин», — делится г-жа Хадер. В Марокко поправки в законодательство были внесены после резонансного дела 16-летней Амины Филали, покончившая с собой после того, как была вынуждена выйти замуж за человека, которого обвинила в изнасиловании³.

Использование в кампании примеров местных женщин и девочек также помогало парировать обвинения оппонентов в том, что кампанию возглавляют прозападные феминистки, которые не имеют права вмешиваться в семейное законодательство страны.

«Мы зафиксировали 22 случая, когда применение этой статьи в зале суда привело к браку, и почти все они закончились насилием или разводом», — продолжает г-жа Хадер. — «Мы провели кампанию

в СМИ для подкрепления наших доводов в пользу того, что брак и семейная жизнь не могут быть основаны на безнаказанности и преступлении».

Женское движение в Иордании работало на протяжении трех лет, предшествовавших реформе уголовного кодекса, и заручилось поддержкой широкой общественности.

В конечном итоге кампания оказалась настолько успешной, что парламент, имея возможность либо отменить, либо внести поправки в законодательство, устранил все юридические лазейки, позволяющие насильникам избежать последствий своих преступлений.

В Ливане борьба за отмену статьи 522 Уголовного кодекса страны, которая давала аналогичный иммунитет насильникам в случае женитьбы на своей жертве, набрала силу после того, как группы активисток провели обследование, показавшее, что только 1% ливанцев знает о существовании этого положения уголовного кодекса⁴.

«Как только мы получили эту информацию, она стала действительно мощным инструментом пропаганды и способом оказать давление и придать импульс кампании», — рассказывает Гида Анани, основательница ABAAD, ливанской организации по защите прав женщин, которая возглавила кампанию при поддержке Структуры «ООН-женщины». — «Мы смогли доказать, что эти законы не являются частью наших традиций и не отражают ценности или принципы нашего общества. Они применялись только адвокатами, которые искали способы помочь насильникам избежать судебного преследования».

Шокирующим и провокационным символом кампании стало изображение избитой женщины, замотанной в бинты, которые постепенно превращались в свадебное платье. Этот образ стал ключевым визуальным элементом и поднял волну в социальных сетях, сплотившую общество в требовании отменить статью 522. По мере приближения даты голосования, люди стали выходить на демонстрации. Активистки в окровавленных свадебных платьях устроили протест перед зданием парламента, а порванные свадебные платья, похожие на мертвые тела, висели возле административных зданий.

«Использование общественных и социальных сетей было частью более масштабной стратегии», — объясняет г-жа Анани. — «Нам не была нужна обычная феминистская кампания с нападками на правительство. Нам требовалось показать что-то такое, что каждый хотел бы оставить в прошлом. И

когда ливанское правительство проголосовало за отмену статьи 522, это стало общей победой».

Успехи 2017 года воодушевили участниц движений за права женщин по всему региону, и в результате активисткам удалось добиться отмены аналогичных уголовных норм в Государстве Палестина в 2018 году⁵.

«Нам еще необходимо добиться изменения положений, разрешающих детские браки, отрицающих существование изнасилования в браке и лишаящих женщин равных прав в отношении детей», — делится г-жа Осман. «Мы видим, чего можно достичь, когда мы организованы и действуем в рамках целенаправленной стратегии. Мы не собираемся сдаваться».

«Мы видим, чего можно достичь, когда мы организованы и действуем в рамках целенаправленной стратегии. Мы не собираемся сдаваться».

Символом кампании в Ливане, призывающей отменить статью 522 Уголовного кодекса, стали пронзительные образы женщин в свадебных платьях из бинтов.

Фото: Патрик Баз для ABAAD / AFP

КОГДА ДОМ ТАМ, ГДЕ БОЛЬ

6.1 ВВЕДЕНИЕ	176
6.2 НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК В СЕМЬЕ: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ И СЕРЬЕЗНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	177
6.3 ПОЧЕМУ В СЕМЬЯХ СОХРАНЯЕТСЯ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН?	184
6.4 НАСИЛИЯ МОЖНО ИЗБЕЖАТЬ, СДЕЛАВ СЕМЬИ МЕСТОМ РАВЕНСТВА, ДОСТОИНСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ	188
6.5 ВЫВОДЫ	197

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

01

Насилие в отношении женщин и девочек широко распространено в семьях, где сочетаются патриархальная власть, авторитет и контроль над женщинами и детьми. Такое насилие является примером темной стороны семейной жизни.

02

Во всем мире 17,8% когда-либо состоявших в партнерских отношениях женщин в возрасте 15–49 лет подвергались сексуальному и/или физическому насилию со стороны интимного партнера в течение предыдущих 12 месяцев.

03

В семье насилие в отношении женщин принимает различные формы: от детских, ранних и принудительных браков, калечащих операций на половых органах до изнасилования в браке, репродуктивного принуждения и жестокого обращения с пожилыми людьми. Насилие в семьях имеет серьезные последствия для физического, сексуального, репродуктивного и психического здоровья женщин.

04

Насилие в семье вызывают три основных фактора гендерного неравенства: социальные нормы, предусматривающие права и доминирующую позицию мужчин при одновременном подчинении и повиновении женщин, экономическая нестабильность женщин в семье и ожидания, что женщины должны сохранять семейную гармонию.

05

В настоящее время насилие в семьях широко признается нарушением прав человека, систематическим проявлением гендерного неравенства и проблемой общественного здравоохранения, а не «частным делом» или индивидуальным отклонением.

06

Несмотря на активизацию общественной деятельности по противодействию насилию в отношении женщин, прогресс в этой области незначителен ввиду ненадлежащего осуществления законов и политических мер, нехватки ресурсов в условиях политики жесткой экономии, а также сохранения норм и взглядов, в соответствии с которыми насилие оправдывается и считается нормальным явлением.

07

Искоренение насилия в отношении женщин в семье требует общественных действий по трем ключевым направлениям: всеобъемлющие законы по борьбе с насилием в отношении женщин и девочек, скоординированные и межсекторальные службы поддержки для жертв насилия, а также значительные долгосрочные инвестиции в меры по предупреждению насилия.

6.1 ВВЕДЕНИЕ

Помимо того, что семьи могут быть надежной гаванью сотрудничества, взаимовыручки и любви, они нередко представляют собой источник значительной опасности и боли для женщин и девочек. Насилие в отношении женщин и девочек является одним из наиболее распространенных и систематических нарушений прав человека в мире, которое часто рассматривают как пандемию. Женщины и девочки подвергаются разным формам насилия со стороны членов семьи на протяжении всей жизни, сталкиваясь с многочисленными случаями жестокого обращения в детском, подростковом и взрослом возрасте. Во всем мире около 30% женщин, когда-либо состоявших в отношениях, подвергались физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера в течение своей жизни¹.

Насилие оказывает серьезное и продолжительное воздействие на жизнь женщин и девочек и отрицательно сказывается на их здоровье, благополучии, уровне образования и экономической безопасности. Женщины, подвергшиеся физическому или сексуальному насилию со стороны своих партнеров, почти в два раза чаще страдают от депрессии, а в некоторых регионах вероятность заражения ВИЧ для них в 1,5 раза выше по сравнению с женщинами, которые не подвергались насилию со стороны партнера². Кроме того, насилие в отношении женщин и девочек в семье негативно отражается на жизни разных поколений и повышает риск насилия среди потомков³.

Одним из первых достижений феминистского движения и исследований стал отказ от представлений о семье как о безопасном месте и привлечение внимания к тому ущербу, который причиняется женщинам и девочкам в семьях⁴. Феминистское движение позиционирует насилие в семье как проблему, имеющую общественный, а не частный характер и как основанное на неравноправных отношениях систематическое проявление гендерного неравенства, а не отдельный случай или отклонение от нормы⁵.

В последние десятилетия во всем мире существенно возросло понимание и признание насилия в отношении женщин и девочек в качестве одной из проблем в области прав человека и общественного здравоохранения, а также одной из приоритетных задач с точки зрения устойчивого развития. Эта трансформация привела к активизации общественной деятельности, в частности, принятию законов и планов действий, организации работы служб защиты и поддержки и, в последнее время, принятию мер по предотвращению насилия.

Несмотря на эти меры, уровень насилия в отношении женщин и девочек в семье продолжает оставаться чрезвычайно высоким. По-прежнему широко распространены глубоко укоренившиеся базовые социальные нормы и взгляды, в соответствии с которыми насилие в семье оправдывается и считается нормальным явлением; сохраняются культуры, которые поддерживают господство мужчин и осуждают женщин, клеймя их позором. Насилие часто используется мужчинами как средство обеспечения дисциплины и субординации в семье, когда патриархальная власть и авторитет оказываются под угрозой. Случаи насилия и жестокого обращения в отношении женщин зависят от их влияния и положения в семье и могут быть связаны, среди прочего, с отсутствием доступа к таким ресурсам, как собственный доход, земля и жилье, что в совокупности сказывается на весомости резервной позиции (см. главу 1). Даже при наличии всеобъемлющих законов и политических мер, нехватка ресурсов и политической воли зачастую препятствует их эффективной реализации и применению на практике, что цементирует культуру безнаказанности, а в некоторых случаях ведет к санкционированию насилия в отношении женщин на уровне государства.

В последнее время в рамках глобальных и национальных движений солидарности, таких как #MeToo, #TimesUp, #BalanceTonPorc, #NiUnaMenos и HollaBack!, беспрецедентное количество женщин рассказали о сексуальных домогательствах и других формах сексуального насилия. Эти движения позволили акцентировать внимание на государственных мерах и ответственности виновных, а также на общих системных и структурных причинах, лежащих в основе всех форм насилия в отношении женщин и девочек, в том числе в семье.

Краткое содержание главы

В этой главе основное внимание уделяется проблеме насилия и жестокого обращения в отношении женщин и девочек в семье. В начале главы определяются и анализируются различные формы такого насилия, представляя феномен в виде «непрерывного цикла», чтобы выделить общие черты и связи между проявлениями насилия при различных обстоятельствах. Далее иллюстрируется характер и масштабы насилия в отношении женщин и девочек в разных регионах. В следующем разделе главы обсуждаются причины, по которым в семьях продолжает существовать насилие в отношении женщин и девочек, и подчеркивается роль гендерного неравенства. Наконец, обсуждаются правовые, политические и программные меры по обеспечению права женщин на жизнь, свободную от насилия, а также препятствия на пути обеспечения устойчивости и необходимого охвата этих мер.

6.2 НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК В СЕМЬЕ: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ И СЕРЬЕЗНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Многообразие форм насилия в отношении женщин и девочек в семье

На международном уровне насилие в отношении женщин определяется как «любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни»⁶. Такое насилие совершается в отношении женщин прежде всего потому, что они женщины. В последние несколько десятилетий понимание различных форм насилия в отношении женщин и девочек и условий, в которых они происходят, получило дальнейшее развитие. Современные представления о насилии в отношении женщин и девочек позволяют понять, каким образом оно проявляется в различных обстоятельствах — во время конфликтов, в постконфликтных ситуациях или в условиях мира — и в различных сферах, совершается семьями, общинами, государствами или несколькими действующими лицами на транснациональном уровне⁷.

Рисунок 6.1 демонстрирует многообразие различных проявлений насилия в отношении женщин и девочек в семье. К ним относятся насилие со стороны интимного партнера, бытовое насилие, изнасилование супругом, сексуальное надругательство над детьми, насильственное востребование приданого, преступления и убийства под предлогом так называемой «защиты чести», калым/выкуп за невесту, жестокое обращение с пожилыми людьми и вдовами, калечащие операции на женских половых органах, детские, ранние и принудительные браки, торговля людьми и женский инфантицид. Формы насилия в отношении женщин и девочек могут пересекаться друг с другом: например, детский, ранний и принудительный брак может быть фактором риска для насилия со стороны интимного партнера⁸.

Во многих случаях акты насилия в семье совершаются партнерами-мужчинами, однако другие члены семьи также могут быть виновниками или соучастниками насилия в отношении женщин и девочек. Так, отцы, дяди, братья и партнеры матерей могут подвергать девочек сексуальному надругательству дома; матери могут проводить

калечащие операции на женских половых органах и принуждать девочек к замужеству; родственники-мужчины могут совершать преступления и акты насилия в защиту «чести»; члены семьи могут продавать дочерей, зная, что те станут жертвами торговли людьми, и они же могут подвергать женщин насилию, связанному с приданым, или совершать акты женского инфантицида.

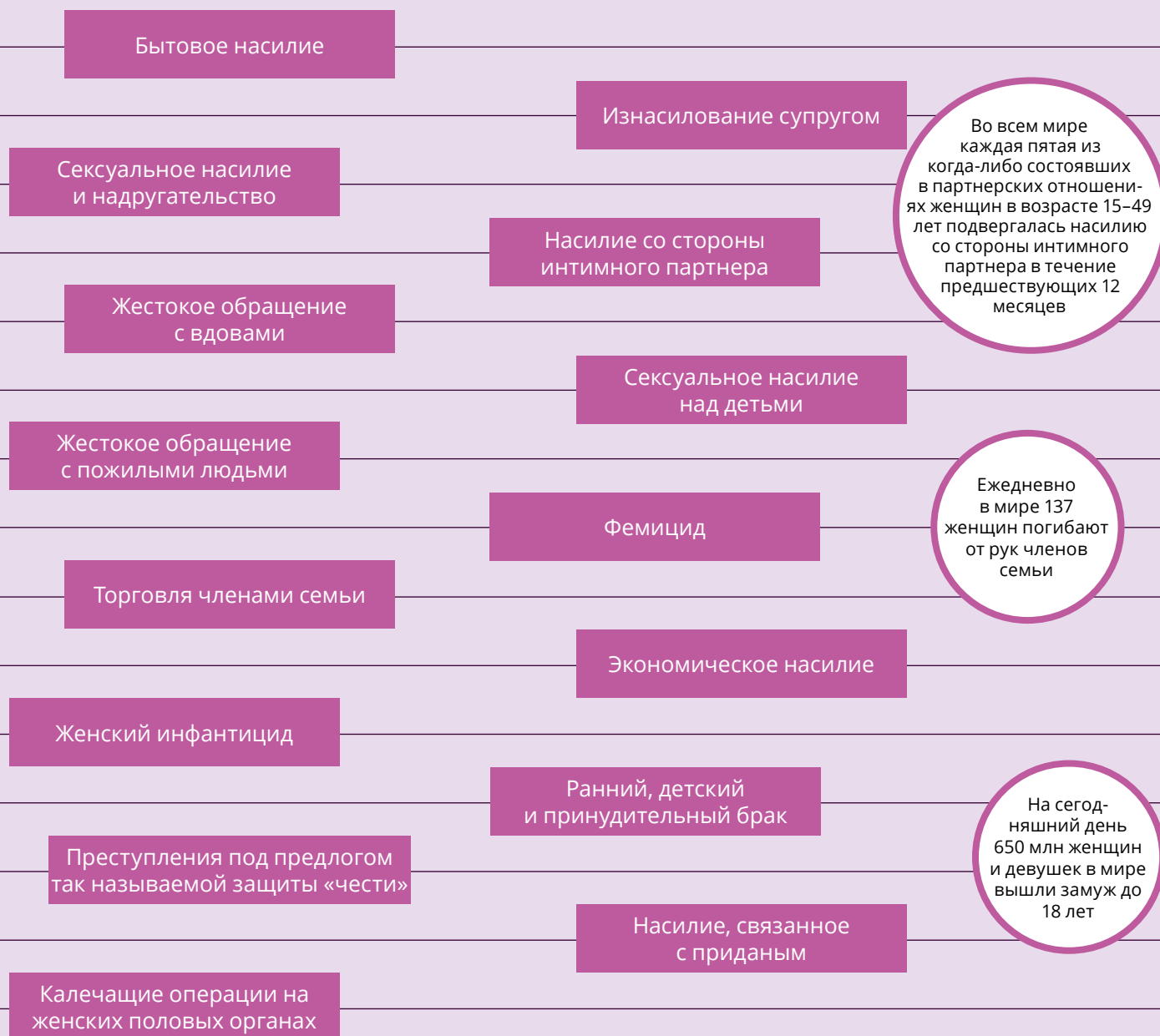
Насилие в отношении женщин и девочек рассматривается в качестве непрерывного цикла, чтобы выделить общие черты и связи между проявлением насилия в различных обстоятельствах (доминирование и права мужчин, их власть и контроль)⁹. В рамках семьи непрерывный цикл насилия устанавливает связь между повседневной практикой контроля, такой как финансовый контроль и психологическое насилие, и крайними формами насилия, такими как гендерно мотивированные убийства. Признание непрерывного характера насилия в отношении женщин и девочек способствует преодолению тенденции уделять внимание более экстремальным формам насилия, что нередко означает, что ежедневное жестокое обращение и контроль, оказывающие разрушительное и вредное воздействие на жизнь женщин, игнорируется или преуменьшается¹⁰.

Насилие в отношении женщин и девочек в семье — глобальное явление

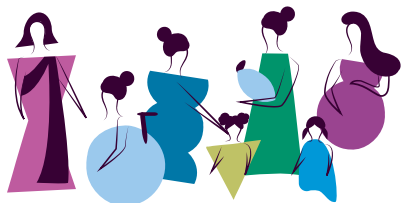
Сведения о насилии со стороны интимного партнера являются наиболее широко доступными данными о насилии в отношении женщин и девочек в семье. Во всем мире около 18% когда-либо состоявших в партнерских отношениях женщин в возрасте 15–49 лет подвергались насилию со стороны интимного партнера в течение предыдущих 12 месяцев. Среди регионов, по которым имеются данные, это явление наиболее распространено в Океании (за исключением Австралии и Новой Зеландии), где 34,7% когда-либо состоявших в партнерских отношениях женщин и девушек в этой возрастной группе подвергались физическому или сексуальному насилию со стороны нынешнего или бывшего интимного партнера в течение предыдущих 12 месяцев. Второе место занимают Центральная и Южная Азия, а также страны Африки к югу от Сахары — 23,0% и 21,5% соответственно. В Европе и Северной Америке насилие со стороны интимного партнера распространено в наименьшей степени — 6,1% (см. рисунок 6.2).

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК

Насилие в отношении женщин и девочек представляет собой нарушение прав человека пандемического масштаба, но его можно остановить.

В 45 странах
нет законов,
непосредственно
защищающих
женщин от
бытового насилия

**Насилие в отношении
женщин и девочек в семье**

По меньшей
мере 200 млн
ныне живущих
женщин и девочек пе-
ренесли калечащие
операции на поло-
вых органах

Как сделать семью местом безопасности, равенства, достоинства и уважения?

1

СОБЛЮДАТЬ

законы о борьбе с насилием в отношении женщин и девочек, устранив дискриминационные правовые нормы.

2

ОБЕСПЕЧИТЬ

доступ женщин к правосудию и привлекать виновных к ответственности.

3

ПОДДЕРЖИВАТЬ

жертв насилия, организовав качественную работу универсальных межсекторальных служб.

4

ПРЕДОТВРАЩАТЬ

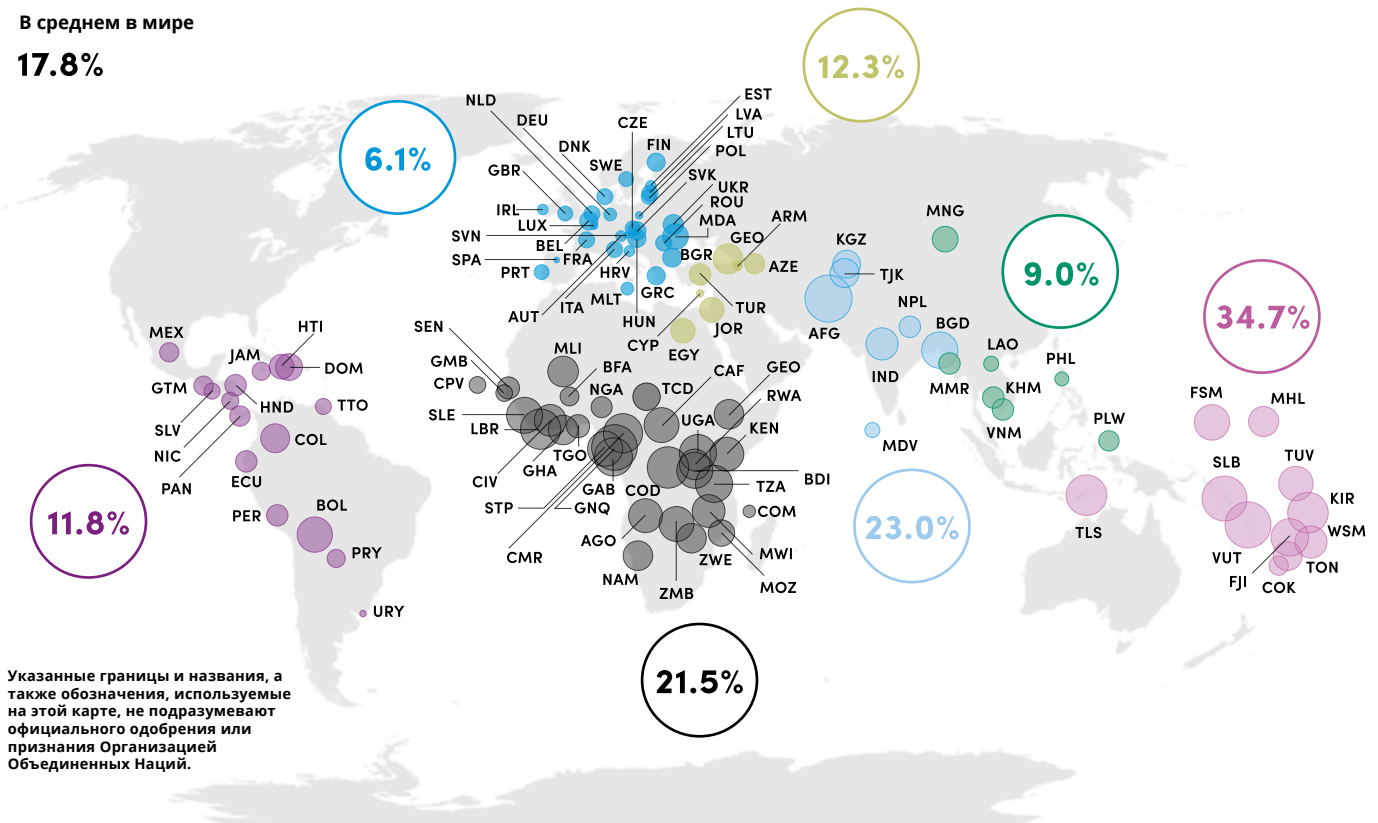
насилие в отношении женщин, меняя социальные нормы, оправдывающие насилие в семье.

РИСУНОК 6.2

ДОЛЯ ЖЕНЩИН И ДЕВУШЕК В ВОЗРАСТЕ 15–49 ЛЕТ, ПОДВЕРГШИХСЯ ФИЗИЧЕСКОМУ ИЛИ СЕКСУАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ СО СТОРОНЫ НЫНЕШНЕГО ИЛИ ПРЕДЫДУЩЕГО ИНТИМНОГО ПАРТНЕРА В ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ (ПО РЕГИОНАМ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД)

В среднем в мире

17.8%

■ Латинская Америка и Карибский бассейн* ■ Африка к югу от Сахары ■ Северная Африка и Западная Азия* ■ Центральная и Южная Азия
 ■ Европа и Северная Америка ■ Восточная и Юго-Восточная Азия* ■ Океания (за исключением Австралии и Новой Зеландии)

Источник: UNSD 2018.

Примечания: В кружках указаны средние, взвешенные по численности населения данные по регионам для женщин в возрасте 15–49 лет в 106 странах и территориях. Взвешенные показатели численности населения основаны на данных за 2017 год для стран и территорий, по которым имеются данные с разбивкой по полу и возрасту из World Population Prospects («Мировой демографический прогноз»). Этот анализ охватывает 106 стран и территорий, что составляет 54,4% стран и 50% женщин и девочек в возрасте 15–49 лет. Для Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна, а также Северной Африки и Западной Азии данные охватывают 12,7%, 48,4% и 41,7% населения региона соответственно. Региональные и глобальные агрегированные показатели, отмеченные звездочкой (*), основаны менее чем на двух третях населения и должны рассматриваться с осторожностью. Во всех других регионах агрегированные показатели основаны на данных, охватывающих не менее двух третей населения региона. Охват населения Австралии и Новой Зеландии недостаточен для расчета среднего показателя в регионе и поэтому не показан. Для 75 из 106 стран возрастная группа женщин составляет 15–49 лет, а для 30 стран — 18–49 лет. В Парагвае в выборку входят женщины в возрасте 15–44 лет, а в Португалии — в возрасте 18–50 лет. Данные по Кот-д'Ивуару включают только замужних женщин. Определение сексуального насилия отличается от стандартного в Никарагуа, Панаме, Парагвае и Уругвае. Определение физического и сексуального насилия отличается от стандартного для всех европейских стран в выборке.

Несмотря на то, что уровень насилия со стороны интимного партнера в развитых странах в целом ниже, чем в развивающихся странах, исследования показывают, что предсказать статистику в отношении насилия со стороны интимного партнера намного сложнее, чем валовой внутренний продукт. Важное значение имеют гендерные факторы, такие как нормы, связанные с властью мужчин над женщинами, и более низкий экономический статус женщин¹¹. Культура, где насилие и политические конфликты более распространены, также может отразиться на росте статистики насилия со стороны интимного партнера. Например, исследование, проведенное в Кот-д'Ивуаре,

Либерии, Таиланде и Уганде, показало, что женщины, которые сообщают об участившихся случаях жестокого обращения в условиях конфликта, также говорят о более высоком уровне виктимизации в результате насилия со стороны интимного партнера во время и после конфликта¹².

Статистика насилия со стороны интимного партнера варьируется в зависимости от возраста женщин. Имеющиеся данные с разбивкой по возрасту по 53 странам показывают, что насилие со стороны интимного партнера наиболее распространено в отношении женщин в возрасте 20–24 лет, причем

22,8% женщин этой возрастной группы сталкивались с какой-либо формой такого насилия в последние 12 месяцев. Уровень насилия высок и среди других младших возрастных групп: 19,8% и 21,5% женщин и девочек в возрастных группах 15–19 лет и 25–29 лет соответственно сообщили, что подвергались физическому или сексуальному насилию со стороны нынешнего или бывшего партнера в течение предшествующих 12 месяцев¹³. После 29 лет уровень насилия начинает снижаться, тем не менее 16,5% женщин самой старшей анализируемой возрастной группы (45–49 лет) подвергались какой-либо форме насилия со стороны интимного партнера в течение года, предшествовавшего опросу¹⁴. Данные о насилии среди женщин старше 50 лет ограничены, поскольку в большинстве обследований населения используется возрастной диапазон 15–49 лет. Важно заполнить имеющийся пробел в связи с повышенной уязвимостью пожилых

женщин перед насилием, жестоким обращением и пренебрежением¹⁵.

Насилие в отношении женщин и девочек в семье может приводить к летальному исходу. По оценкам Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, в 2017 году более половины (58%) всех женщин, ставших жертвами умышленных убийств, были убиты членом собственной семьи, что составляет 50 000 смертей ежегодно или 137 убийств ежедневно. Более трети (30 000) женщин, погибших в результате преднамеренных убийств в 2017 году, были убиты нынешним или бывшим интимным партнером¹⁶. Женские организации давно занимаются проблемой гендерно-мотивированных убийств женщин, требуя принятия мер и подотчетности со стороны государства, в том числе привлечения большего внимания к этой проблеме (см. вставку 6.1).

ВСТАВКА 6.1 ГЕНДЕРНО-МОТИВИРОВАННЫЕ УБИЙСТВА ЖЕНЩИН: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПИСАНИЕ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях определила гендерно-мотивированное убийство как наиболее крайнюю форму насилия в отношении женщин в личной и общественной сферах¹⁷. Подобные акты не являются изолированными и внезапными инцидентами; они входят в непрерывный цикл насилия, которому подвергаются женщины и девочки в повседневной жизни.

Специальный докладчик классифицирует убийства на прямые и косвенные. Прямые формы включают убийства в результате насилия со стороны интимного партнера или убийства, связанные с магией/колдовством, с защитой «чести», вооруженными конфликтами, приданым, гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией, а также этнической идентичностью и принадлежностью к коренным народам. К косвенным формам относится материнская смертность и смертельный исход в результате плохо проведенных или нелегальных аборт, калечащих видов практики, простого пренебрежения (в виде голода или жестокого обращения), преднамеренных действий или бездействия со стороны государства, а также смертные случаи, связанные с торговлей людьми, оборотом наркотиков, организованной преступностью и деятельностью банд. Множество таких убийств происходит внутри семьи.

Терминология для концептуализации гендерно-мотивированных убийств активно обсуждается и развивается с течением времени, в том числе в целях отражения региональных особенностей, однако термин «фемцид» получил достаточно широкое распространение. В Латинской Америке и странах Карибского бассейна, особенно в Центральной Америке, цель феминистских движений — добиться квалификации фемцида как отдельного уголовного преступления и пролить свет на проблему безнаказанности. В регионе Северной Африки и Западной Азии, а также в Южной Азии фемцид относится к категории убийств в защиту «чести», причем в Южной Азии это понятие также включает женский инфантицид и убийства из-за приданого.

Предпринимаются усилия по мониторингу подобных убийств в разных странах и регионах. По данным ежегодной переписи случаев фемцида в Соединенном Королевстве, которая проводится местными женскими организациями, в 2017 году в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии мужчинами было убито 139 женщин; по меньшей мере 75% были убиты кем-то, кого они знали¹⁸. По оценкам Правительственной комиссии по правам человека в Афганистане, в период с апреля 2011 года по август 2013 года было совершено около 243 убийств на почве оскорбленной «чести»¹⁹. Национальное бюро регистрации преступлений Индии сообщает, что на долю убийств из-за приданого приходится от 40% до 50% всех ежегодно регистрируемых убийств женщин, причем в период с 1999 по 2016 год эта доля практически не менялась²⁰.

Официальные данные из 19 стран Латинской Америки и Карибского бассейна показывают, что в 2017 году жертвами фемцида стали в общей сложности 2 559 женщин. Наибольшее количество случаев фемцида в регионе в 2016 и 2017 годах было зарегистрировано в Белизе, Доминиканской Республике, Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе и Тринидаде и Тобаго²¹.

Несмотря на эти усилия по сбору данных, Специальный докладчик выразила обеспокоенность по поводу ограниченной доступности и низкого качества данных о гендерно-мотивированных убийствах, в частности отметив невозможность сопоставления наборов данных. В Международной классификации преступлений для статистических целей за 2015 год предлагается дезагрегировать убийства по полу жертвы и преступника, а также по типу отношений между жертвой и преступником²². Разбивка такого рода крайне важна для улучшения понимания проблемы.

Из-за своей гендерной принадлежности девочки также подвергаются риску определенных форм насилия в семье, таких как детские браки, которые более подробно обсуждались в главах 2 и 3. Распространенность калечащих операций на половых органах — вредной практики, совершаемой семьями в отношении девочек, — по-прежнему остается тревожно высокой, несмотря на некоторое сокращение ее масштабов в последние десятилетия. В 2017 году такой операции подверглась каждая третья девушка в возрасте 15–19 лет в 30 странах, где эта практика получила широкое распространение, тогда как в 2000 году — каждая вторая²³.

О других формах насилия в отношении женщин и девочек в семье, таких как жестокое обращение с вдовами и пожилыми женщинами, насилие, связанное с приданым, и насилие в защиту «чести», нет достаточного объема данных, сопоставимых на международном уровне. Кроме того, в результате методических сложностей и ограниченности национальных обследований отмечается нехватка данных о насилии в отношении женщин и девочек в отдельных группах или обстоятельствах. Однако, согласно менее масштабным исследованиям, женщины подвержены повышенному риску насилия, если они принадлежат к коренным народам, живут с инвалидностью или не имеют правового статуса мигранта²⁴. Например, данные из Канады показывают, что женщины коренных народов более чем в три раза чаще становятся жертвами бытового насилия²⁵. Из-за страха депортации или потери опеки над детьми женщины-мигранты без правового статуса могут оставаться в отношениях, основанных на насилии²⁶. Кроме того, им может не хватать государственной поддержки и экономических ресурсов (см. главу 7).

Лесбиянки, бисексуальные и трансгендерные женщины часто сталкиваются с различными формами насилия в семье. Например, бытовое насилие в отношении лесбиянок и бисексуальных женщин может быть связано с гомофобией, когда в качестве способов реализации власти и контроля насильники используют угрозы, связанные с сексуальной жизнью (например, «разоблачение» перед семьей и

друзьями)²⁷. Женщины этой группы населения также подвергаются насилию на почве ненависти со стороны собственной семьи или семьи своего партнера. Кроме того, иногда сексуальное насилие в отношении лесбиянок и трансгендерных женщин совершается с целью «обращения» жертв в гетеросексуальность или в качестве наказания за идентичность и самовыражение, не соответствующие гендерному признаку²⁸. В одних случаях такое сексуальное насилие совершают члены семьи, в других — члены семьи вступают в сговор с насильниками²⁹.

Согласно имеющимся данным, насилие в отношении женщин и насилие в отношении детей в одном и том же домохозяйстве взаимосвязаны³⁰. По оценкам Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), во всем мире 250 млн (примерно 6 из 10) детей в возрасте от 2 до 4 лет подвергаются физическому наказанию со стороны опекунов; около 300 млн (3 из 4) детей регулярно подвергаются физическому наказанию и/или психологической агрессии (насильственным дисциплинарным мерам) со стороны опекунов³¹. Кроме того, каждый четвертый ребенок в мире в возрасте до 5 лет (176 млн детей) живет с матерью, являющейся жертвой насилия со стороны интимного партнера³². Гендерный анализ насилия в семье помогает объяснить связь между насилием в отношении женщин и насилием в отношении детей на базе патриархальных гендерных и возрастных иерархических структур (см. вставку 6.2).

Серьезные последствия насилия

Насилие в отношении женщин в семье имеет множество последствий, оказывающих серьезное и долговременное влияние на индивидуальном уровне, прежде всего на женщин, ставших жертвами насилия, а также на уровне семей, сообществ и общества в целом.

Насилие с точки зрения физического, сексуального, репродуктивного и психического здоровья женщин может иметь такие последствия, как травмы, полученные в результате физического и сексуального насилия, депрессия, беспокойство и злоупотребление психотропными веществами в результате стресса и травм, выкидыш и нежелательная беременность,

ВСТАВКА 6.2 ВЗАИМОСВЯЗЬ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

Насилие в отношении женщин и насилие в отношении детей обычно рассматриваются как самостоятельные области исследований и политики, однако все больше внимания уделяется их взаимосвязи и взаимозависимости. Анализ данных показывает, что насилие в отношении женщин и детей часто происходит в одном и том же домохозяйстве; они связаны с одними и теми же факторами риска и нормами, которые ограничивают возможность высказывать свое мнение и просить о помощи; оказывают влияние на различные поколения; имеют кумулятивный эффект на протяжении всей жизни; подростковый возраст является особенно уязвимым периодом для пересечения обеих форм насилия (см. рисунок 6.1)³³. Подверженность насилию в детстве повышает риск стать как насильником, так и жертвой насилия со стороны интимного партнера в зрелом возрасте³⁴.

Качественные исследования в Уганде показали, что как взрослые, так и дети считают насилие нормальным способом дисциплинарного воздействия применительно к женщинам и детям. При этом, несмотря на некоторое понимание того, что насилие в отношении женщин в целом недопустимо, насилие в отношении детей в определенной степени воспринимается как неотъемлемая черта поведения (хорошего) родителя³⁵.

На уровне семьи пересечение этих форм насилия имеет ряд побочных эффектов. Те, кто становятся свидетелями обеих форм насилия (в отношении детей или других взрослых в семье), получают собственную травму, что отражается на будущих отношениях, в которых они выступают в качестве партнера и родителя³⁶. Кроме того, одна форма насилия зачастую может вызвать или усугубить другую, например, когда ребенок или мать пытаются остановить насилие, это может привести к новому насилию³⁷.

Согласно феминистской интерпретации насилия в отношении детей, особое значение имеют гендерная и возрастная иерархические структуры, лежащие в основе патриархата, в соответствии с которыми мужчины занимают главенствующее положение по отношению к женщинам и детям, а насилие легитимизируется как способ контроля. Таким образом, случаи, когда в семье акты насилия в отношении детей совершает женщина, можно объяснить (но не оправдать) тем, что женщины стремятся предотвратить более серьезное наказание со стороны отцов, традиционной ролью женщин, предполагающей уход за членами семьи, необходимостью дисциплинировать детей и отсутствием власти и голоса в отношениях³⁸.

а также передаваемые половым путем инфекции и ВИЧ³⁹. Распространенной формой насилия в семье является репродуктивное принуждение, когда партнеры заставляют женщин забеременеть против их воли или запрещают им пользоваться противозачаточными средствами (см. также главу 3, посвященную свободе выбора женщин в вопросах репродуктивного здоровья)⁴⁰. Страх и контроль как составляющие насилия и жестокого обращения в семье нередко мешают женщинам обращаться за медицинскими услугами или принимать самостоятельные решения о собственном здоровье⁴¹.

Насилие в отношении женщин в семье существенно влияет на их экономические возможности и безопасность. Было также установлено, что в развивающихся странах насилие со стороны интимного партнера в подростковом и юношеском возрасте негативно сказывается на успехах молодых женщин в учебе, поскольку многие из них бросают школу после вступления в брак⁴². Женщины, подвергающиеся насилию в семье, также могут находиться в условиях экономической нестабильности⁴³. Как обсуждается далее в этой главе, нестабильное экономическое положение женщин является одним из движущих факторов насилия. Возможность женщин заниматься

оплачиваемой работой может быть ограничена в условиях насилия и жестокого обращения, а если женщины работают по найму, случаи насилия в семье могут привести к нестабильности в сфере занятости и потере заработка⁴⁴.

Насилие со стороны интимного партнера может становиться причиной жилищной неустроенности, в том числе бездомности. Женщинам, которые подверглись насилию в семье, может быть трудно платить арендную плату или выплачивать ипотечный взнос, они могут быть вынуждены часто переезжать на новое место или могут испытывать трудности с поиском доступного жилья после выхода из таких отношений⁴⁵. В свою очередь жилищная неустроенность повышает уязвимость женщин к насилию, ограничивая их возможность скрыться в безопасное место.

Кроме того, влияние, которое насилие со стороны интимного партнера оказывает на ставших свидетелями преступления детей, серьезно сказывается на жизни нескольких поколений. При том, что не все дети будут испытывать долгосрочные негативные последствия такого насилия, они чаще пропускают школу, сталкиваются с проблемами физического

и психического здоровья в детстве и страдают от психических расстройств во взрослом возрасте. Они с большей вероятностью становятся жертвами насилия или совершают насилие в зрелом возрасте, хотя многие из них предпочитают отказаться от жестокого обращения и будут активно стремиться к благополучным отношениям, построенным на уважении⁴⁶.

Помимо оценки последствий для человека, предпринимаются многочисленные попытки оценить «экономические издержки» насилия в отношении женщин в семье. В подобных исследованиях оценивались как «прямые» издержки, связанные с реагированием на результаты насилия (работа служб), так и «косвенные» издержки в виде потерянных доходов и снижения производительности труда⁴⁷.

По различным оценкам экономических последствий насилия со стороны интимного партнера, такие издержки составляют от 1,2% до 2,05% ВВП⁴⁸.

Например, последствия насилия со стороны интимного партнера в Бангладеш были оценены в 1,8 млрд долларов США или 2,05% ВВП⁴⁹. Во Вьетнаме — в 1,71 млрд долларов США или 1,41% ВВП. Причем в этой стране расчетная потеря производительности труда по причине насилия свидетельствует о том, что женщины, подвергающиеся насилию, зарабатывают на 35% меньше, чем те, кто не подвергается насилию⁵⁰.

Несмотря на то, что в этих исследованиях прослеживается тенденция уделять основное внимание расходам на работу служб, снижению производительности труда и фактическим расходам, в ходе некоторых исследований (ограниченных развитыми странами) также изучались издержки с точки зрения боли и страданий людей. Так, исследование 2009 года показало, что в Соединенном Королевстве издержки, связанные с насилием со стороны интимного партнера, включают более 3,9 млрд фунтов стерлингов в качестве затрат на систему уголовного правосудия, гражданские юридические услуги, здравоохранение, социальные службы, жилье и убежища/приюты; более 1,9 млрд фунтов стерлингов экономических издержек (связанных с отсутствием на работе из-за травм); и более 9,9 млрд фунтов стерлингов «человеческих и эмоциональных насилиями»⁵¹. Согласно исследованию, проведенному в Австралии в 2015 году, общая сумма годовых затрат, связанных с насилием в отношении женщин и их детей, составила 21,7 млрд австралийских долларов, причем значительная их часть — 10,4 млрд австралийских долларов или 48% от общей суммы — приходится на издержки, связанные с причинением боли и страданий и преждевременной смертностью⁵².

6.3 ПОЧЕМУ В СЕМЬЯХ СОХРАНЯЕТСЯ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН?

Существует ряд теорий, объясняющих насилие в отношении женщин в семье. Согласно феминистской интерпретации проблемы, причины насилия кроются в патриархате и гендерном неравенстве, а также доминировании и контроле со стороны мужчин во всех сферах жизни общества⁵³. В данном контексте насилие в отношении женщин обусловлено ожиданиями общества относительно ролей женщин и мужчин в семье, при этом мужчины дисциплинируют женщин, чье поведение, как считается, не соответствует этим ожиданиям или нарушает гендерные роли, и используют насилие для сохранения доминирования и контроля в семье.

Гендерное неравенство и сопутствующее ему совмещение различных уровней власти и авторитета создают благоприятные условия для превращения семьи в место насилия. В этих условиях мужчина позиционируется как основной кормилец и «глава домохозяйства», что наделяет его статусом и рычагами контроля, доминирования и дисциплинарного воздействия по отношению к женщинам и детям. Это господство, власть и привилегии дополнительно подкрепляются

представлениями о семье как о частном пространстве вне досягаемости государства⁵⁴.

В других теориях насилие в отношении женщин объясняется индивидуальными или бытовыми факторами, такими как стресс, включая экономические трудности, злоупотребление алкоголем и личная история агрессивной социализации⁵⁵. Сторонники этих теорий часто описывают насилие в семье как серию отдельных инцидентов, основанных на заблуждениях или отклонениях и совершаемых в равной степени мужчинами и женщинами, но не как модель силового и принудительного контроля с элементом страха⁵⁶. Эти теории отвергаются феминистами, поскольку в них анализ динамики семьи проводится безотносительно более масштабных патриархальных механизмов и фокусируется на ближайших, а не коренных причинах. Кроме того, подобные модели не соотносятся ни с данными о распространенности насилия со стороны интимного партнера, ни с информацией, полученной от жертв насилия и виновников, которые иллюстрируют явно гендерный характер насилия.

От того, как понимается насилие в отношении женщин, зависит выбор мер борьбы с ним. Феминистский подход ориентирован не столько на принятие исключительно индивидуальных мер, сколько на вопросы более масштабного социально-политического плана, такие как реализация прав женщин, преобразование неравного соотношения сил и изменение гендерных норм⁵⁷.

Почему гендерное неравенство является основной причиной насилия в семье

На глобальном уровне гендерное неравенство признано основной причиной насилия в отношении женщин. Гендерное неравенство глубоко укоренилось в механизмах и институтах разных уровней, которые структурируют и укрепляют неравное распределение экономической, социальной и политической власти и ресурсов между женщинами и мужчинами, создавая благоприятные условия для насилия в отношении женщин. Неравное распределение власти подкрепляется дискриминационным законодательством, социальными нормами и практиками, которые диктуют поведение, роли и вклад, ожидаемые от женщин и мужчин⁵⁸. К примеру, тот факт, что женщины реже представлены на государственных руководящих должностях способствует уменьшению ценности женского голоса и укрепляет идею о том, что контроль над принятием решений и власть над ресурсами принадлежат мужчинам⁵⁹. Кроме того, благоприятные условия для совершения гендерного насилия создает наличие правовых норм, которые закрепляют неравный статус женщин в семье, или же несоблюдение законов в области гендерного равенства или насилия в отношении женщин.

Понимание того, почему гендерное неравенство является основной причиной насилия в отношении женщин в семье, также требует признания множественных и пересекающихся форм дискриминации. Теория пересечения дискриминаций легла в основу понимания переживаний женщин в связи с неравенством и угнетением с целью анализа многочисленных взаимосвязей и сил, формирующих социальную идентичность и социальное позиционирование⁶⁰.

Теория пересечения дискриминаций строится на том, что «различные аспекты социальной жизни не могут быть полностью отделены друг от друга»⁶¹. Переживание насилия женщинами и девочками может усугубляться в условиях более серьезной маргинализации и дискриминации, возникающих из-за пересечения многочисленных видов неравенства⁶². Например, молодая лесбиянка может подвергаться риску насилия в своей семье именно по совокупности факторов пола, сексуальной ориентации и

возраста. Насилие в семье в отношении женщин коренных народов может быть связано с гендерным неравенством, расизмом, социально-экономическим неблагополучием и наследием колониализма⁶³. Женщины, находящиеся в неблагополучном социально-экономическом положении или не имеющие правового статуса мигранта, могут столкнуться с серьезными проблемами с точки зрения доступа к услугам и поддержке, которые необходимы для прекращения отношений насилия (см. главу 7).

Гендерное неравенство действительно благоприятствует насилию в отношении женщин, однако само по себе оно не объясняет, почему одни мужчины более склонны к насилию в семье, чем другие. В этой связи, для выявления и понимания сложного взаимодействия факторов, лежащих в основе насилия в отношении женщин в семье, наиболее часто стала использоваться социально-экологическая модель. В ней рассматриваются не столько индивидуальные модели поведения, сколько множество влияющих друг на друга факторов на уровне личности, сообщества и общества в целом⁶⁴. К примеру, в ней учитываются такие факторы, как вера индивида в жесткие гендерные роли, постоянные социальные нормы, разрешенные детские браки на уровне сообщества, слабые общественные санкции против насилия в отношении женщин и особый статус дискриминационных норм обычного права, которые закрепляют неравенство между женщинами и мужчинами⁶⁵. В рамках этой модели внимание уделяется и более широкому кругу факторов, касающихся совершения насилия в отношении женщин. Например, более высокий уровень политического конфликта связан с более высокой степенью терпимости общества к насилию со стороны интимного партнера среди женщин и мужчин⁶⁶.

В недавних исследованиях были предприняты попытки расширить эту социально-экологическую модель путем изучения факторов глобального уровня, включая гендерные последствия экономической интеграции (в том числе трудовой миграции) и глобальные или транснациональные идеологические изменения, которые либо поддерживают права женщин, либо отрицают их⁶⁷. Например, разные виды фундаментализма, возникающие в рамках большинства мировых религий, становятся все более согласованными, организованными и влиятельными с точки зрения законодательства и политики. Большинство фундаменталистских движений поддерживает традиционные идеи семьи и ограничения прав женщин, что укрепляет господствующее положение мужчин и подчиненное положение женщин, тем самым, создавая дополнительный уровень норм, признающих и оправдывающих насилие в отношении женщин в семье⁶⁸.

Рассматривая гендерную проблематику в качестве основной причины насилия в семье, можно выделить четыре ключевых аспекта, которые часто находят отражение в законодательстве, практике и социальных нормах. Во-первых, это мужской шовинизм, лежащий в основе веры в привилегии, контроль и доминирование мужчин; во-вторых, ожидаемое подчинение и повиновение женщин; в-третьих, отсутствие у женщин долгосрочной экономической автономии и безопасности; и в-четвертых, понимание семьи как частного пространства, характеризуемого семейной гармонией. В следующих разделах эти вопросы обсуждаются подробно.

Мужской шовинизм: привилегии, контроль и доминирование мужчин

Идея о господствующей роли мужчин и о том, что они должны контролировать процесс принятия решений и поведение женщин, прочно укоренилась во многих областях жизни. Например, семейное законодательство исторически поддерживало роль мужчин в качестве «главы семьи», хотя в последние десятилетия в большинстве случаев это постепенно меняется. Однако, как отмечено в главе 4, современные социально-экономические структуры продолжают приписывать мужчинам роль кормильца, даже когда это не так.

Таким образом, подобная практика усиливает мужской контроль над процессами принятия решений, которые влияют на женщин и жизнь семьи в целом. Обследования домохозяйств и мнений показывают, что во многих странах именно мужчины принимают решения о расходах домохозяйства, передвижении женщин вне дома и даже о здоровье самой женщины, в том числе о посещении врача и использовании контрацепции⁶⁹. Физическое и сексуальное насилие (или его угроза) со стороны мужчин в отношении женщин — еще один способ обеспечения и поддержания мужского доминирования.

Маскулинность — многообразное, динамичное и открытое для изменений явление. Однако в преобладающем большинстве случаев гендерно-дифференцированная практика направлена на усиление мужского доминирования и женского послушания⁷⁰. Мужской шовинизм в определенной степени всегда присутствует в обществе и находит отражение в тех случаях, когда представление о том, что значит быть мужчиной в обществе, связано с жесткостью, доминированием мужчин над женщинами, ролью мужа-кормильца и гетеросексуальностью⁷¹. Исследования, проведенные среди мужчин, виновных в совершении насилия, показали, что риск насилия со стороны интимного партнера наиболее высок, когда в обществе широко распространен мужской шовинизм. Более того,

насилие со стороны интимного партнера с большей вероятностью совершают мужчины, которые поддерживают гендерное неравенство (например, имеют жесткие представления о гендерных ролях), практикуют контролирующее поведение, имеют нескольких сексуальных партнеров одновременно или пользуются платными сексуальными услугами⁷².

Нестабильность или угрозы для господствующего положения мужчин в условиях семьи часто могут привести к насилию, поскольку мужчины чувствуют необходимость восстановить свою власть и контроль, однако они не в состоянии выполнять собственную ожидаемую роль или их партнер участвует в деятельности, такой как занятость, которая угрожает их доминирующему положению⁷³. Исследование случаев насилия со стороны мужчин показало, что менее влиятельные мужчины чаще совершают насилие в отношении женщин; насилие используется мужчинами, чтобы восстановить некоторый уровень власти и контроля, когда они чувствуют себя относительно бессильными в других сферах⁷⁴.

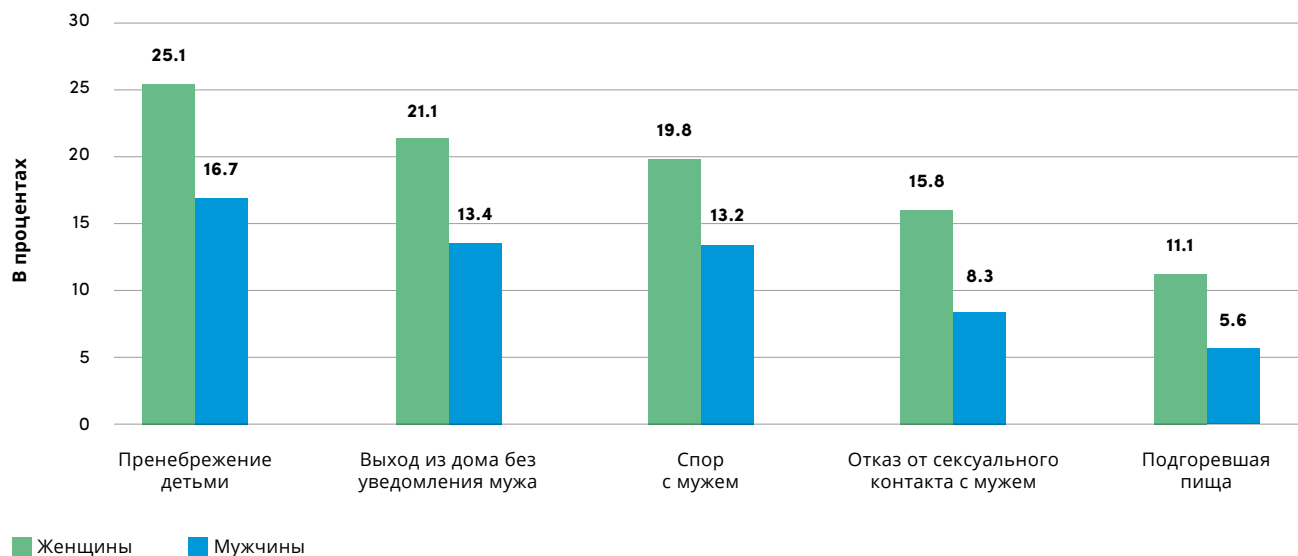
Ожидаемое подчинение и сексуальное повиновение женщин

Подчинение и повиновение со стороны женщин становится ожидаемым следствием мужского доминирования и контроля. Оно также является причиной насилия в отношении женщин в семье. Во многих случаях ожидается, что жена будет покорна своему мужу и его семье, а женщина, оспаривающая эту роль, считается женой, неподконтрольной мужу. Другие родственники мужского пола также часто ожидают повиновения со стороны женщин. В этой ситуации мужчины могут прибегать к насилию как исправительной мере и, когда жестокое обращение ставится под вопрос, оправдывают его такими формулировками, как «это для ее же блага».

Социальные нормы и взгляды, в соответствии с которыми насилие в отношении женщин в семье считается приемлемым и нормальным явлением, широко распространены и глубоко укоренились в том числе и среди самих женщин. По данным из широкого круга стран, избивание жен социально приемлемо во многих ситуациях, в том числе в тех случаях, когда женщина не выполняет ожидаемые сексуальные либо домашние обязанности или иным образом не соблюдает подчиненную роль⁷⁵. Например, согласно имеющимся данным по 70 странам, 15,1% женщин считают, что избивание жены оправдано, если женщина отказывается от сексуального контакта со своим мужем (см. рисунок 6.3). Кроме того, 24,3% женщин и 16,2% мужчин согласны с тем, что избивание жены является оправданным, если женщина пренебрегает детьми, а 20,2% женщин и 12,9% мужчин считают, что бить жену можно, если она выходит из дома, не сообщив об этом мужу. Между странами существуют огромные различия

РИСУНОК 6.3

ДОЛЯ ЛИЦ В ВОЗРАСТЕ 15–49 ЛЕТ, СЧИТАЮЩИХ ИЗБИЕНИЕ ЖЕНЫ ОПРАВДАНЫМ (В РАЗБИВКЕ ПО ПОЛУ И ПРИЧИНЕ, ДАННЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ДОСТУПНЫЙ ГОД)

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных медико-демографических обследований по 42 странам (ICF 2007–2017) и обследований по многим показателям с применением гнездовой выборки по 28 странам и территориям (UNICEF 2019).
Примечания: Данные за 2007 год или позже. Если доступны оба вида обследований, то выбирается обследование с последними данными. Показано простое невзвешенное среднее.

в том, как обосновывается насилие со стороны интимного партнера.

Более высокий уровень принятия насилия среди женщин может объясняться тем, что женщин заставляют соблюдать нормы и соответствовать ожидаемым гендерным ролям, в рамках которых их «дисциплинирование» мужчинами считается не насилием, а законным наказанием⁷⁶.

Стремление контролировать сексуальную жизнь женщин лежит в основе многих форм гендерного насилия в семье. Например, ранние браки часто обусловлены экономическими причинами, однако они также являются способом защитить «честь» семьи, контролируя сексуальную жизнь женщины и сохраняя девственность и чистоту девочки. Аналогичным образом преступления и убийства под предлогом защиты «чести» считаются оправданными, когда женщины вступают в добрачные отношения, выбирают партнера без одобрения семьи, совершают прелюбодеяние или подвергаются изнасилованию⁷⁷. Контроль сексуальной жизни женщин во многих странах также закреплен на законодательном уровне. К 2018 году 12 из 189 стран и территорий сохранили нормативные положения, освобождающие лиц, виновных в изнасиловании, от судебного преследования, в случае если они состоят в браке или впоследствии вступают в брак с жертвой⁷⁸. Однако недавние радикальные изменения в регионе Северной Африки и Западной Азии свидетельствуют о том, что изменения возможны (см. историю перемен

«Историческая победа: реформа законодательства, принуждавшего женщин вступать в брак с насильниками»). Изменение жестких гендерных ролей, явлений мужского доминирования и гендерных ожиданий в вопросах сексуальной жизни являются обязательным условием ликвидации насилия в отношении женщин в семье.

Отсутствие у женщин долговременной экономической безопасности и автономии

Долговременная экономическая безопасность женщин, их автономия и влияние в интимных отношениях являются ключевыми факторами предотвращения насилия. Согласно общепринятому мнению, расширение доступа женщины к образованию и ресурсам усиливает ее переговорную позицию и влияние в отношениях, повышает восприятие женщины как ценного партнера и позволяет ей выходить из ситуации насилия или жестокого обращения. Однако связь между этими факторами носит более сложный характер, поскольку угроза для господствующего положения мужчин, возникающая в результате занятости женщин на оплачиваемой работе, зачастую может приводить к насилию.

Наиболее действенным решением является расширение участия женщин в оплачиваемой работе, что обеспечит их регулярным, гарантированным и долгосрочным доходом (см. главу 4), укрепит их резервные позиции и позволит выходить из отношений, основанных на насилии. В

Объединенной Республике Танзания риск насилия со стороны интимного партнера значительно ниже в районах с более высокой долей женщин, занятых на оплачиваемой работе⁷⁹. В Эквадоре рост дохода женщин, чей уровень образования выше начального, коррелирует с меньшей вероятностью насилия со стороны интимного партнера⁸⁰. В Бангладеш женщины с более высоким уровнем образования и занятые на оплачиваемой работе также менее подвержены насилию⁸¹.

Однако во многих других ситуациях, особенно в случае нерегулярного заработка, экономическая нестабильность женщин и их слабая резервная позиция не позволяют возразить агрессивному партнеру или уйти от него⁸². В некоторых случаях изменение возможностей женщин в плане получения дохода может даже повысить риск насилия со стороны мужчин, особенно когда роль мужчины-кормильца ставится под вопрос из-за сложностей с трудоустройством и/или в условиях приемлемости насилия со стороны интимного партнера в рамках преобладающих норм и ценностей⁸³. В таких случаях насилие может использоваться как «противодействие» усилению экономической роли женщин в семье.

Отсутствие у женщин доступа к экономическим активам, таким как земля и жилье, и контроля над ними также может повысить их уязвимость к насилию, однако нельзя забывать и о специфике обстоятельств. Согласно исследованию в штате Керала, Индия, право собственности женщин на активы в значительной степени гарантирует защиту от насилия в отношениях, а также повышает возможность выйти из ситуации жестокого обращения⁸⁴. Аналогичным образом, исследование в ЮАР и Уганде о связи между правом собственности и риском насилия в отношении женщин показало, что гарантированный доступ к имуществу и/или владение им обеспечивают женщинам экономическую независимость, которая служит защитным фактором против насилия со стороны интимного партнера⁸⁵.

Таким образом, даже в тех случаях, когда изменение экономического статуса женщин может повышать

риск насилия в краткосрочной перспективе в условиях угрозы для господствующего положения мужчины, в долгосрочной перспективе уровень образования, экономическая безопасность и автономия женщин играют решающее значение для улучшения их положения в семье и делают возможным прекращение оскорбительных отношений.

Семья как сфера частной жизни и идеология семейной гармонии

Представление о том, что семья относится к сфере частной жизни, вмешиваться в которую государство не может, допускает и оправдывает насилие в отношении женщин. Тем не менее на практике, как обсуждалось в главе 3, деятельность государства на уровне законодательства и политики в значительной степени влияет на частную жизнь. Во многих случаях брак воспринимается как союз, в котором женщины становятся «собственностью» мужчин и, вследствие этого, теряют статус личности. Такие идеи в сочетании с социальными нормами, которые осуждают и клеймят позором жертв насилия, мешают женщинам открыто говорить о насилиии, сообщать властям и обращаться за помощью к семье, друзьям и в имеющиеся социальные службы.

С понятием семьи как частного пространства связана идеология семейной гармонии, ответственность за которую, по мнению общества, несут женщины. Важным фактором насилия со стороны интимного партнера является возможность женщин, как юридическая, так и культурная, получить развод⁸⁶. Во многих странах по-прежнему существуют юридические препятствия для развода. Даже в тех случаях, когда с точки зрения закона развод может быть получен, ограничения на уровне семьи и общества, а также другие социальные нормы часто не позволяют женщинам инициировать развод (см. главу 3). Во многих странах женщины в случае развода рискуют потерять опеку над детьми, что может удерживать их в отношениях, основанных на насилиии. В случае если развод стигматизирован, женщины могут оставаться в ситуации жестокого обращения, чтобы уберечь свою семью от стыда и позора.

6.4 НАСИЛИЯ МОЖНО ИЗБЕЖАТЬ, СДЕЛАВ СЕМЬИ МЕСТОМ РАВЕНСТВА, ДОСТОИНСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ

Признание насилия в отношении женщин в качестве систематического проявления гендерного неравенства и нарушения прав человека стало ключевым достижением феминистских движений (см. историю перемен «Историческая победа: реформа законодательства, принуждавшего женщин вступать в брак с насильниками»). На практике

единственным наиболее важным фактором, способствующим изменению политики по борьбе с насилием в отношении женщин и девочек, является существование автономных феминистских женских движений странового уровня⁸⁷. Благодаря их активной работе, проблема насилия в отношении женщин и девочек в семье заняла свое место в общественной

повестке дня и правительства все чаще принимают необходимые меры. Сейчас государства несут четкие обязательства по реализации норм, политики и

программ, направленных на ликвидацию всех форм насилия в отношении женщин и девочек; ряд этих обязательств подробно изложен во вставке 6.3.

ВСТАВКА 6.3 МЕЖДУНАРОДНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ ПО ЛИКВИДАЦИИ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН В СЕМЬЕ

В последние несколько десятилетий происходит быстрое развитие международных норм и стандартов, касающихся проблемы насилия в отношении женщин. В 1993 году Всемирная конференция по правам человека в Вене призвала Генеральную Ассамблею принять существующий проект Декларации об искоренении насилия в отношении женщин. Принимая во внимание Венскую декларацию, четвертая Всемирная конференция по положению женщин, проходившая в Пекине в 1995 году, признала насилие в отношении женщин и девочек нарушением прав человека⁸⁸. Совсем недавно искоренение насилия в отношении женщин и девочек было признано приоритетным направлением для устойчивого развития с конкретной задачей, включенной в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года⁸⁹.

Несмотря на то, что изначально в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин насилие в отношении женщин прямо не рассматривалось, Комитет КЛДЖ в своей исторической общей рекомендации № 19 (1992) четко определил, что насилие в отношении женщин является формой дискриминации в отношении женщин, затрудняющей или сводящей на нет пользование женщинами правами человека и основными свободами⁹⁰. Принятая позднее общая рекомендация № 35 (2017), предназначенная для обновления предыдущей рекомендации, содержит целый ряд новых положений, включая признание структурных причин насилия в отношении женщин, таких как «идеология привилегированного положения и главенства мужчин над женщинами»; признание воздействия многочисленных перекрестных форм дискриминации на проявление насилия в отношении женщин, а также призыв пересмотреть гендерно-нейтральные законы, с тем чтобы исключить любое закрепление гендерного неравенства⁹¹.

Важный этап в международном праве ознаменовало появление «принципа должной осмотрительности». Этот принцип предусматривает ответственность государств за нарушения прав человека, совершенные не только государством или государственными субъектами, но и негосударственными субъектами. Поскольку насилие в отношении женщин чаще всего совершают негосударственные субъекты, такие как близкий родственник-мужчина или интимный партнер, принцип должной осмотрительности налагает на государство обязательство по предупреждению и пресечению насилия. Таким образом, принцип устраняет искусственное разграничение между общественной и частной сферами, а также между государственными и негосударственными субъектами. В настоящее время государства обязаны принимать активные меры для предупреждения, расследования, пресечения и искоренения насилия в отношении женщин в частной сфере⁹². В ряде своих решений по отдельным сообщениям, касающимся насилия в отношении женщин, КЛДЖ обращался к принципу должной осмотрительности, чтобы заставить государства действовать.

На региональном уровне государственные обязательства по ликвидации насилия в отношении женщин и девочек определяются тремя ключевыми документами. Одним из них является Межамериканская конвенция о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него, вступившая в силу в 1995 году и ставшая первым в мире юридически обязательным международным договором, согласно которому насилие в отношении женщин признается нарушением прав человека⁹³. Конвенция определяет различные сферы, в которых происходит насилие над женщинами, включая семейную и домашнюю сферы, и призывает к принятию широкого круга ответных и профилактических мер, включая образовательные кампании по борьбе с предрассудками, обычаями и другими практиками, основанными на опасных гендерных стереотипах, и предоставление специализированных услуг жертвам насилия.

Вторым документом является Протокол к Африканской хартии прав человека и народов, касающийся прав женщин в Африке (Мапутский протокол), который вступил в силу в 2005 году. В статье 4 Протокола содержится призыв к ликвидации всех форм насилия в отношении женщин, поскольку они нарушают право на жизнь, личную неприкосновенность и безопасность, а ряд других положений усиливает обязательство государств положить конец насилию и дискриминации в отношении женщин⁹⁴.

Последним и наиболее передовым юридически обязательным документом является Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция), вступившая в силу в 2014 году. Она обязывает государства принимать меры по предотвращению и защите от всех форм насилия в отношении женщин, преследовать в судебном порядке лиц, обвиняемых в совершении насилия в отношении женщин, а также принимать комплексные меры по предупреждению гендерного насилия и реагированию на него⁹⁵.

В последние десятилетия особое внимание уделяется законодательным инициативам в области насилия в отношении женщин в семье. В настоящее время существует множество примеров всеобъемлющих законов, предусматривающих криминализацию насилия, меры по предупреждению и защите от него и наказание виновных. Странами также введен ряд мер по обеспечению безопасности женщин и оказанию помощи жертвам насилия, в частности, выдача охранных ордеров, телефоны доверия, медицинские службы, полиция, работа приютов и безопасное размещение жертв, психологическая поддержка, бесплатные юридические услуги, услуги в области правосудия, службы поддержки для детей, ставших свидетелями насилия в семье или подвергшихся насилию. К сожалению, в большинстве стран работа таких служб по-прежнему ограничена по объему и охвату ввиду отсутствия устойчивого финансирования.

Признавая тот факт, что насилие не является неизбежной частью жизни, все больше внимания уделяется предупреждению насилия путем принятия мер на уровне семей, сообществ и общества в целом. Подобные меры направлены на устранение коренных причин и факторов риска, лежащих в основе насилия.

В следующих разделах будут рассмотрены инновации, перспективные подходы и задачи в области общественной деятельности в таких областях, как всеобъемлющие законы по борьбе с насилием в отношении женщин и девочек, координация работы межсекторальной службы поддержки жертв насилия и профилактические программы, направленные на его устранение.

Принятие всеобъемлющих законов и обеспечение доступа к правосудию

Законы, квалифицирующие насилие в отношении женщин в семье как уголовное преступление, имеют важное значение для привлечения виновных к ответственности, предоставления жертвам/пострадавшим возможности добиться справедливости и информирования широкой общественности о неприемлемости насилия.

В течение последние двух десятилетий был достигнут значительный прогресс в принятии законов, направленных на борьбу с насилием в отношении женщин в семье, в том числе со стороны интимного партнера. Если в начале 1990-х годов лишь в нескольких странах мира действовали законодательные нормы, предусматривавшие уголовную ответственность за бытовое насилие, то к 2018 году такие нормы были приняты в 76% стран, обследованных Всемирным банком (144 из 189 стран и территорий). В 9 из 45 стран, где такие законы отсутствовали, было предусмотрено

более суровое наказание за определенные виды жестокого обращения со стороны супругов или членов семьи⁹⁶.

Юридическое определение насилия в отношении женщин имеет решающее значение для доступа женщин к правосудию и службам поддержки. По этой причине бывший Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин выразила обеспокоенность по поводу заметного сдвига в сторону гендерной нейтральности в правовых нормах, касающихся бытового насилия. Гендерно-нейтральная терминология создает ложное впечатление, что женщины и мужчины в равной степени подвергаются насилию; более того, она делает невидимой имеющуюся гендерную динамику и оправдывает сокращение ориентированных исключительно на женщин служб для жертв/пострадавших⁹⁷. Нынешний Специальный докладчик подчеркнула важность законов, признающих насилие в отношении женщин и девочек систематическим нарушением прав женщин в результате и в виде «широко распространенного неравенства и дискриминации», обусловленных «системой превосходства мужчин над женщинами»⁹⁸.

Законы, определяющие насилие со стороны интимного партнера как отдельные случаи насилия, а не как модель проявления власти и контроля, также представляются проблематичными, поскольку могут отвлекать внимание от более распространенных форм насилия, с которыми женщины сталкиваются ежедневно⁹⁹. На практике это может приводить к усилению правового акцента на более экстремальных случаях насилия, при одновременном игнорировании текущих практик, которые ограничивают автономию женщин и вызывают страх. В связи с этим некоторые правоведа предложили включить «принудительный контроль» в законы о бытовом насилии в качестве отдельного правонарушения. В 2015 году в Соединенном Королевстве была введена соответствующая норма, согласно которой действия, основанные на принуждении и давлении, определяются как последовательность умышленных инцидентов, происходящих в течение определенного времени, с тем чтобы один человек мог осуществлять власть, контроль или принуждение в отношении другого¹⁰⁰.

Страны все чаще принимают конкретные правовые нормы, касающиеся таких вредных семейных практик, как калечащие операции на женских половых органах и детские, ранние и принудительные браки (о последних см. главу 3). Разработка конкретных норм, касающихся некоторых других форм насилия в отношении женщин в семье, например убийств в защиту «чести» и из-за приданого, ведется менее активно¹⁰¹. Наличие конкретных

категорий для борьбы с этими формами насилия позволит учитывать различные обстоятельства, при которых совершено преступление, в частности преднамеренный характер и практику жестокого обращения, которая зачастую приводит к убийству. Наличие определенной правовой категории также исключит вероятность ненадлежащей классификации таких убийств как, например, «преступлений, совершенных в состоянии аффекта»¹⁰².

Необходимость в общественных действиях и вмешательстве государства для решения проблемы насилия в отношении женщин в семье не могла не повлечь за собой некоторых трудностей. Квалификация насилия в отношении женщин, особенно бытового насилия и насилия со стороны интимного партнера, в качестве уголовного преступления имеет важное значение для изменения норм, оправдывающих и допускающих насилие. Однако, по мнению феминистов, излишний акцент на правоохранительных мерах и уголовном правосудии может вступить в противоречие с феминистскими целями социальной трансформации и реализации других прав женщин¹⁰³. Важной альтернативой тюремному заключению могут стать гражданско-правовые средства защиты (см. раздел об охранных ордерах ниже), в то же время поощряющие безопасность женщин и, например, их доступ к жилью.

Дискриминационные положения семейного законодательства, касающиеся прав женщин на вступление в брак, развод и опеку, а также нормы миграционного законодательства особенно важны для безопасности и благополучия пострадавших от насилия. Так, ограничения права женщин на развод, нормы, запрещающие опеку над собственными детьми после развода, и неравные права при разводе лишают женщин возможности разорвать отношения, основанные на жестоком обращении и насилии. Система семейного права может способствовать повторной виктимизации, когда приоритет отдается не безопасности жертвы насилия, а отношениям ребенка со склонным к насилию родителем¹⁰⁴.

Расхождение между законами о домашнем насилии и другими законами или политикой, ориентированными на достижение семейной гармонии или примирение, может подорвать усилия по искоренению насилия в отношении женщин¹⁰⁵. К примеру, некоторые правовые системы предусматривают альтернативные варианты разрешения споров во избежание дорогостоящих судебных разбирательств. Однако такой вариант всегда неуместен для случаев насилия в отношении женщин, когда имеют место страх и значительный дисбаланс сил.

В смешанных правовых системах, где сосуществуют кодифицированное, религиозное, обычное право и правовые кодексы коренных народов, выбор зачастую делается в пользу законов о личном статусе и семье. Несмотря на то, что такие системы предназначены для признания культурного разнообразия или прав отдельных групп, в них часто доминируют мужчины, а сами они отражают дискриминационные и патриархальные представления о семье и о роли женщин (см. главу 3). В результате, в рамках таких систем насилие в отношении женщин в семье редко преследуется по закону¹⁰⁶.

Еще одной проблемой является взаимодействие между национальными и субнациональными законодательствами, в результате чего на субнациональном уровне формируется довольно противоречивый набор законов, что приводит к неравенству с точки зрения доступа к правам и защите в зависимости от местоположения. На практике это означает, что женщинам, подвергшимся насилию в одном регионе, может предоставляться защита, которая не действует в случае переезда в другой регион. Например, сравнительное исследование законодательства Аргентины о бытовом насилии на субнациональном уровне показало существенное различие между защитными мерами, предусмотренными законами разных провинций¹⁰⁷.

Помимо принятия законов, для улучшения доступа женщин к правосудию необходим ряд дополнительных мер. Согласно проведенному в Европейском союзе исследованию, в котором приняли участие 42 000 женщин, лишь треть жертв насилия со стороны интимного партнера связались с полицией или со службой поддержки в результате наиболее серьезного случая насилия¹⁰⁸. Причины, по которым женщины не сообщают о насилии, типичны: страх мести, давление со стороны семьи с целью сохранения конфиденциальности, незнание собственных прав, экономическая зависимость и убежденность, что власти не примут надлежащих мер. Очевидно, что необходимы дополнительные меры для обеспечения доступа женщин к средствам правовой защиты и правосудию.

Существует целый ряд мер, которые могут быть приняты правительствами с целью улучшения правового реагирования на гендерное насилие, включая программы по повышению осведомленности и уровня правовых знаний, подготовка сотрудников судебных и правоохранительных органов по вопросам насилия в отношении женщин, руководящие принципы или протоколы по противодействию насилию для органов юстиции, а также стратегии повышения эффективности судебных процессов, в частности внедрение систем электронного мониторинга. В дополнение к этим

ВСТАВКА 6.4 РОЛЬ ОХРАННЫХ ОРДЕРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕНЩИН

Охранные ордера становятся все более распространенным способом ограничения действий виновных лиц или их выселения из мест совместного проживания. Примерно в 75% стран и территорий (141 из 189) охранные ордера используются для защиты от бытового насилия¹¹². Как правило, это эффективный метод правового реагирования на насилие в отношении женщин в семье, особенно в случаях, когда женщины хотят прекратить насилие, но предпочитают не лишать виновника свободы¹¹³. В большинстве случаев гражданско-правовые средства защиты используются в ситуациях бытового насилия, однако предпринимаются все более активные усилия по их применению в случае других форм насилия, таких как принудительные браки.

В условиях качественно разработанной системы охранных судебных приказов, лицо, подвергающееся бытовому насилию, может получить судебное постановление о гражданской защите по упрощенной процедуре и со значительно меньшим бременем доказывания, чем в случае уголовного обвинения. В некоторых странах временный охранный ордер или извещение могут быть выданы непосредственно полицией до выдачи охранных ордера судом¹¹⁴.

В ряде стран обращаться за охранным ордером могут разные стороны, однако важно, чтобы у женщин оставались права и возможности контролировать этот процесс. Это помогает им восстановить контроль над своей жизнью после пережитого насилия. В Испании запросить охранный ордер от имени жертвы насилия могут как члены семьи, проживающие в одном доме, так и государственный обвинитель. Однако даже в этом случае пожелания заявителя/жертвы должны быть приняты во внимание в ходе судебного заседания¹¹⁵.

Потенциальная безопасность, обеспечиваемая охранными ордерами, зависит от эффективного функционирования, подготовки и должного оснащения полицейских ведомств и органов юстиции, которые должны действовать быстро и ставить на первый план безопасность жертв насилия. Слишком часто безопасность женщин и даже их жизнь оказываются под угрозой, потому что системы работают слишком медленно, а в выдаче охранных ордеров отказывают из-за обременительных запросов о предоставлении информации¹¹⁶. Физическая доступность полиции и судов также может влиять на получение женщинами охранных ордеров. Например, в Папуа-Новой Гвинее, стране с одним из самых высоких в мире показателей насилия со стороны интимного партнера, для того, чтобы добраться до районного суда зачастую нужно пройти несколько часов пешком. Там женщинам часто приходится ходить между судом и отделением полиции, что задерживает выдачу охранных ордера и ставит под угрозу их жизнь¹¹⁷.

мерам существует два наиболее распространенных способа улучшения доступа женщин к правосудию в условиях насилия в семье — это выдача охранных ордеров, о которых говорится во вставке 6.4, и создание специализированных судов или процедур для рассмотрения дел о бытовом насилии.

Создание специализированных судов или процедур для рассмотрения дел о бытовом насилии может упростить судебный процесс для пострадавших, повысить безопасность женщин и снизить риск повторной травматизации в связи с необходимостью многократной дачи показаний¹⁰⁹. Специализированные суды или процедуры для случаев бытового насилия действуют примерно в 70% стран и территорий (132 из 189). Подходы, применяемые в разных регионах, включают в себя создание специализированных судов для рассмотрения всех дел о бытовом насилии, ускоренные процедуры и выдачу охранных ордеров в рамках подобных дел¹¹⁰. В Бразилии все правовые аспекты дел, касающихся бытового насилия, в том числе вопросы развода, опеки над детьми

и уголовного преследования, рассматриваются в специализированных интегрированных судах, учрежденных в соответствии с законом Марии да Пенья 2006 года.

Вместе с тем отсутствие координации между учреждениями, значительный объем дел и отсутствие подготовленного персонала отрицательно сказываются на результатах для женщин¹¹¹. Эффективность специализированных судов определяется наличием достаточных ресурсов и оборудования, а также обученного и отзывчивого персонала.

Скоординированные и межсекторальные службы, уделяющие приоритетное внимание безопасности и расширению прав и возможностей женщин

Наряду с принятием законов в последние три десятилетия появилось множество служб реагирования на насилие в отношении женщин,

целью которых являются обеспечение безопасности женщин и поддержка процесса восстановления. Начиная с 1970-х годов феминистские движения, преимущественно в Соединенном Королевстве и США, добились увеличения числа приютов и убежищ, которые стали для женщин и их детей безопасным местом для обмена опытом и изучения имеющихся у них альтернативных вариантов. В этих первых приютах женщины получали различные виды поддержки, включая жилье, юридические консультации и рекомендации. За последние два десятилетия службы реагирования на насилие в отношении женщин стали более распространены и в развивающихся регионах, хотя и в меньшей степени из-за нехватки финансирования¹¹⁸. Во многих случаях их курируют женские организации, однако иногда службы поддержки создаются государством. Сегодня в службах по оказанию помощи жертвам насилия можно получить комплексные медицинские услуги, поддержку со стороны полиции, органов юстиции и социальных служб, а также помощь в кризисной ситуации, жилье и консультации.

В течение последних двух десятилетий были также усовершенствованы международные нормы и стандарты в области работы служб по оказанию помощи жертвам насилия в отношении женщин. В согласованных выводах пятьдесят седьмой сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по положению женщин 2013 года содержится призыв создать на всех уровнях с использованием всех имеющихся технологий всеохватные, скоординированные, междисциплинарные, доступные и постоянные многосекторальные службы, программы и механизмы для всех жертв насилия в отношении женщин и девочек и их близких¹¹⁹. Кроме того, в своем докладе за 2017 год Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин отметила, что такие услуги должны быть ориентированы на потребности потерпевших и на права человека женщин, безопасность и расширение прав и возможностей потерпевших и направлены на недопущение повторной виктимизации женщин и детей¹²⁰. В дополнение к этим принципам опыт оказания подобных услуг во всем мире показал, что межсекторальная работа служб должна хорошо координироваться, быть доступной, целесообразной, высококачественной и основанной на интересах жертв¹²¹.

Несмотря на то, что гендерное насилие все чаще занимает центральное место в государственных политических программах, существует ряд проблем и ограничений, влияющих на качество работы служб реагирования. Меры жесткой экономии, применявшиеся во многих странах как в прошлом, так и в настоящее время, привели к серьезному сокращению финансирования служб по оказанию

помощи жертвам насилия в отношении женщин, что в свою очередь сказалось на наличии, доступности и качестве услуг. Например, проведенное в ЮАР исследование показало, что в тех случаях, когда телефонная «горячая линия» не может удовлетворить спрос или обеспечить круглосуточное обслуживание, женщины перестают искать поддержки по причине разочарования¹²².

Общей проблемой во всем мире является отсутствие координации между ведомствами и организациями, занимающимися проблемами насилия в отношении женщин, включая медицинские и социальные службы, полицию, службы судебно-медицинской экспертизы и систему уголовного преследования. Для улучшения координации в некоторых странах были созданы специальные структуры, такие как действующие на разных уровнях межсекторальные целевые группы, или разработаны специальные протоколы передачи дел. Однако дополнительные усилия необходимы для того, чтобы обеспечить отсутствие риска для безопасности женщин в результате неспособности учреждений координировать свои действия.

Некоторые нововведения, ориентированные на расширение доступа к службам поддержки, включают предоставление мобильных услуг или размещение служб по оказанию помощи жертвам насилия в отношении женщин в составе других служб. В развивающихся и развитых странах появились центры «одного окна» для оказания медицинских, полицейских и социальных услуг в одном месте, зачастую в больнице, клинике или суде. Это позволяет жертвам насилия эффективно и без затруднений получить доступ к необходимым услугам и таким образом избежать потенциальной травмы в результате неоднократной дачи показаний. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что центры «одного окна» могут расширить доступ женщин к правосудию и службам поддержки и полностью соответствуют требованиям потребителям. Однако успех этого новаторского подхода зависит от финансирования и политической воли: ограниченные бюджеты, нехватка специализированного персонала, неадекватная подготовка, дефицит времени и неэффективная система перенаправления в другие службы могут ограничивать его действенность¹²³.

Примером хорошо оснащенного и функционирующего центра такого типа является универсальный центр Isange в Кигали, Руанда. В центре, расположенном при полицейском госпитале Касури, работают координатор, девять психологов, гинеколог, шесть социальных работников, три врача (с опытом в области судебно-медицинской экспертизы), четыре врача общей практики, психиатрическая медсестра и сотрудник

ВСТАВКА 6.5**УСЛУГИ СОВЕТА ЖЕНЩИН НАРОДНОСТЕЙ НГАНЯТЬЯРА, ПИТЯНТЬЯРА И ЯНКУНЬТЯРА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ БЫТОВОГО И СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ**

Совет женщин народностей нганятыра, питянтятяра и янкунтьятяра был создан в Австралии в 1980 году в качестве организации женщин-аборигенов, главным образом вследствие борьбы питянтятяра за земельные права в Южной Австралии в конце 1970-х годов, поскольку женщины были исключены из переговорного процесса. Изначально Совет женщин создавался как правозащитная организация, однако сейчас он является основным поставщиком услуг для общин аборигенов, в том числе услуг по оказанию помощи жертвам насилия в отношении женщин¹²⁶.

В 1994 году Совет женщин приступил к реализации пилотного проекта по борьбе с широко распространенным бытовым и семейным насилием и негативным опытом обращения женщин-аборигенов к системе уголовного правосудия. Пилотный проект предусматривал несколько компонентов, включая правовую и иную поддержку отдельных женщин, подвергающихся насилию, участие на уровне общины, разработку протоколов для основных служб, таких как полиция, консультативную помощь в проведении законодательной реформы и взаимодействие с заинтересованными сторонами в целях укрепления системы реагирования на гендерное насилие. Совету женщин пришлось преодолеть первоначальное сопротивление общины, обусловленное опасениями, что его деятельность приведет к увеличению числа заключенных мужчин. Однако с момента своего создания проект значительно вырос — с 59 обращений в год до 479 обращений в 2015 году.

За эти годы Совет женщин получил богатый опыт, касающийся вопросов доверия и солидарности. Так, Совет предпочитал нанимать местных женщин-аборигенов, что встретило сопротивление со стороны членов общины в связи с риском конфликтов, вызванных родством. В действительности, наличие тесных связей Совета женщин с местным сообществом и его исторической борьбой, обеспечило доверие местных женщин к его сотрудницам, не являющимся аборигенами¹²⁷.

Другой проблемой, которую пришлось решать Совету женщин, стало его местоположение на границе трех разных штатов и территорий Австралии, в результате чего на деятельность Совета распространялись различные полицейские протоколы и правовые нормы. Главным успехом стало достижение договоренности между разными юрисдикциями о предоставлении женщинам трансграничного доступа к системе уголовного правосудия.

полиции. Они оказывают бесплатную ежедневную круглосуточную помощь, в том числе в области экстренной контрацепции, профилактики ВИЧ, инфекций, передающихся половым путем, и другой медикаментозной помощи. В центре каждая жертва насилия первоначально встречается с социальным работником, который предоставляет общую информацию и направляет к медицинским и психосоциальным специалистам и полицейским. Кроме того, при центре есть приют с базовыми удобствами на три койко-места¹²⁴.

Серьезной проблемой остается доступность таких служб для женщин, сталкивающихся с множественными перекрестными формами насилия. Например, существуют значительные пробелы в доступности услуг по оказанию помощи жертвам насилия в отношении женщин в сельских и отдаленных районах. Так, в Бразилии, несмотря на существование более 450 женских полицейских участков, женщины, проживающие в бедных районах или за пределами крупных городов, сталкиваются с трудностями в получении доступа к ним, особенно если не могут позволить себе транспортные услуги¹²⁵.

Для пожилых женщин, женщин из числа коренного населения, мигрантов, лесбиянок, бисексуалов и трансгендеров или женщин с ограниченными возможностями доступ к основным услугам ограничен дополнительными препятствиями. К ним могут относиться языковой барьер, культурная дискриминация, физические препятствия или недостаток компетентности сотрудников для адекватного реагирования с учетом специфики жизненных обстоятельств этих женщин. В ответ на это во многих странах созданы специальные службы поддержки, ориентированные на конкретные группы женщин. Одним из таких примеров является австралийский Совет женщин, предоставляющий услуги по оказанию помощи жертвам насилия в отношении женщин в общинах аборигенов (см. вставку 6.5).

Предотвращение насилия в отношении женщин и девочек в семье: другой мир возможен

Нет сомнений в том, что работа системы уголовного правосудия необходима для демонстрации нетерпимости общества к преступному насилию

в семье. Однако решение проблемы насилия в отношении женщин исключительно посредством системы уголовного правосудия не является устойчивым, поскольку оно не устраняет первопричины. Более того, несмотря на то, что службы поддержки улучшают здоровье и благополучие жертв насилия, имеются лишь ограниченные свидетельства, что они способны снизить уровень повторной виктимизации¹²⁸. Вследствие этого, в настоящее время повышенное внимание уделяется предотвращению насилия в отношении женщин и девочек путем устранения его коренных причин и факторов риска.

В то же время важно понимать, что профилактические мероприятия должны осуществляться в дополнение к адекватной работе служб реагирования и системы правосудия, а не вместо нее. Чтобы положить конец насилию в долгосрочной перспективе, меры предупреждения и реагирования должны дополнять друг друга: «Профилактика возможна только в том случае, если система, работающая с жертвами насилия, ориентирована на обеспечение их безопасности»¹²⁹. В основе всех усилий по предотвращению насилия лежит идея о том, что гендерное насилие не является неизбежной частью жизни и «другой мир возможен»¹³⁰.

Новый пример практики предупреждения насилия в отношении женщин и девочек строится на идее многостороннего вмешательства на разных ступенях социально-экологической модели, в частности на индивидуальном/межличностном уровне, на уровне местного сообщества и общественном¹³¹. Некоторые ученые предположили, что разработка стратегий профилактики требует более сложной модели, которая дает представление о конкретных факторах, обуславливающих вероятность насилия, чтобы сосредоточить работу на их устранении¹³². Например, каким образом суровое воспитание в детстве связано с жесткими представлениями о гендерных ролях и как оно влияет на вероятность совершения актов насилия?

Несмотря на то, что важность предупреждения насилия все чаще признается на страновом уровне, подавляющее большинство стран сообщает о проведении краткосрочных специальных мероприятий, однако очень немногие из них внедряют долгосрочные, скоординированные и многосекторальные стратегии предотвращения насилия. В рамках нескольких перспективных подходов можно добиться трансформации гендерных норм и устранить глубинные факторы, действующие на разных уровнях (индивид, сообщество и

ВСТАВКА 6.6 КАМПАНИЯ ПО МОБИЛИЗАЦИИ СООБЩЕСТВА. ОПЫТ SASA!

SASA! — это кампания по мобилизации сообщества, которую начала в Уганде неправительственная организация Raising Voices. Она направлена на изменение отношений, норм и поведения в сообществе, которые приводят к гендерному неравенству, насилию и повышению уязвимости к ВИЧ среди женщин. В рамках проекта изучается динамика баланса сил и гендерных отношений и ведется систематическая работа с широким кругом заинтересованных лиц в сообществе в целях содействия критическому анализу и продвижения дискуссий. SASA! с языка суахили переводится как «сейчас» и является аббревиатурой названий четырех этапов работы: Start («Старт»), Awareness («Осведомленность»), Support («Поддержка») и Action («Действие»).

Результаты проведенной в 2013 году оценки свидетельствуют о снижении социальной терпимости к физическому насилию как среди женщин, так и среди мужчин, и о росте общественного одобрения отказа женщины от сексуальных отношений с партнером. По имеющимся данным, уровень физического насилия в отношении женщин со стороны партнера в течение 12 месяцев до проведения исследования был на 52% ниже в тех сообществах, где проводилась кампания SASA!¹³⁵

Такие результаты были достигнуты благодаря вниманию SASA! к динамике индивидуальных взаимоотношений и влиянию проекта на социальные нормы сообществ. Кампания SASA! помогла супружеским парам увидеть преимущества гендерных ролей, выстраиваемых на основе взаимной поддержки, укрепить коммуникацию и научиться совместному принятию решений и урегулированию проблем. На уровне сообщества деятельность SASA! была ориентирована на создание атмосферы нетерпимости к насилию в отношении женщин посредством информационной работы, вовлечения членов сообщества в тематические дискуссии, а также расширения навыков и поощрения готовности и ответственности людей в вопросах сокращения случаев насилия в отношении женщин в сообществах.

Основной проблемой для ресурсоемкой, трудоемкой и обусловленной конкретным контекстом кампании, такой как SASA!, является ее масштабируемость и устойчивость. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы изучить, как подобная модель может быть увеличена до национального масштаба.

общество)¹³³. Однако такие рамочные механизмы, а также международные документы подтверждают, что ни один вид вмешательства сам по себе не приведет к прекращению насилия в отношении женщин, в то время как комбинированные стратегии, возможно будут более эффективными.

Большая часть литературы по вопросам предотвращения насилия, посвящена теме насилия над личностью со стороны интимного партнера. Несмотря на то, что изложенные в этих работах выводы могут быть актуальными в свете предпринимаемых усилий по борьбе с другими формами насилия, такими как насилие, связанное с приданым, и преступления в защиту «чести», эти области требуют дополнительного исследования для определения надлежащих стратегий. Эффективными или многообещающими с точки зрения предотвращения бытового насилия признаются следующие подходы на индивидуальном, межличностном уровнях и на уровне местного сообщества, среди которых¹³⁴:

- мобилизация сообщества для изменения социальных норм, касающихся гендерных ролей и властных отношений между женщинами и мужчинами (см. вставку 6.6);
- мероприятия на уровне школ, ориентированные на изменение гендерных норм и поощрения уважительных отношений, в частности мероприятия общешкольного характера;
- долгосрочные, целевые и устойчивые программы

и кампании с использованием социальных сетей и традиционных СМИ, таких как телевидение и плакаты;

- тренинги или программы по вопросам гендерных норм и ролей для женщин и мужчин;
- программы расширения экономических прав и возможностей женщин, ориентированные на изменение соотношения сил между женщинами и мужчинами;
- мероприятия для детей, подвергшихся насилию в семье;
- программы, направленные на решение проблем строгого воспитания и жестокого обращения с детьми.

Образовательные учреждения являются важными площадками для проведения подобных кампаний, поскольку именно там можно изменить нормы и взгляды мальчиков и девочек, допускающие насилие в отношении женщин и девочек, а также охватить девочек-подростков в тот период, когда они особенно уязвимы для насилия. Учитывая уязвимость девочек-подростков, крайне важно, чтобы мероприятия были ориентированы на разные возрастные группы. Одним из примеров являются программы всестороннего полового просвещения, продвигающие гендерное равенство и права человека и играющие ключевую роль в предотвращении насилия в отношении женщин благодаря знакомству молодых людей, в том числе мальчиков-подростков, с понятиями согласия, уважительных отношений и сексуальных прав (см. главу 3)¹³⁶.

ВСТАВКА 6.7 ДВИЖЕНИЕ NIJERA KORI В БАНГЛАДЕШ

Nijera Kori — это движение безземельных сельских жителей, зарабатывающих на жизнь главным образом ручным трудом и объединивших усилия, чтобы заявить о своих правах и решить проблему социального, политического и экономического неравенства. В организации насчитывается 202 077 членов, более половины из которых составляют женщины¹⁴¹. Nijera Kori использует принцип «гендерной синхронизации», согласно которому женщины и мужчины работают вместе для решения проблем, представляющих общий интерес. На уровне деревень сотрудники Nijera Kori поддерживают создание отдельных женских и мужских групп, что способствует эффективному сотрудничеству в условиях постоянного диалога между группами и совместного принятия решений.

Качественное исследование в двух областях деятельности Nijera Kori показало, что организация добилась определенных успехов в сокращении масштабов насилия в отношении женщин и девочек — приоритетной области для сотрудников организации и членов групп. В частности, коллективные соглашения между безземельными общинами, организованными Nijera Kori, добились снижения уровня насилия, связанного с приданым, и числа ранних браков — двух практик, ассоциирующихся с насилием в семье.

Эти результаты были достигнуты благодаря ряду стратегий, таких как повышение осведомленности женщин об их правах и привилегиях, поддержка женщин в отстаивании своих прав и помощь мужчинам в изменении собственных взглядов, а также в противодействии насилию других мужчин в отношении женщин и девочек. По данным организации, в 2013–2014 годах 283 акции групп безземельных мужчин предотвратили 109 детских браков и 198 случаев бытового насилия.

В последние годы роль частного сектора в решении проблемы насилия в отношении женщин становится все более очевидной. Разработка нового глобального стандарта в отношении насилия и домогательств в сфере труда подчеркивает роль работодателей как в поддержке работников, которые сталкиваются с бытовым насилием, так и в принятии активных мер по предотвращению насилия в семье посредством программ по повышению осведомленности и изменению моделей поведения. Например, в Новой Зеландии был принят закон об оплачиваемом отпуске для жертв насилия в семье, признавая влияние бытового насилия на занятость женщин¹³⁷.

В то же время все больше внимания уделяется роли мужчин и мальчиков¹³⁸. Вместе с тем фактических данных о результатах мало, что в основном свидетельствует об изменении взглядов, а не статистики совершаемых актов насилия или социальных норм. Имеющийся на сегодняшний день опыт показывает, что «в некоторых обстоятельствах изменить мужчин проще всего путем вовлечения женщин и расширения их прав и возможностей»¹³⁹, а

6.5 ВЫВОДЫ

Насилие в отношении женщин и девочек слишком долго воспринималось как «частная» проблема; теперь же признание того факта, что гендерное насилие является глобальным нарушением прав человека, позволяет ожидать от правительств действий и обязательств по ликвидации насилия в семье и за ее пределами. Тем не менее насилие в отношении женщин и девочек в семье по-прежнему распространено и носит постоянный характер.

Причины его существования неоднозначны, а пробелы в данных по-прежнему затрудняют понимание масштабов и распространенности многих форм насилия, с которыми сталкиваются женщины и девочки в семье. Однако очевидно, что обеспечение равных прав, ресурсов, статуса и голоса женщин в семье, а также решение проблем, связанных с привилегиями, доминированием и контролем со стороны мужчин, являются основой обеспечения безопасности, равенства и уважения в семье в долгосрочной перспективе. Несмотря на то, что семьи часто становятся территорией насилия и жестокого обращения с женщинами и девочками, они также представляют собой потенциальное место, где взгляды, нормы и модели поведения могут меняться.

Во всем мире все чаще вводятся в действие законы и меры политики, направленные на борьбу с насилием

также за счет трансформации мужского поведения в дополнение к этим усилиям¹⁴⁰. Необходимость более целостного подхода проиллюстрирована на примере Бангладеш (см. вставку 6.7).

В число проблем, затрудняющих все виды деятельности по предотвращению насилия в отношении женщин, входят меры жесткой экономии и ограниченное финансирование механизмов предупреждения насилия и реагирования на него; краткосрочный и несистематический характер мер; ожидание, что одна единственная мера положит конец всем видам насилия; ограничение масштабируемости, особенно в случае долгосрочных и ресурсоемких стратегий, а также ограниченная работа в области исследований и мониторинга. С учетом того, что гендерное неравенство является основной причиной насилия в отношении женщин, все стратегии по его предупреждению должны осуществляться в сочетании со стратегиями достижения гендерного равенства в социальной, экономической и политической областях.

в отношении женщин и девочек. Тем не менее сохраняется множество несоответствий и пробелов в правовой защите, а также проблем, связанных с реализацией и соблюдением таких мер. Во всех странах существуют значительные препятствия для улучшения качества и расширения сферы охвата служб реагирования на насилие в отношении женщин и девочек.

По-видимому, главная сложность состоит в том, что ресурсы, выделяемые на предупреждение и реагирование на насилие в отношении женщин и девочек в семье, не соответствуют масштабам проблемы. Меры жесткой экономии, почти универсальный рецепт в условиях периодических финансовых кризисов, представляют собой угрожающее препятствие для достижения прогресса в ликвидации насилия в отношении женщин и девочек, поскольку, когда ставится вопрос о сокращении бюджета, необходимые услуги служб поддержки оказываются под угрозой в первую очередь. Повышенное внимание, которое в последнее время уделяется предотвращению насилия, является весьма обнадеживающим; однако, для того чтобы перейти от экспериментов к достижению масштабируемых и устойчивых результатов, требуются значительные инвестиции со стороны правительств и доноров.

Получение защиты для трудящихся- мигрантов Индонезии и их семей

Миллионы индонезийцев, работающих за границей, ценой больших усилий получили юридическую защиту от эксплуатации благодаря работе активистов.

Анис Хидайя была еще студенткой, когда однажды утром взяла газету и прочитала историю местной женщины, которая оставила своих маленьких детей в Индонезии, чтобы поехать на заработки за тысячи километров в одно из государств Персидского залива. Там ее эксплуатировал, избивал и насиловал ее работодатель. Когда она вернулась домой, с ней стали обращаться как с изгоем, а ее молодая семья подверглась унижениям и остракизму.

«Эта история зажгла во мне огонь», — вспоминает г-жа Хидайя. «Это же могла быть моя мать и моя семья. Это только одна история, но от этого страдают миллионы по всей стране».

Анис Хидайя, одна из основателей Migrant Care, у себя дома.

Фото: ООН-женщины / Эд Рэй

«Жизнь трудящихся-мигрантов, особенно занимающихся домашней работой, может быть небезопасной во многих отношениях».

Индонезия имеет одно из крупнейших в мире сообществ трудящихся-мигрантов. В 2016 году около 9 млн индонезийцев работали за границей. Половину составляли женщины, большинство из которых были заняты в неофициальном секторе в качестве домработниц¹.

Как отмечает г-жа Хидайя, многие семьи в Индонезии рассчитывают, что по крайней мере один взрослый будет искать работу за границей, поскольку они считают это единственным способом значительно увеличить потенциал заработка, обеспечить образование и расширить перспективы своих детей. В деревне, где выросла г-жа Хидайя, многие ее друзья воспитывались бабушкой и дедушкой, а родители жили за границей. «Я поняла, что это была моя община и моя проблема», — говорит она.

В 2004 году г-жа Хидайя и группа других правозащитников создали организацию Migrant Care, которая борется за защиту прав трудящихся-мигрантов Индонезии. На сегодняшний день в организацию ежегодно поступает более 1000 звонков от работников или семей, нуждающихся в помощи.

«Жизнь трудящихся-мигрантов, особенно занимающихся домашней работой, может быть небезопасной во многих отношениях», — делится г-жа Хидайя. — Их эксплуатируют, заставляют работать сверхурочно, у них нет доступа к еде или надлежащему отдыху, и они подвергаются сексуальным домогательствам и насилию».

Более 12 лет Migrant Care борется за то, чтобы обеспечить индонезийских граждан, работающих за рубежом, более надежной защитой в соответствии с законодательством Индонезии. В 2017 году правительство приняло новые нормы, которые впервые гарантировали некоторые основные права работникам, мигрирующим через официальные каналы².

«Новое законодательство, пусть и не идеальное, является для нас огромной победой», — отмечает г-жа Хидайя. Одним из наиболее важных

положений, которых удалось добиться в результате кампании Migrant Care, стало ограничение роли агентств по трудоустройству в процессе миграции.

«Раньше предоставление отбывающим работникам и их семьям информации об их правах входило в обязанности рекрутинговых агентств, которыми они зачастую пренебрегали», — рассказывает г-жа Хидайя. Теперь же, когда обучение проводится на уровне деревень, ведущую роль в обеспечении более безопасных миграционных потоков играют сами общины.

Migrant Care помогает организовывать этот процесс в деревнях, проводит семинары по безопасной миграции для местных жителей, которые собираются выехать за границу, а также оказывает помощь при заключении контрактов и предоставляет информацию о законных правах в странах назначения и о том, где можно получить помощь, если они окажутся в беде.

Организация также помогает сельским общинам поддерживать детей, оставшихся дома. «Пока родитель находится за границей, мы должны быть осведомлены о том, например, посещает ли ребенок школу или как с ним обращаются дома», — говорит г-жа Хидайя. — Мы помогаем внедрять системы, в рамках которых благополучие детей оказывается в руках общины, следим за тем, чтобы семьи домашних работников были включены в программы планирования развития сельских

Трудящиеся-мигранты со всей Юго-Восточной Азии, в том числе множество индонезийцев, встречаются в Центре Grandlink в Гейланге, Сингапур, чтобы поговорить на своем языке, хорошо провести время и обменяться информацией о том, как лучше организовать свою жизнь в Сингапуре.

Фото: ООН-женщины / Стейтон Уинтер

Запуск кампании АСЕАН по безопасной миграции 12 декабря 2018 года в Джакарте.

Фото: Секретариат АСЕАН / Кусума Панду Виджая

районов, а также в бюджетные программы. Таким образом, все село несет коллективную ответственность».

В центре внимания Migrant Care находятся не только местные общины. В 2017 году Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) был достигнут знаковый Консенсус о защите и поощрении прав трудящихся-мигрантов, в рамках которого правительства десяти стран региона дали обещание усилить социальную защиту, доступ к правосудию и права человека миллионов рабочих-мигрантов как в странах происхождения, так и в странах назначения³.

По словам г-жи Хидайя, несмотря на эту победу региональных групп гражданского общества, есть еще одна задача, требующая безотлагательного решения. Одним из приоритетов Migrant Care является борьба за права миллионов незарегистрированных работников — тех, кто нелегально мигрирует в поисках работы, — исключенных из Консенсуса, не имеющих защиты и не признанных своим правительством.

Это сложный и деликатный вопрос. С 2015 года Индонезия запретила неофициальным работникам, в том числе занимающимся домашней работой, выезжать на работу в 20 стран, где они сталкиваются с высоким уровнем жестокого обращения и эксплуатации. Однако миллионы индонезийцев, в основном женщины, по-прежнему выезжают нелегально в качестве незарегистрированных

работников в надежде на трудоустройство, оставляя свои семьи дома и практически не имея доступа к правосудию, в случае если с ними что-нибудь случится за границей.

«Мы рассматриваем незарегистрированных работников с точки зрения прав человека и трудовых прав, но эта точка зрения пока не нашла отражения в политике или законодательстве нашей страны или нашего региона, — отмечает г-жа Хидайя. — Тем не менее достижения последних нескольких лет вселяют в нас уверенность в том, что мы действительно можем способствовать достижению долгосрочных и устойчивых изменений даже в этом вопросе».

«Достижения последних нескольких лет вселяют в нас уверенность в том, что мы действительно можем способствовать достижению долгосрочных и устойчивых изменений даже в этом вопросе».

История: Энни Келли

7

СЕМЬИ В МИГРАЦИИ

7.1 ВВЕДЕНИЕ	204
7.2 СЕМЬИ В МИГРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ДВИЖУЩИЕ ФАКТОРЫ	206
7.3 РОЛЬ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВИЛ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОВ	211
7.4 ДОСТИЖЕНИЕ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ПРАВА НА УХОД, РЕСУРСОВ И СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ	219
7.5 УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ С ЦЕЛЬЮ ПОДДЕРЖКИ ЖЕНЩИН И СЕМЕЙ	225
7.6 ВЫВОДЫ	227

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

01

Миграция является одним из важнейших факторов, влияющих на жизнь семей и жизнь женщин в них. На жизни и правах женщин отражаются все формы миграции (трудовая, студенческая, вынужденная и т.д.), не только миграция, предполагающая воссоединение семьи.

02

Женщины составляют около половины всех мигрантов в мире. Для женщины миграция может быть способом расширить доступ к ресурсам, однако она также может повлечь за собой риски и расходы — в пути, по прибытии в пункт назначения или по возвращении домой.

03

Миграционная политика и правила зачастую вынуждают мигрантов жить отдельно от своих семей, причем иногда это продолжается долгие годы. Такая практика диктует необходимость принятия норм, основанных на правах человека, принципах равенства и отсутствия дискриминации, а также предусматривающих воссоединение семей, чтобы женщины-мигранты могли жить семейной жизнью по своему выбору.

04

Дискриминационные миграционные правила могут ослаблять переговорные позиции женщин внутри семьи, например, когда миграционный статус ставится в зависимость от супруга, имеющего вид на жительство либо гражданство страны, или когда женщине отказывают в доступе к социальной защите в случае прекращения отношений.

05

Члены семьи могут сотрудничать и совместно заботиться об оставшихся дома родственниках, однако им необходима поддержка в рамках экономической и социальной политики, в том числе в виде денежных выплат, которая позволила бы избежать чрезмерных нагрузок на тех, кто обеспечивает уход.

06

Всеобщий доступ к социальной защите и государственным услугам — здравоохранению, образованию и уходу за детьми — вне зависимости от правового статуса, является фундаментом прав человека и имеет решающее значение для благополучия женщин-мигрантов и их семей.

07

Можно отметить многообещающие признаки расширения глобального сотрудничества в области управления миграцией. Выполнение обязательств с учетом гендерных факторов требует признания многочисленных ролей, которые женщины играют в общественной и семейной жизни, разнообразия семей, в которых живут женщины, и полного спектра их прав.

7.1 ВВЕДЕНИЕ

Женщины всегда были частью глобальных миграционных потоков¹, хотя их доля среди мигрантов в разные эпохи была разной². Люди мигрируют по причинам, связанным с позитивными обстоятельствами, например, чтобы продолжить обучение, найти работу или жить вместе с партнером. При этом миграция также может быть способом спастись от конфликта, отсутствия средств к существованию, изменений климата, стихийных бедствий и глубоко укоренившихся порядков гендерного неравенства, в том числе насилия в отношении женщин.

Миграция может повлечь за собой определенные риски для женщин, часть которых усугубляется особенностями регулирования. Так, дискриминационные миграционные правила могут ослабить переговорные позиции женщины внутри семьи, когда право оставаться в стране зависит от супруга, являющегося резидентом или гражданином страны³, или когда ограничивается доступ к оплачиваемой работе⁴. Когда женщины являются членами «семей в миграции» ограничительная миграционная политика может разделить их с супругами, детьми или другими родственниками, причем иногда на долгие годы⁵. В таких случаях миграция может привести к семейному конфликту относительно осуществления ухода за оставшимися дома иждивенцами⁶ или расходованию пособий⁷. Более того, это может заставить матерей с детьми использовать нелегальные каналы миграции, подвергая себя дополнительному риску.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы на глобальном, региональном и национальном уровнях разработать и обеспечить функционирование

политики, гарантирующей соблюдение прав женщин-мигрантов или женщин, чьи семьи мигрируют. Конвенции ООН служат основой для соблюдения прав человека мигрантов, включая беженцев и членов их семей; и эти права постоянно дорабатываются договорными органами и специальными процедурами Организации Объединенных Наций (см. вставку 7.1). В то время как выполнение этих обязательств государствами — членами ООН в целом неравномерно, однако в каждом регионе есть примеры политики, направленной на поддержку прав женщин и членов их семей в условиях миграции.

Краткое содержание главы

В начале главы представлены общие тенденции перемещения людей и присутствия женщин в глобальных миграционных потоках. Затем обсуждаются современные факторы, определяющие миграцию, среди которых поиск средств к существованию, бегство от дискриминационных социальных норм и вступление в брак. Второй раздел посвящен обзору разных типов миграции (см. вставку 7.2); после рассматриваются соответствующие правила и политика, которые помогают женщинам-мигрантам жить со своими семьями или наоборот препятствуют этому. В данной главе исследуется влияние миграции на повседневную жизнь и уделяется особое внимание тому, как члены семей обеспечивают уход, поддерживают родственников денежными переводами и договариваются об изменениях в социальных нормах. В заключении главы рассматриваются меры, необходимые для достижения прогресса в реализации прав женщин, являющихся членами «семей в миграции».

ВСТАВКА 7.1

ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ, ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В КОНВЕНЦИЯХ ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Права мигрантов и беженцев защищены основополагающими документами ООН по правам человека, такими как Всеобщая декларация прав человека 1948 года⁸, Конвенция о статусе беженцев 1951 года⁹, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года¹⁰ и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года¹¹. В течение последних 70 лет велась постепенная доработка этой сферы права с целью включения в нее норм, касающихся гендерного равенства и семейной жизни.

Несколько ранних конвенций, например Конвенция № 97 Международной организации труда о работниках-мигрантах 1949 года¹² и Конвенция о статусе лиц без гражданства 1954 года¹³, указывают на необходимость обеспечить отсутствие дискриминации по отношению к мигрантам при предоставлении доступа к социальным пособиям в целях поддержки их семей. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года подтверждает и расширяет эти права, требуя от государств обеспечить равное отношение к мигрантам и гражданам в плане доступа их семей к социальному обеспечению (статья 27), медицинскому обслуживанию (статья 28), образованию (статья 30) и права на участие в культурной жизни (статья 31)¹⁴.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКП) в многочисленных замечаниях общего порядка уточняет, что указанные в Пакте права являются всеобщими, универсальными и применимы ко всем людям, вне зависимости от их гражданства или правового статуса¹⁵. В 2017 году КЭСКП опубликовал заявление, в котором подтвердил прямое обязательство государств-членов гарантировать права без дискриминации, подчеркнув, что «защита от дискриминации не может зависеть от урегулированного правового статуса лица в принимающей стране»¹⁶. Таким образом, КЭСКП четко разъяснил, что в соответствии с Пактом государства-члены обязаны гарантировать доступ к здравоохранению, образованию и другим социальным услугам всем жителям, включая нерегулярных и недокументированных мигрантов¹⁷.

В общей рекомендации №26 по вопросу о трудящихся женщинах-мигрантах 2009 года Комитет КЛДЖ также поясняет, что «даже при отсутствии надлежащего иммиграционного статуса у незарегистрированных трудящихся мигрантов-женщин государства-участники должны обеспечивать защиту их основных прав человека», и в связи с этим женщины имеют право на удовлетворение основных нужд, в том числе в случае требующих экстренной помощи проблем со здоровьем, а также беременности и материнства¹⁸.

Право на воссоединение семьи определено в нескольких документах, в том числе в Конвенции о правах ребенка 1989 года. Статья 10 Конвенции гласит, что заявления о воссоединении семьи «должны рассматриваться государствами-участниками позитивным, гуманным и оперативным образом»¹⁹. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года включает в понятие «семья» супругов и лиц, состоящих в отношениях, которые могут быть приравнены к браку, а также их не состоящих в браке несовершеннолетних детей (статья 44)²⁰. Специальный докладчик по правам мигрантов призвал государства-члены расширить программы легализации для возможности социальной интеграции и воссоединения семей²¹.

В общей рекомендации №26 2009 года Комитет отмечает, что работающие женщины-мигранты часто не могут воспользоваться механизмами воссоединения семьи из-за специфики сектора занятости, например, когда они работают в качестве домашних работников или в сфере развлечений²². Комитет настоятельно призывает государства «обеспечить, чтобы программы воссоединения семей не предусматривали прямой или косвенной дискриминации по признаку пола»²³.

Признавая, что женщины-мигранты могут быть более подвержены жестокому обращению со стороны супругов или работодателей, Комитет КЛДЖ также заявляет, что «жертвам жестокого обращения должны предоставляться соответствующие экстренные и социальные услуги вне зависимости от их иммиграционного статуса»,²⁴ и что государствам-участникам следует разрешить их законное пребывание²⁵. Кроме того, Комитет дает важные разъяснения о необходимости предоставления независимого статуса резидента женщинам, находящимся на попечении супруга²⁶.

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции²⁷ и Глобальный договор о беженцах²⁸, принятые в декабре 2018 года и построенные на этой обстоятельной нормативной базе, отражают признание необходимости международного сотрудничества и единого всеобъемлющего подхода к управлению миграцией, в том числе статусом членов семьи, на основе прав человека и недискриминации (см. раздел 7.5).

7.2 СЕМЬИ В МИГРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ДВИЖУЩИЕ ФАКТОРЫ

Во всем мире имеются лишь ограниченные сопоставимые данные об изменениях в семьях в условиях всех видов миграции. Данные, собираемые в пунктах въезда в страну и в ходе переписей, не всегда отражают семейные отношения между отдельными мигрантами, не говоря уже о членах семьи, которые остались дома или были разделены в пути²⁹. Таким образом, статистический портрет транснациональных семей, члены которых проживают более чем в одной стране³⁰, и семей, члены которых проживают в пределах одного государства, в лучшем случае только начинает вырисовываться. Однако имеющаяся разбивка данных по возрасту и полу создает некоторое представление о масштабах перемещения семей. В начале раздела приведено описание миграционного движения на макроуровне, отражающее изменение географии миграции и ее движущих факторов³¹.

Управление миграцией основано на различных категориях подвижности населения, отсылки к которым также представлены в этой главе. Вставка 7.2 знакомит с соответствующей терминологией и определениями, взятыми из Глоссария терминов в области миграции, составленного Международной организацией по миграции ООН с целью введения общепринятых определений различных форм перемещения людей³².

Меняющаяся география и движущие силы миграции

В 2017 году международные мигранты составляли 3,4% населения мира, то есть примерно 257,7 млн человек³³, в том числе 25,4 млн беженцев и 3,1 млн просителей убежища³⁴. В целом международная миграция остается на относительно стабильном уровне с 1950-х годов: общая численность международных мигрантов колеблется на уровне 2,5–3,5% населения мира³⁵. При этом необходимо отметить и некоторые важные сдвиги.

Во-первых, это меняющаяся география миграции за последние три десятилетия³⁶. Значительное внимание уделяется миграции из развивающихся стран в развитые, однако это лишь часть общей картины. Большая часть международной миграции фактически происходит внутри региона: в 2017 году около 132,1 млн человек (51% всех международных мигрантов) проживали в стране, отличной от

страны происхождения, но в том же географическом регионе³⁸.

В целом современная миграция всех видов представляет собой все увеличивающееся по масштабам перемещение между развивающимися странами (см. рисунок 7.1). В период 2000–2017 годов семь из десяти двусторонних миграционных коридоров (в том числе для беженцев) с наибольшим движением населения включали страны назначения с низким и средним доходом: Иордания, Ливан и Турция принимали беженцев из Сирии; Уганда принимала беженцев из Южного Судана, а в Кувейт, Оман и Саудовскую Аравию направлялись экономические мигранты из Индии. В США — единственную развитую страну в десятке миграционных коридоров с самым большим потоком мигрантов — прибывают мигранты из Китая, Индии и Мексики⁴⁰. Сегодня наблюдается очевидное изменение миграционных моделей 1990–2000 годов, когда семь из десяти стран назначения в коридорах с наибольшим потоком населения являлись развитыми странами⁴¹.

Кроме того, 85% беженцев и лиц, ищущих убежища, проживают в развивающихся странах⁴². Основными странами, предоставляющими убежище для беженцев, в порядке численности принимаемого населения, являются Турция (где число размещенных беженцев более чем вдвое превышает их число в любой другой стране списка), Пакистан, Уганда, Ливан, Исламская Республика Иран, Германия, Бангладеш, Судан, Эфиопия и Иордания⁴³.

И все же наиболее распространенной формой миграционного движения является не международная, а именно внутренняя миграция. Движущие факторы внутренней миграции во многом схожи с международной, хотя она требует меньших затрат и встречает меньше юридических препятствий. Существенная ограниченность имеющихся данных затрудняет точный подсчет числа внутренних мигрантов в мире. Согласно консервативным оценкам за 2013 год (последний год, за который имеются данные), во всем мире было по крайней мере 762,6 млн внутренних мигрантов⁴⁴. Это означает, что число внутренних мигрантов превышает число международных примерно в три раза.

Эта тенденция обусловлена в первую очередь поразительным ростом числа вынужденных перемещений, в том числе увеличением числа лиц, вынужденных переезжать в пределах страны своего происхождения в качестве внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). По всему миру насчитывается 68,5 млн вынужденных переселенцев, из которых 40 млн являются ВПЛ, а вынужденное

перемещение становится все более важным фактором движения населения и разделения семей⁴⁵. Только в 2017 году 16,2 млн человек вынуждены были поменять место жительства в результате преследований, климатических бедствий, затяжных конфликтов и других видов насилия: это рекордная цифра за последние пять лет⁴⁶. Большинство из них (11,8 млн) составили ВПЛ⁴⁷.

ВСТАВКА 7.2 ПЕРЕМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Ниже приводятся понятия и их определения из Глоссария терминов по вопросам миграции Международной организации по миграции, составленного для решения проблемы отсутствия общепринятых определений различных форм движения населения⁴⁸.

Убежище — форма защиты, предоставляемая государством человеку, который не может получить ее в своей стране гражданской принадлежности и/или проживания в силу опасений стать жертвой преследований, либо принадлежности к определенной социальной группе, или политических убеждений.

Перемещение — принудительное выселение лица из его дома или страны, в частности по причине вооруженного конфликта, широкомасштабного насилия, нарушения прав человека, стихийного бедствия или антропогенной катастрофы (иногда называемое вынужденным перемещением). Согласно международному праву, перемещенные лица не обладают теми же правами, что и беженцы, несмотря на то что многие из проблем перемещенных лиц совпадают с проблемами беженцев.

Семейная миграция — общее понятие, касающееся воссоединения семьи и миграции семейной ячейки в целом.

Воссоединение семьи — процесс, при котором члены семьи, уже разлученные посредством принудительной или добровольной миграции, воссоединяются не в стране своего происхождения.

Внутренне перемещенные лица — лица или группы лиц, которые были вынуждены покинуть свои дома или места постоянного проживания, но не пересекавшие международно-признанные государственные границы.

Внутренняя миграция — передвижение людей из одного региона страны в другой с целью или намерением поиска нового места проживания.

Трудовая миграция — передвижение людей из своей страны в другую или внутри своей страны проживания с целью найма на работу.

Мигрант — любое лицо, меняющее страну обычного проживания. Долговременный мигрант — это человек, который переезжает не в свою страну обычного проживания по меньшей мере на год. Кратковременный мигрант — это человек, направляющийся не в страну своего обычного проживания, по меньшей мере на три месяца (но не более, чем на один год), за исключением случаев, когда миграция в эту страну происходит по причине отдыха, отпуска, посещения друзей или родственников, служебной надобности, лечения или религиозного паломничества⁴⁹.

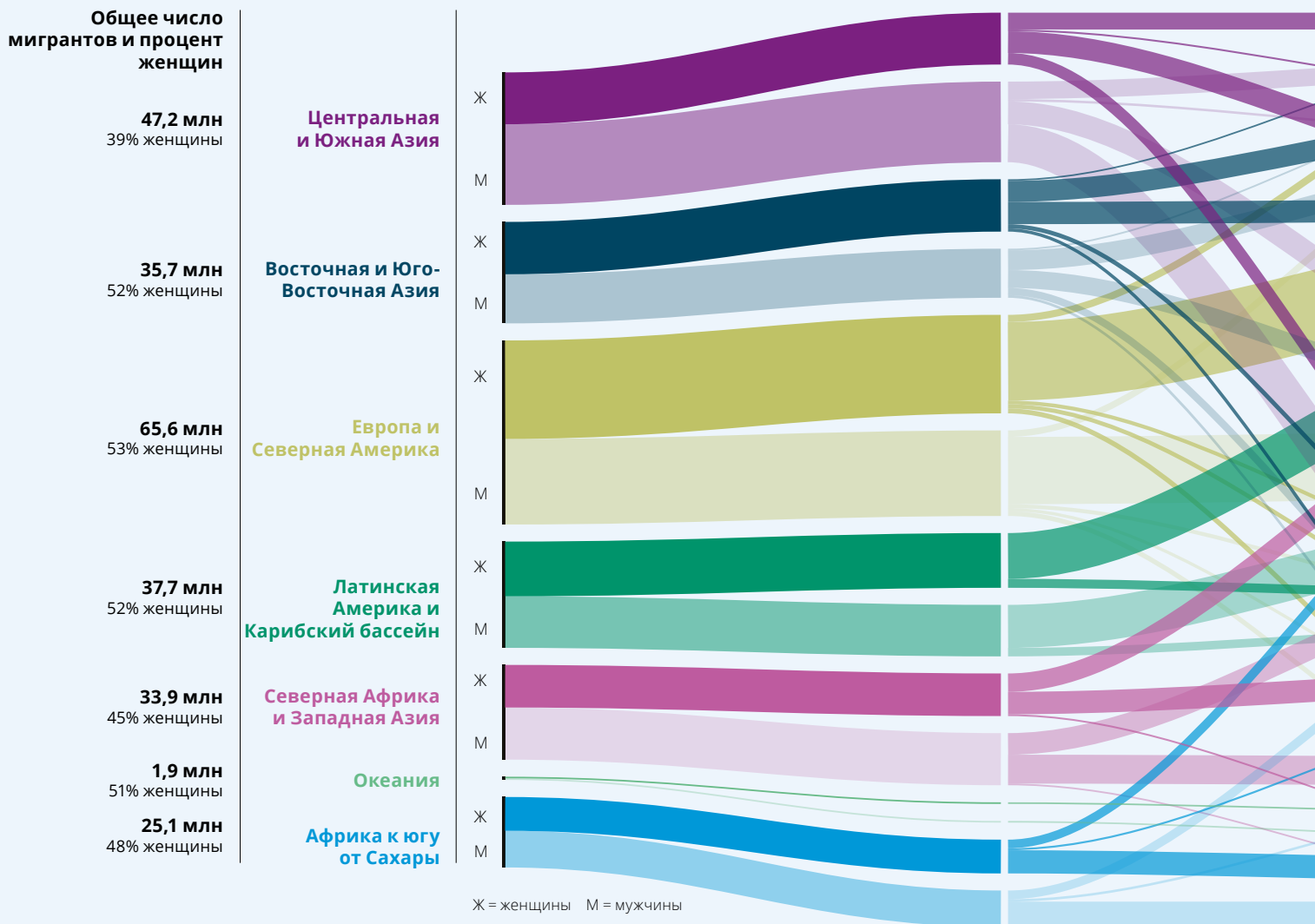
Беженец — человек, который в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или, вследствие таких опасений, не желает пользоваться такой защитой.

Миграция квалифицированных специалистов — перемещение трудящихся-мигрантов, которые благодаря своим профессиональным навыкам и опыту обычно получают льготный режим при въезде в страну пребывания. Так называемые «неквалифицированные мигранты» часто мигрируют, восполняя нехватку необходимой рабочей силы в таких сферах, как строительство, уход и общественное питание в принимающей стране.

СТРАНЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАНТОВ

Члены семьи часто живут на разных континентах, однако большая часть международной миграции происходит в пределах одного региона.

Люди из стран этих регионов

Женщины, мужчины и их семьи мигрируют по разным и сложным причинам

Безопасность детей

Бегство от насилия

Воссоединение семьи

Бегство от нищеты

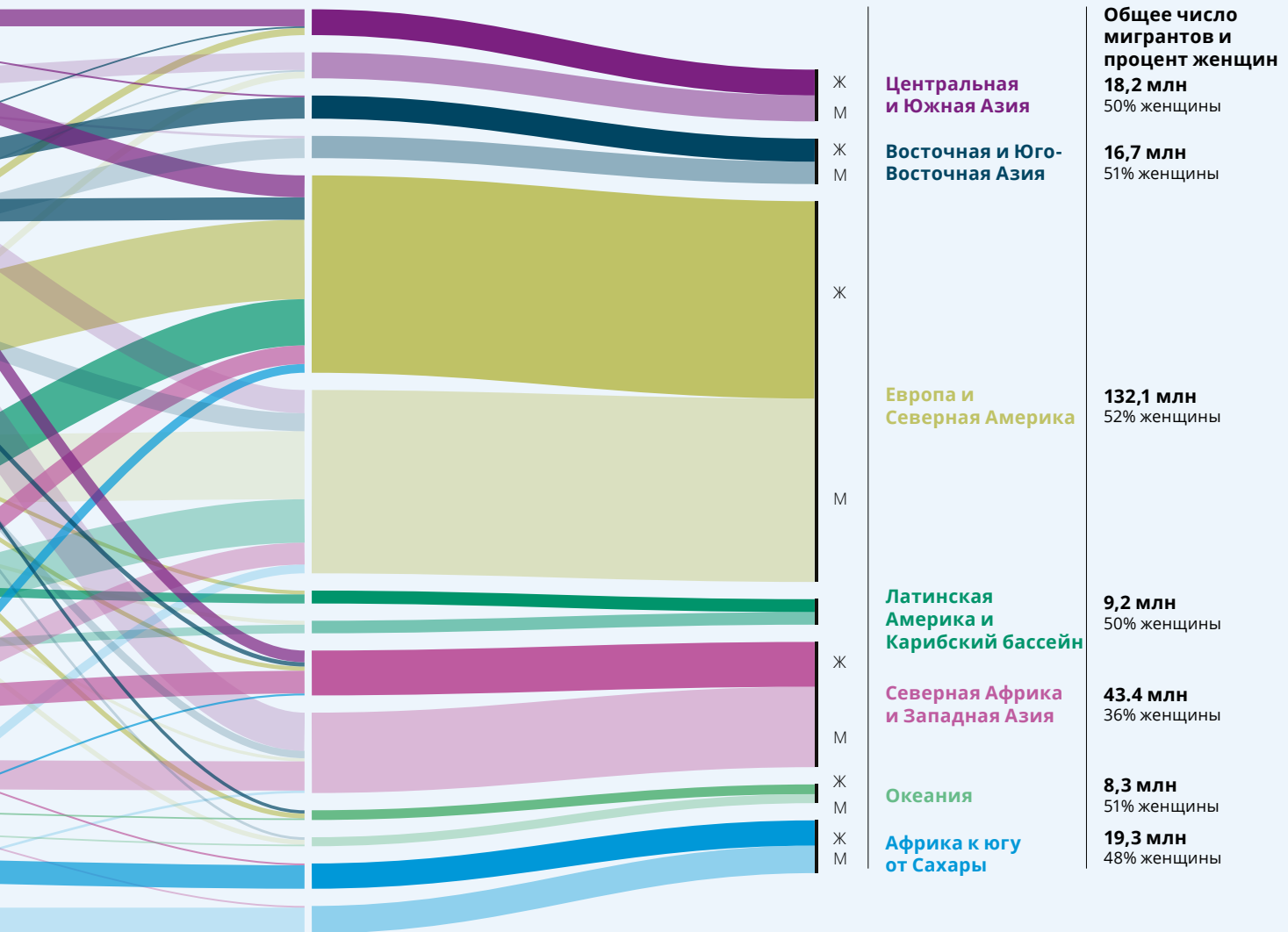

Трудовая деятельность/поиск средств к существованию

Источник: UN DESA, 2017e.

Примечание: Общее число мигрантов округлено до ближайшей сотни тысяч.

→ Проживающие в настоящее время в разных странах этих регионов

При переезде в поисках лучшей жизни женщины-мигранты становятся особенно уязвимыми

1

Риск сексуального насилия в пути, а также по прибытии

2

Труд на небезопасных и низкооплачиваемых работах

3

Невозможность спастись от насилия в семье, особенно если миграционный статус зависит от статуса супруга.

Доля женщин среди мигрантов в мире

Женщины традиционно считались мигрантами второй волны, следующими за мужчинами⁵⁰. На рисунке 7.2 показано, что в 2017 году женщины составляли чуть меньше половины (48,4%) от общего числа людей, живущих в странах, отличных от страны рождения⁵¹. На долю женщин приходилось почти 47% международных мигрантов в мире уже к 1960 году⁵².

В то время как общая доля женщин-мигрантов со временем изменилась незначительно, на рисунке 7.2 заметно разнообразие регионов. Женщины составляют не менее 50% всех международных мигрантов в трех регионах: Австралии и Новой Зеландии, Европе и Северной Америке, а также Латинской Америке и странах Карибского бассейна. При этом в Центральной и Южной Азии, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Северной Африке и Западной Азии наблюдается уменьшение доли женщин-мигрантов по сравнению с мужчинами-мигрантами, живущими в границах региона с 1990 года.

Эти изменения не поддаются простым объяснениям, поскольку модели миграции формируются под воздействием различных движущих сил, влияющих как на страну происхождения, так и на страну назначения. Например, в некоторых случаях уменьшение доли женщин-мигрантов может объясняться ростом спроса на трудящихся-мигрантов в секторах, где преобладают мужчины, в частности в секторе строительства или в добывающей отрасли.

Большая часть международных мигрантов составляют люди трудоспособного возраста: в 2017 году 74% лиц, проживающих в стране, отличной от страны рождения, были в возрасте от 20 до 64 лет⁵³. Только 14% международных мигрантов были моложе 20 лет и только 12% — старше 65 лет. Такой разброс по возрасту можно объяснить рядом факторов, обусловленных особенностями миграционной политики, в том числе тем, что миграция часто мотивируется экономическими причинами (переезд в поисках работы)⁵⁵. Более того, официальной статистикой не охвачены дети с неурегулированным миграционным статусом — например, сопровождающие трудовых мигрантов, которым официально не разрешено брать с собой иждивенцев⁵⁶. За приведенными выше цифрами скрывается другая реальность, а именно беженцы, большая часть которых — несовершеннолетние (см. раздел «Правила и политика»)⁵⁷.

Почему женщины и семьи мигрируют?

Среди множества факторов, влияющих на решение о миграции, есть как причины, побуждающие людей к переезду (движущие силы), так и доступ к ресурсам и путям для миграции (возможности)⁵⁸. Решение семьи мигрировать или отправить в другое место одного члена семьи ради блага всех часто бывает коллективным. Например, семьи, сообщества и государства все больше зависят от способности и готовности женщин мигрировать и генерировать доход: эта тенденция также известна как «феминизация выживания»⁵⁹. Наблюдается и сопряженная тенденция — рост числа женщин из более бедных стран, мигрирующих, чтобы заполнить рабочие места в более богатых странах в секторе ухода и работы по дому⁶⁰. Такая работа часто плохо оплачивается и не обеспечивает достаточной социальной защиты, но может давать возможность покрыть расходы на обучение и здравоохранение для оставшихся на родине иждивенцев.

Кроме того, люди мигрируют, чтобы создать семью. По имеющимся данным, масштаб миграции с целью вступления в брак увеличивается⁶¹, а мотивацией для нее служат разнообразные личные и семейные потребности и надежды. В странах Восточной и Юго-Восточной Азии прослеживается общая тенденция: женщины из более бедных семей и более бедных стран (например, из Лаосской Народно-Демократической Республики и Вьетнама) мигрируют в более богатые страны (например, в Республику Корея, Сингапур, Тайвань (провинцию КНР)), чтобы вступить в брак с мужчиной, который занимает достаточно низкое положение, чтобы найти супругу в своей стране, но имеет более высокий социально-экономический статус по сравнению с женщинами-мигрантами⁶². Миграция с целью вступления в брак существует и внутри стран, особенно в патрилокальных обществах, в том числе во многих регионах Южной Азии, где женщины обычно переезжают жить в семью мужа⁶³. В Китае женщины из сельских районов переезжают в города, где больше мужчин, с которыми можно вступить в брак; мужчины, особенно в приграничных регионах, в свою очередь женятся на женщинах из более бедных стран — Лаосской Народно-Демократической Республики, Мьянмы и Вьетнама⁶⁴. Несмотря на важную роль экономических соображений, международная миграция с целью вступления в брак не является чисто экономической сделкой. В исследованиях среди женщин, мигрирующих

с целью вступления в брак, описана целая совокупность признаков «лучшей жизни», к которой они стремятся, — желание найти подходящего партнера, встретить любовь, иметь детей и карьерный рост⁶⁵.

Также существует миграция для воссоединения семьи, когда мигрант или беженец спонсирует членов своей семьи для совместного проживания. К сожалению, доступные данные не дают возможности провести точную количественную оценку. Как описано в разделе 7.3, то, в какой степени семьи могут воспользоваться правом воссоединения семьи, варьируется между странами и разными группами мигрантов. Помимо этого, движущей силой миграции являются и дискриминационные социальные нормы. Представители ЛГБТИ-сообщества могут быть вынуждены мигрировать, сталкиваясь с дискриминационными по отношению к ним и их семьям законами и социальными нормами. Данные Индекса социальных институтов и гендера, оценивающего дискриминацию женщин в общественных институтах, указывают на то, что гендерное неравенство служит одновременно и мотивирующим фактором, и препятствием для миграции женщин.⁶⁶ С одной стороны, женщины, сталкивающиеся с дискриминацией в своей стране происхождения, могут захотеть мигрировать за рубеж⁶⁷ и выбрать места, где уровень гендерной дискриминации в общественных институтах ниже, чем на родине⁶⁸. С другой стороны, гендерная дискриминация в странах происхождения может также не позволять женщинам мигрировать, если

они обременены семейными обязанностями, имеют ограниченный доступ к ресурсам и социальным сетям и слабую позицию при отстаивании своих прав⁶⁹. Качественное исследование также подтверждает вывод о том, что дискриминация является движущей силой миграции женщин. Например, исследования показывают, что женщины мигрируют внутри страны в более крупные города или пересекают государственную границу, чтобы избежать детского, раннего или принудительного брака и других форм насилия в отношении женщин в семье⁷⁰, в том числе в некоторых случаях угрозы фемцида (см. главу 6)⁷¹.

Даже когда люди мигрируют в поисках лучшей жизни, сам по себе процесс миграционного переезда может быть особенно рискованным для женщин и детей, прежде всего для путешествующих без сопровождения взрослого родственника-мужчины. Например, бегущие из Сирии женщины сообщают об изнасилованиях и сексуальных надругательствах со стороны контрабандистов⁷²; направившиеся в Европу женщины и дети из стран Африки к югу от Сахары подвергаются сексуальному насилию со стороны охранников во время пребывания в центрах содержания в Ливии⁷³, а в лагерях беженцев Греции и за их пределами детей-мигрантов принуждают оказывать сексуальные услуги за вознаграждение⁷⁴. Обследование 467 мигрантов в Мексике выявило, что 68,3% мигрантов из стран Северного треугольника Центральной Америки в пути стали жертвами насилия. Около 31,4% женщин и 17,2% мужчин подверглись сексуальному насилию⁷⁵.

7.3 РОЛЬ РЕГЛАМЕНТОВ И ПОЛИТИКИ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОВ

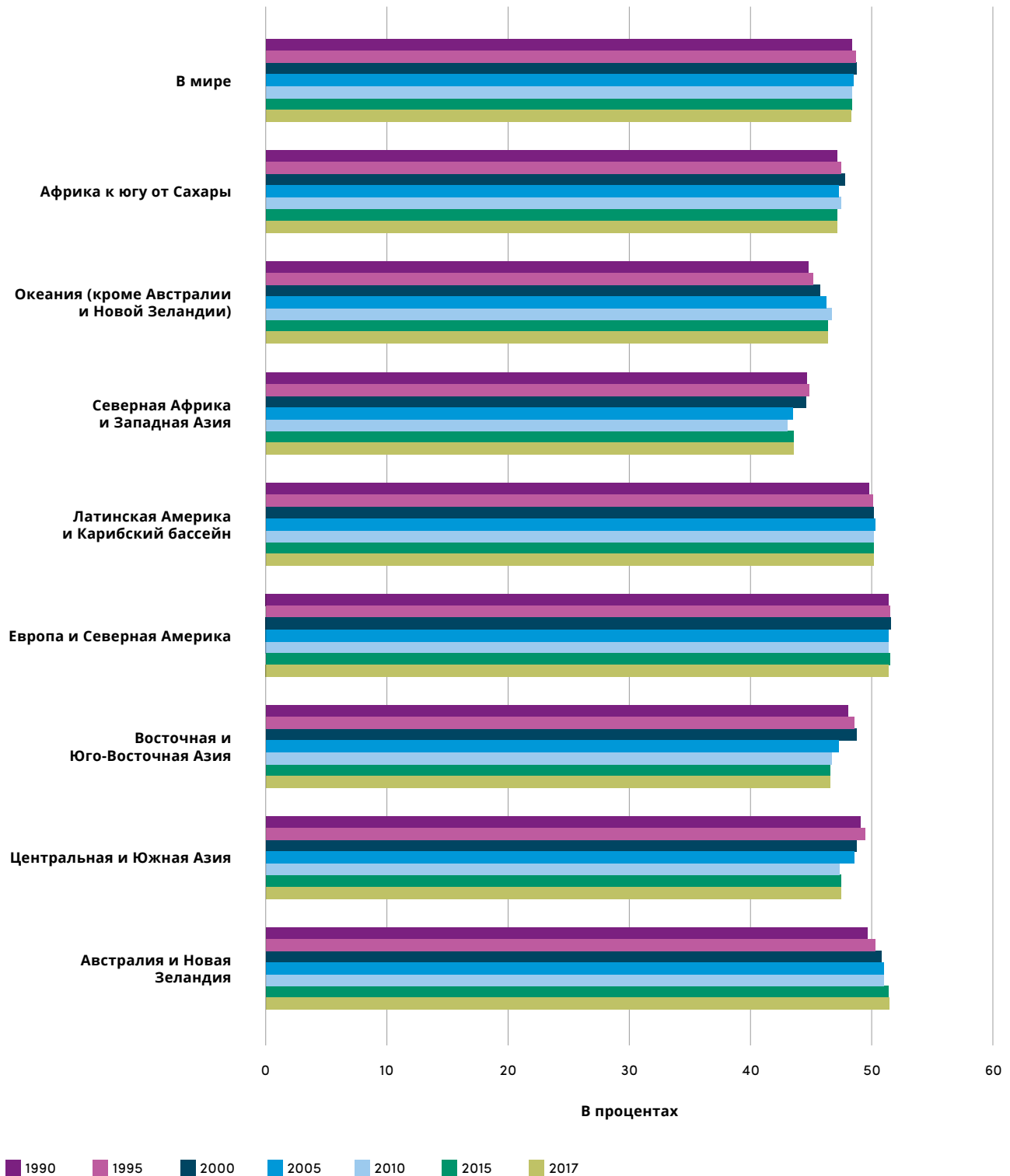
Помимо ранее рассмотренных движущих факторов миграции, личные и семейные решения о миграции также зависят от политики и правил, регулирующих трансграничные перемещения. В начале данного раздела рассматриваются различные категории миграции, регулирование которых влияет на семейную жизнь женщин-мигрантов. В следующей части раздела рассматривается политика и правила воссоединения семей, а также право женщины оставаться в стране в случае прекращения отношений, в связи с которыми она въехала в страну.

Регламенты и политика могут расширять или ограничивать доступ женщин-мигрантов к семейной жизни

В рамках управления миграцией существуют различные категории подвижности населения (см. вставку 7.2). Однако на практике ситуация часто не подпадает под эти категории. Например, спасающемуся от конфликта человеку может быть отказано в убежище за границей и поэтому

РИСУНОК 7.2

ДОЛЯ ЖЕНЩИН МИГРАНТОВ ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАНТОВ (В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ, 1990–2017 ГОДЫ)

Источник: Средние значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием UN DESA, 2017г.

Примечания: Данные основаны на общей численности иммигрантов в каждом регионе по годам. Включено 228 стран и территорий. Общая численность иммигрантов скорректирована с целью включения беженцев. Подробная информация о сделанных корректировках представлена в UN DESA, 2017г. Страновые данные по годам представлены в Приложении 7.

он может мигрировать через программы трудоустройства. Путь к разрешению на проживание может быть длинным и сложным: например, от студенческой визы через недокументированную супружескую визу до постоянного вида на жительство⁷⁶. Международная миграция «высококвалифицированных» специалистов и высокообразованных лиц (включая «миграцию элиты», как иногда называют это явление) часто отражается в официальной статистике как миграция исключительно по профессиональным причинам⁷⁷. В то же время переезд и решения о продолжительности пребывания в случае таких мигрантов также могут быть обусловлены браком или семейными обстоятельствами⁷⁸. Аналогичным образом лицо, въезжающее в страну «по семейным обстоятельствам» может учитываться в потоке семейной миграции (например, мать, присоединяющаяся ко взрослым детям, уже проживающим в стране), при этом женщина, въезжающая в страну вместе с супругом, являющимся трудовым мигрантом, может быть (вместе с детьми) отнесена к потоку экономической миграции как «иждивенец»⁷⁹.

Несмотря на несовершенство классификации, принадлежность к той или иной категории определяет условия жизни мигрантов. Разные пути миграции регулируются четкими правовыми нормами, которые предусматривают разные наборы прав и привилегий. Существуют пути миграции, непосредственно связанные с жизнью семьи, например, возможность ее воссоединения. Права и привилегии разных категорий мигрантов различаются по странам, поэтому беженец и трудовой мигрант в одной стране могут иметь разные права, при этом в других странах у них будут совершенно иные права.

Миграционная политика и нормы могут создавать глубокое неравенство в семейной жизни. Семейная миграция может быть ограничена условиями и требованиями к интеграции, минимальному доходу и жилью, а также необходимостью предоставления доказательств будущего совместного проживания⁸⁰. Кроме того, в законодательстве часто используется узкое определение понятия «семья»⁸¹. На практике это означает, что не состоящие в официальном браке интимные партнеры, бабушки и дедушки, тети и дяди, взрослые дети старше определенного возраста, а также однополые партнеры не попадают в категорию семейной

миграции, даже если они играют центральную роль в уходе за членами семьи. Однако эти нормы могут меняться: в сентябре 2018 года Гонконг (специальный административный район КНР) начал признавать однополых супругов резидентов в визовых заявках⁸². В июне 2018 года Европейский суд постановил, что термин «супруг» является гендерно-нейтральным для обеспечения свободы передвижения в соответствии с законодательством Европейского союза⁸³.

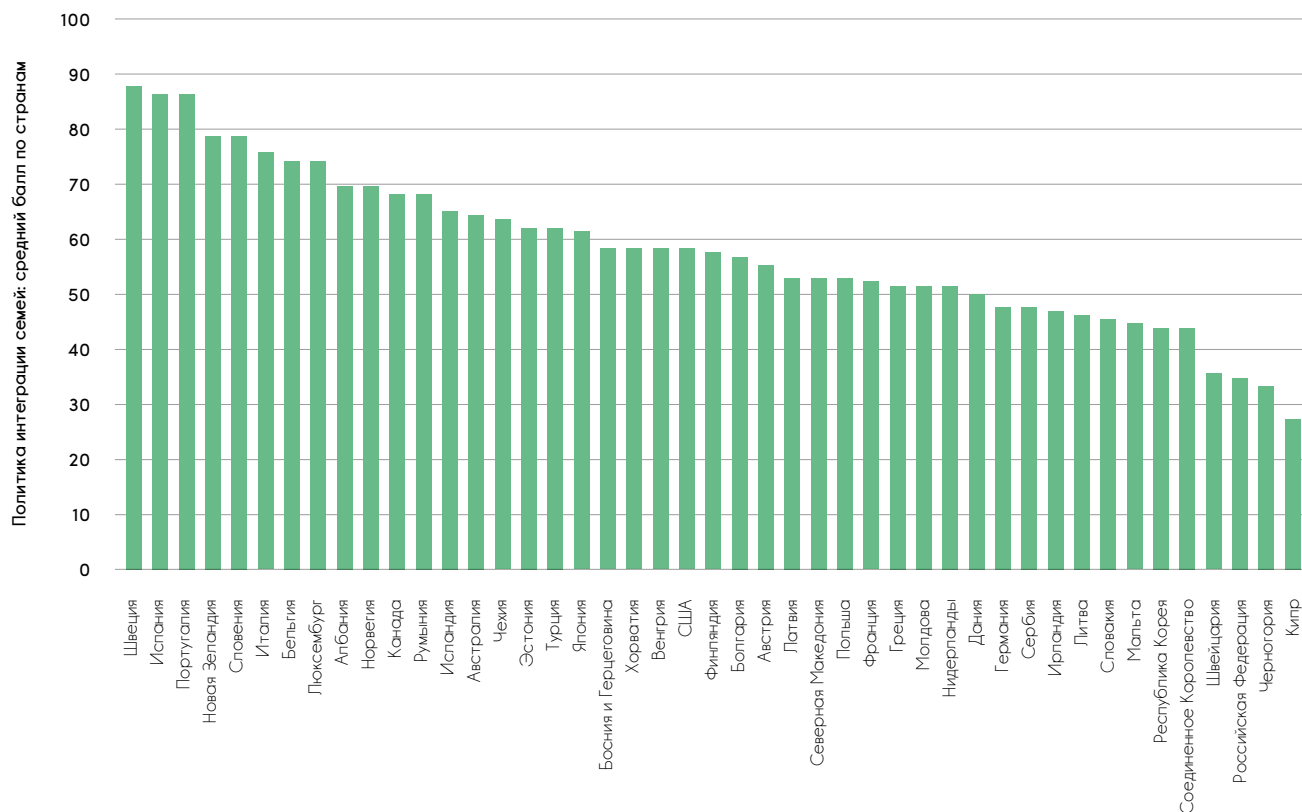
Миграционная политика некоторых стран в большей степени учитывает интересы семей

Специальный докладчик по вопросу о правах человека мигрантов обратил внимание государств-членов на то, что «в рамках политики, программ и двусторонних соглашений по миграции следует обеспечивать сохранение семейного единства, в том числе посредством содействия воссоединению семей и поддержания связи между членами семьи»⁸⁴. Однако возможность мигрантов жить со своими семьями в стране назначения в значительной мере зависит от страны въезда и действующей там политики интеграции.

В Индексе политики интеграции мигрантов (MIPEX) содержится сравнительная информация об этой области политики разных стран, в том числе о правах, связанных с воссоединением семьи. Несмотря на то, что в настоящее время база данных ограничена 45 странами преимущественно с высоким уровнем дохода⁸⁵, в ней имеется полезная информация о степени благоприятности миграционной политики для семей мигрантов. На рисунке 7.3 представлен анализ 11 показателей⁸⁶, отражающих возможности интеграции семей, в том числе ограничения по возрасту, на право супруга и партнера присоединиться к мигранту; запрет в отношении других членов семьи (например, несовершеннолетних детей, родителей-иждивенцев/бабушек и дедушек и взрослых детей-иждивенцев); права, связанные со статусом, такие как право на автономный вид на жительство для партнеров и детей, а также право членов семьи остаться в стране даже в случае смерти супруга, развода/раздельного проживания, смерти или насилия в семье; и доступ к социальным льготам, включая права на социальное обеспечение, пособие по безработице, пенсию по старости, пособия по инвалидности и доступ к медицинским услугам.

РИСУНОК 7.3

ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ СЕМЕЙ: СРЕДНИЙ БАЛЛ ПО СТРАНАМ (2014 ГОД)

Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе CIDOB and MPG, 2015.

Примечания: Баллы выставляются в диапазоне от 0 до 100, при этом более высокие баллы указывают на более благоприятную политику в отношении иммигрантов и их семей. Оценки политики интеграции семьи основаны на базе данных MIPEX и рассчитываются как среднее значение по 11 показателям, разбитым на 19 подпоказателей, имеющим непосредственное отношение к семьям мигрантов. В их числе: 1) ограничение права супругов и партнеров на присоединение к мигранту, в том числе по возрасту; а также ограничения для других членов семьи (например, несовершеннолетних детей, находящихся на иждивении родителей/бабушек и дедушек и находящихся на иждивении взрослых детей); 2) права, связанные со статусом, такие как право на автономный вид на жительство для партнеров и детей, а также право членов семьи оставаться в стране даже в случае вдовства, развода/раздельного проживания, смерти или насилия; 3) доступ к социальным пособиям, включая право на социальное обеспечение, пособие по безработице, пенсию по старости, пособия по инвалидности и т.д.; и 4) доступ к медицинским услугам, включая любые ограничения, связанные со статусом мигранта. Приведенный выше средний балл также включает оценку любых ограничений права на постоянное проживание на основе периодов предыдущего отсутствия в стране в качестве показателя наличия ограничений для транснациональных семей, которые нуждаются в поддержке семейных связей между родственниками, проживающими в разных странах.

На основании базы данных MIPEX и расчета среднего значения по 11 показателям, непосредственно связанным с семьями мигрантов, странам были присвоены оценки в диапазоне от 0 до 100, где более высокий балл указывает на более благоприятную политику в отношении мигрантов и их семей. На рисунке 7.3 показано, что в данной выборке страной с самой гостеприимной политикой в отношении семей мигрантов стала Швеция со средним баллом 87,9; в Португалии и Испании средний балл политики интеграции составил 86,4. Швейцария (35,6), Российская Федерация (34,8), Черногория (33,3) и Кипр (27,3) получили более низкие баллы в основном из-за ограничительной политики по всем аспектам воссоединения семьи, особенно в отношении права

супругов и детей на автономный вид на жительство без привязки к спонсору⁸⁷.

На рисунке 7.4 показано, кто из членов семьи может быть принят на рассмотрение в рамках программ воссоединения семьи в 45 странах. Для большинства стран к ним относятся только партнеры, супруги и несовершеннолетние дети. Самая простая процедура воссоединения семьи предусмотрена для детей в возрасте до 18 лет (по сравнению с другими членами семьи): три четверти стран (34 из 45) набрали по этому пункту 100 баллов — это означает, что несовершеннолетние дети, приемные дети в возрасте до 18 лет и дети под совместной опекой имеют право на воссоединение

РИСУНОК 7.4

СТЕПЕНЬ БЛАГОПРИЯТНОСТИ ПОЛИТИКИ ВОССОЕДИНЕНИЯ СЕМЬИ В РАЗБИВКЕ ПО СТРАНАМ (2014 ГОД)

Право на воссоединение семьи				
Страны	Партнеры и супруги	Несовершенно-летние дети	Находящиеся на иждивении родители/бабушки и дедушки	Находящиеся на иждивении совершенно-летние дети
Австралия и Новая Зеландия				
Новая Зеландия	Да	Да	В некоторых случаях	В некоторых случаях
Австралия	В некоторых случаях	Да	Нет	В некоторых случаях
Восточная Азия				
Япония	В некоторых случаях	Да	Нет	Да
Республика Корея	В некоторых случаях	Да	В некоторых случаях	В некоторых случаях
Восточная Европа				
Болгария	В некоторых случаях	Да	Нет	В некоторых случаях
Чехия	В некоторых случаях	Да	Да	Да
Венгрия	В некоторых случаях	Да	Да	В некоторых случаях
Молдова	В некоторых случаях	Да	В некоторых случаях	В некоторых случаях
Польша	В некоторых случаях	Да	Нет	В некоторых случаях
Румыния	В некоторых случаях	Да	Да	В некоторых случаях
Российская Федерация	В некоторых случаях	В некоторых случаях	Да	Да
Словакия	В некоторых случаях	Да	В некоторых случаях	В некоторых случаях
Северная Европа				
Дания	В некоторых случаях	Нет	Нет	Нет
Эстония	В некоторых случаях	Да	В некоторых случаях	В некоторых случаях
Финляндия	Да	Да	Нет	Нет
Ирландия	Да	Да	Нет	Нет
Исландия	Да	Да	Да	Нет
Литва	Нет	В некоторых случаях	Да	В некоторых случаях
Латвия	В некоторых случаях	Да	В некоторых случаях	Нет
Норвегия	В некоторых случаях	Да	В некоторых случаях	В некоторых случаях
Швеция	Да	Да	Да	Да
Соединенное Королевство	Да	В некоторых случаях	Нет	Нет
Южная Европа				
Албания	Да	Да	Да	Да
Босния и Герцеговина	В некоторых случаях	Да	В некоторых случаях	В некоторых случаях
Испания	Да	Да	В некоторых случаях	Да
Греция	В некоторых случаях	В некоторых случаях	Нет	Нет
Хорватия	Нет	Да	Нет	Нет

■ Да ■ Нет ■ В некоторых случаях

Право на воссоединение семьи				
Страны	Партнеры и супруги	Несовершеннолетние дети	Находящиеся на иждивении родители/бабушки и дедушки	Находящиеся на иждивении совершеннолетние дети
Южная Европа				
Италия	Желтый	Зеленый	Желтый	Желтый
Черногория	Желтый	Зеленый	Розовый	Розовый
Северная Македония	Желтый	Зеленый	Желтый	Желтый
Мальта	Розовый	Зеленый	Розовый	Розовый
Португалия	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый
Сербия	Желтый	Зеленый	Желтый	Желтый
Словения	Зеленый	Желтый	Зеленый	Зеленый
Западная Европа				
Австрия	Розовый	Зеленый	Розовый	Розовый
Бельгия	Зеленый	Зеленый	Розовый	Желтый
Швейцария	Розовый	Розовый	Розовый	Розовый
Германия	Желтый	Розовый	Розовый	Розовый
Франция	Желтый	Желтый	Розовый	Розовый
Люксембург	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Желтый
Нидерланды	Желтый	Желтый	Розовый	Розовый
Северная Америка				
Канада	Зеленый	Зеленый	Розовый	Желтый
США	Желтый	Зеленый	Розовый	Желтый
Западная Азия				
Турция	Желтый	Зеленый	Зеленый	Желтый
Кипр	Розовый	Розовый	Розовый	Розовый

■ Да ■ Нет ■ В некоторых случаях

Источник: CIDOB and MPG, 2015.

Примечания: Данные основаны на баллах за 2014 год по базе данных MIPEX. Зеленый цвет означает, что в странах действует в целом благоприятная политика воссоединения семьи (оценка 100), тогда как розовый цвет указывает на неблагоприятную политику (оценка ниже 50). Желтый цвет используется для обозначения случаев, когда политика благоприятна для мигрантов и их семей тем или иным образом, но только отчасти или при соблюдении определенных условий (оценка 50 или выше, но ниже 100).

Столбец «Партнеры и супруги»: право на воссоединение семьи для супругов и партнеров основано на оценке: а) права на воссоединение семьи для партнеров, не являющихся супругами, состоящих в однополых и других юридически признанных зарегистрированных партнерских отношениях, и б) наличия возрастных ограничений для спонсоров и супругов. Обратите внимание, что в некоторых странах, например в Литве, зарегистрированные партнеры имеют право на воссоединение семьи, но применяются возрастные ограничения (не моложе 21 года), что приводит к снижению общего балла страны в этой категории до уровня неблагоприятной политики (то есть ниже 50).

Столбец «Несовершеннолетние дети»: Право на воссоединение семьи для несовершеннолетних детей — право несовершеннолетних детей младше 18 лет, включая усыновленных детей и детей под совместной опекой, присоединиться к одному или обоим родителям-мигрантам. Желтый цвет означает, что воссоединение семьи разрешено только для биологических и приемных детей. Дети, находящиеся под опекой, не имеют права на воссоединение семьи. Розовый цвет в этом столбце означает, что имеются ограничения на воссоединение мигрантов со своими детьми.

Столбец «Находящиеся на иждивении родители/бабушки и дедушки»: зеленый цвет в этом столбце означает, что в стране все находящиеся на иждивении родители/бабушки и дедушки имеют право на воссоединение. Желтый означает, что находящиеся на иждивении родители/бабушки и дедушки имеют право на воссоединение семьи, но понятие «иждивение» определяется ограничительно. Розовый цвет означает, что находящиеся на иждивении родители/бабушки и дедушки либо не имеют права на воссоединение семьи, либо соответствующее право предоставляется на усмотрение официальных лиц или в порядке исключения.

Столбец «Находящиеся на иждивении совершеннолетние дети»: зеленый цвет в этом столбце означает, что все находящиеся на иждивении совершеннолетние дети имеют право на воссоединение семьи. Желтый означает, что находящиеся на иждивении совершеннолетние дети имеют право на воссоединение семьи, но понятие «иждивение» определяется ограничительно. Розовый цвет означает, что находящиеся на иждивении совершеннолетние дети либо не имеют права на воссоединение семьи, либо соответствующее право предоставляется на усмотрение официальных лиц или в порядке исключения.

семьи. Благоприятная политика воссоединения семьи в отношении супругов и партнеров имеется только в 29% (13 из 45) стран. Многие из этих стран также имеют неблагоприятную политику воссоединения семьи в отношении родителей-иждивенцев, бабушек и дедушек: 47% стран (21 из 45) ограничивают миграцию этой группы лиц, допуская воссоединение семьи только в исключительных случаях.

Семейная жизнь мигрантов, занятых в сфере ухода

Профессии сферы ухода все более востребованы во многих странах: такие сотрудники позволяют удовлетворить потребности в уходе за детьми и пожилыми людьми (см. главу 5), причем часто на этих позициях работают мигранты. Во многих странах трудовые мигранты в так называемых квалифицированных профессиях (см. вставку 7.2) имеют большие возможности для воссоединения семьи, чем представители профессий, считающихся менее квалифицированными⁸⁸. Как между странами, так и в рамках различных видов работы по уходу существуют заметные различия в правах и привилегиях, которые имеют иностранные сотрудники по уходу, таких как право на воссоединение семьи и охрана материнства.

Домашние работники реже отвечают критериям, необходимым для воссоединения семьи, а другие виды политики еще больше ограничивают их возможности семейной жизни. Требование жить по месту работы размывает границу между рабочим местом и домом⁸⁹, ограничивая возможности женщин-мигрантов жить со своими семьями и делая их уязвимыми перед жестоким обращением и эксплуатацией со стороны работодателей. Тем не менее, даже когда работники по уходу и домашние работники не привязаны к своим работодателям, им часто не хватает ресурсов, таких как жилье или доход, необходимых для спонсирования членов семьи. Возможность мигрантов создавать семьи тоже может ограничиваться: некоторые страны обязывают женщин проходить регулярные тесты на беременность, что противоречит Конвенции № 183 МОТ об охране материнства 2000 года⁹⁰.

Сфера ухода стала основным сектором занятости для женщин-мигрантов во всем мире, особенно в Европе и Северной Америке, Западной Азии и Австралии, а также в некоторых региональных миграционных узлах в Малайзии, Сингапуре и ЮАР⁹¹. Мигранты из числа младшего и среднего медицинского персонала чаще имеют право на воссоединение семьи и другие связанные с семьей права, чем мигранты, занятые в сфере ухода и домашнего

труда, но и они сталкиваются с препятствиями. Некоторые страны назначения вообще не допускают воссоединения семьи или допускают его только по прошествии определенного периода времени. Даже когда мигранты из числа младшего и среднего медицинского персонала отвечают критериям, необходимым для воссоединения семьи, на практике оно может быть затруднено или даже невозможно. Медсестры, работающие в сфере общественного здравоохранения с недофинансируемой системой, могут не зарабатывать достаточных средств для спонсорства, расходов на переезд и проживание членов их семей⁹².

Семейная жизнь беженцев, просителей убежища и лиц с неурегулированным статусом

У просителей убежища и беженцев есть лишь призрачная возможность воссоединения семьи. Миллионы сирийских беженцев, столкнувшихся с семейной миграцией и раздельным проживанием, — лишь один из примеров того, как миграционные нормы могут способствовать или препятствовать воссоединению семей в исключительно сложных обстоятельствах (см. вставку 7.3).

Мигранты с неурегулированным статусом не имеют права на воссоединение семьи. За последние годы более жесткая миграционная политика и депортация мигрантов с неурегулированным статусом фактически привели к разделению семей мигрантов, которые жили вместе в стране назначения. Депортация долгосрочных резидентов увеличивает вероятность того, что семьи со смешанным статусом окажутся в условиях «вынужденного транснационализма», поскольку дети и другие лица с урегулированным статусом не должны уезжать⁹³.

Разлучение детей-мигрантов и их родителей продолжает вызывать беспокойство⁹⁴. В некоторых случаях дети-мигранты перемещаются самостоятельно; в других они оказываются отделены от членов семьи в пути. В 2017 году в Европу (регион, по которому имеются данные) прибыло около 20 000 детей без сопровождения и разлученных с семьями, большинство из которых мальчики (4 из 5)⁹⁵. В условиях социальных и экономических потрясений семьи иногда решают отправить старшего сына, который, возможно, только что закончил школу, рассматривая такой шаг как стратегию выживания и «инвестиции» в шанс для всей семьи на лучшую жизнь в другом месте. В других случаях решение не является стратегическим: дети убегают от гнетущей жизни дома, а для семей их отъезд становится облегчением экономической ноши⁹⁶.

ВСТАВКА 7.3 РАЗЛУЧЕНИЕ СЕМЕЙ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ

Затянувшийся конфликт в Сирии привел к появлению самой многочисленной в мире (6,6 млн человек) группы внутренне перемещенных лиц, при этом в 2019 году еще 5,7 млн беженцев были зарегистрированы в других странах региона (преимущественно в Египте, Ираке, Иордании, Ливане и Турции)⁹⁷. Еще большее число перемещенных лиц искали убежища в Европе: в Европейском союзе наибольшее число беженцев приняла Германия (в том числе сирийцев, а также выходцев из Афганистана и Ирака), затем две другие страны с большим населением (Франция и Италия) и две гораздо меньшие страны (Австрия и Швеция), принявшие значительную долю беженцев относительно общей численности собственного населения.

Вынужденное перемещение часто приводит к разделению семьи и влечет за собой существенные гендерные последствия⁹⁸. Доля женщин и мужчин среди беженцев в соседних странах — Иордании и Ливане — примерно равны (что дает основание предположить, что семьи перемещаются вместе), однако соотношение мужчин и женщин значительно меняется с увеличением протяженности пути, когда мужчин становится намного больше, чем женщин. Такое неравенство может быть обусловлено рядом гендерных факторов. Первостепенное значение имеют расходы на финансирование перемещения всей семьи и риски для физической безопасности, с которыми женщины и дети сталкиваются в более длительных и трудных поездках (см. также вставку 7.2)⁹⁹. Таким образом, возникают ситуации, когда мужчина в одиночку может отправиться в более длительную поездку в надежде получить статус беженца и право на воссоединение семьи, после чего он вызовет остальных членов семьи¹⁰⁰.

Однако процесс воссоединения со своей семьей не является простым. Семьи могут прилагать все усилия, чтобы найти родственников, потерявшихся во время путешествия. В некоторых случаях лица, не имеющие полноценного статуса беженца, могут ожидать воссоединения семьи долгие месяцы, не имея возможности обеспечить воссоединение для кого-либо из родственников¹⁰¹. Таким образом, многие сирийские семьи находятся одновременно в нескольких странах и могут жить раздельно на протяжении двух или более лет¹⁰².

Длительные периоды разлуки с семьей могут повлечь за собой изменения в гендерных ролях. С одной стороны, жизнь без членов семьи в новой стране для мужчин может означать проблемы интеграции и отсутствие поддержки семьи и ухода. С другой стороны, возросшее число отсутствующих мужей и отцов в Сирии способствует росту уровня участия женщин в рабочей силе¹⁰³. Тем временем оставшиеся женщины, ухаживающие за иждивенцами, должны выживать в истерзанной войной стране. В своей повседневной жизни они вынуждены добиваться обслуживания в ослабленных государственных секторах — в пострадавшем, а кое-где и полностью уничтоженном секторе здравоохранения — и решать проблемы доступа к чистой воде, электричеству и продуктам питания в условиях разрушенной жизненно важной инфраструктуры¹⁰⁴. В результате многие оставшиеся в Сирии женщины сообщают, что чувствуют себя находящимися в изоляции, уязвимыми и перегруженными¹⁰⁵.

Миграционный статус этих детей часто неясен; некоторые из них будут просить убежища, другие живут в стране назначения как мигранты с неурегулированным статусом. Несопровождаемых и разлученных детей иногда задерживают; эта практика может иметь серьезные последствия для их благополучия и противоречит Конвенции о правах ребенка¹⁰⁶. В январе 2019 года правительство США сообщило о выявлении 2737 детей, которых иммиграционные власти на южной границе разлучили с родителями и поместили в приемные семьи или места содержания для несовершеннолетних; было признано, что из-за недостатков системы отслеживания их число может быть на несколько тысяч больше. После длительного

разделения, продолжавшегося несколько недель или месяцев, некоторые дети все же воссоединились со своими родителями, однако многие по-прежнему ожидают воссоединения¹⁰⁸.

В июне 2018 года группа экспертов ООН, в том числе десять Специальных докладчиков выступили с заявлением, в котором выразили серьезную обеспокоенность по поводу этой практики: «Содержание детей под стражей носит карательный характер, значительно затрудняет их развитие, а в некоторых случаях может приравниваться к пыткам... Дети используются в качестве средства сдерживания нелегальной миграции, что является недопустимым»¹⁰⁹.

Политика по защите права женщин-мигрантов на жизнь без насилия

Миграционные правила часто разлучают семьи, но они также могут мешать женщине выйти из отношений насилия¹¹⁰. Миграционная политика, которая привязывает права членов семьи на проживание в стране к правам на проживание их спонсора или отказывающаяся иждивенцам в разрешении на работу, может способствовать возникновению правовой, финансовой и социальной зависимости внутри семьи, потенциально усиливая и без того неравное соотношение сил и вероятность подвергнуться насилию¹¹¹.

Например, некоторые страны устанавливают некий «испытательный срок», в течение которого спонсируемый супруг рискует потерять право остаться в стране в случае прекращения отношений, в связи с которыми это право было получено¹¹². Такая политика может ослаблять резервные позиции женщин-мигрантов и их способность отстаивать свои права и ресурсы в интимных и семейных отношениях, где существует гендерно-неравное распределение власти (см. главы 1 и 6). Такая политика может поставить женщин-мигрантов в социально и юридически опасное положение в случаях развода или разрыва отношений¹¹³, поскольку супруг с более стабильным статусом — видом на жительство/гражданством — может использовать тактику запугивания, угрожая депортацией и разлучением с детьми¹¹⁴. Как следствие, женщины реже обращаются за помощью и имеют меньше возможностей спастись¹¹⁵. Подобная политика дополняет уже

имеющуюся уязвимость женщин-мигрантов в виде социальной изоляции, языкового барьера и отсутствия знаний о своих правах и доступных услугах¹¹⁶.

После продолжительной пропагандистской кампании, проводимой коалицией НПО во главе с организацией Southall Black Sisters¹¹⁷, в 2012 году в Соединенном Королевстве была принята Программа искоренения бытового насилия. В рамках программы пострадавшие от бытового насилия супруги, не имеющие права на государственную помощь, получали пособие и социальное жилье в течение трех месяцев, во время которых шла процедура подачи документов на постоянный вид на жительство. Несмотря на определенные ограничения — действие программы распространялось только на женщин, находящихся в стране по супружеской визе (то есть состоящих в браке с гражданином Соединенного Королевства), и не распространялось на супругов, сопровождающих студентов, трудовых и незарегистрированных мигрантов, — программа стала важным достижением.

Комитет КЛДЖ присоединился к общественным группам, отстаивающим права женщин, подчеркнув, что важно обеспечить доступность услуг поддержки для подвергшихся насилию женщин-мигрантов с учетом культурных особенностей¹¹⁸. Например, есть риск, что дискриминационное отношение, связывающее насилие с «культурой» мигранта, может привести к тому, что пережившие насилие женщины-мигранты, обратившись за помощью, не будут получать предусмотренных стандартами мер реагирования¹¹⁹.

7.4 ДОСТИЖЕНИЕ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ПРАВА НА УХОД, РЕСУРСОВ И СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬЕ

Миграция неизбежно «растягивает» семьи, причем зачастую на большие расстояния. Процесс миграции, в том числе возвращение домой, нередко приводит к изменению и пересмотру взаимоотношений между членами семьи и гендерных ролей. Как было отмечено выше, на эти перемены могут влиять миграционные нормы, однако в этом разделе рассматриваются еще три ключевых фактора, которые определяют и формируют семейную жизнь мигрантов, а также права и благополучие женщин — как уехавших, так и оставшихся дома. В числе этих факторов можно назвать то, как члены

семьи заботятся друг о друге, как распределяют и используют материальные ресурсы, в частности денежные пособия, а также как погружаются в новые социокультурные реалии¹²⁰.

Обеспечение ухода в условиях миграции

Проблема ухода в условиях миграции выходит за рамки труда, выполняемого домашними работниками-мигрантами, средним и младшим медицинским персоналом и профессиональными работниками по уходу в рамках «глобальной сети

оказания помощи», которая в последние годы занимает важное место в социальной политике¹²¹. Миграция влияет на осуществление и получение ухода всеми членами транснациональных семей и семей мигрантов вне зависимости от миграционного маршрута, возраста или профессии и вне зависимости от того, идет ли речь о тех, кто уехал, или о тех, кто остался¹²². Как транснациональные семьи договариваются об уходе и репродуктивных обязанностях, находясь на расстоянии?

Исследования показывают, что методы ухода, включая транснациональное воспитание детей, разнообразны и часто задействуют многих членов семьи¹²³. В уходе могут участвовать интимные партнеры, дети и другие иждивенцы, в том числе пожилые члены семьи; как описано в главе 5, это обусловлено отсутствием поддержки со стороны государства или наличием только платных услуг для тех, кто может их себе позволить.

Когда близкие остаются дома

Решение оставить иждивенца дома в редких случаях дается легко, однако для матерей это может иметь дополнительные гендерные последствия. В то время как экономическая миграция отцов как правило соответствует их социально предписанной роли кормильца, мигрирующие матери берут на себя роль

кормильца, обычно сохраняя многие обязанности по уходу и домашнему труду¹²⁴. Матери-мигранты часто по меньшей мере частично вовлечены в процессы принятия решений и повседневную жизнь членов семьи, включая детей, которые остались дома¹²⁵. Новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — мобильная телефонная связь, бесплатные интернет-приложения для звонков и обмена сообщениями и социальные сети — играют важную роль в поддержании отношений между матерями-мигрантами и оставшимися дома детьми и другими родственниками¹²⁶. ИКТ значительно облегчили «транснациональное материнство» экономическим мигрантам, позволив родителям, помимо прочего, помогать детям с домашними заданиями и оказывать им эмоциональную поддержку¹²⁷.

Есть ряд положительных примеров использования ИКТ, помогающих семьям оставаться на связи в условиях миграции, в том числе при вынужденных перемещениях (см. вставку 7.4). Однако современные технологии и средства связи не в состоянии полностью снять эмоциональную боль, вызываемую продолжительной разлукой с семьей, и могут создавать дополнительные обязанности для женщин-мигрантов, которые являются женами и матерями¹²⁸.

ВСТАВКА 7.4 ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ЧУВСТВА ЕДИНЕНИЯ И СПЛОЧЕННОСТИ, КОГДА СЕМЬЯ ВЫНУЖДЕНА ЖИТЬ ПОРОЗНЬ

Термином «полимедиа» обозначаются различные технологии, которыми в разное время и в разных целях пользуются семьи для создания эффекта виртуальной близости, когда физическое присутствие невозможно¹²⁹.

Матери-мигранты используют ИКТ для создания сетей поддержки и сплоченности с другими женщинами, которые тоже живут вдали от своих семей. За последние десять лет выросло как количество созданных матерями-мигрантами групп в социальных сетях и национальных, этнических или языковых сообществах, так и число их участников. Такие группы способствуют созданию общины, помогают найти друзей и ощутить солидарность, связанную с общим опытом «материнства на расстоянии»¹³⁰.

В условиях вынужденного перемещения технологии могут позволить членам семьи быть на связи и виртуально вместе. Например, в Республике Северная Македония и в Сербии в Детских деревнях — SOS, созданных организацией SOS Children's Villages, были открыты «уголки ИКТ», где у детей-беженцев есть бесплатный доступ к беспроводной локальной сети (Wi-Fi), компьютерам и безопасным мобильным телефонам¹³¹. Ведется проект Refunite, целью которого является объединение разделенных членов семей беженцев; проект работает преимущественно в странах Африки к югу от Сахары, а также в Северной Африке и Западной Азии, объединяя более 40 000 семей¹³². Международный комитет Красного Креста запустил схожий проект под названием Trace the Face, который позволяет семьям публиковать фотографии пропавших родственников и не только, чтобы найти их контакты через эту платформу¹³³.

При этом доступность ИКТ не одинакова для всех: например, в странах с низким и средним уровнем дохода вероятность владения мобильным телефоном среди женщин на 21% ниже, чем среди мужчин¹³⁴. Исследование в США показало, что мигранты с более низким уровнем образования и дохода не могли получить доступ или позволить себе те же виды ИКТ, что и более квалифицированные мигранты, а следовательно, реже связывались с семьями в своих странах.

Например, некоторые домашние работники из Филиппин работают «по двадцать четыре часа в сутки на двух работах», совмещая оплачиваемый домашний труд и постоянный обмен сообщениями и звонками с оставшимися дома членами семьи¹³⁶. В мире, где все постоянно находятся на связи, от матерей-мигрантов ожидается не только экономическое обеспечение семьи, но и выполнение материнских функций из-за границы, то есть одновременное выполнение нескольких ролей. Женщины из Сенегала, чьи мужья уезжают работать за границу, сообщают, что мужчины используют ИКТ для контроля их перемещений, а функция видео позволяет мужьям проверять, находится ли женщина дома и одета ли она подобающе¹³⁸. В случае неуверенности мужчин-мигрантов в верности жен женщины чувствуют, что находятся под пристальным «электронным» взглядом, что иногда ограничивает их больше, чем физическое присутствие мужчины¹³⁹.

Сотрудничество членов семьи при осуществлении ухода

Когда один из членов семьи мигрирует, некоторые родственники и члены сообщества часто помогают обеспечить уход в его отсутствие¹⁴⁰. То, каким образом семьи приспосабливаются к осуществлению ухода в изменившихся обстоятельствах, зависит от таких факторов, как пол и социальный класс мигранта, условия и традиции жизни семьи, а также социокультурные нормы в стране происхождения¹⁴¹.

Имеющиеся данные о том, как живут оставшиеся дома дети мигрировавших родителей, в целом носят противоречивый характер. Согласно некоторым исследованиям, такая ситуация может негативно сказываться на детях¹⁴². По другим данным, негативное воздействие зависит от таких факторов, как экономические условия, в которых происходит миграция, структура и состав семей, а также традиции ухода за детьми¹⁴³. Например, дети мигрировавших родителей могут испытывать эмоциональные страдания из-за их отсутствия, но иметь материальную выгоду в виде отправляемых им денег и подарков¹⁴⁴; кроме того, дети могут не ощущать разрушительного эффекта миграции родителей, если уход за ними возложен на других членов семьи или сообщества¹⁴⁵.

В случае миграции матерей доля труда по уходу, которую берут на себя оставшиеся дома отцы, значительно варьируется. В обществах, где женская миграция нарушает традиционную роль мужчины-кормильца, например на Филиппинах, мужчины могут быть более склонны отказаться от любого домашнего труда и делегировать обязанности по уходу другим женщинам, в частности бабушкам¹⁴⁶.

В Шри-Ланке обследование 1200 семей, в которых мигрировали матери, выявило, что отцы взяли на себя обязанности по уходу за детьми только в четверти случаев; почти три четверти времени уход осуществляла родственница (зачастую бабушка)¹⁴⁷.

С другой стороны, исследование в Никарагуа¹⁴⁸ и Вьетнаме¹⁴⁹ обнаружило, что мужчины часто брали на себя домашний труд в дополнение к приносящей доход деятельности вне дома. В то время как некоторые отцы были недовольны, многие признавались, что должны были принять на себя эти функции¹⁵⁰. Эти случаи показывают, что социальные нормы в отношении ухода за членами семьи пусть и медленно, но меняются.

Во многих обществах в уходе за детьми, помимо биологических родителей, нередко участвуют другие взрослые (см. главу 5). Важные роли в обеспечении ухода за детьми в случае миграции одного или обоих родителей часто играют бабушки и дедушки. До недавнего времени в Китае система прописки хукоу ограничивала доступ внутренних мигрантов к государственным услугам, поэтому родители из сельских районов часто оставляли своих детей на попечение бабушек и дедушек, направляясь в городские центры в поисках больших экономических возможностей¹⁵¹. Переход к постоянной помощи бабушек и дедушек не всегда сложен: в Мексике в некоторых случаях бабушки уже являются членами домохозяйства, а когда среднее поколение мигрирует в поисках работы, они остаются дома для осуществления повседневной заботы о детях.

При этом нельзя сказать, что бабушки и дедушки работают «даром»: выполнение таких договоренностей по уходу за маленькими детьми стоит пожилым женщинам и мужчинам немалых сил¹⁵³, в то время как сами они стареют (см. главу 5). Участие бабушек и дедушек особенно актуально в ситуации, когда система социальной защиты на родине не может обеспечить необходимую поддержку. Например, бабушки в Никарагуа взаимодействуют с системами образования и здравоохранения от имени внуков и помогают покрывать расходы на частное здравоохранения, если отправляемых денежных переводов недостаточно¹⁵⁴.

Это подчеркивает необходимость обеспечения поддержки всех лиц, осуществляющих уход, будь то матери, отцы, бабушки и дедушки или другие родственники. В ЮАР, где в результате трудовой миграции многие дети живут с родственниками, не являющимися их родителями, пособие на ребенка может выплачиваться лицу, осуществляющему основной уход. Кроме того, многие получатели

социальной пенсии по старости используют ее для поддержки других членов семьи, в том числе внуков (см. вставку 4.6).

Политика, мешающая или помогающая женщинам-мигрантам осуществлять неоплачиваемый труд по уходу

Социально-экономическая политика, особенно доступ к социальным пособиям и государственным услугам, в том числе здравоохранению и образованию, имеет решающее значение для способности женщин-мигрантов выполнять свои обязанности по уходу в условиях транснациональной семьи¹⁵⁵. КЭСКО подтвердил, что государства-участники обязаны уважать право на здоровье и образование, «предоставляя всем лицам, в том числе мигрантам, равный доступ к профилактическим, лечебным и паллиативным услугам здравоохранения независимо от их правового статуса и наличия документов», и что «все дети, находящиеся в каком-либо государстве, в том числе не имеющие документов, удостоверяющих их личность, имеют право на получение образования, а также доступ к надлежащему питанию и доступному здравоохранению»¹⁵⁶.

Однако за последние 20 лет множество стран назначения ввели больше требований, соответствие которым необходимо мигрантам для получения социальной защиты и доступа к государственным услугам. В некоторых случаях принимающие страны, прежде всего развивающиеся, могут столкнуться с финансовыми трудностями при распространении этих услуг на мигрантов; в других случаях ограничения могут являться частью более масштабных мер жесткой экономии или быть направлены на сдерживание нелегальной миграции. Такой подход приводит к большому неравенству между различными категориями мигрантов, а также между мигрантами и населением принимающей страны¹⁵⁷.

Во многих странах услуги здравоохранения, не относящиеся к неотложной медицинской помощи, в том числе дородовой и послеродовой уход, недоступны для нелегальных мигрантов или лиц, которым было отказано в убежище, хотя некоторые города или регионы внутри таких стран предпринимают меры для заполнения этих пробелов¹⁵⁸. В Европе и Центральной Азии можно наблюдать пагубные последствия отсутствия адекватного доступа к здравоохранению: у женщин-мигрантов чаще возникают осложнения во время родов и отмечаются более высокие показатели материнской смертности, чем среди жительниц соответствующих стран¹⁵⁹. Даже в тех странах, где такие услуги доступны, есть необходимость

в политике, помогающей женщинам-мигрантам преодолеть финансовые, административные, языковые и культурные барьеры для доступа к ним¹⁶⁰.

Например, беременные женщины и кормящие матери, мигрирующие из Венесуэлы в Колумбию, не получали адекватной медицинской помощи, не могли нормально питаться и иметь адекватный уход и отдых¹⁶¹. В августе 2018 года для решения этой проблемы правительство Колумбии урегулировало статус тысяч венесуэльцев согласно Декрету 1288, таким образом предоставив им права на получение медицинских услуг, в том числе дородового и послеродового ухода. Таиланд является примером страны, которая добилась значимого прогресса, распространив охват медицинским обслуживанием на миллионы легальных мигрантов, проживающих и работающих на территории страны (см. вставку 7.5). В Аргентине, Доминиканской Республике, Гане и ЮАР право на медицинское обслуживание, не относящееся к неотложной медицинской помощи, было распространено на всех мигрантов вне зависимости от их статуса¹⁶².

Дети родителей с неурегулированным миграционным статусом могут стать лицами без гражданства без права получения государственных услуг¹⁶³. Некоторые страны, в том числе большинство стран Европы прямо или косвенно юридически гарантируют «образование для всех»¹⁶⁴. Помимо гарантий доступа, могут потребоваться дополнительные средства для обеспечения детей, не имеющих документов, возможностью преодолеть языковые, финансовые и административные барьеры¹⁶⁵. В США дети мигрантов имеют законное право на образование, при этом просить ребенка раскрывать свой статус незаконно, что обеспечивает некоторую защиту от дискриминации для детей мигрантов с неурегулированным статусом¹⁶⁶.

Доступ к услугам дошкольного образования и ухода, описанным в главе 5, также может позволить женщинам-мигрантам выполнять оплачиваемую работу. Это важно не только для того, чтобы семья могла избежать финансовых потерь и обеспечить надлежащий присмотр за детьми, но и для расширения доступа женщин к собственному доходу и, соответственно, для улучшения их возможностей отстаивать свои права в семье. Например, в Индии Закон о строительных рабочих 1996 года подтолкнул строительные компании, работающие в партнерстве с НПО, к созданию услуг по уходу за детьми, которыми могли воспользоваться семьи, мигрирующие из сельских районов для работы в строительстве в городских районах¹⁷⁷.

ВСТАВКА 7.5 УСЛУГИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДЛЯ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ В ТАИЛАНДЕ

Таиланд является узлом международной миграции в Восточной и Юго-Восточной Азии. С 1990 по 2017 год численность женщин-мигрантов в стране увеличилась более чем в семь раз, с 245 207 до 1 786 550 человек¹⁶⁷. Таиланд является основным пунктом назначения в регионе для нелегальных женщин-мигрантов, особенно для домашних работников из Лаосской Народно-Демократической Республики и Мьянмы¹⁶⁸. В 2001 году Таиланд начал реализацию программы Универсального медицинского обслуживания (UCS), предоставив доступ к здравоохранению мигрантам независимо от их миграционного статуса. В 2005 году действие программы было расширено на иждивенцев, включая супруг(ов) и детей¹⁶⁹.

Для мигрантов в Таиланде действуют две основные схемы медицинского страхования. Первая — схема социального обеспечения для постоянных мигрантов, занятых в официальном секторе, финансируемая за счет налогов на заработную плату с равными взносами со стороны работодателей, работников и государства. Вторая программа медицинского страхования мигрантов предлагает инклюзивную схему регистрации, доступ к которой могут получить нелегальные мигранты и их дети, а также работники без официального трудоустройства, среди которых особенно много женщин¹⁷⁰.

В стране реализуется ряд инициатив по расширению доступа к здравоохранению для труднодоступных групп мигрантов; в числе таких инициатив — мобильные клиники, двуязычные информационные службы, единые центры и медицинская помощь на рабочих местах. Для предоставления услуг здравоохранения с учетом культурных особенностей наняты медицинские работники-мигранты, которые в том числе устраняют пробел в общении между пациентами и лицами, обеспечивающими уход, за счет посещения на дому и предоставления общей информации о государственном здравоохранении¹⁷¹.

Тем не менее, несмотря на такие меры, в условиях сохраняющихся культурных, языковых и финансовых барьеров медицинским страхованием охвачено лишь около половины всех мигрантов: в 2018 году более 800 000 нелегальных мигрантов остались без страховки¹⁷². Барьеры включают неспособность позволить себе даже низкие страховые выплаты¹⁷³, требование со стороны некоторых больниц предъявлять удостоверение личности¹⁷⁴, а также языковые и культурные барьеры¹⁷⁵. Кроме того, необходимо продолжать разработку двусторонних соглашений со странами, откуда едут мигранты, с целью обеспечения охвата мигрантов на всех этапах их пути, в том числе по возвращении домой¹⁷⁶.

Для семей мигрантов стоимость ухода за ребенком может быть неподъемной. Даже международные мигранты с урегулированным статусом могут не иметь права на семейные пособия или субсидии по уходу за детьми: мигранты — домашние работники сталкиваются с такой ситуацией в некоторых европейских странах¹⁷⁸. В таких случаях пробелы в государственном обеспечении могут компенсировать неофициальные сети социальной защиты. Например, в Ливане женщины-мигранты из Эфиопии зависят от других членов своего сообщества, которые делят с ними расходы домохозяйств и труд по уходу за детьми¹⁷⁹. Однако такие договоренности имеют определенные ограничения, а постоянные расходы и проблема недоступности ухода за детьми, образования и сложная адаптация в стране назначения могут побудить родителей отправить детей обратно к себе в страну¹⁸⁰. Во время мирового финансового кризиса 2008 года родители-мигранты, прибывшие в Испанию из Эквадора, отправили своих детей обратно домой, поскольку отсутствие услуг по уходу за детьми было несовместимо с изменившимися

обстоятельствами и экономическими стратегиями выживания, в частности более длительным рабочим днем и поиском работы в других городах¹⁸¹.

Учитывая, что значительная доля миграции происходит в пределах регионов (см. раздел «Изменение географии и движущих сил миграции»), несколько региональных межправительственных организаций, созданных в целях экономической интеграции, утвердили ряд мер социальной защиты мигрантов. В качестве примера можно привести Карибское сообщество и торгово-экономический союз МЕРКОСУР в регионе Латинской Америки и стран Карибского бассейна, а также Европейский союз¹⁸².

В ноябре 2017 года государства - члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии подписали Консенсус о защите и продвижении прав трудящихся-мигрантов (см. историю перемен «Получение защиты для трудящихся-мигрантов Индонезии и их семей»). Консенсус является шагом к созданию единой региональной

нормативно-правовой базы для помощи женщинам-мигрантам и их семьям¹⁸³. При том что женщины-мигранты составляют 50% от общей численности мигрантов в странах АСЕАН и вносят существенный вклад в экономический рост региона, они сталкиваются с трудностями при получении доступа к социальной защите¹⁸⁴. Женщины обычно работают в «неквалифицированных» или менее квалифицированных секторах и выполняют тяжелый физический труд на нижних ступенях профессиональной лестницы, и многие из них не имеют права на получение пособий и льгот¹⁸⁵. Женщины-мигранты с урегулированным статусом могут делать прямые взносы в схемы социальной защиты посредством налогов и иметь право на получение пособий во время нахождения в стране назначения. Однако по возвращении домой они, вероятнее всего, не смогут вернуть сделанные взносы и, соответственно, выплаты из этих сумм в последующие годы. В этом регионе, как и во многих других, необходимы дальнейшее сотрудничество и инвестиции для обеспечения «возможности переноса» выплат по долгосрочным социальным программам, охватывающим, например, пенсии по старости, пенсии вдов, пенсии по инвалидности и услуги здравоохранения¹⁸⁶.

Денежные переводы и подарки

Денежные переводы являются важнейшим элементом жизни транснациональной семьи. В 2016 году около 800 млн человек получали поддержку в виде денежных переводов от близких или членов семьи¹⁸⁷. Большинство семей используют денежные переводы для обеспечения прожиточного минимума, например, оплачивая расходы на проживание и питание или возмещая траты на услуги, которые в рамках систем социального обеспечения не предоставляются или предоставляются в недостаточном объеме¹⁸⁸.

Денежные переводы являются не только видом финансовой поддержки семьи, они имеют и социальное значение для семей¹⁸⁹. Наряду с другими подарками, отправляемыми мигрировавшими за рубеж родителями, денежные переводы становятся символом любви и заботы об оставшихся дома детях¹⁹⁰. Жены и матери испытывают те же эмоции, получая переводы мужей-мигрантов, хотя такая денежная помощь и не всегда уменьшает стресс и тревогу, возникающие в результате жизни на расстоянии и усталости от выполнения собственных домашних обязанностей¹⁹¹.

Сложные и иногда напряженные процессы переговоров в семьях могут определять, как расходуются денежные переводы и кто имеет право

распоряжаться ими¹⁹². Женщины не всегда имеют возможность контролировать использование денежных переводов, но в случаях, когда они влияют на этот процесс зачастую пересматриваются традиционные гендерные роли в вопросах принятия решений о расходах домохозяйства¹⁹³. Тем не менее в некоторых случаях поступление денежных переводов может фактически укрепить позицию женщины в ведении хозяйства и осуществлении ухода. Например, в Перу, когда мужчины мигрируют за границу, некоторые женщины отказываются от оплачиваемой работы вне дома и занимаются «активным материнством»¹⁹⁴, сосредоточиваясь исключительно на воспитании детей¹⁹⁵. В других случаях оплачиваемая занятость женщин ограничивается дополнительным объемом неоплачиваемого ухода за членами семьи, который они вынуждены брать на себя в отсутствие супруга¹⁹⁶.

Влияние этих факторов может смягчаться, если денежные переводы осуществляет сама женщина. Исследование транснациональных филиппинских семей выявило, что женщины-мигранты сохраняли контроль над своими денежными переводами, доверяя их старшим дочерям, которые в большинстве случаев в отсутствие матери брали на себя ответственность за заботу о других членах семьи. С одной стороны, такое положение дел определяет роль женщины как кормильца семьи и расширяет возможности более молодых женщин в процессах принятия решений в домохозяйстве, а с другой — усиливает ответственность женщин за выполнение неоплачиваемого домашнего труда и может превратиться в бремя для дочерей, которые сами, возможно, еще школьницы¹⁹⁷.

Изменение представлений и социальных норм, касающихся семейной жизни

Термин «социальные переводы»¹⁹⁸ обозначает перенос идей и принципов поведения из страны назначения в страну происхождения, будь то посредством связи с использованием ИКТ после возвращения мигрантов домой или в результате посещения мигрантов их друзьями и членами семьи. Таким образом, миграция может приводить к изменению существующих социальных норм (см. главу 1), в том числе нарушая традиционную расстановку гендерных ролей. По данным проведенного в Непале исследования, женщины, мигрировавшие в Западную Азию в качестве домашних работников, сообщили, что полученный опыт, хотя и был зачастую непростым, добавил им по возвращении уверенности в борьбе против доминирующих социальных норм и стереотипов. При поддержке неправительственной организации

«Pourakhi», защищающей интересы женщин-мигрантов на протяжении всего процесса трудовой миграции, женщины-репатрианты смогли устроиться на работу в отраслях и на позиции, в которых ранее доминировали мужчины (например, работа туристическими гидами); они смогли купить землю и построить дома в сельских районах, где женщины обычно не наследуют имущество и отсрочить вступление в брак. Все эти достижения помогли им укрепить свое положение в семье¹⁹⁹.

В то время как социальные переводы могут влиять на некоторые идеи и практики в сообществах страны происхождения, изменения зачастую происходят медленно. Более того, способ передачи идей и практик не всегда положительный и прямой. Мигранты, отправляющиеся в страны с более высоким уровнем гендерного неравенства, могут вернуться домой с дискриминационными убеждениями. Женщина-мигрант, которая во время жизни за границей была главным кормильцем семьи, по возвращению домой может обнаружить, что должна вернуться к роли домохозяйки, а также использовать свои сбережения для поддержки приносящего доход предприятия ее мужа²⁰⁰.

Вынужденное перемещение может также приводить к изменениям в социальных нормах, в том числе негативно влиять на права женщин. Например, мужчины могут отвечать насилием не только на стресс от перемещения, но и на нередко происходящее в таких ситуациях расшатывание установленных социальных норм и гендерных ролей²⁰¹. Так, среди общин внутренне перемещенных лиц в Колумбии увеличение распространенности насилия в отношении женщин со стороны интимных партнеров было связано с ростом уровня занятости женщин в условиях, когда мужчины с трудом находят работу²⁰². В

лагерях беженцев в Ираке, Кении и Южном Судане мужчины сообщали о чувстве беспомощности из-за неспособности обеспечить свои семьи и обеспокоенности ростом возможностей обучения профессиям и получения образования, которые международные агентства предлагают женщинам и девочкам. По словам мужчин, все эти факторы являются триггерами насилия со стороны интимного партнера²⁰³. Эти выводы подчеркивают исключительную важность работы служб реагирования на насилие со стороны интимного партнера и другие формы насилия в отношении женщины в лагерях и центрах по приему беженцев.

Помимо перемен в странах происхождения и внутри сообществ мигрантов, миграция также формирует идеи и социальные нормы в сообществах в стране назначения. Миграция приносит с собой разнообразие идей и впечатлений, которые находят выражение в творчестве и популярной культуре, литературе, музыке, кинематографе, спорте и кухне²⁰⁴. И все же слишком часто ксенофобия и расизм подпитываются негативным отношением к мигрантам и беженцам со стороны ряда политиков и СМИ и еще более усугубляются неспособностью некоторых государств должным образом признать и разъяснить тот вклад, который мигранты вносят в экономику и в общество в целом²⁰⁵. Например, некоторые страны используют стереотипы о консервативном и патриархальном укладе жизни в семьях мигрантов-мусульман для проведения или обоснования более строгой миграционной политики и политики интеграции для семейных мигрантов²⁰⁶. Таким образом, на правительства принимающих стран возложена не только задача поддержки женщин-мигрантов в реализации их экономических и социальных прав, но и точное отражение их вклада в семейную жизнь и жизнь их сообщества.

7.5 УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ С ЦЕЛЬЮ ПОДДЕРЖКИ ЖЕНЩИН И СЕМЕЙ

В сентябре 2016 года мировые лидеры собрались вместе для подписания Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах (Нью-Йоркская декларация). В этом документе подтверждены обязательства государств по защите прав человека вне зависимости от его миграционного статуса и совместная ответственность за спасение жизней, прием и размещение беженцев и мигрантов²⁰⁷, также говорится о твердой приверженности обеспечению реализации гендерных аспектов миграционной

политики с учетом прав женщин и девочек²⁰⁸. В частности, признаются права на услуги по охране сексуального и репродуктивного здоровья, необходимость борьбы с насилием в отношении женщин, в том числе сексуальным насилием, и необходимость устранения множественных и пересекающихся форм дискриминации.

После подписания Нью-Йоркской декларации государства - члены ООН и другие заинтересованные

стороны, в том числе организации гражданского общества начали консультации и переговоры по заключению двух глобальных договоров — Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и Глобального договора о беженцах. Оба документа были приняты большинством государств - членом ООН в декабре 2018 года.

Декларация и два договора заключены в то время, когда во многих странах проблема миграции является одним из ключевых вопросов политической повестки дня, а мигранты нередко становятся жертвами обстоятельств при возникновении социально-экономических проблем и кризисов. Договоры свидетельствуют о важной приверженности принципу многосторонности и служат сигналом для стран, совместно работающих над вопросами, требующими регионального и глобального сотрудничества. Эти договоры, в которых были повторены и подтверждены существующие в рамках ООН нормативно-правовые основы прав человека, придали столь необходимый новый импульс для их соблюдения на практике.

Что касается предоставления семьям возможности жить вместе, то Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции обязует создать пути легальной миграции, «содействующие праву на семейную жизнь», облегчить процедуры воссоединения семей мигрантов любого уровня квалификации, а в случае несопровождаемых и разлученных детей установить «специальные процедуры для их выявления, направления в соответствующие службы, ухода за ними и воссоединения с семьями»²⁰⁹. Тем не менее воссоединение семьи по-прежнему зависит от соблюдения требований, например в отношении «доходов, знания языка, продолжительности пребывания, наличия разрешения на работу и охвата системой социального обеспечения и услугами», что способствует дискриминации некоторых групп женщин и семей. Глобальный договор о беженцах также содержит обязательства по упрощению процедур и системы перенаправления в другие службы с целью воссоединения семей беженцев²¹⁰.

В обоих договорах признается несоразмерно высокий риск насилия в отношении женщины и девочек, являющихся мигрантами и беженцами. В частности, в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции утверждается, что мигранты имеют право на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», а миграционная политика должна

предусматривать доступ к здравоохранению, особенно в случаях сексуального и гендерного насилия²¹². В договорах в явной форме не говорится об услугах по охране сексуального и репродуктивного здоровья²¹³, однако КЭСКП подчеркивает, что такие услуги являются неотъемлемой частью обязательства государств в отношении права на здоровье²¹⁴.

В договорах также содержатся основные положения, касающиеся роли женщин в качестве кормильца семьи: цель 20 Глобального договора о миграции предусматривает упрощение и повышение оперативности денежных переводов и учитывает необходимость облегчения доступа женщин-мигрантов к обучению для повышения финансовой грамотности и к официальным системам перевода денежных средств. В разделе 2.2 «Занятость и средства к существованию» Глобального договора о беженцах выражается приверженность продвижению экономических возможностей для женщин-беженцев. Глобальный договор о миграции содержит конкретные рекомендации по этичному подбору персонала и созданию достойных условий труда для домашних работников, которые перекликаются с Конвенцией № 189 МОТ о достойном труде домашних работников 2011 года²¹⁵.

Более качественные данные могут стимулировать информированность общественности о миграционных процессах, мигрантах и беженцах²¹⁶. Глобальный договор о миграции содержит призыв к созданию и укреплению региональных центров миграционных исследований для сбора и распространения информации о вкладе мигрантов в экономику региона, проблемах миграции и ее движущих силах²¹⁷. Для обеспечения эффективной политики требуется более своевременный сбор и использование качественных и количественных данных по миграции в разбивке, по крайней мере, по полу, возрасту и миграционному статусу²¹⁸. Также необходимо проводить сбор данных и сведений о насилии в отношении женщин и девочек на всех этапах миграционного процесса²¹⁹. Международные нормы четко указывают на то, что обязанность по защите прав мигрантов на неприкосновенность частной жизни, защиту данных и конфиденциальность, возложена на государства и другие заинтересованные стороны, включая частных лиц²²⁰.

Сделав управление миграцией гендерно-чувствительным основным принципом как Глобального договора о миграции, так и Глобального договора о беженцах, государства - члены ООН обязались обеспечить соблюдение

гендерного равенства и прав женщин посредством политики, законодательства, программ и услуг²²¹. Реализация гендерно-ориентированной политики потребует признания множества ролей, которые женщина может иметь в общественной и семейной жизни, разнообразия семей, в которых они живут,

и полного спектра их прав человека²²². Вовлечение женщин-мигрантов и женщин-беженцев в процесс принятия решений, а также в разработку и оказание услуг по поддержке их и их семей является важным способом обеспечения удовлетворения потребностей²²³.

7.6 ВЫВОДЫ

Миграция является основной движущей силой, влияющей на семейную жизнь женщин. Во многих случаях, женщины или их партнеры мигрируют в более крупные города или в другие страны, чтобы заработать средства существования для своей семьи. В других случаях миграция может быть вызвана конфликтом или слабой системой социальной защиты. Для женщин миграция может стать ответом на дискриминационные социальные нормы и практики, и именно они часто сталкиваются с нормативно-правовой базой, которая не поддерживает семейную жизнь и их права.

В то время как страны назначения извлекают выгоду из труда мигрантов, а странам происхождения выгодны совершаемые мигрантами денежные переводы, их семьи несут ряд социально-экономических издержек. Мигранты часто разлучены со своими близкими, а ограничительные правила и социальная политика в странах назначения затрудняют их семейную жизнь, делая для многих из них невозможными такие ее аспекты как физическое присутствие, близость и уход. При этом на женщинах лежит дополнительная нагрузка, поскольку даже когда они мигрируют, они продолжают нести основные обязанности по уходу за оставшимися дома членами семьи.

Когда семьи мигрируют вместе или когда женщины мигрируют, чтобы присоединиться к супругу, дискриминационные правила и политики могут ослабить позицию последних в семьях, например, если право оставаться в стране зависит от отношений с мужем, который

выступает ее спонсором. Для обеспечения равных прав женщин исключительно важно отменить привязку миграционного статуса к статусу супруга и обеспечить женщин доступом к ресурсам и службам поддержки, что позволит предотвратить насилие в семье. Важно, чтобы транзитные страны и страны назначения, а также организации гуманитарного реагирования предприняли меры для предотвращения и должного реагирования на насилие в отношении женщин, — необходимо дать женщинам возможность получать собственный доход и обеспечить их доступом к государственным услугам и социальной защите.

Гендерно-чувствительное управление миграцией необходимо для обеспечения учета в законодательстве, политике и услугах по миграции различных реалий, с которыми сталкивается каждый человек в этом процессе. Организации гражданского общества призваны сыграть решающую роль во включении прав женщин в основу миграционного соблюдения недавно принятых обязательств.

Наконец, необходимо принять меры для устранения причин, вынуждающих мигрировать людей, особенно женщин и девочек, — это затяжные конфликты, насилие в отношении женщин, глубоко укоренившееся гендерное неравенство в семьях, сообществах и на рынках труда, а также модели развития, которые не способны обеспечить достойные средства к существованию и рабочие места, позволяющие женщинам поддерживать адекватный уровень жизни без необходимости уезжать²⁴⁴.

СКОЛЬКО ЭТО БУДЕТ СТОИТЬ? ФИНАНСИРОВАНИЕ ПАКЕТА МЕР В РАМКАХ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ ГЕНДЕРНОМУ РАВЕНСТВУ И РАСШИРЕНИЮ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН

Для реализации изложенных в настоящем докладе рекомендаций государствам необходимо сформировать пакет социальных выплат и услуг, направленных на защиту прав женщин и поддержку семей во всем их многообразии. Важность таких мер подчеркнула Комиссия по положению женщин, призвав страны реализовать политику, направленную на поддержку семей, достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин¹. Некоторые ключевые элементы этого пакета — социальная защита, услуги по уходу и обязательное медицинское страхование, покрывающее в том числе медицинские услуги по охране сексуального и репродуктивного здоровья, — также включены в различные задачи в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Например, задача 1.3 Повестки дня 2030 предполагает внедрение странами на национальном уровне надлежащих систем и мер социальной защиты для всех, включая установление минимальных уровней; задача 5.4 ставит целью признавать и ценить неоплачиваемый труд по дому и уходу, предоставляя коммунальные услуги, инфраструктуру и системы социальной защиты и поощряя принцип общей ответственности в ведении хозяйства и в семье; а задача 5.6 подкрепляет соглашения, принятые в соответствии с Программой действий Международной конференции по народонаселению и развитию, Пекинской платформой действий и итоговыми документами конференций по рассмотрению хода их выполнения, предусматривающие всеобщий доступ к услугам в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья и реализацию репродуктивных прав.

Согласно результатам специально проведенного исследования стоимости, в котором были учтены ключевые элементы рекомендуемого в настоящем докладе пакета мер поддержки семьи, большинство стран может себе его позволить².

Включенная в этот пакет мер политика социальной защиты и ухода имеет огромное значение для семей и общества в целом, но особенно важна для женщин. Политика предусматривает конкретные шаги по решению проблемы чрезмерной представленности женщин среди лиц, не имеющих гарантированного дохода, а также учитывает особенности их жизненного цикла (в частности, материнство и большую продолжительность жизни) и непропорционально высокую долю неоплачиваемого труда по уходу.

В расчетах используется принятая методология, которая применяется для оценки стоимости реализации уровней социальной защиты в соответствии с Рекомендацией № 202 МОТ о минимальных уровнях социальной защиты 2012 года. Основным отличием представленных здесь расчетов затрат от других подобных расчетов, в частности в Индексе минимального уровня социальной защиты, является включение в него услуг по уходу за детьми и пожилыми людьми³. Анализ не охватывает все элементы политики, упомянутые в докладе. Элементы, для которых общепринятые методологии оценки затрат отсутствуют, были исключены из расчетов; сюда относятся, например, реформа семейного права, принятие и обеспечение соблюдения норм, касающихся насилия в отношении женщин, а также улучшение сбора и анализа данных о семьях.

Социальная защита, услуги здравоохранения и ухода: жизненно важные инвестиции для женщин, семей и общества

Политика, обеспечивающая защиту доходов на протяжении жизненного цикла, всеобщее базовое медицинское обслуживание, в том числе услуги по охране сексуального и репродуктивного здоровья, а также услуги по уходу являются важнейшими инвестициями в выполнение обязательств в области прав человека, развитие человеческого потенциала и создание более сильной экономики и общества. Тем не менее, несмотря на все достоинства социальной защиты, лишь 45% населения на практике пользуется по крайней мере одной областью социальной защиты. Большинство — 55% — остаются незащищенными⁴.

Как утверждается в докладе, инвестиции в услуги по уходу необходимы для достижения прогресса в области прав женщин и поддержки семей. Такие услуги полезны не только тем, о ком заботятся, — благодаря обеспечению надлежащего физического и психического развития ребенка, а также охране здоровья и достоинства людей с ограниченными возможностями и пожилых членов общества, — такие услуги полезны и тем, кто чаще всего осуществляет уход за членами семьи, а именно женщинам и девочкам. Создание служб по уходу, как правило, является достаточно дорогостоящим мероприятием, особенно в краткосрочной перспективе, из-за начальных инвестиций в инфраструктуру, подбор и обучение рабочей силы и так далее. Однако в среднесрочной перспективе затраты на работу этих служб могут быть в значительной степени возмещены за счет увеличения налоговых поступлений и взносов на социальное обеспечение от сотрудников, имеющих достойные рабочие места в секторе ухода, предотвращения расходов на услуги здравоохранения, а также долгосрочных преимуществ в виде более здорового и образованного молодого населения. Тем не менее, множество стран, особенно с низким и средним уровнем дохода, должны будут использовать поэтапный подход, предусматривающий постепенное расширение услуг.

В исследовании, выполненном в 2018 году по заказу Структуры «ООН-женщины», были подробно рассмотрены затраты на расширение услуг дошкольного образования и воспитания в ЮАР и Уругвае⁵. В условия задачи исследования входили выплата достойной заработной платы и поддержание адекватного числа детей на одного учителя, в результате чего было смоделировано два сценария с различиями по уровню охвата детей⁶. В ЮАР при постепенном внедрении услуг по менее амбициозному сценарию для реализации такой программы потребовались бы ежегодные валовые инвестиции в размере 1,8% ВВП. Такие инвестиции позволят создать более 1,2 млн новых рабочих мест, а при условии, что большинство из этих рабочих мест будет занято женщинами, это приведет к повышению уровня их занятости на 5,3 процентных пункта. Созданные рабочие места принесут более 2 млрд долларов США новых поступлений от налогов и взносов на социальное обеспечение: это означает, что необходимые чистые инвестиции составляют 1,2% ВВП.

В более амбициозном сценарии годовые валовые инвестиции в 3,2% ВВП не только обеспечат охват этими услугами всех детей в возрасте 0–5 лет, но и создадут 2,3 млн новых рабочих мест, повысив занятость женщин на 10,1 п.п. Чистые инвестиции, необходимые в данном случае, составят 2,1% ВВП.

Подход

Анализ затрат для настоящего доклада был проведен в отношении следующих пособий и услуг:

- защита доходов на протяжении жизненного цикла для детей (в возрасте 0–17 лет); людей трудоспособного возраста (в возрасте 18–64 лет), которые не могут получать достаточный доход, в том числе в случае безработицы, отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком или инвалидности; пожилых людей (в возрасте 65 лет или старше);
- обязательное медицинское страхование, в том числе услуги по охране сексуального и репродуктивного здоровья;

- услуги дошкольного образования и воспитания (для детей в возрасте 0–5 лет); и
- услуги долговременного ухода за пожилыми людьми (в возрасте 65 лет и старше).

В результате анализа выявлены существующие пробелы в социальной защите и проведена оценка затрат на их восполнение. Это создает полную картину потребности в ресурсах, построенную «сверху вниз» и выраженную в доле от ВВП страны. Такие приблизительные подсчеты дают возможность провести на национальном уровне более глубокий и подробный анализ с расчетом оценочных значений для конкретной страны⁷. Представленные затраты не моделируют эффект мультипликатора в отношении спроса и влияние на занятость, производительность, экономический рост или доход, генерируемый через налоги и платежи.

В настоящем докладе продвигается идея социальных выплат универсального характера, достаточных для поддержания адекватного уровня жизни, поскольку реализация подходов, ориентированных на целевые выплаты, оказывается дорогостоящей в управлении и зачастую содержит значительные ошибки исключения (см. главу 4). Однако в связи с тем, что большинству стран (или всем странам) на развертывание пакета мер социальной политики потребуется время, а также в соответствии с принципом прогрессивной реализации прав человека, в анализе затрат смоделировано несколько разных сценариев реализации.

В связи с этим оценки для подходов, ориентированных на целевые выплаты, проводились с использованием относительной черты бедности, установленной на уровне 50% среднего дохода. Относительные значения черты бедности определяются по отношению к

распределению доходов в пределах конкретной страны на определенный момент времени таким образом, что член такого общества будет испытывать лишения и/или ощутит себя в социальной изоляции, если его/ее уровень дохода будет неадекватным по сравнению с другими. Преимущество такого подхода заключается в повышении актуальности анализа для стран с более высоким уровнем дохода, поскольку он выходит за рамки ресурсов, необходимых для физического выживания, и рассматривает ресурсы, необходимые для предотвращения социальной изоляции.

Тем не менее в ряде стран с низким и средним уровнем дохода значение 50% от среднего дохода оказывается ниже черты крайней бедности, установленной Всемирным банком на уровне 1,90 доллара США в 2011 году по паритету покупательной способности в день. Эта цифра используется как минимальный уровень для черты относительной бедности и применяется в этих странах, поскольку представляет общепринятый абсолютный минимальный доход. Предполагается, что в рамках реализации целевых подходов расходы на управление составляют 11% от общей суммы выплат.

Проведена оценка пробелов в области охраны здоровья на основе двух показателей — общей адекватности государственных ресурсов, выделяемых на системы здравоохранения, и их распределения в этих системах. Наконец, определены пробелы в потребностях в уходе на основе оценки числа нуждающихся в уходе детей и пожилых людей при адекватном соотношении числа лиц, осуществляющих уход, и лиц, которым требуется уход, а также обеспечения достойной заработной платы для работников по уходу. С использованием данного подхода были сделаны оценки для 155 стран⁹.

Пакет мер поддержки семьи доступен для большинства стран

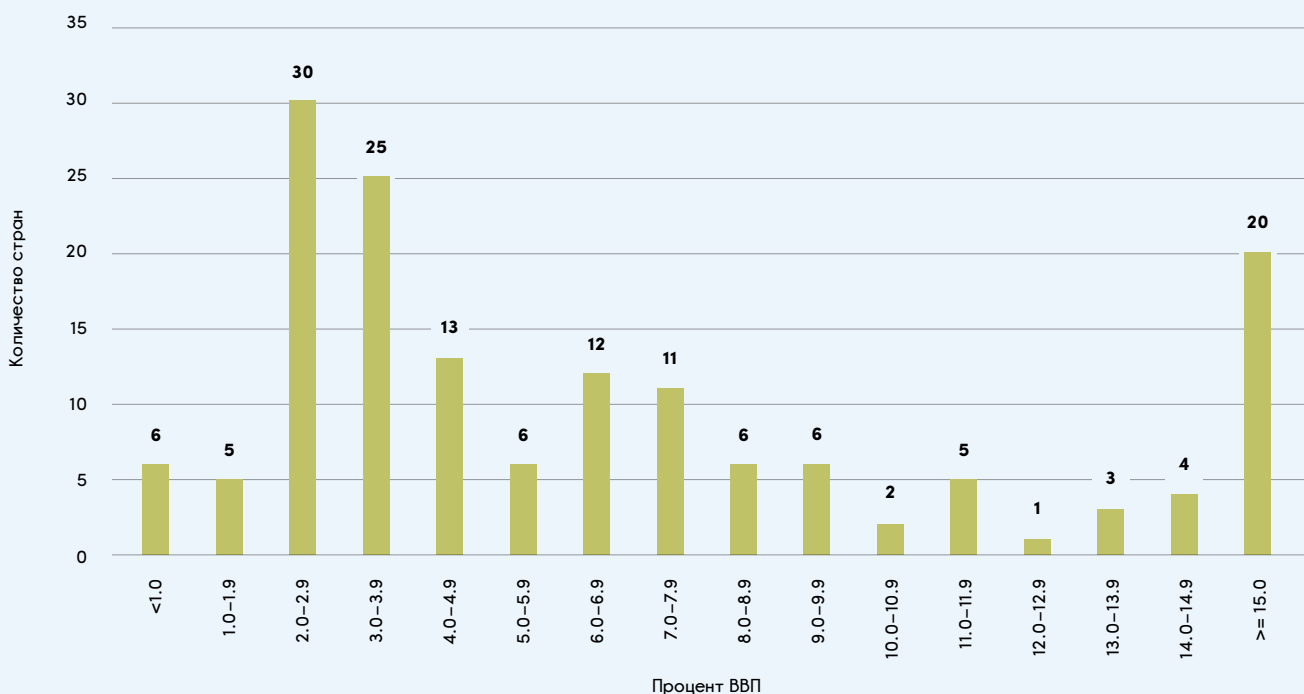
Расчеты показывают, что пакет мер поддержки семьи, включающий поддержку дохода на протяжении всей жизни и оказание услуг здравоохранения, доступен для большинства стран. На рисунке 1 показано количество стран в разбивке по ресурсам, которые им потребуются, чтобы ликвидировать разрывы в доходах, услугах в области здравоохранения и ухода. Показано, что четверть стран (41 из 155 исследованных) могли бы осуществлять необходимую политику, расходуя менее 3% ВВП; чуть более половины стран (79) могли бы сделать это менее чем за 5% ВВП. Для одной пятой стран (35), включенных в исследование, такая политика будет стоить более 10% ВВП, что потребует дополнительной международной поддержки, включая официальную помощь в целях развития (ОПР).

Мобилизация ресурсов

Для того чтобы сделать политику доступной, государствам необходимо мобилизовать ресурсы различными способами, в том числе путем увеличения налоговых поступлений, расширения социального обеспечения, привлечения кредитов или реструктуризации долга, привлечения средств и финансирования, а также сокращения платежей по линии Юг — Север и устранения нелегальных финансовых потоков¹⁰. Это соответствует Аддис-Абебской программе действий третьей Международной конференции по финансированию развития, которая подтвердила важность «дальнейшего укрепления усилий в целях мобилизации и эффективного использования внутренних ресурсов»¹¹.

Увеличение налоговых поступлений. Для большинства стран налоговые поступления представляют собой самый важный источник

РИСУНОК 1 КОЛИЧЕСТВО СТРАН В РАЗБИВКЕ ПО ДОЛЕ ВВП, КОТОРАЯ НЕОБХОДИМА ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ РАЗРЫВОВ В УРОВНЯХ ДОХОДОВ, В СФЕРАХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И УХОДА, 2015 ГОД

Источник: Bierbaum and Cichon. Готовится к публикации.

Примечания: Для выборки из 155 стран использованы данные за 2015 год или последний доступный год для каждой страны. При отсутствии доступных страновых оценок для исходных данных, значения рассчитываются на основе средних показателей в странах того же региона и категории дохода (за исключением данных о разрыве доли малоимущих, уровне безработицы и доли среди рабочей силы, квалифицированном родовспоможении и расходах на долгосрочный уход).

финансирования социальных и государственных расходов. Обычным способом увеличения общих доходов является повышение налоговых ставок, например по налогу на потребление, на доходы физических лиц, на прибыль юридических лиц, на имущество и наследство, импорт и экспорт или добычу природных ископаемых¹². Доходы также могут быть увеличены путем повышения эффективности сбора налогов без изменения налоговых ставок или введения новых. Это особенно важно для стран с низким уровнем дохода, где возможны серьезные проблемы с налоговым администрированием¹³.

Среди других мер, которые могут способствовать значительному и устойчивому увеличению налоговых поступлений в доле ВВП, можно назвать сокращение или рационализацию налоговых льгот, расширение налоговой базы путем введения новых акцизов на целевые товары (например, определенные виды топлива, табак, автомобили и алкоголь) и налогообложение некоторых видов внутренней аренды (например, в сфере туризма)¹⁴.

Расширение социальной защиты. Почти все развитые страны используют свои системы социального обеспечения для расширения собственных финансовых возможностей. Развивающиеся страны, такие как Аргентина, Бразилия, Китай, Коста-Рика, Таиланд и Тунис, увеличили охват программ социального обеспечения и повысили сбор взносов по этой линии в рамках национальных стратегий развития. В некоторых странах этот процесс шел параллельно со стимулированием официальной занятости, что позволило повысить эффективность обеих мер: с ростом числа официальных предприятий увеличиваются поступления в бюджет через налоги и взносы на социальное обеспечение¹⁵.

Кредиты или реструктуризация долга. Внутренние и иностранные кредиты, в том числе льготные, могут применяться для финансирования социальных инвестиций, в особенности предполагающих значительную окупаемость в средне- и долгосрочной перспективе, в сферу образования,

здравоохранения и услуг по уходу за детьми¹⁶. Такие инвестиции позволяют повысить производительность и стимулировать больший объем частных инвестиций, способствующих более высоким темпам роста. В свою очередь быстрый рост приводит к созданию дополнительных экономических ресурсов, которые могут поддержать более высокие налоговые поступления и позволить государству погасить долг.

Однако имеются веские основания для реструктуризации долга стран с крупной задолженностью: значительное бремя долга вытесняет средства, которые могли бы быть направлены на важные социальные инвестиции¹⁷. Действительно, стоимость обслуживания государственного долга в наименее развитых странах увеличилась с 3,4% ВВП в 2015 году до 4,3% в 2017 году; а доля государственных расходов на здравоохранение и образование в доле от ВВП стран за тот же период оставалась стабильной с небольшим снижением в 2017 году¹⁸. Однако дальнейшее увеличение стоимости обслуживания внешнего долга может привести к сокращению государственных расходов на эти области.

Сокращение платежей Юг—Север и устранение нелегальных финансовых потоков. Поток финансовых ресурсов из развивающихся стран (в форме процентных платежей по внешнему долгу, иностранных инвестиций, утечки капитала и т.д.) значительно превышает объем направляющихся туда ресурсов (помощи, инвестиций и доходов из-за рубежа). По оценкам ООН, в 2014 году это привело к чистому оттоку средств из развивающихся стран в размере 970,7 млрд долларов США¹⁹. Иными словами, бедные страны передают ресурсы богатым, а не наоборот²⁰.

Нелегальные финансовые потоки и зарубежные офшоры истощают ограниченные ресурсы, имеющиеся в распоряжении страны, что представляет особенно серьезную проблему для развивающихся стран, где налоговая база значительно ниже, чем в большинстве развитых стран. Отдельные страны предпринимают шаги

для мобилизации внутренних ресурсов, однако для ликвидации нелегальных финансовых потоков необходимо международное сотрудничество, закрытие офшоров и поддержка усилий стран по расширению собственных финансовых возможностей.

Использование помощи и платежей.

Помимо важности мобилизации внутренних ресурсов, в Аддис-Абебской программе действий признается, что международная помощь в целях развития будет необходима для достижения целей развития, «особенно в наиболее бедных и уязвимых странах с ограниченными внутренними ресурсами» (пункт 50). Несмотря на недавнее увеличение объема потоков ОПР в наименее развитые страны, многие государства с высоким уровнем дохода не выполнили своих обязательств и увеличение ОПР по большей части обусловлено увеличением гуманитарной помощи в нескольких странах²¹. Доля ОПР, направляемой в социальный сектор, в последнее время сократилась в связи с увеличением расходов на экономическую инфраструктуру и услуги²².

Однако, как показано в докладе, разделение между социальными и экономическими расходами является произвольным, и расходы на социальный сектор могут в долгосрочной перспективе влиять на производительность и рост экономики. Механизмы предоставления ОПР меняются и отражают важные сдвиги, в том числе расширение сотрудничества Юг—Юг. По мере эволюции финансирования в целях развития решающее значение будет иметь оптимизация объема и повышение эффективности ОПР в финансировании социальных инвестиций, продвигающих гендерное равенство.

Вернуть все домой: как направить ресурсы на гендерное равенство

Вопрос мобилизации ресурсов невозможно отделить от вопроса об их расходовании. Такие механизмы, как составление бюджета с учетом мнения общественности, социальные аудиты и общественные слушания могут повысить подотчетность, позволяя гражданскому обществу использовать данные о бюджете и участвовать в процессе мониторинга.

Гендерно-ориентированное бюджетирование является одним из способов анализа распределения государственных расходов, налогообложения и предоставления государственных услуг с точки зрения пользы и недостатков для женщин и девочек. В него также может быть включен анализ влияния бюджетных ассигнований на женщин различных социально-экономических классов, женщин из этнических меньшинств или инвалидов. Гендерно-ориентированное бюджетирование также может использоваться для отслеживания бюджетных обязательств по обеспечению гендерного равенства в реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года²³. По данным из 69 стран за 2018 год, 13 стран (19%) полностью соответствовали критериям, указанным в показателе 5.с (имели систему отслеживания, которая измеряет и делает общедоступными данные по гендерно-ориентированному бюджету), а 41 страна (59%) приблизилась к выполнению данного требования²⁴. Эти данные также выявляют пробелы в реализации политики. Среди того же набора стран, в 90% есть политика и программы для устранения гендерных разрывов, однако только в 43% имеет место адекватное распределение ресурсов на их реализацию.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РАВЕНСТВА ДОМА

РЕКОМЕНДАЦИИ

236

ПРЕТВОРЕНИЕ ПЕРЕМЕН В ЖИЗНЬ

240

Семья в своих лучших проявлениях — это место любви и близости, где люди делятся ресурсами, заботятся друг о друге и у них формируется чувство идентичности и принадлежности. Семьи могут дать возможность женщинам и девочкам жить в благополучии и реализовывать свой потенциал, а также являются основой процветающего сообщества, общества и экономики. Но может быть и наоборот: семьи могут быть местом насилия и дискриминации, местом, где женщинам и девочкам часто отказывают в необходимых им ресурсах, где они последними получают еду, точнее то, что осталось недоеденным, где у них нет права голоса и они не имеют права принимать решения самостоятельно. Таким образом, в основе этого доклада лежит понимание семьи как амбивалентного пространства для женщин и девочек.

От главы к главе становится очевидно, что патриархальные основы семейной жизни, в значительной степени создающие эту темную сторону, постепенно разрушаются. Результаты этого можно увидеть в повышении возраста вступления в брак, большем разнообразии форм партнерских отношений, получающих социальное и юридическое признание, снижении уровня рождаемости благодаря наличию у женщин возможности принимать решение о рождении детей, об их количестве и времени рождения, а также в расширении экономической автономии женщин. Эти изменения являются как причинами, так и следствиями крупномасштабных демографических преобразований, значительных сдвигов в вопросах доступа женщин и девочек к образованию и занятости, перемен в идеологии и нормах, а также правовых реформ, которые зачастую стимулируются и вдохновляются гражданской активностью женщин.

Несмотря на подобные перемены, еще многое предстоит сделать для того, чтобы все женщины могли пользоваться всеми правами человека независимо от формы семьи, в которой они проживают. Кроме того, актуальной остается необходимость отстаивать достигнутые с таким трудом успехи. В последние годы противодействующие прогрессу силы в области прав и свобод женщин в семье и обществе были направлены на восстановление более «традиционных» гендерных ролей и возвращение к некоему вымышленному прошлому.

Исходя из этого, в докладе подчеркивается, что государства играют ключевую роль в формировании пространства равенства и справедливости для женщин и девочек внутри семей, причем существует два способа достижения этой цели: установление норм и законов для обеспечения гендерного равенства в семейной жизни и предоставление государством поддержки, ресурсов и услуг, позволяющих семьям

заботиться о своих членах. Так государства ясно дают понять, что права человека действуют и на уровне семьи. С точки зрения обязательств государства, оно обязано обеспечить равенство и отсутствие дискриминации в отношении каждого гражданина, а также предотвращать насилие и дискриминацию, даже если они имеют место в семье или в рамках родственных и семейных отношений.

Семьи не изолированы от остального общества и не являются некой «частной» сферой, существующей отдельно от «общественной». Скорее они взаимосвязаны с другими институтами. Например, экономика и бизнес зависят от семей (очень часто от женщин), где происходит воспитание и социализация детей. Вырастая, дети вносят свой вклад в общество, присоединяются к рабочей силе и платят налоги. Семьи также часто выступают в роли социальных и экономических «амортизаторов», защищая своих членов в стрессовых ситуациях, вызванных как личными, так и социальными обстоятельствами. В последнее время в таких разных регионах, как Южная Европа, Северная и Южная Африка, молодые люди сталкиваются с трудностями в поиске достойной работы или жилья из-за стремительного роста уровня безработицы среди молодежи и обращаются к родным за постоянной поддержкой.

Семьи часто заполняют пробелы, возникающие вследствие отсутствия адекватной системы социальной защиты или здравоохранения для пожилых людей и инвалидов, в том числе в тех случаях, когда имеющиеся услуги и пособия подпадают под сокращение в рамках мер жесткой экономии. Поскольку уход почти всегда рассматривается как обязанность преимущественно женщин, на их плечи ложится непропорционально тяжелая ноша.

Однако семьи не могут нормально существовать без поддержки. Для того чтобы быть эффективной, государственная поддержка в виде законодательства и соответствующей политики должна основываться на реальных структурах и формах семьи, а не на каких-то «идеальных» представлениях.

Настоящий доклад ставит своей ключевой задачей продемонстрировать на основании последних доступных глобальных данных значительное разнообразие структур семей и взаимоотношений, наблюдаемое в различных регионах и странах в течение определенного времени. Домохозяйства, учет которых ведется в переписях и обследованиях домохозяйств, обычно используются в качестве аналога семьи. Но семьи выходят за рамки домохозяйств и включают в себя отношения, охватывающие различные поколения и географию. Значительное разнообразие существует даже

на уровне домохозяйств: хотя два наиболее распространенных типа, включенных в переписи и обследования, — это домохозяйства из двух родителей и детей и расширенные семьи. Другие виды домохозяйств также распространены, в том числе, состоящие из одного родителя и состоящие из бездетной пары (гетеросексуальной или однополый). Домохозяйства, состоящие из одного человека, все чаще встречаются в стареющих обществах.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Ниже мы приводим основные рекомендации в отношении действий государственных структур по формированию и реализации политики поддержки семей, которая может способствовать защите прав женщин в разных семьях.

1. Принятие семейного законодательства, признающего разнообразие и поощряющего равенство и недискриминацию

Государства, общины и религиозные институты регулируют брачную и семейную жизнь и воздействуют на нее посредством законодательства и политики. Семейное законодательство, регулирующее вопросы брака (включая минимальный возраст вступления в брак), развода и установления опеки над детьми, а также попечительства, усыновления и наследования, часто содержит дискриминирующие по признаку пола положения, создавая во многих странах мира неравные условия для женщин и девочек. Отсутствие законных прав на инициирование развода или угроза утраты опеки над детьми могут отрицательно влиять на гендерные взаимоотношения в рамках партнерства и удерживать женщин в неблагоприятных отношениях или даже отношениях, в которых присутствует жестокое обращение. Свобода выбора женщин в вопросе выхода из неблагоприятных партнерских отношений также нарушается в тех случаях, когда в рамках режима имущественных отношений супругов не принимается во внимание вклад на безвозмездной основе или когда государство законодательно не закрепляет обязанность мужчин оплачивать справедливую долю расходов на содержание детей.

В большинстве регионов наблюдается устойчивая тенденция к установлению равноправия в семейном законодательстве; особенно четко она прослеживается начиная с 1950-х годов. Однако изменения происходят медленнее в тех случаях, когда религиозная власть политически институционализована и/или когда семейное законодательство регулируется несколькими

Семьи часто претерпевают изменения, а экономические, социальные и демографические перемены оказывают глубокое влияние на модели формирования семьи и домохозяйства. Понимание и учет различий и изменений в семье имеет важное значение для политиков, которые заботятся о благополучии семей и проживающих в них женщин, мужчин и детей.

правовыми системами. При этом дискриминационное семейное законодательство может меняться и меняется, что зачастую происходит благодаря долгосрочным кампаниям борцов за права женщин и их союзников в правительстве, судебной системе и гражданском обществе (см. вставку 3.1).

Сфера действия семейного законодательства также должна быть расширена с учетом фактического разнообразия партнерских договоренностей. В регионах, где сожительство стало гораздо более распространенным явлением, проживающие вместе партнеры по-прежнему не всегда обладают теми же правами, что и супруги, когда речь идет о социальной защите, наследовании, опеке и содержании. Уравнивание таких прав должно стать приоритетом для всех стран. По состоянию на май 2019 года в 42 странах и территориях право на вступление в брак или партнерские отношения было распространено на однополые пары (см. таблицу 3.1). Такое признание отношений может открыть возможность распространения других прав на однополых партнеров, включая право на усыновление детей и право на воссоединение семьи в ситуации миграции.

2. Обеспечение высококачественных и доступных государственных услуг для поддержки семей и гендерного равенства

Государственные услуги, в том числе услуги в области сексуального и репродуктивного здоровья, образования и ухода, играют решающую роль в поддержке семей и поощрении гендерного равенства.

Произошедшее за последние полвека расширение прав и возможностей женщин в вопросе получения образования стало важной движущей силой гендерного равенства во всем мире, которое в свою очередь привело к радикальным переменам в семьях. В условиях расширения занятости образование открыло для женщин новые горизонты, выходящие за рамки домашней сферы. Так, в развивающихся странах, где охват образованием расширился,

наблюдается зависимость между посещаемостью средней школы и снижением числа ранних браков и рождения детей у подростков. В настоящее время основное внимание следует уделять устранению существенных разрывов между различными группами девочек и обеспечению доступа к образованию для сельских жителей, этнических меньшинств, инвалидов и беднейших слоев населения. Необходимо составление учебных программ, продвигающих идеи гендерного равенства и здоровых отношений; также важно, чтобы школы доброжелательно относились к беременным девушкам и молодым родителям и не допускали их дискриминации.

Как показано в главе 3, контроль рождаемости лежит в основе благосостояния женщин, их возможностей и реализации всех других прав человека. Этот аспект также исключительно важен для способности женщин формировать отношения, в том числе с интимными партнерами, иметь право голоса и свободу выбора в своей жизни. Положительные сдвиги в образовании девочек, снижение младенческой и детской смертности и повышение доступности современных средств контрацепции проложили путь к резкому снижению показателей рождаемости в большинстве регионов мира. Дальнейший прогресс зависит от расширения доступа к предусмотренным законодательно услугам по охране репродуктивного здоровья, что часто идет рука об руку с общим развитием систем здравоохранения (см. вставку 3.5). Также необходимо предпринимать меры по снижению смертности и страданий, вызванных небезопасными абортами (см. историю перемен «Ключевая идея — сочувствие»). Комитет по правам человека недавно подтвердил, что государства-участники должны обеспечивать доступность к «безопасным и законным абортam» при определенных обстоятельствах, и призвал страны прекратить криминализацию как поставщиков этих услуг, так и женщин, желающих сделать аборт (см. вставку 3.3)¹.

3. Гарантия доступа женщин к адекватному независимому доходу

Для благополучия семьям необходим доступ к адекватному уровню дохода, который может быть получен за счет работы на рынке труда, получения дохода от активов (например, земли) или за счет государственных социальных пособий. Как видно из главы 4, наличие собственного дохода ставит женщин в более равное положение с мужчинами, являющимися их интимными партнерами, укрепляет их позиции в семьях и позволяет им при необходимости выходить из отношений. Наличие экономических ресурсов в руках женщин также ассоциируется с более низким уровнем нищеты и большими инвестициями в здоровье и образование детей.

Доступ к адекватному доходу остается очень сложной задачей для семей в условиях, когда участие в рабочей силе остается на прежнем уровне или снижается; когда доступные рабочие места имеют низкое качество, особенно в странах с очень широким распространением неофициальной занятости; и когда заработная плата недостаточна для поддержания достойного уровня жизни. В развивающихся регионах значительная часть женщин, участвующих в рабочей силе в качестве работников семейных ферм и предприятий, не имеет собственных доходов. Брак и наличие маленьких детей в домохозяйстве снижает уровень участия женщин в рабочей силе, оказывая при этом противоположный эффект на мужчин. Дискриминация на рынках труда и непропорциональная ответственность женщин за неоплачиваемый домашний труд представляют особую проблему для одиноких матерей, которые не могут рассчитывать на объединение доходов с партнером. Это также означает, что женщины часто накапливают меньше сбережений и активов для жизни в старости.

На этом фоне возникает необходимость в макроэкономической и трудовой политике для обеспечения достойного труда, а также гендерно-чувствительной системы социальной защиты, поддерживающей разные семьи. Для достижения этих целей основные элементы социальной защиты должны включать оплачиваемый отпуск по беременности и родам и отпуск по уходу за ребенком, социальные выплаты для семей с детьми с дополнительной поддержкой для одиноких родителей, а также адекватные и сформированные с учетом гендерного фактора пенсии на основе сочетания накопительных и ненакопительных схем.

4. Поддержка семей в обеспечении ухода посредством предоставления времени, денег, услуг

Значительная доля повседневной работы, будь то уход за маленькими детьми, взрослыми или слабыми пожилыми людьми, осуществляется членами семьи. Без этого неоплачиваемого труда по уходу — как непосредственного личного ухода, так и домашней работы по приготовлению пищи и стирке — функционирование экономики и общества было бы невозможно. Как видно из главы 5, в семьях подавляющее большинство труда по уходу выполняют женщины (см. рисунок 5.2). Во всем мире женщины выполняют в три раза больше неоплачиваемого домашнего труда, чем мужчины². Проживание в сельской местности, жизнь в бедном домохозяйстве, замужество и рождение маленьких детей увеличивают количество времени, расходуемого женщинами на этот труд. В странах

и общинах с низкими доходами такая работа часто становится более изнурительной и трудоемкой из-за отсутствия надлежащей инфраструктуры, в частности водопровода и электричества в домах.

В то время как семьи играют центральную роль в обеспечении ухода, другие учреждения и заинтересованные стороны также играют роль в финансировании и/или оказании помощи, будь то посредством рыночных услуг (например, оплачиваемых домашних работников), государственных услуг (например, муниципальных домов престарелых) или услуг различных некоммерческих организаций (например, общинного детского сада). Когда такие услуги по уходу недоступны или имеют низкое качество, большая часть работы ложится на женщин и девочек либо же потребности в уходе не удовлетворяются. В частности, в развивающихся странах существующая инфраструктура ухода, в том числе наличие поставщиков профессиональных услуг, оказывается недостаточной для удовлетворения существующих потребностей в уходе.

В целях признания ухода «общественным благом» (выгоды от которого получают не только его непосредственные получатели) и для более справедливого распределения обязанностей по уходу между женщинами и мужчинами, а также между семьями и другими учреждениями, необходимо создание национальных систем ухода. Это предполагает включение элементов политики, направленных на предоставление семьям времени, денег и услуг для поддержки труда по уходу. Время может предоставляться в форме оплачиваемого отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком для родителей с маленькими детьми, а также денежных пособий, которые позволят отдыхать лицам, работающим без официального оформления занятости. Время и деньги также должны предоставляться лицам, ухаживающим за пожилыми членами семьи или инвалидами.

Для облегчения тяжести труда по уходу необходим большой объем государственных инвестиций в услуги, связанные с профессиональным уходом, включая образование и уход за детьми младшего возраста (см. историю перемен «Работницы рынка в Аккре открыли доступ к услугам по уходу за детьми»), долгосрочная помощь людям с ограниченными возможностями и пожилым людям, а также базовая инфраструктура. Эти инвестиции приносят значительные выгоды: они способствуют развитию потенциала детей, защите достоинства и прав человека для людей с ограниченными возможностями и пожилых людей, а также создают возможности достойной занятости для женщин и мужчин в секторе ухода.

5. Предотвращение насилия в отношении женщин в семье и меры реагирования

Семьи могут быть местом полной незащищенности женщин и девочек, поскольку для слишком многих из них дом — это место, где чаще всего сталкиваются с насилием и надругательством. Во всем мире 17,8% женщин сообщают о физическом или сексуальном насилии со стороны интимного партнера в течение последних 12 месяцев (см. рисунок 6.2).

Как показано в главе 6, сочетание патриархальной власти, авторитарности и контроля над женщинами и детьми могут сделать семьи местом, где насилие в отношении женщин сохраняется и поощряется. Гендерное неравенство ведет к насилию в семье тремя основными способами: гендерные нормы, утверждающие права и доминирование мужчин, и ожидаемое подчинение и покорность женщин; экономическая незащищенность и зависимость женщин от других членов семьи; а также видение ее роли в качестве хранительницы очага. В прошлом государства отказывались принимать законы, направленные на предотвращение насилия в отношении женщин, ссылаясь на идею семьи как «частной» сферы, которая существует вне закона и над ним.

Государства несут четкие обязательства по реализации законов, политики и программ по ликвидации всех форм насилия в отношении женщин и девочек. Недавние достижения в законодательной сфере включают принятие законов, касающихся бытового насилия и изнасилования в браке, а также отмену законов, оправдывающих насильников при вступлении в брак со своими жертвами (см. историю перемен «Историческая победа: реформа законодательства, вынуждавшего женщин вступать в брак с насильниками»). Кроме того, реформ требует и семейное законодательство для обеспечения защиты прав женщин в браке, в случае развода и оформления опеки, с тем чтобы они могли легче выходить из ситуации физического или морального насилия. По той же причине решающее значение имеет реформа миграционного законодательства для обеспечения женщинам-мигрантам статуса резидента независимого от их партнеров.

Наряду с принятием соответствующих законов и положений, улучшение доступа женщин к правосудию требует ряда дополнительных мер. В числе таких шагов можно назвать создание и укрепление скоординированных и многосекторальных служб поддержки жертв насилия, а также значительные долгосрочные инвестиции в профилактические программы для борьбы с причинами насилия. Такие услуги должны быть защищены от сокращения финансирования в периоды жесткой экономии.

6. Реализация миграционной политики и правил, поддерживающих семьи мигрантов и права женщин

Миграция является важной силой, влияющей на семейную жизнь и реализацию прав женщин в семьях. В то время как миграция может открывать новые возможности для женщин, она часто требует, чтобы семьи не потерялись в сложном лабиринте политики и правил, влияющих на условия, в которых они могут жить вместе или раздельно.

Как показано в главе 7, политика и правила, регулирующие миграцию, нередко усугубляют существующее неравенство, например, требуя наличия определенного уровня дохода или благосостояния, оценивая только определенные навыки или признавая одни семейные отношения и не признавая другие. Выбор государств, выраженный в форме политики и правил, также может поставить женщин в социально и юридически уязвимое положение, например, привязывая их миграционный статус к супругу, являющемуся резидентом или гражданином страны, или ограничивая им доступ к государственной поддержке в случаях насилия. Предоставление женщинам права на независимое проживание и доступ к государственным услугам и ресурсам укрепляет их позицию в семейных отношениях.

Экономическая и социальная политика необходима для устранения факторов, побуждающих некоторых женщин и мужчин мигрировать и оставлять членов своих семей в другой стране. Они также необходимы для того, чтобы те, кто переезжает, могли реализовывать свое право человека (см. историю перемены «Получение защиты для трудящихся-мигрантов Индонезии и их семей»). Всеобщий доступ к социальной защите и государственным услугам, не ограниченный гражданством, миграцией или статусом беженца и включающий здравоохранение, образование и уход за детьми, имеет решающее значение для обеспечения того, чтобы женщины и их семьи могли выполнять свои обязанности по уходу и избегать нищеты.

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и Глобальный договор о беженцах, подтверждающие имеющиеся обязательства государств в отношении прав человека применительно к мигрантам и их семьям, свидетельствуют о многообещающей приверженности решению проблем миграции с помощью координации действий на глобальном уровне. Глобальный договор о миграции, в частности, предусматривает обязательство адаптировать пути для регулярной миграции, которые «поддерживают

право на семейную жизнь» и облегчают процедуры воссоединения семей для мигрантов любого уровня квалификации³. Реализация этих договоров с учетом гендерных факторов необходима для обеспечения того, чтобы миграционное законодательство, политика и услуги учитывали и отражали разные реальности, в которых существуют женщины и мужчины, девочки и мальчики в статусе мигрантов и беженцев.

7. Инвестиции в гендерно-чувствительные статистические данные о семьях и домохозяйствах

При сведении воедино имеющейся статистики по всему миру в докладе отмечаются различия в понятиях «семья» и «домохозяйство». В то же время подчеркивается, что в наших знаниях есть серьезные пробелы, которые препятствуют разработке политики поддержки семьи.

На фундаментальном уровне необходимо укрепить системы регистрации актов гражданского состояния и статистики естественного движения населения, которые собирают информацию о ключевых жизненных событиях (рождении, смерти, браке и разводе). По крайней мере в 110 развивающихся странах системы регистрации работают неэффективно и данные о главных жизненных событиях для конкретных групп населения занижаются, что влияет на способность правительств разрабатывать и планировать такую политику, как денежные выплаты семьям с маленькими детьми⁴.

Во многих странах переписи и обследования домохозяйств не собирают данные о различных формах семьи, например, о распространенности сожительства и однополых союзов. Доминирующие социальные нормы могут затруднять включение определенных вопросов в обследования, а их отсутствие укрепляет представление о том, что такого рода семьи или отношения встречаются редко или вообще отсутствуют. Этот замкнутый круг должен быть разорван, если есть стремление повысить уровень знаний и представлений о том, как сегодня живут семьи. Ряд национальных статистических ведомств и органов ООН уже пересматривают имеющиеся руководства и стандарты по статистике для устранения этих пробелов (см. вставку 2.1).

Структуры семьи могут быть разными в разное время в разных местах и могут меняться на протяжении жизни женщины. Для отражения такого многообразия необходимы другие виды данных, которые выходят за рамки среза на определенный момент времени, — это могут быть данные, полученные из панельных или лонгитюдных обследований или из исследований по истории семей. При разработке политики также

могут использоваться другие комбинированные методы и междисциплинарные исследования, в которых есть контекстуальные качественные данные, проливающие свет на динамику и изменения семьи. Эти виды исследований требуют масштабных долгосрочных инвестиций, в идеале из государственных средств.

Необходимо устранить и другие серьезные разрывы в данных, относящихся к вопросам политики, отмеченным в докладе. Несмотря на то, что за последние годы охват статистики значительно улучшился, например, только в 106 странах имеются статистические данные о распространенности насилия в отношении женщин, и эти данные часто представляют собой сведения только о девочках и женщинах в возрасте 15–49 лет. Отсутствие данных о владении активами, распределении ресурсов и экономическом вкладе каждого члена домохозяйства ограничивает понимание экономического положения женщин в семьях. Включение такого базового вопроса как пол семейных фермеров в сельскохозяйственные переписи жизненно важен для обеспечения наглядного представления о вкладе женщин в эту работу (см. историю перемен «Простая схема тихой революции на бразильских семейных фермах»). Не существует глобальной базы данных, объединяющей национальные статистические данные о миграционных потоках, что обеспечило бы лучшее понимание семейной жизни мигрантов. Эти ограничения данных, характерные для всех регионов, следует устранять путем устойчивых инвестиций в национальные статистические системы и в развитие методологии на глобальном, региональном и национальном уровнях.

8. Обеспечение ресурсов для реализации семейной политики

Комиссия по положению женщин обратилась к государствам-участникам с настоятельным призывом проводить политику поддержки семьи, направленную на достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин⁵.

В настоящем докладе предлагается пакет таких мер политики, которые в случае их реализации помогут женщинам и девочкам использовать свои права человека в семьях разных форм. Помимо политической воли этот пакет требует от правительств мобилизации достаточных ресурсов.

В соответствии с рекомендацией МОТ 2012 года (№ 202), анализ, подготовленный для этого доклада, включает расчет затрат на политику, которая гарантировала бы доступ к базовому доходу и основному медицинскому обслуживанию на протяжении всего жизненного цикла для всех людей и обеспечивала бы доступ к качественным услугам по уходу для детей дошкольного возраста и пожилых людей⁶. Реализация такой политики пойдет на пользу всем членам общества, однако будет иметь особенно важные последствия для женщин, поскольку они составляют большинство среди тех, кто не имеет гарантированного дохода, испытывает сложности, обусловленные особыми жизненными обстоятельствами (в частности, материнством и увеличением продолжительности жизни), и берет на себя непропорционально большую долю неоплачиваемой работы по уходу.

Анализ показывает, что такая политика доступна для большинства стран. Например, чтобы ликвидировать разрывы в доходах в сфере здравоохранения и ухода, четверть стран (41 из 155 рассмотренных) могла бы реализовать необходимую политику, затратив на это менее 3% ВВП; затраты чуть более половины стран (79) составили бы менее 5% ВВП. Для одной пятой стран такая политика стоила бы более 10% ВВП — это означает, что им потребуется дополнительная международная поддержка.

Чтобы такая политика была доступной, государства должны прибегать к различным способам мобилизации ресурсов, включая увеличение налоговых поступлений, расширение охвата программ социального обеспечения, сокращение объемов движения средств по линии Юг-Север, ликвидацию нелегальных финансовых потоков, а также использование помощи и выплат (см. «Сколько это будет стоить?»).

Эти инвестиции приносят значительные выгоды женщинам и девочкам, семьям и обществу. Программа поддержки семьи способствует развитию потенциала детей, защищает достоинство и права человека людей с ограниченными возможностями и пожилых, а также создает достойные возможности трудоустройства для женщин и мужчин в секторе ухода.

ПРЕТВОРЕНИЕ ПЕРЕМЕН В ЖИЗНЬ

Большая часть этих рекомендаций адресована государствам, поскольку они являются основными носителями обязательств, касающихся прав человека,

а при наиболее благоприятном сценарии обладают полномочиями и возможностями для обеспечения правовых и политических изменений, которые

отражаются на жизни широких слоев населения. Тем не менее в реализации перемен участвуют и многие другие заинтересованные стороны, которые также обязаны поддерживать соблюдение прав женщин. Например, частные предприятия играют важную роль в поддержке нанятых на работу женщин и мужчин: они позволяют им поддерживать баланс между работой и семейными обязанностями, включая осуществление ухода; выплачивают достойную заработную плату, чтобы семьи имели достаточный доход; и уплачивают свою долю налогов, чтобы правительства могли финансировать социальную политику и общественные услуги ради всеобщего блага.

Несмотря на то, что изменения носят весьма сложный характер и зависят от обстоятельств, прогресс, отмеченный в этом докладе, обусловлен не только способностью и политической волей стран мобилизовать ресурсы для финансирования государственной политики, но также и тремя другими пересекающимися факторами — сильными независимыми женскими организациями, сторонниками гендерного равенства на стратегически важных должностях в министерствах, парламенте и государственных органах, а также подотчетностью, устанавливаемой общемировыми и региональными нормативными стандартами.

Феминистские и женские правозащитные организации призваны сыграть решающую роль в поддержке женщин посредством организации сообществ, повышения осведомленности и осознанности, предоставления услуг, пропаганды своих идей и проведения кампаний. Феминистские идеологи были первыми, кто включил бытовые и семейные проблемы в теорию и практику политики и государственной деятельности. Как показано во многих тематических исследованиях, представленных в этом докладе, в том числе в историях перемен, женские организации часто играют жизненно важную роль в определении и разработке программ и мобилизации усилий женщин, ученых и политических деятелей для создания платформ, поддерживающих изменения в политике. Важность женских организаций варьируется в зависимости от области политики. Исследования показали, что женские организации играют особенно важную роль в изменении законодательства о насилии в отношении женщин. В свою очередь, прогрессивные политические партии и профсоюзы оказывают большее влияние на изменения в сфере занятости, такие как отпуск по беременности и родам и отпуск по уходу за ребенком, а также регулирование условий труда в тех секторах и сферах занятости, где доминируют женщины⁷.

Пропагандистская деятельность женских организаций и феминисток в гражданском обществе становится более эффективной, если в государственных структурах есть официальные лица, которые могут внедрить перемены, придать законность требованиям гражданского общества и поддержать преобразование этих требований в политические документы. Важным итогом четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин, состоявшейся в Пекине в 1995 году, стало обязательство по актуализации гендерной проблематики в знак признания необходимости проведения гендерного анализа и гендерной политики на всех уровнях и противодействия тенденции консервирования «женских проблем». Актуализация гендерной проблематики увеличила число феминисток и специалистов по гендерным вопросам в основных политических ведомствах, что создает новые возможности для реализации государствами феминистских программ. Исследователи установили, что присутствие женщин на выборных должностях, активная деятельность феминисток и участников женского правозащитного движения, а также присутствие «фемократов» в министерствах и других государственных учреждениях является одним из «важнейших условий успеха феминисток»⁸.

Как показано в докладе, важнейшим рычагом подотчетности для сторонников гендерного равенства являются глобальные и региональные конвенции прав человека, устанавливающие всеобщие нормативные стандарты. Ключевые документы включают хартии, декларации и пакты ООН, глобальные договоры, такие как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и региональные документы/документы по особым вопросам, такие как Межамериканская конвенция о предотвращении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него (Конвенция Белен-ду-Пара) или Протокол к Африканской хартии прав человека и народов, касающийся прав женщин в Африке (Мапутский протокол). В некоторых случаях возможно давление со стороны других государств — это может наблюдаться в ситуациях, когда одни страны региона добиваются прогресса, в то время как другие запаздывают с переменами. В различных регионах феминистки признали целесообразным «национализировать» универсальные ценности в области прав человека, демонстрируя, что национальные и местные культурные или религиозные ценности, пусть и по-разному сформулированные, строго соответствуют глобальным нормам.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ: РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Настоящее издание доклада «Прогресс женщин мира» опирается на обширную статистику и массивы данных. В большинстве случаев данные поступают из национальных источников, после чего собираются и гармонизируются международными агентствами. Данные на уровне стран, а также глобальные и региональные агрегированные показатели представлены в виде подборки из восьми таблиц статистических приложений. Все таблицы доступны для скачивания в форматах Excel и PDF по ссылке <http://progress.unwomen.org>. В докладе публикуется только приложение 8, в котором представлена разбивка стран по регионам (стр. 246-247).

Если не указано иное, в таблицах, диаграммах и рисунках доклада используются последние доступные данные по состоянию на март 2019 года и, где указано, последние доступные оценочные данные за 2007 год или позднее.

Приложение 1. Демографические тенденции

В таблице представлены основные оценочные данные и прогнозы по численности и распределению населения, рождаемости, смертности и потребности в уходе. Данная демографическая статистика, а также отражаемая ею динамика численности и структуры населения (см. главу 2, разделы 2.4 и 2.6) важны для понимания растущих и разнообразных потребностей в платных и бесплатных услугах по уходу со стороны молодых и стареющих групп населения (см. главу 5). Эти данные получены из публикаций «Мировые демографические перспективы: издание 2017 года с изменениями» и «Мировые перспективы урбанизации: издание 2018 года с изменениями», составленных Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ДЭСВ ООН). В данное приложение также включены показатели доли иждивенцев, нуждающихся в уходе, отражающие отношение числа жителей, нуждающихся в уходе (дети в возрасте 0–5 лет и пожилые люди), к потенциальным поставщикам услуг по уходу. Методика расчета этих показателей представлена в приложении А.2.1, см. Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work (Addati et al. 2018).

Приложение 2. Тенденции, касающиеся семейного положения

В таблице основное внимание уделяется показателям, относящимся к пониманию меняющихся моделей брака и партнерских отношений. В ней содержатся последние оценочные значения по детским, ранним и принудительным бракам из Глобальных баз данных Детского фонда ООН (показатель ЦУР 5.3.1), а также тенденции по среднему возрасту вступления в первый брак, числу никогда не состоявших в браке женщин, разводов и вдов по изданию World Marriage Data 2017, составленному Отделом народонаселения ДЭСВ ООН (см. главу 2, раздел 2.3). В странах, где понятие брака имеет широкое толкование, лица, состоящие в настоящее время в зарегистрированном союзе, консенсуальном союзе/сожительстве или других типах традиционных союзов, классифицируются как «в настоящее время состоят в браке» и, следовательно, не включены в категорию «никогда не состояли в браке». Более подробное обсуждение тенденций и межстрановое сопоставление брака и семейного положения представлены в главе 2 (вставка 2.3) и метаданных World Marriage Data 2017.

Приложение 3. Состав домохозяйств и условия проживания

Таблица иллюстрирует разнообразие структур домохозяйств и условий проживания в разных странах и регионах: этот вопрос остается ключевым для понимания семей и семейных связей (см. главу 2, раздел 2.5). В таблице представлена важная информация по ключевым формам семьи, включая численность одиноких матерей в разбивке по возрастным группам и условиям проживания — в одиночестве или в расширенных домохозяйствах. Представленные данные и статистика являются результатом совместной работы Структуры «ООН-женщины» и Отдела народонаселения ДЭСВ ООН. Статистические данные о среднем размере и составе домохозяйства основаны на опубликованных оценках на уровне стран с использованием Базы данных о размере и составе домохозяйств (Database on Household Size and Composition 2018, UN DESA, Population Division 2018). Статистические данные об одиноких матерях в разбивке по составу домохозяйств и условиям проживания лиц в возрасте 25–34 лет были разработаны

совместно Структурой «ООН-женщины» и Отделом народонаселения ДЭСВ ООН. Дополнительная информация об этих данных и полученной на их основе статистической информации представлена в издании Database on Household Size and Composition 2018 и метаданных из расширенных наборов данных ДЭСВ ООН и Структуры «ООН-женщины» за 2019 год. В главе 2, раздел 2.2, содержится обсуждение различий между понятиями «семья» и «домохозяйство», второе из которых лежит в основе большинства статистических исследований, полученных из переписей населения и других обследований.

Приложение 4. Уровень участия в рабочей силе в разбивке по полу и семейному положению

В таблице приведены важные сведения о гендерно-дифференцированном влиянии брака на участие в рабочей силе (см. главу 4, раздел 4.3). Недавно выпущенные таблицы, преимущественно основанные на гармонизированных микроданных Международной организации труда, являются результатом сотрудничества между Структурой «ООН-женщины» и МОТ, направленного на увеличение числа показателей по женщинам и рынку труда. Полный перечень таблиц, включая дополнительную статистику занятости в разбивке по полу, возрасту и семейному положению, доступен по ссылке <http://progress.unwomen.org>. Последующие обновления указанных статистических данных МОТ доступны по ссылке www.ilo.org/ilostat.

Приложение 5. Законодательные и правовые основы

В таблице используются данные из базы данных Всемирного банка «Женщины, бизнес и закон» для оценки прав женщин в ключевых областях семейного права, в том числе в отношении бытового насилия, свободы выбора в браке, прав наследования, гражданства и защиты от детского, раннего и принудительного брака. Данные показывают, что, несмотря на имеющийся прогресс, дискриминационные законы в отношении женщин и девочек по-прежнему широко распространены. Более подробное обсуждение влияния дискриминационных правовых норм на наличие свободы выбора у женщин в семье содержится в главе 3, раздел 3.4 и соответствующий рисунок 3.1, а также в главе 4, раздел 4.4.

Приложение 6. Насилие в отношении девочек и женщин

В таблице представлены данные о доле женщин и девочек в возрасте 15–49 лет, подвергшихся физическому, сексуальному или психологическому насилию со стороны нынешнего или бывшего интимного партнера в последние 12 месяцев (показатель ЦУР 5.2.1), а также информация о восприятии гендерного насилия с указанием причин, по которым респонденты оправдывают рукоприкладство в отношении жен. Данные взяты из последних доступных медико-демографических обследований, национальных/региональных исследований насилия в отношении женщин и обследований по многим показателям с применением гнездовой выборки. Вопросы влияния насилия на женщин и девочек, их семьи и общины подробно рассматриваются в главе 6.

Приложение 7. Тенденции миграции

В таблице используются данные из базы данных Trends in International Migrant Stock (издание 2017 года с изменениями), составленной Отделом народонаселения ДЭСВ ООН. Применительно к этим данным «страна происхождения» мигранта означает либо страну рождения (в большинстве случаев), либо страну гражданства, если не публикуются данные о месте рождения. В главе 7 рассматриваются вопросы, касающиеся численности женщин, мигрировавших в другую страну, и факторы, влияющие на их решения о миграции, а также положения и политика, обуславливающие разнонаправленные тенденции в разных странах и регионах.

Приложение 8. Группировка по регионам

В таблице приведена классификация стран по географическим регионам, согласно документу 49 серии М «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике». Список, подготовленный Статистическим отделом ООН, является основой для классификаций в разбивке по регионам и используется для глобального мониторинга ЦУР. Этот стандарт используется для классификаций в разбивке по регионам во всех таблицах, рисунках и диаграммах, составленных Группой по подготовке данных для доклада, если не указано иное. В статистическом анализе, проведенном сторонними исследователями, региональная классификация может отличаться.

Дополнительная информация содержится в сведениях об отдельных источниках данных и сносках.

Группировка по регионам и агрегированные показатели

Группировка по регионам, используемая в таблицах, диаграммах и рисунках доклада, основана на описанных выше классификациях Структуры «ООН-женщины» (см. приложение 8). Как правило, среднее значение указывается в случаях, когда имеются данные по меньшей мере для 50% стран региона и/или представляют около двух третей населения региона. Где возможно, представлены взвешенные региональные и средние мировые показатели. Исключением является анализ с использованием индикаторов восприятия и качественных данных (да/нет).

Источники данных и определения показателей

Если не указано иное, данные, используемые для составления таблиц в приложениях, получены от международных агентств, обладающих необходимыми полномочиями, ресурсами и опытом для сбора, гармонизации и компиляции национальных данных для осуществления сравнения между странами. Основные источники показателей и их определения представлены в нижней части каждого описания данных, в том числе в конце каждой таблицы приложения.

Расхождения между национальными и международными источниками данных

В некоторых случаях национальные оценки какого-либо показателя отличаются от предоставленных международными агентствами и указанных в таблицах. Подобные расхождения обусловлены тремя основными факторами: процессами гармонизации для обеспечения сопоставимости данных между странами; периодами обновления/

пересмотра, принятыми международными агентствами, не совпадающими с выпуском данных национальными статистическими системами; а также оценочными значениями недостающих данных, которые рассчитываются международными агентствами. Усилия международных учреждений и их национальных партнеров по улучшению процессов сбора данных направлены на устранение этих несоответствий. Для получения дополнительной информации см. исходный(е) источник(и) компиляции данных.

Обозначения, используемые в таблицах приложения

В таблицах используются следующие обозначения:

- - данные по стране отсутствуют или региональное/мировое среднее значение не применимо или не может быть получено.
- [] показано региональное/мировое среднее значение, но к нему следует относиться с осторожностью. Охват находится на уровне ниже минимального порога, установленного Структурой «ООН-женщины», по крайней мере для 50% стран и/или двух третей населения региона/мира.
- 0 или 0,0 ноль или пренебрежимо мало.

Выражение признательности за предоставленные статистические данные

Настоящее издание доклада «Прогресс женщин мира» составлено при поддержке ряда специализированных международных поставщиков данных. Структура «ООН-женщины» выражает особую благодарность Отделу народонаселения ДЭСВ ООН, МОТ, ЮНИСЕФ, Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), Всемирному банку, ICF Macro и Межнациональному центру данных LIS в Люксембурге.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

ГРУППЫ СТРАН В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ

Австралия и Новая Зеландия			
Австралия	Новая Зеландия		
Центральная Азия и Южная Азия			
Афганистан	Бангладеш	Бутан	Индия
Иран (Исламская Республика)	Казахстан	Кыргызстан	Мальдивские Острова
Непал	Пакистан	Шри-Ланка	Таджикистан
Туркменистан	Узбекистан		
Восточная Азия и Юго-Восточная Азия			
Бруней-Даруссалам	Камбоджа	Китай	Корейская Народно-Демократическая Республика
Индонезия	Япония	Лаосская Народно-Демократическая Республика	Малайзия
Монголия	Мьянма	Филиппины	Республика Корея
Сингапур	Таиланд	Тимор-Лешти	Вьетнам
Европа и Северная Америка			
Албания	Андорра	Австрия	Беларусь
Бельгия	Босния и Герцеговина	Болгария	Канада
Хорватия	Чехия	Дания	Эстония
Финляндия	Франция	Германия	Греция
Венгрия	Исландия	Ирландия	Италия
Латвия	Лихтенштейн	Литва	Люксембург
Мальта	Монако	Черногория	Нидерланды
Северная Македония	Норвегия	Польша	Португалия
Молдова	Румыния	Российская Федерация	Сан-Марино
Сербия	Словакия	Словения	Испания
Швеция	Швейцария	Украина	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии
Соединенные Штаты Америки			
Латинская Америка и Карибский бассейн			
Антигуа и Барбуда	Аргентина	Багамские Острова	Барбадос
Белиз	Боливия (Многонациональное Государство)	Бразилия	Чили
Колумбия	Коста Рика	Куба	Доминика
Доминиканская Республика	Эквадор	Эль-Сальвадор	Гренада
Гватемала	Гайана	Гаити	Гондурас
Ямайка	Мексика	Никарагуа	Панама
Парагвай	Перу	Сент-Китс и Невис	Сент-Люсия
Сент-Винсент и Гренадины	Суринам	Тринидад и Тобаго	Уругвай
Венесуэла (Боливарианская Республика)			

Северная Африка и Западная Азия			
Алжир	Армения	Азербайджан	Бахрейн
Кипр	Египет	Грузия	Ирак
Израиль	Иордания	Кувейт	Ливан
Ливия	Марокко	Оман	Катар
Саудовская Аравия	Судан	Сирийская Арабская Республика	Тунис
Турция	Объединенные Арабские Эмираты	Йемен	
Океания, кроме Австралии и Новой Зеландии			
Фиджи	Кирибати	Маршалловы Острова	Микронезия (Федеративные Штаты)
Науру	Палау	Папуа-Новая Гвинея	Самоа
Соломоновы Острова	Тонга	Тувалу	Вануату
Страны Африки к югу от Сахары			
Фиджи	Кирибати	Маршалловы Острова	Микронезия (Федеративные Штаты)
Науру	Палау	Папуа-Новая Гвинея	Самоа
Соломоновы Острова	Тонга	Тувалу	Вануату
	Джибути	Экваториальная Гвинея	Эритрея
Ангола	Бенин	Ботсвана	Буркина-Фасо
Бурунди	Кабо-Верде	Камерун	Центральноафриканская Республика
Чад	Коморские Острова	Конго	Кот-д'Ивуар
Демократическая Республика Конго	Джибути	Экваториальная Гвинея	Эритрея
Эсватини	Эфиопия	Габон	Гамбия
Гана	Гвинея	Гвинея-Биссау	Кения
Лесото	Либерия	Мадагаскар	Малави
Мали	Мавритания	Маврикий	Мозамбик
Намибия	Нигер	Нигерия	Руанда
Сан-Томе и Принсипи	Сенегал	Сейшельские Острова	Сьерра-Леоне
Сомали	Южно-Африканская Республика	Южный Судан	Того
Уганда	Объединенная Республика Танзания	Замбия	Зимбабве

СПРАВОЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Доклад «Прогресс женщин мира: Семьи в меняющемся мире» основывается на ряде справочных документов, подготовленных ведущими экспертами со всего мира. Некоторые справочные документы опубликованы в серии прошедших экспертный обзор дискуссионных документов Структуры «ООН-женщины» (см. ниже). Другие доступны по запросу.

Abad, M. V. 2017. "Cuidado Infantil en Ecuador: ¿Derechos en Conflicto?"

Antognini, A. F. 2017. "Servicios de Cuidado Infantil y Educacion Inicial, Chile."

Atobrah, D. and B. Kwansa. 2017. "Pathways to Accessible, Affordable and Gender-Responsive Childcare Provision: The Case of Ghana."

Budlender, D. 2018. "Family and Household Structures: Diverse and Changing."

Cerrutti, M. 2017. "Las Tramas Complejas Entre Migracion, Familia y Genero: El Caso de la Migracion Sudamericana."

Chigateri, S. 2017. "Pathways to Accessible, Affordable and Gender-Responsive Childcare Provision for Children under Six: India Case Studies."

Eekelaar, J. and F. Banda. 2016. "Family Law and Human Rights."

Flood, M. and A. Greig. 2018. "Work with Men and Boys for Gender Equality: A Review of Field Formation, Evidence Base and Future Directions."

Fourrat, C. 2017. "Transnational Families, Care Arrangements and the State in Costa Rica and Nicaragua."

Fulu, E. 2017. "The Current Evidence Base Linking Gender Inequality and Discrimination with Violence Against Women."

Hansford, F. 2016. "Gender Bias in Intra-Household Resource Allocation: Who Wins and Loses, Who Decides, and How Can Public Action Help? A Review of Evidence Across the Minority and Majority Worlds."

Larasi, M. 2017. "Intersectionality and Violence Against Women in the Family."

Nehring, D. and X. Wang. 2016. "Family Migration in East Asia."

Platt, M., and A. Utomo. 2017. "Women, Marriage, and the Family in Indonesia."

Sardenberg, C.M.B. 2017. "Ten Years of Maria Da Penha Law: Advancements and Shortcomings in Confronting Violence Against Women in Brazil."

Vetten, L. 2017. "Families in a Changing World: Action for Women's Rights."

ДИСКУССИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Azcona, G., S. Hertog and A. Bhatt. Готовится к публикации. "Households and Living Arrangements of Families: A Global Snapshot."

Barker, N. 2017. "The Evolution of Marriage and Relationship Recognition in Western Jurisdictions." Discussion Paper No. 25. UN Women, New York.

Bierbaum, M. and M. Cichon. Готовится к публикации. "Costing of a Package of Family-friendly Transfers and Services for UN Women's Progress Report: An Introductory Note to the Calculations and Results."

Bryceson, D. F. 2018. "Agrarian Labour and Resources in Sub-Saharan Africa: Gender and Generational Change within Family Farms, 1980-2015." Discussion Paper No. 22. UN Women, New York.

Damir-Geilsdorf, S. and M. Sabra. 2018. "Disrupted Families: The Gendered Impacts of Family Reunification Policies on Syrian Refugees in Germany." Discussion Paper No. 23. UN Women, New York.

Fernández, B. 2017. "Reconfiguring Care Relationships: Ethiopian Migrants in Australia and Lebanon." Discussion Paper No. 17. UN Women, New York.

Ghosh, J. Готовится к публикации. "The Economic Consequences of Marriage Dissolution for Women."

Gioli, G., A. Maharjan and M. Gurung. 2017. "Neither Heroines nor Victims: Women Migrant Workers and Changing Family and Community Relations in Nepal." Discussion Paper No. 18. UN Women, New York.

Heintz, J. Готовится к публикации. "Household Formation and Racial and Ethnic Inequality: A Comparative Look at Brazil, South Africa, and the United States."

Lloyd-Sherlock, P. 2017. "Long-Term Care for Older People: A New Global Gender Priority." UN Women Policy Brief Series No.9. UN Women, New York.

Peng, I. and S. Yeandle. 2017. "Eldercare Policies in East Asia and Europe: Mapping Policy Changes and Variations and the Implications." Discussion Paper No. 19. UN Women, New York.

Raday, F. Готовится к публикации. "Gender Equality and Women's Rights in the Context of Child Custody and Child Maintenance; An International and Comparative Analysis."

Sepúlveda, M. 2017. "A Contemporary View of 'Family' in International Human Rights Law and Implications for the Sustainable Development Goals (SDGs)." Discussion Paper No. 21. UN Women, New York.

Voolma, H. 2018. "'Love is not a passport to Sweden': Intimate partner violence against migrant women and the proliferation of rights' statuses." Discussion Paper No. 24. UN Women, New York.

Краткое резюме

1. Sen 1990a.
2. Agarwal 1997.
3. Sierminska and Girshina 2017.
4. Budig and England 2001.
5. Alvaredo et al. 2017.
6. Nieuwenhuis and Maldonado 2018.
7. На основе среднего различия средних невзвешенных значений для женщин и мужчин. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из UNSD 2018.
8. UNODC 2018.
9. Данное число основано на средневзвешенной величине для выборки из 86 стран и территорий, охватывающих 78,5% населения мира.
10. Анализ охватывает 88 стран и территорий, на которых проживает 61,3% населения мира, на основе последних доступных данных, начиная с 2007 года.
11. Therborn 2004.
12. UN DESA 2011.
13. Barker 2017.
14. Posel et al. 2011.
15. Harkonen 2014.
16. Stevenson and Wolfers 2006.
17. De Vaus et al. 2015; Gadalla 2008.
18. Elson 1998; UN Women 2014b.
19. UN General Assembly 1948, 217 A (III).
20. Sepulveda Carmona 2017.
21. Pateman 1983.
22. UNFPA 1994.
23. UN CEDAW 2017b.
24. UN General Assembly 1989.

Глава 1

1. Ferree 1990.
2. Folbre 2009.
3. Fraser et al. 2004; UN Women 2016.
4. UN CEDAW 2004.
5. Balakrishnan et al. 2016.
6. Meurs and Ismaylov 2019; Deere and Twyman 2012.
7. Elson 1998.
8. UN General Assembly 2018b; UN Women 2014b.
9. Lerner 1986.
10. Htun and Weldon 2015.
11. Там же.
12. Jelin 1998.
13. Ferree 1990.
14. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.

15. Therborn 2004.
16. Lerner 1986.
17. По развитым странам: Walby 1990.
18. Kabeer 2007.
19. Kandiyoti 1988. Д. Кандийоти отталкивалась от понятия «патриархальный пояс» Колдуэлла (Caldwell 1978), вводя термин «классический пояс патриархата» применительно к этому региону.
20. Kabeer 1996.
21. Там же.
22. Therborn 2004; Reddock 2009.
23. Whitehead 1991.
24. Goode 1970.
25. Coontz 2005.
26. Cherlin 2012.
27. Там же.
28. Хотя понятие домохозяйства не тождественно понятию семьи (см. вставку 1.1), его использование обеспечивает наилучшее приближение к структурам семьи для переписей и обследований домохозяйств. Эта оценка семейных пар с детьми основана на расчетах Структуры «ООН-женщины» с использованием опубликованных страновых оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках из Hu and Peng 2015.
29. Therborn 2004.
30. Там же.
31. Htun and Weldon 2015.
32. UN General Assembly 1948.
33. Pateman 1983.
34. Charlesworth and Chinkin 1991.
35. Biblarz et al. 2014.
36. Therborn 2004.
37. World Bank 2018e. Данные по состоянию на 1 июня 2017 года из издания «Женщины, бизнес и закон» 2018 года.
38. Из 39 стран с неравными правами в этой области 18 находятся в Северной Африке и Западной Азии, 10 — страны Африки к югу от Сахары и 6 — страны Центральной и Южной Азии. Остальные находятся в Восточной и Юго-Восточной Азии (3) и Океании, кроме Австралии и Новой Зеландии (2).
39. Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием данных из World Bank 2018e.
40. Hasday 2000.
41. См. UN CEDAW 2004.
42. UNSD 2017.
43. UNODC 2018.
44. Miller 1981; Harriss 1990; Sen 1990b.
45. Klasen and Wink 2003.
46. UN DESA 2017m, соотношение полов в общей численности населения (число мужчин на 100 женщин).
47. Chung and Das Gupta 2007; Kabeer et al. 2014.
48. Kabeer et al. 2014.
49. England 2010.
50. Charmes 2015.
51. Coates 2017.
52. Ferree 1990.
53. Becker 1981.
54. Haddad et al. 1997; Agarwal 1997.
55. Doss and Quisumbing 2018.
56. Folbre 1986; Sen 1990a; Agarwal 1990; Agarwal 1997.
57. Folbre 1986. Для более поздней оценки см. Bennett 2013 и Cantillon 2013.
58. Sen 1990a.
59. Agarwal 1997.
60. Bittman et al. 2003.
61. Bicchieri et al. 2018.
62. Folbre 1997.
63. Там же.
64. Kim and Voos 2007.
65. Heintz et al. 2017.
66. Mackie and Lejeune 2009.
67. Bicchieri et al. 2018.
68. Covarrubias 2013.
69. Kandiyoti 1988.
70. Agarwal 2016.
71. Kagal 2017.
72. Sepulveda Carmona 2017.
73. Там же.
74. UN General Assembly 1966a, ст. 23.
75. Sepulveda Carmona 2017.
76. UN CEDAW 1992, п. 6.
77. UN CRC 2013, п. 11.
78. Межамериканский суд по правам человека, дело «Атала Риффо и дочери против Чили», решение от 24 февраля 2012 года. См. также брак С. и Ю.А. Дойл (1992) 15 Fam L.R. 274 (Австралия); и Джойселин Пабло-Гуальберто против Крисанто Рафаэлино Гуальберто, Г.Р. № 156254 от 28 июня 2005 года (Верховный суд Филиппин).
79. UN General Assembly 1995, пп. 15, 29.
80. UN CESCR 2000a, п. 122.
81. UN CRC 2013, п. 59.
82. UN Human Rights Council 2015, п. 23.
83. UN CEDAW 1994b, п. 13.
84. Balakrishnan et al. 2016.
85. UN General Assembly 1948, ст. 23.
86. UN General Assembly 2007, ст. 13.1, 14.3 и 27.
87. Phillips 2002.
88. UN General Assembly 2012.
89. Там же.
90. Там же.
91. Balakrishnan et al. 2016.
92. UNICEF 2018a.

93. Аббревиатура «ЛГБТИ» используется в настоящем докладе в соответствии с ее использованием другими учреждениями системы Организации Объединенных Наций с признанием того, что она не в полной мере отражает весь спектр разных сексуальных ориентаций, гендерных идентичностей и самовыражения и половых характеристик, существующих в мире. Язык в области гендера и пола постоянно развивается, и использование аббревиатуры в этом докладе предполагает включение этих разнообразных значений.
94. Esping-Andersen 2007; Greenwood et al. 2014.
95. Cherlin 2014; Miller 2017.
96. UN Women 2017c; Heard 2011.
97. Heintz 2017.
98. Ergas et al. 2017.
99. Там же; Ergas 2017; Bos 2017.
100. Heintz 2018.
101. Fraser 1994.
102. Piper 2008a.
103. Michel and Peng 2017.
104. Parrenas 2015.
105. Kilkey et al. 2014; Parrenas 2005b; Stewart-Evans and Siegel 2018.
106. Donata and Gabaccia 2015.
107. Michel and Oliveira 2017.
108. Razavi 2017.
109. Общее число людей для каждой возрастной группы (60–79 лет и старше 80 лет) основано на общем числе людей в возрастных группах населения с низким и средним уровнем дохода, а также общим числе людей в возрастных группах населения с высоким уровнем дохода.
110. UN DESA 2017m.
111. Elson 1998.
112. Там же.
113. Sepulveda Carmona 2017.
114. Fineman 2017.
- Глава 2**
1. Therborn 2004; Esping-Andersen and Billari 2015; Esping-Andersen 2016; Lesthaeghe 2014.
2. Fraser and Gordon 1994; Elson 1991.
3. Fraser and Gordon 1994; Elson 1991; Lind 2010; Bedford 2009; Chant 2002.
4. White et al. 2013.
5. Therborn 2004.
6. Goldscheider et al. 2015; Therborn 2004; McDonald 2000; Cherlin 2016.
7. Nieuwenhuis and Maldonado 2018a; UN Women and the World Bank 2018.
8. Chant 2002; Blofield et al. 2018.
9. UN DESA 2017h.
10. Kriel et al. 2014; Leone et al. 2010.
11. Leone et al. 2010.
12. Kriel et al. 2014.
13. Budlender 2018.
14. UN DESA 2017h.
15. Там же.
16. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
17. Salguero and Vignoli 2011.
18. UNECE 2015.
19. UNECE 2011.
20. UN DESA 2017h. Folbre and Abel 1989.
21. Becker 2017. UN DESA 2017h.
22. Folbre and Abel 1989; UN DESA 2017h.
23. Folbre and Abel 1989.
24. Martin and Barton 1996.
25. Budlender 1997.
26. Chant 2003; Chant 2009.
27. Budlender 1997; Chant 1997.
28. Salguero and Vignoli 2011; INDEC 2012; UNECE 2011.
29. Salguero and Vignoli 2011; Corrales 2011; Cabella et al. 2015; INDEC 2012.
30. UNECE 2015; Gates 2010.
31. Durso and Gates 2013; Walther 2013; Gates 2013.
32. UNECE 2015; Durso and Gates 2013; Walther 2013; Gates 2013; Gates 2010.
33. ABS 2017.
34. UNECE 2015.
35. Muhafra 2018; Leite and Villasenor 2018; Instituto Nacional de Estadísticas 2018.
36. Stang 2018; UNECE 2015.
37. Stang 2018.
38. Там же.
39. Becker 2017.
40. Carr-Hill 2013.
41. ILO 2015.
42. Walmsley 2017; Sudbury 2005; UN Women 2014a.
43. Dincu and Malambo 2019; Buvinic and Carey 2019.
44. Там же.
45. World Bank 2018a; Buvinic and Carey 2019.
46. Dincu and Malambo 2019; Buvinic and Carey 2019.
47. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
48. Там же.
49. Семейные отношения, подпадающие по тип домохозяйств «пары с детьми всех возрастов», будут различаться по странам и источникам данных. Например, некоторыми инструментами сбора данных регистрируются только супружеские пары; другими — как женатые, так и совместно проживающие пары, при этом оба типа отношений включены в статистику.
50. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
51. Там же.
52. Там же.
53. Chant 1997; Chant 2007.
54. Safa 1995; Fonseca 1991.
55. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием опубликованных оценок на страновом уровне из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
56. UNFPA 2012.
57. Blofield et al. 2018.
58. Netting 2010; Palriwala and Kaur 2014; Palriwala and Kaur 2014; Banerji and Vanneman 2009; Fuller and Narasimhan 2008; Cherlin 2012.
59. Jones 2005; Jones 2010; Rubio 2014.
60. Blofield et al. 2018.
61. Blofield et al. 2018; Carroll and Mendos 2017.
62. Olah et al. 2014; Carroll and Mendos 2017; Corrales and Pecheny 2010; Friedman 2019.
63. Kantorova 2013; UN DESA 2011; Jelin and Diaz-Munoz 2003; Treas et al. 2014; Malslauskaitė and Baublytė 2015; Graefe and Lichter 2007.
64. Cherlin 2017.
65. Kumar 2017; Musavi et al. 2018.
66. Jelin and Diaz-Munoz 2003.
67. Kantorova 2013; UN DESA 2011.
68. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.
69. UNICEF 2018a.
70. UN DESA 2017k.
71. Greene 1991.
72. UN DESA 2011.
73. Mensch et al. 2005.
74. Там же.
75. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.
76. Therborn 2004; Lesthaeghe 2010.
77. Field and Ambrus 2008; Wodon et al. 2018.
78. Therborn 2004; Lesthaeghe 2010; Pauli and van Dijk 2016; Pauli and Dawids 2017; James 2017.
79. Musawah 2018.
80. Искоренение детских браков является задачей (5.3) в рамках цели 5 ЦУР, направленной на достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Кроме того, в Конвенции о правах ребенка (1989 год) и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 год) указано, что брак ребенка не имеет юридической силы, а в Программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию (1994 года) страны призваны искоренить детские браки и обеспечить соблюдение законов, обеспечивающих свободное и полное согласие. См. UNFPA 2012.

81. UN CRC 2016.
82. UNFPA 2012.
83. ICF International 2018.
84. Kantorova 2013.
85. UN DESA 2017k.
86. Jones 2010; Ji 2015; Palriwala and Kaur 2014.
87. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.
88. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m; Jones 2005; Raymo et al. 2015.
89. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.
90. Kroeger and Smock 2014; Blofield et al. 2018.
91. Esteve and Lesthaeghe 2016; Heuveline and Timberlake 2004; Lesthaeghe 2014; Mintz 2015; Blofield et al. 2018, с. 13.
92. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.
93. Esteve and Lesthaeghe 2016.
94. Covre-Sussai et al. 2015; Ramm 2016; Esteve and Lesthaeghe 2016.
95. Esteve and Lesthaeghe 2016.
96. Harkonen 2014, региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.
97. Shafer 2009; Berardo et al. 1993.
98. Ghosh 2018.
99. Gadalla 2008; Ghosh 2018.
100. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k и UN DESA 2017m.
101. Dommaraju and Jones 2011.
102. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок на страновом уровне из UN DESA 2017k and UN DESA 2017m.
103. Dommaraju 2016.
104. McDonald 2000; Cherlin 2016; UN DESA 2015b.
105. UN General Assembly 1979.
106. Sen 1999; Shapiro and Tenikue 2015.
107. UN General Assembly 2014a; UN DESA 2017a.
108. Bongaarts 2017; Casterline and Agyei-Mensah 2017; Ezeh et al. 2009; Smith 2004; McDonald 2000.
109. Therborn 2004; Basten et al. 2013; McDonald 2000; Torr and Short 2004; Esping-Andersen 2016; Vobeck. et al. 2013; OECD 2011; Mahmoudi 2017; Hyun Yoo and Sobotka 2018.
110. Esping-Andersen 2016, с. 10.
111. UNFPA 2018; Therborn 2004.
112. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m.
113. Bongaarts 2017; Askew et al. 2017; Ezeh 2009.
114. UNFPA 2017b.
115. UNFPA 2017a.
116. Там же.
117. Там же.
118. Jelin and Diaz-Munoz 2003; UNFPA 2017b.
119. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе ICF International 2007–2017, медико-демографических обследований и данных ЮНИСЕФ (разные годы).
120. Loaiza and Liang 2013.
121. Presler-Marshall and Jones. 2017.
122. PATH and UNFPA 2006.
123. Shapiro and Tenikue 2015.
124. Castro-Martin 1995; Kim 2016; Wodon et al. 2018.
125. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m; UNFPA 2018.
126. Casterline and Agyei-Mensah 2017.
127. Там же.
128. Casterline and Agyei-Mensah 2017; Alkema et al. 2013.
129. Casterline and Agyei-Mensah 2017.
130. Bryceson 2018.
131. Smith 2004.
132. Singh, Bankole et al. 2017; Alkema et al. 2013.
133. Alkema et al. 2013; Sedgh et al. 2016.
134. UN DESA 2018b.
135. Sedgh et al. 2016.
136. Там же.
137. Askew et al. 2017.
138. Therborn 2004.
139. Basten et al. 2013.
140. Региональные агрегированные показатели, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m.
141. Там же.
142. McDonald 2000; Torr and Short 2004; Esping-Andersen 2016; Vobeck. et al. 2013; OECD 2011.
143. Esping-Andersen 2016.
144. Basten 2013. Mahmoudi 2017; Basten and Gu 2013; Lutz et al. 2006.
145. Mahmoudi 2017; Hyun Yoo and Sobotka 2018; Ma 2016.
146. Hyun Yoo and Sobotka 2018; Ma 2016; Peng 2012.
147. Esping-Andersen 2016; Goldscheider et al. 2015.
148. Esping-Andersen 2016.
149. Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m.
150. Esping-Andersen 2016; Goldscheider et al. 2015.
151. Приведенный ниже анализ основан на данных выборки из 124 стран за 2007 год или позднее, что составляет 88,2% населения мира в 2017 году. Однако выборка колеблется в зависимости от показателя наличия данных. В выборке из 124 стран доступны данные по среднему размеру домохозяйства, тогда как данные о составе домохозяйств более ограничены. Для самой простой категории домохозяйств, состоящих из одного человека, сопоставимые данные доступны только для 89 стран. По другим более широким категориям, например, парам с детьми, одиноким парам и родителям-одиночкам, доступны сопоставимые данные для подмножества из 88 стран. Выборка включает лишь 86 стран при добавлении в качестве отдельных категорий расширенных домохозяйств и домохозяйств, в которых проживают люди, не являющиеся родственниками, что составляет 78,5% населения мира в 2017 году. Точно так же данные о возрастном составе членов домохозяйств — дети (0–14 лет), подростки (15–17 лет) и пожилые люди (60 и старше), то есть 71,6%, 71,1% и 46,1% соответственно от этих групп населения в 2017 году, — доступны для 88 стран.
152. Liu 2017.
153. Там же.
154. UN DESA 2017b.
155. Там же.
156. Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019.
157. UN DESA 2017b.
158. Arriagada 2006.
159. Azcona et al., готовится к публикации.
160. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a and UN Women 2019.
161. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
162. Blofield et al. 2018, с. 74.
163. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
164. Там же.
165. Azcona et al., готовится к публикации.
166. UNECE and UNFPA 2018.
167. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
168. Jackson 2015.
169. Scott 2014.

170. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019.
171. Там же.
172. Там же.
173. Там же.
174. Там же.
175. Scott 2014.
176. Jackson 2015; Oduaran and Oduaran 2010; Nkosinathi and Mtshali 2015.
177. Mitchell 2006.
178. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019.
179. Sobotka et al. 2011.
180. Tsekeris et al. 2017.
181. Dhillon 2008.
182. Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием опубликованных оценок на страновом уровне из UN DESA 2018a.
183. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019.
184. Chant 1997.
185. Jordal et al. 2013.
186. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019.
187. Там же.
188. Там же.
189. Arriagada 2014; Chant 1997; Chant 2016.
190. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019.
191. Jackson 2015; Chant 2000; Budlender and Lund 2011.
192. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019.
193. Raymo et al. 2015; Pailh. et al. 2014.
194. Esteve et al. 2012.
195. Chant, S. 1997; Chant 2016; Chant 2009b.
196. Chant 2016.
197. Esteve et al. 2012.
198. Kandiyoti 1988.
199. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019.
200. Budlender 2018.
201. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
202. Esteve et al. 2012.
203. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
204. Parrenas 2005b; Blofield et al. 2018.
205. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a. Для этого анализа данные по Китаю основаны на оценках, подготовленных и опубликованных в Hu and Peng 2015.
206. Jelin and Diaz-Munoz 2003.
207. Там же.
208. Значения по регионам, рассчитанные Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2018a.
209. Palma and Scott 2018.
210. De Vos 2012.
211. UN Women 2018e.
212. Kandiyoti 1988; Dommaraju and Tan 2014.
213. Becker and Turaeva 2016.
214. Simkhada et al. 2010.
215. Gonzalez de la Rocha 2007.
216. Rodgers 2007.
217. UN DESA 2017m.
218. UN DESA 2017m.
219. UN DESA 2017.
220. UN DESA 2017m.
221. UN DESA 2017.
222. UN Women 2015b; Moen et al. 2014.
223. UN General Assembly 2002.
224. UN DESA 2017k.
225. Там же.
226. ILO 2018a.
227. Региональные агрегированные показатели рассчитаны Структурой «ООН-женщины» с использованием оценок из UN DESA 2017m, UN DESA 2018a и UN DESA and UN Women 2019. Средневзвешенные значения основаны на выборке из 88 стран и территорий, представляющих 60,5% населения мира. Примечание: Имеется в виду доля пожилых людей, проживающих в домохозяйствах, поэтому проживающие в учреждениях (например, больницах, учреждениях сестринского ухода) не включены в числитель или знаменатель.
228. UN DESA 2017f, с. 26.
229. Там же, с. 21.
230. Там же, с. 14.
231. Knodel and Ofstedal 2003, с. 684.
232. Там же, с. 684.
- сельское хозяйство и животноводство составляют менее 6%. Ministério da Agricultura, Pecuária e Abastecimento 2017; ОЕС без даты.
3. Government of Brazil 2018.
4. Centro de Tecnologias Alternativas da Zona da Mata 2018; Telles et al. 2018.
5. SOF 2018.
6. President of the Republic of Brazil 2009; Ministério da Agricultura, Pecuária e Abastecimento. Secretaria de Agricultura Familiar e Cooperativismo без даты; Fundo Nacional de Desenvolvimento da Educação 2017.

Глава 3

- Gammage et al. 2016.
- Kabeer 2008, с. 20.
- Agarwal 1997; Sen 1990a.
- UN General Assembly 1948, ст. 16.
- UN General Assembly 2006, ст. 23.
- UN General Assembly 1957, 1962.
- UN General Assembly 1979, ст. 16.
- UN CEDAW 1994a.
- UN General Assembly 1979, ст. 16, п. 2.
- UN CEDAW and UN CRC 2014.
- Там же.
- UN General Assembly 1979, декларации и оговорки.
- Например, Конституция Кении гласит: «Положения настоящей главы о равенстве имеют силу в той степени, в какой это строго необходимо при применении мусульманского права в судах кади к лицам, исповедующим ислам, в вопросах, касающихся личного статуса, брака, развода и наследования». Constitution of Kenya 2010, ст. 24 (4).
- UN CEDAW 1994a.
- OAU 2004, ст. 6.
- В своем замечании общего порядка № 14 ККЭСПК разъясняет Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, в котором запрещается дискриминация при реализации права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, в том числе по признаку сексуальной ориентации, гендерной идентичности и иного статуса. UN CESCR 2000b, п. 18.
- См., например, UN CCPR 2011a, 2011b, 2015, 2016, 2017; UN Human Rights Council 2010, п. 2.
- Yogyakarta Principles 2006, 24.
- Inter-American Court of Human Rights 2017.
- Htun and Weldon 2018; Afkhami et al. 2018.
- Wodon et al. 2017.
- Htun and Weldon 2018.
- Bond 2011, с. 37.
- См., например, для Индии, Mullally 2004.
- Anderson 1958.
- Library of Congress 2018.
- UN General Assembly 1979, декларации и оговорки, примечание 82; Tamaru et al. 2018.

История перемен: Бразилия

- IBGE 2018, 2019.
- Эта цифра включает, помимо производственной деятельности, переработку и продажу; только

28. Khalil 2014; Debuysere 2016.
29. Tamaru et al. 2018.
30. Hitman 2018.
31. Tamaru et al. 2018.
32. Human Rights Watch 2018e.
33. Например, доля домохозяйств, возглавляемых женщинами, составляет 12,9% в Египте, 13% в Иордании, 9,8% в Государстве Палестина и 7,8% в Йемене. См. UN DESA 2018a.
34. См., например, Powell 2017.
35. Mendos 2019, сс. 15, 16.
36. Transgender Europe 2018.
37. Justices of the Constitutional Court, Taiwan PoC; Horton 2019.
38. Supreme Court of India 2018.
39. Tabbush et al. 2019.
40. UN Women 2011.
41. Lesthaeghe 2010.
42. Там же.
43. Там же.
44. Raymo et al. 2015.
45. Там же.
46. Sung and Pascall 2014.
47. Raymo et al. 2015.
48. McDonald 2000.
49. Covre-Sussai et al. 2015; Ramm 2016; Esteve and Lesthaeghe 2016.
50. Esteve and Lesthaeghe 2016.
51. Manning and Smock 2005, цит. по Cherlin 2010.
52. Cherlin 2010.
53. Chen-Lan Kuo and Raley 2016.
54. Raley et al. 2015.
55. Там же, таблица 3.
56. Chen-Lan Kuo and Raley 2016.
57. Pew Research Center 2013.
58. Raley et al. 2015, с. 5; Heintz 2017.
59. Allendorf and Pandian 2016.
60. Banerji et al. 2008.
61. Jejeebhoy et al. 2013.
62. Pauli and van Dijk 2016; James 2017; Posel et al. 2011.
63. Pauli and van Dijk 2016; Pauli and Dawids 2017.
64. Musawah 2018.
65. Singerman 2007, с. 15.
66. Там же, с. 5. См. также: El Feki et al. 2017.
67. Singerman 2007.
68. Pauli and van Dijk 2016; James 2017; Posel et al. 2011.
69. Palriwala 2009.
70. Там же.
71. Там же; White 2017.
72. Rew et al. 2013.
73. Bradley and Pallikadavath 2013.
74. Goody and Jambiah 1973; Murdock 1967.
75. Horne et al. 2013, с. 505.
76. Posel et al. 2011.
77. Mously and Wagner 2017.
78. Posel et al. 2011; Ansell et al 2017; Bryceson 2018.
79. Supreme Court of Uganda 2015.
80. Ansell et al. 2017.
81. См., например, Taylor et al. 2015; Cummins 2017.
82. UNICEF 2018a.
83. Women's Refugee Commission 2016, с. 14.
84. Там же, с. 13.
85. UNICEF 2006.
86. UNICEF Middle East and North Africa Regional Office and ICRW 2017, с. 11.
87. На основе 170 стран и территорий. Кроме того, в 6 странах и территориях (из 186) законный возраст вступления в брак для мальчиков составляет менее 18 лет. Данные по девочкам для 5 из этих 6 стран и территорий отсутствуют. Источник: Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием World Bank 2018e.
88. Sakhonchik et al. 2015.
89. Tavares and Wodon 2018, с. 3.
90. Maswikwa et al. 2015.
91. Sundaram et al. 2018, с. 174. См. также UN Women 2018c.
92. UNFPA 2012. См. также: Field and Ambrus 2008.
93. Maswikwa et al. 2015.
94. Rodriguez Vignoli and Cavenaghi 2015.
95. UNESCO 2018, с. 16.
96. Там же, с. 17.
97. См., например, Wood et al. 2015.
98. Haberland 2015.
99. Human Rights Watch 2018c.
100. Makino 2017, с. 14, 15.
101. Heath and Mushfiq Mobarak 2014.
102. Там же. Исследование в области аутсорсинга бизнес-процессов в Индии показало аналогичные результаты. См. Jensen 2012.
103. Kabeer 2007; Amin et al. 1998.
104. World Bank 2019c.
105. Ansell et al. 2017.
106. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе медико-демографических обследований за 2007 год или позднее. См. ICF International 2007–2017. Разница в возрасте членов пары рассчитывалась путем вычитания текущего возраста женщины из возраста ее нынешнего супруга/партнера. Объединенная совокупная статистика, включенная в текст, относится к медиане, полученной из выборки из 57 стран.
107. См., например, Izugbara 2018; Lelclerc-Madlala 2008.
108. Lawson and Gibson 2018.
109. Oyugi 2017.
110. Fenske 2011.
111. ICF International 2007–2017. Тем не менее в обследованиях домохозяйств распространенность многоженства, по видимому, оказывается заниженной, поскольку в качестве единицы анализа используется домохозяйство. Членов одной полигинной семьи относят к другим категориям, когда жены проживают рядом со своими мужьями, но в отдельных жилищах, или когда супруги мигрируют внутри страны по экономическим причинам. Для дальнейшего обсуждения этого вопроса см. Coast et al. 2011.
112. Madhavan 2002; White 1988, цит. по Lawson and Gibson 2018, с. 196; Seeley 2012.
113. Andrews 2009, с. 370.
114. UNICEF 2015, цит. по Gaffney-Rhys 2011.
115. См., например, UN HRC 2000; UN CEDAW 1994; Oyugi 2017.
116. Fenske 2011.
117. Bove and Valeggia 2009, цит. по Lawson and Gibson 2018.
118. Oyugi 2017; Amien 2014.
119. Oyugi 2017.
120. Ramm and Salinas 2019.
121. Там же.
122. Bianchi et al. 2015.
123. Там же.
124. Perelli-Harris and Sanchez Gassen 2014.
125. Goldblatt 2008.
126. Esteve et al. 2016.
127. Binstock et al. 2016, с. 249.
128. Там же.
129. Alzate Monroy 2004.
130. Saez 2011, с. 27.
131. Huq et al. 2012.
132. UN General Assembly 1966a, ст. 12.
133. UN General Assembly 1979, ст. 16.
134. UN General Assembly 1994, п. 7.3.
135. Там же, п. 7.2.
136. Там же, п. 8.25.
137. UN General Assembly 1995, п. 96.
138. UN CRC 2016. General comment No. 20, п. 59.
139. UN CRPD and UN CEDAW 2018.
140. UN CEDAW 2009, цит. по OHCHR, без даты.
141. UN HRC 2003, цит. по OHCHR, без даты.
142. Там же.
143. UN CCPR 2018, п. 8. См. также UN CESCR 2016.
144. UNFPA 2017, рисунок 3, с. 22.
145. Williamson et al. 2009.
146. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на базе UN DESA 2018b и 2018c.
147. UN DESA 2017m.
148. WHO et al. 2015.
149. Schwandt et al. 2018.
150. Bucagu et al. 2012.
151. Schwandt et al. 2018.
152. Bucagu et al. 2012.
153. Там же.
154. AFIDEP 2013.
155. WHO 2014.
156. Farmer et al. 2015.
157. Там же.
158. Schwandt et al. 2018.
159. Sedgh et al. 2016. Выборка из 52 стран включает 31 страну в Африке к югу от Сахары, 2 страны в Северной Африке и Западной Азии, 8 в Центральной и Южной Азии, 4 в Юго-Восточной и Восточной Азии и 7 в Латинской Америке и Карибском бассейне.
160. Данные по этой тенденции доступны для 39 стран за период с 2000 по 2013 год в зависимости от страны. См. Sedgh et al. 2016, с. 57.

161. Williamson et al. 2009.
162. Castle 2004, цит. по Williamson et al. 2009.
163. WHO 2014b.
164. См. Grace and Fleming 2016, таблица 1, сс. 15–17.
165. Clark et al. 2008, цит. по Grace and Fleming 2016.
166. Cleeve et al. 2017
167. Institute for Reproductive Health 2014. 12 стран: Демократическая Республика Конго, Сальвадор, Гватемала, Индия, Малави, Мали, Мозамбик, Нигерия, Филиппины, Руанда, Объединенная Республика Танзания и Вьетнам.
168. Ganatra et al. 2017.
169. Там же; Shah et al. 2014, с. 4.
170. Special tabulations of data from Say et al. 2014, цит. по Singh, Remez et al. 2017, с. 33.
171. Singh, Remez et al. 2017.
172. Ganatra et al. 2017. Согласно Пекинской платформе действий, деятельность, которая должна осуществляться правительствами, должна включать «признание и решение проблемы, связанной с последствиями для здоровья прерывания беременности в небезопасных условиях, в качестве одной из основных проблем системы общественного здравоохранения, как это предусмотрено в пункте 8.25 Программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию». UN General Assembly 1995, п. 106, (j).
173. WHO, без даты.
174. Shah et al. 2014, с. 5.
175. IWHC and MYSU 2018.
176. Singh, Remez et al. 2017, рисунок 5.
177. Barot 2018.
178. Singh, Remez et al. 2017.
179. Shah et al. 2014.
180. Singh, Remez et al. 2017.
181. Wu et al. 2017.
182. WHO et al. 2015.
183. Henderson et al. 2013, цит. по Shah et al. 2014.
184. Shah et al. 2014.
185. Puri et al. 2016, цит. по Singh, Remez et al. 2017.
186. МОНР et al. 2012, цит. по Shah et al. 2014.
187. Shah et al. 2014.
188. Rubin and Phillips 2012.
189. Inhorn 2003.
190. Там же.
191. Rozee and Unisa 2016.
192. Cattapan et al. 2014.
193. Petropanagos et al. 2015.
194. Kissil and Davey 2011.
195. Prag and Mills 2015.
196. Mitu 2016.
197. Rozee and Unisa 2016.
198. Sarojini et al. 2011.
199. UN Human Rights Council 2018b.
200. Данные для вставки адаптированы из Ergas без даты. См. также Ergas 2013; Ergas et al. 2017.
201. UN Human Rights Council 2018b, с. 5.
202. Rothman 2000.
203. Pande 2010.
204. UN Human Rights Council 2018b.
205. Ghosh 2018.
206. Dommaraju and Jones 2011; Platt and Utomo 2018; Dube 1994.
207. Dommaraju and Jones 2011.
208. Данные для Европы из Gonzalez and Viitanen 2006; данные для Латинской Америки из McKenry and Price 2006.
209. BBC 2018.
210. Radaу, готовится к публикации.
211. Bond 2011.
212. Там же, сс. 26, 27.
213. Musawah 2018; Eekelaar 2017.
214. В 2016 году граждане Индонезии, не являющиеся мусульманами, подали в общие суды 12 939 заявлений о разводе, мужчины-мусульмане подали 113 968 заявлений о разводе в религиозные суды (cerai talak), а женщины-мусульманки подали 289 102 заявления о разводе в религиозные суды (cerai gugat). См. Sumner with Zulminarni 2018, с. 9.
215. Hanmer and Elefante 2016, цит. по Sumner with Zulminarni 2018.
216. Sumner with Zulminarni 2018, сс. 10, 11.
217. Там же, сс. 12–14.
218. Там же, с. 15.
219. Там же, сс. 11,12.
220. Htun and Weldon 2018.
221. International Commission of Jurists 2017.
222. González and Viitanen 2006. См. Gayle 2018, где излагается недавнее дело, рассмотренное Верховным судом Великобритании, в котором было вынесено решение о том, что женщине, состоявшей в браке 40 лет, не разрешается развестись с мужем без его согласия и без доказательств его вины, пока они не проживут раздельно пять лет. В апреле 2019 года Правительство Великобритании объявило, что планирует ввести развод без вины. См. Bowcott 2019.
223. Ghosh 2018.
224. Harkonen 2014.
225. Huntington 2015.
226. LAC 2010.
227. В Radaу (готовится к публикации) дается следующее определение попечительства и опеки: попечительство, дающее родителям законные полномочия или обязательства в отношении личных дел ребенка, таких как вопросы собственности, места жительства, поездок, образования и брака, отличается от физической опеки над ребенком... Физическая опека включает организацию повседневной жизни ребенка и требует принятия решений по вопросам проживания, ухода, права на общение или посещение. Попечительство и физическая опека могут быть переданы одному родителю или распределены между родителями в случае развода, распада гражданского союза и раздельного проживания родителей.
228. Musawah 2018, с. 19.
229. Radaу (готовится к публикации).
230. Там же.
231. Там же.
232. Там же.
233. Berry et al. 2010.
234. Huntington 2015.
235. Там же.
236. Field 2006; Ojelabi et al. 2011.
237. Radaу, готовится к публикации.

История перемен: Ирландия

1. Merrion Street 2018; Government of Ireland 2018.
2. Duffy 2018.
3. Sherwood 2018.
4. ECHR 2010; UN CEDAW 2017a, пп. 10–11 and 42–43.
5. Health Service Executive 2013.
6. In Her Irish Shoes 2019.
7. Faith Survey без даты.

Глава 4

1. Sen 1990a.
2. Alvaredo et al. 2017.
3. UN Women 2015a; ILO 2018e.
4. Sierminska and Girshina 2017; Deere and Doss 2006.
5. Ortiz et al. 2015.
6. ILO 2017.
7. Nieuwenhuis and Maldonado 2018b.
8. Sen 1990a.
9. Himmelweit et al. 2013.
10. Bradshaw et al. 2018.
11. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из ICF International 2018. Невзвешенное среднее. Выборка включает в настоящее время замужних женщин в возрасте 15–49 лет, занятых в течение 12 месяцев, предшествовавших обследованию, и охватывает 60 развивающихся стран, в основном страны Африки к югу от Сахары, в период 2007–2018 годов. Разница между доходами в денежной и натуральной форме статистически значима на уровне 5%. «Выражают мнение» относится к проценту замужних женщин, получающих зарплату в денежной и натуральной форме, которые заявляют, что они лично или совместно имеют право принять решение в отношении крупных домашних покупок. «Не выражают мнение» относится к проценту замужних женщин, получающих зарплату в денежной и натуральной форме, которые заявляют, что решение принимается главным образом мужем или кем-то еще.
12. Там же. Для Демократической Республики Конго, Малави и Сьерра-Леоне имелись выпадающие значения, причем более чем одна из пяти замужних женщин в возрасте 15–49 лет заявила, что не выражает собственное мнение.
13. Meurs and Ismaylov 2019.
14. Там же.

15. Kabeer et al. 2011. с.19.
16. Там же, с.19.
17. Там же, с.30.
18. Kabeer 2012.
19. Deere and Twyman 2012.
20. Pradeep and Agarwal 2005; Oduro et al 2015.
21. Nieuwenhuis and Maldonado 2018b.
22. Niewenhuis et al. 2018.
23. Hansford 2016.
24. Fafchamps et al. 2009; Hoddinott and Haddad 1995; Wouterse 2016; Doss 2006; Quisumbing and Maluccio 2003; Allendorf 2007.
25. Case 2001; Duflo 2003; Budlender and Lund 2011.
26. ILO 2018e, таблица E3, с.65.
27. Heintz 2018.
28. Kabeer 2012.
29. Folbre 2018.
30. Orloff 2002. с. 11. Брачный ценз — это официальные или неофициальные нормы, запрещающие работать замужним женщинам и заставляющие одиноких работающих женщин уходить в отставку (или увольняться) при вступлении в брак.
31. Оценки для лиц основного трудоспособного возраста (25–54 лет) показывают заметные различия в показателях уровня участия в рабочей силе в зависимости от пола и семейного положения. Эти разрывы могут быть больше или меньше, если данные дезагрегированы по другим параметрам, таким как семейное положение, возраст и наличие детей. Например, замужние женщины в возрасте 25–34 лет с детьми могут иметь более высокий уровень участия в рабочей силе, чем замужние женщины в возрасте 45–54 лет с детьми. Эти различия между подгруппами могут объясняться сложным набором факторов, включая более широкое изменение социальных норм, касающихся брака, работы и роли женщин в обществе.
32. ILO 2019b.
33. Данные получены из базы данных исследовательского центра «Люксембургское исследование доходов», представленной в Nieuwenhuis et al. 2018. Данные, использованные в этом документе, включают только гетеросексуальные пары (состоящие в браке или совместно проживающие).
34. Nieuwenhuis et al. 2018.
35. В это исследование включены следующие страны из каждой группы: Дания, Финляндия, Исландия и Норвегия из скандинавского кластера; Австрия, Франция, Германия, Люксембург, Нидерланды и Швейцария из кластера континентальной Европы; Чехия, Эстония, Грузия, Венгрия, Польша, Российская Федерация, Сербия, Словакия и Словения из кластера Центральной и Восточной Европы; Греция, Италия и Испания из средиземноморского или южно-европейского кластера; и Австралия, Канада, Ирландия, Соединенное Королевство и США из англосаксонского или англоязычного кластера.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Rubery and Grimshaw 2014; Budig and England 2012.
40. ILO 2018e, таблица 2.
41. UN ECLAC 2018.
42. Figueira and Martinez Franzoni 2017.
43. UN Women 2017c, рисунок 1.16.
44. Средневзвешенный показатель по региону для женщин в возрасте от 25 до 34 лет. Источник: UN Women 2017c.
45. UN Women 2017c, рисунок 1.2.
46. UN Women 2017c.
47. UN Women 2017c, рисунки 1.18 и 1.19.
48. Adato 2000.
49. Bergolo and Galvan 2016.
50. Natali et al. 2016.
51. Bradshaw and Viquez 2008.
52. Gram et al. 2019.
53. Haenn 2018.
54. Gram, Skordis-Worrall et al. 2018.
55. Gram, Morrison et al. 2018.
56. Holmlund and Sohlman 2016.
57. UN ECLAC 2018.
58. UN Human Rights Council 2018a.
59. Dweck et al. 2018.
60. Oliveira Teixeira 2018.
61. ACIJ 2018/2019.
62. Bryceson 2018.
63. Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием данных из ILO 2019a. Данные по 56,9% населения региона за последний доступный год в период 2007–2018 годов.
64. Bryceson 2000.
65. Whitehead 2009.
66. Bryceson 2002.
67. Whitehead 2009.
68. Bryceson 2018, с. 16.
69. Mbilinyi and Shechambo 2009.
70. Ngwira 2005.
71. Archambault 2010.
72. Там же.
73. Там же.
74. Du and Dong 2009.
75. Bohong 2013.
76. Там же.
77. Cook and Dong 2011.
78. Wu and Zhou 2015.
79. Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием данных из ILO 2019a.
80. Klasen and Pieters 2015.
81. Andres et al. 2017.
82. Ghosh 2016.
83. Mehrotra and Sinha 2017.
84. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на базе IIPS и ICF International 2017, а также NSSO, MOSPI, India 2009–2010.
85. Mazumdar and Neetha 2011.
86. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на базе IIPS и ICF International 2017.
87. Это упоминается в литературе как парадокс. World Bank 2013.
88. Kabeer 2000.
89. Assaad et al. 2018.
90. Selwaness and Krafft 2018, с.13.
91. UNICEF 2017b. Примечание: Уровень получения среднего образования рассчитывается как процентная доля женского населения в возрасте 3–5 лет к числу женщин старше возраста окончания средней школы.
92. ILO 2019a. Примечание: Уровень участия в рабочей силе для женщин в возрасте 25 лет и старше. Оценки 2012 года используются для согласования с данными об образовании и использовании времени.
93. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из UNSD 2018.
94. Moser 2016.
95. Agarwal 1994.
96. Deere et al. 2012.
97. Deere et al. 2013.
98. Deere and Doss 2006.
99. Там же.
100. Deere et al. 2013.
101. Deere and Doss 2006.
102. Whitehead and Tsikata 2003.
103. Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием данных из World Bank 2018d.
104. Там же.
105. Там же.
106. Deere and Doss 2006.
107. Doss et al. 2019. По Латинской Америке см. Deere and Leon 2003, таблица 3.
108. Расчеты Структуры «ООН-женщины» с использованием данных из World Bank 2018d.
109. Deere et al. 2013.
110. FAO 2017.
111. Deere and Doss 2006.
112. По странам Африки к югу от Сахары см. Doss et al. 2015. По Латинской Америке см. Deere et al. 2018.
113. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ведет глобальную базу данных о распределении землевладельцев в сельском хозяйстве по полу: см. FAO 2019. Однако она строится в основном на данных из сельскохозяйственных переписей, которые проводятся нерегулярно либо редко, и поэтому могут не отражать актуальную ситуацию на местах.
114. Показатель ЦУР 5.а.1: а) доля людей, владеющих сельскохозяйственной землей или имеющих гарантированное право пользования ею, в общей численности населения, занимающегося сельским хозяйством, в разбивке по полу; и б) доля женщин, владеющих сельскохозяйственной землей или являющихся носителями права владения ею, в разбивке по формам землевладения. См. UN DESA 2018d.
115. Doss et al. 2019.
116. Deere and Doss 2006.
117. UN Women 2015a, глава 3.
118. Warren 2006.
119. Steinem 1993.

120. Government of the United Kingdom 2006, п. 140.
 121. Ghosh 2018.
 122. Там же.
 123. Tach and Eads 2015.
 124. de Vaus et al. 2015.
 125. Ghosh 2018.
 126. UN Women and World Bank, готовится к публикации.
 127. Singh 2013.
 128. de Vaus et al. 2015.
 129. Palriwala 1994.
 130. Расчеты «ООН-женщины» с использованием данных переписей и обследований, охватывающих период 2006–2014 годов, из UN DESA 2017k.
 131. Там же.
 132. Lambert et al. 2017.
 133. Там же.
 134. Там же.
 135. Расчеты «ООН-женщины» с использованием данных переписей и обследований, охватывающих период 2006–2014 годов, из UN DESA 2017k.
 136. UN DESA 2017m.
 137. Abilasanovna et al. 2016.
 138. Lloyd-Sherlock et al. 2015.
 139. UN DESA 2005.
 140. Lloyd-Sherlock et al. 2015.
 141. United States Social Security Administration 2018.
 142. United States Social Security Administration 2017.
 143. UNECE 2017.
 144. Ortiz et al. 2018; Arza 2018; UN Women 2015a, глава 3.
 145. Choi 2006.
 146. Arza 2015.
 147. Там же.
 148. Kane et al. 2015; Maldonado 2006.
 149. Richter et al. 2010.
 150. Jackson 2015.
 151. Nieuwenhuis and Maldonado 2018.
 152. Casey and Maldonado 2012.
 153. Maldonado and Nieuwenhuis 2015; Nieuwenhuis and Maldonado 2018.
 154. Budig and England 2001; UN Women 2016; Rubery and Grimshaw 2014.
 155. Nieuwenhuis and Maldonado 2018.
 156. Radaу, (готовится к публикации).
 157. Mohamad 2017.
 158. Cuesta and Meyer 2014.
 159. Hakovirta 2011.
 160. Nieuwenhuis and Maldonado 2018.
 161. Там же.
 162. O’Laughlin 1998.
 163. Folbre 2012a.
 164. Treanor 2018; de Lange and Dronkers 2018.
 165. UN Women 2015a.
 166. ILO 2017c.
 167. ILO 2018a.
 168. ILO 2017e.
 169. ILO 2016.
 170. UN Women 2018e, рисунок 3.2.
 171. Bastagli et al. 2016.
 172. Molyneux 2007; Chant 2008.
 173. Kidd 2013.
 174. Brown et al. 2017.
 175. Hassim 2006.
 176. Budlender and Lund 2011, с. 926.
 177. Patel 2017, с. 105.
 178. Там же.
 179. Budlender and Lund 2011, с. 941.
 180. Grinspun 2016.
 181. National Treasury and South African Revenue Service 2019.
 182. Budlender and Woolard 2006, с. 6.
 183. Budlender and Lund 2011.
 184. Posel et al. 2006.
 185. Posel and Rogan 2012.
 186. Cookson 2018.
 187. Kidd 2016.
 188. Molyneux 2007; Chant 2008.
 189. Cookson 2018.
 190. UN ECOSOC 2019a.
 191. ILO 2017e, с. 77. Сочетание накопительных и ненакопительных пенсионных схем, существующее в 102 странах, является наиболее распространенной формой организации пенсионных систем в мире. В других 12 странах пенсии предоставляются исключительно по ненакопительным схемам.
 192. Arza 2015.
 193. Cammett 2011.
 194. Rush 2015.
 195. Cammett 2011. “Deadbeats, Deadbrokes and Prisoners.” *Georgetown Journal on Poverty Law & Policy* XVIII (2).
 196. Hakovirta 2010; Rush 2015.
 197. Hakovirta 2010.
 198. Cammett 2011, с.127.
 199. Cuesta and Meyer 2014.
 200. Hakovirta 2010; Casey and Maldonado 2012.
 201. Budlender 2015.
 202. Там же, с. 9.
- История перемен: Гана**
1. UN Women 2018e, с. 94, рисунок 3.12.
 2. Moussié 2018; UN Women 2018e, глава 6.
 3. UN Women 2018e; Staab 2015.
 4. Government of Ghana без даты.
 5. НПО «Женщины в процессе глобализации и организации неформального сектора экономики» (WIEGO) — это глобальная сеть, имеющая целью обеспечение средств к существованию для работающих бедных, особенно женщин, в неформальном секторе экономики. См.: <http://www.wiego.org/>.
 33. ILO 2018a, рисунки 2.14 и 2.15.
 34. Там же.
 35. Budlender 2010.
 36. Bettio and Verashchagina 2010.
 37. Bianchi et al. 2012.
 38. Peterson 1999.
 39. UNRISD 2010.
 40. См. статистическую записку о дальнейшей разработке используемой методики и приложение 1 для данных на страновом уровне.
- Глава 5**
1. Folbre 2010.
 2. Razavi 2007.
 3. Elson 1995.

41. Анализ, охватывающий 35 стран, основанный на данных последнего медико-демографического обследования, проведенного между 2006–2007 годами и 2016–2017 годами. Данные из ICF International 2018, дата просмотра: 20 марта 2019 года.
42. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из ICF International 2018, дата просмотра: 15 марта 2019 года.
43. См. статистическую записку о дальнейшей разработке используемой методики и приложение 1 для данных на страновом уровне.
44. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе ILO 2018a, таблицы A.2.3, A.4.2 и приложение A.4.3.
45. Duffy and Armenia, готовится к публикации.
46. Там же.
47. ILO 2019b.
48. ILO 2018a, рисунок 2.25.
49. Budig and England 2001; Budig 2014.
50. Hodges and Budig 2010.
51. Bledsoe and Isiugo-Abanihe 1989.
52. Heymann 2006.
53. Gray 2005.
54. Arber and Timonen 2012.
55. Silverstein et al. 2003.
56. Oduaran and Oduaran 2010; Gladwin Mtshali 2015.
57. UNICEF 2014; Ingersoll-Dayton et al. 2018.
58. Chang et al. 2017.
59. Connelly et al. 2018; Budlender and Lund 2011.
60. Ingersoll-Dayton et al. 2018.
61. Hill 2016, с. 282.
62. Hosegood and Timaeus 2006; Morgan et al. 2016.
63. Ice et al. 2012.
64. Raday, готовится к публикации.
65. Esteve et al. 2012.
66. Clark et al. 2017.
67. Там же, с. 1202.
68. ILO 2018a, рисунок 2.25.
69. Heintz 2018.
70. Elson 1999, с. 618.
71. Chopra and Zambelli 2017.
72. WIEGO 2016, с. 7.
73. ILO 2016.
74. ILO 2017a.
75. Там же.
76. Результаты исследования, представленные здесь, получены от исследовательского консорциума «Усиление сельского хозяйства в целях питания в Южной Азии» (LANSA), при поддержке UK Aid. Более подробную информацию о LANSA можно найти на их веб-сайте, дата просмотра: 23 января 2019 года: <http://lansasouthasia.org/>.
77. Mazhar et al. 2017.
78. Rao et al. 2019.
79. Rao and Raju 2017.
80. Rao et al. 2019.
81. Rehel 2014; Nepomnyaschy and Waldfoegel 2007.
82. OECD 2016b.
83. Rehel 2014.
84. ILO 2017e, рисунок 3.5, с. 32.
85. Blofield and Martinez Franzoni 2015.
86. Staab 2017.
87. SUSESO 2017.
88. Batthyany Dighiero et al. 2015.
89. Haas 2003.
90. ILO 2016; Ulrichs 2016.
91. UN Women 2015a.
92. Ruhm and Waldfoegel 2012; Yoshikawa and Kabay 2014; Pianta et al. 2009.
93. Harper et al. 2017.
94. UNESCO 2016, таблица 4 в приложении.
95. Там же. На основе обследований по многим показателям с применением гнездовой выборки.
96. OECD 2016a; Gambaro et al. 2014.
97. Staab 2015.
98. UNESCO 2015.
99. Ellingsater 2015.
100. Stewart et al. 2015.
101. Farias 2017.
102. Schweinhart et al. 2005; İlkkaracan et al. 2015; ITUC 2017; ILO 2018a.
103. Velasco 2017; Araujo et al. 2013.
104. Ministerio de Inclusión Económica y Social 2013, cc. 25–26; Ministerio de Inclusión Económica y Social 2018.
105. WHO 2015.
106. Там же, с. 68.
107. Lloyd-Sherlock 2017b.
108. WHO 2015.
109. Lloyd-Sherlock et al. 2018.
110. WHO 2017.
111. Cooper 2010.
112. Scheil-Adlung 2015.
113. Peng and Yeandle 2017.
114. Abe 2010.
115. Peng and Yeandle 2017.
116. Yoon 2014; Abe 2010.
117. Choi 2015.
118. Yoon 2014.
119. WHO 2015.
120. Там же.
121. Guerra et al. 2011.
122. WHO 2015.
123. Stonewall 2011.
124. Choi and Meyer 2016.
125. Taylor 2012.
126. Peel and McDaid 2015.
127. Там же.
128. Lloyd-Sherlock 2017a.
129. Scheil-Adlung 2015, таблица 4.
130. Folbre 1994.
131. Folbre and Razavi 2011, с. 324.
132. В число работников сферы ухода входят лица, занятые в секторах ухода (образование, здравоохранение и социальная работа), а также работники по уходу в других секторах, домашние работники и занятые в этом секторе сотрудники, не предоставляющие услуги по уходу, но обеспечивающие поддержку оказания услуг по уходу. ILO 2018a, с. xxxviii.
133. ILO 2018a.
134. Duffy and Armenia, готовится к публикации.
135. ILO 2017b; WHO 2016.
136. Yeates 2010.
137. Folbre 2006.
138. England et al. 2002; Razavi and Staab 2010, глава 4.
139. Budig and Misra 2011; ILO 2018a.
140. ILO 2018a.
141. UN Women 2018e.
142. ILO 2018a.
143. UN Women 2015a.
144. Rosabal 2019.
145. Подробнее о политических решениях в сфере ухода см. UN Women 2018e, глава 6.
146. Akintola 2008.
147. Folbre 2018, с. 28.

История перемен: Северная Африка и Западная Азия

1. ОНЧР 2017; UN Women 2017a, 2017b.
2. McKernan 2017.
3. McTiche 2012.
4. Najjar 2017.
5. Human Rights Watch 2018d.

Глава 6

1. WHO et al. 2013.
2. Там же.
3. Abramsky et al. 2011.
4. Fineman and Mykitiuk 1994.
5. Ertürk and Purkayastha 2012.
6. UN General Assembly 1993.
7. Manjoo 2012.
8. Yount et al. 2016.
9. Kelly 2013.
10. Kelly and Westmarland 2016.
11. Heise and Kotsadam 2015.
12. Kelly et al. 2018.
13. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из последних доступных DHS и других независимых обследований по теме насилия в отношении женщин за 2005–2017 годы.
14. Там же.
15. UN DESA 2013b.
16. UNODC 2018.
17. UN Human Rights Council 2012.
18. Women's Aid 2017.
19. AIHRC 2015.
20. NCRB без даты.
21. UN ECLAC без даты. Данные в скобках отражают уровень убийств женщин (на 100 000 женщин).
22. UNODC 2018.
23. UN General Assembly 2018a.
24. Manjoo 2012.

25. Statistics Canada 2014.
26. Crenshaw 1991.
27. Lorenzetti et al. 2017.
28. ActionAid 2009; UN Human Rights Council 2016.
29. Srivastava and Singh 2015. Namy et al. 2017.
30. Namy et al. 2017.
31. UNICEF 2017a.
32. Там же.
33. Guedes et al. 2016.
34. Abramsky et al. 2011.
35. Namy et al. 2017.
36. Guedes et al. 2016.
37. Namy et al. 2017.
38. El Feki et al. 2017.
39. WHO et al. 2013.
40. Hess and Del Rosario 2018.
41. WHO et al. 2013.
42. Stockl et al. 2014.
43. Walby 2004.
44. Duvvury et al. 2013.
45. Pavao et al. 2007.
46. Guedes et al. 2016.
47. Duvvury et al. 2013.
48. Там же.
49. Там же.
50. UN Women 2012a.
51. Walby 2009.
52. PwC 2015.
53. Kelly 2013.
54. Kelly 2016.
55. Dutton 1995; Gelles and Straus 1979.
56. Fulu 2017; Kelly and Westmarland 2016.
57. Vetten 2017.
58. Our Watch et al. 2015.
59. Там же.
60. Crenshaw 1991; Kabeer 2015.
61. Brah and Phoenix 2004, с. 76.
62. Larasi 2017.
63. Our Watch et al. 2015.
64. Heise 1998; Abramsky et al. 2011.
65. UN Women, ILO et al. 2015.
66. Sardinha and Catalan 2018.
67. Fulu and Miedema 2015.
68. UN Human Rights Council 2017a; UN Secretary-General 2015.
69. UNICEF 2007.
70. Connell 2005.
71. Fulu et al. 2013.
72. Там же.
73. Fulu and Heise 2015.
74. Fulu et al. 2013.
75. Heise 2011.
76. Sardinha and Catalan 2018.
77. UN ECOSOC 1999.
78. World Bank 2018e.
79. Vyas and Heise 2016.
80. Hidrobo and Fernald 2013.
81. Heath 2012.
82. Vyas and Watts 2009.
83. Krishnan et al. 2010.
84. Pradeep and Agarwal 2005.
85. ICRW et al. 2007.
86. Fulu 2017.
87. Weldon and Htun 2013.
88. UN General Assembly 1995.
89. UN Women 2018e.
90. UN CEDAW 1992.
91. UN CEDAW 2017b.
92. Abdul Aziz and Moussa 2015.
93. Organization of American States 1994.
94. ACHPR 2005.
95. COE 2014.
96. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из World Bank 2018e.
97. Manjoo 2012.
98. UN Human Rights Council 2014.
99. Kelly and Westmarland 2016.
100. Stark and Hester 2019.
101. UN Human Rights Council 2012.
102. Там же.
103. Kim 2015.
104. Hart and Bagshaw 2008.
105. Sardenberg 2017; Brickell 2017; Vetten 2017.
106. UN Human Rights Council 2015.
107. Smulovitz без даты.
108. FRA 2014.
109. Cook et al. 2004.
110. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из World Bank 2018d.
111. Sardenberg 2017.
112. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из World Bank 2018e.
113. Kelly et al. 2013.
114. Там же.
115. UN Women 2012b.
116. Sardenberg 2017.
117. Human Rights Watch 2015.
118. Bott et al. 2005.
119. UN Women 2013.
120. UN Human Rights Council 2017b.
121. UN Women, UNFPA et al. 2015.
122. Jewkes, McLean Hilker et al. 2015.
123. Там же.
124. Там же.
125. Sardenberg 2017.
126. Putt et al. 2016, 2017.
127. Putt et al. 2016, с. 13.
128. Fulu and Heise 2014.
129. Dyson 2012.
130. End Violence Against Women Coalition 2011.
131. UN Women, ILO et al. 2015.
132. European Commission 2012.
133. Our Watch et al. 2015; End Violence Against Women Coalition 2011.
134. UN Women, ILO et al. 2015.
135. Abramsky et al. 2016.
136. UNESCO 2015b.
137. Roy 2018.
138. UN Human Rights Council 2014.
139. Flood 2015.
140. Jewkes, Flood and Lang 2015.
141. Nijera Kori 2015; Greig et al. 2015.

История перемен: Индонезия

1. World Bank 2017a.
2. President of the Republic of Indonesia 2017.
3. ASEAN 2017a, 2017b.

Глава 7

1. Donata and Gabaccia 2016.
2. Piper 2008b. См. также Kofman and Raghuram 2015; Donata and Gabaccia 2015.
3. Kim et al. 2017.
4. Ingram et al. 2010.
5. См., например, Pratt 2012; UNHCR 2018a.
6. Salazar Parrenas 2008. См. также Moran-Taylor 2008.
7. Nunez Carrasco 2010.
8. UN General Assembly 1948.
9. UN General Assembly 1951.
10. UN General Assembly 1966a.
11. UN General Assembly 1966b.
12. General Conference of the International Labour Organization 1949, ст. 6.
13. UN General Assembly 1954, ст. 24.
14. UN General Assembly 1990, с. 3.
15. См., например, UN CESCR 1999, п. 34; UN CESCR 2009b; UN CESCR 2016b, п. 11.
16. UN CESCR 2017, п. 6.
17. Там же, п. 6.
18. UN CEDAW 2008, п. 26(l).
19. UN General Assembly 1989, ст. 10.
20. UN General Assembly 1990. Конвенция вступила в силу в 2003 году и на сегодняшний день ратифицирована 54 странами мира.
21. UN Human Rights Council 2010, п. 77.
22. UN CEDAW 2008, п. 19.
23. Там же, п. 26 (e).
24. Там же, п. 26 (j).
25. Там же, п. 26 (f).
26. Там же, п. 26 (f). Это также признается Конвенцией Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием 2011 года (Стамбульская конвенция), статья 59. См. COE 2011.
27. UN General Assembly 2018c.
28. UN General Assembly 2018e.
29. UN DESA 2017j.
30. Bryceson and Vuroela 2002. См. также Caarls et al. 2018.
31. De Haas et al. 2018.
32. IOM 2011.
33. UN DESA 2017c.
34. UNHCR 2018a.
35. De Haas et al. 2018.
36. Там же.
37. Hujo and Piper 2010.
38. UN DESA 2017c.
39. Там же.

40. Там же.
41. Там же.
42. UNHCR 2018a.
43. Там же.
44. UN DESA 2013a.
45. UNHCR 2018a.
46. Там же.
47. Там же.
48. IOM 2011.
49. UN DESA 1998.
50. Kofman 2000.
51. UN DESA 2017c.
52. Zlotnik 2003.
53. UN DESA 2017d.
54. Там же.
55. Там же.
56. UN ESCAP 2017, с. 20.
57. UNHCR 2018a.
58. Van Hear et al. 2018; De Haas 2011.
59. Sassen 2000.
60. ILO 2013b. См. также Lutz 2011.
61. OECD 2017.
62. Constable 2005. См. также Yeoh et al. 2013; Chung et al. 2016; Le et al. 2014.
63. Rao and Finoff 2015.
64. Nehring and Wang 2018.
65. См. обзор литературы в Kim 2010.
66. Ferrant and Tuccio 2015; OECD and ILO 2018.
67. Ruysen and Salamone 2018.
68. Ferrant and Tuccio 2015.
69. Там же; Ruysen and Salamone 2018.
70. Gioli et al. 2017.
71. Schmidt and Buechler 2017.
72. Freedman 2016.
73. OHCHR 2016.
74. Digidiki and Bhabha 2016.
75. MSF 2017.
76. Voolma 2018b.
77. Leinonen 2012.
78. Там же.
79. Hooper and Salant 2018.
80. Kraler and Bonizzoni 2010.
81. Kofman 2004.
82. Human Rights Watch 2018b.
83. Human Rights Watch 2018a.
84. UN Human Rights Council 2009, п. 87.
85. 36 европейских стран, а также Австралия, Канада, Кипр, Япония, Новая Зеландия, Республика Корея, Республика Молдова, Турция и США.
86. Полное описание 257 субпоказателей, включенных в данные MIPEX, доступно по ссылке <http://www.mipex.eu/methodology>. Для целей данного анализа использовались только 19 субпоказателей, относящихся к укреплению семьи.
87. В частности, Кипр, Черногория и Швейцария получают чуть более высокие баллы за свою общую иммиграционную политику, чем за политику в отношении семьи, поскольку расширяют различные права и льготы для мигрантов, но не предоставляют их для членов семей мигрантов.
88. Рейтинги MIPEX частично основаны на степени, в которой воссоединение семьи доступно всем женщинам, независимо от того, через какой миграционный поток они прошли, или их экономического положения. Во многих странах для экономических мигрантов с так называемыми квалифицированными профессиями (см. вставку 7.2) воссоединение семьи гораздо более доступно, чем для тех, чья профессия считается менее квалифицированной.
89. Pratt 2012; Schwiter et al. 2018.
90. ILO 2000, 2013a.
91. Yeates 2009b; OECD 2015.
92. Humphries et al. 2009.
93. Golash-Boza 2014.
94. OHCHR 2016.
95. UNICEF 2018b.
96. Center for Migration Studies 2017; UNICEF and REACH 2017; по Центральной Америке см. Rosennblum 2015; Christi and Hipsman 2014; UNHCR 2014.
97. UNHCR 2018b.
98. Damir-Geilsdorf and Sabra 2018.
99. Там же.
100. Там же.
101. По Германии см. Damir-Geilsdorf and Sabra 2018; по Швеции см. Library of Congress 2016.
102. Damir-Geilsdorf and Sabra 2018. См. также UNHCR 2013.
103. Buecher and Aniyamuzaala 2015, цит. по Damir-Geilsdorf and Sabra 2018.
104. Damir-Geilsdorf and Sabra 2018. См. также UNICEF 2019a.
105. Damir-Geilsdorf and Sabra 2018.
106. OHCHR 2016. См. также UNICEF 2018b.
107. U.S. DHS, Office of Inspector General 2019.
108. Там же.
109. OHCHR 2018. Эксперты ООН: Фелипе Гонсалес Моралес, Специальный докладчик по вопросу о правах человека мигрантов; Виктория Таули-Корпус, Специальный докладчик по вопросу о правах коренных народов; Каталина Девандас, Специальный докладчик по вопросу о правах инвалидов; Мод де Бур-Букуиккио, Специальный докладчик по вопросу о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии; Нильс Мельзер, Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания; Дайнос Пурас, Специальный докладчик по вопросу о праве на здоровье; Мария Грация Джаммаринаро, Специальный докладчик по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми; Сон-Фил Хон, Председатель-докладчик Рабочей группы по произвольным задержаниям; Ивана Радачич, Председатель Рабочей группой по вопросу о дискриминации в отношении женщин в законодательстве и на практике; Дубравка Шимонович, Специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин; Э. Тендай Ачиуме, Специальный докладчик по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости.
110. Voolma 2018a.
111. Kraler and Bonizzoni 2010.
112. Voolma 2018a.
113. Kim et al. 2017.
114. Voolma 2018a, с. 12.
115. Akinsulure-Smith et al. 2013.
116. Anitha 2011. В общей рекомендации № 26 по вопросу о трудящихся женщинах-мигрантах 2009 года Комитет КЛДЖ подтвердил, что «жертвам злоупотреблений должна предоставляться соответствующая экстренная и социальная помощь независимо от их иммиграционного статуса. [...] государством-участникам рекомендуется отменить или изменить законодательство и практику, которые не позволяют незарегистрированным трудящимся женщинам-мигрантам обращаться за помощью в судебные инстанции или в другие системы правовой защиты». UN CEDAW 2008, п. 26 (с).
117. Southall Black Sisters (SBS) — организация в Западном Лондоне, Англия. Она была основана в августе 1979 года после смерти активиста Блэра Пича. Первоначально организация занималась главным образом борьбой чернокожих женщин, азиаток и женщин из этнических меньшинств против расизма, однако постепенно стала принимать все более активное участие в защите прав человека женщин, которые подвергаются насилию и надругательствам по признаку пола. См. Southall Black Sisters 2019.
118. UN CEDAW 2008.
119. Menjivar and Salcido 2002.
120. Hennebry et al. 2016, с. 13.
121. Термин «глобальные цепи услуг по уходу» появился в Hochschild 2000. Тема глобальных цепей услуг по уходу в контексте миграции и семей была развита в Yeates 2004 и 2009a.
122. Yeates 2004. См. также Baldassar and Merla 2014.
123. Mazzucato and Schans 2011.
124. Bonizzoni and Boccagni 2013.
125. Uy-Tioco 2007. См. также Parrenas 2005b; Madianou and Miller 2011.
126. Там же.
127. Там же.
128. Pratt 2013. См. также Madianou and Miller 2011.
129. Madianou and Miller 2011, с. 461. See also Pratt 2013.
130. Williams Veazey 2018.
131. SOS Children's Villages International 2016.
132. Refugees United 2019.
133. International Commission of the Red Cross 2019; Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit 2016.
134. GSMA 2018.
135. Cuban 2018.

136. Barber 2008.
 137. Там же.
 138. Hannaford 2015.
 139. Там же, с. 54.
 140. Kontos and Bonifacio 2016.
 141. Zentgraf and Stoltz Chinchilla 2012.
 142. Mazzucato et al. 2015; Parrenas 2005.
 143. Mazzucato et al. 2015. См. также Zentgraf and Stoltz Chinchilla 2012.
 144. Dreby 2007; Mazzucato and Schans 2011.
 145. Poeze and Mazzucato 2014.
 146. Parrenas 2005b.
 147. Save the Children, Sri Lanka 2006.
 148. Stewart-Evans and Siegel 2018.
 149. Hoang and Yeoh 2011.
 150. Там же.
 151. Chang et al. 2019.
 152. Oliveira 2018.
 153. Hoang and Wattie 2012.
 154. Fouratt 2017.
 155. Levitt et al. 2017.
 156. UN CESCR 2000b, п. 34; UN CESCR 2009a, п. 30.
 157. Kraler 2010.
 158. OECD 2018b.
 159. WHO 2018b, с. 38.
 160. Там же.
 161. Servicio Jesuita a Refugiados Colombia 2018.
 162. OECD and ILO 2018, таблица 2.1, с. 66.
 163. Fernandez 2017.
 164. Бельгия, Хорватия, Чехия, Франция, Греция, Италия, Нидерланды, Румыния, Испания и Швеция однозначно гарантируют образование для всех. Австрия, Кипр, Дания, Эстония, Германия, Ирландия, Люксембург, Мальта, Польша, Португалия, Словакия, Словения и Соединенное Королевство в порядке презумпции гарантируют образование для всех. См. Spencer and Hughes 2015, сс. 41–45.
 165. UNESCO 2017.
 166. Justia US Supreme Court 1982.
 167. UN DESA 2017c.
 168. UN Women and ILO 2016.
 169. Tangcharoensathien et al. 2017.
 170. Mounsookjareoun and Kertesz 2019.
 171. Там же.
 172. Там же.
 173. Suphanchaimat 2017.
 174. Guinto et al. 2015.
 175. Holumyong et al. 2018.
 176. Mounsookjareoun and Kertesz 2019.
 177. Vajaj and Sharma 2016.
 178. Kontos and Bonifacio 2016.
 179. Fernandez 2017.
 180. Liu and Zhu 2011.
 181. Herrera 2008.
 182. Paul 2017.
 183. ASEAN 2017a.
 184. UN Women 2017d.
 185. Там же.
 186. Avato et al. 2010.
 187. IFAD 2017. См. также World Bank 2019b.
 188. IFAD 2017.
 189. King et al. 2013.
 190. Coe 2011.
 191. McKenzie and Menjivar 2011.
 192. Mata-Codesal 2013; Tazanu 2018.
 193. De Haas and Van Rooij 2010; Lenoel 2017; King et al. 2013.
 194. Hays 1996.
 195. Bastia and Busse 2011.
 196. Hennebry 2014.
 197. Parrenas 2005a.
 198. Levitt 1998; Levitt and Lamba-Nieves 2011.
 199. Gioli et al. 2017.
 200. Bastia and Busse 2011.
 201. Wachter et al. 2018. См. также Hynes et al. 2016.
 202. Hynes et al. 2016.
 203. Wachter et al. 2018.
 204. Hirschmann 2007.
 205. Crawley et al. 2016.
 206. Kofman et al. 2015.
 207. UN General Assembly 2016b.
 208. Pittaway and Bartolomei 2018. См. Также Hennebry 2018.
 209. UN General Assembly 2018c.
 210. UN General Assembly 2018e.
 211. UN General Assembly 2018c, 2018e.
 212. UN General Assembly 2018c.
 213. Hennebry 2018.
 214. UN CESCR 2016a.
 215. ILO 2011. См. также Varia 2011.
 216. UN General Assembly 2018c.
 217. Там же.
 218. UN ECOSOC 2014, п. 109(f).
 219. Pittaway and Bartolomei 2018. См. также Hennebry 2018.
 220. UN General Assembly 2018d, п. 75(h).
 221. См. UN Women 2018a.
 222. UN Women 2018d.
 223. UN Women, готовится к публикации.
 224. UN General Assembly 2015a, с. 18.
- Сколько это будет стоить?**
- UN ECOSOC 2018, 2019a.
 - Этот раздел и содержащийся в нем анализ основаны на Bierbaum and Cichon, готовится к публикации.
 - Bierbaum et al. 2017.
 - ILO 2017e.
 - См. UN Women 2018b, сс. 245–253.
- Самый смелый сценарий предполагал всеобщий охват детей в возрасте 0–5 лет по сравнению с более поэтапным подходом, предполагающим охват одной трети детей в возрасте 0–1,5 лет, 60% детей в возрасте 1,5–3 лет и 90% детей в возрасте 3–5 лет.
 - См., например, стоимость услуг по образованию и уходу за детьми младшего возраста в ЮАР и Уругвае. UN Women 2018b, сс. 245–253.
 - World Bank 2018c.
 - Готовящийся к публикации дискуссионный документ Структуры «ООН-женщины» Bierbaum and Cichon включает несколько различных сценариев, в том числе в отношении стоимости реализации этой политики во всем мире. В нем также представлена подробная информация о расчете стоимости услуг в сферах здравоохранения и ухода.
 - Ortiz et al. 2017.
 - UN DESA 2015a, с. 7.
 - Ortiz et al. 2017.
 - Heintz 2013.
 - Akitoby et al. 2018.
 - Ortiz et al. 2017.
 - UN Women 2015a, глава 4.
 - Ortiz et al. 2017.
 - United Nations Inter-Agency Task Force on Financing for Development 2019, с. 118.
 - UN General Assembly 2015b, сс. 64, 65.
 - Ortiz et al. 2017, с. 28.
 - UN General Assembly 2019a, с. 78.
 - Там же, с. 79.
 - Показатель 5.с.1 — доля стран, обладающих механизмами отслеживания государственных ассигнований на обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и обнародования данных о них.
 - UN General Assembly 2019b.

Глава 8

- UN CCRP 2018, п. 8; см. также UN CESCR 2016a.
- На основе среднего различия средних невзвешенных значений для женщин и мужчин. Расчеты Структуры «ООН-женщины» на основе данных из UNSD 2018.
- UN General Assembly 2018c.
- World Bank 2018; Centre of Excellence for CRVS Systems 2019a, 2019b.
- UN ECOSOC 2018; UN ECOSOC 2019a.
- Bierbaum and Cichon, готовится к публикации.
- Htun and Weldon 2018.
- Johnson et al. 2019.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABS (Australian Bureau of Statistics). 2016a. "Census of Population and Housing: Reflecting Australia – Stories from the Census, 2016." Accessed 26 March 2019. <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Lookup/by%20Subject/2071.0~2016~Main%20Features~Same-Sex%20Couples~85>.
- _____. 2016b. Dataset 2016 Census on Employment, Income and Education. Accessed 5 March 2019. <http://www.abs.gov.au/websitedbs/D3310114.nsf/Home/2016%20TableBuilder>.
- _____. 2017. "ABS reveals new Census insights into Australia's same-sex couples." Accessed 30 May 2019. <https://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/mediareleasesbyReleaseDate/9AED-ED8E8FB6CB56CA2581F4007A9C06?OpenDocument>.
- Abdul Aziz, Z. and J. Moussa. 2015. "The Due Diligence Principle and the Role of the State: Discrimination Against Women in Family and Cultural Life." Submission by the Due Diligence Project to the United Nations Working Group on Discrimination against Women in Law and in Practice, January.
- Abe, A. 2010. "The Changing Shape of the Care Diamond: The Case of Child and Elderly Care in Japan." UNRISD Gender and Development Programme Paper No. 9. Geneva: UNRISD.
- Abilasanovna, S. G., J. R. Turganaliyevna and Y. G. Sharipovna. 2016. *The Problem of Female Poverty in Kazakhstan Today*. Turkistan: Hoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University.
- Abramsky, T., K. Devries, L. Michau, J. Nakuti, T. Musuya, N. Kyegombe and C. Watts. 2016. "The Impact of SASA!, a Community Mobilisation Intervention, on Women's Experiences of Intimate Partner Violence: Secondary Findings from a Cluster Randomised Trial in Kampala, Uganda." *Epidemiol Community Health* 70, pp. 818–825.
- _____. C. Watts, C. Garcia-Moreno, K. Devries, L. Kiss, M. Ellsberg, H. Jansen and L. Heise. 2011. "What Factors Are Associated with Recent Intimate Partner Violence? Findings from the WHO Multi-Country Study on Women's Health and Domestic Violence." *BMC Public Health* 11, pp. 109.
- ACHPR (African Commission on Human and People's Rights). 2005. *Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Women In Africa*. Accessed 9 May 2019. <http://www.achpr.org/instruments/women-protocol/>.
- ACIJ (Asociación Civil por la Igualdad y la Justicia). 2018/2019. "Informe de Análisis Presupuestario de Sistema de Protección de los Derechos de Niñas, Niños y Adolescentes: El Impacto Regresivo del Recorte en Políticas de Niñez y Adolescencia." ACIJ, Buenos Aires, Argentina.
- ActionAid. 2009. *Hate Crimes: The Rise of 'Corrective' Rape in South Africa*. London: ActionAid.
- Adato, M., B. de la Brière, D. Mindek and A. Quisumbing. 2000. *The Impact of PROGRESA on Women's Status and Intrahousehold Relations*. Washington, DC: IFPRI.
- Afkhami, M., Y. Ertürk and A.E. Mayer (Eds.). 2018. *Feminist Advocacy, Family Law and Violence against Women: International Perspectives*. London and New York: Routledge and Ottawa: IDRC.
- AFIDEP (African institute for Development Policy). 2013. "Drivers of Progress in Increasing Contraceptive Use in Sub-Saharan Africa: Lessons from Eastern and Southern Africa." Policy Brief 4. Nairobi: AFIDEP.
- Agarwal, B. 1990. "Social Security and the Family: Coping with Seasonality and Calamity in Rural India." *Journal of Peasant Studies* 17 (3), pp. 341–412.
- _____. 1994. "Gender and Command over Property: A Critical Gap in Economic Analysis and Policy in South Asia." *World Development* 22(10), pp. 1455–1478.
- _____. 1997. "'Bargaining' and Gender Relations: Within and Beyond the Household." *Feminist Economics* 3 (1), pp. 1–51.
- _____. 2016. "'Bargaining' and Gender Relations: Within and Beyond the Household." *Gender Challenges: Property, Family, and the State*. New Delhi: Oxford University Press, pp. 141–187.
- AIHRC (Afghanistan Independent Human Rights Commission). 2015. "National Inquiry Report on Factors and Causes of Rape and Honour Killing in Afghanistan." Accessed 10 May 2019. <https://www.refworld.org/docid/5a1fe8144.html>.
- Akinsulure-Smith, A. M., T. Chu, E. Keatley and A. Rasmussen. 2013. "Intimate Partner Violence among West African Immigrants." *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma* 22 (2), pp. 109–126.
- Akintola, O. 2008. "Unpaid HIV/AIDS Care in Southern Africa: Forms, Contexts and Implications." *Feminist Economics* 14 (4), pp. 117–147.
- Akitoby, B., A. Baum, C. Hackney, O. Harrison, K. Primus and V. Salins. 2018. "Tax Revenue Mobilization Episodes in Emerging Markets and Low-Income Countries: Lessons from a New Dataset." *International Monetary Fund Working Paper WP/18/234*. Washington, DC: IMF.
- Alkema, L., V. Kantorova, C. Menozzi and A. Biddlecom. 2013. "National, Regional and Global Rates and Trends in Contraceptive Prevalence and Unmet Need for Family Planning between 1990 and 2015: A Systematic and Comprehensive Analysis." *The Lancet* 381 (9878), pp. 1642–1652.
- Allendorf, K. 2007. "Do Women's Land Rights Promote Empowerment and Child Health in Nepal?" *World Development* 35 (11), pp. 1975–1988.
- _____. and R. K. Pandian. 2016. "The Decline of Arranged Marriage? Marital Change and Continuity in India." *Population Development Review* 42 (3), pp. 435–464.
- Alvaredo, F., L. Chancel, T. Piketty, E. Saez and G. Zucman. 2017. *World Inequality Report 2018: Executive Summary*. Berlin: World Inequality Lab.
- Alzate Monroy, P. 2004. "Legal Update from Colombia: The Project for a Law Giving Equal Status to Same-Sex Couples is Finally Sunk." In *International Survey of Family Law*. A. Bainham (Ed.) London: Family Law, pp. 99–110.
- Amien, W. 2014. "The Recognition of Religious and Customary Marriages and Non-Marital Domestic Partnerships in South Africa." In *Routledge Handbook of Family Law and Policy*. J. Eekelaar and R. George (Eds.). London: Routledge, pp. 26–44.
- Amin, S, I. Diamond, R. Naved and M. Newby. 1998. "Transitions to Adulthood of Female Garment Workers in Bangladesh." *Studies in Family Planning* 29 (2), pp. 185–200.
- Anderson, J. N. D. 1958. "The Tunisian Law of Personal Status." *The International and Comparative Law Quarterly* 7 (2), pp. 262–279.
- Andres, L. A., B. Dasgupta, G. Joseph, V. Abraham and M. Correia. 2017. "Precarious Drop: Reassessing Patterns of Female Labour Force Participation in India." Policy Research Working Paper No. 8024. South Asia Region, Social Development Unit. Washington, DC: World Bank Group.
- Andrews, P. 2009. "Who's Afraid of Polygamy? Exploring the Boundaries of Family, Equality and Custom in South Africa." *Journal of Law and Family Studies* 11 (2), pp. 370.
- Angel, J. L., L. Maren, A. Jiménez and R. J. Angel. 2007. "The Economic Consequences of Widowhood for Older Minority Women." *The Gerontologist* 47 (2), pp. 224–234.
- Anitha, S. 2011. "Legislating Gender Inequalities: The Nature and Patterns of Domestic Violence Experienced by South Asian Women with Insecure Immigration Status in the United Kingdom." *Violence Against Women* 17 (10), pp. 1260–1285.
- Ansell, N., F. Hajdu, L. van Blerk and E. Robson. 2017. "'My Happiest Time' or 'My Saddest Time'? The Spatial and Generational Construction of Marriage among Youth in Rural Malawi and Lesotho." *Transactions of the Institute of British Geographer* 43 (2), pp. 184–199.
- Araujo, M. C., F. López Boo and J. M. Puyana. 2013. *Overview of Early Childhood Development Services in Latin America and the Caribbean*. Washington, DC: Inter-American Development Bank.
- Arber, S. and V. Timonen. 2012. "Grandparenting in the Twenty-First Century: New Directions." In *Contemporary Grandparenting: Changing Family Relationships in Global Contexts*. S. Arber and V. Timonen. (Eds.). Bristol: Policy Press, pp. 1–18.

- Archambault, C. S. 2010. "Women Left Behind? Migration, Spousal Separation, and the Autonomy of Rural Women in Ugweno, Tanzania." *Signs* 35 (4), pp. 919–942.
- Arriagada, I. 2006. "Changes and Inequality in Latin American Families." *Journal of Comparative Family Studies* 37 (4), pp. 511–537.
- _____. 2014. "Changes and Inequalities in Latin American Families." In *The Wiley Blackwell Companion to the Sociology of Families*. J. Treas, J. Scott and M. Richards (Eds.). London and New York: Wiley-Blackwell, pp. 83–108.
- Arza, C. 2015. "The Gender Dimensions of Pension Systems: Policies and Constrains for the Protection of Older Women." UN Women Discussion Paper Series No. 1. New York: UN Women.
- _____. 2018. "Pensions and Gender Equality in Latin America: Long-Standing Gaps and Recent Developments." Expert Paper prepared for the Expert Group Meeting, Sixty-Third Session of the Commission on the Status of Women (CSW63), New York, 13–15 September.
- ASEAN (Association of Southeast Asian Nations). 2017a. *ASEAN Consensus on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers*. Philippines: ASEAN.
- _____. 2017b. "ASEAN Leaders Commit to Safeguard the Rights of Migrant Workers." 14 November. Accessed 25 March 2019. <https://asean.org/asean-leaders-commit-safeguard-rights-migrant-workers/>.
- Askew, I., N. Maggwa and F. Obare. 2017. "Fertility Transitions in Ghana and Kenya: Trends, Determinants, and Implications for Policy and Programs." *Population and Development Review* 43 (5), pp. 289–307.
- Assaad, R., R. Hendy, M. Lassassi and S. Yassin. 2018. "Explaining the MENA Paradox: Rising Educational Attainment, yet Stagnant Female Labor Force Participation." IZA Discussion Paper No. 11385. Bonn, Germany: IZA Institute of Labor Economics.
- Autor, D., D. Dorn and G. Hanson. 2018. "When Work Disappears: Manufacturing Decline and the Falling Marriage-Market Value of Men." NBER Working Paper Series. Cambridge, MA: NBER.
- Avato, J., J. Koettl and R. Sabates-Wheeler. 2010. Social security regimes, global estimates, and good practices: The status of social protection for international migrants. *World Development*, 38(4), pp. 455–466.
- Azcona, G., S. Hertog and A. Bhatt. Forthcoming. "Households and Living Arrangements of Families: A Global Snapshot." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*.
- Bajaj, M. and S. Sharma. 2016. "Scaling up Early Childhood Centres for Migrant Construction Workers' Children in India." In *Early Childhood Matters*. T. Moreno. (Ed.). The Hague: Bernard Ban Leer Foundation, pp. 74–79.
- Balakrishnan, R., J. Heintz and D. Elson. 2016. *Rethinking Economic Policy for Social Justice: The Radical Potential of Human Rights*. Oxford and New York: Routledge.
- Baldassar, L. and L. Merla (Eds.). 2014. *Transnational Families, Migration and the Circulation of Care. Understanding Mobility and Absence*. New York and London: Routledge.
- Banerji, M., S. P. Martin and S. Desai. 2008. "Is Education Associated with a Transition to Self-Arranged Marriages?" Paper presented at the International Seminar on Changing Transitions to Marriage: Gender Implications for the Next Generation. New Delhi, India, 10–12 September.
- _____. and R. Vanneman. 2009. "Does Love Make a Difference? Marriage Type and Post Marriage Decision-Making Power." Paper for the Annual Meeting of Population Association of America, 30 April– 2 May. Accessed 4 April 2019. <https://paa2009.princeton.edu/papers/90783>.
- Barber, P. G. 2008. "Cell Phones, Complicity, and Class Politics in the Philippine Labor Diaspora." *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology* 2008 (51), pp. 28–42.
- Barot, S. 2018. "The Roadmap to Safe Abortion Worldwide: Lessons from New Global Trends on Incidence, Legality and Safety." *Guttmacher Policy Review* 21.
- Bastagli, F. J. Hagen-Zanker, L. Harman, V. Barca, G. Sturge, T. Schmidt and L. Pellerano. 2016. *Cash Transfers: What Does the Evidence Say? A Rigorous Review of Impacts, and the Role of Design and Implementation Features*. London: ODI.
- Basten S. 2013. "Re-Examining the Fertility Assumptions for Pacific Asia in the UN's 2010 World Population Prospects." Working Paper 13-01. Oxford: Barnett Papers in Social Research, University of Oxford.
- _____. and B. Gu. 2013. "Childbearing Preferences, Reform of Family Planning Restrictions and the Low Fertility Trap in China." Working Paper 61. Oxford: Oxford Centre for Population Research, University of Oxford.
- Basten, S., T. Sobotka and K. Zeman. 2013. "Future Fertility in Low Fertility Countries." VID Working Papers No. 5/2013. Vienna: Austrian Academy of Sciences and VID.
- Bastia, T. and E. Busse. 2011. "Transnational Migration and Changing Gender Relations in Peruvian and Bolivian Cities." *Diversities* 13 (1), pp. 19–33.
- Batthyány Dighiero, K., N. Genta and V. Perrotta. 2015. "Avanzando hacia la Corresponsabilidad en los Cuidados: Análisis de las Licencias Parentales en el Uruguay." Serie Asuntos de Género 128. Santiago de Chile: CEPAL.
- BBC. 2018. "Philippines Moves Closer to Allowing Divorce." BBC News Asia. 19 March. Accessed 9 May 2019. <https://www.bbc.com/news/world-asia-43457117>.
- Becker, C. and M. Turavaeva. 2016. "Queen Bees and Domestic Violence: Patrilocal Marriage in Tajikistan." ERID (Economic Research Initiatives at Duke) Working Paper No. 232. Accessed 10 April 2019. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2862096>.
- Becker, G. S. 1981. *A Treatise on the Family*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Becker, H. 2017. *Evidence*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- Bedford, K. 2009. *Developing Partnerships: Gender, Sexuality and the Reformed World Bank*. Minneapolis, MN and London: University of Minnesota Press.
- Bennett, F. 2013. "Researching within-Household Distribution: Overview, Developments, Debates, and Methodological Challenges." *Journal of Marriage and Family* 75 (3), pp. 582–597.
- Berardo, F. M., J. Appel and D. H. Berardo. 1993. "Age Dissimilar Marriages: Review and Assessment." *Journal of Aging Studies* 7 (1), pp. 93–106.
- Bergmann, B. 2005. *The Economic Emergence of Women*. 2nd Edition. London: Palgrave Macmillan.
- Bergolo, M. and E. Galvan. 2016. "Intra-Household Behavioral Responses to Cash Transfer Programs: Evidence from a Regression Discontinuity Design." IZA Discussion Paper No. 10310. Bonn: IZA.
- Berry, L. S., G. Stoyles and M. Donovan. 2010. "Postseparation Parenting Education in a Family Relationship Centre: A Pilot Study Exploring the Impact on Perceived Parent-Child Relationship and Acrimony." *Journal of Family Studies* 16 (3), pp. 224–236.
- Bertrand, M., E. Kamenica and J. Pan. 2015. "Gender Identity and Relative Income within Households." *The Quarterly Journal of Economics* 130 (2), pp. 571–614.
- Bettio, F. and A. Verashchagina. 2010. *Long-Term Care for the Elderly: Provisions and Providers in 33 European Countries*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Bianchi, S. 2000. "Maternal Employment and Time with Children: Dramatic Change or Surprising Continuity?" *Demography* 37 (4), pp. 401–414.
- _____. V. Wight and S. Raley. 2005. "Maternal Employment and Family Caregiving: Rethinking Time with Children in the ATUS." Paper prepared for the ATUS Early Results Conference. Bethesda, MD, 9 December.
- _____. N. Folbre and D. Wolf. 2012. "Unpaid Care Work." In *For Love and Money: Care Provision in the United States*. N. Folbre (Ed.). New York: Russell Sage Foundation, pp. 40–64.
- _____. L. Lesnard, T. Nazio and S. Raley. 2015. "Gender and Time Allocation of Cohabiting and Married Women and Men in France, Italy and the United States." *Demographic Research* 31, pp. 183–216.
- Biblarz, T. J., M. Carroll and N. Burke. 2014. "Same-Sex Families." In *The Wiley Blackwell Companion to the Sociology of Families*. J. Treas, J. Scott and M. Richards (Eds.). Oxford: Wiley Blackwell, pp. 109–131.

- Bicchieri, C., R. Muldoon and A. Sontuoso. 2018. "Social Norms." In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition)*. E. Zalta (Ed.). Accessed 9 May 2019. <https://plato.stanford.edu/entries/social-norms/>.
- Bierbaum, M. and M. Cichon. Forthcoming. "Costing of a Package of Family-friendly Transfers and Services for UN Women's Progress Report: An Introductory Note to the Calculations and Results". UN Women Discussion Paper Series. New York: UN Women.
- _____. C. Schildberg and M. Cichon. 2017. *Social Protection Floor Index 2017: Update and Country Studies*. Washington, DC: Friedrich Ebert Stiftung.
- Binstock, G., W. Cabella, V. Salinas and J. López-Colás. 2016. "The Rise of Cohabitation in the Southern Cone." In *Cohabitation and Marriage in the Americas: Geo-Historical Legacies and New Trends*. A. Esteve and R. J. Lesthaeghe (Eds.). Cham, Switzerland: Springer International Publishing, pp. 247–268.
- Bittman, M., P. England, L. Sayer, N. Folbre and G. Matheson. 2003. "When Does Gender Trump Money? Bargaining and Time in Household Work." *American Journal of Sociology* 109 (1), pp. 186–214.
- Bledsoe, C. and U. Isiugo-Abanihe. 1989. "Strategies of Child-Fostering among Mende Grandmothers in Sierra Leone." In *Reproduction and Social Organization in Sub-Saharan Africa*. R. J. Lesthaeghe (Ed.). Berkeley: University of California Press, pp. 442–475.
- Blofield, M., F. Filgueira, C. D. Deere, M. Eichner et al. 2018. "Pluralization of Families." In *Rethinking Society for the 21st Century*. International Panel on Social Progress, Vol. 3, Chapter 17. Cambridge: Cambridge University Press.
- _____. and J. Martínez Franzoni. 2015. "Are Governments Catching up? Work-Family Policy and Inequality in Latin America." UN Women Discussion Papers Series. No. 7. New York: UN Women.
- Bohong, L. 2013. "Gender Equity in China." In *Equity in China: Chapeau Paper*. J. Vandemoortele (Ed.). Beijing: United Nations System in China, pp. 51–57.
- Bond, J. E. 2011. "Culture, Dissent, and the State: The Example of Commonwealth African Marriage Law." *Yale Human Rights and Development Law Journal* 14, pp. 1–58.
- Bongaarts, J. 2017. "Africa's Unique Fertility Transition." *Population and Development Review* 43 (51), pp. 39–58.
- Bonizzoni, P. and P. Boccagni. 2013. "Care (and) Circulation Revisited: A Conceptual Map of Diversity in Transnational Parenting." In *Transnational Families, Migration and the Circulation of Care*. L. Baldassar and L. Merla (Eds.). London and Oxford: Routledge, pp. 94–109.
- Bos, P. 2017. "Relinquishment and Adoption in Tamil Society: Mothers' Experiences with De-Kinning." In *Reassembling Motherhood: Procreation and Care in a Globalized World*. Y. Ergas, J. Jensen and S. Michel (Eds.). New York: Columbia University Press, pp. 162–184.
- Bott, S., A. Morrison and M. Ellsberg. 2005. "Preventing and Responding to Gender-Based Violence in Middle and Low-Income Countries: A Global Review and Analysis." World Bank Policy Research Working Paper 3618. Washington, DC: World Bank.
- Bove, R. and C. Vaggia. 2009. "Polygyny and Women's Health in Sub-Saharan Africa." *Social Science and Medicine* 68 (1), pp. 21–29.
- Bowcott, O. 2019. "No-Fault Divorce to Become Law." *The Guardian*, 8 February. Accessed 3 June 2019. <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/feb/08/no-fault-divorce-to-become-the-law>
- Bradley, T. and S. Pallikadavath. 2013. "Dowry and Women's Lives in Kerala: What Has Changed in a Decade?" *Contemporary South Asia* 21 (4), pp. 444–461.
- Bradshaw, A. and A. Q. Viquez. 2008. "Women Beneficiaries or Women Bearing the Cost? A Gendered Analysis of the *Red de Protección Social* in Nicaragua." *Development and Change* 39 (5), pp. 823–844.
- Bradshaw, S., S. Chant and B. Linneker. 2018. "Challenges and Changes in Gendered Poverty: The Feminization, De-Feminization and Re-Feminization of Poverty in Latin America." *Feminist Economics* 25 (1), pp. 119–144.
- Brah, A. and A. Phoenix. 2004. "Ain't I a Woman? Revisiting Intersectionality." *Journal of International Women's Studies* 5 (3), pp. 75–86.
- Brickell, K. 2017. "Domestic Violence Law in Cambodia: Towards an Enabling Environment." Background paper prepared for the *Progress of the World's Women Report 2019–2020 and Turning Promises into Action: Gender Equality in the 2030 Agenda for Sustainable Development*. New York: UN Women.
- Brown, C., M. Ravallion and D. van de Walle. 2017. "Are Poor Individuals Mainly Found in Poor Households? Evidence Using Nutrition Data from Africa." Policy Research Working Paper 8001. Washington, DC: Development Research Group, Human Development and Public Services Team and World Bank Group.
- Bryceson, D. F. 2000. "Peasant Theories and Smallholder Policies: Past and Present." In *Disappearing Peasantries? Rural Labour in Latin America, Asia and Africa*. D. F. Bryceson, V. Jamal and J. Mooij (Eds.). London: Intermediate Technology Publications, pp. 1–35.
- _____. 2002. "The Scramble in Africa: Reorienting Rural Livelihoods." *World Development* 30 (5), pp. 725–39.
- _____. 2018. "Agrarian Labour and Resources in Sub-Saharan Africa: Gender and Generational Change within Family Farms, 1980–2015." UN Women Discussion Paper Series No. 22. New York: UN Women.
- _____. and U. Vuroela (Eds.). 2002. *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*. Oxford: Berg Publishers.
- Bucagu, M., J. M. Kagubare, P. Basinga, F. Ngabo, B. K. Timmons and A. C. Lee. 2012. "Impact of Health Systems Strengthening on Coverage of Maternal Health Services in Rwanda, 2000–2010: A Systematic Review." *Reproductive Health Matters* 20 (39), pp. 50–61.
- Budig, M. J. 2014. "The Fatherhood Bonus and the Motherhood Penalty: Parenthood and the Gender Gap in Pay." *Third Way Next*. Accessed 1 September 2018. https://www.west-info.eu/children-boost-fathers-career-but-damage-mothers/next_-_fatherhood_motherhood/.
- _____. and P. England. 2001. "The Wage Penalty of Motherhood." *American Sociological Review* 66 (2), pp. 204–225.
- _____. and N. Folbre. 2004. "Activity, Proximity, or Responsibility? Measuring Parental Childcare Time." In *Family Time: The Social Organization of Care*. M. Budig and N. Folbre (Eds.). London: Routledge, pp. 51–68.
- _____. and J. Misra. 2011. "How Care-Work Employment Shapes Earnings in Cross-National Perspective." *International Labour Review* 149 (4), pp. 441–460.
- Budlender, D. 1997. *The Debate about Household Headship*. Pretoria: Central Statistical Services.
- _____. 2010. *Time Use Studies and Unpaid Care Work*. Abingdon and New York: Routledge.
- _____. 2015. "Financial Support for Single Parents in Caring for Their Children: Private Child Support and Social Assistance." Paper prepared for UN Women and United Nations Children's Fund, Barbados.
- _____. 2018. Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- _____. and I. Woolard. 2006. *The Impact of the South African Child Support and Old Age Grants on Children's Schooling and Work*. Geneva: ILO.
- _____. and F. Lund. 2011. "South Africa: A Legacy of Family Disruption." *Development and Change* 42 (4), 925–946.
- Buecher, B. and J. R. Aniyamuzaala. 2015. *Women, Work & War: Syrian Women and the Struggle to Survive Five Years of Conflict*. Geneva: CARE International.
- Bureau of Labor Statistics. 2017. "American Time Use Survey Microdata." Accessed 26 March 2019. <https://www.bls.gov/tus/>.
- Buvinic, M. and E. Carey. 2019. "Leaving No One Behind: CRVS, Gender and the SDGs." Knowledge Briefs on Gender and CRVS, Brief 1, Paper 2. Ottawa: IDRC.
- Coarls, K., K. Haagsman, E. Kraus and V. Mazzucato. 2018. "African Transnational Families: Cross-Country and Gendered Comparisons." *Population, Space and Place* 24 (7).

- Cabella, W., M. F. Soto and V. Prieto. 2015. *Atlas Sociodemográfico y de la Desigualdad del Uruguay. Fascículo 6: Las Transformaciones de los Hogares Uruguayos Vistas a través de los Censos de 1996 y 2011*. Montevideo: Universidad de la República.
- Caldwell, J. C. 1978. "A Theory of Fertility: From High Plateau to Destabilization." *Population and Development Review* 4, pp. 553–77.
- Cammett, A. 2011. "Deadbeats, Deadbrokes and Prisoners." *Georgetown Journal on Poverty Law & Policy* XVIII (2), pp. 127–168.
- Cantillon, S. 2013. "Measuring Differences in Living Standards within Households." *Journal of Marriage and Family* 75 (3), pp. 598–610.
- Carr-Hill, R. 2013. "Missing Millions and Measuring Development Progress." *World Development* 46, pp. 30–44.
- Carroll, A. and L. R. Mendos. 2017. *State-Sponsored Homophobia 2017: A World Survey of Sexual Orientation Laws – Criminalisation, Protection and Recognition*. Geneva: ILGA.
- Case, A. 2001. "Does Money Protect Health Status? Evidence from South African Pensions." NBER Working Paper 8595. Cambridge, MA: NBER.
- Casey, T. and L. Maldonado. 2012. *Worst Off – Single-Parent Families in the United States: A Cross-National Comparison of Single-Parenthood in the US and 16 other High-Income Countries*. New York: Legal Momentum, The Women's Legal Defense and Education Fund.
- Casterline, J. B. and S. Agyei-Mensah. 2017. "Fertility Desires and the Course of Fertility Decline in Sub-Saharan Africa." *Population and Development Review* 43, pp. 84–111.
- Castle, S. 2004. "Factors Influencing Young Malians' Reluctance to Use Hormonal Contraceptives." *Studies in Family Planning* 34, pp. 186–199.
- Castro-Martin, T. 1995. "Women's Education and Fertility: Results from 26 Demographic and Health Surveys." *Studies in Family Planning* 26 (4), pp. 187–202.
- Cattapan, A., K. Hammond, J. Haw and L. A. Tarasoff. 2014. "Breaking the Ice: Young Feminist Scholars of Reproductive Politics Reflect on Egg Freezing." *IJFAB: International Journal of Feminist Approaches to Bioethics* 7 (2), pp. 236–247.
- Centre of Excellence for CRVS Systems. 2019a. *Leave no one behind: CRVS, gender and the SDGs*. Knowledge Briefs on Gender and CRVS, Brief 1, Paper 2. Ottawa, Canada: International Development Research Centre.
- _____. 2019b. *Making the invisible visible: How strong CRVS systems can empower women and girls*. Knowledge Briefs on Gender and CRVS, Brief 1, Paper 1. Ottawa, Canada: International Development Research Centre.
- Center for Migration Studies. 2017. *In Search of Protection: Unaccompanied Minors in Italy*. Accessed 3 May 2019. <https://cmsny.org/publications/2018smc-cse-uam/>.
- Centro de Tecnologias Alternativas da Zona da Mata. 2018. "Mulheres e Agroecologia apresentam: Cadernetas Agroecológicas, um instrumento político-pedagógico." Accessed 22 April 2019. <https://ctazm.org.br/bibliotecas/cartilha-cadernetas-agroecologicas-267.pdf>.
- CEPAL (Comisión Económica para América Latina y el Caribe). 2018. "Tiempo de Trabajo no Remunerado según Quintiles y Sexo." CEPALSTAT. Accessed 13 March 2019. http://estadisticas.cepal.org/cepalstat/WEB_CEPALSTAT/busqueda.asp?string_búsqueda=Poblaci%F3n.
- Chang, F., Y. Shi, A. Shen, A. Kohrman, K. Li, Q. Wan, K. Kenny and S. Rozelle. 2019. "Understanding the Situation of China's Left-Behind Children: A Mixed-Methods Analysis." *The Developing Economies*. Accepted author manuscript.
- Chang, H., X-Y Dong and F. MacPhail. 2017. "Labor Migration and the Provision and Utilization of Childcare in Rural China." Unpublished manuscript.
- Chant, S. 1997. *Women-Headed Households: Diversity and Dynamics in the Developing World*. Basingstoke, Hampshire and London: Palgrave Macmillan.
- _____. 2000. "Men in Crisis? Reflections on Masculinities, Work and Family in North-West Costa Rica." *The European Journal of Development Research* 12 (2), pp. 199–218.
- _____. 2002. "Researching Gender, Families and Households in Latin America: From the 20th into the 21st Century." *Bulletin of Latin American Research* 21 (4), pp. 545–575.
- _____. 2003. "Female Household Headship and the Feminisation of Poverty: Facts, Fictions and Forward Strategies." New Working Paper Series 9. London: Gender Institute, London School of Economics and Political Science.
- _____. 2007. *Gender, Generation and Poverty: Exploring the 'Feminisation of Poverty' in Africa, Asia and Latin America*. Cheltenham: Edward Elgar.
- _____. 2008. "The 'Feminization of Poverty' and the 'Feminization' of Anti-Poverty Programmes: Room for Revision?" *Journal of Development Studies* 44 (2), pp. 165–97.
- _____. 2009a. "Dangerous Equations? How Female-Headed Households became the Poorest of the Poor: Causes, Consequences and Cautions." *IDS Bulletin* 35 (4), pp. 19–26.
- _____. 2009b. "The 'Feminisation of Poverty' in Costa Rica: To What Extent a Conundrum?" *Bulletin of Latin American Research* 28 (1), pp. 19–43.
- _____. 2016. "Female Household Headship as an Asset? Interrogating the Intersections of Urbanization, Gender and Domestic Transformations." In *Gender, Asset Accumulation and Just Cities: Pathways to Transformation*. C. Moser (Ed.). London and New York: Routledge, pp. 21–39.
- _____. and C. McIlwaine. 2016. *Cities, Slums and Gender in the Global South: Towards a Feminized Urban Future*. London: Routledge.
- Charlesworth, H. and C. Chinkin. 1991. "Feminist Approaches to International Law." *The American Journal of International Law* 85 (4), pp. 613–645.
- Charmes, J. 2015. *Time Use Across the World: Findings of a World Compilation of Time Use Surveys*. New York: Human Development Report Office.
- Chen-Lan Kuo, J., R. K. Raley. 2016. "Diverging Patterns of Union Transition among Cohabitors by Race-Ethnicity and Education: Trends and Marital Intentions." *Demography* 53 (4), pp. 921–935.
- Cherlin, A. 2010. "Demographic Trends in the United States: A Review of Research in the 2000s." *Journal of Marriage and Family* 72(3), pp. 403–419.
- _____. 2017. "Introduction to the Special Collection on Separation, Divorce, Repartnering, and Remarriage around the World." *Demographic Research* (37) 1, pp. 1275–1296.
- Cherlin, A. J. 2012. "Goode's 'World Revolution and Family Patterns': A Reconsideration at Fifty Years." *Population and Development Review* 38 (4), pp. 577–607.
- _____. 2014. *Labor's Love Lost: The Rise and Fall of the Working-Class Family in America*. New York: Russel Sage Foundation.
- _____. 2016. "A Happy Ending to a Half-Century of Family Change?" *Population and Development Review* 42 (1), pp. 121–129.
- Choi, J. 2006. "Derived Rights for Old-Age Income Security of Women." Social, Employment and Migration Working Paper 43. Paris: OECD.
- Choi, S. K. and I. H. Meyer. 2016. *LGBT Aging: A Review of Research Findings, Needs and Policy Implications*. Los Angeles, CA: Williams Institute, UCLA School of Law.
- Choi, Y. J. 2015. "Long-Term Care of Older Persons in the Republic of Korea." SDD-SPPS Project Working Papers Series: *Long-Term Care for Older Persons in Asia and the Pacific*. Bangkok: UN ESCAP.
- Chopra, D. and E. Zambelli. 2017. *No Time to Rest: Women's Lived Experiences of Balancing Paid Work and Unpaid Care Work*. Brighton, Sussex: IDS.

- Christi, M. and F. Hipsman. 2014. "Dramatic Surge in the Arrival of Unaccompanied Children Has Deep Roots and No Simple Solutions." *Online Journal of the Migration Policy Institute*. 13 June. Accessed 3 May 2019. <https://www.migrationpolicy.org/article/dramatic-surge-arrival-unaccompanied-children-has-deep-roots-and-no-simple-solutions>.
- Chung, C., K. Kim and N. Piper. 2016. "Preface: Marriage Migration in Southeast and East Asia Revisited through a Migration-Development Nexus Lens." *Critical Asian Studies* 48 (4), pp. 463–472.
- Chung, W. and M. Das Gupta. 2007. "The Decline of Son Preference in South Korea: The Roles of Development and Public Policy." *Population and Development Review* 33 (4), pp. 757–783.
- CIDOB (Barcelona Centre for International Affairs), and the MPG (Migration Policy Group). 2015. "Migrant Integration Policy Index (MIPEX)." Accessed 26 March 2019. <http://www.mipex.eu/>.
- Clark, C. J., J. Silverman, I. A. Khalaf, B. A. Ra'ad et al. 2008. "Intimate Partner Violence and Interference with Women's Efforts to Avoid Pregnancy in Jordan." *Studies in Family Planning* 39 (20), pp. 123–132.
- Clark, S., S. Madhavan, C. Cotton, D. Beyuy and C. Kabiru. 2017. "Who Helps Single Mothers in Nairobi? The Role of Kin Support." *Journal of Marriage and Family* 79, pp. 1186–1204.
- Cleeve, A., E. A. Faxelid, G. Nalwadda and M. Klingberg-Allvin. 2017. "Abortion as Agentive Action: Reproductive Agency among Young Women Seeking Post-Abortion Care in Uganda." *Culture, Health and Sexuality* 19 (1), pp. 1–15.
- Coast, E., S. Randall, V. Golaz and B. Gnoumou. 2011. "Problematic Polygamy: Implications of Changing Typologies and Definitions of Polygamy." Paper presented at the Sixth African Population Conference on African Population: Past, Present and Future. Ouagadougou, Burkina Faso. 5–9 December.
- Coates, T. 2017. *We Were Eight Years in Power: An American Tragedy*. New York: One World Publishing.
- COE (Council of Europe). 2011. *Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence*. Council of Europe Treaty Series No. 210. 11.V.2011.
- _____. 2014. "Istanbul Convention: Action against Violence against Women and Domestic Violence." Accessed 9 May 2019. <https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention/home?desktop=true>.
- Coe, C. 2011. "What Is Love? The Materiality of Care in Ghanaian Transnational Families." *International Migration* 49 (6), pp. 7–24.
- Connell, R. W. 2005. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- Connelly, R., X-D Dong, J. Jacobsen and Y. Zhao. 2018. "The Care Economy in Post-Reform China: Feminist Research on Unpaid and Paid Work and Well-Being." *Feminist Economics* 24 (2), pp. 1–30.
- Constable, N. 2005. *Cross-Border Marriages: Gender and Mobility in Transnational Asia*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Constitution of Kenya. 2010. Kenya Law. Accessed 10 May 2019. <http://www.kenyalaw.org/lex/actview.xql?actid=Const2010>.
- Cook, D., M. Burton, A. Robinson and C. Vallely. 2004. *Evaluation of Specialist Domestic Violence Courts/Fast Track Systems*. London: Crown Prosecution Service.
- Cook, S. and X-Y Dong. 2011. "Harsh Choices: Women's Paid Work and Unpaid Care Responsibilities under Economic Reform." *Development and Change* 42 (4), pp. 947–965.
- Cookson, T. 2018. *Unjust Conditions: Women's Work and the Hidden Costs of Cash Transfers*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Coontz, S. 2005. *Marriage, a History: From Obedience to Intimacy, or How Love Conquered Marriage*. New York: Viking Penguin.
- Cooper, E. 2010. "Inheritance and the Intergenerational Transmission of Poverty in Sub-Saharan Africa: Policy Considerations." Chronic Poverty Research Centre Working Paper No. 159. Accessed 9 May 2019. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1719673.
- Corrales, J. 2011. "Brazil's Recognition of Same-Sex Unions." *Americas Quarterly*. 16 May. Accessed 9 May 2019. <http://www.americasquarterly.org/node/2528>.
- _____. and M. Pecheny (Eds.). 2010. *The Politics of Sexuality in Latin America: A Reader on Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Rights*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Covarrubias, A. 2013. "Social Norms and Women's Participation in Salaried Employment: The Case of Tehuacán, Mexico." *Bulletin of Latin American Research* 32 (1), pp. 17–31.
- Covre-Sussai, M., B. Meuleman, S. Botterman and K. Matthijs. 2015. "Traditional and Modern Cohabitation in Latin America: A Comparative Typology." *Demographic Research* 32, pp. 873–914.
- Crawley, H., S. McMahon and K. Jones. 2016. *Victims and Villains: Migrant Voices in the British Media*. Coventry, UK: Centre for Trust, Peace, and Social Relations.
- Crenshaw, K. 1991. "Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color." *Stanford Law Review* 43 (6): 1241–1299.
- Cuban, S. 2018. "A Stratified Analysis of the ICT-Based Communicative Practices and Networks of Migrant Women." *Migration and Development* 7 (1), pp. 124–141.
- Cuesta, L. and D. R. Meyer. 2014. "The Role of Child Support in the Economic Wellbeing of Custodial-Mother Families in Less Developed Countries: The Case of Colombia." *International Journal of Law, Policy and the Family* 28, pp. 60–76.
- Cummins, D. 2017. *Teenage Pregnancy and Early Marriage in Timor-Leste*. Dili, Timor-Leste: UNFPA and Plan International.
- Damir-Geilsdorf, S. and M. Sabra. 2018. "Disrupted Families. The Gender Impact of Family Reunification Policies on Syrian Refugees in Germany." UN Women Discussion Paper Series No. 23. New York: UN Women.
- De Haas, H. 2011. "The Determinants of International Migration: Conceiving and Measuring Origin, Policy and Destination Effects." IMI Working Paper 32. Oxford: IMI, University of Oxford.
- _____. 2014. "Migration Theory: Quo Vadis?" IMI Working Paper 100. IMI, University of Oxford.
- _____. and A. Van Rooij. 2010. "Migration as Emancipation? The Impact of Internal and International Migration on the Position of Women Left Behind in Rural Morocco." *Oxford Development Studies* 38 (1), pp. 43–62.
- De Haas, H., M. Czaika, M-L Flahaux, E. Mahendra, K. Natter, S. Vezzoli and M. Villares-Varela. 2018. "International Migration: Trends, Determinants and Policy Effects." IMI Working Paper 142. Oxford: IMI, University of Oxford.
- De Lange, M. and J. Dronkers. 2018. "Single Parenthood and Children's Educational Performance: Inequality among Families and Schools." In *The Triple Bind of Single-Parent Families: Resources, Employment and Policies to Improve Well-Being*. R. Nieuwenhuis and L. C. Maldonado (Eds.). Bristol, UK: Polity Press, pp. 125–143.
- De Vaus, D., M. Grey, L. Qu and D. Stanton. 2015. "The Economic Consequences of Divorce in Six OECD Countries." Research Report No. 31. Melbourne: Australian Institute of Family Studies.
- De Vos, S. 1999. "Comment of Coding Marital Status in Latin America." *Journal of Comparative Family Studies* 30 (1), pp. 79–93.
- _____. 2012. "On the Role of the Extended Family in Helping to Pay for the Household Expenses of Unmarried Older Women (60+) in Latin America and the Caribbean." *Journal of Comparative Family Studies* 43 (6), pp. 787–809.
- Debuysere, L. 2016. "Tunisian Women at the Crossroads: Antagonism and Agonism between Secular and Islamist Women's Rights Movements in Tunisia." *Mediterranean Politics* (21) 2, pp. 226–245.
- Deere, C. D. 2018. "¿Dueñas o Jefas de Hogar? Analizando la Desigualdad de Género en la Propiedad de Activos en América Latina." *Cuestiones Económicas*, 28.
- _____. and M. Leon. 2003. "The Gender Asset Gap: Land in Latin America." *World Development* 31 (6), pp. 925–947.
- _____. and C. Doss. 2006. "The Gender Asset Gap: What Do We Know and Why Does It Matter?" *Feminist Economics* 12 (1–2), pp. 1–50.
- _____. G. E. Alvarado and J. Twyman. 2012. "Gender Inequality in Asset Ownership in Latin America: Female Owners vs Household Heads." *Development and Change* 43 (2), pp. 505–530.

- _____ and J. Twyman. 2012. "Asset Ownership and Egalitarian Decision-Making in Dual-Headed Households in Ecuador." *Review of Radical Political Economics* 44 (3), pp. 313–320.
- _____, A.D. Oduro, H. Swaminathan and C. Doss. 2013. "Property Rights and the Gender Distribution of Wealth in Ecuador, Ghana and India." *Journal of Economic Inequality* 11, pp. 249–265.
- Dhillon, N. 2008. "On the Record: The Middle-Eastern Marriage Crisis." Brookings. 11 July. Accessed 10 April 2019. <https://www.brookings.edu/on-the-record/the-middle-eastern-marriage-crisis/>.
- Digidiki, V. and J. Bhabha. 2016. *Emergency within Emergency: The Growing Epidemic of Sexual Exploitation and Abuse of Migrant Children in Greece*. Harvard University, Cambridge, MA: FXB Centre for Health and Human Rights.
- Dincu, I. and N. Malambo. 2019. "Making the Invisible Visible: How Strong CRVS Systems Can Empower Women and Girls." Knowledge Briefs on Gender and CRVS, Brief 1, Paper 1. Ottawa: IDRC.
- Dommaraju, P. 2016. "Divorce and Separation in India." *Population and Development Review* 42 (2), pp. 195–223.
- _____ and G. W. Jones. 2011. "Divorce Trends in Asia." *Asian Journal of Social Science* 39 (6), pp. 725–750.
- _____ and J. Tan. 2014. "Households in Contemporary Southeast Asia." *Journal of Comparative Family Studies* 45 (4), pp. 559–580.
- Donata, K. and D. Gabaccia. 2015. *Gender and International Migration*. New York: Russell Sage Foundation.
- _____. 2016. "The Global Feminization of Migration: Past, Present and Future." Migration Policy Institute. Accessed 5 February 2019. <https://www.migrationpolicy.org/article/global-feminization-migration-past-present-and-future>.
- Doss, C. 2006. "The Effects of Intrahousehold Property Ownership on Expenditure Patterns in Ghana." *Journal of African Economies* 15 (1), pp. 149–80.
- _____, C. D. Deere, A. D. Oduro, H. Swaminathan, Z. Catanzarite and J. Y. Suchitra. 2019. "Gendered Paths to Asset Accumulation? Markets, Savings, and Credit in Developing Countries." *Feminist Economics* 25 (2), pp. 36–66.
- _____, C. Kovarik, A. Peterman, A. Quisumbing and M. van den Bold. 2015. "Gender Inequalities in Ownership and Control of Land in Africa: Myth and Reality." *Agricultural Economics* 46, pp. 403–434.
- _____ and A. Quisumbing. 2018. "Gender, Household Behavior and Rural Development." IFPRI Discussion Paper 01772. Washington, DC: IFPRI.
- Dreby, J. 2007. "Children and Power in Mexican Transnational Families." *Journal of Marriage and Family* 69, pp. 1050–1064.
- _____. 2010. *Divided by Borders: Mexican Migrants and Their Children*. Oakland, CA: University of California Press.
- Driver, D., E. Fuller-Thomson and M. Minkler. 1997. "A Profile of Grandparents Raising Grandchildren in the United States." *The Gerontological Society of America* 37 (3), pp. 406–411.
- Du, F. and X-Y Dong. 2009. "Why Do Women Have Longer Durations of Unemployment than Men in Post-Restructuring Urban China?" *Cambridge Journal of Economics* 33, pp. 233–252.
- Dube, L. 1994. "Kinship and Gender in South and Southeast Asia: Patterns and Contrasts." 9th J.P. Naik Memorial Lecture. New Delhi, India: Centre for Women's Development Studies.
- Duffy, M. 2007. "Doing the Dirty Work: Gender, Race and Reproductive Labor in Historical Perspective." *Gender and Society* 21 (3), pp. 313–336.
- _____ and A. Armenia. Forthcoming. "Paid Care Work around the Globe: A Comparative Analysis of 47 Countries." UN Women Discussion Paper Series. New York: UN Women.
- Duffy, R. 2018. "From 1983 to 2018: A History of the Eighth Amendment." 1 April. Accessed 25 March 2019. <https://www.thejournal.ie/eighth-amendment-2-3924188-Apr2018/>.
- Duflo, E. 2003. "Grandmothers and Granddaughters: Old-Age Pensions and Intrahousehold Allocation in South Africa." *The World Bank Economic Review* 17 (1), pp. 1–25.
- Durso L. and G. Gates. 2013. "Best Practices: Collecting and Analyzing Data on Sexual Minorities." In *International Handbook on the Demography of Sexuality*. A. K. Baunle (Ed.). New York: Springer, pp. 1–42.
- Dutton, D. G. 1995. *The Domestic Assault of Women: Psychological and Criminal Justice Perspectives*. Vancouver: UBC Press.
- Duvvury, N., A. Callan, P. Carney and S. Raghavendra. 2013. "Intimate Partner Violence: Economic Costs and Implications for Growth and Development." Women's Voice, Agency, & Participation Research Series 2013 No. 3. Washington, DC: The World Bank.
- Dweck, E., A. L. Matos de Oliveira and P. Rossi (Eds.). 2018. *Austeridade e Retrocesso: Impactos Sociais da Política Fiscal No Brasil*. São Paulo: Brasil Debate e Fundação Friedrich Ebert.
- Dyson, S. 2012. "Preventing Violence against Women and Girls: From Community Activism to Government Policy." Working Paper. Bangkok: Partners for Prevention.
- Eekelaar, J. (Ed.). 2017. *Family rights and religion*. Oxon and New York: Routledge
- EHCR (European Court of Human Rights). 2010. Case of A, B and C v. Ireland. Application no. 25579/05.
- El Feki, S., B. Heilman and G. Barker (Eds.). 2017. *Understanding Masculinities: Results from the International Men and Gender Equality Survey in the Middle East and North Africa*. Cairo and Washington, DC: UN Women and Promundo-US.
- Ellingsæter, A. L. 2015. "Towards Universal Quality Early Childhood Education and Care: The Norwegian Model." In *An Equal Start? Providing Quality Early Education and Care for Disadvantaged Children*. L. Gambaro, K. Stewart and J. Waldfogel (Eds.). Bristol, UK: Policy Press, pp. 53–76.
- Elson, D. (Ed.). 1991. *Male Bias in the Development Process*. Manchester and New York: Manchester University Press.
- _____. 1995. "Male Bias in Macroeconomics: The Case of Structural Adjustment." In *Male Bias in the Development Process*. D. Elson (Ed.). Manchester: Manchester University Press, pp. 164–190.
- _____. 1998. "The Economic, the Political and the Domestic: Businesses, States and Households in the Organisation of Production." *New Political Economy* (3) 2, pp. 189–208.
- _____. 1999. "Labor Markets as Gendered Institutions: Equality, Efficiency and Empowerment Issues." *World Development* 27 (3), pp. 611–627.
- _____. 2005. *Unpaid Work, Millennium Development Goals and Capital Accumulation*. Presentation at Conference on Unpaid Work and the Economy. Annandale-on-Hudson: Levy Economics Institute, 1–3 October.
- End Violence Against Women Coalition. 2011. *A Different World is Possible: A Call for Long-Term and Targeted Action to Prevent Violence against Women and Girls*. London: End Violence Against Women Coalition.
- England, P. 2010. "The Gender Revolution: Uneven and Stalled." *Gender and Society* 24, pp. 149–166.
- _____, M. Budig and N. Folbre. 2002. "Wages of Virtue: The Relative Pay of Care Work." *Social Problems* 49 (4), pp. 455–473.
- Ergas, Y. 2013. "Babies without Borders: Human Rights, Human Dignity and the Regulation of International Commercial Surrogacy." *Emory International Review* 27, pp. 13.
- _____. 2017. "Pregnant Bodies and the Subjects of Rights: The Surrogacy-Abortion Nexus." In *Reassembling Motherhood: Procreation and Care in a Globalized World*. Y. Ergas, J. Jenson and S. Michel (Eds.). New York, NY: Columbia University Press, pp. 99–124.
- _____. Undated. Surrogacy between employment and exploitation.
- _____, J. Jenson and S. Michel. 2017. "Introduction: Negotiating 'Mother' in the Twenty-first Century." In *Reassembling Motherhood: Procreation and Care in a Globalized World*. Y. Ergas, J. Jenson and S. Michel (Eds.). New York: Columbia University Press, pp. 1–16.
- Ertürk, Y. and B. Purkayastha. 2012. "Linking Research, Policy and Action: A Look at the Work of the Special Rapporteur on Violence against Women." *Current Sociology* 60 (2), pp. 142–160.

- Esping-Andersen, G. 2007. "Sociological Explanations of Changing Income Distributions." *American Behavioral Scientist* 50 (5), pp. 639–658.
- _____. 2016. *Families in the 21st Century*. Stockholm: SNS Förlag.
- _____. and F. C. Billari. 2015. "Re-theorizing Family Demographics." *Population and Development Review* 41 (1), pp. 1–31.
- Esteve, A., C. Cortina and A. Cabre. 2009. "Long Term Trends in Marital Age Homogamy Patterns: Spain, 1922–2006." *Population* 64 (1), pp. 173–202.
- _____. J. García-Román and R. Lesthaeghe. 2012. "The Family Context of Cohabitation and Single Motherhood in Latin America." *Population and Development Review* 38 (4), pp. 707–727.
- _____. and R. J. Lesthaeghe (Eds.). 2016. *Cohabitation and Marriage in the Americas: Geo-Historical Legacies and New Trends*. Cham: Springer International Publishing AG.
- _____. R. J. Lesthaeghe, A. López-Gay and J. García-Román. 2016. "The Rise of Cohabitation in Latin America and the Caribbean, 1970–2011." In *Cohabitation and Marriage in the Americas: Geo-Historical Legacies and New Trends*. A. Esteve and R. Lesthaeghe (Eds.). Cham, Switzerland: Springer International Publishing AG, pp. 50–51.
- _____. C. Saavedra, J. López-Colás, A. López-Gay and R. J. Lesthaeghe. 2016. "The Boom of Cohabitation in Colombia and in the Andean Region: Social and Spatial Patterns." In *Cohabitation and Marriage in the Americas: Geo-Historical Legacies and New Trends*. A. Esteve and R. J. Lesthaeghe (Eds.). Cham, Switzerland: Springer International Publishing AG, pp. 187–215.
- European Commission. 2012. *Exchange of Good Practice on Gender Equality: Awareness-Raising Activities to Fight Violence against Women and Girls – Summary Report*. Brussels: European Commission.
- Ezeh, A. C., B. U. Mberu and J. O. Emina. 2009. "Stall in Fertility Decline in Eastern African Countries: Regional Analysis of Patterns, Determinants and Implications." *Philosophical Transactions of The Royal Society B Biological Sciences* 364, pp. 2991–3007.
- Fafchamps, M., B. Kebede and A. Quisumbing. 2009. "Intrahousehold Welfare in Rural Ethiopia." *Oxford Bulletin of Economics and Statistics* 71 (4), pp. 567–599.
- Faith Survey. Undated. "Irish Census (2016): Measuring Religious Adherence in Ireland." Accessed 25 March 2019. <https://faithsurvey.co.uk/irish-census.html>.
- FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nations). 2017. "World Programme for the Census of Agriculture 2020: Volume 1 Programme, Concepts and Definitions." FAO Statistical Development Series 15. Rome: FAO.
- _____. 2019. "Gender and Land Rights Database." Accessed 11 April 2019. www.fao.org/gender-landrights-database.
- Fariás, A. M. 2017. "Servicios de Cuidado Infantil y Educación Inicial, Chile." Background paper prepared for the Research and Data Section. New York: UN Women.
- Farmer, D. B., L. Berman, G. Ryan, L. Habumugisha et al. 2015. "Motivations and Constraints to Family Planning: A Qualitative Study in Rwanda's South Kayonza District." *Global Health: Science and Practice* 13 (2), pp. 242–254.
- Fenske, J. 2011. "African Polygamy: Past and Present." *Journal of Development Economics* 117, pp. 58–73.
- Fernández, B. 2017. "Reconfiguring Care Relationships. Ethiopian Migrants in Australia and Lebanon." UN Women Discussion Paper Series No. 17. New York: UN Women.
- Ferrant, G. and M. Tuccio. 2015. "How Do Female Migration and Gender Discrimination in Social Institutions Mutually Influence Each Other?" OECD Development Centre Working Paper No. 326. Paris: OECD.
- Ferree, M. M. 1990. "Beyond Separate Spheres: Feminism and Family Research." *Journal of Marriage and the Family* 52 (4), pp. 866–884.
- Field, E. and A. Ambrus. 2008. "Early Marriage, Age of Menarche, and Female Schooling Attainment in Bangladesh." *Journal of Political Economy* 116 (5), pp. 881–930.
- Field, R. 2006. "Using the Feminist Critique of Mediation to Explore 'The Good, The Bad and The Ugly': Implications for Women of the Introduction of Mandatory Family Dispute Resolution in Australia." *Australian Journal of Family Law* 20 (5), pp. 45–78.
- Filgueira, F. and J. Martínez Franzoni. 2017. "The Divergence in Women's Economic Empowerment: Class and Gender under the Pink Tide." *Social Politics* 24 (4), pp. 370–398.
- Fineman, M. A. 2017. "Care and Gender." In *Reassembling Motherhood: Procreation and Care in a Globalized World*. Y. Ergas, J. Jenson and S. Michel (Eds.). New York: Columbia University Press, pp. 202–222.
- _____. and R. Mykitiuk. 1994. *The Public Nature of Private Violence: The Discovery of Domestic Abuse*. New York and London: Routledge.
- Fisher, K., J. Gershuny, S. M. Flood, J. Garcia Roman and S. L. Hofferth. 2017. "Multinational Time Use Study Extract System: Version 1.1 [Dataset]." University of Minnesota, Minneapolis, MN. Accessed 10 May 2019. <https://doi.org/10.18128/D062.V1.1>.
- Flood, M. 2015. "Work with Men to End Violence against Women: A Critical Stocktake." *Culture, Health & Sexuality* 17 (S2), pp. S159–S176.
- Folbre, N. 1986. "Hearts and Spades: Paradigms of Household Economics." *World Development* 14 (2), pp. 245–255.
- _____. 1994. "Children as Public Goods." *The American Economic Review* 84 (2), pp. 86–90.
- _____. 1997. *Gender Coalitions: Extrafamily Influences on Intrafamily Inequality – Intrahousehold Resource Allocation in Developing Countries*. Baltimore, MA: Johns Hopkins University Press.
- _____. 2001. *The Invisible Heart: Economics and Family Values*. New York: The New Press.
- _____. 2006. "Demanding Quality: Worker/Consumer Coalitions and 'High Road' Strategies in the Care Sector." *Politics and Society* 34(1), pp. 1–21.
- _____. 2009. *Greed, Lust and Gender: A History of Economic Ideas*. Oxford: Oxford University Press.
- _____. 2012a. "Discouraged Dads." *The New York Times*, 23 July. Accessed 8 February 2019. <https://economix.blogs.nytimes.com/2012/07/23/discouraged-dads/>.
- _____. 2012b. "Introduction." In *For Love and Money: Care Provision in the United States*. N. Folbre (Ed.). New York: Russell Sage Foundation, pp. xi–xvii.
- _____. 2018. *Developing Care: Recent Research on the Care Economy and Economic Development*. Ottawa: IDRC, Hewlett Foundation and UKAid.
- _____. and M. Abel. 1989. "Women's Work and Women's Households: Gender Bias in the U.S. Census." *Social Research* 56 (3), pp. 545–569.
- _____. and S. Razavi. 2011. "Reflections: Nancy Folbre Interviewed by Shaha Razavi." *Development and Change* 42 (1), pp. 315–329.
- _____. and J. Yoon. 2007. "What is Child Care? Lessons from Time-Use Surveys of Major English-Speaking Countries." *Review of Economics of the Household* 5 (3), pp. 223–248.
- Fonseca, C. 1991. "Spouses, Siblings and Sex-linked Bonding: A Look at Kinship Organisation in a Brazilian Slum." In *Family, Household and Gender Relations in Latin America*. E. Jelin (Ed.). London and Paris: Kegan Paul International and UNESCO, pp. 133–160.
- _____. 2004. "The Circulation of Children in a Brazilian Working-Class Neighborhood: A Local Practice in a Globalized World." In *Cross-Cultural Approaches to Adoption*. B. Fiona (Ed.). London and New York: Routledge, pp. 185–201.
- Fouratt, C. 2017. "Transnational Families, Care Arrangements and the State in Costa Rica and Nicaragua." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- FRA (European Union Agency for Fundamental Rights). 2014. *Violence against Women: An EU-Wide Survey*. Luxembourg: FRA.
- Fraser, N. 1989. *Unruly Practices: Power, Discourse and Gender in Contemporary Social Theory*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

- _____. 1994. "After the Family Wage: Gender Equality and the Welfare State." *Political Theory* 22 (4), pp. 591–618.
- _____, H. M. Dahl, P. Stoltz and R. Willis. 2004. "Recognition, Redistribution and Representation in a Capitalist Global Society: An Interview with Nancy Folbre." *Acta Sociologica* 47 (4), pp. 374–382.
- _____ and L. Gordon. 1994. "A Genealogy of Dependency: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State." *Signs: Journal of Women, Culture and Society* 19 (2), pp. 309–336.
- Freedman, J. 2016. "Sexual and Gender-Based Violence against Refugee Women: A Hidden Aspect of the Refugee 'Crisis'." *Reproductive Health Matters* 24 (47), pp. 18–26.
- Friedman, E. (Ed.). 2019. *Seeking Rights from the Left: Gender, Sexuality and the Latin American Pink Tide*. Durham: Duke University Press.
- Fuller, C. J. and H. Narasimhan. 2008. "Companionate Marriage in India: The Changing Marriage System in a Middle-Class Brahman Subcaste." *Journal of the Royal Anthropological Institute* 14 (4), pp. 736–754.
- Fulu, E. 2017. "The Current Evidence Base Linking Gender Inequality and Discrimination with Violence against Women." Background Paper for *Progress of the World's Women 2019–2020*. UN Women: New York.
- _____ and L. Heise. 2014. "State of the Field of Research on Violence against Women and Girls." What Works to Prevent Violence against Women and Girls Evidence Reviews Paper 1. London: DFID.
- _____ and S. Miedema. 2015. "Violence against Women: Globalizing the Integrated Ecological Model." *Violence Against Women* 21 (12), pp. 1431–1455.
- _____, X. Warner, S. Miedema, R. Jewkes, T. Roselli and J. Lang. 2013. *Why Do Some Men Use Violence against Women and How Can We Prevent it? Quantitative Findings from the United Nations Multi-Country Study on Men and Violence in Asia and the Pacific*. Bangkok: UNDP, UNFPA, UN Women and UNV.
- Fundo Nacional de Desenvolvimento da Educação. 2017. Programa Nacional de Alimentação Escolar (PNAE). Agricultura Familiar. "Aquisição De Produtos Da Agricultura Familiar Para O Programa Nacional De Alimentação Escolar." Accessed 25 March 2019. <https://www.fn-de.gov.br/programas/pnae/pnae-eixos-de-atuacao/pnae-agricultura-familiar>.
- Gadalla, T. M. 2008. "Gender Differences in Poverty Rates after Marital Dissolution: A Longitudinal Study." *Journal of Divorce & Remarriage* 49 (3–4), pp. 225–238.
- Gaffney-Rhys, R. 2011. "Polygamy and the Rights of Women." *Women in Society* 1, pp. 2–17.
- Gambaro, L., K. Stewart and J. Waldfogel (Eds.). 2014. *An Equal Start? Providing Quality Early Education and Care for Disadvantaged Children*. Bristol, UK: Policy Press.
- Gammage, S., N. Kabeer and Y. van der Meulen Rodgers. 2016. "Voice and Agency: Where are We Now?" *Feminist Economics* 22 (1), pp. 1–29.
- Ganatra, B. (WHO), C. Gerdtts, C. Rossier, B. R. Johnson et al. 2017. "Global, Regional and Subregional Classification of Abortions by Safety, 2010–14: Estimates from a Bayesian Hierarchical Model." *The Lancet* 390 (10110), pp. 2372–2381.
- García, B. and O. de Oliveira. 2011. "Family Changes and Public Policies in Latin America." *Annual Review of Sociology* 37 (1), pp. 593–611.
- Gates, G. 2010. "Same-Sex Couples in US Census Bureau Data: Who Gets Counted and Why." CCPR Population Working Papers 2010–2014. Los Angeles, CA: CCPR.
- _____. 2013. "Geography of the LGBT Population." In *International Handbook on the Demography of Sexuality*. A. K. Baumle (Ed.). New York: Springer, pp. 229–242.
- Gateway to Global Aging. Undated. "A Platform for Population Survey Data on Aging around the World." Accessed 22 March 2019. <https://g2aging.org/index.php>.
- Gauthier, A. H., T. M. Smeeding and F. F. Furstenberg. 2004. "Are Parents Investing Less Time in Children? Trends in Selected Industrialized Countries." *Population and Development Review* 30 (4), pp. 647–671.
- Gayle, D. 2018. "Unhappy Marriage Not Grounds for Divorce, Supreme Court Rules." *The Guardian*, 25 July. Accessed 10 May 2019. <https://www.theguardian.com/law/2018/jul/25/supreme-court-rules-unhappy-marriage-not-grounds-for-divorce-tini-hugh-owens>.
- Geiger, A. and G. Livingston. 2017. "8 Facts about Love and Marriage in America." Pew Research Center, 13 February. Accessed 10 May 2019. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/13/8-facts-about-love-and-marriage/>.
- Gelles, R. J. and M. A. Straus. 1979. "Determinants of Violence in the Family: Toward a Theoretical Integration." In *Contemporary Theories about the Family*. W. R. Burr, R. Hill, F. I. Nye and I. L. Reiss (Eds.). New York: Free Press, pp. 549–581.
- Ghosh, J. 2016. "Time Poverty and the Poverty of Economics." *METU Studies in Development* 43(1), pp. 1–19.
- _____. 2018. "The Economic Consequences of Marriage Dissolution for Women." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- Gioli, G., A. Maharajan and M. Gurun. 2017. "Neither Heroines Nor Victims: Women Migrant Workers and Changing Family and Community in Nepal." UN Women Discussion Paper Series No. 18. New York: UN Women.
- GIZ (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit). 2016. "ICT4Refugees: A Report on the Emerging Landscape of Digital Responses to the Refugee Crisis." Bonn and Eschborn: GIZ.
- Gladwin Mtshali, M. N. 2015. "The Relationship Between Grandparents and Their Grandchildren in the Black Families in South Africa." *Journal of Comparative Family Studies* 46 (1), pp. 75–83.
- Golash-Boza, T. 2014. "Forced Transnationalism: Transnational Coping Strategies and Gendered Stigma among Jamaican Deportees." *Global Networks* 14 (1), pp. 63–79.
- Goldblatt, B. 2008. "Different Routes to Relationship Recognition Reform: A Comparative Discussion Of South Africa and Australia." LSAANZ (Law and Society Association Australia and New Zealand) Conference. '(h)ither Human Rights' 10–12 December, University of Sydney.
- Goldscheider, F., E. Bernhardt and T. Lappegard. 2015. "The Gender Revolution: A Framework for Understanding Changing Family and Demographic Behavior." *Population and Development Review* 41 (2), pp. 207–239.
- González de la Rocha, M. 2007. "The Construction of the Myth of Survival." *Development and Change*, 38 (1), pp. 45–66.
- González, L. and T. K. Viitanen. 2006. "The Effect of Divorce Laws on Divorce Rates in Europe." IZA Discussion Paper Series 2023. Bonn: IZA.
- Goode, W. J. 1970. *World Revolutions and Family Patterns*. New York: Free Press.
- Goody, J. and S. J. Tambiah. 1973. *Bridewealth and Dowry*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Government of Brazil. 2018. "Produção Rural. Agricultura Familiar do Brasil é 8a Maior Productora de Alimentos do Mundo." 21 June. Accessed 22 April 2019. <http://www.brasil.gov.br/noticias/economia-e-financas/2018/06/agricultura-familiar-brasileira-e-a-8a-maior-produtora-de-alimentos-do-mundo>.
- Government of Ghana. Undated. "Government to reduce Wage Bills by 2017." Accessed December 2018. <http://www.ghana.gov.gh/index.php/news/3234-government-to-reduce-wage-bills-by-2017>.
- Government of Ireland. 2018. *Thirty-sixth Amendment of the Constitution Act 2018*.
- Government of the United Kingdom. Parliament. House of Lords. 2006. "Judgements: Miller (Appellant) v Miller (Respondent) and McFarlane (Appellant) v McFarlane (Respondent)." [2006] UKHL 24. Accessed 10 May 2019. <https://publications.parliament.uk/pa/ld200506/ldjudgmt/jd060524/mill-1.htm>.
- Government of the United Kingdom. 2019. "Intestacy: Who inherits If Someone Dies without a Will?" Accessed 20 March 2019. <https://www.gov.uk/inherits-someone-dies-without-will>.

- Grace, K. T. and C. Fleming. 2016. "A Systematic Review of Reproductive Coercion in International Settings." *World Medical Health Policy* 8 (4), pp. 382–408.
- Graefe, D. R. and D. T. Lichter. 2007. "When Unwed Mothers Marry." *Journal of Family Issues* 28 (5), pp. 595–622.
- Gram, L., J. Morrison, N. Saville, S. S. Yadav, B. Shrestha, D. Manandhar, A. Costello and J. Skordis-Worrall. 2018. "Do Participatory Learning and Action Women's Groups Alone or Combined with Cash or Food Transfers Expand Women's Agency in Rural Nepal?" *The Journal of Development Studies*, pp. 1–17.
- _____. J. Skordis-Worrall, J. Mannell, D. S. Manandhar, N. Saville and J. Morrison. 2018. "Revisiting the Patriarchal Bargain: The Inter-generational Power Dynamics of Household Money Management in Rural Nepal." *World Development* 112, pp. 193–204.
- _____. J. Skordis-Worrall, N. Saville, D.S. Manandhar, N. Sharma and J. Morrison. 2019. "'There is No Point Giving Cash to Women Who Don't Spend It the Way They Are Told to Spend It': Exploring Women's Agency over Cash in a Combined Participatory Women's Groups and Cash Transfer Programme to Improve Low Birth-weight in Rural Nepal." *Social Science and Medicine* 221, pp. 9–18.
- Gray, A. 2005. "The Changing Availability of Grandparents as Carers and its Implications for Childcare Policy in the UK." *Journal of Social Policy* 34 (4), pp. 557–577.
- Greene, M. 1991. "The Importance of being Married: Marriage Choice and its Consequences in Brazil." PhD Dissertation, University of Pennsylvania.
- Greenwood, J., N. Guner, G. Kocharkov and C. Santos. 2014. "Marry Your Like: Assortative Mating and Income Inequality." NBER Working Paper 19829. Cambridge, MA: NBER.
- Greig, A., T. Shahrokh and S. Preetha. 2015. "We Do It Ourselves: Nijera Kori and the Struggle for Economic and Gender Justice in Bangladesh." EMERGE Case Study 2. Promundo-US, Sonke Gender Justice and the Institute of Development Studies.
- Grinspun, A. 2016. "No Small Change: The Multiple Impacts of the Child Support Grant on Child and Adolescent Well-Being." In *South African Child Gauge*. A. Delany, S. Jehoma and L. Lake (Eds.). Cape Town: Children's Institute, University of Cape Town, pp. 24–32.
- GSMA. 2018. *The Mobile Gender Gap Report: 2018*. GSMA Connected Women Programme. London: GSMA.
- Guedes, A., S. Bott, C. Garcia-Moreno and M. Colombini. 2016. "Bridging the Gaps: A Global Review of Intersections of Violence against Women and Violence against Children." *Global Health Action* 9 (1).
- Guerra, M., C. P. Ferri, M. Fonseca, S. Banerjee and M. Prince. 2011. "Helping Carers to Care: The 10/66 Dementia Research Group's Randomized Control Trial of a Caregiver Intervention in Peru." *Revista Brasileira de Psiquiatria* 33 (1), pp. 47–54.
- Guinto, R. L. L. R., U. Z. Curran, R. Suphanchaimat and N. S. Pocock. 2015. "Universal Health Coverage in 'One ASEAN': Are Migrants Included?" *Global Health Action* 8, pp. 1–16.
- Guryan, J., E. Hurst and M. Kearney. 2008. "Parental Education and Parental Time with Children." *Journal of Economic Perspectives* 22 (3), pp. 23–46.
- Haas, L. 2003. "Parental Leave and Gender Equality: Lessons from the European Union." *Review of Policy Research* 20 (1), pp. 89–114.
- Haberland, N. A. 2015. "The Case for Addressing Gender and Power in Sexuality and HIV Education: A Comprehensive Review of Evaluation Studies." *International Perspectives on Sexual and Reproductive Health* 41, pp. 31–42.
- Haddad, L., J. Hoddinot and H. Alderman. 1997. "Introduction: The Scope of Intrahousehold Allocation Issues." In *Intrahousehold Resource Allocation in Developing Countries: Methods, Models and Policy*. L. Haddad, J. Hoddinot and H. Alderman, (Eds.). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, pp. 1–16.
- Haenn, N. 2018. "Mexican Anti-Poverty Program Targeting Poor Women May Help Men Most, Study Finds." *The Conversation*. Accessed 10 May 2019. <https://theconversation.com/mexican-anti-poverty-program-targeting-poor-women-may-help-men-most-study-finds-97917>.
- Hakovirta, M. 2010. *Child maintenance and child poverty: A comparative analysis*. Luxembourg Income Studies (LIS) Working Paper Series No. 555. Luxembourg: Luxembourg Income Study.
- _____. 2011. "Child Maintenance and Child Poverty: A Comparative Analysis." *Journal of Poverty and Social Justice* 19 (3), pp. 249–262.
- Hanmer, L. and M. Elefante. 2016. *The Role of Identification in Ending Child Marriage: Identification for Development (ID4D)*. Washington, DC: IBRD/ World Bank.
- Hannaford, D. 2015. "Technologies of the Spouse: Intimate Surveillance in Senegalese Transnational Marriages." *Global Networks* 15 (1), pp. 43–59.
- Hansford, F. 2016. "Gender Bias in Intra-Household Resource Allocation: Who Wins and Loses, Who Decides, and How Can Public Action Help? A Review of Evidence across the Minority and Majority Worlds." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- Härkönen, J. 2014. "Divorce: Trends, Patterns, Causes, and Consequences." In *The Wiley Blackwell Companion to the Sociology of Families*. J. Treas, J. Scott and M. Richards (Eds.). London and New York: Wiley-Blackwell, pp. 303–322.
- Harper, S., N. Austin and A. Nandi. 2017. "Daycare and Women's Health, Social and Economic Outcomes in Low- and Middle-Income Countries: Systematic Review and Evidence Synthesis." GROW Working Paper Series. Ottawa: Institute for the Study of International Development.
- Harriss, B. 1990. "The Intrahousehold Distribution of Hunger in South Asia." In *The Political Economy of Hunger: Vol. I Entitlement and Well-Being*. J. Dreze and A. Sen (Eds.). Oxford: Clarendon Press, pp. 351–424.
- Hart, A. and D. Bagshaw. 2008. "The Idealised Post-Separation Family in Australian Family Law: A Dangerous Paradigm in Cases of Domestic Violence." *Journal of Family Studies* 14 (2–3), pp. 291–309.
- Hasday, J. E. 2000. "Contest and Consent: A Legal History of Marital Rape." *California Law Review* 88 (5).
- Hassim, S. 2006. "Gender Equality and Developmental Social Welfare in South Africa." In *Gender and Social Policy in a Global Context*. S. Razavi and S. Hassim (Eds.). Basingstoke, UK: Palgrave, pp. 109–129.
- Hays, S. 1996. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Health Service Executive. 2013. "Investigation of Incident 50278 from time of patient's self referral to hospital on the 21st of October 2012 to the patient's death on the 28th of October, 2012." Accessed 22 April 2019. <https://www.hse.ie/eng/services/news/nim-treport50278.pdf>.
- Heard, G. 2011. "Socioeconomic Marriage Differentials in Australia and New Zealand." *Population and Development Review* 37 (1), pp. 125–160.
- Heath, R. 2012. "Women's Access to Labor Market Opportunities, Control of Household Resources, and Domestic Violence." Policy Research Working Paper 6149. Washington, DC: The World Bank Group.
- _____. and A. Mushfiq Mobarak. 2014. "Manufacturing Growth and the Lives of Bangladeshi Women." NBER Working Paper 20383. Cambridge, MA: NBER.
- Heintz, J. 2013. "How Macroeconomic Policy Can Support Economic Development in Sub-Saharan African Countries." In *The Industrial Policy Revolution II. International Economic Association Series*. J. E. Stiglitz, J. L. Yify and E. Patel (Eds.). London: Palgrave Macmillan.
- _____. 2017. "Household Formation and Racial and Ethnic Inequality: A Comparative Look at Brazil, South Africa and the United States." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- _____. 2018. *Stalled Progress: Recent Research on Why Labor Markets Are Failing Women*. Ottawa: IDRC, Hewlett Foundation and UKAid.
- _____. N. Kabeer and S. Mahmud. 2017. "Cultural Norms, Economic Incentives and Women's Labour Market Behaviour: Empirical Insights from Bangladesh." *Oxford Development Studies* 46 (2), pp. 266–289.

- Heise, L. 1998. "Violence Against Women: An Integrated, Ecological Framework." *Violence Against Women* 4 (3), pp. 262–290.
- _____. 2011. *What Works to Prevent Partner Violence: An Evidence Overview*. London: STRIVE.
- _____. and A. Kotsadam. 2015. "Cross-National and Multilevel Correlates of Partner Violence: An Analysis of Data from Population-Based Surveys." *The Lancet Global Health* 3 (6), pp. e332–e340.
- Henderson, J. T. et al. 2013. "Effects of Abortion Legalization in Nepal, 2001–2010." *PlosONE* 8 (5), pp. e64775.
- Hennebry, J. L. 2014. "Transnational Precarity: Women's Migration Work and Mexican Seasonal Agricultural Migration." *International Journal of Sociology* 44 (3), pp. 42–59.
- _____. 2018. "The Global Compact for Migration: From Gender-Rhetoric to Gender-Responsive?" *Global Social Policy* 18 (3), pp. 332–338.
- _____. K. Williams and M. Walton-Roberts. 2016. *Women Working Worldwide: A Situational Analysis of Women Migrant Workers*. New York: EU and UN Women.
- Herrera, G. 2008. "States, Work and Social Reproduction through the Lens of Migrant Experience: Ecuadorian Domestic Workers in Madrid." In *Beyond States and Markets: The Challenges of Social Reproduction*. I. Bakker and R. Silvey (Eds.). London: Routledge, pp. 93–107.
- Hess, C. and A. Del Rosario. 2018. *Dreams Deferred: A Survey on the Impact of Intimate Partner Violence on Survivors' Education, Careers, and Economic Security*. Washington, DC: IWPR.
- Heuveline, P. and J. M. Timberlake. 2004. "The Role of Cohabitation in Family Formation: The United States in Comparative Perspective." *Journal of Marriage and the Family*, 66 (5), pp. 1214–1230.
- Heymann, J. 2006. *Forgotten Families: Ending the Growing Crisis Confronting Children and Working Parents in the Global Economy*. Oxford: Oxford University Press.
- Hidrobo, M. and L. Fernald. 2013. "Cash Transfers and Domestic Violence." *Journal of Health Economics* 32, pp. 304–319.
- Hill, L. 2016. "Haudenosaunee Grandmothers Caring for their Grandchildren: The Process of Assuming the Caregiving Role." *Journal of Gerontological Social Work* 59 (4), pp. 281–295.
- Himmelweit, S., C. Santos, A. Sevilla and C. Sofer. 2013. "Sharing of Resources Within the Family and the Economics of Household Decision Making." *Journal of Marriage and the Family* 75 (3), pp. 625–639.
- Hirschmann, C. 2007. *The Impact of Immigration on American Society: Looking Backward to the Future*. Vienna: Institute for Human Sciences.
- Hitman, G. 2018. "Arab Spring Era: Winds of Change in the Direction of Gender Equality for Tunisian Women." *Digest of Middle East Studies* 27 (2), pp. 168–184.
- Hoang, L. A. and B.S. Yeoh 2011. "Breadwinning Wives and 'Left-Behind' Husbands: Men and Masculinities in the Vietnamese Transnational Family." *Gender & Society* 25 (6), pp. 717–739.
- _____. and A. M. Wattie. 2012. "Transnational Labour Migration and the Politics of Care in the Southeast Asian Family." *Geoforum* 43 (4), pp. 733–740.
- Hochschild, A. R. 2000. "Global Care Chains and Emotional Surplus Value." In *On the Edge: Living with Global Capitalism*. W. Hutton and A. Giddens (Eds.). London: Jonathan Cape, pp. 130–146.
- Hodding, J. and L. Haddad. 1995. "Does Female Income Share Influence Household Expenditures? Evidence from Côte D'Ivoire." *Oxford Bulletin of Economics and Statistics* 57 (1), pp. 77–96.
- Hodges, M. J. and M. Budig. 2010. "Who Gets the Daddy Bonus? Organizational Hegemonic Masculinity and the Impact of Fatherhood on Earnings." *Gender and Society* 24 (6), pp. 717–745.
- Holmlund, T. and S. Sohlman. 2016. "Do Cash Transfers Have the Ability to Empower Women? A Case Study on the Child Support Grant in South Africa." Lund University Department of Economics NEKH03 20161. Scania, Sweden: Lund University.
- Holumyong, C., K. Ford, S. Sajjanand and A. Chamrathirong. 2018. "The Access to Antenatal and Postpartum Care Services of Migrant Workers in the Greater Mekong Subregion: The Role of Acculturative Stress and Social Support." *Hindawi Journal of Pregnancy* 2018, pp. 1–12.
- Hook, J. 2006. "Care in Context: Men's Unpaid Work in 20 Countries, 1965–2003." *American Sociological Review* 71 (4), pp. 639–660.
- Hooper, K. and B. Salant. 2018. "It's Relative: A Crosscountry Comparison of Family-Migration Policies and Flows." MPI Issue Brief. Washington, DC: MPI.
- Horne, C, F. N-A. Doodoo and N. Doodoo. 2013. "The Shadow of Indebtedness: Bridewealth and Norms Constraining Female Reproductive Autonomy." *American Sociological Review* 78 (3), pp. 503–520.
- Horton, C. (2019). "After a Long Fight, Taiwan's Same-Sex Couples Celebrate New Marriages". *The New York Times*. 24 May. Accessed 3 June 2019. <https://www.nytimes.com/2019/05/24/world/asia/taiwan-same-sex-marriage.html>.
- Hosegood, V. and I. A. Timaeus. 2006. "HIV/AIDS and Older People in South Africa." In *Aging in Sub-Saharan Africa: Recommendations for Furthering Research*. B. Cohen and J. Menken (Eds.). Washington, DC: National Research Council (US) Committee on Population/National Academies Press, pp. 250–275.
- Htun, M. and S. L. Weldon. 2015. "Religious Power, the State, Women's Rights and Family Law." *Politics and Gender* 11, pp. 451–477.
- _____. 2018. *The Logics of Gender Justice: State Action on Women's Rights around the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hu, Z. and X. Peng. 2015. "Household Changes in Contemporary China: An Analysis Based on the Four Recent Censuses." *The Journal of Chinese Sociology* 2 (1), pp. 9.
- Hujo, K. and N. Piper. 2010. "Linking Migration, Social Development and Policy in the South: An Introduction" In *South-South Migration: Implications for Social Policy and Development*. K. Hujo and N. Piper (Eds.). Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan and UNRISD, pp. 1–45.
- Human Rights Watch. 2015. "Bashed Up: Family Violence in Papua New Guinea." Accessed 14 February 2019. <https://www.hrw.org/report/2015/11/04/bashed/family-violence-papua-new-guinea>.
- _____. 2018a. "From the Americas to the Far East, Court are Advancing LGBT Rights." 30 July. Accessed 11 April 2019. <https://www.hrw.org/news/2018/07/30/americas-far-east-courts-are-advancing-lgbt-rights>.
- _____. 2018b. "Hong Kong Recognizes Same-Sex Couples in Visa Applications." Accessed 11 April 2019.
- _____. 2018c. *Leave No Girl Behind in Africa: Discrimination in Education against Pregnant Girls and Adolescent Mothers*. Accessed 18 April 2019. <https://www.hrw.org/report/2018/06/14/leave-no-girl-behind-africa/discrimination-education-against-pregnant-girls-and>.
- _____. 2018d. "Palestine: 'Marry-Your-Rapist' Law Repealed". Accessed 3 June 2019. <https://www.hrw.org/news/2018/05/10/palestine-marry-your-rapist-law-repealed>.
- _____. 2018e. "Tunisia: Landmark Proposals on Gender Bias, Privacy." Accessed 10 May 2019. <https://www.hrw.org/news/2018/07/26/tunisia-landmark-proposals-gender-bias-privacy>.
- Humphries, N., R. Brugha, and H. McGee. 2009. "I Won't Be Staying Here for Long: A Qualitative Study on the Retention of Migrant Nurses in Ireland." *Human Resources for Health* 7 (1), pp. 68.
- Huntington, C. 2015. "Postmarital Family Law: A Legal Structure for Nonmarital Families." *FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History* 67, pp. 167.
- Huq, L., N. Kabeer and S. Mahmud. 2012. "Diverging Stories of Son Preference in South Asia: A Comparison of India and Bangladesh." Working Paper 7. Dhaka, Bangladesh: BRAC Development Institute.
- Hynes, M. E., C. E. Sterk, M. Hennink, S. Patel, L. DePadilla and K. M. Yount. 2016. "Exploring Gender Norms, Agency and Intimate Partner Violence among Displaced Colombian Women: A Qualitative Assessment." *Global Public Health* 11 (1–2), pp. 17–33.

- Hyun Yoo, S. and T. Sobotka. 2018. "Ultra-Low Fertility in South Korea: The Role of the Tempo Effect." *Demographic Research* 38 (22), pp. 549–576.
- IBGE (Brazilian Institute of Geography and Statistics). 2018. "Censo Agro 2017: resultados preliminares mostram queda de 2,0% no número de estabelecimentos e alta de 5% na área total." *Estatísticas Econômicas*, 27 July. Accessed 25 March 2019. <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-sala-de-imprensa/2013-agencia-de-noticias/releases/21905-censo-agro-2017-resultados-preliminares-mostram-queda-de-2-0-no-numero-de-estabelecimentos-e-alta-de-5-na-area-total>.
- _____. 2019. Censo Agro 2017: resultados preliminares. Accessed 22 April 2019. https://censoagro2017.ibge.gov.br/templates/censo_agro/resultadosagro/produtores.html.
- Ice, G. H., A. F. A. Sadrudin, A. Vagedes, J. Yogo and E. Jula. 2012. "Stress Associated with Caregiving: An Examination of the Stress Process Model among Kenyan Luo Elders." *Social Science and Medicine* 74, pp. 2020–2027.
- ICF International. 2018. "The DHS Program STATcompiler." Funded by USAID. Accessed 9 April 2019. <https://www.statcompiler.com>.
- _____. 2007–2017. "Demographic and Health Surveys (Various)." Funded by USAID. Accessed 4 January 2019. <https://dhsprogram.com/>.
- ICMPD (International Centre for Migration Policy Development) and IOM (International Organization for Migration). 2015. *A Survey on Migration Policies in West Africa*. Vienna and Dakar: ICMPD and IOM.
- ICRW (International Center for Research on Women), HSRC (Human Sciences Research Council) and Associates Research. 2007. Women's property rights, HIV and AIDS, and domestic violence: Research findings from two rural districts in South Africa and Uganda. South Africa: HSRC.
- IFAD (International Fund for Agricultural Development). 2017. *Sending Money Home: Contributing to the SDGs, One Family at a Time*. Rome: IFAD.
- IIPS (International Institute for Population Sciences) and ICF International. 2017. *National Family Health Survey (NFHS-4), 2015–16: India*. Mumbai, India: IIPS.
- İlkkaracan, İ., K. Kim and T. Kaya. 2015. "The Impact of Public Investment in Social Care Services on Employment, Gender Equality and Poverty: The Turkish Case." Research Report. Istanbul and New York: Istanbul Technical University Women's Studies Center and The Levy Economics Institute at Bard College.
- ILO (International Labour Organization). 1949. *Migration for Employment Convention (Revised), 1949 (No. 97)*, 1 July 1949 Co97. Geneva: ILO.
- _____. 2000. *Maternity Protection Convention, 2000 (C183)*. Geneva: ILO.
- _____. 2011. *Convention Concerning Decent Work for Domestic Workers (C189)*. Geneva: ILO.
- _____. 2013a. "Meeting the Needs of My Family Too: Maternity Protection and Work-Family Measures for Domestic Workers." Domestic Work Policy Brief 6. Geneva: ILO.
- _____. 2013b. *Domestic Workers across the World: Global and Regional Statistics and the Extent of Legal Protection*. Geneva: ILO.
- _____. 2015. *ILO Global Estimates on Migrant Workers: Results and Methodology – Special Focus on Migrant Domestic Workers*. Geneva: ILO.
- _____. 2016. "Maternity Cash Benefits for Women in the Informal Economy." Social Protection for All Issue Brief. Geneva: ILO.
- _____. 2017a. *Global Estimates of Child Labour: Results and Trends 2012–2016*. Geneva: ILO.
- _____. 2017b. *Improving Employment and Working Conditions in Health Services*. Geneva: ILO.
- _____. 2017c. *Inception Report for the Global Commission on the Future of Work*. Geneva: ILO.
- _____. 2017d. *World Employment and Social Outlook: Trends for women 2017*. Geneva: ILO.
- _____. 2017e. *World Social Protection Report 2017–19: Universal Social Protection to Achieve the Sustainable Development Goals*. Geneva: ILO.
- _____. 2018a. *Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work*. Geneva: ILO.
- _____. 2018b. "ILO Harmonized Microdata." Accessed 5 March 2019. www.ilo.org/ilostat.
- _____. 2018c. "ILOSTAT Database." Accessed 13 February 2019. <https://www.ilo.org/ilostat>.
- _____. 2018d. *Women and men in the informal economy: A statistical picture* (third edition).
- _____. 2018e. *World Employment Social Outlook: Trends for Women 2018*. Geneva: ILO.
- _____. 2019a. "ILOSTAT Database." Accessed 24 May 2019. <http://www.ilo.org/ilostat/>.
- _____. 2019b. *A Quantum Leap for Gender Equality at Work: For a Better Future of Work for All. Executive Summary*. ILO: Geneva.
- _____. and Work Statistics Committee. 2013. *Resolution Concerning Statistics of Work, Employment and Labour Underutilization*. Adopted by the Nineteenth International Conference of Labour Statisticians (October).
- In Her Irish Shoes. 2019. "In Her Shoes: Women of the Eighth". Accessed 25 April 2019. <https://www.facebook.com/InHerIrishShoes/>.
- INDEC (Instituto Nacional de Estadística y Censos). 2012. *Censo Nacional de Población, Hogares y Vivienda 2010: Censo del Bicentenario. Resultados Definitivos, Serie B, 1 (2)*. Buenos Aires: INDEC.
- INEGI (National Institute of Statistics and Geography). 2016. "National Survey on the Dynamics of Household Relationships 2016." Accessed 5 April 2019. <http://en.www.inegi.org.mx/proyectos/enchogares/especiales/endireh/2016/>.
- Ingersoll-Dayton, B., S. Punpuing, K. Tangchonlatip and L. Yakas. 2018. "Pathways to Grandparents' Provision of Care in Skipped-Generation Households in Thailand." *Ageing and Society* 38, pp. 1429–1452.
- Ingram, M., D. J. McClelland, J. Martin, M. F. Caballero, M. T. Mayorga and K. Gillespie. 2010. "Experiences of Immigrant Women Who Self-Petition under the Violence Against Women Act." *Violence Against Women* 16 (8), pp. 858–880.
- Inhorn, M.C. 2003. "Global Infertility and the Globalization of New Reproductive Technologies: Illustrations from Egypt." *Social Science and Medicine* 56 (9), pp. 1937–1851.
- _____. 2009. "Right to Assisted Reproductive Technology: Overcoming Infertility in Low-Resource Countries." *International Journal of Gynecology and Obstetrics* 106 (2), pp. 172–174.
- Instituto Nacional de Estadísticas. 2018. *Estudio de Metodologías para la Medición de Identidad de Género y Orientación Sexual en Chile*. Santiago: Instituto Nacional de Estadísticas.
- Inter-American Court of Human Rights. 2012. "Case of Atala Riffo and Daughters v. Chile, Judgment of February 24, 2012." Accessed 10 May 2019. <http://hrlibrary.umn.edu/iachr/C/239-ing.html>.
- _____. 2017. "State Obligations Concerning Change of Name, Gender Identity, and Rights Derived from a Relationship Between Same-Sex Couples (Interpretation and Scope of Articles 1(1), 3, 7, 11(2), 13, 17, 18 and 24, in relation to Article 1, of the American Convention on Human Rights). Advisory Opinion OC-24/17, Inter-Am. Ct. H.R. (ser. A) No. 24 (24 Nov 2017)." Accessed 10 May 2019. http://www.corteidh.or.cr/cf/jurisprudencia2/busqueda_opiniones_consultivas.cfm?lang=en.
- International Commission of Jurists. 2017. "Women Profiles: Imrana Jalal." Accessed 10 October 2017. <https://www.icj.org/womens-profiles-imrana-jalal/#lightbox/0/>.
- International Commission of the Red Cross. 2019. "Trace the Face." Accessed 28 April 2019. <https://familylinks.icrc.org/europe/en/pages/publish-your-photo.aspx>.
- IOM (International Organization for Migration). 2011. *Glossary on Migration*. [2nd Ed]. Geneva: IOM.
- _____. 2018. *World Migration Report 2018*. Geneva: IOM.

- IRH (Institute for Reproductive Health). 2014. "Male Engagement in Family Planning: Reducing Unmet Need for Family Planning by Addressing Gender Norms." Tekponon Jikuagou Project, Georgetown University. Washington, DC: IRH.
- ITUC (International Trade Union Confederation). 2017. *Investing in the Care Economy: Simulating Employment Effects by Gender in Countries in Emerging Economies*. Brussels: ITUC.
- IWHC (International Women's Health Coalition) and MYSU (Mujer y Salud en Uruguay). 2018. *Unconscionable: When Providers Deny Abortion Care*. New York: IWHC.
- Izugbara, C. 2018. "Spousal age differences and violence against women in Nigeria and Tanzania" *Health Care for Women International* 39 (8), pp. 872–887.
- Jackson, C. 2015. "Modernity and Matrilocality: The Feminization of Kinship?" *Development and Change* 46 (1), pp. 1–24.
- James, D. 2017. "Not Marrying in South Africa: Consumption, Aspiration and the New Middle Class." *Anthropology Southern Africa* 40 (1), pp. 1–14.
- Jejeebhoy, S. J., K. G. Santhya, R. Acharya and R. Prakash. 2013. "Marriage-Related Decision-Making and Young Women's Marital Relations and Agency." *Asian Population Studies* 9 (1), pp. 28–49.
- Jelin, E. 1998. *Pan y Afectos: Las Transformacion de las Familias*. Buenos Aires: Fondo de Cultura Economica.
- _____ and A. R. Díaz-Muñoz. 2003. *Major Trends Affecting Families: South America in Perspective*. New York: UN DESA.
- Jensen, R. 2012. "Do Labor Market Opportunities Affect Young Women's Work and Family Decisions? Experimental Evidence from India." *The Quarterly Journal of Economics* 127, pp. 753–792.
- Jewkes, R., M. Flood and J. Lang. 2015. "From Work with Men and Boys to Changes of Social Norms and Reduction of Inequities in Gender Relations: A Conceptual Shift in Prevention of Violence against Women and Girls." *The Lancet* 385, pp. 1580–1589.
- Jewkes, R., L. McLean Hilker, S. Khan, E. Fulu, F. Busiello and E. Fraser. 2015. "Response Mechanisms to Prevent Violence against Women and Girls." What Works to Prevent Violence against Women and Girls Evidence Reviews Paper 3. DFID (Department for International Development), London.
- Ji, Y. 2015. "Between Tradition and Modernity: 'Leftover' Women in Shanghai." *Journal of Marriage and Family* 77 (5), pp. 1057–1073.
- Johnson, N, A. L. Rodríguez Gustá, D. Sempol. 2019. "Explaining advances and drawbacks in women's and LGBT rights in Uruguay: Multi-sited pressures, political resistance and structural inertias." In *Seeking rights from the left: gender, sexuality, and the Latin American pink tide*. E. K. Friedman (Ed.). Durham: Duke University Press, pp. 69.
- Jones, G. W. 2005. "The 'Flight from Marriage' in South-East and East Asia." *Journal of Comparative Family Studies* 36 (1), pp. 93–119.
- _____. 2010. "Changing Marriage Patterns in Asia." Asia Research Institute Working Paper Series 131. National University of Singapore, Singapore.
- Jordal, M., K. Wijewardena and P. Olsson. 2013. "Unmarried Women's Ways of Facing Single Motherhood in Sri Lanka: A Qualitative Interview Study." *BMC Women's Health* 13 (5), pp. 1–12.
- Justia. Undated. US Supreme Court. 1982. *Plyler v. Doe*, 457 U.S. 202 (1982). Accessed 15 April 2019. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/457/202/>.
- Justices of the Constitutional Court, Taiwan. Accessed 3 June 2019. https://www.judicial.gov.tw/constitutionalcourt/EN/p03_01.asp?exp-no=748.
- Kabeer, N. 1996. "Gender, Demographic Transition and the Economics of Family Size: Population Policy for a Human-Centred Development." Occasional Paper 7. Geneva: UNRISD.
- _____. 2000. *The Power to Choose: Bangladeshi Women and Labour Supply Decisions in London and Dhaka*. London: Verso Press.
- _____. 2007. "Marriage, Motherhood and Masculinity in the Global Economy: Reconfigurations of Personal and Economic Life." IDS Working Paper 290. Brighton, UK: IDS.
- _____. 2008. "Paid Work, Women's Empowerment and Gender Justice: Critical Pathways of Social Change." Pathways of Women's Empowerment Working Paper 3. Brighton, UK: IDS.
- _____. 2012. "Women's Economic Empowerment and Inclusive Growth: Labour Markets and Enterprise Development." SIG Working Paper 2012/1. Ottawa: IDRC.
- _____. 2015. "Gender, Poverty, and Inequality: A Brief History of Feminist Contributions in the Field of International Development." *Gender & Development* 23 (2), pp. 189–205.
- _____, L. Huq and S. Mahmud. 2014. "Diverging Stories of 'Missing Women' in South Asia: Is Son Preference Weakening in Bangladesh?" *Feminist Economics* 20 (4), pp. 138–63.
- _____, S. Mahmud and S. Tasneem. 2011. "Does Paid Work Provide a Pathway to Women's Empowerment? Empirical Findings from Bangladesh." IDS Working Paper 375. Brighton, UK: IDS.
- Kagal, N. 2017. "In the Union I Found Myself: The Impact of Collectivization of Informal Economy Women Workers on Gender Relations within the Home." PhD Thesis. University of London: SOAS.
- Kan, M. Y., O. Sullivan and J. Gershuny. 2011. "Gender Convergence in Domestic Work: Discerning the Effects of Interactional and Institutional Barriers from Large-Scale Data." *Sociology* 45 (2), pp. 234–251.
- Kandiyoti, D. 1988. "Bargaining with Patriarchy." *Gender and Society*, Special Issue to Honor Jessie Bernard, 2 (3), pp. 274–290.
- Kane J. B., T. Nelson and K. Edin. 2015. "How Much In-Kind Support Do Low-Income Nonresident Fathers Provide? A Mixed-Method Analysis." *Journal of Marriage and Family* 77, pp. 591–611.
- Kantorova, V. 2013. "National, Regional and Global Estimates and Projections of the Number of Women Aged 15 to 49 Who are Married or in a Union, 1970–2030." Technical Paper No. 2013/2. New York: United Nations.
- Kelly, L. 2013. *Surviving Sexual Violence*. Cambridge: Polity Press.
- _____. 2016. "The Conducive Context of Violence against Women and Girls." *Discover Society* 30.
- Kelly, L., J. Adler, M. Horvath, J. Lovett, M. Coulson, D. Kernohan and M. Gray. 2013. "Evaluation of the Pilot of Domestic Violence Protection Orders." Research Report 76. London: Home Office.
- Kelly, L. and N. Westmarland. 2016. "Naming and defining 'domestic violence': lessons from research with violent men." *Feminist Review* 112 (1), pp. 113–127.
- Kelly, J., E. Colantuoni, C. Robinson and M. Decker. 2018. "From the Battlefield to the Bedroom: A Multilevel Analysis of the Links between Political Conflict and Intimate Partner Violence in Liberia." *BMJ Global Health* 3 (2), pp. e000668.
- Khalil, A. 2014. "Tunisia's Women: Partners in Revolution." *The Journal of North African Studies* 19 (2), pp. 186–199.
- Kidd, S. 2013. "Rethinking Targeting in International Development." *Pathways' Perspectives in Social Policy in International Development* Issue No. 11. Oxford: Development Pathways.
- _____. 2016. "To Condition or Not to Condition: What is the Evidence?" *Pathways' Perspectives in Social Policy in International Development* Issue No. 20. Oxford: Development Pathways.
- Kilkey, M., A. Plomien and D. Perrons. 2014. "Migrant Men's Fathering Narratives, Practices and Projects in National and Transnational Spaces: Recent Polish Male Migrants to London." *International Migration* 52 (1), pp. 178–191.
- Kim, H. and P. B. Voos. 2007. "The Korean Economic Crisis and Working Women." *Journal of Contemporary Asia* 37 (2), pp. 190–208.
- Kim, H. M., S. Park and A. Shukhertei. 2017. "Returning Home: Marriage Migrants' Legal Precarity and the Experience of Divorce." *Critical Asian Studies* 49 (1), pp. 38–53.
- Kim, J. 2016. "Female Education and Its Impact on Fertility." *IZA World of Labor* 2016, pp. 228.
- Kim, M. 2010. "Gender and International Marriage Migration." *Sociology Compass* 4 (9), pp. 718–731.
- _____. 2015. "Dancing the Carceral Creep: The Anti-Domestic Violence Movement and the Paradoxical Pursuit of Criminalization, 1973–1986." ISSI Fellows Working Papers. Berkeley, CA: ISSI.
- King, R. and R. Skeldon. 2010. "Mind the Gap: Integrating Approaches to Internal and International Migration." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 36 (10), pp. 1619–1646.

- _____. D. Mata-Codesal and J. Vullnetari. 2013. "Migration, Development, Gender and the 'Black Box' of Remittances: Comparative Findings from Albania and Ecuador." *Comparative Migration Studies* 1 (1), pp. 69–96.
- Kissil, K. and M. Davey. 2011. "Health Disparities in Procreation: Unequal Access to Assisted Reproductive Technologies." *Journal of Feminist Family Therapy* 24 (3), pp. 197–212.
- Klasen, S. and C. Wink. 2003. "Missing Women: Revisiting the Debate." *Feminist Economics* 9 (2–3), pp. 263–299.
- Klasen, S. and J. Pieters. 2015. "What Explains the Stagnation of Female Labor Force Participation in Urban India?" *The World Bank Economic Review* 29 (3), pp. 449–78.
- Knight, K. 2018. "Hong Kong Recognizes Same-Sex Couples in Visa Applications: A Glimpse of Progress but Government Lags in LGBT Protections." *Dispatches*. Human Rights Watch. 20 September. Accessed 11 April 2019. <https://www.hrw.org/news/2018/09/20/hong-kong-recognizes-same-sex-couples-visa-applications>.
- Knijin, T. and M. Kremer. 1997. "Gender and the Caring Dimension of Welfare States: Toward Inclusive Citizenship." *Social Politics* 4 (3), pp. 328–361.
- Knodel, J. and M. B. Ofstedal. 2003. "Gender and Aging in the Developing World: Where Are the Men?" *Population and Development Review* 29 (4), pp. 677–698.
- Kofman, E. 2000. "The Invisibility of Skilled Female Migrants and Gender Relations in Studies of Skilled Migration in Europe." *International Journal of Population Geography* 6 (1), pp. 45–59.
- _____. 2004. "Family-Related Migration: A Critical Review of European Studies." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 30 (2), pp. 243–262.
- _____. and P. Raghuram. 2015. "Gendered Migrations and Global Processes." In *Gendered Migrations and Global Social Reproduction*. E. Kofman and P. Raghuram (Eds.). London: Palgrave Macmillan, pp. 18–39.
- _____. S. Saharso and E. Vacchelli. 2015. "Gendered Perspectives on Integration Discourses and Measures." *International Migration* 53 (4).
- Kontos, M. and G.T. Bonifacio (Eds.). 2016. *Migrant Domestic Workers and Family Life: International Perspectives*. Basingstoke, UK and New York: Palgrave Macmillan.
- Kraler, A. 2010. *Civic Stratification, Gender and Family Migration Policies in Europe*. Vienna: International Centre for Migration Policy Development.
- _____. and P. Bonizzoni. 2010. "Gender, Civic Stratification and the Right to Family Life: Problematising Immigrants' Integration in the EU." *International Review of Sociology* 20 (1), pp. 181–187.
- Kriel, A., S. Randall, E. Coast, and B. de Clercq. 2014. "From Design to Practice: How Can Large-Scale Household Surveys Better Represent the Complexities of the Social Units under Investigation?" *African Population Studies* 28 (3), pp. 1309–1323.
- Krishnan, S., C. Rocca, A. Hubbard, K. Subbiah, J. Edmeades and N. Padian. 2010. "Do Changes in Spousal Employment Status Lead to Domestic Violence? Insights from a Prospective Study in Bangalore, India." *Social Science and Medicine* 70 (1), pp. 136–143.
- Kroeger, R. and P. J. Smock. 2014. "Cohabitation: Recent Research and Implications." In *The Wiley Blackwell Companion to The Sociology of Families*, J. Treas, J. Scott and M. Richards, London and New York: Wiley-Blackwell, pp. 217–235.
- Kumar, K. 2017. "The Blended Family Life Cycle." *Journal of Divorce & Remarriage* 58 (2), pp. 110–125.
- LAC (Legal Assistance Centre). 2010. "A Family Affair: The Status of Cohabitation in Namibia and Recommendations for Law Reform." Windhoek, Namibia: LAC.
- Lambert, S., D. van de Walle and P. Villar. 2017. "Marital Trajectories and Women's Well-Being in Senegal." Policy Research Working Paper No. 8230. Washington, DC: World Bank.
- LANSAs (Leveraging Agriculture for Nutrition in South Asia). 2013. "What We Do." Accessed 10 May 2019. <http://www.lansasouthasia.org/content/what-we-do>.
- Larasi, M. 2017. "Intersectionality and Violence against Women in the Family." Background Paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- Lawson, D. W. and M. A. Gibson. 2018. "Polygynous Marriage and Child Health in Sub-Saharan Africa: What is the Evidence for Harm?" *Demographic Research* 39, pp. 177–208.
- Le, D. B., T-D. Truong and T. H. Khat. 2014. "Transnational Marriage Migration and the East Asian Family-Based Welfare Model: Social Reproduction in Vietnam, Taiwan, and South Korea." In *Migration, Gender and Social Justice: Perspectives on Human Insecurity*. T-D. Truong, D. Gaspar, J. Handmaker and S.I. Bergh (Eds.). London: Springer, pp. 87–103.
- Leclerc-Madlala, S. 2008. "Age-disparate and intergenerational sex in southern Africa: the dynamics of hypervulnerability." *AIDS* 22, pp. S17–S25.
- Leinonen, J. 2012. "Money Is Not Everything and That's the Bottom Line: Family Ties in Transatlantic Elite Migrations." *Social Science History* 36 (2), pp. 243–268.
- Leite, P. and P. Villaseñor. 2018. "Esfuerzos Recientes de Visibilización de la Diversidad Sexual y de Género en la Estadística Mexicana." Paper for seminar 'Aspectos Conceptuales de los Censos de Población y Vivienda: Desafíos para la Definición de Contenidos Incluyentes en la Ronda 2020'. Santiago, Chile, 6–8 November.
- Leone, T., E. Coast and S. Randall. 2010. "Did You Sleep Here Last Night? The Impact of the Household Definition in Sample Surveys: A Tanzanian Case Study." Paper for European Population Conference, Vienna, 1–4 September.
- Lenoël, A. 2017. "The 'Three Ages' of Left-Behind Moroccan Wives: Status, Decision-Making Power, and Access to Resources." In *Population, Space and Place* 23 (8), pp. e2077.
- Lerner, G. 1986. *The Creation of Patriarchy*. Oxford: Oxford University Press.
- Lesthaeghe, R. 2010. "The Unfolding Story of the Second Demographic Transition." *Population and Development Review* 36 (2), pp. 211–251.
- _____. 2014. "The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development." *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 111 (51), pp. 18112–18115.
- Levine, C. 2004. *Always on Call: When Illness Turns Families into Caregivers*. Nashville, TN: Vanderbilt University Press.
- Levitt, P. 1998. "Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion." *International Migration Review* 32 (4), pp. 926–48.
- _____. and D. Lamba-Nieves. 2011. "Social Remittances Revisited." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 37 (1), pp. 1–22.
- _____. J. Viterna, A. Mueller and C. Lloyd. 2017. "Transnational Social Protection: Setting the Agenda." *Oxford Development Studies* 45 (1), pp. 2–19.
- Library of Congress. 2016. "Refugee and Law Policy: Sweden." Accessed 5 May 2019. <https://www.loc.gov/law/help/refugee-law/sweden.php>.
- _____. 2018. "Tunisia: Cabinet Approves Bill Requiring Equal Inheritance Shares for Men and Women." *Global Legal Monitor*. Accessed 10 May 2019. <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/tunisia-cabinet-approves-bill-requiring-equal-inheritance-shares-for-men-and-women/>.
- Lind, A. (Ed.). 2010. *Development, Sexual Rights and Global Governance*. United Kingdom: Routledge.
- LIS (Cross-national Data Center in Luxembourg). Various years. "Income Study Database." Accessed 5 March 2019. <https://www.lisdata-center.org/data-access/lissy/>.
- Liu, C. 2017. *Family Matters: Three Essays on Living Arrangements across Societies*. Doctoral Thesis, Autonomous University of Barcelona, Barcelona.
- Liu, Z. and F. Zhu. 2011. "China's Returned Migrant Children: Experiences of Separation and Adaptation." *The Asia Pacific Journal of Anthropology* 12 (5), pp. 445–461.
- Lloyd-Sherlock, P. 2017a. "Pathways to Accessible, Affordable and Gender-Responsive Care Services for Older Persons." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.

- _____. 2017b. "Long-Term Care for Older People: A New Global Gender Priority." UN Women Policy Brief Series No. 9. New York: UN Women.
- _____. B. Corso and N. Minicuci. 2015. "Widowhood, Socio-Economic Status, Health and Wellbeing in Low and Middle-Income Countries." *Journal of Development Studies* 51 (10), pp. 1374–1388.
- _____. R. Mayston, A. Acosta, S. Gallardo, M. Guerra, A. Sosa, V. Montes de Oca and M. Prince. 2018. "Allocating Family Responsibilities for Dependent Older People in Mexico and Peru." *Journal of Development Studies*.
- Loaiza, E. and M. Liang. 2013. *Adolescent Pregnancy: A Review of the Evidence*. New York: UNFPA.
- Lorenzetti, L., L. Wells, C. H. Logie and T. Callaghan. 2017. "Understanding and Preventing Domestic Violence in the Lives of Gender and Sexually Diverse Persons." *The Canadian Journal of Human Sexuality* 26 (3), pp. 175–185.
- Lutz, H. 2011. *The New Maids: Transnational Women and the Care Economy*. London: Zed Books.
- Lutz, W., V. Skirbekk and M. R. Testa. 2006. "The Low-Fertility Trap Hypothesis: Forces that May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe." In *Vienna Yearbook of Population Research*, 167–192. Vienna: Vienna Institute of Demography.
- Ma, L. 2016. "Female Labour Force Participation and Second Birth Rates in South Korea." *Journal of Population Research* 33 (2), pp. 173–195.
- Mackie, G. and J. Lejeune. 2009. "Social Dynamics of Abandonment of Harmful Practices: A New Look at the Theory." Innocenti Working Paper – Special Series on Social Norms and Harmful Practices. Florence: UNICEF.
- Madhavan, S. 2002. "Best of Friends and Worst of Enemies: Competition and Collaboration in Polygyny." *Ethnology* 41 (1), pp. 69–84.
- Madianou, M. and D. Miller. 2011. "Mobile Phone Parenting: Reconfiguring Relationships between Filipina Migrant Mothers and their Left-Behind Children." *New Media & Society* 13 (3), pp. 457–470.
- Madorin, M., B. Schnegg and N. Baghdadi. 2012. "Advanced Economy, Modern Welfare State and Traditional Care Regime: The Case of Switzerland." In *Global Variations in the Political and Social Economy of Care: Worlds Apart*. S. Razavi and S. Staab (Eds.). Abingdon/New York: Routledge, pp. 43–60.
- Mahmoudi, K. 2017. "Rapid Decline of Fertility Rate in South Korea: Causes and Consequences." *Open Journal of Social Sciences* 5 (7).
- Makino, M. 2017. "Dowry and Female Labor Force Participation in Pakistan." Interim Report for Female Empowerment and Social Institution. Chiba, Japan: IDE-JETRO.
- Maldonado, L. C. and R. Nieuwenhuis. 2015. "Family Policies and Single Parent Poverty in 18 OECD Countries, 1978–2008." *Community, Work & Family* 18 (4), pp. 395–415.
- Maldonado, S. 2006. "Deadbeat or Deadbroke: Redefining Child Support for Poor Fathers." *University of California Davis Law Review* 39 (991), pp. 991–1023
- Manjoo, R. 2012. "The Continuum of Violence against Women and the Challenges of Effective Redress." *International Human Rights Law Review* 1, pp. 1–29.
- Manning, W. D. and P. J. Smock. 2005. "Measuring and Modeling Co-habitation: New Perspectives from Qualitative Data." *Journal of Marriage and Family* 67, pp. 989–1002.
- Martin, J. and J. Barton. 1996. "The Effect of Changes in the Definition of the Household Reference Person." *Survey Methodology Bulletin* 381, pp. 1–8.
- Maslauskaitė, A. and M. Baublytė. 2015. "Gender and Re-Partnering after Divorce in Four Central European and Baltic Countries." *Czech Sociological Review* 51 (6).
- Maswikwa, B., L. Richter, J. Kaufman and A. Nandu. 2015. "Minimum Marriage Age Laws and the Prevalence of Child Marriage and Adolescent Birth: Evidence from Sub-Saharan Africa." *International Perspectives on Sexual and Reproductive Health* 41(2), pp. 58–68.
- Mata-Codesal, D. 2013. "Towards a Gender Sensitive Approach to Remittances in Ecuador." In *The International Handbook on Gender, Migration and Transnationalism*. L. Oso and N. Ribas-Mateos (Eds.). Cheltenham, UK: Edward Elgar, pp. 361–375.
- Mazhar, S., M. Balagamwala and H. Gazdar. 2017. "The Hidden Economic Backbone: Women in Agriculture." Paper presented at the LUMS International Conference on 'Gender, Work and Society', Lahore University of Management Sciences, Lahore, 22–23 April.
- Mazumdar, I. and N. Neetha. 2011. "Gender Dimensions: Employment Trends in India, 1993–4 to 2009–10." *Economic and Political Weekly XLVI* (43), pp. 118–126.
- Mazzucato, V. and D. Schans. 2011. "Transnational Families and the Well-Being of Children: Conceptual and Methodological Challenges." *Journal of Marriage and Family* 73 (4), pp. 704–712.
- Mazzucato, V., V. Cebotari, A. Veale, A. White, M. Grassi and J. Vivet. 2015. "International Parental Migration and the Psychological Well-Being of Children in Ghana, Nigeria, and Angola." *Social Science & Medicine* 132, pp. 215–224.
- Mbilinyi, M. and G. Shechambo. 2009. "Struggles over Land Reform in Tanzania: Experiences of Tanzania Gender Networking Programme and Feminist Activist Coalition." *Feminist Africa* 12, pp. 95–103.
- McDonald, P. 2000. "Gender Equity in Theories of Fertility Transition." *Population and Development Review* 26 (3), pp. 427–439.
- McKernan, B. 2017. "Jordan Repeals Law Allowing Rapists to Avoid Punishment if They Marry Their Victims." *Independent*, 1 August. Accessed 25 March 2019. <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/jordan-rape-law-vote-repeal-rapists-punishment-marry-victims-womens-rights-sexual-assault-violence-a7870551.html>.
- McKenry, P. C. and S. J. Price. 2006. "International Divorce." In *Families in a Global and Multicultural Perspective*. B. B Ingoldsby and S.D. Smith (Eds.). London and New Delhi: Sage Publications, pp. 168–189.
- McKenzie, S. and C. Menjivar 2011. "The Meanings of Migration, Remittances and Gifts: Views of Honduran Women Who Stay." *Global Networks* 11 (1), pp. 63–81.
- McTiche, K. 2012. "Death of Rape Victim in Morocco Sparks Calls for Legal Reform." *New York Times*, 5 April. Accessed 25 March 2019. <https://www.nytimes.com/2012/04/06/world/africa/death-of-rape-victim-in-morocco-sparks-calls-for-legal-reform.html>.
- Mehrotra, S. and S. Sinha. 2017. "Explaining Falling Female Employment during a High Growth Period." *Economic and Political Weekly LII* (39), pp. 54–62.
- Mendos, R. L. 2019. *State-Sponsored Homophobia Report 2019*. 13th Edition. Geneva: ILGA.
- Menjívar, C. and V. Agadjanian, V. 2007. "Men's migration and women's lives: views from rural Armenia and Guatemala." *Social Science Quarterly* 88 (5), pp. 1243–1262.
- _____. and O. Salcido. 2002. "Immigrant Women and Domestic Violence: Common Experiences in Different Countries." *Gender and Society* 16 (6), pp. 898–920.
- Mensch, B. S., S. Singh and J. B. Casterline. 2005. "Trends in the Timing of First Marriage among Men and Women in Developing Countries." Population Council Policy Research Division Working Papers No. 202. New York: Population Council.
- Merrion Street. 2018. "Minister Murphy announces establishment of Referendum Commission." *Irish Government News Service*. 9 March. Accessed 22 April 2019. https://merrionstreet.ie/en/News-Room/Releases/Minister_Murphy_announces_establishment_of_Referendum_Commission.html.
- Meurs, M. and R. Ismaylov. 2019. "Improving Assessments of Gender Bargaining Power: A Case Study from Bangladesh" *Feminist Economics* 25 (1), pp. 90–118.
- Michel, S. and G. Oliveira. 2017. "The Double Lives of Transnational Mothers." In *Reassembling Motherhood: Procreation and Care in a Globalized World*. Y. Ergas, J. Jensen and S. Michel (Eds.). New York: Columbia University Press, pp. 223–246.
- Michel, S. and I. Peng. 2017. "Introduction." In *Gender, Migration and the Work of Care: A Multi-Scalar Approach to the Pacific Rim*. S. Michel. and I. Peng (Eds.). London, New York and Shanghai: Palgrave Macmillan, pp. 3–22.
- Miller, B. 1981. *The Endangered Sex: Neglect of Female Children in North India*. New York: Cornell University Press.

- Miller, C. C. 2017. "How Did Marriage Become a Mark of Privilege?" *New York Times*. 25 September. Accessed 1 April 2019. <https://www.nytimes.com/2017/09/25/upshot/how-did-marriage-become-a-mark-of-privilege.html?mcubz=0>.
- Ministério da Agricultura, Pecuária e Abastecimento (Brazil). 2017. "Agropecuária Puxa o PIB de 2017." December 4. Accessed 25 March 2019. <http://www.agricultura.gov.br/noticias/agropecuaria-puxa-o-pib-de-2017>.
- Ministério Da Agricultura, Pecuária e Abastecimento. Secretaria de Agricultura Familiar e Cooperativismo. (Brazil). Undated. "DAP. Direitos e Benefícios." Accessed 22 April 2019. <http://www.mda.gov.br/sitemda/dap/direitosebeneficios>.
- Ministerio de Inclusión Económica y Social (Ecuador). 2013. "Informe De Gestión: Ministerio de Inclusión Económica y Social. Abril 2012 – Abril 2013."
- _____. 2018. "Mejoras en lo Laboral Incentiva Profesionalización de Promotoras de CIBV." Accessed 1 March 2019. <https://www.inclusion.gob.ec/mejoras-en-lo-laboral-incentiva-profesionalizacion-de-promotoras-de-cibv/>.
- Mintz, S. 2015. *The Prime of Life: A History of Modern Adulthood*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- MIPEX (Migrant Integration Policy Index). 2015. "How Countries Are Promoting Integration of Immigrants." Accessed 26 March 2019. <http://www.mipex.eu/>.
- Mitchell, B. A. 2006. "The Boomerang Age from Childhood to Adulthood: Emergent Trends and Issues for Aging Families." *Canadian Studies in Population* 33 (2), pp. 155–178.
- Mitu, K. 2016. "Transgender Reproductive Choice and Fertility Preservation." *AMA Journal of Ethics: Illuminating the Art of Medicine* 18 (11), pp. 1119–1125.
- Moen, P., J. Lam and M. N. G. Jackson. 2014. "Aging Families and the Gendered Life Course." In *The Wiley Blackwell Companion to the Sociology of Families*. J. Treas, J. Scott and M. Richards (Eds.). London and New York: Wiley-Blackwell, pp. 444–466.
- Mohamad, M. 2017. "The Economic Consequences of Marriage Dissolution in Malaysia." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- MOHP (Ministry of Health and Population), New ERA and ICF International. 2012. *Nepal, Demographic and Health Survey 2011*. Kathmandu, Nepal and Calverton, MA: MOHP, New ERA and ICF International.
- Molyneux, M. 2007. "Change and Continuity in Social Protection in Latin America: Mothers at the Service of the State?" Gender and Development Programme Paper No. 1. Geneva: UNRISD.
- Moran-Taylor, M. J. 2008. "When Mothers and Fathers Migrate North: Caretakers, Children, and Child Rearing in Guatemala." *Latin American Perspectives* 35 (4), pp. 79–95.
- Morgan, R., I. Ortiz and R. Radibe. 2016. "Universal Old-Age Pensions in Botswana." Universal Social Protection Brief. Geneva: ILO.
- Moser, C. O. N. 2016. "Introduction: Towards a Nexus Linking Gender, Assets and Transformational Pathways to Just Cities." In *Gender, Asset Accumulation and Just Cities: Pathways to Transformation*. C. O. N. (Ed.). Moser, London and New York: Routledge, pp. 1–20.
- Moungsookjareoun, A. and D. Kertesz. 2019. "Towards Universal Health Coverage for Migrants in Thailand." In *Thailand Migration Report 2019*. B. Harkins (Ed.). Bangkok: United Nations Thematic Working Group on Migration in Thailand, pp. 119–130.
- Mously, M. L. and N. Wagner. 2017. "Bride Price and Fertility Decisions: Evidence from Rural Senegal." *Journal of Development Studies* 53 (6), pp. 891–910.
- Moussié, R. 2018. "Women Informal Workers Mobilizing for Child Care." Research Paper. WIEGO Child Care Initiative. Accessed May 2018. <http://www.wiego.org/publications/women-informal-workers-mobilizing-child-care>.
- MSF (Médecins Sans Frontières/Doctors Without Borders). 2017. "Forced to Flee Central America's Northern Triangle: A Neglected Humanitarian Crisis." Accessed 4 May 2019. <https://www.doctorswithoutborders.org/what-we-do/news-stories/research/report-forced-flee-central-americas-northern-triangle>.
- Mukherjee, A. Forthcoming. "Global Patterns on Gender Differences in Time Spent on Unpaid and Paid Work."
- Muhafra, S. 2018. "Nuevas Realidades, Nuevas Demandas: Desafíos para la Medición de la Identidad de Género en el Censo de Población." Paper for seminar 'Aspectos Conceptuales de los Censos de Población y Vivienda: Desafíos para la Definición de Contenidos Incluyentes en la Ronda 2020.' Santiago, Chile, 6–8 November.
- Mullally, S. 2004. "Feminism and Multicultural Dilemmas in India: Revisiting the *Shah Bano* Case." *Oxford Journal of Legal Studies* 24 (4), pp. 671–692.
- Murdock, G.P. 1967. *Ethnographic Atlas*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Musavi S., M. Fatehizade and R. Jazayeri. 2018. "Sexual Dynamics of Iranian Remarried Women in Blended Families: A Qualitative Study on Remarried Women's Life." *Journal of Divorce & Remarriage*, pp. 1–13.
- Musawah. 2018. *Who Provides? Who Cares? Changing Dynamics in the Muslim Families*. Malaysia: Musawah.
- Najjar, F. 2017. "Scrapping of Lebanon rape law 'is one small step'" August 18. Accessed 22 April 2019. <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/08/scrapping-lebanon-rape-law-small-step-170818142722481.html>.
- Namy, S., C. Carlson, K. O'Hara, J. Nakuti et al. 2017. "Towards a Feminist Understanding of Intersecting Violence against Women and Children in the Family." *Social Science & Medicine* 184, pp. 40–48.
- Natali, L., S. Handa, A. Peterman, D. Seidenfeld, G. Tembo and Zambia Cash Transfer Evaluation Team. 2016. "Making Money Work: Unconditional Cash Transfers Allow Women to Save and Re-invest in Rural Zambia." Innocenti Working Paper No. 2016–02. Florence: UNICEF Office of Research.
- National Treasury and South African Revenue Service. 2019. *People's Guide: RSA Budget 2019*. Cape Town: Department of National Treasury.
- NCRB (National Crime Records Bureau), India. Cited in UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime). 2018. "Box 7: Dowry-Related Killings in India." *Global Study on Homicide: Gender-Related Killing of Women and Girls*, 32. Vienna: UNODC.
- Nehring, D. and X. Wang. 2018. "Family Migration in East Asia." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2018–2019*. New York: UN Women.
- Nepomnyaschy, L. and J. Waldfogel. 2007. "Paternity Leave and Fathers' Involvement with Their Young Children: Evidence from the American Ecls-B." *Community, Work and Family* 10 (4), pp. 427–453.
- Netting, N. S. 2010. "Marital Ideoscapes in 21st-Century India: Creative Combinations of Love and Responsibility." *Journal of Family Issues* 31 (6), pp. 707–726.
- Ngwira, N. 2005. "Women's Property and Inheritance Rights and the Land Reform Process in Malawi." Accessed 14 May 2019. https://sarpn.org/documents/d0000585/P522_Malawi_property_rights.pdf.
- Nieuwenhuis, R. and L. C. Maldonado. 2018a. "Single-Parent Families and In-Work Poverty." In *Handbook of Research on In-Work Poverty*. H. Lohmann and I. Marx (Eds.). Cheltenham, UK: Edward Elgar, pp. 171–192.
- _____. and L. C. Maldonado. 2018b. "The Triple Bind of Single-Parent Families: Resources, Employment and Policies." In *The Triple Bind of Single-Parent Families: Resources, Employment and Policies to Improve Well-Being*. R. Nieuwenhuis and L. C. Maldonado (Eds.). Bristol, UK: Policy Press, pp. 1–27.
- _____. T. Munzi, J. Neugschwender, H. Omar, and F. Palmisano. 2018. "Gender Equality and Poverty Are Inherently Linked: A Contribution to the Continued Monitoring of Selected Sustainable Development Goals." UN Women Discussion Paper Series No. 26. New York: UN Women.
- Nijera Kori. 2015. "History." Accessed 8 April 2019. <http://nijerakori.org/history/>.
- Nkosinathi, M. and G. Mtshali. 2015. "The Relationship between Grandparents and their Grandchildren in the Black Families in South Africa." *Journal of Comparative Family Studies* 46 (1), pp. 75–83.

- NSSO (National Sample Survey Organization). 2009–10. "Unit Level Data, Employment– Unemployment Survey." Central Statistical Organization, Ministry of Statistics and Programme Implementation. New Delhi: Government of India.
- Núñez Carrasco, L. 2010. "Transnational Family Life among Peruvian Migrants in Chile: Multiple Commitments and the Role of Social Remittances." *Journal of Comparative Family Studies* 41 (2), pp. 187–204.
- OUA (Organization of African Unity). 2004. *Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Women in Africa*. Accessed 10 May 2019. <http://www.achpr.org/instruments/women-protocol/>.
- Observatory of Economic Complexity (OEC). Undated. "Brazil." Accessed 22 April 2019. <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/bra/>.
- Oduaran, A. and C. Oduaran. 2010. "Grandparents and HIV and AIDS in Sub-Saharan Africa." In *Ageing and Intergenerational Relations: Family Reciprocity from a Global Perspective*. M. Izuvara (Ed.). Bristol, UK: Policy Press, pp. 95–110.
- Oduro, A., C. D. Deere and Z. Catanzarite. 2015. "Women's Wealth and Intimate Partner Violence: Insights from Ecuador and Ghana." *Feminist Economics* 21 (2), pp. 1–29.
- OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development). 2011. *Doing Better for Families*. Paris: OECD.
- _____. 2015. *International Migration Outlook 2015*. Paris: OECD.
- _____. 2016a. "Enrolment in Childcare and Pre-School." OECD Family Database. Accessed 31 October 2017. http://www.oecd.org/els/soc/PF3_2_Enrolment_childcare_preschool.pdf.
- _____. 2016b. "Parental Leave: Where Are the Fathers?" Policy Brief, March. Paris: OECD.
- _____. 2017. "Chapter 3: A Portrait of Family Migration in OECD Countries." In *International Migration Outlook 2017*, Paris: OECD, pp. 107–166.
- _____. 2018a. *Education at a glance*. Paris: OECD.
- _____. 2018b. "How Resilient were OECD Health Care Systems during the 'Refugee Crisis'?" Migration Policy Debates No. 17. Paris: OECD.
- _____. and ILO. 2018. *How Immigrants Contribute to Developing Countries' Economies*. Paris: OECD.
- OHCHR (Office of the High Commissioner on Human Rights). 2016. "In the Best Interest of Migrant Children." 16 September. Accessed 24 April 2019. <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/MigrantChildren.aspx>.
- _____. 2017. "End in Sight for 'Marry Your Rapist' Laws." 25 August. Accessed 25 March 2019. <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/EndInSightMarryYourRapistLaws.aspx>.
- _____. 2018. "UN Experts to US: 'Release Migrant Children from Detention and Stop Using Them to Deter Irregular Migration.'" 22 June. Accessed 10 May 2019. <https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23245&LangID=E>.
- _____. Undated. "Abortion." Information Series on Sexual and Reproductive Health and Rights. Geneva: OHCHR.
- _____. and United Nations Support Mission in Libya. 2016. "'Detained and Dehumanized': Report on Human Rights Abuses against Migrants in Libya." Geneva: OHCHR.
- Ojelabi, L. A., T. Fisher, H. Cleak, A. Vernon and N. Balvin. 2011. "A Cultural Assessment of Family Dispute Resolution: Findings about Access, Retention and Outcomes from the Evaluation of a Family Relationship Centre." *Journal of Family Studies* 17 (3), pp. 220–232.
- Oláh, L. S., I. Kotowska and R. Richter. 2014. "State-of-the-Art Report: The New Roles of Men and Women and Implications for Families and Societies." Families and Societies Working Paper Series 11. Accessed 10 May 2019. <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2014/12/WP11OlahEtAl2014.pdf>.
- O'Laughlin, B. 1998. "Missing Men? The Debate over Rural Poverty and Women-Headed Households in Southern Africa." *Journal of Peasant Studies* 25 (2), pp. 1–48.
- Oliveira, G. 2018. *Motherhood across Borders: Immigrants and Their Children in Mexico and New York*. New York: NYU Press.
- Oliveira Teixeira, M. 2018. "A Crise Econômica e as Políticas de Austeridade: Efeitos sobre as Mulheres." In *Economia para Poucos: Impactos Sociais da Austeridade e Alternativas para o Brasil*. P. Rossi, E. Dweck and A. L. Matos de Oliveira (Eds.) São Paulo: Ed. Autonomia Literária, pp. 281–300.
- Open Government Data (OGD) Platform India. Undated. National Sample Survey, Employment and Unemployment: NSS 66th Round (2009–2010). Ministry of Statistics and Programme Implementation. New Delhi: Government of India. Accessed 3 June 2019. <https://data.gov.in/resources/employment-and-unemployment-nss-66th-round>.
- Organization of American States. 1994. *Inter-American Convention on the Prevention, Punishment and Eradication of Violence against Women, 'Convention of Belém do Pará'*.
- Orloff, A. S. 2002. "Women's Employment and Welfare Regimes: Globalization, Export Orientation and Social Policy in Europe and North America." SPD Programme Paper No. 12. Geneva: UNRISD.
- Ortiz, I., M. Cummins, J. Capaldo and K. Karunanethy. 2015. "The Decade of Adjustment: A Review of Austerity Trends 2010–2020 in 187 Countries." ESS (Extension of Social Security) Working Paper No.53. Geneva: ILO.
- _____. M. Cummins and K. Karunanethy. 2017. "Fiscal Space for Social Protection and the SDGs: Options to Expand Social Investments in 187 Countries." *ESS Working Paper No. 48*. Geneva: ILO.
- _____. F. Durán-Valverde, S. Urban, V. Wodzak, Z. Yu. (Eds.). 2018. "Reversing Pension Privatizations: Rebuilding Public Pension Systems in Eastern European and Latin American Countries (2000–18)." ESS (Extension of Social Security) Working Paper No. 63. Geneva: ILO.
- Our Watch, ANROWS (Australia's National Research Organization for Women's Safety) and VicHealth. 2015. *Change the Story: A Shared Framework for the Primary Prevention of Violence against Women and their Children in Australia*. Melbourne, Australia: Our Watch.
- Oyugi, P. 2017. "Article 6 of the African Women's Rights Protocol: Towards the Protection of the Rights of Women in Polygamous Marriages." In *African Human Rights Yearbook*, Vol. 1. Pretoria, South Africa: Pretoria University Law Press, pp. 290–310.
- Pailhé, A., D. Mortelmans, T. Castro, C. Cortina Trilla et al. 2014. "State-of-the-Art Report: Changes in the Life Course." Families and Societies Working Paper Series 6. Accessed 10 May 2019. <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2014/12/WP6PailheMortelmansEtAl2014.pdf>.
- Palattiyil, G., E. Blyth, D. Sidhva and G. Balakrishnan. 2010. "Globalisation and Cross-Border Reproductive Services: Ethical Implications of Surrogacy in India for Social Work." *International Social Work* 53 (5), pp. 686–700.
- Palma, J. and J. Scott. 2018. "The Implications of Changing Living Arrangements for Intergenerational Relations in Chile." *Contemporary Social Science*, pp. 1–15.
- Palriwala, R. 1994. *Changing Kinship, Family and Gender Relations in South Asia: Processes, Trends and Issues*. Leiden: Women and Autonomy Center.
- _____. 2009. "The Spider's Web: Seeing Dowry, Fighting Dowry." In *Dowry: Bridging the Gap between Theory and Practice*. T. Bradley, E. Tomalin and M. Subramaniam (Eds.). New Delhi: Women Unlimited.
- _____. and R. Kaur. 2014. "Marriage in South Asia: Continuities and Transformations." In *Marrying in South Asia: Shifting Concepts, Changing Practices in a Globalising World*. R. Kaur and R. Palriwala (Eds.). New Delhi: Orient Blackswan.
- Pande, A. 2010. "At Least I Am Not Sleeping with Anyone: Resisting the Stigma or Commercial Surrogacy in India." *Feminist Studies* 36 (2), pp. 292–312.
- Parreñas, R. 2005a. "Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families." *Global Networks* 5 (4), pp. 317–336.
- _____. 2005b. *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- _____. 2015. *Servants of Globalization: Migration and Domestic Work*, 2nd edition. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Patel, L. 2017. "The Child Support Grant in South Africa: Gender, Care and Social Investment." In *Social Investment and Social Welfare: International and Critical Perspectives*. J. Midgley, E. Dahl and A. Conley Wright (Eds.). Cheltenham and Camberley, UK: Edward Elgar Publishing, pp. 105–122.
- Pateman, C. 1983. "Feminist Critiques of the Public/Private Dichotomy." In *Public and Private in Social Life*. S. L. Benn and G. F. Gauss (Eds.). London: Croom Helm.
- PATH and UNFPA. 2006. *Meeting the Need: Strengthening Family Planning Programs*. Seattle: PATH/UNFPA.
- Paul, R. 2017. "Welfare without Borders: Unpacking the Bases of Transnational Social Protection for International Migrants." *Oxford Development Studies* 45 (1), pp. 33–46.
- Pauli, J. and F. Dawids. 2017. "The Struggle for Marriage: Elite and Non-Elite Weddings in Rural Namibia." *Anthropology Southern Africa* 40 (1), pp. 15–28.
- _____. and R. van Dijk. 2016. "Marriage as an End or the End of Marriage? Change and Continuity in Southern African Marriages." *Anthropology Southern Africa* 39 (4), pp. 257–266.
- Pavao, J., J. Alvarez, N. Baumrind, M. Induni and R. Kimerling. 2007. "Intimate Partner Violence and Housing Instability." *American Journal of Preventive Medicine* 32 (2), pp. 143–146.
- Peel, L. and S. McDaid. 2015. "'Over the Rainbow' Lesbian, Gay, Bisexual and Trans People and Dementia Project: Summary Report." Deep: Innovations in Dementia in partnership with the Mental Health Foundation. University of Worcester, UK.
- Peng, I. 2012. "The boss, the worker, his wife, and no babies: South Korean political and social economy of care in a context of institutional rigidities" in *Global Variations in the Political Economy of Care: Worlds Apart*. S. Razavi and S. Staab (Eds.). Routledge: New York, pp. 96–116.
- _____. and S. Yeandle. 2017. "Eldercare Policies in East Asia and Europe: Mapping Policy Changes and Variations and Their Implications." UN Women Discussion Paper Series No. 19. New York: UN Women.
- Perelli-Harris, B. and N. Sánchez Gassen. 2014. "The Increase in Co-habitation and the Role of Marital Status in Family Policies: A Comparison of 12 European Countries." Working Paper 52. Southampton, UK: Centre for Population Change.
- Peterson, P. 1999. "Gray Dawn: The Global Aging Crisis." *Foreign Affairs* 78 (1), pp. 42–55.
- Petropanagos, A., A. Cattapan, F. Baylis and A. Leader. 2015. "Social Egg Freezing: Risk, Benefits and Other Considerations." *Canadian Medical Association Journal* 187 (9), pp. 666–669.
- Pew Research Center. 2013. "Chapter 3: Demographic & Economic Data, by Race". In: *King's Dream Remains an Elusive Goal; many Americans see Racial Disparities*. Washington, DC: Pew Research Center.
- Philippines Supreme Court. 2005. "Decisions: Joycelyn Pablo-Gualberto v. Crisanto Rafaelito Gualberto, G.R. No. 156254 of 28 June 2005." Accessed 10 May 2019. <http://chanrobles.com/scdecisions/jurisprudence2005/jun2005/154994.php>.
- Phillips, A. 2002. "Multiculturalism, Universalism, and the Claims of Democracy." In *Gender Justice, Development and Rights*. M. Molyneux and S. Razavi (Eds.). Oxford: Oxford University Press, pp. 115–138.
- Pianta, R. C., W. S. Barnett, M. Burchinal and K. R. Thornburg. 2009. "The Effects of Preschool Education: What We Know, How Public Policy Is or Is Not Aligned with the Evidence Base, and What We Need to Know." *Psychological Science in the Public Interest* 10 (2), pp. 49–88.
- Piper, N. 2008a. "Overview of Gender and Labour Migration in Asia." *Gender and Labour Migration in Asia*. Geneva: IOM.
- _____. (Ed). 2008b. *New Perspectives on Gender and Migration: Livelihood, Rights and Entitlements*. Abingdon, Oxford: Routledge.
- Pittaway, E. and L. Bartolomei. 2018. "From Rhetoric to Reality: Achieving Gender Equality for Refugee Women and Girls." World Refugee Council Research Paper Series, Research Paper No. 3. Waterloo, ON: Centre for International Governance Innovation.
- Platt, M. and A. Utomo. 2018. "Women, Marriage and the Family in Indonesia." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- Poeze, M. and V. Mazzucato. 2014. "Ghanaian Children in Transnational Families: Understanding the Experiences of Left-Behind Children through Local Parenting Norms." In *Transnational Families, Migration and the Circulation of Care*. L. Baldassar and L. Merla (Eds.). New York: Routledge, pp. 165–185.
- Population Council. 2019. "The Global Compacts on Migration and Refugees: Endorsement and Dissent." *Population and Development Review* 45 (1), pp. 257–262.
- Posel, D. R. 2001. "Who Are the Heads of Household, What Do They Do, and Is the Concept of Headship Useful? An Analysis of Headship in South Africa." *Development Southern Africa* 18 (5), pp. 651–670.
- _____. J. A. Fairburn and F. Lund. 2006. "Labour Migration and Households: A Reconsideration of the Effects of the Social Pension on Labour Supply in South Africa." *Economic Modelling* 23 (5), pp. 836–853.
- _____. and M. Rogan. 2012. "Gendered Trends in Poverty in the Post-Apartheid Period, 1997–2006." *Development Southern Africa* 29 (1), pp. 97–113.
- _____. S. Rudwick and D. Casale. 2011. "Is Marriage a Dying Institution in South Africa? Exploring Changes in Marriage in the Context of Lobolo Payments." *Agenda* (25) 1, pp. 102–111.
- Powell, C. 2017. "Women's Rights Reforms in Tunisia Offer Hope." Council on Foreign Relations. Accessed 14 April 2019. <https://www.cfr.org/blog/womens-rights-reforms-tunisia-offer-hope>.
- Pradeep, P. and B. Agarwal. 2005. "Marital Violence, Human Development and Women's Property Status in India." *World Development* 33 (5), pp. 823–850.
- Präg, P. and M. C. Mills. 2015. "Assisted Reproductive Technology in Europe: Usage and Regulation in the Context of Cross-Border Reproductive Care." *Families and Societies Working Paper Series* 43. Accessed 10 May 2019. <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2015/09/WP43PragMills2015.pdf>.
- Pratt, G. 2012. *Families Apart: Migrant Mothers and the Conflicts of Labor and Love*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- _____. 2013. "Unsettling Narratives: Global Households, Urban Life and a Politics of Possibility." In *Rethinking Feminist Interventions into the Urban*. M. Rieker and L. Peake (Eds.). London and Oxford: Routledge, pp. 122–138.
- President of the Republic of Indonesia. 2017. *Law of the Republic of Indonesia Number 8 of 2017 Regarding Amendment to Law Number 18 of 2016 regarding the State Budget for Fiscal Year 2017 by the Grace of God Almighty The President of the Republic Of Indonesia*. Accessed 22 April 2019. <https://www.kemkeu.go.id/media/6676/law-of-the-republic-indonesia-number-8-of-2017-regarding-amandment-to-law-number-18-of-2016-regarding-the-state-budget-for-fiscal-year-2017.pdf>.
- President of the Republic of Brazil. 2009. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. 2009. *Lei Nº 11.947, de 16 DE Junho de 2009*. Accessed 3 June 2019. http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2007-2010/2009/Lei/L11947.htm.
- Presler-Marshall, E. and N. Jones. 2017. "Family Planning: The Adolescent Imperative." Policy Briefing. London: ODI and GAGE.
- Puri, M. et al. 2016. "Abortion Incidence and Unintended Pregnancy in Nepal." *International Perspectives on Sexual and Reproductive Health* 42 (4), pp. 197–209.
- Putt, J., R. Holder and C. O'Leary. 2016. *Ngaanyatjarra Pitjantjatjara Yankunytjatjara Women's Council's Domestic and Family Violence Service: A History and Overview*. New South Wales: ANROWS.
- _____. 2017. "Women's Specialist Domestic and Family Violence Services: Their Responses and Practices with and for Aboriginal Women – Key Findings and Future Directions." ANROWS Compass (Research to Policy and Practice Papers), Issue 1. New South Wales: ANROWS.
- PwC (PricewaterhouseCoopers). 2015. *A High Price to Pay: The Economic Case for Preventing Violence against Women and Children*. Australia: PwC.

- Quisumbing, A. R. and J. A. Maluccio. 2003. "Resources at Marriage and Intra-household Allocation: Evidence from Bangladesh, Ethiopia, Indonesia, and South Africa." *Oxford Bulletin of Economics and Statistics* 65 (3), pp. 283–327.
- Raday, F. Forthcoming. "Gender Equality and Women's Rights in the Context of Child Custody and Child Maintenance: An International and Comparative Analysis." UN Women Discussion Paper Series. New York: UN Women.
- Raley, R. K., M. M. Sweeney and D. Wondra. 2015. "The Growing Racial and Ethnic Divide in US Marriage Patterns." *Future Child* 25 (2), pp. 89–109.
- Ramm, A. 2016. "Changing Patterns of Kinship: Cohabitation, Patriarchy and Social Policy in Chile." *Journal of Latin American Studies* 48 (4), pp. 769–796.
- _____. and V. Salinas. 2019. "Beyond the Second Demographic Transition: Cohabitation in Chile." *Journal of Comparative Family Studies* 50 (1), pp. 75–97.
- Rao, N. and S. Raju. 2017. "Gendered Time, Seasonality and Nutrition: Insights from Two Indian Districts. LANSA Working Paper Series No. 22. Chennai: LANSA.
- Rao, N., H. Gazdar, D. Chanchani and M. Ibrahim. 2019. "Women's Agricultural Work and Nutrition in South Asia: From Pathways to a Cross-Disciplinary, Grounded Analytical Framework." *Food Policy* 82, pp. 50–62.
- Rao, S. and K. Finoff. 2015. "Marriage Migration and Inequality in India, 1983–2008." *Population and Development Review* 41 (3), pp. 485–505.
- Raymo, J. M., H. Park, Y. Xie and W. J. Yeung. 2015. "Marriage and Family in East Asia: Continuity and Change." *Annual Review of Sociology* 41 (1), pp. 471–492.
- Razavi, S. 2007. "The Political and Social Economy of Care in a Development Context: Conceptual Issues, Research Questions and Policy Options." Gender and Development Programme Paper No. 3. Geneva: UNRISD.
- _____. 2017. "Care Going Global: Afterword" In *Gender, Migration and the Work of Care: A Multi-Scalar Approach to the Pacific Rim*. S. Michel and I. Peng (Eds.). Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, pp. 295–304.
- _____. and S. Staab. 2010. "Underpaid and Overworked: A Cross-National Perspective on Care Workers." *International Labour Review* 149 (4), pp. 407–422.
- Reddock, R. 2009. *What Now for Caribbean People and Their Leaders? Reflections on Current Economic and Social Crises: A Gender Perspective*. 10th W. G. Dumas Memorial Lecture, Providenciales, Turks and Caicos Islands.
- Refugees United. 2019. "Who We Are." Accessed 28 April 2019. <https://refugees.org/#who-we-are>.
- Rehel, E. M. 2014. "When Dad Stays Home Too: Paternity Leave, Gender, and Parenting." *Gender & Society* 28 (1), pp. 110–132.
- Rew, G., G. Gangoli and A. Gill. 2013. "Violence between Female In-laws in India." *Journal of International Women's Studies* 14 (1), pp. 147–160.
- Richter, L., J. Chikovore and T. Makusha. 2010. "The Status of Fatherhood and Fathering in South Africa." *Child Education* 86 (6), pp. 360–365.
- Rodgers, D. 2007. "Each to Their Own': Ethnographic Notes on the Economic Organisation of Poor Households in Urban Nicaragua." *Journal of Development Studies* 43 (3), pp. 391–419.
- Rodriguez Vignoli, J. and S. Cavenaghi. 2015. "Adolescent and Youth Fertility and Social Inequality in Latin America and the Caribbean: What Role Has Education Played?" *Genus* LXX (1), pp. 1–25.
- Rogan, M. 2013. "Alternative Definitions of Headship and the 'Feminisation' of Income Poverty in Post-Apartheid South Africa." *Journal of Development Studies* 49 (10), pp. 1344–1357.
- Rosabal, M. 2019. "Linking Social Protection and Public Services for National Care Systems: The Experience of Cabo Verde." Interactive Expert Panel on Harnessing Synergies and Securing Financing, Sixty-Third Session of the Commission on the Status of Women (CSW63), New York, 15 March.
- Rosenhouse, S. 1989. "Identifying the Poor: Is 'Headship' a Useful Concept?" Living Standards Measurement Study (LSMS) Working Paper No. 58. Washington, DC: World Bank.
- Rosenblum, M. R. 2015. *Unaccompanied Child Migration to the United States: The Tension between Protection and Prevention*. Washington, DC: Migration Policy Institute.
- Rothman, B. K. 2000. *Recreating Motherhood*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Roy, E. 2018. "A Huge Win: New Zealand Brings in Paid Domestic Violence Leave." *The Guardian*. 26 July. Accessed 19 February 2019. <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/26/new-zealand-paid-domestic-violence-leave-jan-logie>.
- Rozée, V. and S. Unisa (Eds.). 2016. *Assisted Reproductive Technologies in the Global South and North: Issues, Challenges and the Future*. Routledge Studies in the Sociology of Health and Illness. London: Routledge.
- Rubery, J. and D. Grimshaw. 2014. "The 40-Year Pursuit of Equal Pay: A Case of Constantly Moving Goalposts." *Cambridge Journal of Economics* 39 (2), pp. 319–343.
- Rubin, L. R. and A. Phillips. 2012. "Infertility and Assisted Reproductive Technologies: Matters of Reproductive Justice." In *Reproductive Justice: A Global Concern*. J. C. Chrisler (Ed.). Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, pp. 173–200.
- Rubio, G. 2014. "How Love Conquered Marriage: Theory and Evidence on the Disappearance of Arranged Marriages." Accessed 4 April 2019. <http://www.sole-jole.org/15097.pdf>.
- Ruhm, C. and J. Waldfogel. 2012. "Long-Term Effects of Early Childhood Care and Education." *Nordic Economic Policy Review* 1, pp. 23–51.
- Ruhs, M. 2013. *The Price of Rights: Regulating International Labor Migration*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rush, M. 2015. *Between Two Worlds of Father Politics: USA or Sweden?* Manchester, UK: Manchester University Press.
- Ruysen, I. and S. Salamone. 2018. "Female Migration: A Way out of Discrimination?" *Journal of Development Economics* 130, pp. 224–241.
- Saez, M. 2011. "Same-Sex Marriage, Same-Sex Cohabitation, and Same-Sex Families around the World: Why 'Same' is So Different." *American University Journal of Gender, Social Policy and the Law* 19 (1), pp. 1–54.
- Safa, H. 1995. *The Myth of the Male Breadwinner: Women and Industrialization in the Caribbean*. Boulder, CO: Westview.
- Sakhonchik, A., I. Santagostino Recavarren and P. Tavares. 2015. *Closing the Gap: Improving the Law Protecting Women from Violence*. Women, Business and the Law. Washington, DC: World Bank Group.
- Salazar Parreñas, R. 2008. "Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 34 (7), pp. 1057–1072.
- Salguero, M. R. and J. R. Vignoli. 2011. "Familia y Nupcialidad en los Censos Latinoamericanos Recientes: Una Realidad que Desborda los Datos." Serie Población y Desarrollo 99. Santiago, Chile: UN ECLAC and UNFPA.
- Sardenberg, C. M. B. 2017. "Ten Years of Maria Da Penha Law: Advancements and Shortcomings in Confronting Violence against Women in Brazil." Background paper prepared for *Progress of the World's Women 2019–2020*. New York: UN Women.
- Sardinha, L. and H. E. N. Catalan. 2018. "Attitudes towards Domestic Violence in 49 Low- and Middle-Income Countries: A Gendered Analysis of Prevalence and Country-Level Correlates." *PLoS ONE* 13 (10), pp. e0206101.
- Sarajini, N., V. Marewah and A. Sheno. 2011. Globalisation of birth markets: a case study of assisted reproductive technologies in India. *Globalization and Health* 7 (27), pp. 1–9.
- Sassen, S. 2000. "Women's Burden: Counter Topographies of Globalization and the Feminization of Survival." *Journal of International Affairs* 3 (2), pp. 503–524.

- Save the Children, Sri Lanka. 2006. *Left out, Left behind: The Impact on Children and Families of Mothers Migrating for Work Abroad*. Colombo, Sri Lanka: Save the Children.
- Say, L., D. Chou, A. Gemmill, Ö. Tunçalp et al. 2014. "Global Causes of Maternal Death: A WHO Systematic Analysis." *Lancet Global Health* 2 (6), pp. e323–e333
- Scheil-Adlung, X. 2015. "Long-Term Care Protection for Older Persons: A Review of Coverage Deficits in 46 Countries." ESS Working Paper No. 50. Geneva: ILO.
- Schmidt, L. A. and S. Buechler. 2017. "I Risk Everything Because I Have Already Lost Everything: Central American Female Migrants Speak Out on the Migrant Trail in Oaxaca, Mexico." *Journal of Latin American Geography* 16 (1), pp. 139–164.
- Schwandt, H. M., S. Feinberg, A. Akotiah, T. Y. Douville et al. 2018. "Family Planning in Rwanda Is Not Seen as Population Control, But Rather as a Way to Empower the People: Examining Rwanda's Success in Family Planning from the Perspective of Public and Private Stakeholders." *Contraceptive and Reproductive Medicine* 3 (1), pp. 18.
- Schweinhart, L., J. Montie, Z. Xiang, W. Barnett, C. Belfield and M. Nores. 2005. *Lifetime Effects: The HighScope Perry Preschool Study Through Age 40*. Ypsilanti, MI: HighScope Press.
- Schwiter, K., K. Strauss and K. England. 2018. "At Home with the Boss: Migrant Live-in Caregivers, Social Reproduction and Constrained Agency in the UK, Canada, Austria and Switzerland." *Transactions of the Institute of British Geographers* 43 (3), pp. 462–476.
- Scott, J. 2014. "Children's Families: A Child-Centered Perspective." In *The Wiley Blackwell Companion to the Sociology of Families*. J. Treas, J. Scott and M. Richards (Eds.) London and New York: Wiley-Blackwell, pp. 404–423.
- Sedgh, G., L. Ashford and R. Hussain. 2016. *Unmet Need for Contraception in Developing Countries: Examining Women's Reasons for Not Using a Method*. New York: Guttmacher Institute.
- Seeley, J. 2012. "The Changing Relationship of Co-Wives over Time in Rural Southern Uganda." *Journal of Development Studies* 48 (1), pp. 68–80.
- Selwaness, I. and C. Krafft. 2018. "The Dynamics of Family Formation and Women's Work: What Facilitates and Hinders Female Employment in the Middle East and North Africa?" In *Economic Research Forum Working Paper Series No. 1192*. Cairo: Economic Research Forum.
- Sempreviva Organização Feminista (SOF). 2018. "Mulheres se reúnem em Recife para Seminário Nacional sobre cadernetas agroecológicas." Accessed 22 April 2019. <http://www.sof.org.br/2018/11/22/mulheres-se-reunem-em-recife-para-seminario-nacional-sobre-cadernetas-agroecologicas/>.
- Sen, A. 1990a. "Gender and Cooperative Conflicts." In *Persistent Inequalities: Women and World Development*. I. Tinker (Ed.). Oxford: Oxford University Press, pp. 123–149.
- _____. 1990b. "More than 100 Million Women Are Missing." *New York Review of Books*, 20 December. Accessed 17 April 2019. <http://www.ouazad.com/nyustats/resources/reading-week1.pdf>.
- _____. 1999. *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Sepúlveda Carmona, M. 2017. "A Contemporary View of 'Family' in International Human Rights Law and Implications for Sustainable Development Goals." UN Women Discussion Paper Series No. 21. New York: UN Women.
- Servicio Jesuita a Refugiados Colombia. 2018. "Desprotección de Derechos Humanos en la Frontera Colombo-Venezolana hacia Mujeres Migrantes Gestantes y Lactantes: El Proceso de Ser Madre en Contextos de Migración Forzada." *Informe II: Relatos Con Rostro de Mujer*.
- Shafer, K. M. 2009. "Gender Differences in Remarriage: Marriage Formation and Assortative Mating After Divorce." Doctoral Dissertation. Columbus, OH: Ohio State University.
- Shah, I. H., E. Ahman and N. Ortayli. 2014. "Access to Safe Abortion: Progress and Challenges since the 1994 International Conference on Population and Development (ICPD)." Paper prepared for ICPD Beyond 2014 Expert Meeting on Women's Health: Rights, Empowerment and Social Determinants. Mexico City, 30 September – 2 October.
- Shapiro, D. and M. Tenikue. 2015. "Women's Education, Infant and Child Mortality, and Fertility Decline in Sub-Saharan Africa: A Quantitative Assessment." LISER Working Paper Series 2015-07. Luxembourg: LISER.
- Sherwood, H. 2018. "Ireland to Confirm Abortion Referendum: Details as Activist Vows to Fight on." *The Guardian*, 6 March. Accessed 25 March 2019. <https://www.theguardian.com/world/2018/mar/05/ireland-abortion-campaign-activist-aibhe-smyth>.
- Sierminska, E. and A. Girshina. 2017. *Wealth and Gender in Europe*. European Commission, Directorate General for Justice. Luxembourg: Publication Office of the European Union.
- Silverstein, M., R. Giarrusso and V. Bergtson. 2003. "Grandparents and Grandchildren in Family Systems: A Socio-Developmental Perspective." In *Global Aging and Challenges to Families*. V. Bergtson and A. Lowenstein (Eds.). New York: Aldine de Gruyter, pp. 75–102.
- Simkhada, B., M. A. Porter and E. R. van Teijlingen. 2010. "The Role of Mothers-in-law in Antenatal Care in Nepal: A Qualitative Study." *BMC Pregnancy and Childbirth* 10, pp. 34.
- Singerman, D. 2007. "The Economic Imperatives of Marriage: Emerging Practices and Identities Among Youth in the Middle East." *The Middle East Youth Initiative Working Paper* 6. Washington, DC and Dubai, UAE: Wolfensohn Centre for Development and Dubai School of Government.
- Singh, K. 2013. *Separated and Divorced Women in India: Economic Rights and Entitlements*. New Delhi and Ottawa: Sage Publications and IDRC.
- Singh, S., A. Bankole and J. E. Darroch. 2017. "The Impact of Contraceptive Use and Abortion on Fertility in Sub-Saharan Africa: Estimates for 2003–2014." *Population and Development Review* 43 (Suppl 1), pp. 141–165.
- Singh, S., L. Remez, G. Sedgh, L. Kwok and T. Onda. 2017. *Abortion Worldwide 2017: Uneven Progress and Unequal Access*. New York: Guttmacher Institute.
- Smith, D. J. 2004. "Contradictions in Nigeria's Fertility Transition: The Burdens and Benefits of Having People." *Population and Development Review* 30 (2), pp. 221–238.
- Smulovitz, C. Undated. "The Unequal Distribution of Legal Rights: Who Gets What and Where in the Argentinean Provinces?" Barcelona: Universidad Torcuato Di Tella–CONICET.
- Sobotka, T., V. Skirbekk and D. Philipov. 2011. "Economic Recession and Fertility in the Developed World." *Population and Development Review* 37 (2), pp. 267–306.
- SOS Children's Villages International. 2016. "Helping Refugees Connect." Accessed 28 April 2019. <https://www.sos-childrensvillages.org/news/ict-corners-for-refugees-in-balkans>.
- Southall Black Sisters. 2019. "Southall Black Sisters Timeline." Accessed 12 April 2019. <https://southallblacksisters.org.uk/about/southall-black-sisters-timeline/>.
- Spencer, S. and V. Hughes. 2015. *Outside and In: Legal Entitlements to Health Care and Education for Migrants with Irregular Status in Europe*. Oxford: Compass.
- Srivastava, S. and P. Singh. 2015. "Psychosocial Roots of Stigma of Homosexuality and Its Impact on the Lives of Sexual Minorities in India." *Open Journal of Social Sciences* 3 (08), pp. 128–136.
- Staab, S. 2015. "Gender Equality, Child Development and Job Creation: How to Reap the 'Triple Dividend' from Early Childhood Education and Care Services." UN Women Policy Brief Series No. 2. New York: UN Women.
- _____. 2017. *Gender and the Politics of Gradual Change: Social Policy Reform and Innovation in Chile*. London and New York: Palgrave.
- Stang, F. 2018. "La Invisibilidad Estadística de la Diversidad Sexual y de Género en los Censos Latinoamericanos." Paper for seminar 'Aspectos Conceptuales de los Censos de Población y Vivienda: Desafíos para la Definición de Contenidos Incluyentes en la Ronda 2020'. Santiago, Chile, 6–8 November.

- Stark, E. and M. Hester. 2019. "Coercive Control: Update and Review." *Violence Against Women* 25(1), pp. 81–104.
- Statistics Canada. 2014. "Family Violence in Canada: A Statistical Profile, 2014 – Trends in Self-Reported Spousal Violence." Accessed 14 May 2019. <https://www.statcan.gc.ca/daily-quotidien/160121/dq160121b-eng.htm>.
- Steinem, G. 1993. "The Birth of Ms." *New York Magazine* 26 (16), pp. 136.
- Stevenson, B. and J. Wolfers. 2006. "Bargaining in the shadow of divorce: Divorce laws and family distress." *Quarterly Journal of Economics* 121, pp. 267–288.
- Stewart, K., L. Gambaro and J. Rutter. 2015. "Common Challenges, Lessons for Policy." In *An Equal Start? Providing Quality Early Education and Care for Disadvantaged Children*. L. Gambaro, K. Stewart and J. Waldfogel (Eds.). Bristol, UK: Polity Press, pp. 219–243.
- Stewart-Evans, M. and M. Siegel. 2018. *Left-Behind Men in Nicaragua: The Rise of the Padre-Luchadores*. MERIT Working Papers No. 034. Maastricht: UNU – MERIT.
- Stöckl, H., L. March, C. Pallitto and C. Garcia-Moreno. 2014. "Intimate Partner Violence among Adolescents and Young Women: Prevalence and Associated Factors in Nine Countries – A Cross-Sectional Study." *BMC Public Health* 14 (1), pp. 751.
- Stonewall. 2011. *Lesbian, Gay and Bisexual People in Later Life*. London: Stonewall.
- Sudbury, J. (Ed.). 2005. *Global Lockdown: Race, Gender, and the Prison-Industrial Complex*. London and New York: Routledge.
- Suh, J. 2016. "Measuring the 'Sandwich': Care for Children and Adults in American Time Use Survey 2003–2012." *Journal of Family and Economic Issues* 37 (2), pp. 197–211.
- Sumner, C. with N. Zulminarni. 2018. "The Second Decade: Looking Back, Looking Forward – Women's Access to the Religious Courts of Indonesia." Policy Paper 16. Australia: Centre for Indonesian Law, Islam and Society, University of Melbourne.
- Sundaram, L., E. Travers and M. Branson. 2018. "How to End Child Marriage around the World: Strategies, Progress and Action Needed." In *Handbook of Adolescent Development Research and its Impact on Global Policy*. J. E. Lansford and P. Benati (Eds.). New York: Oxford University Press, pp. 173–195.
- Sung, S. and G. Pascall. 2014. *Gender and Welfare States in East Asia: Confucianism or Gender Equality?* New York: Palgrave Macmillan.
- Suphanchaimat, R. 2017. "'Health Insurance Card Scheme' for Cross-border Migrants in Thailand: Responses in Policy Implementation and Outcome Evaluation." PhD thesis. London: London School of Hygiene & Tropical Medicine.
- Supreme Court of India. 2018. "Navtej Singh Johar & Ors. vs. Union Of India Thr. Secretary Ministry Of Law and Justice." Accessed 13 May 2019. https://www.sci.gov.in/supreme-court/2016/14961/14961_2016_Judgement_06-Sep-2018.pdf.
- Supreme Court of Uganda. 2015. "Mifumi (U) Ltd & Anor Vs Attorney General & Anor (Constitutional Appeal No. 02 of 2014) [2015] UGSC 13 (6 August 2015)." Accessed 13 May 2019. <https://mifumi.org/wp-content/uploads/2017/02/BRIDE-PRICE-CASE-Uganda-Supreme-Court-Ruling-2015.pdf>.
- SUSESO (Superintendencia de Seguridad Social). 2017. "El Boletín de Estadísticas de Seguridad Social." Santiago, Chile: SUSESO. Accessed 1 April 2019. <http://www.suseso.cl/607/w3-property-value-10362.html>.
- Tabbush, C., M. Constanza Díaz, C. Trebisacce and V. Keller. 2019. "LGBT Rights Yes, Abortion No: Explaining Uneven Trajectories in Argentina Under Kirchnerism (2003–2015)." In *Seeking Rights from the Left: Gender, Sexuality and the Latin American Pink Tide*. E. J. Friedman (Ed.). Durham and London: Duke University Press, pp. 82–114.
- Tach, L. M. and A. Eads. 2015. "Trends in the Economic Consequences of Marital and Cohabitation Dissolution in the United States." *Demography* 52, pp. 401–432.
- Tamaru, N., O. Holt-Ivry and M. O'Reilly. 2018. "Beyond Revolution: How Women Influenced Constitution Making in Tunisia." Washington, DC: UNDP and Inclusive Security.
- Tangcharoensathien, V., A. A. Thwin and W. Patcharanarumol. 2017. "Implementing Health Insurance for Migrants, Thailand." *Bulletin of the World Health Organization* 2017 (95), pp. 146–151.
- Tauber, E. and L. Moloney. 2002. "How Is the Issue of Lesbian and Gay Parenting Addressed in Family Reports." *Australian Journal of Family Law* 16 (3), pp.185–203.
- Tavares, P. and Q. Wodon. 2018. *Ending Violence against Women and Girls: Global and Regional Trends in Women's Legal Protection against Domestic Violence and Sexual Harassment*. Washington, DC: World Bank, Children's Investment Fund Foundation and Global Partnership for Education.
- Taylor, A., G. Lauro, M. Segundo and M. Greene. 2015. *'She Goes with Me in my Boat': Child and Adolescent Marriage in Brazil – Results from Mixed Methods Research*. Rio de Janeiro and Washington, DC: Instituto Promundo and Promundo-US.
- Taylor, J. 2012. "Working with older lesbian, gay and bisexual people: a guide for care and support services." *Nursing Older People*, 24(8), pp. 1–28.
- Tazanu, P. 2018. "Communication Technologies and Legitimate Consumption: Making Sense of Healthcare Remittances in Cameroonian Transnational Relationships." *Africa* 88 (2), pp. 385–403.
- Telles, L. et al. 2018. "Cadernetas Agroecológicas e a contribuição econômica das agricultoras agroecológicas no Brasil." In *Agroecología en femenino Reflexiones a partir de nuevas experiencias*. G. Zuloaga Sánchez et al. (Eds.). La Paz: SOCLA.
- Therborn, G. 2004. *Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000*. London and New York: Routledge.
- . 2014. "Family Systems of the World: Are They Converging?" In *The Wiley Blackwell Companion to The Sociology of Families*. J. Treas, J. Scott and M. Richards (Eds.). London and New York: Wiley-Blackwell, pp. 3–19.
- Together For Girls. 2017. "About the Violence against Children and Youth Surveys." Accessed 5 April 2019. <https://www.togetherforgirls.org/about-the-vacs/>.
- Torr, B. M. and S. E. Short. 2004. "Second Births and the Second Shift: A Research Note on Gender Equity and Fertility." *Population and Development Review* 30 (1), pp. 109–130.
- Transgender Europe. 2018. "Trans Rights Europe Map and Index 2018." Accessed 13 May 2019. <https://tgeu.org/trans-rights-map-2018/>.
- Treanor, M. C. 2018. "Income Poverty, Material Deprivation and Lone Parenthood." In *The Triple Bind of Single-Parent Families: Resources, Employment and Policies to Improve Well-Being*. R. Nieuwenhuis and L. C. Maldonado (Ed.). Bristol, UK: Polity Press, pp. 81–100.
- Treas, J., J. Scott and M. Richards (Eds.). 2014. *The Wiley Blackwell Companion to the Sociology of Families*. London and New York: Wiley-Blackwell.
- Tsekeris, C., E. Ntali, A. Koutrias and A. Chatzoulis. 2017. "Boomerang Kids in Contemporary Greece: Young People's Experience of Coming Home Again." *Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe* No. 108. London: European Institute, London School of Economics.
- Turgunova L. Y., Y. Laryushina, A. Turmukhambetova, B. Koichubekov, M. Sorokina and I. Korshukov. 2017. "The Incidence of Depression among the Population of Central Kazakhstan and Its Relationship with Sociodemographic Characteristics." *Behavioural Neurology* 2017.
- Ulrichs, M. 2016. "Informality, Women and Social Protection: Identifying Barriers to Provide Effective Coverage." Working Paper 435. London: ODI.
- UN CCPR (United Nations Human Rights Committee). 2003a. "K.L. v. Peru." CCPR/C/85/D/1153/2003.
- . 2011a. "Concluding Observations on Jamaica." CCPR/C/JAM/CO/3.
- . 2011b. "Concluding Observations on Kuwait." CCPR/C/KWT/CO/2.

- _____. 2015. "Concluding Observations on the Fourth Periodic Report of Uzbekistan." CCPR/C/UZB/CO/4.
- _____. 2016. "Concluding Observations on the Initial Reports of Ghana." CCPR/C/GHA/CO/1.
- _____. 2017. "Concluding Observations on the Initial Report of Bangladesh." CCPR/C/BGD/CO/1.
- _____. 2018. *General Comment No. 36 on Article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, on the Right to Life.* CCPR/C/GC/36.
- UN CEDAW (United Nations Committee on the Elimination of Discrimination against Women). 1979. *Declarations and Reservations.* Accessed 3 June 2019. https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtmsg_no=IV-8&chapter=4&lang=en#82.
- _____. 1990. *General Recommendation No. 14 (9th Session, 1990): Female Circumcision.* A/45/38.
- _____. 1992. *General Recommendation No. 19 (11th Session, 1992): Violence against Women.*
- _____. 1994a. *General Recommendation No. 21 (13th Session, 1994): Equality in Marriage and Family Relations.* A/49/38.
- _____. 1994b. *Report of the Committee on the Elimination of Discrimination against Women: Thirteenth session.* A/49/38. General Recommendation 21, para. 13.
- _____. 2004. *General Recommendation No. 25 on Temporary Special Measures: Art. 4, Para. 1 of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women.* HRI/GEN/1/Rev.7.
- _____. 2008. *General Recommendation No. 26 on Women Migrant Workers.* CEDAW/C/2009/WP.1/R.
- _____. 2009. *L.C v. Peru* CEDAW/C/50/D/22/2009, para 8.15.
- _____. 2017a. *Concluding observations on the combined sixth and seventh periodic reports on Ireland,* paras 10–11 and 42–43. CEDAW/C/IRL/6–7.
- _____. 2017b. *General Recommendation No. 35 on Gender-Based Violence against Women, Updating General Recommendation No. 19.* CEDAW/C/GC/35.
- _____. and UN CRC (Committee on the Rights of the Child). 2014. *Joint General Recommendation No. 31 of the Committee on the Elimination of Discrimination against Women/General Comment No. 18 of the Committee on the Rights of the Child on Harmful Practices.* CEDAW/C/GC/31–CRC/C/GC/18.
- UN CESCR (United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights). 1999. *General Comment No. 13: The Right to Education (Article 13).* E/C.12/1999/10.
- _____. 2000a. *CESCR's Concluding Observations at the Fourth Periodic Report of Germany.* E/C.12/4/Add.3, para. 122.
- _____. 2000b. *General Comment No. 14: The Right to the Highest Attainable Standard of Health (Article 12).* E/C.12/2000/4.
- _____. 2000c. "List of Issues to be Taken up in Connection with the Consideration of the 4th periodic Report of Germany Concerning the Rights Covered by Articles 1 to 15 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights." E/C.12/4/Add.3.
- _____. 2009a. *General Comment No. 20: Non-Discrimination in Economic, Social and Cultural Rights (Art. 2, Para. 2).* E/C.12/GC/20.
- _____. 2009b. *General Comment No. 21: Right of Everyone to Take Part in Cultural Life (Article 15, Para. 1a).* E/C.12/GC/21.
- _____. 2016a. *General Comment No. 22 (2016) on the Right to Sexual and Reproductive Health (Article 12).* E/C.12/GC/22.
- _____. 2016b. *General Comment No. 23 (2016) on the Right to Just and Favourable Conditions of Work (Article 7).* E/C.12/GC/23.
- _____. 2017. *The Duties of States Towards Refugees and Migrants under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights* E/C.12/2017/1.
- UN CRC (Committee on the Rights of the Child). 2013. *General Comment No. 14 (2013) on the Right of the Child to Have His or Her Best Interests Taken as a Primary Consideration (Art. 3, Para. 1).* CRC/C/GC/14.
- _____. 2016. *General Comment No. 20 on the Implementation of the Rights of the Child during Adolescence.* CRC/C/GC/20.
- UN CRPD (United Nations Committee on the Rights of Persons with Disabilities) and UN CEDAW. 2018. *Joint Statement. "Guaranteeing Sexual and Reproductive Health and Rights for All Women, in Particular Women with Disabilities."* Accessed 10 May 2019. <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRPD/Pages/CRPD-Statements.aspx>.
- UN DESA (United Nations Department of Economic and Social Affairs). 1998. *Recommendations on Statistics of International Migration: Revision 1.* ST/ESA/STAT/SER.M/58/Rev.1 New York: UN DESA Population Division.
- _____. 2005. *Living Arrangements of Older Persons around the World.* New York: UNDESA.
- _____. 2011. "World Marriage Patterns." *Population Facts* No. 2011/1. New York: United Nations.
- _____. 2013a. *Cross-national Comparisons of Internal Migration: An Update on Global Patterns and Trends.* New York: UN DESA.
- _____. 2013b. *Neglect, Abuse and Violence against Older Women.* ST/ESA/351.
- _____. 2014. *Guidelines for Producing Statistics on Violence against Women: Statistical Surveys.* New York: UN DESA.
- _____. 2015a. *Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development.* A/RES/69/313, p. 7.
- _____. 2015b. *World Fertility Patterns 2015: Data Booklet.* ST/ESA/SER.A/370.
- _____. 2017a. *Household Size and Composition around the World 2017: Data Booklet.* ST/ESA/SER.A/405.
- _____. 2017b. *Household Size and Composition around the World 2017.* *Population Facts* No. 2017/2. United Nations, New York.
- _____. 2017c. *International Migration Report 2017.* ST/ESA/SER.A/403. New York: UN DESA.
- _____. 2017d. *International Migration Report 2017: Highlights.* ST/ESA/SER.A/404. New York: UN DESA.
- _____. 2017e. "International Migrant Stock: The 2017 Revision." Accessed 26 April 2019. <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/index.asp>.
- _____. 2017f. *Living Arrangements of Older Persons: A Report on an Expanded International Dataset.* ST/ESA/SER.A/407.
- _____. 2017g. *Population Facts.* No. 2017/5. New York: UN DESA Population Division.
- _____. 2017h. *Principles and Recommendations for Population and Housing Censuses.* Revision 3. New York: UN DESA Statistics Division.
- _____. 2017i. "The World Counted 258 Million International Migrants in 2017, Representing 3.4 Per Cent of Global Population." *Population Facts* No. 2017/5. New York: United Nations.
- _____. 2017j. "Trends in International Migrant Stock: The 2017 Revision." United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017.
- _____. 2017k. "World Marriage Data 2017." Accessed 7 April 2019. <http://www.un.org/en/development/desa/population/theme/marriage-unions/WMD2017.shtml>.
- _____. 2017l. *World Population Ageing 2017: Highlights.* ST/ESA/SER.A/397.
- _____. 2017m. "World Population Prospects: The 2017 Revision." DVD Edition. Accessed 5 April 2019. <https://www.un.org/development/desa/publications/world-population-prospects-the-2017-revision.html>.
- _____. 2017n. *World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables (ESA/P/WP/248).* New York: UN DESA Population Division.
- _____. 2018a. "Database on Household Size and Composition 2018." Accessed 13 May 2019. <https://population.un.org/Household/>. New York: United Nations.

- _____. 2018b. "Estimates and Projections of Family Planning Indicators 2018." Accessed 10 April 2019. https://www.un.org/en/development/desa/population/theme/family-planning/cp_model.shtml.
- _____. 2018c. "Estimates and Projections of Women of Reproductive Age Who Are Married or in a Union: 2018 Revision." New York: United Nations.
- _____. 2018d. "SDG Indicators: Metadata repository." Accessed 20 March 2019. <https://unstats.un.org/sdgs/metadata?Text=&Goal=5&Target=5.a>.
- _____ and UN Women. 2019. *Extended Dataset Household Size and Composition 2019*.
- UN ECLAC (United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean). 2018. *Social Panorama of Latin America 2017*. Santiago, Chile: United Nations.
- _____. Undated. "Femicide or Femicide." Accessed 5 April 2019. <https://oig.cepal.org/en/indicators/femicide-or-femicide>.
- UN ECOSOC (United Nations Economic and Social Council). 1999. *Report of the Special Rapporteur on Violence against Women, its Causes and Consequences*. E/CN.4/1999/68.
- _____. 2014. *Report on the Secretary-General: Migration Statistics*. E/CN.3/2014/20.
- _____. 2018. *Report of the Commission on the Status of Women*. E/2018/27.
- _____. 2019a. *Report of the Commission on the Status of Women: Report on the sixty-third session (23 March 2018 and 11-22 March 2019)*. E/2019/27.
- _____. 2019b. *Report of the Secretary-General: Social Protection Systems, Access to Public Services and Sustainable Infrastructure for Gender Equality and the Empowerment of Women and Girls. Sixty-Third Session of the Commission on the Status of Women (CSW63), 11-22 March*. E/CN.6/2019/3.
- UN ESCAP (United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific). 2017. *Towards Safe, Orderly and Regular Migration in the Asia-Pacific Region: Challenges and Opportunities*. Bangkok: UN ESCAP.
- UN General Assembly (United Nations General Assembly). 1948. *Universal Declaration on Human Rights*. 217 A (III).
- _____. 1951. *Convention Relating to the Status of Refugees*. United Nations Treaty Series Vol. 189, pp. 137.
- _____. 1954. *Convention Relating to the Status of Stateless Persons*. United Nations Treaty Series Vol. 360.
- _____. 1957. *Convention on the Nationality of Married Women*. United Nations Treaty Series Vol. 309.
- _____. 1962. *Convention on Consent to Marriage, Minimum Age for Marriage and Registration of Marriages*. United Nations Treaty Series Vol. 521.
- _____. 1966a. *International Covenant on Civil and Political Rights*. United Nations Treaty Series Vol. 999, article 23.
- _____. 1966b. *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights*. A/RES/2200. United Nations Treaty Series Vol. 999.
- _____. 1979. *Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW)*. United Nations Treaty Series Vol. 1249.
- _____. 1989. *Convention on the Rights of the Child*. United Nations Treaty Series Vol. 1577.
- _____. 1990. *International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families*. A/RES/45/158. United Nations Treaty Series Vol. 2220.
- _____. 1993. *Declaration on the Elimination of Violence against Women*. A/RES/48/104.
- _____. 1994. *International Conference on Population and Development (ICPD) Programme of Action*. A/CONF171/13/Rev.1.
- _____. 1995. *Beijing Declaration and Platform of Action, adopted at the Fourth World Conference on Women, 27 October 1995*. A/CONF.177/20 and A/CONF.177/20/Add.1.
- _____. 2002. "Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Ageing." Second World Assembly on Ageing, Madrid, Spain. New York: United Nations.
- _____. 2003. *International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families*. United Nations Treaty Series Vol. 2220.
- _____. 2006. *Convention on the Rights of Persons with Disabilities*. United Nations Treaty Series Vol. 2515.
- _____. 2007. *Declaration on the Rights of Indigenous People*. A/RES/61/295.
- _____. 2010. *Report of the Special Rapporteur on the Human Rights of Migrants, François Crépeau*. A/65/222.
- _____. 2012. *Cultural Rights: Note by the Secretary-General*. A/67/287.
- _____. 2014a. *Framework of Actions for the Follow-up to the Programme of Action of the International Conference of Population and Development Beyond 2014: Report of the Secretary-General*. A/69/62.
- _____. 2014b. *Human Rights of Migrants*. A/69/302.
- _____. 2015a. *Report of the Special Rapporteur on the Human Rights of Migrants*. A/70/310.
- _____. 2015b. *World Economic Situation and Prospects 2015*. New York: United Nations, pp. 64-65.
- _____. 2016a. Convention on the Rights of the Child. General comment No. 20 on the implementation of the rights of the child during adolescence CRC/C/GC/20, para 59.
- _____. 2016b. *New York Declaration for Refugees and Migrants*. A/RES/71/1, 3 October.
- _____. 2018a. *The Sustainable Development Goals Report 2018*. New York: United Nations.
- _____. 2018b. *Effects of Foreign Debt and Other Related Financial Obligations of States on the Full Enjoyment of All Human Rights, Particularly Economic, Social and Cultural Rights*. A/73/179.
- _____. 2018c. *Global Compact for Safe, Orderly, and Regular Migration*. A/RES/73/195.
- _____. 2018d. "Report of the Special Rapporteur on the Human Rights of Migrants." A/73/178/Rev.1.
- _____. 2018e. "Report of the United Nations High Commissioner for Refugees Part II." *Global Compact for Refugees*. A/73/12 (Part II).
- _____. 2019a. *Financing for Sustainable Development Report 2019*. New York: United Nations.
- _____. 2019b. *Sustainable Development Goals Progress Report*.
- UN Human Rights Committee (United Nations Human Rights Committee). 2000. *CCPR General Comment No. 28: Article 3 (The Equality of Rights Between Men and Women)*, 29 March 2000. CCPR/C/21/Rev.1/Add.10.
- _____. 2000. International Covenant on Civil and Political Rights. General Comment No. 28. *Equality of Rights between Men and women*. Article 3, 21.
- UN Human Rights Council. 2009. *Report of the Special Rapporteur on the Human Rights of Migrants, Jorge Bustamante* A/HRC/11/7. Para. 87.
- _____. 2010. *Report of the Special Rapporteur on the Right of Everyone to the Enjoyment of the Highest Attainable Standard of Physical and Mental Health, Anand Grover*. A/HRC/14/20.
- _____. 2012. *Report of the Special Rapporteur on Violence against Women, Its Causes and Consequences, Rashida Manjoo*. A/HRC/20/16.
- _____. 2014. *Report of the Special Rapporteur on Violence against Women, Its Causes and Consequences, Rashida Manjoo*. A/HRC/26/38.
- _____. 2015. *Report of the Working Group on the Issue of Discrimination against Women in Law and in Practice*. A/HRC/29/40.
- _____. 2016. *Report of the Special Rapporteur on Violence against Women, Its Causes and Consequences on Her Mission to South Africa*. A/HRC/32/42/Add.2.

- _____. 2017a. *Report of the Special Rapporteur in the Field of Cultural Rights. A/HRC/34/56.*
- _____. 2017b. *Report of the Special Rapporteur on Violence against Women, Its Causes and Consequences. A/HRC/35/30.*
- _____. 2018a. *Report of the Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights, on the International Monetary Fund and Its Impact on Social Protection, Philip Alston. A/HRC/38/33.*
- _____. 2018b. *Report of the Special Rapporteur on the Sale and Sexual Exploitation of Children, including Child Prostitution, Child Pornography and other Child Sexual Abuse Material. A/HRC/37/60.*
- United Nations Inter-Agency Task Force on Financing for Development. 2019. *Financing for Sustainable Development Report 2019.* New York: United Nations, pp. 118.
- UN Secretary-General (United Nations Secretary-General). 2015. *Review and Appraisal of the Implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the Outcomes of the Twenty-third Special Session of the General Assembly. E/CN.6/2015/3.*
- UN Women (United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women). 2011. *Progress of the World's Women: In Pursuit of Justice.* New York: UN Women.
- _____. 2012a. *Estimating the Costs of Domestic Violence Against Women in Viet Nam.* Viet Nam: UN Women.
- _____. 2012b. *Handbook for Legislation on Violence against Women.* New York: UN Women.
- _____. 2013. *Elimination and Prevention of all Forms of Violence against Women and Girls: 2013 Commission on the Status of Women, Agreed Conclusions.* New York: UN Women.
- _____. 2014a. "A Gender Perspective on the Impact of Drug Use, the Drug Trade, and Drug Control Regimes." Policy Brief for UN Task Force on Transnational Organized Crime and Drug Trafficking as Threats to Security and Stability. New York: UN Task Force on Transnational Organized Crime and Drug Trafficking as Threats to Security and Stability.
- _____. 2014b. *The Global Economic Crisis and Gender Equality.* New York: UN Women.
- _____. 2015a. *Progress of the World's Women 2015–2016. Transforming Economies, Realizing Rights.* New York: UN Women.
- _____. 2015b. "Protecting Women's Income Security in Old Age: Toward Gender-Responsive Pension Systems." UN Women Policy Brief No. 3. New York: UN Women.
- _____. 2016. *Tackling the Gender Pay Gap: From Individual Choices to Institutional Change.* New York: UN Women.
- _____. 2017a. "Historic day for women in Lebanon as Parliament repeals rape law." August 18. Accessed 22 April 2019. <http://www.unwomen.org/en/news/stories/2017/8/news-lebanon-parliament-repeals-rape-law>.
- _____. 2017b. "Jordanian Parliament abolishes law that allowed rapists to avoid prosecution by marrying their victims." 4 August. Accessed 22 April 2019. <http://www.unwomen.org/en/news/stories/2017/8/news-jordanian-parliament-abolishes-law-that-allowed-rapists-to-avoid-prosecution>.
- _____. 2017c. *Progress of Women in Latin America and the Caribbean 2017.* Panama City: UN Women.
- _____. 2017d. *Women Migrant Workers in the ASEAN Economic Community.* Bangkok: UN Women.
- _____. 2018a. *In Brief: Policies and Practice – A Guide for Gender-Responsive Implementation of the Global Compact for Migration.* New York: UN Women.
- _____. 2018b. "In Focus: Creating Fiscal Space for Gender Equality Investments". In *Turning Promises into Action: Gender equality in the 2030 Agenda for Sustainable Development.* New York: UN Women, pp. 245–253.
- _____. 2018c. "Prospects for Ending Child Marriage in Africa: Implications on Legislation, Policy, Culture and Interventions." Executive Brief. New York: UN Women.
- _____. 2018d. *The Centrality of Gender Equality and Women's Empowerment for the Formulation of the Global Compact on Refugees.* New York: UN Women.
- _____. 2018e. *Turning Promises into Action: Gender Equality in the 2030 Agenda for Sustainable Development.* New York: UN Women.
- _____. Forthcoming. *Policies and Practice: A Guide to the Gender-Responsive Implementation of the Global Compact for Migration.* New York: UN Women.
- _____. and ILO. 2016. *Worker, Helper, Auntie, Maid? Working Conditions and Attitudes Experienced by Migrant Domestic Workers in Thailand and Malaysia.* Bangkok: UN Women and ILO.
- _____. and OHCHR. 2014. *Latin American Model Protocol for the Investigation of Gender-Related Killings of Women (Femicide/Feminicide).*
- _____. and World Bank. 2018. *Spotlight on Goal 1: Gender Differences in Poverty and Household Composition through the Life Cycle.* Washington, DC: World Bank.
- _____. ILO, UNESCO, UNFPA, OHCHR and WHO (World Health Organization). 2015. *A Framework to Underpin Action to Prevent Violence Against Women.* New York: UN Women.
- _____. UNFPA, WHO, UNDP, UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime), Australian Aid, Spanish Cooperation and EMAKUNDE. 2015. "Module 1: Overview and Introduction." In *Essential Services Package for Women and Girls Subject to Violence: Core Elements and Quality Guidelines.* New York: UN Women.
- _____. and World Bank. Forthcoming. "World Bank's Global Monitoring Database (GMD) 2019 update."
- UNDP (United Nations Development Programme). 2009. *Human Development Report 2009: Overcoming Barriers – Human Mobility and Development.* New York: Palgrave Macmillan.
- UNECE (United Nations Economic Commission for Europe). 2011. *Measurement of Different Emerging Forms of Households and Families.* New York and Geneva: United Nations.
- _____. 2015. *Conference of European Statisticians: Recommendations for the 2020 Censuses of Population and Housing.* New York and Geneva: United Nations.
- _____. Working Group on Ageing. 2017. *Synthesis Report on the implementation of the Madrid International Plan of Action on Ageing in the ECE Region between 2012 and 2017.* ECE/AC.30/2017.
- _____. and UNFPA. 2018. *Fulfilling the Potential of Present and Future Generations: Report on ICPD Programme of Action Implementation in the UNECE Region.* New York and Geneva: UNFPA and UNECE.
- UNESCO (United Nations Educational, Cultural and Scientific Organization). 2015a. *EFA Global Monitoring Report 2015: Education for All 2000–2015 – Achievements and Challenges.* Paris: UNESCO.
- _____. 2015b. *Emerging Evidence, Lessons and Practice in Comprehensive Sexuality Education: A Global Review.* Paris: UNESCO.
- _____. 2016. *Global Education Monitoring Report 2016: Education for People and Planet – Creating Sustainable Futures for All.* Paris: UNESCO.
- _____. 2017. *Situation Analysis of Out-of-School Children in Nine South-east Asian Countries.* Bangkok: UNESCO Bangkok.
- _____. 2018. *International Technical Guidance on Sexuality Education: An Evidence-Informed Approach.* Paris: UNESCO.
- _____. Institute for Statistics. 2018. "UIS.Stat Database." Accessed 13 February 2019. <http://data.uis.unesco.org/>.
- UNFPA (United Nations Population Fund). 2012. *Marrying Too Young. Ending Child Marriage.* New York: UNFPA.
- _____. 2017a. *State of World Population 2017: Worlds Apart: Reproductive Health and Rights in an Age of Inequality.* New York: UNFPA.
- _____. 2017b. *Worlds Apart: Reproductive health and rights in an age of inequality. State of the World Population Report.* New York: UNFPA.

- _____. 2018. *The Power of Choice: Reproductive rights and the demographic transition. The State of World Population 2018*. New York: UNFPA.
- UNHCR (UN Refugee Agency). 2013. *The Future of Syria: Refugee Children in Crisis*. Geneva: UNHCR.
- _____. 2014. *Children on the Run: Unaccompanied Children Leaving Central America and Mexico and The Need For International Protection*. Geneva: UNHCR.
- _____. 2018a. *Global Trends: Forced Displacement in 2017*. Geneva: UNHCR.
- _____. 2018b. "Operational Portal, Refugee Situations." Accessed 11 April 2019. https://data2.unhcr.org/en/situations/syria#_ga=2.265545158.870347695.1541702841-1143471820.1541525613.
- UNICEF (United Nations Children's Fund). Various Years. Multiple Indicator Cluster Surveys. Accessed 29 May 2019. <http://mics.unicef.org>.
- _____. 2007. *The State of the World's Children 2007*. New York: UNICEF.
- _____. 2013. *Female Genital Mutilation/Cutting: A Statistical Overview and Exploration of the Dynamics of Change*. New York: UNICEF.
- _____. 2014 "More than 3 Million Children in Thailand Do Not Live with Their Parents: UNICEF." Accessed 14 February 2019. https://www.unicef.org/media/media_73914.html.
- _____. 2015. *Early Marriage: A Harmful Traditional Practice – A Statistical Exploration*. New York: UNICEF.
- _____. 2017a. *A Familiar Face: Violence in the Lives of Children and Adolescents*. New York: UNICEF.
- _____. 2017b. Global databases 2017 based on Multiple Indicator Cluster Surveys (MICS), Demographic and Health Surveys (DHS) and other national household surveys, last updated December 2017. Accessed 24 May 2019. <https://data.unicef.org/topic/education/secondary-education/>.
- _____. 2018a. *Child Marriage: Latest Trends and Future Prospects*. Accessed 17 April 2019. <https://data.unicef.org/resources/child-marriage-latest-trends-and-future-prospects/>.
- _____. 2018b. "Latest Statistics and Graphics on Refugee and Migrant Children." Accessed 12 April 2019. <https://www.unicef.org/eca/emergencies/latest-statistics-and-graphics-refugee-and-migrant-children>.
- _____. 2019a. *Fast Facts: Syria Crisis March 2019*. New York: UNICEF.
- _____. 2019b. Global databases 2019 based on MICS, DHS and other nationally representative sources, 2011–2018.
- _____. Middle East and North Africa Regional Office and ICRW (International Center for Research on Women). 2017. *Child Marriage in the Middle East and North Africa*. Amman: UNICEF and IRCW.
- _____. and REACH. 2017. *Children on the Move in Italy and Greece*. Accessed 3 May 2019. <https://www.unicef.org/eca/reports/children-move-italy-and-greece>.
- _____. and WHO. 2018. "Skilled birth delivery (SBA) Joint UNICEF/WHO database." Accessed 3 June 2019. 3 June 2019. <https://data.unicef.org/topic/maternal-health/delivery-care/>
- UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime). 2018. *Global Study on Homicide: Gender-Related Killing of Women and Girls*. Vienna: UNODC.
- UNRISD (United Nations Research Institute for Social Development). 2010. "Chapter 7: Care and Well-Being in a Development Context." In *Combating Poverty and Inequality*, Geneva: UNRISD, pp. 185–204.
- UNSD (United Nations Statistics Division). 2017. *SDG Indicators Global Database*. Accessed October 2017. <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/database/>.
- _____. 2018. *Global SDG Indicators Database*. Accessed 20 March 2019. <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/database/>.
- U.S. Department of Labor. Undated. Bureau of Labor Statistics. "American Time Use Survey." Accessed 26 March 2019. <https://www.bls.gov/tus/>.
- U.S. DHS (United States Department of Health and Human Services), Office of Inspector General. 2019. *Separated Children Placed in Office of Refugee Resettlement Care*. HHS OIG Issue Brief. Accessed 13 May 2019. <https://oig.hhs.gov/oei/reports/oei-BL-18-00511.pdf>.
- United States Social Security Administration. 2017. "Kazakhstan Country Summary." In *Social Security Programmes Throughout the World: Asia and the Pacific, 2016*. Washington, DC: U.S. Social Security Administration.
- _____. 2018. "Russia Country Summary." In *Social Security Programmes Throughout the World: Europe, 2018*. Washington, DC: U.S. Social Security Administration.
- USC Program on Global Aging, Health & Policy. 2014. "Gateway to Global Aging Microdata." Accessed 22 March 2019. <https://g2aging.org/index.php>.
- Uy-Tioco, C. 2007. "Overseas Filipino Workers and Text Messaging: Reinventing Transnational Mothering." *Continuum* 21 (2), pp. 253–265.
- Van Hear, N., O. Bakewell and K. Long. 2018. "Push-Pull Plus: Reconsidering the Drivers of Migration." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 44 (6), pp. 927–944.
- Varia, N. 2011. "Sweeping Changes? A Review of Recent Reforms on Protections for Migrant Domestic Workers in Asia and the Middle East." *Canadian Journal of Women and the Law* 23 (1), pp. 265–287.
- Varley, A. 1996. "Women Heading Households: Some More Equal than Others?" *World Development* 24 (3), pp. 505–520.
- Velasco, M. 2017. "Cuidado Infantil en Ecuador: ¿Derechos en Conflicto?" Background Paper for the Research and Data Section. New York: UN Women.
- Vetten, L. 2017. "Families in a Changing World: Action for Women's Rights." Background paper prepared for the *Progress of the World's Women Report 2019–2020*. New York: UN Women.
- Vobecká, J., W. Butz and G. C. Reyes. 2013. *Population Trends and Policies in the UNECE Region: Outcomes, Policies and Possibilities*. UNFPA and IIASA (International Institute for Applied Systems Analysis).
- Voolma, H. 2018a. "'I Must Be Silent Because of Residency': Barriers to Escaping Domestic Violence in the Context of Insecure Immigration Status in England and Sweden." *Violence against Women* 24 (15), pp. 1830–1850.
- _____. 2018b. "'Love is Not a Passport to Sweden': Intimate Partner Violence against Migrant Women and the Proliferation of Rights' Statuses." UN Women Discussion Paper Series No. 24. New York: UN Women.
- Vyas, S. and L. Heise. 2016. "How Do Area-Level Socioeconomic Status and Gender Norms Affect Partner Violence against Women? Evidence from Tanzania." *International Journal of Public Health* 61 (8), pp. 971–980.
- Vyas, S. and C. Watts. 2009. "How Does Economic Empowerment Affect Women's Risk of Intimate Partner Violence in Low and Middle Income Countries? A Systematic Review of Published Evidence." *Journal of International Development* 21, pp. 577–602.
- Wachter, K., R. Horn, E. Friis, K. Falb, L. Ward, C. Apio, C., S. Wanjiku and E. Puffer. 2018. "Drivers of Intimate Partner Violence against Women in Three Refugee Camps." *Violence Against Women* 24 (3), pp. 286–306.
- Walby, S. 1990. *Theorizing Patriarchy*. Oxford: Basil Blackwell.
- _____. 2004. *The Cost of Domestic Violence*. London: Women & Equality Unit, Department of Trade and Industry.
- _____. 2009. "The Cost of Domestic Violence: Up-date 2009." Lancaster, UK: Lancaster University.
- Walmsley, R. 2017. *World Female Imprisonment List: Women and Girls in Penal Institutions, Including Pre-Trial Detainees/Remand Prisoners*. 4th Edition. London: Institute for Criminal Policy Research.
- Walther, C. 2013. "Same-Sex Couples' Construction of Census Categories." In *International Handbook on the Demography of Sexuality*. A. K. Baumle (Ed.). New York: Springer, pp. 403–416.

- Warren, T. 2006. "Moving Beyond the Gender Wealth Gap: On Gender, Class, Ethnicity, and Wealth Inequalities in The United Kingdom." *Feminist Economics* 12 (1–2), pp. 195–219.
- Weldon, S. L. and M. Htun. 2013. "Feminist Mobilisation and Progressive Policy Change: Why Governments Take Action to Combat Violence against Women." *Gender & Development* 21 (2), pp. 231–247.
- West, C. and D. H. Zimmerman. 1987. "Doing Gender." *Gender and Society* 1, pp. 125–151.
- White J., T. F. Martin and S. K. Bartolic. 2013. *Families Across the Life Course*. Ontario: Pearson Education Canada.
- White, D. R. 1988. "Rethinking Polygyny: Co-Wives, Codes, and Cultural Systems." *Current Anthropology* 29(4), pp. 529–572.
- White, S. C. 2017. "Patriarchal Investments: Marriage, Dowry and the Political Economy of Development in Bangladesh." *Journal of Contemporary Asia* 47 (2), pp. 247–272.
- Whitehead, A. 1991. "Rural Women and Food Production in Sub-Saharan Africa." In *The Political Economy of Hunger, Vol. 1 Entitlement and Well-Being*. J. Dreze and A. Sen (Eds.). Oxford, Clarendon Press, pp. 425–464.
- _____. 2009. "The Gendered Impacts of Liberalization Policies." In *The Gendered Impacts of Liberalization: Towards 'Embedded Liberalism'*. S. Razavi (Ed.). New York: Routledge, pp. 37–62.
- _____. and D. Tsikata. 2003. "Policy Discourses on Women's Land Rights in Sub-Saharan Africa: The Implications of the Re-turn to the Customary." *Journal of Agrarian Change* 3 (1–2), pp. 67–112.
- WHO (World Health Organization). 2014a. *Ensuring Human Rights in the Provision of Contraceptive Information and Services: Guidance and Recommendations*. Geneva: WHO.
- _____. 2014b. WHO Global Health Expenditure Atlas: September 2014. Geneva: WHO.
- _____. 2015. *World Report on Ageing and Health*. Geneva: WHO.
- _____. 2016. "Health Workforce Requirements for Universal Health Coverage and the Sustainable Development Goals." *Human Resources for Health Observer*, Issue 17. WHO, Geneva.
- _____. 2017. *Towards Long-Term Care Systems in Sub-Saharan Africa*. Geneva: WHO.
- _____. 2018a. Global Health Observatory. Final data retrieved between July and October 2018. <https://www.who.int/gho/en/>.
- _____. 2018b. *Report on the Health of Refugees and Migrants in the WHO European Region: No Public Health without Refugee and Migrant Health*. Copenhagen: WHO.
- _____. Undated. Global Abortion Policies Database. Accessed 14 May 2019. www.srhr.org/abortion-policies.
- _____. and London School of Hygiene & Tropical Medicine and MRC (South African Medical Research Council). 2013. *Global and Regional Estimates of Violence against Women: Prevalence and Health Effects of Intimate Partner Violence and Non-Partner Sexual Violence*. Geneva: WHO.
- _____. and UNICEF (United Nations Children's Fund). 2017. *Progress on Drinking Water, Sanitation and Hygiene: 2017 Update and SDG Baselines*. Geneva: WHO and UNICEF.
- _____. UNICEF (United Nations Children's Fund), UNFPA (United Nations Population Fund) and World Bank Group. 2015. *Trends in Maternal Mortality: 1990–2015: Estimates by WHO, UNICEF, UNFPA, World Bank Group and the United Nations Population Division*. Geneva, Switzerland: WHO.
- WIEGO (Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing). 2016. *Our Children Do Not Get the Attention they Deserve: A Synthesis of Research Findings on Women Informal Workers and Child Care from Six Membership-Based Organizations*. Cambridge, MA: WIEGO.
- Williams Veazey, L. 2018. "Navigating the Intersections of Migration and Motherhood in Online Communities: Digital Community Mothering and Migrant Maternal Imaginaries." PhD Thesis. Sydney: Faculty of Arts and Social Sciences, University of Sydney.
- Williamson, L. M., A. Parkes, D. Wight, M. Petticrew and J. G. Hart. 2009. "Limits to Modern Contraceptive Use among Young Women in Developing Countries: A Systematic Review of Qualitative Research." *Reproductive Health* 6 (1), pp. 3.
- Wodon, Q., C. Montenegro, H. Nguyen and A. Onagoruwa. 2018. "Missed Opportunities: The High Cost of Not Educating Girls." The Cost of Not Educating Girls Notes Series. Washington, DC: World Bank.
- Wodon, Q., P. Tavares, O. Fiala, A. Le Nestour and L. Wise. 2017. *Ending Child Marriage: Legal Age for Marriage, Illegal Child Marriages, and the Need for Interventions*. London and Washington, DC: Save the Children and World Bank.
- Women's Aid. 2017. *The Femicide Census: 2017 Findings – Annual Report on UK Femicides 2017*. England: Women's Aid and NIA.
- Women's Refugee Commission. 2016. *A Girl No More: The Changing Norms of Child Marriage in Conflict*. New York: NoVo Foundation, Canada.
- Wood, S. Y., D. Rogow and F. Stines. 2015. "Preparing Teachers to Deliver Gender-Focused Sexuality/HIV Education: A Case Study from Nigeria." *Sex Education* 15 (6), pp. 671–685.
- World Bank. 2013. *Opening Doors: Gender Equality and Development in the Middle East and North Africa*. Washington, DC: World Bank.
- _____. 2016. *World Health Organization Global Health Expenditure database*. Accessed 28 May 2019. <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.PC.CD?locations=RW>.
- _____. 2017a. *Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks*. A World Bank Indonesia Report. Jakarta and Washington, DC: World Bank Group. Accessed 25 March 2019. <http://documents.worldbank.org/curated/en/946351511861382947/pdf/121691-Indonesias-Global-Workers-Juggling-Opportunities-Risks.pdf>.
- _____. 2017b. *Migrating to Opportunity: Overcoming Barriers to Labor Mobility in Southeast Asia*. Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development/ World Bank.
- _____. 2018a. "Global Civil Registration and Vital Statistics." Brief. 8 February. Accessed 4 April 2019. <https://www.worldbank.org/en/topic/health/brief/global-civil-registration-and-vital-statistics>.
- _____. 2018b. "The Global Findex Database 2017." Accessed 5 March 2019. <https://globalfindex.worldbank.org/>.
- _____. 2018c. *Piecing Together the Poverty Puzzle*. Washington, DC: World Bank and ILO.
- _____. 2018d. *PovcalNet: An online analysis tool for global poverty monitoring*.
- _____. 2018e. *Women, Business and the Law*. Accessed 11 January 2019. <https://wbl.worldbank.org/#>.
- _____. 2018f. World Development Indicators.
- _____. 2019a. "Microdata Library." Accessed 3 June 2019. <http://microdata.worldbank.org/index.php/home>.
- _____. 2019b. "Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook." Migration and Development Brief 31. World Bank, Washington, DC.
- _____. 2019c. *Women, Business and the Law*. Washington, DC: World Bank.
- _____. 2019d. "World Bank Country and Lending Groups." Accessed 22 April 2019. <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups>
- Wouterse, F., 2016. "The Distribution of Power and Household Behavior: Evidence from Niger." IFPRI Discussion Paper 01548. Washington, DC: IFPRI.
- Wu, W. J., S. Maru, K. Regmi and I. Basnett. 2017. "Abortion Care in Nepal, 15 Years after Legalization: Gaps in Access, Equity, and Quality." *Health and Human Rights Journal* 19 (1), pp. 221–230.
- Wu, Y. and D. Zhou. 2015. "Women's Labor Force Participation in Urban China, 1990–2010." *Chinese Sociological Review* 47 (4), pp. 314–342.

- Yeates, N. 2004. "Global Care Chains." *International Journal of Feminist Politics* 6 (3), pp. 369–391.
- _____. 2009a. *Globalizing Care Economies and Migrant Workers: Explorations in Global Care Chains*. New York: Palgrave Macmillan.
- _____. 2009b. "Migration and Nursing in Ireland: An Internationalist History." *Translocations: Migration and Social Change* 5 (1).
- _____. 2010. "The Globalization of Nurse Migration: Policy Issues and Responses." *International Labour Review* 149 (4), pp. 423–440.
- Yeoh, B. S. A., H. L. Chee and G. H. Y. Baey. 2013. "The Place of Vietnamese Marriage Migrants in Singapore: Social Reproduction, Social 'Problems' and Social Protection." *Third World Quarterly* 34 (10), pp. 1927–1941.
- Yogyakarta Principles, The. 2006. Accessed 13 May 2019. <http://yogyakartaprinciples.org/>.
- Yoon, J. 2014. "Counting Care Work in Social Policy: Valuing Unpaid Child- and Eldercare in Korea." *Feminist Economics* 20 (2), pp. 65–89.
- Yoong, J., L. Rabinovich and S. Diepeveen. 2012. *The Impact of Economic Resource Transfers to Women versus Men: A Systematic Review*. London: EPPI-Centre, Social Science Research Unit, Institute of Education, University of London.
- Yoshikawa, H. and S. Kabay. 2014. "The Evidence Base on Early Childhood Care and Education in Global Contexts." Background paper for *EFA Global Monitoring Report 2015: Education for All 2000–2015 – Achievements and Challenges*. Paris: UNESCO.
- Yount, K. M., A. Crandall, Y. F. Cheong, T. L. Osypuk, L. M. Bates, R. T. Naved and S. R. Schuler. 2016. "Child Marriage and Intimate Partner Violence in Rural Bangladesh: A Longitudinal Multilevel Analysis." *Demography* 53(6), pp. 1821–1852.
- Zentgraf, K. M. and N. Stoltz Chinchilla. 2012. "Transnational Family Separation: A Framework for Analysis." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 38 (2), pp. 345–366.
- Zlotnik, H. 1995. "Migration and the Family: The Female Perspective." *Asian and Pacific Migration Journal* 4 (2–3), pp. 253–271.
- _____. 2003. "The Global Dimension of Female Migration." Accessed 5 February 2019. <https://www.migrationpolicy.org/article/global-dimensions-female-migration>.

«ООН-ЖЕНЩИНЫ»

«ООН-женщины» — структура Организации Объединенных Наций, созданная в целях продвижения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. Как глобальная организация, отстаивающая права женщин и девочек, «ООН-женщины» призвана ускорить повышение качества их жизни во всем мире.

Структура «ООН-женщины» оказывает поддержку государствам — членам ООН в установлении международных стандартов для достижения гендерного равенства, сотрудничает с правительствами стран и организациями гражданского общества при разработке законов, политических норм, программ и услуг, необходимых для реализации этих стандартов. Ее деятельность заключается в отстаивании равноправного участия женщин во всех аспектах жизни, при этом основное внимание уделяется пяти приоритетным областям, включая усиление руководящей роли женщин и их участия, искоренение насилия в отношении женщин, вовлечение женщин во все аспекты процессов мирного урегулирования конфликтов и обеспечения безопасности, расширение экономических прав и возможностей женщин и актуализацию вопросов гендерного равенства с точки зрения национального развития, планирования и составления бюджета. Структура «ООН-женщины» также координирует деятельность системы ООН в продвижении гендерного равенства и выполняет пропагандистские функции.

Планета 50-50 к 2030 году
Мы выступаем за гендерное равенство

Штаб-квартира
Структуры "ООН-женщины",
Нью-Йорк, США

220 East 42nd Street,
New York, NY 10017, USA
Тел.: 646-781-4400
Факс: 646-781-4444

eca.unwomen.org/ru
facebook.com/unwomen.centralasia
twitter.com/un_women
youtube.com/unwomen
flickr.com/unwomen
ok.ru/unwomen